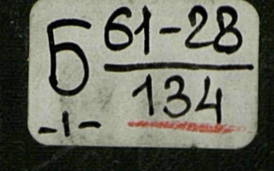

ДНЕВНИК
П. А. Валуева
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
1861-1864 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ДНЕВНИК П. А. ВАЛУЕВА

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

в двух томах

ТОМ I

1861–1864 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА – 1961

Редакция, введение,
биографический очерк и комментарии
проф. П. А. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

Текст подготовлен к печати
М. Г. ВАНДАЛКОВСКОЙ
и К. М. ПЛАТОНОВОЙ

От редактора

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел Александра II, представляет большой интерес не только для специалистов — историков и литературоведов, но и для широкого круга читателей. В нем довольно подробно освещена правительственная деятельность 1861—1876 гг.

Этот период истории России, как известно, насыщен чрезвычайно важными историческими событиями. Отмена крепостного права, осуществленная в 1861 г., означала утверждение в России капиталистической формации. В свою очередь крестьянская реформа заставила правительство, особенно под влиянием новой волны «общественного возбуждения и революционного натиска» [1], осуществлять ряд преобразований означавших шаг по пути превращения России в буржуазную монархию [2].

Спад массового революционного движения с середины 60-х годов дал возможность правительству отказаться от проведения дальнейших преобразований и стать на путь открытой реакции. Поводом для этого послужило покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

В дальнейшем вплоть до конца 70-х годов — начала второй революционной ситуации — правительственная политика характеризуется стремлением сузить и обкарнать осуществленные буржуазные преобразования, усилить административно-полицейский гнет.

Сохранение в стране феодально-крепостнических пережитков, главным образом помещичьего землевладения и самодержавия, вызывает к жизни мощное революционно-демократическое движение, вождями которого были Н. Г. Чернышевский

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30.
[2] В. И. Ленин Соч., т. 17, стр. 95

и А. И. Герцен. В 70-е годы это движение приобретает некоторые новые черты, становится более массовым. На арену политической борьбы впервые выступает рабочий класс, создавший свои первые организации.

Такова вкратце историческая обстановка, о которой пишет в своем дневнике П. А. Валуев.

Среди дневников и воспоминаний государственных деятелей России XIX столетия дневники Валуева занимают одно из первых мест. Будучи крупным сановником империи, Валуев знал то, что было неизвестно многим, поэтому мы находим у него ценные сведения по внутренней и внешнеполитической истории России.

Наибольший интерес представляют записи первой половины 60-х, а также конца 70 — начала 80-х годов, когда Валуев играл первостепенную роль в осуществлении политики правительства.

В дневнике освещается достаточно полно последний период подготовки отмены крепостного права — обсуждение проекта Положений 19 февраля в Государственном совете. Приводятся данные об опубликовании манифеста в Петербурге, свидетельствующие о боязни народного восстания в правительственных кругах. В записях за вторую половину 1861, 1862 и 1863 гг. Валуев освещает ход реализации крестьянской реформы, вскрывая разброд и тревогу, царившие в правительственном лагере в этот период.

Здесь же содержатся сведения о подготовке других буржуазных преобразований, главным образом земской реформы. Особенно ценным является то, что автор не ограничивается изложением официального обсуждения проектов в тех или иных высших государственных учреждениях, а приоткрывает закулисную сторону разногласий внутри правительственного лагеря вокруг подготовляемых преобразований, сообщает интересные сведения о суждениях Александра II, императрицы и некоторых крупных сановников. Много места отводится в дневнике событиям в Польше, росту национально-освободительного движения и правительственным мерам, направленным на его подавление. Занимая в польском вопросе позицию, несколько отличающуюся от официальной, и признавая необходимость известных уступок в решении национального вопроса, Валуев весьма критически относится к действиям властей. Особое внимание он уделяет событиям 1863 г. в Польше, подробно характеризуя правительственные меры, направленные на подавление восстания, в частности, много говорится о деятельности виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева.

Революционно-демократическое движение 60-х годов также освещается на страницах дневника. Приводится ряд сведе-

ний о деятельности революционных кружков, распространении прокламаций и тех или иных революционных выступлениях. Сообщаются новые детали о Чернышевском, его аресте, организации над ним процесса, о роли провокатора Костомарова и т. д. Значительно меньшее место в дневнике отводится вопросам внешней политики и излагаются они преимущественно лишь в связи с событиями в Польше и восточным кризисом середины 70-х годов. Понимание Валуевым восточного вопроса было, кстати сказать, весьма поверхностным.

Все эти события рассматриваются в дневнике, естественно, сквозь призму восприятия крупного сановника, близкого к императору Александру II, которому он служил верой и правдой. Являясь убежденным сторонником самодержавно-дворянской монархии, Валуев вместе с тем как умный и прозорливый человек понимал возможность гибели этого строя. Поэтому действия правительства расцениваются Валуевым далеко не апологетически, суждения его полны скептицизма.

При этом нельзя забывать, что оценки тех или иных деятелей (Н. А. и Д. А. Милютиных, Горчакова и др.) далеко не всегда беспристрастны. Читая дневник, нельзя не учитывать еще одной особенности автора — его любви к красивой фразе.

Однако эти недостатки, снижая несколько ценность дневника, все же не умаляют его значения как первоклассного исторического источника.

Большим достоинством дневника является фактическая достоверность, погрешности в этом отношении весьма невелики. Так, в описании хода обсуждения какого-либо вопроса в Государственном совете иногда не совсем точно приводится число лиц, подавших голос за то или иное предложение (например, 27 вместо 28 и т. д.).

Если события отражаются в дневнике верно, то оценка их, естественно, субъективна. Автор не просто рассказывает о тех или иных явлениях, а старается изобразить их в определенном свете, убедить читателя в справедливости своей оценки. К тому же дневник, как это обычно бывает, носит апологетический характер — деятельность и поступки Валуева рисуются в нем лишь в положительном плане. Для автора характерен скептический тон, о многом он говорит иронически. «Элементарная основа его настроений, — писал А. Е. Пресняков о Валуеве, — отсутствие веры в прочность и какую-либо значительность той государственной системы, которой он всю жизнь служил как умный и дельный слуга» [3].

Публикуемая часть дневника почти целиком относится

---

[3] «Дела и дни», Пг., 1921, кн. 2, стр. 227.

к периоду деятельности Валуева в качестве министра внутренних дел с 1861 по 1868 г. За 1870—1871 гг. дневниковые записи вовсе отсутствуют, за 1869 г., а также за период 1872—1876 гг.— весьма незначительны по объему.

Дневник издается в двух томах: т. I — 1861—1864 гг., т. II — 1865—1876 гг.

В первом томе, кроме введения, публикуется биографический очерк П. А. Валуева, характеризующий его взгляды, служебную деятельность, а также литературное наследие.

Хранится дневник П. А. Валуева в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в коллекции отдела рукописей библиотеки Зимнего дворца, ф. 728, д. 2587, кн. 3—8.

* * *

Дневник представляет собой действительно подневные записи, а не воспоминания в форме дневника. «Дневник писался ввиду и среди событий, — отмечает Валуев в «Предисловной заметке» к «Отрывкам из дневника». — Я вносил в него свои впечатления, наблюдения и мысли в тех именно формах и выражениях, которые в данную минуту мне казались наиболее точными, определительными, моему настроению соответственными, и вообще так сказать в отношении к другим и ко мне самому правдивыми» [4].

Возможно, что дошедший до нас оригинал не является первым вариантом. В нем отсутствуют существенные поправки и вставки. Это дает возможность предположить, что первоначально записи производились начерно, что они не всегда делались в этот же день, а иногда за несколько дней сразу. Об этом свидетельствуют некоторые фактические погрешности, которые не могли бы иметь место при каждодневной записи.

Первоначальный текст дневника подвергался Валуевым дальнейшей переработке. В 1868 г., после ухода с поста министра внутренних дел, он приступает к работе над вторым вариантом, который называет «Отрывками из дневника» [5]. Сам Валуев, как он указывает в «Предисловной заметке» к «Отрывкам из дневника», рассматривал свою работу как комментирование уже сделанных записей.

«...Многое в дневнике, — писал Валуев в «Предисловной заметке»,— недосказано или не пояснено. Многое мне самому

---

[4] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. № 1, д. 1, т. I, л. 1.

[5] «Отрывки из дневника» хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде в фонде П. А. Валуева, № 908, д. 1, т. I; д. 2, т. 2.

по прошествии некоторого времени может представиться ошибочным, неверным или неточным» [6].

Переработка текста дневника производилась им начиная с записей за 1861 год.

В «Отрывках» Валуев переписал лишь то, что, по его мнению, могло «иметь исторический интерес». Записи, имевшие второстепенное значение, в «Отрывки» не включались. При этом Валуев указывал, что «выписки будут буквальные», подтверждением чего «будут служить подлинные томы дневника» [7].

«Прежде всего,— писал он,— я желаю сохранить за «Отрывками из дневника» те свойства подлинности, современности и точности, которые им несомненно принадлежат» [8].

Следовательно, переработка текста выражалась в исключении записей о событиях, не представлявших исторического интереса, и в комментировании записей, нуждавшихся в разъяснении. Для этого Валуев составлял комментарии, или, как он называл, «примечания», порой весьма обширные.

«...Чтобы присвоить и этим примечаниям ту определительность в отношении к времени их составления, которая принадлежит всем частям дневника,— писал Валуев,— я буду обозначать под каждым из них, где именно и когда именно оно мною написано» [9].

Действительно, все эти примечания сделаны за границей, датированы определенным числом 1868 г. Однако анализ основного текста дневника и его варианта — «Отрывков» — показывает, что Валуев отступил от намеченного плана.

Во-первых, он, руководствуясь политическими соображениями, вносит изменения в основной текст и исключает некоторые записи. Так, в публикуемом нами тексте за 1861 —1864 гг. вырезано 12 листов, относящихся преимущественно к 1863 г. [10] При этом на листе 257 (оборот) против записи за 13 и 14 марта 1863 г. Валуевым сделана вставка в виде вклейки следующего содержания: «Несколько страниц мною уничтожено, потому что некоторые из заключавшихся в них сведений надлежат забвению в интересах России» [11]. Мы не будем гадать, к чему могли относиться эти уничтоженные Валуевым строки, ясно одно: они компрометировали не Россию, а правительство императора

---

[6] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 1, т. I, лл. 1 об.— 2.
[7] Там же, л. 1 об.
[8] Там же, л. 1.
[9] Там же, л. 2.
[10] Уничтожение текста путем вырезки отдельных листов дневника имеет место главным образом в записях за первую половину 1860-х годов.
[11] См. ниже, стр. 210—211.

Александра II, что, как известно, далеко не одно и то же. Часть уничтоженного в первом варианте текста Валуев воспроизводит в «Отрывках», по-видимому, в измененной редакции.

Надо сказать, что утверждение Валуева о том, что выписки его из дневника воспроизводятся в «Отрывках» буквально, без всяких изменений, также не совсем точно. Во-первых. он вносит в текст некоторые незначительные поправки, имеющие характер пояснения. Например, в записи за 2 января 1861 г. слова «дам из модных магазинов» заменены словом «модисток». В записи 17 апреля 1861 г. после фамилии Нессельроде написано в скобках «сын». В записи 21 декабря 1862 г. после упоминания о приезде в Петербург принца Баденского сделана вставка: «приехавшего для бракосочетания с княжною Марией Максимилиановной». В записи 15 марта 1862 г. Валуев следующей фразой дополняет характеристику бывшего министра иностранных дел канцлера Нессельроде: «Он родился от германских родителей, в Лиссабонском порту на английском корабле, крещен по англиканскому обряду».

В некоторых же случаях правка носит чисто стилистический характер.

Во-вторых, что более важно, Валуев опускает в «Отрывках» ряд мест, имеющих отнюдь не частный характер и не лишенных «исторической ценности». Так, в записи за 28 сентября 1862 г. в рассказе о назначении кн. Воронцова генерал-губернатором Одессы опущены следующие слова: «видно здесь влияние императрицы». В записи за 6 октября 1863 г. исключен абзац, где дается характеристика жандармского генерала Гильдебранта. «Встретился с ген. Гильдебрантом,— говорит Валуев,— который уверяет, что «Голос» — единственная газета, которую можно читать. Он до того под влиянием своей виленской катастрофы, что почти готов итти в шайку. Жандармский генерал! Один из тех, которых мнение принималось как данное в высших слоях администрации. Хороша администрация».

В других случаях опускаются отрицательные характеристики упоминаемых лиц. Так, в записи за 16 октября опущены слова: «Какая бездарная ограниченность», относящиеся к ген. Анненкову; в записи за 22 января 1862 г.— «Сомневаюсь насчет способностей Рейтерна».

Таким образом, текст «Отрывков» несколько отличается от первоначального. Дневники 1877—1883 гг. имели также второй вариант, к сожалению, несохранившийся, за исключением записей за 1880 год.

Дневники за 1847—1858 гг. нами не обнаружены и, вероятно, не сохранились. Основной текст, являющийся, по-видимому, первоначальным за 1859—1883 гг., составляет пять переплетенных книг in quarto. «Отрывки из дневника» 1861—1876 гг.

и копия второго варианта дневника за 1880 год, написанная сыном автора Н. П. Валуевым, хранятся в ЦГИАЛ, в фонде Валуева.

Издавать дневники Валуева начали еще в 1891 г., т. е. через год после смерти их автора. Еще при жизни рукопись дневника за 1847—1860 гг. была передана в журнал «Русская старина», на страницах которого и была опубликована. Публикации предпослано следующее предисловие от редакции: «В начале 1880-х гг. покойный граф П. А. Валуев передал нам в копии выдержки из своего «Дневника» за время с 1847 по 1860 г. включительно. Как увидят читатели, граф П. А. уже в 1847 г. был недоволен своим дневником. В позднейшие же годы граф предал уничтожению значительную часть прежнего дневника. Мы имели случай видеть оригинал, писанный в переплетенных томах небольшого in quarto. Вырезаны и сожжены были графом П. А. Валуевым не только начало (за 1845—1846 гг.), но и многие десятки листов из всей остальной первой части дневника, т. е. по 1861 г.» [12].

Действительно, за эти годы отсутствуют записи за ряд чисел, уничтоженные автором. В опубликованном в 1891 г. дневнике много пропусков, а также изменений текста. Так, например, опущены записи за 13, 24 октября, 2, 6 декабря 1859 г. и 2 марта, 8 ноября 1860 г. Ряд выражений, характеристик лиц и событий, по-видимому, смягчен. Фамилии во многих случаях заменены первыми буквами.

Таким образом, публикация далеко не соответствует оригиналу.

Дневники конца 70-х — начала 80-х годов публиковались на страницах журналов после революции 1905 года. Так, в январской книге журнала «Современник» за 1913 г. был помещен дневник за 1877—1879 гг.; за 1880 г.— в «Вестнике Европы» за 1907 г., кн. 1—3; отрывок за 1881 г.— в «Современнике» за 1915 г., кн. 4; наконец, отрывок за 1881—1884 гг.— в сборнике «О минувшем» (СПб., 1909).

Все эти публикации производились по сокращенной и не дошедшей до нас, за исключением 1880 г., редакции. И эта вторая сокращенная редакция была воспроизведена с некоторыми пропусками.

В 1919 г. в издательстве журнала «Былое» был опубликован дневник Валуева за 8 лет, с 1877 по 1884 г. В. Я. Богучарский-Яковлев и П. Е. Щеголев, подготовлявшие текст дневника, отмечали:

«Издание дневника графа П. А. Валуева (1877—1884) было задумано в 1913 г. В следующем году был сдан в печать текст,

---

[12] «Русская старина», 1891, кн. 5, стр. 167.

приготовленный по списку, сделанному с подлинника в 1906 г., и примечания. Не желая долее задерживать выпуска книги и ставить чрезмерно высокую цену ввиду неожиданно значительных размеров, издательство остановилось на мысли выдать в свет текст дневника (1877—1884) и примечания за 1877—1879 годы. В следующем выпуске будут даны примечания за остальные годы дневника (1880—1884 гг.), портрет и биографический очерк графа П. А. Валуева, а также исправления и дополнения к тексту, которые можно было установить только по сверке с подлинной рукописью, ставшей доступной редакции уже по отпечатании 19 листов книги. Впрочем, важнейшие пропуски в тексте, сделанные в книге, очевидно, по соображениям цензурного характера, восстановлены перед текстом дневника»[13].

Таким образом, как утверждает издательство, дневник печатался с копии, снятой с подлинника в 1906 г. Однако сопоставление печатного текста с подлинником говорит о другом. По-видимому, в 1906 г. копия была снята со второго варианта, подготовленного Валуевым к печати. Ею и пользовались издатели в 1919 г. для сверки с корректурой. При сопоставлении печатного текста с подлинником обнаруживается много пропусков, не указанных издателями. Отмеченные ими пропуски относились преимущественно к записям за 1882—1884 гг.; при сверке же дневника с подлинным первоначальным текстом оказывается, что пропуски в тексте относятся также и к началу 1881 г. Так, вовсе опущены записи за 6, 10, 12, 17, 18, 20, 24, 28 января, не говоря уже о том, что многие записи опубликованы со значительными сокращениями.

Надо отметить, что опущенный текст представляет большой интерес. Так, в записи за 14 января, весьма обширной по своему содержанию, даются характеристики Макову, Победоносцеву, Урусову и т. д. В записи за 3 февраля содержится рассказ об аресте чиновника III отделения с. е. и. в. канцелярии Клеточникова, являвшегося агентом Исполнительного Комитета «Народной воли». В записи за 9 февраля содержится характеристика гр. Лорис-Меликова. Кроме того, при сопоставлении публикаций с основным текстом дневника обнаруживаются разночтения. В записи за 23 сентября 1880 г. Валуев пишет, что у него были некоторые лица, в том числе и «хлыщ Богданович». В тексте слово «хлыщ» опущено.

Публикация вообще была подготовлена весьма небрежно, в ней допущено немало смысловых ошибок. Так, в записи за 15 февраля 1881 г. вместо «армянскому вопросу» напечатано

---

[13] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., редакция и примечания В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг., 1919, л. III.

«временному вопросу»; за 9 марта — вместо «объявить» напечатано «объяснить»; вместо «помехой» напечатано «пометкой»; за 28 мая 1881 г. вместо «переехали в Петергоф» напечатано «переехали в Петербург»; за 28 октября того же года вместо «считалось делом решенным» напечатано «считалось диким решением»; в записи за 27 февраля 1882 г. вместо «все цели» напечатано «все цепи»; за 17 марта того же года вместо «материализм в психологической области» напечатано «материализм в технической области». Иногда вследствие небрежности в подготовке текста мысли Валуева передавались в диаметрально противоположном смысле. Так, в записи за 7 апреля 1882 г. написано: «император Александр был однако же способен к другим взглядам». В публикации же говорится, что он «был однако не способен». Подобные примеры небрежности в подготовке текста можно было бы значительно умножить.

Публикация дневника за 1861—1864 гг. в настоящем издании производится по основному первоначальному тексту, значительно более полному, нежели второй вариант, именуемый автором «Отрывки из дневника». Однако, имея в виду, что в «Отрывках» содержатся подробные комментарии, разъясняющие и дополняющие те или иные вопросы, освещаемые в дневнике, а также отдельные редакционные поправки смыслового характера, мы используем их в публикации.

Таким образом, данная публикация представляется наиболее полной, включающей в себя текст первого варианта и дополнения, имеющиеся в «Отрывках». Дополнения к первому варианту следует подразделить на три группы. Наиболее существенными из них являются авторские комментарии, называемые им «примечаниями». Примечания, приводимые Валуевым во втором его варианте, переносятся в первый вариант. Примечания обозначены Валуевым в большинстве своем под номерами и помещены, как правило, в конце подневных записей. Наряду с этим некоторые примечания обозначены автором звездочкой или буквами. В отличие от первых они помещены под строкой, причем отсылка к ним делается после фразы, к которой они относятся. Вследствие обширности большинства примечаний, достигающих порой двух-трех и более страниц, все они помещаются нами в конце книги. В тексте комментарии редактора обозначаются цифрой в квадратных скобках, примечания Валуева—цифрой над строкой. Отсылка к примечаниям дается в соответствии с авторской разметкой. В конце каждого авторского примечания указывается дата его написания (в числителе по старому стилю, в знаменателе по новому, в некоторых случаях Валуев делает наоборот). Имея в виду, что официальным стилем в России являлся юлианский, а не григорианский, в целях унификации

первый указывается нами в числителе, второй — в знаменателе.

Вторую группу авторских дополнений составляет правка редакционного характера, поясняющая и уточняющая те или иные факты, содержащиеся в первоначальном варианте дневника. Они, за исключением не имеющих смыслового значения, приводятся в подстрочных примечаниях. В тех случаях, когда в «Отрывках» автор приводит другую редакцию, имеющую смысловое различие, ссылка дается по окончании фразы, являющейся первым вариантом.

Третью группу дополнений представляют собой подневные записи, содержащиеся в «Отрывках» и уничтоженные в первом варианте. В этих случаях дополнения с имеющимися в них подстрочными примечаниями Валуева включаются в основной текст в угловых скобках и оговариваются редакцией. Нами не публикуются приложения к «Отрывкам из дневника», так как эти материалы не относятся непосредственно к публикуемому основному варианту дневника. Указанные приложения состоят, во-первых, из записок официального характера, служебных писем и выписок из них шефа жандармов В. А. Долгорукова к П. А. Валуеву, датированных 1861, 1863 и 1864 гг., а также нескольких записок Валуева к В. А. Долгорукову. Эта переписка посвящена различным вопросам правительственной политики. Значительная часть ее написана на французском языке.

Во-вторых, из писем и выписок из них виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева к П. А. Валуеву, относящихся к 1863 г. и касающихся положения в литовских и белорусских губерниях и борьбы правительства с национально-освободительным движением. Они хранятся в фонде Валуева в ЦГИАЛ[14].

Публикация производится по новой орфографии, знаки препинания в случае ошибочной расстановки или отсутствия их ставятся в соответствии с современными синтаксическими правилами. Авторские многоточия, восклицательные и вопросительные знаки и абзацы воспроизводятся по оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором, кавычки и скобки сохраняются (подчеркивания передаются разрядкой). Авторские вставки, помещенные на полях и не содержащие помет о включении их в текст, вносятся в текст по смыслу и оговариваются в подстрочном примечании. Примечания автора, содержащиеся в основном варианте, помещаются под строкой, при этом в конце фразы в скобках указывается: *Прим. автора.*

---

[14] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 1, т. I, лл. 85—88; т. II, лл. 64—77, 120—122.

Сохраняются присущие эпохе и лично автору особенности написания отдельных слов (*фешионабельный, телеграмм, баталион, пиэса, ожиданный, эманципация* и т. д.), обозначения времени, например: 1/23, что означает половина третьего; сохраняются старые грамматические формы, например: *частию, целию, больною головою, на бале, на посте* и т. д., написание фамилий — Зеленый вместо Зеленой, Велопольский вместо Велепольский и географических терминов. Если же в тексте встречается различное начертание фамилий, то они унифицируются в соответствии с правильным их написанием.

Особенностью записей Валуева является весьма частое сокращение слов под титлами (напр., гдарь, мръ и т. д.) либо сокращение их. Эти слова дописываются нами без учета титлов. Если прочтение недописанного слова вызывает сомнение, то оно воспроизводится в квадратных скобках с вопросительным знаком. Общеупотребительные сокращения слов, обозначающие титулы, чины, род войск, географические термины и др. (вел. кн., бар., пр., ген.-ад., тайн. сов.) в тексте не раскрываются, кроме тех случаев, когда после чина или звания не следует фамилии, тогда они пишутся полностью. Окончания числительных (20-ть, 15-го), а также некоторые обозначения чисел, меры и веса, температуры, написанные в дневнике в виде знаменателя, пишутся в строку.

Пропуски букв, явные описки исправляются без оговорок. Пропущенные слова воспроизводятся в квадратных скобках. Заглавные буквы ставятся в соответствии с существующими правилами орфографии.

Пропуск в тексте вследствие уничтожения автором некоторых листов отмечается многоточиями, заключенными в квадратные скобки. В тех случаях, когда включаемые в текст дневниковые записи из «Отрывков» вместо уничтоженных автором в первом варианте являются логическим продолжением оборванной фразы, многоточие не ставится. Дополняемый текст заключается в угловые скобки, а перед скобками дается отсылка к подстрочному примечанию, в котором отмечается число уничтоженных листов.

Текст, написанный на иностранном языке, сопровождается русским переводом, помещаемым под строкой.

Комментарии носят реальный характер и содержат в себе библиографическую отсылку. К сожалению, ряд мест в публикуемом тексте не удалось разъяснить вследствие отсутствия необходимых сведений.

Сбор материалов для комментариев был произведен в основном научным сотрудником Института истории Г. И. Щетининой и частично научным работником ЦГИАЛ Р. Ю. Мацкиной. Указатель имен составлен Г. И. Щетининой. Переводы с француз-

ского сделаны И. А. Розанцевой и М. М. Штранге, с английского — Е. С. Лагутиным, с латинского — А. Ч. Косаржевским. Общая редакция перевода принадлежит В. И. Позину.

Рецензентами первого тома дневника являлись академик Н. М. Дружинин и профессор доктор филологических наук Ю. Г. Оксман, оказавшие своими ценными замечаниями большую помощь редактору в подготовке рукописи к печати.

Приношу глубокую признательность коллективу сотрудников центральных государственных исторических архивов Ленинграда и Москвы за помощь в деле подготовки настоящего издания.

П. А. Валуев

(Биографический очерк)

Петр Александрович Валуев родился в Москве 22 сентября 1815 г. в родовитой дворянской семье. Дворянский род Валуевых восходит к XIV в. и ведет свое начало от литовского боярина Вола. Один из предков, Тимофей Васильевич Валуев, боярин князя Дмитрия Донского, погиб в Куликовской битве. Дед П. А. Валуева, Петр Степанович, был сенатором, камергером и главноначальствующим экспедицией Кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты. Отец, Александр Петрович, также имел придворное звание камергера и служил в VI департаменте Сената в Москве.

В 1818 г., т. е. в возрасте трех лет, П. А. Валуев был пожалован званием пажа. Получив блестящее домашнее образование, он в 1831 г. поступил на службу в канцелярию московского генерал-губернатора, а в 1832 г. выдержал установленный указом 6 августа 1809 г. экзамен на чин при Московском университете.

Как рассказывает Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях», начало карьеры Валуева было связано с пребыванием Николая I зимой 1831 г. в Москве. «Во время пребывания высочайшего двора в Москве,— пишет Д. А. Милютин,— из всей тогдашней московской молодежи, которую императору Николаю I случалось видеть на балах, особенно внимание обратили на себя Валуев и Скарятин, о которых государь отозвался как об образцовых молодых людях. Оба они по высочайшему повелению были определены на службу в 1-ое отделение собственной е. и. в. канцелярии и, конечно, заняли видное место в петербургском высшем обществе» [15].

---

[15] Государственная библиотека им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина, № 169, картон 9, папка 17, л. 121.

В дальнейшем карьере Валуева бесспорно способствовала женитьба его в середине 30-х годов на дочери поэта кн. П. А. Вяземского [16], пользовавшегося большим расположением Николая I. В доме отца своей невесты Валуев часто встречается с А. С. Пушкиным, близким другом П. А. Вяземского. Он обращает на себя внимание поэта и приобретает его симпатию. Свидетельством этого является тот факт, что прототипом героя «Капитанской дочки» П. А. Гринева Пушкин избирает Валуева [17]. По-видимому, внешний вид и некоторые черты характера молодого Валуева в представлении А. С. Пушкина были близки его герою.

В 1834 г. Валуеву было пожаловано звание камер-юнкера. С начала 1836 г. он прикомандировывается к М. М. Сперанскому, работавшему по кодификации законов, а в 1838 г. переводится во II отделение собственной е. и. в. канцелярии.

В конце 30-х годов в Петербурге Валуев сходится с группой аристократической фрондирующей молодежи (гр. К. В. Браницким, П. А. Шуваловым, А. А. Жерве, А. А. Столыпиным, кн. П. В. Долгоруким и другими), известной под названием «кружка шестнадцати», в который входил и М. Ю. Лермонтов.

«В 1839 году в Петербурге,— вспоминает Браницкий,— существовало общество молодых людей, которое назвали, по числу его членов, кружком шестнадцати. Это общество составилось частью из окончивших университет, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе и не существовало; до того они были уверены в скромности всех членов общества» [18].

В 1845 г. Валуев назначается чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе Е. А. Головине. Сочувственно относясь к существовавшим в прибалтийских губерниях немецким порядкам, обладая внешним лоском, отлично владея европейскими языками, Валуев приобретает большие симпатии местного дворянства. Будучи чиновником особых поручений, затем занимая другие должности при генерал-губернаторе,

---

[16] Валуев был женат два раза: от первого брака с М. П. Вяземской у него было два сына — Петр и Александр и дочь Елизавета; от второго брака с А. И. Вакульской — сын Николай.

[17] См. Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 32, 107—108.

[18] Э. Герштейн. Лермонтов и «кружок шестнадцати».— «Литературный критик», 1940, № 9—10, стр. 224.

Валуев выполняет ряд ответственных поручений: переводит на русский язык представленный Лифляндским ландтагом проект уложения о крестьянах, участвует в составлении проекта нового общественного устройства и управления г. Риги (1849 г.), председательствует в комиссии по пересмотру торговых постановлений в Остзейских губерниях (1850 г.).

Ум, образование и, наконец, большое честолюбие определяют успешную карьеру Валуева, выделяя его из среды ограниченного и невежественного николаевского чиновничества. В 1852 г. Валуев получает чин действительного статского советника, в 1853 г. назначается курляндским гражданским губернатором. На этом поприще Валуев также действует успешно, получая различные награды, благодарности и «высочайшие благоволения» [19].

В 1855 г., когда поражение в Крымской войне показало обреченность крепостнического строя, многие, в том числе и Валуев, начинают задумываться над судьбами России.

В сентябре 1855 г. он пишет записку «Дума русского во второй половине 1855 г.», в которой подвергает критике существующий порядок государственного управления. «Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее устройство разных отраслей нашего государственного управления?» [20],— задает вопрос Валуев. «Отличительные черты его,— отвечает он,— заключаются в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм составляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты: везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, и — редко где окажется прочная плодотворная почва. Сверху — блеск, а внизу — гниль» [21].

Автор критикует систему государственного управления, доведенную «по каждой отдельной части до высшей степени централизации» [22]. Он указывает и на другие недостатки, в частности на отношение правительства к раскольникам и лицам неправославного христианского вероисповедания, подвергавшимся гонениям. Далее в записке говорится об «опеке над

---

[19] Все данные о службе Валуева приводятся нами по его формулярному списку, хранящемуся в ЦГИАЛ, ф. Государственной канцелярии, отделение дел осударственного секретаря, 1162, оп. 28а, д. 66.

[20] «Русская старина», 1893, кн. 9, стр. 508—509.

[21] Там же, стр. 509.

[22] Там же, стр. 510.

мыслью», установленной существующим порядком вещей, приводящим к пренебрежению и унижению человеческой личности. «Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания. Везде опека над малолетними» [23].

Никогда ранее в России мысль людей не была так заключена в тесные рамки официального штампа, как это было в период царствования Николая I. В связи с этим Валуев усматривает пренебрежение к человеческим мыслям, «водворившееся» также и в законах. Выражением этого являлась система выдачи заграничных паспортов, налагавшая, по его словам, «домашний арест на свыше 60 миллионов верноподданных его императорского величества» [24], преграды, установленные для получения высшего образования (сокращение приема в университеты и т. д.). Состояние духовной жизни общества в николаевской России ярко отражено А. С. Пушкиным в его неотправленном письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «Действительно нужно сознаться,— писал он,— что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние» [25].

Говоря о штампе и рутине, определявших деятельность всех ведомств, Валуев выделяет лишь Морское министерство, которое «не обнаруживает, подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что думает, чувствует или знает Россия» [26].

Охарактеризовав недостатки системы государственного управления, автор не излагает никакой позитивной программы, которая привела бы к искоренению существующего зла. В заключительной части записки Валуев писал: «В России так легко сеять добро! Русский ум так восприимчив, русское сердце так благородно! Россия — гладкое поле, где воля правительства не встречает преград. Не скажет ли оно народу: да будет истина меж нами и не вспомнит ли красноречивых слов, сопровождавших герб одного из древних русских дворянских родов: «уму нужен простор!»» [27]. Последняя фраза записки относилась к царю. «Россия взирает к венценосному вождю своему с безмолвною мольбою. Сердце царево в руце божьей» [28]. Таким образом, автор никаких конкретных мер в своей записке не наме-

---

[23] «Русская старина», 1893, кн. 9, стр. 512.
[24] Там же, стр. 513.
[25] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XVI. М.— Л., 1949, стр. 393.
[26] «Русская старина», 1893, кн. 9, стр. 513.
[27] Там же, стр. 514.
[28] Там же.

П. А. ВАЛУЕВ

чает и обращает лишь свои взоры к царю с «безмолвною мольбою».

В дневнике, в записи на 20 октября 1855 г., Валуев следующим образом формулирует свою позитивную программу: «Что у нас теперь прежде всего желательно:

1) преобразование цензуры...

2) обнародование бюджетов различных ведомств. Вообще отмена турецко-китайской тайны по делам финансового управления,

3) отмена крепостного состояния наших промышленных сил, ныне закабаленных главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Поощрение частных предприятий по части железных дорог и пароходных сообщений. Отмена коллегиального контроля губернских строительных комиссий в отношении к частным и общественным постройкам...

Все вышесказанное — частности, в случайном порядке последовательности намеченные. Они все более менее важны по непосредственным или посредственным последствиям. Но гораздо важнее применение некоторых общих начал. Таковы:

1) начало христианской истины в делах веры,

2) начало правды в формах управления вообще, вместо нынешней бездушной формалистики,

3) начало нравственного достоинства в действиях высших правительственных властей, сопряженное с началом уважения к человеческой личности» [29].

Анализ этой программы говорит о том, что автор ее стремится не замечать того основного зла, которое обусловливало все остальное,— крепостного права и необходимости его ликвидации. А это, как известно, понималось в тот период уже многими представителями господствующего класса. «Дума русского» фиксирует, таким образом, лишь внешнее проявление кризиса феодальной системы, и автор ее не пытается определить причины этого кризиса. Однако, несмотря на это, ясно, что автор записки был на голову выше своих коллег — губернаторов николаевской России.

Сопоставляя «Думу русского» с известными письмами М. П. Погодина в период Крымской войны, надо сказать, что программа Погодина, предполагавшая отмену крепостного права, амнистию политических заключенных, а также конституцию Польше, была значительно радикальнее.

Записка Валуева, распространявшаяся в рукописных списках, получила большую известность и открыла ему доступ в салоны вел. кн. Елены Павловны и Константина Николаевича. Вел. кн. Константин Николаевич 26 ноября 1855 г. издал

[29] «Русская старина», 1891, кн. 5, стр. 340—341.

специальный циркуляр по морскому ведомству, в котором писал: «В одной весьма замечательной записке о нынешних тяжелых обстоятельствах России при указании причин, которые довели нас до нынешнего бедственного положения, между прочим сказано...» Далее цитировалась записка Валуева, а в заключение циркуляра Константин Николаевич писал: «Прошу, ваше превосходительство, сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам морского ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год»[29]. Этот циркуляр буквально через несколько дней получил широкую известность. А. В. Никитенко заносит в свой дневник 3 декабря, т. е. через неделю после издания циркуляра: «Ходит в рукописи по рукам замечательный приказ вел. кн. Константина Николаевича, отданный им по своему ведомству. Приказ говорит о том, чтобы начальство в своих отчетах не лгало, уверяя, что все находится в чудесном виде, как это обыкновенно делается. В приказе есть ссылка на какую-то Записку, в которой весьма резко говорится о разных форменных и официальных лжах. Это производит большой шум в городе. Министрам и всем подающим отчеты приказ очень не нравится. В сущности же,— замечает Никитенко,— это прекрасное дело»[30].

Вполне естественно, что имя автора записки вскоре получило известность. Несмотря на резкую критику недостатков государственного управления, «Дума русского» не могла вызвать неодобрения со стороны молодого царя, так как была проникнута верноподданническим духом. Мы не располагаем данными, содержащими прямое указание на отношение Александра II к записке Валуева, однако назначение его в 1858 г. директором 2-го департамента Министерства государственных имуществ указывает на то, что она была воспринята весьма положительно.

В начале 1859 г. Валуев назначается директором III департамента Министерства государственных имуществ — департамента сельского хозяйства. Таким образом, он управляет двумя департаментами из четырех. Кроме этого, он председатель Ученого комитета Министерства. Валуев становится буквально правой рукой министра М. Н. Муравьева, который, благоволя своему помощнику, добивается для него ряда существенных благ[31].

29а «Русская старина», кн. 5, стр. 359.

[30] А. В. Никитенко. Дневник в 3-х томах, т. I. 1826—1857. Гослитиздат, 1955, стр. 426.

[31] В течение 1859 г. Валуев получает чин тайного советника, звание статс-секретаря, ему дважды увеличивают жалованье и, наконец, «в уважение отлично-усердной службы» он награждается 5 тыс. рублей серебром. Валуев пожизненно получал 5 тыс. рублей ежегодно вместо пожалованной ему долгосрочной земельной аренды.

Близость к Муравьеву, как известно, не отличавшемуся либеральным образом мыслей, характеризует в некоторой степени политические воззрения самого Валуева. Эти воззрения достаточно ясно прослеживаются при анализе его записки, озаглавленной «Ряд мыслей по поводу крестьянского вопроса».

В начале этой записки, относящейся, вероятно, к 1858 г., Валуев указывает, что отмена крепостного права должна осуществиться не сразу. «Подобные вопросы,— пишет он,— могут быть разрешены не вдруг, не одним разом, но только постепенно» [32]. По его мнению, преобразование должно быть подразделено на два этапа. Первый заключается в личном освобождении крестьян. «Вопрос о правах поземельного владения и поземельной собственности,— говорит он,— здесь еще не представляется на первом плане»[33]. В соответствии с этим он и намечает два периода проведения реформы, не обусловливая при этом срока их проведения.

Первый период именуется им подготовительным. Он характеризуется ограничением помещичьей власти и соответствующим устройством административной крестьянской общины. «Передать миру, или его представителям, нынешние права помещиков в отношении к личности крестьян, права сдавать в рекруты, права по разделу семейств и право по взысканиям за неотбытие повинностей» и т. д. [34] Однако все решения мира должны утверждаться помещиком, сохраняющим вотчинную власть в пределах своего имения. Более того, Валуев считал необходимым «присвоить помещикам некоторые обязанности правительственной власти по части общих дел полицейского благоустройства и исполнительной администрации в пределах их вотчин. Признать их таким образом,— резюмировал он,— посредствующей коронною инстанцией в отношении к территории их поместий и к населению этой территории» [35]. Жалобы на помещиков предполагалось рассматривать в особых инстанциях, которые должны были состоять преимущественно из помещиков, а не из чиновников. «Конечно,— замечает Валуев,— первые не будут часто беспристрастны, но зато последние большей частью были бы не благонадежны». Таким образом, судьба крестьян вверялась по-прежнему помещикам. Предположение о передаче некоторых функций, принадлежавших помещику, крестьянскому миру не имело по существу какого-либо значения, так как все решения мира должны были, по мысли Валуева, утверждаться владельцами имений.

---

[32] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, № 908, д. 25, л. 4.
[33] Там же, л. 6.
[34] Там же, лл. 16—17.
[35] Там же, лл. 18—19.

Касаясь вопроса о земле, автор записки указывал на необходимость сохранения за крестьянами всего надела, которым они пользуются (за исключением оброчных имений, в которых вся земля обрабатывалась крестьянами). Часть земли должна была находиться в распоряжении помещика, так как этим «наглядно подтверждаются и поясняются вотчинные права поземельной собственности»[36]. За пользование землей крестьяне должны были выполнять повинности. Валуев считал необходимым создать на местах комиссии, составленные из помещиков и местных чиновников, для пересмотра повинностей там, где они «чрезмерно высоки». По его мнению, необходимо «принять вообще за правило как можно менее изменять существующие отношения, и средний размер оброка и барщины в каждом уезде считать на первое время не обременительным для крестьян»[37]. Однако тут же указывалось на необходимость уменьшения зимней барщины и ограничения летней тремя днями в неделю.

Дворовых предполагалось считать «лично-оброчными», установив для этого «низкие погубернские нормы». Предполагалось также разработать вопрос об окончательном упразднении крепостного права для дворовых посредством организации выкупной операции.

Наряду с этим Валуев предусматривал пересмотр ряда других вопросов (положение духовенства, дворянства и т. д.). Такова программа первого этапа реформы. Судя по кругу вопросов, намеченных к осуществлению в период первого подготовительного этапа, он должен был продолжаться довольно длительное время.

Во время второго, так называемого исполнительного этапа должна быть осуществлена отмена крепостного права. В этот период предполагалось издать «Положение о крестьянах, населенных на государственных, помещичьих и собственных землях» и определить права крестьян на пользование землей и приобретение ее в собственность. В записке указывалось на необходимость «руководствоваться правилом, что только поземельное пользование может быть мировым или общинным, но поземельная собственность должна быть частною»[38]. В это время Валуев считал необходимым перевести крестьян с барщины на оброк.

Вотчинная полиция и на этом этапе (правда, с некоторыми ограничениями) оставалась в руках помещиков, даже по отношению к той территории, которая составляла земли, выкупленные крестьянами в собственность. Предполагалось сохранение за помещиком ряда преимуществ. Так, в § 11 указывалось на

---

[36] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, № 908, д. 25, л. 20.
[37] Там же, л. 21.
[38] Там же, л. 26.

необходимость «удержать за землями, остающимися в вотчинном владении помещиков, право винокурения, право продажи питей..., право отвода мест для базаров, ярмарок и право охоты» [39].

Обязанные отношения между крестьянами и помещиками, таким образом, не ликвидировались и на втором этапе, и никакого срока в этом отношении не устанавливалось. Видимо, сохранение их предполагалось надолго. Так, в записке говорилось, что через год после издания нового Положения необходимо «предоставить крестьянам пользоваться правом свободного перехода из одного имения в другое», ограниченное известными условиями. Об этом косвенно говорилось и в другом пункте, предусматривавшем предоставление лицам недворянского сословия после введения в действие нового Положения права приобретать, правда, с некоторыми ограничениями, недвижимые *населенные* (курсив мой.— *П. З.*) имения в полную собственность.

В заключение записки Валуев писал: «В выше изъясненных положениях мы старательно избегали двух начал, на которые в нынешнее время часто ссылаются: начало поземельного надела, потому что оно неизменно сопровождается произволом в определении меры этого надела и, не имея прямого корня в прошедшем, не может облегчить перехода от настоящего к будущему, и начало общинной поземельной собственности, потому что практическая применимость его к быту несколько развитых в гражданском отношении народов доселе нигде не обнаружена историческим опытом» [40].

Анализируя эту записку, мы видим, что взгляды Валуева на разрешение крестьянского вопроса отличались весьма большой умеренностью. Его программа — нечто среднее между законами об обязанных крестьянах и вольных хлебопашцах. Первый этап — это по существу установление обязанных отношений крестьян к помещикам в духе закона 2 апреля 1842 г. За крестьянами закрепляется определенный земельный надел за установленные по договору повинности; при этом им предоставляются некоторые личные права. Второй период, предполагавший завершение реформы, не предусматривал уничтожение этих обязанных отношений. Помещику предоставлялось право продать крестьянам землю на условиях добровольного соглашения, что соответствовало содержанию закона о вольных хлебопашцах. Проект Валуева отражал интересы консервативного дворянства, заинтересованного елико возможно затянуть проведение в жизнь реформы.

---

[39] Там же, л. 28.
[40] Там же, л. 32.

Однако вскоре Валуев меняет свою точку зрения на отмену крепостного права под влиянием отношения к этому вопросу Александра II. Употребляя его собственное выражение, он «ставит паруса по ветру» [41] и выступает с критикой крепостнических настроений, содержавшихся в проектах губернских дворянских комитетов.

Летом 1859 г., по-видимому, по указанию царя, Валуев пишет записку «Взгляд на положение крестьянского вопроса», в которой дается характеристика деятельности губернских комитетов, стремившихся в той или иной форме сохранить крепостное право.

Анализируя составленные ими проекты, он отмечал, что «хотя все губернские комитеты... единогласно постановили отречение от крепостного состояния, но тайное направление к удержанию своих прав под разными видами встречается почти во всех комитетах и в весьма многих из них составляет большинство... Убедившись в неудачах остановить реформу, люди не сочувствующие стали заботиться о том, чтобы дать ей оборот, как можно более выгодный для помещиков. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянина, возлагая его или на самих крестьян, или на правительство, или на все сословия государства. Не достигнув этой цели, в настоящее время они стараются сохранить барщинный труд и... власть помещика над крестьянами или же соглашаются на безусловное освобождение личности крестьян, и, восхваляя свободу труда, желая всячески уменьшить крестьянские наделы и ограничить пользование землями одним 12-летним сроком, а если можно, то и вовсе не дать крестьянам земельного надела» [42].

При этом Валуев весьма сочувственно характеризовал точку зрения либерального меньшинства: «В мнении меньшинства и отдельных членов комитетов нельзя не признать зрелости и образование, беспристрастие и правильности взглядов. Так, кроме выкупа земли, некоторые проекты содержат в себе: сохранение за крестьянами настоящего надела, уменьшение повинностей, предоставление крестьянам безвозмездно их строений и движимого имущества, оставление за ними права пользования лесом и др.» [43].

На первом листе этой записки рукой Валуева написано: «возвращено от государя 3 августа 1859 г. с надписью «нахожу взгляд этот совершенно правильным и согласным с моими

---

[41] Это выражение он употребляет, характеризуя беспринципность своего шефа, министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. См. дневниковую запись за 5/XI 1860 г.— «Русская старина», 1891, кн. 11, стр. 412.

[42] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, № 908, оп. 1, д. 27, лл. 13—15.

[43] Там же, лл. 11—12.

собственными убеждениями. Прошу сообщить это генерал-адъютанту Ростовцеву»» [44].

Сопоставляя первую записку по крестьянскому вопросу со второй, надо сказать, что Валуев изменил «направление парусов» на 180° вполне естественно, в рамках понимания этого вопроса представителями господствующего класса. В оправдание его можно лишь сказать, что он не представлял собою исключения. Председатель Редакционных комиссий Я. И. Ростовцев изменил не менее резко свои взгляды, выступая в 1857 г. фактически против отмены крепостного права [45].

Однако истинные симпатии Валуева лежали, конечно, не на стороне либерального дворянства.

В 1860 г. Валуев помогает Муравьеву в его борьбе против разработанного Редакционными комиссиями проекта отмены крепостного права. Эта помощь, выражавшаяся в разработке по указке Муравьева и шефа жандармов Долгорукова нового проекта реформы, не была ему особенно по душе, хотя в главном Валуев был с ними согласен.

«Мое положение,— заносит он в свой дневник 7 ноября 1860 г.,— почти нестерпимо. Я связан по рукам и ногам. Я не могу вырваться на волю. Я закабален служить. А между тем быть по службе покорным редакторским орудием кн. Долгорукова и ген. Муравьева — ужасная доля» [46]. Однако несмотря на это, проект был им составлен [47]. Как говорилось выше, в главном Валуев разделял точку зрения своего шефа. Излагая в дневнике свой разговор с Муравьевым и Долгоруковым по поводу проекта Редакционных комиссий, Валуев записывает следующее: «...по поводу подробного регламентирования разных вопросов в проекте Редакционных комиссий я выразил мысль... что лучше довольствоваться главными чертами, установлением главных начал, и затем дать делу развиваться самим собою органически. Хлеб не сажают снопами, сказал я, а сеют зерном» [48]. На практике это значило предоставить право дворянству конкретизировать на местах те или иные статьи закона об отмене крепостного права, что целиком отражало мысли Долгорукова и Муравьева, стремившихся не устанавливать

---

[44] Там же, л. 6.

[45] См. П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. Изд. 2, доп. и пересм., М., 1960, стр. 72—75.

[46] «Русская старина», 1891, кн. 11, стр. 414.

[47] См. Проект местного положения о поземельном устройстве крестьян... в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских, составленный членами Главного комитета — кн. Долгоруковым, Муравьевым и Княжевичем.— В кн.: «Приложения к журналу Главного комитета по крестьянскому делу», т. 2, Пг., 1915, стр. 166—217.

[48] «Русская старина», 1891, кн. 11, стр. 414.

окончательных норм крестьянского надела, а разрешать этот вопрос на местах [49]. Это положение, не получившее признания в Главном комитете по крестьянскому делу, создало бы значительно бóльшие возможности для дворян в деле ограбления крестьян в период реформы.

1 января 1861 г. Валуев назначается управляющим делами Комитета министров, 23 апреля того же года — управляющим Министерством внутренних дел [50]. На этот пост Валуев был назначен по инициативе министра юстиции гр. В. Н. Панина и министра государственных имуществ М. Н. Муравьева, рассматривавших его как свою креатуру.

Отставка министра внутренних дел С. С. Ланского явилась определенной уступкой Александра II широким слоям поместного дворянства, недовольного отменой крепостного права. Необходимо было убрать тех, кто принимал деятельное участие в разработке реформы. Кандидатура Валуева, не отличавшегося либеральным образом мыслей, вполне импонировала дворянству. «...Помещичья партия,— пишет Д. А. Милютин в своих воспоминаниях,— имела полное основание рассчитывать на Валуева для осуществления своих видов. Партия эта, не успев помешать осуществлению крестьянской реформы, старалась по крайней мере при самом введении в действие Положения 19 февраля оградить, сколько возможно, свои интересы» [51].

Действительно, политика, проводимая Валуевым, соответствовала интересам дворянства.

* * *

Политические воззрения П. А. Валуева весьма сложны. Валуев не примыкал целиком ни к одной из правительственных группировок: ни к либеральным бюрократам — сторонникам буржуазных преобразований, ни к реакционерам-крепостникам.

Характеризуя свои взгляды, Валуев в примечаниях к дневнику в 1868 г. писал: «Я был слугою и защитником самодержавных прав верховной власти вместе с кн. Гагариным и гр. Паниным; но разумел самодержавие иначе, чем кн. Гагарин и гр. Панин. Я оберегал все коренные права правительства вместе с ген. Чевкиным, но разумел иначе, чем, он, и круг этих прав и достоинства правительства. Я соглашался с Головниным насчет необходимости свободы печати, но не разумел под этою

---

[49] Это повлекло бы за собой сокращение крестьянских наделов, сторонником чего и был Валуев.

[50] В должности министра Валуев был утвержден 9 ноября 1861 г.

[51] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина, № 169, картон 9, папка 17, лл. 123—124.

свободой полного простора для развития материализма и демократической пропаганды. Я защищал, вместе с кн. Суворовым, некоторые учредительные особенности Прибалтийского края, но всегда подчинял их общим условиям государственного единства России и круто отвергал любимые ссылки кн. Суворова на Рижскую капитуляцию и Ништадтский трактат. Я был с великим князем генерал-адмиралом, когда обнаруживались попытки нарушить коренные начала Положений 19 февраля, и против вел. князя, когда он и Главный Комитет гнули закон в одну сторону, всегда защищая притязания крестьян и оказывая оскорбительное пренебрежение к всякому праву помещиков. Я был с гр. Блудовым по делам еврейским и не с ним — по делам раскола. Я делал улучшения быта православного духовенства и ограждения достоинства православной церкви, но, стремясь к предоставлению ей большей независимости от гражданской власти, я в то же время желал и ограждения прав других вероисповеданий, и предоставления всем русским подданным полной свободы совести. Наконец, по делам Царства Польского и Западного края я искал, вместе с многими другими, нового исхода, новых путей, но постоянно сознавал внутреннюю связь этих дел с делами империи, и уже в 1861 году говорил, что польский вопрос разрешим не в Варшаве, а в Москве и Петербурге» [52].

Будучи непреклонным сторонником самодержавного образа правления, Валуев вместе с тем считал необходимым заключить императорскую власть в рамки законности, а также расширить ее социальную базу. С этой целью Валуев полагал привлечь к участию в политической жизни консервативные, охранительные элементы, предоставить некоторые права отдельным нерусским национальностям (немцам, полякам) в целях завоевания симпатии среди них, но в то же время выступал решительным противником развития украинской национальной культуры.

Говоря о положении в Польше в 1863 г., Валуев заносит 6 декабря в свой дневник следующее: «... У них идея. У нас — никакой. В Западном крае и в Царстве повторяются теперь проскрипции Мария и Суллы. Это не идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Это идея для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их названия неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном князе Финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить хотя бы один поляк».

---

[52] См. ниже, стр. 327.

Таким образом, Валуев понимал задачи государственного управления несколько иначе, нежели Тимашевы, Шуваловы, Толстые, рассматривавшие свою деятельность с высоты кругозора станового пристава. Будучи сторонником жестоких репрессий, Валуев вместе с тем понимал необходимость определенных уступок для предотвращения революционных потрясений. От либеральных бюрократов он отличался своим аристократизмом, защитой узкосословных интересов дворянства (при отрицательном отношении к их олигархическим поползновениям), своей ненавистью к малейшим проявлениям демократизма, хотя бы в самой невинной форме.

Таковы политические воззрения П. А. Валуева.

Для понимания государственной деятельности Валуева необходимо также иметь в виду его карьеризм, угодничество, в первую очередь перед императором, а также перед «сильными мира сего», что и обусловливало его политику лавирования. Колебания Валуева в тех или иных вопросах политики являлись в какой-то степени отражением колебаний самого Александра II. В «Колоколе» остроумно было замечено, что Валуев, как известно, «флюгер, направляемый ветром придворным» [53]. Стремление идти в кильватере «его императорского величества» требовало постановки «парусов по ветру».

Однако при всех его колебаниях и непоследовательности он все же придерживался определенных взглядов, стремясь проводить их в жизнь, и не оправдал целиком надежд, возлагавшихся на него Паниным и Муравьевым.

* * *

Назначенный на должность министра внутренних дел, Валуев уже на первых порах начинает вести борьбу с либеральными губернаторами и той небольшой группой мировых посредников, которые не защищали узкосословные интересы помещиков. Такие губернаторы, как В. А. Арцимович, Н. К. Грот, А. Н. Муравьев, вскоре были уволены.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Министерством внутренних дел, являлась реализация крестьянской реформы. Проводя в жизнь Положение 19 февраля и принимая ряд мер к ускорению составления уставных грамот и перевода крестьян на обязательный выкуп, Валуев неизменно выступал защитником узкосословных интересов дворянства.

Так, по его указанию, введение в действие уставных грамот могло осуществляться и без согласия крестьян, если они при этом не сделали «никаких законных возражений». Он увольнял

[53] «Колокол», 1 марта 1867 г., л. 235.

либерально настроенных мировых посредников, заменяя их более благонамеренными.

Валуев — инициатор закона 27 июня 1862 г., предоставлявшего помещикам право переводить своих крестьян на выкуп при условии отбывания ими барщинных повинностей. (По Положению, перевод крестьян на выкуп мог осуществляться лишь в том случае, если они предварительно были переведены на оброк.) Тем самым помещикам предоставлялась возможность продлить выгодную для них барщинную систему [54].

Защищая интересы помещиков при проведении в жизнь крестьянской реформы, Валуев решительно выступает против олигархических поползновений дворянства, пресекая их в корне.

Второй не менее важной задачей, стоявшей перед Министерством внутренних дел, являлась разработка проекта закона о земских учреждениях [55].

Отношение Валуева к земской реформе может быть понято только в связи с оценкой им политического положения в стране. Свои взгляды он изложил в записке шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову — «О внутреннем состоянии России» — от 22 июня 1862 г., в которой дается довольно подробный анализ внутреннего положения страны и намечаются пути укрепления монархии. «Правительство,— писал Валуев,— находится в состоянии изоляции,— внушающей серьезную тревогу всем, кто искренно предан императору и отечеству. Дворянство, или то, что принято называть этим именем, не понимает своих истинных интересов, недовольно, возбуждено, несколько непочтительно, раздроблено на множество различных течений, так что оно нигде в данный момент не представляет серьезной опоры. Купечество мало вмешивается в политику, но оно не пользуется доверием и не оказывает никакого полезного воздействия на массы. Духовенство содержит в самом себе элементы беспорядка; впрочем, оно не поддержало никакого прогресса и обладает влиянием только в качестве оппозиции или когда имеет тенденцию принести вред. Крестьяне образуют более или менее независимую или беспокойную массу, подверженную влиянию опасных иллюзий и несбыточных надежд. Наконец, армия — единственный магнит, еще удерживающий различные элементы государства в состоянии видимого единства, и главная основа

---

[54] Одновременно с этим он считал возможным в своем докладе о ходе крестьянского дела, представленном Александру II 15 сентября 1861 г., писать о том, что пользоваться трудом своих крепостных крестьян «едва ли можно, не краснея» (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел. Мин. внут. дел., № 1284, оп. 241, д. 184 за 1861 год).

[55] Отношение Валуева к этому вопросу и его роль в разработке проекта земской реформы подробно освещены в книге В. В. Гармизы «Подготовка земской реформы 1864 года» (Москва, 1957).

общественного порядка — начинает колебаться и уже не представляет собой гарантии абсолютной безопасности» [56].

Далее Валуев отмечал, что преданность царю и монархии подорвана, в правительстве отсутствует единство. Пресса, ставшая «несокрушимой силой», целиком находится в оппозиции к правительству. То же можно сказать и о молодежи.

Валуев считал необходимым осуществить ряд мер, долженствующих укрепить внутреннее положение в стране. «Мы,— писал он,— сделали первый шаг с проектом земско-хозяйственных учреждений, но более чем сомнительно, что этот шаг достаточен. Аналогичную попытку необходимо сделать и в центральной администрации. Сколько бы ни принимали мер по редактированию и стилистической обработке отдельных статей, предназначенных для того, чтобы урезать голос провинциальных учреждений, в конечном счете этот голос поднимется. Лучше это предвидеть и принять соответствующие меры. В эпоху общественного возбуждения важнее, чем когда-либо для правительства, овладеть социальным движением и стоять во главе социального движения, делающего три четверти истории. Для этого нужна известная смелость в действиях, которая удивляет массы и импонирует им» [57].

Таким образом, Валуев признавал необходимость предоставления известных уступок, чтобы подчинить влиянию правительства «социальное движение». При этом он шел дальше и считал целесообразным осуществить также реформу Государственного совета, превратив его в орган, аналогичный австрийскому рейхсрату. «Это мероприятие,— писал он,— представляет то преимущество, что не наносит никакого удара полновластию государя, сохраняет ему всю законодательную и административную силу, а, между тем, создает центральное учреждение, которое было бы чем-то вроде представительства страны. Император смог бы призвать туда временных советников, взятых из различных провинций империи, и привлечь их к законодательным работам пленума, не допуская в департаменты и не растягивая период законодательных работ на весь год. Таким образом, можно было бы ограничить число персональных амбиций и не потребовалось бы сверхчеловеческого таланта, чтобы обеспечить за собой терпимое большинство, поставив Вильно и Киев рядом с Ригой, Москвой и Иркутском» [58].

Эти положения и определяли отношение министра внутренних дел к земской реформе и легли в основу его проекта преобразования Государственного совета.

---

[56] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 141. Публикация В. В. Гармизы.

[57] Там же, стр. 143.

[58] Там же.

Подобно своему предшественнику на поприще разработки земской реформы Н. А. Милютину, Валуев видел в создании земских учреждений средство «дать пищу внутренней активности общества». Вместе с тем он полагал, что развитие предпринимательской деятельности — создание предприятий, банков, железных дорог также «будет питать активность значительной части прессы, наряду с людьми, которые шумят и фрондируют в настоящее время потому, что им нечего делать» [59].

По мнению Валуева, введение земских учреждений должно было явиться определенной уступкой поместному дворянству, некоторой компенсацией за потерю им вотчинной власти над крестьянами и вместе с тем удовлетворить чаяния либеральной части общества, стремившейся к политическим преобразованиям.

Взгляды Валуева в этом отношении не были оригинальны и полностью совпадали с воззрениями императрицы, заявившей ему, как он говорит в своем дневнике 1 августа 1863 г., что «она, как и многие, преимущественно видит в них (т. е. в земских учреждениях.— *П. З.*) средство откупиться от «конституции»».

Представление Валуева о земской реформе нашло свое конкретное выражение в его докладе Александру II от 22 февраля 1862 г., содержащем проект реформы, подготовленный комиссией под его председательством.

В вопросе о социальном составе земств Валуев устанавливает буржуазный принцип имущественного ценза при одновременном сохранении руководящей роли дворянства. «Необходимо,— писал он, —призвав все сословия к участию в делах земства, сохранить за дворянством то значение, какое подлежит ему на самом деле» [60]. Это достигалось установлением трехкуриальной системы, при этом первые две курии образовывались по имущественному принципу, третья — крестьянская — по сословному. В состав первой курии включались все землевладельцы, имевшие определенное количество земли, а также владельцы торговых и промышленных предприятий уезда. Земельный ценз, устанавливаемый для дворянства, был вполовину меньше, чем для представителей других сословий — крестьян, мещан и купцов [61]. Председателями уездных и губернских земских собраний предполагались соответствующие предводители дворянства. Все это должно было обеспечить руководящую роль в земствах дворянским консервативным элементам.

[59] Там же, стр. 144.

[60] «Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях», б. д., стр. 73.

[61] Впоследствии благодаря противодействию большинства членов Государственного совета это положение не было проведено в жизнь.

Компетенция земских учреждений ограничивалась Валуевым лишь сферой хозяйственной деятельности.

По проекту, земские учреждения подчинялись местной губернской администрации. Так, в ст. 49 проекта Положения указывалось, что губернатор «имеет право приостановить исполнение всякого постановления земских собраний или комитетов, если признает эти постановления противными законам или общим пользам государства» [62]. Понятие «общей пользы» давало губернатору широкие возможности для приостановления любого неугодного решения земских собраний. В объяснительной записке к проекту реформы земских учреждений Валуев писал: «Земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти и от нее получает свои права и полномочия...» [63]. Несмотря на весьма умеренный характер, проект Валуева был все же радикальнее предложений по этому вопросу Н. А. Милютина.

При обсуждении проекта министра внутренних дел в Государственном совете предположения Валуева претерпели некоторые изменения под влиянием оппозиции в лице Д. А. Милютина, Бахтина, Корфа, Ковалевского и других. Эти изменения заключались в некотором расширении компетенции земских органов, а также в известном ослаблении влияния дворянства и вмешательства правительственных органов.

Рассмотрим проект Валуева о преобразовании Государственного совета, осуществление которого составляло, как он выражался, его «заветную мечту».

Вопрос о привлечении выборных в состав Государственного совета занимал Валуева давно, по-видимому, еще с конца 50-х годов, в период первой революционной ситуации. Развернутый проект этой реформы был представлен им Александру II в апреле 1863 г.

В начале 1863 г. Валуев обратился к царю с «всеподданнейшей запиской», в которой подробно мотивировал необходимость реформы Государственного совета.

Начало записки посвящено польскому восстанию и угрозе европейского вмешательства. Валуев указывает на необходимость определенных уступок полякам во избежание европейской войны. Внутри страны Валуев отмечал пробуждение «патриотических чувств» (точнее, националистическо-шовинистических) в высших слоях общества. В записке говорилось, что рост этого «патриотического чувства» вызван не только преданностью царю и заботой о сохранении «всецелости» госу-

[62] «Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях)», т. I, СПб., 1885, стр. 200.

[63] «Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях», б. д., стр. 227.

дарства, но и боязнью того, что вследствие происходивших в Польше событий царь вынужден будет предоставить полякам «такие льготы или преимущества, которые не предоставлены его подданным коренных русских областей». Валуев указывал, что эта мысль «просвечивает» в подносимых царю адресах и слышится в весьма благонамеренных органах прессы.

«Всемилостивейший государь,— писал Валуев,— даруйте любезноверной Вам и Вам верноnреданной России политическое первенство перед крамольной Польшей. Дайте России на пути развития государственных учреждений шаг вперед перед Польшей. Вы тогда еще теснее сдвинете вокруг себя всех Ваших верных подданных. Вы действительно будете, по выражению московского дворянства, «могущественнее Ваших предшественников». Вы окончательно укрепите за Россией возвращенное ей и омытое кровью целых поколений западное родовое ее достояние. Вы заставите Западный край наконец обратиться лицом к Москве и стать тылом к Варшаве. Тогда западный вопрос будет решен навсегда и польское дело навсегда проиграно» [64].

Переходя к характеристике внутреннего положения страны, Валуев указывал на разобщенность правительственных мер, на «волнение умов», на «происки» революционной пропаганды, подрывающей устои существующего порядка. Главную опасность Валуев видел в том, что в различных слоях общества поразному обнаруживается стремление к участию в делах законодательства и государственного управления. Эти настроения, по его словам, проявляются и в постановлениях дворянских собраний, и в различных проектах самоуправления, в частности, в форме доктрины о земстве, и, наконец, в интересе к истории земских соборов. Эта идея, замечал он, получила широкое распространение и в периодической печати.

«...В сущности,— писал Валуев,— эта мысль всегда и везде одна и та же. Она заключается в том, что во всех европейских государствах разным сословиям предоставлена некоторая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления и что если так везде, то так должно сбыться и у нас» [65]. В записке подчеркивалось, что эту идею использует весьма искусно и революционная пропаганда. Главная опасность, по его мнению, заключается в том, что революционные агитаторы «увлекают весьма многих и увлекают их весьма далеко» [66], т. е. значительно дальше, нежели это допускалось официальной политической доктриной. «К счастью,— писал Валуев,— эта цель в понятиях и стремлениях огромного боль-

---

[64] «Вестник права», 1905, кн. 9, стр. 227.
[65] Там же, стр. 228.
[66] Там же.

шинства не постановляется вне пределов верноподданнического долга. Мысль о некотором участии в делах законодательства и общего государственного хозяйства не заключает в себе посягательства на верховные права самодержавной власти...» [67].

Автор подчеркивает необходимость быстрейшего осуществления реформы Государственного совета. Во-первых, это приведет к консолидации всех верноподданных вокруг престола; во-вторых, это особенно важно осуществить одновременно с проведением земской реформы для противодействия «провинциальному сепаратизму», обнаружившемуся, по его мнению, в некоторых частях империи.

Реформу Государственного совета Валуев неразрывно связывал с созданием земских учреждений, полагая, что «призываемые в Государственный совет» должны быть выборными от земских органов. В Сибири, на Кавказе, в Прибалтийских губерниях, где организации земства не предполагалось, представители в Совет должны были бы избираться на особых основаниях, не указанных в настоящей записке.

В конце записки излагались основные начала предполагаемого преобразования. Собрание «сословных или земских» представителей в Государственном совете должно было носить исключительно совещательный характер и касаться обсуждения законодательных вопросов, а также главнейших вопросов государственного хозяйства (рассмотрение бюджета, штатов, установление налогов и т. д.). Представители «земства или сословий» должны были призываться из всех частей империи, кроме Финляндии и Царства Польского, в количестве от одного до трех человек от губернии [68]. От столиц, а также городов Киева, Одессы, Риги и других крупных центров могли быть избраны, помимо этого, и отдельные выборные. Наряду с выборными, в состав Государственного совета должны были назначаться гласные от правительства, в том числе и представители высшего духовенства [69]. Все дела в Государственном совете должны были подразделяться на обсуждаемые с участием выборных представителей и без них.

В апреле 1863 г. записка Валуева обсуждалась на совещании, созванном Александром II, но большинство присутствовавших отнеслось к ней весьма сдержанно. «Государь,— заносит в свой дневник 15 апреля 1863 г. Валуев,— ввиду большинства решил, что теперь ничего не следует делать». Но,

[67] «Вестник права», 1905, кн. 5, стр. 228—229.

[68] По второму варианту — от одного до четырех (ЦГИАМ, ф. Валуева, № 544, оп. 1, д. 15, л. 43).

[69] По первому варианту число выборных гласных должно было быть 151, по второму — 177; число назначаемых от правительства по первому — 30, по второму — 35.

по-видимому, какую-то надежду император все же подал, так как Валуев приступил к разработке проекта «нового Учреждения Государственного совета». Составление этого проекта было закончено им в середине ноября того же года.

В нем развивались мысли, изложенные в апрельской записке и несколько конкретизированные здесь. Так, указывалось на необходимость создания при Государственном совете Съезда государственных гласных, избираемых губернскими земскими собраниями. Избрание гласных из тех местностей, на которые не распространялись земские учреждения, должно было определяться особым законом. В проекте точно определялся характер дел, передаваемых на рассмотрение Съезда государственных гласных. К ним относились «все предметы, требовавшие нового закона, устава или учреждения»[70], а также ряд вопросов, имевших общегосударственное значение (рассмотрение бюджета, смет, штатов и т. д.).

В общем собрании Государственного совета при рассмотрении дел, в которых принимал участие Съезд государственных гласных, должны были присутствовать 16 его членов, в том числе два вице-президента Съезда.

Этот проект постигла та же участь, что и рассмотренную выше записку. В декабре Александр II возвратил его министру внутренних дел. «Он забыл,— указывает Валуев в своем дневнике 13 декабря 1863 г.,— что говорил в апреле насчет мысли о преобразовании Совета, и теперь сказал, что эту мысль с самого начала будто бы отвергнул».

Несмотря на то, что проект организации Съезда государственных гласных не посягал на самодержавие, осуществление его имело бы объективно положительное значение, ставя в какой-то степени государственную власть в определенные законные рамки и создавая больший простор общественному мнению.

В деле борьбы с революционным движением Валуев играл большую роль, он принимал непосредственное участие в расправе с Н. Г. Чернышевским и другими представителями революционной демократии.

В вопросах национальной политики Валуев занимал великодержавную позицию. Если в отношении одних народов Валуев признавал необходимость по крайней мере считаться с существованием их национальной культуры, то в отношении других он отрицал даже и это.

Будучи сторонником беспощадного подавления польского национально-освободительного движения, Валуев стоял за предоставление известных политических прав господствующим классам Польши, чему, однако, должны были предшествовать

---

[70] «Вестник права», 1905, кн. 9, стр. 242.

аналогичные политические реформы в России. «Чтобы никогда не было независимой Польши,— писал Валуев в примечании к «Отрывкам из дневников» [71],— России достаточно продолжать жить, но чтобы Польша окончательно влилась в Россию и с ней сроднилась, нужно, чтобы русскому народу была дарована политическая жизнь. Народ, которого политические права ограничиваются правом платить подати, правом ставить рекрут и правом кричать ура, еще не имеет ассимиляционных сил. Воображать, что комитеты, где председательствуют князья Гагарины и где заправляют делопроизводством статс-секретари Жуковские, могут отменить действие общих исторических законов,— значит побывать в Пекине и рассуждать мандаринским рассудком. Мы постоянно забываем, что, кроме усложнения польского вопроса различием вероисповеданий, он затруднен различием степеней гражданской цивилизации и памятию прошедшего. Наши славы и наши страдания принадлежат к разным эпохам и отчасти друг другу противуположны. Требовать, чтобы поляки забыли Стефана Батория и Яна Собесского, чтобы помнить Иоанна Грозного, и забыли Мицкевича, чтобы читать Пушкина и Карамзина, очевидно невозможно. Но мы должны требовать, чтобы они примирили воспоминания о Собесском и Батории с памятью о Иоанне III-м, собирателе русской земли, о Грозном, о Петре Великом, о Екатерине, Александре I-м и императоре Николае, и примирили чтение Мицкевича с чтением Пушкина и Карамзина. Это примирение, или началю этого примирения,— одна из исторических задач царствования императора Александра II-го. Но для совершения, или даже для начатия примирения, нужно даровать что-нибудь полякам, а чтобы даровать что-нибудь им, нужно даровать и русским, если не более, то по крайней мере то же самое». Если Валуев полагал необходимым предоставить какие-то политические права господствующим классам Польши, то ему вместе с тем претила политика социальной демагогии, проводимая Муравьевым в Литве и Белоруссии, Н. А. Милютиным и кн. Черкасским в Царстве Польском в целях отрыва крестьянства от национально-освободительного движения.

Что касается украинцев, то Валуев вовсе не признавал их за нацию. Так, в известном «Отношении» к министру народного просвещения А. В. Головнину Валуев 18 июля 1863 г. писал, что «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может» [72].

---

[71] См. ниже, стр. 338.

[72] М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1854—1865 гг., СПб., 1904, стр. 303.

Своеобразную позицию занимал Валуев в отношении раскола. Он крайне отрицательно относился к административным преследованиям раскольников, признавая это правомерным только против изуверских сект, «которых учение посягает на личность или противно основным началам гражданственности» [73].

Во всеподданнейшем докладе Александру II 4 октября 1863 г. о расколе Валуев указывал, что «вторым руководящим началом должно было служить убеждение, что против религиозных заблуждений принудительные меры вообще ненадежны» [74]. Главным орудием борьбы с расколом, по мнению Валуева, должно было служить образование народа.

Рассмотрим отношение Валуева к печати. Стремясь усилить роль Министерства внутренних дел, он добивается передачи цензуры в его ведомство, что и было осуществлено в 1862 г.

Валуев вел решительную и беспощадную борьбу не только с революционно-демократической, но и оппозиционной печатью. «Никогда,— писал И. С. Аксаков,— цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный» [75].

Этот «инквизиционный» характер цензуры обнаруживается, во-первых, во «Временных правилах» 12 мая 1862 г., а точнее, в «Особом наставлении» к ним, которые лишали периодическую печать возможности касаться важнейших вопросов жизни, если они освещались не с правительственных позиций, во-вторых, в законе 6 апреля 1865 г., содержавшем «некоторые облегчения и удобства отечественной печати», как в нем официально утверждалось [76]. В действительности же освобождение периодических изданий, а также оригинальных произведений объемом свыше 10 листов от предварительной цензуры отнюдь не создавало условий для свободы слова. Освобождение от предварительной цензуры не устраняло цензуры вообще, и все издатели обязаны были представлять в цензурные комитеты напечатанные произведения впредь до рассылки их подписчикам или выпуска в продажу [77]. Закон 6 апреля 1865 г. был дополнен Валуевым циркуляром от 10 августа того же года об условиях, которыми должны руководствоваться губернаторы при открытии типографий, а также особой инструкцией цензурным комитетам. Эта инструкция, изданная 26 августа того же 1865 г., за неделю до вступления в силу закона

---

[73] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, № 908, п. 1, д. 222, л. 47.
[74] Там же.
[75] «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, ч. 2, СПб., 1896, стр. 270.
[76] ПСЗ, 2 собр., № 41988.
[77] Там же, № 41990.

6 апреля, довольно цинично комментировала указанные правила о печати. «С освобождением означенных изданий от цензуры,— говорилось в этой инструкции,— изменяются существенно лежащие ныне на цензорах обязанности. Вместо предварительного рассмотрения предназначенных к печатанию произведений, они должны будут рассматривать уже отпечатанные произведения» [78]. Далее подробно перечислялось все то, что не должно было допускаться к печатанию.

По поводу этих правил А. В. Никитенко в своем дневнике 16 мая 1865 г. писал: «Литературу нашу, кажется, ожидает лютая судьба. Валуев достиг своей цели. Он забрал ее в свои руки и сделался полным ее властелином. Худшего господина она не могла получить. Сколько я могу судить по некоторым убедительным данным, он, кажется, замыслил огромный план — уничтожить в ней всякие нехорошие поползновения и сделать ее вполне благонамеренною, т. е. сделать то, чего не в состоянии был да едва ли и хотел сделать Николай Павлович» [79].

Эта политика прямых репрессий в отношении передовой общественной мысли дополнялась и другими методами борьбы.

Валуев пытался организовать общественное мнение против прогрессивной печати путем создания собственного министерского органа — газеты «Северная почта», для которой он написал ряд статей.

Несмотря на некоторое различие во взглядах, Валуев всячески поощрял деятельность редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, ставшего вскоре после отмены крепостного права столпом реакционной публицистики. Недовольство Министерства внутренних дел отдельными статьями, помещавшимися Катковым, было не чем иным, как стремлением создать видимость беспристрастного отношения к прессе различных направлений. В одном из писем к Каткову в ответ на недовольство того указаниями, данными Министерством Московскому цензурному комитету по поводу «Московских ведомостей», он конфиденциально писал: «Не явно ли, что письма заключают прямое и бесформальное сообщение моей мысли Вам, а мои писания Цензурному комитету — формальное выражение известного взгляда для Вас и для других? Разве Вам не известно, что нас упрекают ежедневно в несправедливости, в пристрастии к Вам, в отклонении от Вас всяких цензурных граней, крепко содержимых для других в указанной целостности! Неужели Вы думаете, что в отношении к Вам я придаю значение моим официальным сообщениям через

[78] М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1904, стр. 405—406.

[79] А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, 1858—1865 гг., М., 1955, стр. 514.

посредствующие лица, тогда как эти сообщения опережены моими прямыми, личными, вполне доверчивыми, откровенными сообщениями? Мне кажется совершенно ясным,— продолжал он,— что я должен по временам констатировать для других и перед другими, что я исполняю свою официальную обязанность в отношении к «Московским ведомостям»» [80].

Таково было подлинное отношение Валуева к «Московским ведомостям». Совместно со своим другом, шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым, Валуев организует прямой подкуп отдельных литераторов, о чем он открыто повествует в своем дневнике. Как рассказывает в своих записках близко знакомый с деятельностью Валуева А. В. Головнин, министр внутренних дел тратил много энергии на организацию своеобразной тайной полиции путем культивирования системы доносов и организации шпионажа.

«Он,— пишет Головнин,— отыскивал и преследовал людей политически неблагонадежных и употреблял на это много времени и денег» [81].

Деятельность Валуева не могла, естественно, встречать к себе положительного отношения со стороны представителей прогрессивного лагеря.

Герцен на страницах «Колокола» неоднократно резко высказывался о Валуеве. Так, в 1867 г. он писал: «Говорят, что Валуев надоел и хотят его отнять от Министерства. Помилуйте, да какого же им еще надобно Министра? «Московские ведомости» отстоял, «Народную летопись» запретил и делает все возможное, чтобы сохранить последние памятники крепостного права» [82].

А. К. Толстой в своем памфлете «Сон Попова» рисует в лице министра, к которому явился во сне на прием статский советник Попов, Валуева.

«Вошел министр. Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в визитку: своего, мол, чина
Не ставлю я пред публикой ребром
. . . .
Министр меж тем стан изгибал приятно.
«Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?

---

[80] «Русская старина», 1915, кн. 9, стр. 412. Письмо от 28 августа 1863 г.
[81] ЦГИАЛ, ф. А. В. Головнина, № 851, оп. 1, д. 8, л. 13.
[82] «Колокол», 1 июня 1865 г., л. 199.

Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал — полнейшая свобода,
Мне цель — народ — и я слуга народа!
Прошло у нас то время, господа,—
Могу сказать: печальное то время,—
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воспрял — но не вполне — да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды» [83].

Образ Валуева дан здесь весьма удачно. Разносторонне образованный, «просвещенный консерватор», как его называл Д. А. Милютин, показан демагогом, краснобаем, типичным представителем политики лавирования.

* * *

С весны 1866 г., используя покушение Д. Н. Каракозова на Александра II, правительство переходит к открытой реакции. На смену либерально настроенному министру народного просвещения А. В. Головнину приходит мракобес гр. Д. А. Толстой. Шефом жандармов становится властолюбивый П. А. Шувалов, приобретший огромное влияние на императора.

«Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй» [84],

— характеризовал Шувалова Тютчев.

В первое время положение Валуева остается прежним. Он сочувствует изменению правительственного курса. В конце октября 1866 г. Валуев составляет записку о политическом положении в стране и средствах, необходимых для укрепления правительственной власти. Эта записка предусматривала проведение политики умиротворения в отношении оппозиционных элементов и решительную борьбу с непокорными. В отношении поместного дворянства Валуев рекомендовал меры, которые «могут способствовать успокоению умов, все меры, клонящиеся к водворению доверия к общественному порядку и к ненарушимости частных законных прав и интересов... упрочение общественной безопасности посредством усиления средств полиции; оказание приличного внимания, в известных случаях, со

---

[83] А. К. Толстой. Стихотворения. Л., 1958, стр. 363—364.
[84] Ф. И. Тютчев. Полн. собр. соч., т. 2 Л., 1934, стр. 205.

стороны ведомств, в которые поступают ходатайства дворянства и земства; устранение по возможности раздражительных столкновений с мировыми посредниками и чинами судебного ведомства; обеспечение узаконенных в пользу помещиков повинностей и договоров с вольнонаселенными работниками» [85]. В отношении же крестьянства рекомендовались иные меры. «...необходимо,— говорилось в записке,— твердое применение и соблюдение «Положений» 19 февраля при немедленном и решительном прекращении всяких попыток к сопротивлению масс» [86]. Здесь рекомендовался и ряд других мер, предусматривавших улучшение быта духовенства, изменение законоположений о раскольниках. Записка эта осталась без последствия.

Наряду с этим Валуев осуществляет ряд мер, направленных на проведение в жизнь реакционного правительственного курса. Будучи недоволен тем, что земские учреждения обнаруживают свою самостоятельность, осмеливаясь не соглашаться с представителями местной власти — губернаторами, Валуев с одобрения шефа жандармов обрушивается на земство. Это нашло свое выражение, с одной стороны, в усилении власти губернаторов в отношении земских учреждений и, с другой, в уменьшении прав земства.

Валуев ведет решительную борьбу и против судебных уставов.

Однако положение министра внутренних дел становится вскоре неустойчивым. Несмотря на угодливость Валуева, его кандидатура не устраивала Шувалова, так как Валуев не всегда во всем соглашался, обнаруживая в некоторых вопросах самостоятельность. Шеф жандармов был заинтересован в том, чтобы пост министра внутренних дел занимала его креатура. В этом, по нашему мнению, и коренится действительная причина ухода Валуева с поста министра внутренних дел.

А. В. Головнин в записках говорит об этом следующее: «Валуев приезжал к Головнину 3 апреля 1868 г. и рассказывал о своем увольнении. Он прямо сказал, что состояние его здоровья не требовало оставления министерства и что он не оставил бы оного, если б государь действовал относительно его иначе, если б он пользовался большею его поддержкой и большим доверием и не встречал постоянно сильного противодействия со стороны некоторых других министров» [87].

Поводом к отставке явилось обвинение в том, что он не принял соответствующих мер по предотвращению голода в Архан-

---

[85] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 150—151.
[86] Там же, стр. 151.
[87] ЦГИАЛ, ф. А. В. Головнина, № 851, оп. 1, д. 8, л. 12.

гельской и Смоленской губерниях. Эти обвинения проникли в печать; они инспирировались из Аничкова дворца и исходили от наследника престола. Министерство внутренних дел было действительно повинно в предъявленных ему обвинениях, однако вынужденный уход Валуева был вызван другими причинами. На его место назначается весьма недалекий жандармский генерал А. Е. Тимашев. Характеризуя назначение Тимашева министром внутренних дел, Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» писал: «В назначении Тимашева ясно выразилось тогдашнее направление нашей внутренней политики: человек, выказавший себя в эпоху освобождения крестьян открытым противником этой великой государственной меры, уехавший тогда за границу, громко и с яростию хуливший все либеральные реформы императора Александра II, становится теперь министром внутренних дел! Это назначение,— подчеркивает Милютин,— было новым заметным шагом по пути реакции и новым торжеством для шуваловской партии» [88].

Наследник престола более чем положительно отнесся к отставке Валуева. «На днях,— пишет он в своем Дневнике 1 марта 1868 г.,— решилось важное событие, а именно, господин Валуев выходит в отставку, а на его место назначили Тимашева. Не знаю насколько, но почти наверное, это большое счастье, счастье для правительства, что Краснопевцев выходит вон» [89].

Согласившись под влиянием Шувалова на уход Валуева, Александр II сохранил к бывшему министру свое благоволение. Он получил весьма милостивый рескрипт, а также алмазные знаки ордена Александра Невского.

По поводу отставки Валуева А. В. Никитенко заносит 16 марта 1868 г. в свой дневник следующее: «Валуев дурно распорядился своею судьбой: притеснением земских учреждений, неблагоразумными и опрометчивыми действиями по делам печати он вооружил против себя общественное мнение, а странным индифферентизмом к голоду он дал против себя оружие в руки враждебной ему партии» [90].

* * *

Выйдя в отставку 9 мая 1868 г., Валуев вскоре уезжает за границу, где с небольшим перерывом пробыл полтора года. Возвратившись в Петербург в конце 1869 г., он принимает участие в работе Государственного совета, а также поступает на частную службу — председателем правления Учетного банка.

---

[88] ГБЛ. Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина, № 169, к. 11, п. 9, л. 8.
[89] ЦГИАМ, ф. Александра III, № 677, д. 301, стр. 261.
[90] А. В. Никитенко. Дневник, т. 3, 1866—1877 гг. М., 1958, стр. 117.

В последующие два года (1870—1871) он остается в Петербурге, бывая за границей лишь в период каникул Государственного совета. Будучи за границей летом 1870 г., Валуев оказался свидетелем быстрой мобилизации прусской армии и последующего молниеносного разгрома Франции. Все это произвело на него большое впечатление и навело на мысль о необходимости проведения в России военных реформ, которые предотвратили бы возможность подобной катастрофы. В разговоре с военным министром Д. А. Милютиным Валуев высказался за введение всесословной воинской повинности в России.

На это Милютин ответил: «... без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новою революционной мерой» [91].

Милютин убедил Валуева представить записку по этому вопросу Александру II от своего имени.

Действительно, через несколько дней Валуев прислал Милютину записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах».

«Заглавие настоящей записки,— писал Валуев,— уже показывает, что я не имею притязания касаться вопросов специально военных. Но есть другая точка зрения, с которой и мирному гражданину может быть дозволено коснуться общего вопроса об устройстве отечественных военных сил. Это в особенности позволительно и естественно в настоящее время ввиду событий уже совершившихся и еще продолжающих совершаться на Западе Европы...» [92].

Далее автор подробно останавливается на проведении мобилизации в Пруссии и анализе причин успеха германской армии. «Но успехи германского оружия не могут быть исключительно приписаны быстроте вооружений. Другие залоги этих успехов заключались в числительности германских армий и самом их составе... значительная часть населения страны проходит через школу военной службы. Это последнее обстоятельство имеет разнообразные и весьма важные последствия. Военная служба становится одною из форм элементарного народного образования...» [93].

Установив, что успехи германского оружия объясняются в конечном счете системой воинской повинности, автор указывал на необходимость изменения в России существующего порядка

---

[91] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина, № 169, к. 16, п. 3, стр. 94—95.

[92] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 38, л. 3.

[93] Там же, лл. 7—8.

призыва в армию, подчеркивая, что частичные изменения рекрутской системы не разрешают полностью вопроса об обеспечении обороноспособности государства.

«Достижение этой цели,— указывал в своей записке Валуев,— возможно только при распространении обязанностей военной службы, хотя бы с некоторыми ограничениями, на сословия, ныне по закону от этой обязанности изъятые. Ввиду событий нынешней войны и под свежим влиянием произведенного ими впечатления едва ли к сему не представляется весьма удобный момент. Мотивы к развитию, на обновленных основаниях, военных сил государства так очевидны, что они всеми будут усмотрены. С одной стороны, безопасность России требует, чтобы ее военное устройство не отставало от уровня военных сил ее соседей. С другой, предстоит явная необходимость в бережливом производстве военных расходов. То и другое возможно в совокупности только при такой системе, которая допускала бы наивозможно меньшее наличие войск в мирное время, при наивозможно большем наличии во время войны» [94].

Введение всесословной воинской повинности имело, по мнению Валуева, и «другие выгоды». «В школе строевой службы,— писал он,— заключаются средства образования более надежные или по крайней мере более безопасные, чем те, которыми ныне могут пользоваться многие лица средних состояний» [95].

5 октября Милютин по просьбе Валуева передал эту записку после своего очередного доклада Александру II, а через день получил ее обратно со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности» [96]. Таким образом, первым, поставившим прямо вопрос о введении всесословной воинской повинности, хотя и с некоторыми оговорками, был Валуев.

Введение всесословной воинской повинности имело огромное значение для развития вооруженных сил России.

16 апреля 1872 г. Валуев был назначен министром государственных имуществ и занимал этот пост до конца 1879 г. В мае 1872 г. он возглавлял «Высочайше учрежденную комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности», именовавшуюся в просторечии «валуевской». Материалы этой комиссии представляют большую ценность для изучения истории сельского хозяйства, однако сама по себе деятельность комиссии не оказала какого-либо влияния на положение как крестьян, так и помещиков.

---

[94] ЦГИАЛ, ф. Валуева, оп. 1, д. 38, лл. 9—10.

[95] Там же, л. 10.

[96] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина, № 169, к. 16, д. 3, стр. 96.

Валуев по-прежнему близок к императору. С ним советуются не только по различным вопросам внутренней политики, но и внешней. Так, в начале февраля 1877 г. Александр II направляет ему для ознакомления записку военного министра «Наше политическое положение», в которой Милютин выступал противником войны с Турцией. «Сегодня утром государь прислал за мною,— заносит Валуев в дневник 11 февраля 1877 г.,— он желал переговорить о записке военного министра и начал с того, что он разделяет его мнение. Я попросил дозволения мыслить вслух, и начав с того, что, если бы собрать в каком-нибудь иностранном посольстве всех явных или полуявных недругов России и спросить их, желают ли они, чтобы государь решился на войну, то они ответили бы утвердительно» [97].

Валуев по-прежнему в отсутствие царя заседает в так называемом регентском Совете, сосредоточивавшем в своих руках всю полноту власти в период отъезда царя из столицы. И в этот период Валуев, как и раньше, весьма скептически оценивает будущее императорской России, которой он в течение всей своей жизни служил верой и правдой. «...Я считаю,— писал Валуев 27 ноября 1877 г.,— нынешнюю Российскую империю фактически обреченной на органическое изменение, быть может, даже на изменение с насильственным решением» [98].

В 1878 г., когда революционная деятельность народников приняла большие размеры, Валуев назначается председателем Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в Империи». Членами Особого совещания являлись шеф жандармов Мезенцов, министры: внутренних дел — Маков, юстиции — Набоков и военный — Милютин.

По инициативе Валуева после покушения на Александра II Соловьева, 2 апреля 1879 г., вводится институт временных генерал-губернаторов. В записке, датированной 2 апреля, т. е. днем покушения, посвященной мерам борьбы «с крамолой», он указывал на необходимость учреждения временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове, Одессе или Николаеве, а также предоставления аналогичных полномочий генерал-губернаторам московскому, варшавскому и киевскому.

Определяя права временных генерал-губернаторов, Валуев в своей записке предлагал: «Подчинить генерал-губернаторам все местные власти по части дел охраны общественного порядка. Подчинить им лиц прокурорского надзора, предоставить генерал-губернаторам право учреждать следственные и военносудные комиссии и конфирмовать их постановления и приговоры.

---

[97] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 6.

[98] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, № 908, оп. 1, д. 174, л. 1. Перевод с французского.

Предоставить генерал-губернатором права на задержание и удаление с местожительства участников в делах революционной агитации, ныне предоставленных шефу жандармов и министру внутренних дел. Подчинить генерал-губернаторам местные войска и военные начальства. Предоставить им право временного закрытия всех общественных учреждений, в которых явно обнаружилось бы содействие политическим агитаторам и право приостановки тех произведений печати, в которых попытки усилить или поддержать противоправительственную агитацию были бы замечены. Предоставить им право издавать и применять все временные полицейские постановления, которые они сочтут необходимыми для ограждения общественной безопасности» [99].

По мнению автора записки, введение института временных генерал-губернаторов должно было по существу означать установление военного положения. Это надо было, как указывалось в записке, осуществить внезапно. «В самую ночь перед объявлением чрезвычайных мер,— замечает Валуев,— произвести важнейшие аресты, чтобы разбить по возможности существующую организацию» [100]. 15 апреля 1879 г. Валуев с гордостью записывает в свой дневник: «Мысль о генерал-губернаторах — моя, еще до 2 апреля высказанная» [101]. Наряду с политикой прямых репрессий Валуев снова возвращается к своему проекту реформы Государственного совета.

8 июня 1879 г., когда Александр II заговорил с Валуевым о «конституционных толках», министр государственных имуществ напомнил императору о своем проекте. «И я,— говорит он в своем дневнике,— воспользовался случаем, чтобы обрисовать в должном свете и виде нынешний Государственный совет и забросить два слова о моих предположениях 1863 года» [102].

25 декабря 1879 г. Валуев назначается председателем Комитета министров и Кавказского комитета с сохранением звания члена Государственного совета и главы Особого совещания. В январе 1880 г. Александр II возвращается к проекту Валуева и сопоставляет его с «конституционным» проектом вел. кн. Константина Николаевича, составленным им в 1866 г. [103] Однако вследствие противодействия наследника престола вопрос этот был снова отложен.

---

[99] ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, оп. 1, д. 170, лл. 2—3. Записка опубликована в «Историческом архиве» № 1 за 1958 г. и ошибочно датирована 1862 г.

[100] Там же.

[101] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 33. Валуев высказывал мысль о введении временных генерал-губернаторов еще в 1861 г. См. ниже.

[102] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 38.

[103] Там же, стр. 47.

В борьбе с революционным движением Валуев широко использует печать. В 1879 г. он организовал издание еженедельной газеты «Отголоски», в которой помещал много своих статей. 15 апреля 1879 г. он записал в дневнике: «Я почти на своих плечах выношу возникшую по моей инициативе новую еженедельную газету «Отголоски». В 15 №№ по сей день до сорока статей, мною писанных!» [104]. В записи, относящейся к концу 1881 г., он говорит, что в течение трех лет существования «Отголосков» [105] им было написано 200 статей [106]. По утверждению Валуева, «Отголоски» существовали благодаря субсидиям Министерства финансов. В действительности же субсидии получались и из III отделения. Так, в смете секретных расходов III отделения на 1878 год значится по графе седьмой: «Отпустить статс-секретарю Валуеву на газету 21 000 рублей» [107].

19 февраля 1880 г., т. е. в день 25-летия царствования Александра II, Валуев был возведен в графское достоинство. Он разрабатывает проект организации Верховной распорядительной комиссии, созданной в 1880 г. по инициативе наследника престола после взрыва в Зимнем дворце.

В феврале 1881 г. Валуев председательствует в Особом совещании, созданном для обсуждения доклада министра внутренних дел графа Лорис-Меликова по вопросу о привлечении представителей общественности к разработке некоторых законопроектов.

Буквально за несколько часов до своей гибели Александр II посылает за Валуевым для согласования с ним проекта правительственного сообщения по поводу предположений Лорис-Меликова. Таким образом, на протяжении всего царствования Александра II Валуев пользуется огромным влиянием и играет ведущую роль в правительстве.

В первые дни царствования нового императора, в период борьбы правительственных группировок, Валуев выступает сторонником проведения в жизнь проекта Лорис-Меликова. На заседании Совета министров 8 марта он решительно поддерживает Лорис-Меликова. По словам государственного секретаря Е. А. Перетца, наиболее подробно описавшего в своем днев-

---

104 Там же, стр. 33.

105 В 1879 и 1880 гг. «Отголоски» издавались как еженедельная газета, в 1881 г.— как двухнедельный литературно-научный и политический журнал.

106 П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 34.

107 ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109. Секретный архив, оп. 2, д. 570, лл. 8—9. III отделение в конце 70-х годов тратило большие суммы по статье «на противодействие пропаганде». Так, в смете на 1880 г. из 558 тыс., отпущенных на секретные расходы, 300 тыс. рублей предназначалось израсходовать на эти цели. (ЦГИАЛ, ф. Лорис-Меликова, № 866, д. 100, лл. 1—2).

нике ход этого заседания, Валуев произнес длинную речь, в которой, между прочим, сказал: «...я давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого положения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей... Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предполагаемая нами мера оказывается в особенности настоятельной и необходимой» [108]. Таким образом, в вопросе о привлечении в состав Государственного совета представителей господствующих классов Валуев в течение почти двадцати лет не изменил своих взглядов.

В конце 1881 г. служебная карьера Валуева оборвалась. Вследствие «расстроившегося здоровья» он должен был подать в отставку и за ним сохранено было лишь звание члена Государственного совета. Действительной причиной отставки было не «расстроенное здоровье», а крупные упущения по службе, допущенные им в бытность министром государственных имуществ. Эти упущения заключались в массовом расхищении башкирских земель в Оренбургской и Уфимской губерниях — раздаче их Валуевым представителям высшей бюрократии. Общее количество земель, розданных далеко не в соответствии с существующим законом, составляло сотни тысяч десятин. Эти злоупотребления были обнаружены сенатором Ковалевским, направленным в 1880 г. для ревизии Оренбургской и Уфимской губерний, а затем детально выявлены специальной комиссией под председательством кн. Урусова. Надо сказать, что все эти массовые злоупотребления, допущенные Министерством государственных имуществ, не имели со стороны Валуева корыстной цели в прямом смысле этого слова. Несмотря на то, что у него не было собственной земли, он не приобрел в Башкирии ни клочка. Раздавая земли, Валуев стремился угодить «сильным мира сего», что, естественно, уже не являлось актом бескорыстия.

Обвиняя Валуева в допущенных им злоупотреблениях, государственный секретарь Перетц пишет 16 сентября 1881 г. в своем дневнике: «При всем том нельзя упрекнуть Валуева, чтобы злоупотребления были им допускаемы из корыстных целей... он не взял себе ничего, а действовал так исключительно по слабости и желанию угождать разным лицам» [109].

Сам Валуев не признавал за собой вины и рассматривал возбуждаемое против него обвинение как результат интриги Лорис-Меликова и Ковалевского [110].

---

[108] Е. А. Перетц. Дневник 1880—1883 гг. М.—Л., 1927, стр. 34.
[109] Там же, стр. 97—98.
[110] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 52.

По поводу так называемого «уфимского дела» Александр III предложил Валуеву подать в отставку, а при окончательном рассмотрении материалов этого дела 2 февраля 1882 г. Валуеву было выражено «высочайшее неодобрение». По-видимому, Александр III недолго сердился, так как весной 1883 г., во время коронации, Валуев принимает деятельное участие в коронационном церемониале и награждается бриллиантовыми знаками ордена Андрея Первозванного.

Однако к государственной деятельности Валуев все же не был привлечен. Причиной этого, на наш взгляд, являлось отнюдь не «уфимское дело», а политические воззрения Валуева, не соответствовавшие правительственному курсу, установленному после 29 апреля 1881 г.

После увольнения в отставку Валуев посвящает себя литературной деятельности.

Забытый своими многочисленными товарищами по службе и подчиненными, пресмыкавшимися перед ним в свое время и получавшими от него «великие и богатые милости», он ведет уединенную, замкнутую жизнь. «Но униженный и оставленный,— пишет в своих воспоминаниях А. Ф. Кони,— он все-таки несколькими головами был выше их в умственном и нравственном отношении, не говоря уже о глубоком и разностороннем образовании»[111].

В этот период своей жизни Валуев сходится с людьми несколько иного круга, которым он причинял немало огорчений, будучи министром внутренних дел, а позднее председателем Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи» и председателем Комитета министров. Валуев становится частым посетителем гостиной редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлёвича, где он встречается с представителями либеральной журналистики. Он близко сходится с А. Ф. Кони, на которого в свое время обрушивал свой сановный гнев в связи с процессом над Верой Засулич.

К старости значительно усиливаются религиозные настроения Валуева. Так, еще в 1876 г. в своем письме-беседе к сыну от 14 ноября он писал: «Во всяком случае помни: одно утешение, одна опора, одно спасение — молитва, одно умиляющее и умиротворяющее пристанище — церковь, один покровитель и спаситель — Трисвитый бог»[112].

В 1884 г. он издает «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года».

---

[111] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. III, ч. 1. Ревель — Берлин, б. д., стр. 218

[112] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 148, л. 1.

Смерть жены, неприятности с горячо любимым, талантливым, но бесхарактерным и легкомысленным сыном Николаем, запутавшимся в долгах, приносят немало огорчений Валуеву. В последние годы, несмотря на высокий оклад члена Государственного совета, он испытывает большие денежные затруднения и ведет весьма скромный образ жизни. «Под конец своей жизни,— рассказывает Кони,— он обитал на небольшой квартире в шумном и узком месте Екатерингофского проспекта, на углу Вознесенского. Когда я посетил его скромное жилище и, подойдя к окну, увидел напротив через узкую улицу стену пятиэтажного дома, не допускавшего ни одного солнечного луча в квартиру Валуева, он печально улыбнулся и сказал мне: «Когда я сижу у самого окна, я все-таки вижу кусочек неба и бегущие по нему облака»» [113].

Умер Валуев в Петербурге 27 января 1890 г. и похоронен в Александро-Невской лавре, на Тихвинском кладбище.

* * *

Биография Валуева не была бы достаточно полной, если бы мы не остановились на его литературной деятельности. Его перу принадлежит большое число публицистических, научных и художественных произведений.

Одна из первых его работ была опубликована в 1857 г. в «Морском сборнике» и посвящена статьям Бэма и Пирогова о воспитании, помещенным в сборнике за предшествующий год.

К произведениям того же жанра надо отнести изданный в Берлине в 1875 г. сборник «Русские заграничные публицисты», направленный против Самарина, Дмитриева, Кошелева и кн. Васильчикова, и многочисленные статьи, которые Валуев помещал в инспирируемых им газетах и журналах.

Научные интересы Валуева были также обширны — от историко-экономических вопросов (статья «О торговле железом в Риге») [114] до «Очерков из области естествознания», представляющих собою научно-популярные статьи по астрономии [115].

Прежде чем переходить к анализу литературных произведений Валуева, остановимся на его взглядах на русскую литературу того времени, изложенных им в заметке, которая сохранилась в его архиве.

«Наша литература,— пишет Валуев,— представляет явление, которое в настоящее время ей одной между всеми европей-

---

[113] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. III, ч. 1, стр. 218.
[114] «Географический вестник», 1852, ч. VI.
[115] «Очерки из области естествознания», Одесса, 1891.

скими литературами свойственно, нечто цеховое — хотя не один только цех — и хотя немало распрей между цеховыми одного и того же цеха. Но они заодно против нецехового и нецеховых. Говорю, конечно, о печати двух столиц. Провинциальная ничтожна. В политическом отношении две струи: китайгородская, признаваемая теперь патриотическою и потому пользующаяся полною свободою брани против Европы; и pseudo-либеральная, нынешнему государственному строю не сочувствующая, но состоящая под подозрением и потому действующая под разными масками и сбивающаяся на социализм под фирмою народолюбия. В беллетристическом кругу печати китайгородская или московская живут истинами славянофилов и графом Толстым «Войны и мира». Либеральная или петербургская превозносит Тургенева второго периода его деятельности, и по научной части — Кавелина. На Достоевском и т. п. мирятся обе, подобно тому, как в политическом отношении обе кадят памяти Самарина, Милютина и кн. Черкасского» [116].

Эти высказывания говорят о далеко не глубоком понимании характера и общественного звучания русской литературы второй половины века и определяют общественно-политическую направленность Валуева как автора великосветского романа.

Наиболее крупным литературным произведением Валуева является его роман «Лорин», изданный в двух частях в Петербурге в 1882 г. Сюжет «Лорина» весьма несложен. Автор повествует о романе офицера одного из гвардейских полков Лорина с дочерью крупного сановника. Надо сказать, что Валуев наделил главного героя Лорина некоторыми своими чертами. Единственный интерес в романе, по нашему мнению, представляет изображение бюрократической чиновной среды, которую Валуев показывает с большим знанием дела.

Как ни странно, И. А. Гончаров в своих письмах к Валуеву дает весьма высокую оценку этому роману. «Изумительно! — так я могу выразить,— писал он Валуеву,— мое впечатление в целом, по выслушании всего, что написано» [117].

М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к И. С. Тургеневу в Париж от 6 марта 1882 г., сообщая ему различные новости, описывал разговор на эту тему, происходивший за обедом по поводу чествования писателя А. Н. Островского: «За этим обедом рассказывали: Валуев написал роман («Лорин»), да и боится: что, ежели обругают! Пригласил к себе Буренина, поил чаем и хорошими, но не самыми лучшими сигарами угощал. Выпросил у него книжку стихов и подарил «Лорина»! Буренин дол-

---

[116] ЦГИАЛ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 5, лл. 9—10.

[117] «И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву, 1877—1882». СПб., 1906, стр. 12.

жен хвалить (и похвалит), но после этого отыграться (и отыграется). Я собственно этого романа не читал, но говорят все, что неслыханная дрянь»[118].

Второй роман «Княгиня Татьяна»[119], как и «Лорин», посвящен той же великосветской среде.

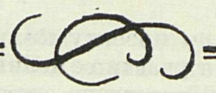
Наконец, третья повесть «Черный бор»[120], несколько мистическая по содержанию, рассказывает о событиях из жизни поместного дворянства одной из центральных губерний. Художественное достоинство ее также невелико, хотя написана она более легким слогом. Наиболее ценными из литературного наследия П. А. Валуева являются его дневники.

---

[118] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, стр. 267.

[119] «Русский вестник», 1899, кн. 4—10.

[120] «Вестник Европы», 1887, кн. 7—8.

1861 год

1 января 1861 г. Утром во дворце. Заезжал два раза к гр. Блудову. Записывался по обыкновению в швейцарских разных дворцов. Все это при морозе в 17°.

Обедал у Вяземских. Вечером дома.

2 января. Утром был у государя. Прием благосклонный. При этом получил приказание созвать Совет министров в четверг, 5 числа. Государь, между прочим, сказал: «Ты знаешь, что на Муравьева много кричат, но ему должно отдать справедливость, что он умеет выбирать людей, наприм., Зеленого и тебя». Видел во дворце Игнатьева, сегодня же утром возвратившегося из Пекина. Навстречу ему посланы звания ген.-адъютанта и лента св. Станислава. Из кабинета государя он вынес, кроме того, звезду св. Владимира 2-ой степени. Несмотря на свои утомительные странствования, он потолстел и начинает прискорбно походить на отца.

Видел также ген. Зеленого, который был у государя до меня. Государь его спрашивал, передал ли он мне разговор на мой счет в Лисине? (Разговор относился до мнения, высказанного ген. Зеленым, что меня следовало назначить министром финансов).

Был потом у вел. кн. Константина Николаевича, который также был любезен, но без особой теплоты, крепко бранил министра государственных имуществ и, скоро перейдя от моего назначения в Комитет министров к крестьянскому вопросу, сильно нападал на проект кн. Долгорукова и ген. Муравьева [1]. Он сказал, что в минуту освобождения нельзя допускать никакой неопределительности в цифрах наделов и повинностей, что узел по этим вопросам может быть разрешен только царским словом, «qui a encore du prestige» *; что губернские

* которое еще авторитетно.

присутствия, которым по проекту кн. Долгорукова и ген. Муравьева предоставляется участие с целию его затянуть, что народ будет оставлен в неизвестности на счет окончательных условий его быта, что, таким образом, в момент личного освобождения не будет никакой твердой точки опоры и что злейший враг России не мог бы придумать более пагубного предложения и представить государю более опасной и вредной мысли. «От Муравьева можно всего ожидать, но меня удивляет, что на это мог решиться такой человек, как кн. Долгоруков». Был затем у гр. Блудова, потом в канцелярии Комитета, потом в Министерстве, где прощался с обоими департаментами. Там, кажется, обо мне искренно жалеют. Я ухожу в добрый час [2]. Слышу, что в час времени подписано до 1 тыс. руб. для поднесения мне в знак памяти серебряной чернильницы по какому-то замысловатому рисунку, изготовляемому г-ном Зичи.

Вечером был у министра [3].

3 января. Целое утро ездил в мундире по разным швейцарским для записывания у разных министров. Видел только кн. Горчакова и ген. Чевкина. Был два раза у гр. Блудова, который то назначал, то отменял заседания Комитета министров. Был у кн. Орлова. Замечательное состояние, в котором он находится, может быть только сравнено с распадением здания по частям как бы в момент землетрясения. Отделяющиеся части падают, но еще не разбились, они по крайней мере частью сохраняют прежний вид, прежний блеск. Та же осанистая наружность, те же черты, не движутся только голова и руки. Туловище, как каменное torso в креслах. Взгляд по временам прежний, в другие минуты блуждающий, нерешительный, исподлобья, как у сумасшедшего или онемелого. Мысль порою ясная, отчетливая, резко и плавно выраженная, порою туманная и без опоры памяти. Он вдруг начал говорить о министрах и сказал о Муравьеве: «он всех их умнее, но смотрит то вперед, то назад, то по сторонам, чтобы только себе не повредить». Fifficus *. О. Чевкине: «Влиятелен, но влияние незавидное; il n'est pas considéré; il a de l'esprit; il est bossu» **. О Панине: «Он часто ошибается, но честен и знает, чего хочет». Довольно отчетливо и резко в выражениях кн. Орлов отзывался о всем современном ходе дел, о недостатке последовательности в действиях правительства и т. п.

Вечером был у гр. Блудова, у министра государственных имуществ и у кн. Долгорукова, который передал мне некоторые записки по делу о воскресных школах [4]. В них приписывается первоначальное возникновение этих школ бывшему киевскому

---

* Плут (своеобразная орфография немецкого «Pfiffikus».

** он не пользуется уважением, он остроумен, он горбат.

профессору Павлову, якобы по совету Герцена и вследствие давних предположений Петрашевского [1].

4 января. Утром опять езда при 20° по министрам и швейцарам. Заезжал в Комитет. Обедал у вел. кн. Ольги Николаевны с бар. Модестом Андреевичем Корфом и Егором Мейендорфом. Она еще очень хороша. Принц (крон), кажется добряк, но не очень дальний. Быть может, я ошибаюсь. Во всяком случае, он симпатичная личность, а не антипатичная, как большинство тамошних принцев.

Вечером, в 11 часов, министр государственных имуществ дал мне знать, что дело о виленских злоупотреблениях по отчуждению казенных лесов [5], за исключением некоторых справок и «многосложностью» дела, не может еще быть внесено в Совет министров. Зачем же докладывалось оно государю в прошлый понедельник, если справки неполны?

5 января. Утром Совет министров. В первый раз видел этих господ в сборе. Синклит не величественный, не похожий на римский сенат и не расположенный к умиранию на курульных седалищах [6] под мечом каких бы то ни было галлов. Слушалось дело о воскресных школах. Ген.-губ. Игнатьев подал записку, в которой указывал на опасность, предстоящую от неправильного направления школ. Министр народного просвещения оправдывал школы и защищал действия своего министерства. Кн. Долгоруков желал правильного и постоянного надзора чрез постоянных наблюдателей. Ген.-ад. Сухозанет предлагал исключить взрослых. Ген.-ад. Анненков находил, что начальниками и наблюдателями должны быть священники. Министр государственных имуществ говорил не о деле, но о своих школах. Гр. Панин доказал присутствие опасности приведением примера, что в одной школе на вопрос: «Кто был Авраам?» — ответ был следующий: «Миф». Игнатьев доказывал то же чтением неподходящей к делу журнальной статьи и ссылкою на присутствие в школах дам из модных магазинов. Княжевич, Адлерберг, Прянишников и Блудов молчали. Ланской сказал два или три слова неопределенного значения. Дело кончилось признаньем надобности наблюдения и привлечения духовенства к участию в оном, этот тезис поддерживали вел. кн. ген.-адмирал [7] и ген. Чевкин, в особенности отчетливо последний. Кн. Горчаков говорил с эмфазисом [8], но не сказал в сущности ничего. Гр. Панин говорит плавно, его орган хорош, но синтетические способности слабы. Хорошо изъясняется Ковалевский, но он говорил слишком жалобно, как бы изнемогая под бременем несправедливых нареканий Игнатьева и шефа жандармов.

Был потом в канцелярии Комитета. Вечером у министра, который передал следующее. У него был Путята, живущий теперь в комнатах бывшей квартиры ген. Ростовцева. Там на днях

слышны были странные звуки. На вопрос: «Не Яков ли Иванович? послышался троекратный стук в дверь. Потом магический карандаш дал на следующие вопросы следующие ответы: Что тебе нужно? — Огонь.— Для чего? — Воевать. — Кому воевать? — Министрам.— С кем? — С коварным князем Константином.— Какой конец? — Вседержитель! Могила!».

Ген. Муравьев говорил об этом кн. Долгорукову и гр. Адлербергу.

Заходил вечером к Головнину. Старался обратить через него внимание вел. князя на польский вопрос. У нас опять готовы впасть в старые ошибки и считать полицейские строгости или преследования политическою премудростью и государственною силой [2].

6 января. Утром был у бар. Штиглица, вечером у гр. Antigone Блудовой. Читал дела бывшего во время оно Инвентарного комитета [9]. Замечательно, что в то время государь император действовал и говорил именно так, как он в последние два года не одобрял, чтобы говорили другие. Mutantur tempora et nos mutamur in illis *.

7 января. Утром у кн. Долгорукова, у гр. Гурьева и в канцелярии Комитета. Гр. Гурьев много говорил о крестьянском деле, по говорил языком двадцатых или тридцатых годов. Странно, до какой степени ум наших государственных людей иногда становится неподвижным на старости. Lord Aberdeen. lord Landsdowne, lord Brougham, даже the iron duke **, не взирая на преклонные лета, всегда умели говорить так, как говорили их современники. У нас, если привыкнуть к тому, что теперь почти сделалось уже достоянием всех образованных слоев народа, то нельзя более ни объясняться с нашими думными старцами, ни даже понимать их. Наприм., гр. Гурьеву на мысль не приходит, чтобы можно было усомниться в праве держать крестьян бессрочно на барщине или в верности цифр посевов и урожаев, заимствованных из официальных отчетов ***.

Пример животного магнетизма. На одного из моих новых подчиненных Селецкого, молодого человека лет 25-ти, поступила к шефу жандармов жалоба его тетки полковницы Синельниковой. Селецкий магнетизировал в шутку ее 17-летнюю дочь и через несколько минут привел ее в состояние сомнамбулизма, из которого нельзя было ее вывести целую неделю. После того они как-то встретились в другом

---

* Меняются времена и мы изменяемся с ними.

** железный герцог.

*** *После* из официальных отчетов *до* Пример... *вписано карандашом:* Третьего дня я записал случай спиритического явления, сегодня приходится записать в дневник любопытный *(Т. I, л. 8)*.

доме. Молодая девушка будто бы тотчас подошла к Селецкому, повинуясь внутреннему влечению своего магнетического подчинения, и снова впала в сомнамбулическое состояние, которое, впрочем, было на этот раз не столь продолжительно. Селецкий был сегодня у кн. Долгорукова, потом у меня. Он обещался избегать всякой встречи с молодою Синельниковою и не ездить в те дома, куда она ездит.

В Государственном совете сегодня готовился указ о назначении председателя Совета. Государь присылал за Бутковым. О ком речь, в нашей канцелярии не знали.

8 января. Утром у обедни. Потом у министра. Председательствующим в Государственном совете и Комитете министров назначен гр. Блудов. Бутков препроводил ко мне по Комитету высочайшие указы об увольнении кн. Орлова и о назначении гр. Блудова, который притом остается главноуправляющим 2-м отделением е. в. канцелярии и даже, говорят, председателем Департамента законов в Государственном совете.

9 января. Утром в Комитете. Заезжал в департаменты, где мое наследие до сих пор еще не разделено по принадлежности. Продолжаю работать по крестьянскому делу по просьбе кн. Долгорукова и министра государственных имуществ.

Вечером у гр. Блудова с докладом, по-видимому, усыпительным, ибо он заснул два раза в течение $^3/_4$ часа. Оттуда заехал к Вяземским слушать записку Веневитинова по крестьянскому вопросу [10]. Он читал ее сам с подобающею торжественностью, словно умирающий Chatham свою последнюю речь в парламенте. Если что-либо оправдывает редакционистов, то это такие противники, как Веневитинов. Наивное тупоумие при наивном самопревозношении и почти ни на что не пригодном добродушии.

10 января. Присутствовал в первый раз при заседании Комитета министров. Кн. Горчаков все-таки наиболее наевропеизированный из членов Комитета. Вечером у министра *, где по-прежнему производится непрерывная переварка его предположений по разным частям его предположений по крестьянскому делу **.

11 января. Утром в заседании Комитета заслуженных гражданских чиновников [11], где я состою членом по новой должности и где нахожусь председателем или старшим членом старого моего начальника 35, 36-го и 41-го годов Танеева. On en revient toujours etc. ***

---

* *После* министра *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 8 об.).*

** Так в тексте.

*** К этому всегда возвращаешься и т. д.

Потом в Комитете. Вечером дома за работой для кн. Долгорукова.

12 января. Утром в Комитете, заезжал в департаменты. Вечером у министра.

13 января. Утром в Комитете. Заезжал к Барашковым и Вяземским. Говорят, что начинают маневрировать со стороны большинства Главного комитета с целию привлечения на эту сторону членов Государственного совета. Гр. Нессельроде говорил о том министру. Слышал то же от кн. Вяземского.

14 января. Утром в Комитете. Сегодня в заседании Главного комитета по крестьянскому делу подписан общий журнал. Он составлен в фолиантном размере и заключает в себе много статей, о которых вовсе не было рассуждаемо в Комитете, умалчивая, с другой стороны, о некоторых действительно в нем происходивших суждениях или неточно излагая заявленные мнения. При раздраженном настроении умов и принятой системе составления журнала, частию посредством перепечатывания статей, вошедших в издание журналов Редакционных комиссий, частию посредством распределения работ по другим статьям между Государственной канцелярией и негласно деятельными на сие время членами реченных комиссий, дело не могло быть иначе.

Кн. Долгоруков, ген. Муравьев и некоторые другие члены Комитета заявили, что не считают себя связанными содержанием журнала при дальнейших действиях своих в Государственном совете.

15 января. Утром у обедни. Затем официальные визиты. Был у Милютина, товарища военного министра, с которым дотоле не был знаком. Приятная личность, но в крестьянском вопросе он, очевидно, под влиянием брата. Вечером у ген. Муравьева. Наши soit disant gros bonnets * продолжают делать промахи по крестьянскому делу. Гр. Рибопьер подавал какую-то записку государю [12]. Кн. Горчаков передавал ему же наивно бесполезное письмо Веневитинова. Как все это неловко, близоруко, несвоевременно.

16 января. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова и у Вяземских. Кн. Долгоруков прислал мне составленный им весьма удачно краткий очерк главных постановлений, заключающихся в проектах крестьянских положений по системе его и ген. Муравьева.

17 января. Заседание Комитета. Проекты Положения должны быть, по-видимому, окончательно отпечатаны завтра и тотчас представлены государю императору. На будущей неделе назначается собственно по крестьянскому делу особый Совет мини-

---

* так называемые тузы.

стров в совокупности с Главным комитетом. Жаль, что в этом случае мое место будет принадлежать Буткову.

Заезжал во 2-й департамент, где Рудницкий, вчера назначенный окончательно директором на мое место, в первый раз его занял в моем бывшем кабинете, за моим столом, на моем седалище.

18 января. Утром в Комитете и у министра *. Вечером дома за работой. Читал отчет государственного контролера за 1860 год. Хорошо составлен. Несколько любопытных цифр. Излишек расходов на содержание армии во время Восточной войны он определяет в 365 мил., не включая в эту сумму некоторых дополнительных издержек 1857 года.

Il ne faut pas se raidir contre les choses, car elles ne s'en inquiètent pas **.

19 января. Утром у министра финансов, праздновавшего 50-летие службы, потом в Комитете. Княжевичу дан обед по подписке. Около 600 человек в нем участвовало. Говорят, это торжество было теплое и радушное. Если он многим оказал услуги, то не на свой счет.

Обедал у Паскевича. Видел там гр. Потоцкую, урожденную Сапега, о которой много было речи прошлою весною. Вечером у министра ***, который ввиду предстоящей развязки крестьянского вопроса и предусматриваемых им толков об устройстве крестьян государственных готов отказаться от всей своей кадастровой системы [13] и старается доказывать, что он в 1859 и 1860 годах делал то же самое, что говорил в 1857 и 1858.

20 января. Утром в Комитете. Потом в Министерстве. Вечером у Вяземских на литературном вечере, где познакомился с Гончаровым. Он читал две главы из романа [14]. Майков и Бенедиктов — стихи.

21 января. Утром кн. Долгоруков и ген. Муравьев прислали мне каждый по экземпляру проекта Манифеста. Кн. Долгоруков был потом у меня. Вечером я был у министра ****. Пересоставляю и сокращаю по возможности этот проект, в котором 14$^1/_3$ стр. печати in folio. Был в Комитете. Ко мне заезжал Дм. Милютин. Он почти «краснее» или желчнее брата [15]. Когда я ему сказал, что нельзя объявлять освобождения на масленице, когда все пьяны, он отвечал: «Да что же, казне и откупщикам будет больше дохода!»

22 января. Кончил работу по проекту Манифеста. Был у обедни. Потом у кн. Долгорукова. Вечером у министра ****. Изменил проект по замечаниям того и другого.

---

* *После* министра *написано:* государственных имуществ. *(Т. I, л. 9).*

** Не надо противиться обстоятельствам, так как им это безразлично.

*** *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 9).*

**** *Вместо* министра *написано:* Муравьева. *(Т. I, л. 9 об.).*

На будущую субботу, 28 числа, назначено заседание Государственного совета под председательством государя для обсуждения первых 20-ти пунктов «Общего положения». Говорят, что государь намерен при этом предложить заготовленные вопросы, направленные к тому, чтобы провести с размаху главные начала проекта большинства [3].

23 января. Утром в Комитете. Вечером у министра *. Сегодня в Главном комитете рассматривался проект Манифеста. Оказался еще один текст — гр. Блудова. Ни одного не одобрили. Буткову поручено сделать свод и представить гр. Блудову на критику и одобрение.

24 января. Заседание Комитета. Вечером у министра ** и у гр. Нессельроде, который просил меня заехать к нему для объяснения по крестьянскому делу. Он говорит, что большинство оппозиции будет в пользу мнения кн. Гагарина [16] и, между прочим, что бар. Корф восстает против проекта 3-х членов. Я сказал ему, что это значит, что бар. Корф будет не в пользу мнений кн. Гагарина, а за проект Редакционных комиссий.

25 января. Утром в Министерстве и Комитете. Должен был диктовать Рудницкому записку для министра. Он плохо ориентируется на своем новом поприще.

26 января. Утром у министра *. Ему сообщена программа вопросов, предназначенных к обсуждению на послезавтра. Они изложены ясно и определительно. Не могло предстоять никакого сомнения насчет ответов с его точки зрения, т. е. с точки зрения его проекта, по первым 4-м вопросам о наделах и повинностях. Оказалось противное. Ген. Муравьев не решается открыто вотировать против кн. Гагарина из опасений, что в пользу системы его самого и кн. Долгорукова будет немного голосов. «Скорее за кн. Гагарина, чем за Редакционные комиссии»,— говорит он. Почему он не за самого себя? Стоило работать над своим проектом. И к чему же ведет вотирование в пользу кн. Гагарина когда очевидно, что его проект утвержден быть государем не может? Предуведомлен о колебаниях Муравьева, гр. Нессельроде и кн. Долгорукова. Дал знать Неелову, чтобы он предуведомил гр. Шувалова. Гр. Нессельроде потом заезжал ко мне. «Je vous avoue,— сказал он,— que si Dolgorouki et Mouravieff passent dans le camp Gagarine, j'y passe aussi» ***. Вот наши убеждения и наши государственные люди!

Вечером у кн. Долгорукова и у министра ****. Сегодня был

---

* *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 12 об., 13).*

** *После* министра *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 13).*

*** Я вам признаюсь,— сказал он,— что если Долгоруков и Муравьев перейдут в лагерь Гагарина, я перейду туда же.

**** *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 13 об.).*

Совет министров по крестьянскому вопросу. Государь объявил, что он «приказывает и требует», чтобы рассмотрение проектов было кончено в Государственном совете к 15-му февраля. Он также объявил, что упраздняет Главный комитет по крестьянскому делу и комитет, бывший под председательством министра двора *, и вместо их учреждает новый комитет, в котором должно сосредоточиться рассмотрение всех законодательных вопросов по устройству сельских обывателей всех разрядов. Министр государственных имуществ попытался резервировать свое мнение, указывая на необходимость внимательно рассмотреть проект устройства комитета, прочитанный Бутковым. Государь жестко остановил Муравьева, сказав, что нечего рассматривать, и что он так хочет. Никто не был предуведомлен о прочитанном проекте, и Адлерберг даже не был предуведомлен о своем отрешении от председательства в вышереченном особом комитете. Les cartes se brouillent **.

27 января. Утром в Комитете и в Министерстве. В Государственном совете чистили залу заседаний на завтра. Майор, от ворот, Кубе распоряжался.

Chacun son métier ***.

Вечером у кн. Долгорукова и министра ****. Государь, по словам Долгорукова, рыцарски намерен быть беспристрастным и не заявлять завтра своего мнения. Долгоруков, видимо, доволен своим с ним разговором. Сегодня обед у гр. Гурьева для разных членов Совета. Этих господ дисциплинируют и экзерцируют.

28 января. Сегодня в 12 часов государь император открыл заседание Государственного совета по крестьянскому делу краткою речью [17], в которой напомнил о предшедших фазисах этого дела и повторил требование, чтобы оно было рассмотрено без замедления и рассмотрение кончено к 15-му февраля. Замечено, что во время его речи что-то обрушилось с потолка с сильным треском и что сегодня годовщина смерти Петра Великого. Заседания продолжались до ³/₄ 6-го часа. В прениях принимали участие почти все языком владеющие члены. Сильно восставал против нарушения прав собственности дворянства министр иностранных дел кн. Горчаков. Гр. Сергей Строганов, кн. Гагарин говорили в том же смысле. Кн. Долгоруков с ген. Муравьевым защищали свою систему. Главным оратором большинства Комитета был гр. Панин, который говорил беспрерывно, отвечая каждому, кто изъяснялся с противной стороны. Ген. Аннен-

---

* Для устройства крестьян удельных, казенных и т. д. *(Прим. автора).*

** Карты путаются.

*** Каждому свое дело.

**** *После* министра *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 14).*

ков с обычным бледным словоизобилием рассказывал длинную историю о каком-то саратовском помещике из севастопольских героев, которому надлежит выдать дочь в замужество и которого разорит проект Редакционных комиссий. Гр. Блудов à propos de * вотчинной полиции сказал государю, что дворянство подносит ему кнут и плеть для сечения крестьян и т. д. При подаче голосов в собрании, где было, кроме государя, 45 членов, в том числе 3 вел. князя и пр. Ольденбургский, оказались следующие результаты:

По вопросу об определении известной нормы наделов и повинностей законодательным порядком вместо безусловных добровольных соглашений 30 голосов pro, 15 — contra. Большинство состояло из лагеря вел. кн. ген.-адмирала + лагерь Долгорукова и Муравьева (меньшинство составляли гагаринцы) [18]. По вопросу об определении наделов теперь же или о предварительном истребовании соображений губернских присутствий pro — 17 голосов (лаг. вел. князя), contra — 20 (Муравьев и Долгоруков + несколько гагаринцев) [19].

8 голосов, из числа гагаринских, по этому вопросу не поданы.

По третьему вопросу, быть ли волостям, pro — 25 голосов (лаг. вел. князя + часть долгоруково-муравьевского) [20].

По четвертому, быть ли волостным попечителям [21], pro — 14 голосов, contra — 31 (лагерь вел. князя и гагаринский) [22].

Последний votum, между прочим, ясно показывает, как мало члены давали себе отчет в том, что делали по некоторым вопросам. Учреждение волостных попечителей на предложенных основаниях было одним из самых либеральных предположений, когда-либо сделанных с самого начатия крестьянского дела. А против него подали голоса все члены так называемой либеральной партии.

Вообще заседание было, говорят, весьма прилично. Государь вечером посылал за кн. Долгоруковым и его благодарил. Если бы долгоруково-муравьевский лагерь соединился с гагаринцами, то против начал большинства Главного комитета было бы 28 голосов, а в пользу этих начал только 17-ть, в том числе три вел. князя и пр. Ольденбургский по указу, 4 члена Главного комитета и бар. Корф по тем же самым чувствам, которые ознаменовались в деле шишмаревского дома [23]; следовательно, кроме их, только 8 ** новых голосов из членов Совета. Вечером был у министра.

29 января. Утром у обедни. Потом у министра. Ездил по ужаснейшей распутице к Калинкину мосту. Потом с 4-х часов до 6 $1/2$ снова у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для сообра-

---

* по поводу.

** *В «Отрывках из Дневника» написано: 9. (Т. I, л. 15).*

жения некоторых вопросов по дальнейшему ходу крестьянского дела. В начале совещания присутствовал гр. Нессельроде. Вечером опять у министра * до часа ночи. Его разлагающие тенденции расходились вследствие полууспеха в заседании вчерашнего числа. Он теперь снова говорит о невозможности кончить дело до осени и о его намерении приняться за вторичное обсуждение каждой отдельной статьи, каждого отдельного проекта Положения.

Вчера в заседании Государственного совета обрушившийся или упавший предмет был корона с минского герба. В городе уже рассказывают, что упала корона с московского, а не с минского герба. Московский герб прибит на противуположной стене против окон.

Между речами достойна внимания речь с.-петербургского ген.-губ. Игнатьева. Она ограничилась упреком Редакционным комиссиям в том, что они не включили в числю табельных дней: высокоторжественных тезоименитств е. и. величества, и дня рождения е. и. величества, и дня коронации е. и. величества.

30 января. Утром в Комитете. Заходил в Департамент податей и сборов к новому директору Гроту. Перед обедом заходил ко мне кн. Долгоруков и просидел до $^1/_2$ 7-го в разговоре на тему вотчинных полиций [24]. Вечером у гр. Блудова. Потом в Мариинском театре, который видел в первый раз. Видел M-me Ristori в роли королевы Елизаветы. Великий талант. Сцена, в которой Елизавета требует, чтобы ее оставили одною, и потом падает на колени, производит сильное впечатление. Поплатился за театр тем, что должен был просидеть до $4^1/_2$ час. утра за работой, чтобы наверстать время, проведенное в театре.

31 января. Утром в заседании Комитета. После обеда у Вяземских и у гр. Блудова. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для окончательной редакции их amendements ** по 2-му разделу общего Положения.

1 февраля. Сегодня утром кн. Долгоруков меня уведомил, что государь утвердил по мемории Государственного совета мнение меньшинства относительно вопроса о способе определения наделов. Следовательно, губернские присутствия не призываются к участию. Следовательно далее, система кн. Долгорукова и ген. Муравьева *** (в главных своих чертах, пересмотре норм надела на местах и учреждении волостелей, уже отвергнута. Судьба идет своею дорогой [4].

---

* *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 15).*

** поправок.

*** *Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 1, а также за 2, 3, 4 и 6 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 16а — 17).*

2 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева и в Комитете. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для обсуждения порядка, которого им следует держаться при дальнейшем рассмотрении великорусского Положения [25]. Ген. Муравьев ниже всякой критики. Все та же страсть к мелочам и то же отсутствие рассудительности в отношении к данным условиям времени и дела.

3 февраля. Утром в Комитете. Вечером на свадьбе молодого Половцова с воспитанницею бар. Штиглица. При этом случае был в первый раз в сенатской церкви. Имеет ли Сенат у нас будущность?

4 февраля. Утром в Комитете. Обедал у Паскевича. Вечером у кн. Долгорукова и ген. Муравьева, где встретил Игнатьева. Между ними разговор замечательный по тупости Игнатьева и по спутанности слов и понятий самого Муравьева, который теперь совершенно впал в роль интриганта, довольствующегося возбуждением неудовольствия и оппозиции в Государственном совете, без всякой надежды на практические от того результаты и даже без желания результатов. Затем приехал Клейнмихель. При встрече он и Муравьев обнялись, и Клейнмихель приветствовал Муравьева возгласом: «Наш общий спаситель».— Вот п . . . . . ,— сказал мне бывший при том ген. Зеленый.

В Государственном совете ген. Анненков готовит предложение понизить на $^1/_3$ все нормы Редакционных комиссий. Кн. Долгоруков и ген. Муравьев не участвуют в этом предложении, но его одобряют.

6 февраля. Утром в Комитете. Вечером у ген. Муравьева. Гр. Сергей Строганов играет странную роль. Он большею частью подает голос с членами большинства Главного комитета. В городе кричат о его défection *. (Класс кричащих большею частью не употребляет русского языка). Мне кажется, что гр. Строганов заглаживает высказанные им в первом заседании замечания на речь государя, после которых государь ему сказал: «Граф, вы придираетесь к моим словам».

Завтра выпускаются на сцену по вопросу о наделах Анненков и Игнатьев с их двухтретными предложениями. Великий Клейнмихель намерен их поддержать. Кн. Долгоруков и Муравьев дергают со стороны те ниточки, по которым должны разбежаться Игнатьев и Анненков. Что за сумбур в голове Игнатьева! Любопытно было бы стенографировать ход его мысли наедине, а потом и в диалоге с Муравьевым. А сей последний?!⟩

7 февраля. Утром в Комитете, где не было заседания, потому что члены заняты крестьянским делом. Вечером у министра, потом у Гернгроса.

---

* отступничестве.

Сегодня в Совете по вопросу о цифрах наделов 27 голосов против 15-ти [26] положили принять цифры Главного комитета в $2/3$ размере. Вероятно, что это не будет иметь практических результатов, потому что государь согласится с меньшинством. Предложение о $2/3$ внесено Анненковым и Игнатьевым. Гр. Блудов называет Sonderbund'ом союз, составившийся между этими господами и долгоруково-муравьевцами. Между тем союз Долгорукова с Муравьевым, видимо, слабеет. Бар. Корф теперь подает голос с членами большинства.

8 февраля. Утром у министра. Потом в Комитете. Вечером в цирке, где видел «les merveilles gymnastiques créées et éxécutées par M. Jules Léotard» *. Позже еще раз у министра. Сегодня в Совете при рассмотрении северо-западного местного Положения разрешен полуудовлетворительно вопрос об односельях [27]. Затем по вопросу об инфляндских уездах Витебской губернии [28] 30 голосов против 9-ти объявили себя в пользу пересмотра в губернском присутствии постановлений о повинностях, определенных для этих уездов Редакционными комиссиями и Главным комитетом [29]. По другому вопросу, о поверочных комиссиях [30], 27 голосов против 12-ти поданы в пользу какого-то предложения ген. Муравьева, которого значение он, однако ж, не сумел мне ясно определить [31]. Кажется, что дело в назначении этих комиссий только для тех случаев, когда в них представится надобность, вместо возложения на них обязанности поверять повинности во всех имениях 4-х губерний. Пр. Ольденбургский и гр. Строганов вотировали с большинством.

9 февраля. Утром в Комитете. Кое-какие визиты. Вечером заходил к Головнину. Нельзя ** ⟨ожидать от него многого для будущности. Его методический кабинетный самодовольный ум не может приладиться к эпохе быстрых движений и переворотов. Он все рассчитывает на годы там, где силою вещей вопросы предрешаются в неделю, и стремится к устройству коллегий, тогда как у нас и одиночных деятелей приискать трудно.

Был в прежних моих департаментах. Prikarov [?] говорил о Champeîné: «C'est mon clair de lune» ***, я и этого не могу сказать о моих преемниках.

В Университете при годовом акте произошла сцена. Из программы была исключена какая-то речь, которую должен был говорить профессор Костомаров. По окончании акта, когда

---

* Чудеса гимнастики, созданные и исполненные Жюлем Леотаром.

** *Далее уничтожено автором 2 листа. Последующий текст за 9, 11 и 12 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 17—18).*

*** Это мой свет.

удалялись или удалились присутствовавшие «honoratiores» *, студенты начали вызывать Костомарова. Принуждены были призвать ректора (Плетнева), который объявил студентам, что программа сокращена будто бы за недосугом министра народного просвещения, который вовсе не присутствовал.

11 февраля. Два дня не видал ни кн. Долгорукова, ни ген. Муравьева. Слышу, что вчера в Государственном совете произошло неожиданное событие. Единогласно принято будто бы предложение кн. Гагарина отводить крестьянам вместо указных наделов за повинности $^1/_4$ этих наделов бесплатно [32]. Если так, то почему же некоторые члены так кричали против нарушения прав собственности?... Куда девалось положение о выкупе и на каких основаниях применять четвертование наделов к западным хуторным хозяйствам и к поземельному устройству государственных имуществ [5]?

12 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева. Постановление о $^1/_4$ надела состоялось в виде меры, допускаемой по добровольному соглашению сторон. Странный взгляд на дело. Кто же мог считать подобные соглашения недозволенными?

Вчера государь собирал у себя Главный комитет для совещания по проекту Манифеста третьего издания [33]. Это издание принадлежит московскому митрополиту Филарету, которому были сообщены на заключение прежние два издания. Ген. Муравьев чрезвычайно хвалит проект преосвященного Филарета. Верю, что проект хорош, но не доверяю суждениям о нем ген. Муравьева.

Государь по всем пунктам согласился с меньшинством Совета. Вчера, чтобы заявить свою решимость идти избранным им путем, он читал Комитету полученное им безымянное письмо, в котором его укоряют в нарушении своего обета, в пренебрежении к закону, в грабительстве чужой собственности и, говоря о ножах, которые точат на него и на все его семейство, указывают на вредное влияние, представляемое им вел. кн. Константину Николаевичу, и упоминают даже о том, что в народе будто бы считают ген.-адмирала настоящим преемником престола, потому, что он рожден «сыном императора»).

[*13 февраля* ** . . . .]

Совет, крестьянские положения.

Утром в Комитете. Вечером был у меня Кошелев. Он смотрит на развязку крестьянского дела, как на торжество демократических начал, превосходящее не только его ожидания, но даже его желания. По его мнению, не пройдет двух лет до предъ-

---

* почетные гости.

** *Дата установлена по тексту «Отрывков из Дневника». (Т. I, л. 18 об.).*

явления всеми губернскими дворянскими собраниями petitions of rights * и до устранения от дел всех «vieilles ganaches» **.

От него слышал, что в Государственном совете 7 голосов, в том числе голос гр. Строганова, были поданы в пользу того, чтобы на брак крестьян испрашивалось разрешение помещиков [34].

14 февраля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова, который во все продолжение моего доклада не то чтобы засыпал, но почти не просыпался. Потом у министра, который теперь вместо меня пилит гр. Стенбока и в большом затруднении, что и как делать по удельному ведомству ввиду состоявшегося разрешения общего эмансипационного вопроса. Все, однако, вверх дном. Всех предъявлений как будто не бывало. Бедный Михаил Николаевич! [35]. Жутко ему приходится. Где прежний aplomb и прежняя уверенность в успехе всеподданнейших докладов?

У меня обедали Эттинтен, Кубе, Гернгрос и Рудницкий.

15 февраля. Утром в Комитете, который имел заседание. Потом в Министерстве и у кн. Суворова. Вечером у министра, который требовал моего мнения о мерах по ведомствам государственных имуществ и уделов, которые становятся необходимыми вследствие разрешения крестьянского вопроса.

Губернаторам дано знать для объявления по принадлежности, что обнародование крестьянских положений последует великим постом.

16 февраля. Во время вчерашнего заседания Комитета Тымовскому принесли телеграмму от государя. Его лицо несколько изменилось при чтении, потом он говорил с кн. Долгоруковым. Сегодня слышно, что в Варшаве беспорядки. По случаю годовщины Гроховской битвы хотели отслужить или отслужили тризну о павших в тот день поляках. Говорят, что народ столпился и что войско принуждено было действовать оружием [36]. По сегодняшним известиям стрельба будто бы продолжается, и государь очень беспокоен. Поляки давно ищут случая pour se faire mitrailler ***. Цель очевидна. В Европе опять заговорят о польском вопросе. Тамошнее безмозглое управление им помогает. Теперь е. в. император всероссийский уже поставлен на одну доску с неаполитанским ех-королем по делам Сицилии и с австрийским императором по делам венгерским. Ненавистное управление поддерживается картечью и штыками.

Утром в Комитете. Вечером у Шереметевых. Здесь в городе ходит множество более или менее нелепых слухов о том,

---

* петиций о правах.

** старых тупиц.

*** чтобы подставить себя под пули.

что произойдет 19-го числа. Говорят о движении в народе. Загородные баталионы гвардии сюда вызваны.

17 февраля. Утром в Комитете. Заезжал к Паскевичу. Вечером был у Платонова. По его рассказам, в первый день варшавских известий, во вторник, не получено никакого сведения о столкновении войск с народными толпами. Следующий день прошел спокойно. Вчера сборища возобновились. В проходившую где-то роту бросали каменья. Она дала залп, которым убито 6 человек и несколько других ранено. Сегодня других известий не было. Государь вчера и сегодня посылал за Тымовским и Платоновым.

Между тем у нас словно бьют на то, чтобы и здесь происходили варшавские события. В сегодняшних газетах ген.-губернатор сухо объявляет, что 19-го числа никаких правительственных постановлений по крестьянскому делу объявлено не будет. Почему не сказать, как в сообщении губернаторам, что дело отложено до поста, или, по крайней мере, не прибавить слова: «еще». Сухое отрицание дразнит.

18 февраля. Сегодня вздумали исправить в «Северной пчеле» вчерашнее объявление и напечатали, что редактор озаботился наведением справок и осведомился, что в «с е д ь м о е ц а р с т в о в а н и е» (sic) императора Александра II-го, в дни молитвы и поста, наконец, последует ожидаемое событие.

Утром в Комитете. Потом заходил к Карамзину, который несет прямую чушь по крестьянскому вопросу. На дороге к нему видел * ⟨изукрашенный цветами вокруг пиэдестала монумент императора Николая. Одни говорят, что цветы присланы Нелидовою, другие, что подрядчиком, строившим монумент. Многие склонны видеть в них демонстрацию против нынешнего царствования. Говорят, что и на сегодняшней панихиде в Петропавловском соборе была тьма народа также в виде демонстрации. Цветы, впрочем, искусственные; такова же и демонстрация.

Вечером был в Политико-экономическом комитете Географического общества, куда не ездил два года, несмотря на постоянные повестки. В нем также заключается симптом нашей дезорганизации. Лица, имеющие официальное значение, как Гагемейстер и Бутовский, играют в нем роль, вовсе не соответствующую этому значению... Оттуда отпра⟩вился к Головнину на вечер in fiocchi ** в честь гр. Муравьева-Амурского. Были там братья Милютины, Оболенский, кн. Орлов-сын, с которым

---

* *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 18 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I л. 19 об.).*

** в парадном костюме.

я только при этом случае познакомился, Ковалевский (Азиатский департамент), гр. Амурский, Краббе и я. Н. Милютин в желчном настроении духа. Следовательно, несмотря на торжество системы Редакционных комиссий, его торжество не полное. Головнин говорил о варшавских делах, что поляки начали слишком рано, что Тимашев того только и желал, чтобы они дали достаточный повод к принятию репрессивных мер, что теперь их примут, парализируют движение, qu'on arrêtera les meneurs * и пр. и пр. Весьма сомневаюсь в основательности тимашевских воззрений.

19 февраля. Сегодня, вместо ожидаемых демонстраций и даже волнений, ничего кроме грязи и ям на улицах. Эти ямы не помешали, впрочем, блистательному петербургскому свету собраться на раут кн. Юсуповой (матери), которая при этом случае показывала новое устройство своего великолепного дома на Литейной. Она, говорят, и, вероподобно, вышла или выходит замуж за какого-то Chauveau или Chevat. Но, между тем, признала не лишним de faire acte de présence ici **. Весною она опять отправится в Париж проживать там русские полуимпериалы вместе с разными другими русскими дамами и кавалерами, пока в Политико-экономическом комитете будут рассуждать о денежном кризисе, а в Главном финансовом комитете будут предлагать для восстановления равновесия между привозом и вывозом звонкой монеты 30-рублевую в год пошлину за паспорт кн. Юсуповой и другие полуподобные паспорты.

Гр. Муравьев-Амурский назначен, говорят, членом Государственного совета и получил Владимирскую ленту. Кн. Суворов, чаявший того же звания, если не той же ленты, будто бы не получил ни того, ни другого.

Между тем из Варшавы, как слышно, невзирая на все усилия держать дело в секрете, доходят неладные вести. Кн. Горчакову представлен адрес [37] за подписью 140 прелатов и других почетных лиц, в котором испрашивается восстановление конституции конгресского царства. Кн. Горчаков будто отказался принять адрес. Тогда будто бы решили отправить сюда депутацию. Государь несколько раз посылал за Тымовским и за военным министром. Здесь войско одно не поможет. Залегает гроза на западе. Principium finis ***. Вопрос только в следующем: разрушение или возрождение?

В Государственном совете в прошлую субботу кн. Гагарину подано безымянное письмо, в котором его поздравляли или приветствовали защитником прав собственности, а поступки

---

* что задержут зачинщиков.

** появиться здесь на короткое время.

*** Начало конца.

правительства, т. е. государя, называли «le délire du despotisme *. Гр. Блудов имел неприличие сказать, что в другие времена кн. Гагарин подвергся бы ответственности за получение подобного письма. Тогда Гагарин отвечал, что сожалеет, что не показал еще письма всем членам Государственного совета, и подал оное присутствовавшим в заседании вел. князьям. В тот же самый день или накануне оканчивали обсуждение Положения о горнозаводских крестьянах [38]. Гр. Строганов спорил с Чевкиным и хотел требовать собирания голосов, но остановился и громко сказал, что, впрочем, собирание мнений теперь уже бесполезно и что большинство не имеет никакого значения. Никто затем не настоял на обряде подачи голосов, и Положение принято беспрекословно, т. е. единогласно. Как у нас все невпопад. Непокорность и оппозиция. Разве учреждение Государственного совета издано со вчерашнего дня и разве многозначительное «и я» не писалось прежде тысячи раз на стороне меньшинства? К чему теперь выходки гр. Строганова? А тот же самый гр. Строганов остается попечителем цесаревича [39] и подавал голос вместе с меньшинством в пользу наделов гр. Панина и Главного комитета.

20 февраля. Утром в Комитете. Видел Буткова, который говорит о всем у нас делающемся почти с милютинскою желчью. И он недоволен. Упрекает государя в том, что он беспрестанно поддается то одному влиянию, то другому. Говорит, что не понимает отношений государя к Константину Николаевичу, который, по его мнению, вовсе не пользуется приписываемым ему кредитом и «ужасно боится» государя. Вчера е. величество утвердил журналы Государственного совета по крестьянскому делу. Вел. князь желал быть при этом и условился с Бутковым быть в одно время во дворце. Но когда Бутков был позван в кабинет государя и доложил ему, что вел. князь желал присутствовать при утверждении журналов, то государь отвечал: «Зачем? Я один могу дело покончить». Бутков недоволен решением крестьянского вопроса, особенно по западным губерниям, и говорит, что правительство ошибается, думая, что, в случае смут в порубежных с Польшею губерниях, крестьяне будут за него против помещиков.

Между тем здесь были приняты вчера странные меры. Не только консигнировали войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию; кроме того, оба Адлерберга и кн. Долгоруков будто бы ночевали во дворце и, incredibile dictu **, имели готовых лошадей для

---

* бредом деспотизма.
** трудно поверить.

государя! Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы государь не ночевал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел. кн. Ольги Николаевны [40]. Об.-полицмейстер Паткуль между тем сек дворников и одному из них дал 250 розог за то, что он будто бы сказал, что когда объявят свободу, то он закричит «ура!» По-татарски мы обращаемся в европейцев!

Из Варшавы были вчера телеграфические известия и приехал фельдъегерь. Но о содержании вестей я ничего не узнал подробно. Говорят только, что все спокойно. Поляки просят восстановления не конституции конгресского царства, а органического статута 1832 г. [41]. Бутков говорит, что депутации сюда не будет.

Вечером был у гр. Блудова. Он по-прежнему почивал во время моего доклада *.

⟨*21 февраля.* Утром в Комитете. В заседании участвовал для слушания отчета кн. Васильчикова по управлению его генерал-губернаторством в 1859 и 1860 гг. вел. кн. ген-адмирал. Реченный отчет особенно понравился государю, который повелел сообщить оный в копиях прочим ген.-губернаторам.

Кн. Долгоруков говорил мне, что смотрит с опасением на польские дела. «On prend la chose trop légèrement chez nous».— Je suis heureux de vous l'entendre dire, mon prince. Je tiens pour certain que la chose est très grave.— «Chut! il n'en faut pas parler» **. Почему же?

И. М. Толстой, сегодня заседавший вместо кн. Горчакова, напротив того, выражался следующим образом: «On n'a pas laissé à Gortschakoff (т. е. наместник) le temps de faire la bêtise de recevoir sa petition. Tout va bien. Il faudra seulement faire aller ailleurs M. M. Fialkovski et c^{ie} ***.

Звезда Муравьева, видимо, бледнеет. Государь холоден. При вчерашнем докладе он ему не дал руки. В доме поговаривают об увольнении, об отказе далее вести дела в Министерстве. Особенно зла, едка и желчна министресса Пелагея Васильевна. Давно ли за обедом при разных воскресных гостях она и он торжествовали? Давно ли Клейнмихель величал его «общим спасителем»? Sic transit gloria ****.

---

* *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текста за 21 и 22 февраля восстанавливается по «Отрыкам из Дневника». (Т. I, лл. 21 об.— 22).*

** У нас слишком легко смотрят на это дело. Я счастлив услышать это от вас, князь. Я знаю наверняка, что положение очень тяжелое. Тише. Не надо об этом говорить.

*** Горчакову (т. е. наместнику) не дали время сделать глупость принять его петицию. Все идет хорошо. Надо будет только удалить господ Фиалковского и К°.

**** Так проходит слава.

22 февраля. Утром в Комитете. Потом в Департаменте сельского хозяйства, где открыл учрежденный под моим председательством комитет об устройстве Петровского-Разумовского и предполагаемых в нем заведений (Земледельческой академии и пр.). Видел Зеленого, который передал мне, что при последнем докладе государь почти сказал Муравьеву, что не желает иметь его министром. Он с гневом, и, ударив по столу, сказал, что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому делу и что управляющие палатами государственных имуществ должны помогать, а не противиться исполнению этих постановлений. Видно, что вел. кн. Константин Николаевич возбудил в государе эту мысль о противодействии министра государственных имуществ и его подчиненных.

Муравьев, который вообще ведет и держит себя теперь с бо́льшим достоинством и спокойствием, чем обыкновенно, отвечал (разговор происходил в конце доклада), что воля е. величества будет свято исполняться и что если он, министр, найдет принятие каких-либо мер противным своей совести и своим убеждениям, то будет просить уволить его от обязанности исполнять такие меры. Государь на это сказал: «Прощайте». Муравьев, возвратясь домой, написал письмо государю с просьбою об увольнении от звания министра, но Зеленый дал ему совет не посылать письма до следующего доклада, чтобы вполне убедиться, что обнаруженное государем настроение ума не было минутною вспышкою, вызванною наговорами, не имеющими надлежащего основания.

Вечером у Паскевича. Théâtre de Variété. Весь петербургский beau monde. Паскевич едет в субботу в Рим для передачи королю и королеве неаполитанским [42] знаков ордена св. Георгия за Гаэту.

Все варшавские notabilités * всех сословий, от Фиалковского и Замойского до Шленкера, подписали адрес, представленный наместнику. В этом адресе не выражается никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции конгрессского царства, но только приносится е. и. величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши. Наместник принял адрес. Здесь его в этом обвиняют, хотя неизвестно почему. Между тем вся Варшава в трауре, и коноводы движения, конечно, постараются faire mousser autant que possible le sang versé **. Кн. Горчаков, говорят, сменил об.-полицмейстера и дезавуирует ген. Заболоцкого (дежурного), приказавшего выдать войскам боевые патроны.

---

* почетные лица.

** раздуть, насколько возможно, дело о пролитой крови.

23 февраля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Ждали государя, но он не приехал, потому что у него был прибывший из Варшавы ст. секр. Карницкий. Мне говорил Фредро, что Карницкий прислан от кн. Горчакова с положительным и категорическим признанием в невозможности продолжать прежний régime и в безусловной необходимости или сделать уступки и переменить систему, или править Царством со дня на день штыками и картечью. Карницкий говорит, что он не может остаться на службе, если требования кн. Горчакова не будут удовлетворены, что никто остаться на службе в Царстве Польском не может, одним словом, что струна была натянута донельзя и лопнула. Gouverner c'est prévoir *. Хорошо у нас предвидели и правили. Вел. княгиня сказала мне: que faut-il faire en Pologne? — Changer de système, Madame.— Je le pense aussi; mais voici le ministre de l'intérieur qui est flamboyant et parle de mesures de sévérité **. (Ланской!!) — Mais on a été trente ans sévère, Madame, et où en est-on arrivé? ***[6].

24 февраля. Утром в Комитете, вечером на рауте у кн. Горчакова. Mme Kalergi мне сказала, что, по отзыву ее отца (голубого гр. Нессельроде), все потеряли голову в Варшаве и в продолжение 2 дней городом управлял и все полицейские обязанности исправлял Комитет из граждан и обывателей. Убиты, конечно, большею частью невинные зрители, между прочим, француз, служащий в управлении железной дороги. Сегодня утром были позваны к государю Тымовский, Платонов, кн. Долгоруков и кн. Горчаков. О результате аудиенции Карницкого я не мог узнать ничего положительного.

25 февраля. Утром в Невском монастыре [43], потом в церкви, потом в Комитете, заходил к Вяземским. Встретил Фредро, который говорил, что в совещании у государя вчера участвовал, кроме Горчакова и Долгорукова, военный министр, что Платонов на сей раз говорил в смысле последнего отзыва наместника, т. е. в смысле необходимости перемены системы, что его поддерживал Сухозанет и что государь, несмотря на противоречия Долгорукова и Горчакова, решился не прибегать исключительно к силе. Написано в Варшаву о представлении ближайших со стороны князя-наместника предположений.

26 февраля. Утром у обедни. Был в Комитете и видел бега на Неве. Одно национальное удовольствие. Много народу, и он смотрит с участием на это зрелище.

---

* управлять — это предвидеть.

** что нужно сделать в Польше? Изменить систему, сударыня.— Я тоже это думаю, но вот министр внутренних дел очень пылкий и говорит о строгих мерах.

*** Но мы в течение тридцати лет были строгими, сударыня, а к чему мы пришли?

Третьего дня был у меня ген. от артиллерии бар. Корф и передал мне бумагу по тяжебному делу его брата, бывшего председателя Тобольской казенной палаты, с его женою. Редко читал что-нибудь гаже. Пошлые ругательства с постоянною примесью баронской спеси и возгласов насчет герба, дворянского достоинства, дворянских чувств, façon de voir d'un chevalier * и т. п. Между тем, этот chevalier ** с гербом называет жену подлою тварью, подлянкою, говорит, что сказал ей: Il faut que vous récuiez (sic) la maison de votre présence *** и пр. Из переписки видно, что жена дрянь, но и муж далеко не рыцарь. С этими навозными бумагами ген. Корф приехал ко мне прямо от государя в полной форме с лентою, принесши е. величеству благодарность за какую-то милость по случаю служебного юбилея. Нужно значительное притупление всякого рода чувств и полное обращение в юбилярную служебную «res» ****, чтобы с легкой руки в александровской ленте высыпать перед незнакомым человеком такого рода скверный семейный сор.

Читаю œuvres posthumes de Tocqueville ***** [44], когда у нас будут так писать? Когда у нас будут Токвили?

27 февраля. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, у кн. Голицыной и кн. Суворова, которого застать дома невозможно. Вечером у министра, который сообщил мне на заключение проекты указов министру уделов по вопросу об устройстве удельных имений.

28 февраля. Утром у ген. Муравьева. Разговор шел, между прочим, о возможности его выхода из Министерства вследствие объяснений с государем. Когда я ему сказал, что, по моему мнению, надлежало бы обождать открытия нового комитета сельских обывателей [45], то он отвечал: mais vous concevez qu'il m'est plus avantageux de m'en aller plutôt. Les choses n'iront pas. Il vaut mieux être dehors avant la bagarre ******.

Заседание Комитета. Гр. Блудов рассказывал, между прочим, что про княгиню Багратион, постоянно жившую в Париже, гр. Федор Пален говорил: «qu'une colonne ennemie l'avait coupée à la bataille d'Austerlitz et que depuis elle n'avait pas réussi à se dégager» *******. О наших законах Сперанский отзывался, что их надлежит писать неясно, чтобы народ чувствовал необходи-

* рыцарская точка зрения смотреть на вещи.
** рыцарь.
*** Нужно, чтобы вы освободили дом от вашего присутствия.
**** вещь.
***** посмертные сочинения Токвиля.
****** Вы понимаете, что мне более выгодно уйти раньше. Дела не пойдут. Лучше уйти перед дракой.
******* вражеская колонна отрезала ее во время Аустерлицкого сражения и с тех пор она не сумела вырваться оттуда.

мость прибегать к власти для их истолкования. Гр. Блудов присовокупил: «Это, впрочем, была не его мысль, а мысль покойного государя». Различие между самодержавием и деспотизмом гр. Блудов объяснял императору Николаю тем, что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться [7].

Завтра будет, говорят, en Journal de St Pétersbourg un communiqué à propos des affaires de Pologne.— On ne tombe, disait un homme d'Etat, que du côté où l'on penche.— Si nous tombons en Pologne, c'est donc du côté des mesures de police substituées à des idées de gouvernement *.

1 марта. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, где было 2-е заседание Петровско-Разумовского комитета [46]. Обедал у Карамзина.

В «Северной пчеле» и «Полицейских ведомостях» напечатана статья Погодина по поводу крестьянского дела, где он рисует впечатление и первоначальные последствия, ожидаемые им от эмансипационного манифеста [47]. Статья вообще хороша, но на ней лежит грубое погодинское клеймо в форме приглаженных «квасом» волос крестьян в этот высокоторжественный и высокорадостный для них день. Неужели нам нельзя и печатать без родного «кваса»!

В Варшаве, в ожидании отзыва государя на представленный ему адрес, охранение общественного порядка и все обиходное полицейское управление в руках граждан, студентов, даже гимназистов. И все идет гладко, спокойно, благоприлично. 19-е февраля торжествовано; город был иллюминован. Войска, официальная полиция и сам наместник — в стороне. Они как бы временно удалены от должностей и полуарестованы на квартирах. Сам. кн. Горчаков, Муханов и К° дают нам пример d'un petit gouvernement provisoire à l'ombre de la bonne petite citadelle de Varsovie **. Можно ли придумать более полную, унизительную, подавляющую сатиру на всю систему нашего польского управления! Можно ли найти в истории более неопровержимое, явное, почти наивное сознание в своей неспособности, в отсутствии всякой нравственной силы, в несостоятельности всего того, что думано и делано 30 лет сряду? Это хуже Вены и Берлина в 1848 году. Завтра будет напечатан «en Journal de St Pétersbourg» польский адрес, в котором самодержцу всероссийскому говорится то, чего до сих пор никогда никакой народ не го-

---

* в Journal de St Pétersbourg сообщение относительно положения в Польше. Падают,— говорил один государственный деятель,— только в сторону, куда наклоняются. Если мы упадем в Польше, то именно от полицейских мер, которыми заменили идеи правительства

** маленького временного правительства под сенью доброй небольшой Варшавской цитадели.

ворил [48] так прямо никакому самовластителю, а именно, что, кроме принесения жертв (живых — victimes *), нет средства быть услышанным и что посему этот народ неутомимо приносит жертвы, одни за другими,— «en holocauste» **. Наместник Царства своими мерами, своим настоящим положением красноречиво и неопровержимо оправдывает эти слова. Что скажут в ответ на них? Несколько общелестных фраз, и попытаются поторговаться [8] с неотразимою необходимостью, и проторгуются!

2 марта. Утром заходил к Вяземским. Кн. Вяземский празднует сегодня литературный юбилей, или, точнее, другие его празднуют [49]. Он назначен гофмейстером якобы для состояния при е. в. государыне императрице. Кроме того, прибавлено нечто к его аренде. Вел. кн. Елена Павловна написала к нему любезную записочку и прислала оную при букете из каких-то им некогда для нее воспетых цветов. Академики и друзья князя (их много) дают ему обед в здании Академии наук.

Был потом в Комитете.

Был на юбилярном обеде. Гр. Блудов, после «loyalty toast'а» *** в честь е. величества и другого, мною не расслышанного тоста в честь императорского дома, или России, провозгласил беззвучным голосом (parlant comme les ombres de l'Odyssé ****, по выражению Тютчева) тост в честь юбиляра. Кн. Вяземский читал ответную речь, весьма хорошо написанную. Жаль только, что он ее читал.

Плетнев читал приветствие от Академии и стихи Тютчева, Бенедиктов декламировал, а Соллогуб пел свои стихи. Погодин, нарочно приехавший из Москвы, сказал речь; наконец, немецкий lettré Wolfsohn ***** также произнес speech по-немецки и к тому бесконечный, а гр. Орлов-Давыдов, сказав speech по-русски, провозгласил тост в честь отсутствующего сына юбиляра. На обеде присутствовали многие сильные сего мира, и вообще празднество, по-видимому, удалось. (Жаль, что распорядители исключили многих современных литераторов из списка приглашенных к участию в обеде).

При всем том видно, что у нас в подобных случаях требования скромные и уровень невысок. С удовольствием ценю в кн. Вяземском дар привязывать к себе людей. У него действительно, друзей и доброжелателей много. Ценю этот дар тем более, что я его лишен совершенно. Нередко анализировал я себя в этом отношении. Знаю, почему я друзей не имею и не мог

---

* жертв.

** в виде искупительных жертв.

*** тоста преданности.

**** говоря, как тени Одиссеи.

***** ученый Вольфсон.

иметь, знаю, что в этом виноват не я..., но сожалею о себе и радуюсь за тех, у кого есть друзья.

Познакомился на обеде с Писемским, Майковым, Бенедиктовым и Погодиным.

3 марта. Был в французском театре. В 2 года первый раз. Впечатление — чувство удовольствия, что не бывал чаще. Я легко плачу, если пиэса трогательна, а это досадно; я скучаю, если пиэса комическая, но в современном роде, т. е. фарс. Je n'aime pas le gros rire *. Нет, мне еще рано искать развлечений в этом роде. Осадок грусти и тоски на дне моего сердца приводится в движение. Мне как-то душно и тяжело, выходя из театра.

Обедал у Муравьевых. Зеленый сказал мне, что М. Н. думал и даже написал записку о присоединении Департамента сельского хозяйства к межевому корпусу, чтобы оставить это за собою, а Министерство якобы сдать! Это на него похоже. Вечером заходил к Вяземским, где видел Погодина и Тютчева, который говорит, что взгляды Зимнего дворца на польский вопрос est une fatalité dynastique et tient au sang Allemand **.

4 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Завтра Манифест об отмене крепостного состояния читается в здешних и московских церквах. Сегодня с почтовым поездом отправились по Московскому тракту до 40 генералов свиты и флигель-адъютантов, командированных в разные губернии для наблюдения за ходом крестьянского дела. Великие дела не лишены некоторой доли камизма. Каждого из этих господ Бутков снабдил особым официальным чемоданом с официальным ключом и за печатьми. В этих чемоданах везутся новые крестьянские Положения, которые везущими должны быть сданы губернаторам.

Вечером был на концертном вечере в Зимнем дворце. Императрица n'a point paru *** по неизвестной причине. Но были все вел. князья и принцы, и, кроме вел. кн. Елены Павловны и Екатерины Михайловны, все прочие вел. княгини. Вел. кн. Михаил Николаевич говорил со мною о крестьянском деле, выражая уверенность в благополучном его исходе. Государь вспомнил о посылаемых мне теперь ежедневно губернаторских отчетах и сказал мне: «Я тебя теперь бомбардирую». Вел. кн. Ольга Николаевна оказала мне внимание приглашеньем к ужину за ее столом. Гр. Потоцкий (камергер, по случаю любезности его жены, не весьма обладающий камергерскими и вообще порядоч-

---

* Я не люблю грубого смеха.

** являются династическим роком и происходят от немецкой крови.

*** совсем не появлялась.

ными манерами) уверял меня que la voix publique me nomme président du Conseil d'administration à Varsovie *. Спасибо. Он не сказал мне, что Муханов уволен.

5 марта. Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, Манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года!» или: «Так только через два года!»,— слышалось большею частью и в церквах, и на улицах. Из Москвы тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось спокойно «благодаря принятым мерам».

Государь на разводе собрал офицеров и сказал им речь по поводу совершившегося события. При выходе из манежа народ приветствовал его криком «ура!», но без особого энтузиазма. В театрах пели «Боже, царя храни!», но также без надлежащего en train **. Вечером никто не подумал об иллюминации. Иностранцы говорили сегодня: «Comme votre peuple est apathique!» ***. Это не столько апатия, сколько сугубое **** последствие прежнего гнета и ошибок во всем ходе крестьянского дела. Правительство почти все сделало, что только могло сделать, чтобы подготовить сегодняшнему Манифесту бесприветную встречу *****.

Утром был у обедни. Потом на рысистых бегах. Вечером у гр. Блудовой и у Мещерских.

6 марта. Утром в Комитете, в Министерстве и у кн. Щербатовой. За мной посылал кн. Вяземский, чтобы посоветоваться на счет адреса от имени Правительствующего сената, имеющего быть представленным государю в ответ на Манифест. Сенаторы положили «не благодарить и не поздравлять», но верноподданнически отозваться на Манифест. Каждый Департамент избрал редактора. Затем из всех редакторов избран кн. Вяземский, а он выпросил себе в сотрудники сенатора Пинского (Карниолини), который должен был приехать к

---

* что голос общественности назначает меня председателем Административного совета в Варшаве.

** подъема

*** Как ваш народ апатичен!

**** *Вместо* сугубое *написано:* двойное, *(Т. I. л. 28 об.).*

***** *Против слов* Иностранцы говорили сегодня... Манифесту бесприветную встречу *на полях авторская помета:* Многое, что мною сказано о ходе крестьянского дела, носит печать торопливых впечатлений и суждений минуты. Мой позднейший, установившийся взгляд виден в моих заметках 1881 г. [50].

нему сегодня вечером. Между тем проект адреса был уже написан и на совещании со мною подвергся только немногим изменениям.

Вечером был у гр. Блудова и у Вяземских, где по древнему обычаю дамские вечера не клеятся.

Из Польши все те же вести. Временное правительство прекратило свои действия, и правительство наместника восстановлено, но обнаруженное бессилие его лежит на нем тяжкою гирею, опутывает его колючими веригами. Здесь краснеют пред претерпенным и претерпеваемым там уничижением, но не знают, на что решиться, за что взяться, с чего начать и к чему идти.

7 марта. Утром в Комитете. Заходил к Шувалову, который показал мне превосходно продуманное и написанное им мнение в ответ на предложение некоторых дворян ходатайствовать о созыве чрезвычайного собрания дворянства и о принятии в соображение правительством претерпеваемых дворянством убытков вследствие эмансипационной реформы. Шувалов доказывает, что говорить об убытках рано, что предаваться раздражительным прениям несвоевременно, и что вообще подобная система действий со стороны дворянского сословия не соответствовала бы ни его достоинству, ни настоящему значению, ни будущему призванию.

Вечером был у меня Маврос. Умен. Из его речей видно, между прочим, как у нас уже глубоко проникли понятия о либеральных формах правления. Мы опираемся на войско, а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует.

8 марта. Утром в Комитете и в Министерстве, где было 3-е заседание Петровского комитета. В городе ходят слухи о каких-то новых столкновениях в Варшаве.

9 марта. Утром в Комитете и у гр. Блудова, который сообщил мне записку статс-секретариата Царства Польского о введении в действие в Царстве органической грамоты 1832 г., доселе в действие не введенной [51]. Эта записка будет рассматриваться в назначенном на 11-е число заседании Совета министров.

Я воспользовался представлением губернаторских отчетов для испрошения у государя высочайшего повеления и сообщения начальникам губерний чрез министра внутренних дел всех высочайших резолюций и отметок, по отчетам последовавших. Государь согласился с характеристическою оговоркою: «К р о м е п о д л е ж а щ и х т а й н е, п о т о м у ч т о, к с о ж а л е н и ю, о п ы т д о к а з а л, ч т о и х в М и н и с т е р с т в е в н у т р е н н и х д е л и н о г д а у п о т р е б л я ю т в о з л о». И привел два примера.

Вечером был у меня Вилькен из Варшавы. Он метко говорит, что жертвы 15-го февраля для поляков «des oncles d'Amérique» — On en porte le deuil; mais on en hérite *.

10 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Государь отклонил принятие адреса Сената. Слышно, будто бы не желают признать за ним право представлять адресы. Если можно представлять приветный адрес, то, говорят, можно было бы представить и неприветный. Кн. Вяземский замечает, что de ce qu'on a le droit de souhaiter le bonjour au quelqu'un il ne s'en suit pas encore qu'on ait le droit de lui dire d'aller au diable **. Полагаю, что главную причину непринятия адреса следует скорее искать в огласившемся, вероятно, обстоятельстве, что Сенат не хотел «ни благодарить, ни поздравлять».

11 марта. В 1/2 7-го час. утра фельдъегерь привез изустное приказание государя отложить Совет министров до 14-го числа. Государь сегодня причащался св. тайн и до 3-х часов утра, по словам фельдъегеря, молился. Был утром у Ланского, который довольно здраво говорил о польских делах. Я старался доказать ему необходимость перемены системы. Потом был в Комитете и у кн. Суворова.

Вечером в Политико-экономическом комитете [52]. Многочисленное собрание. Из пустого в порожнее переливали довольно плохие речи по вопросу о колонизации порубежных областей.

Встретил у Ланского гр. Муравьева-Амурского. Il n'a plus allures d'un astre ascendant ***. Видно, что ему как-то неловко, что его не прочат в Варшаву.

Гр. Стенбок уведомил меня поздно вечером, что я избран в члены Английского клуба.

12 марта. Утром у обедни. Заходил к Щербатову и Иславиным.

Сегодня нечто вроде организованной властями крестьянской демонстрации. Я не видал ее, но говорят, что у Зимнего дворца собралось до тысячи, до двух тысяч или до д в у х с о т (varias fama voces habet) **** крестьян. Депутация из 12-ти человек была допущена к государю и поднесла хлеб-соль.

Из Варшавы получены от кн. Горчакова новые предположения, составленные, как слышно, маркграф'ом Велопольским. Совет министров назначен по сему поводу на завтра. Карницкий, который был у меня вечером, говорил, что они отчасти идут да-

---

* американские дядюшки. По ним носят траур, но от них получают наследство.

** из того, что имеют право приветствовать, *еще не вытекает*, что имеют право послать к чорту.

*** Он себя больше не ведет как восходящая звезда.

**** Слава имеет разные голоса.

лее, отчасти не столь далеко, как предположения, составленные им вместе с Платоновым и Тымовским.

Был вечером у Ланского. Еще раз встретил там Муравьева-Амурского и еще раз вынес из этой встречи впечатления, что он ниже своей репутации и даже не умеет нести этой репутации с достоинством. Видел Милютина. Кисель.

Потом заезжал в Английский клуб.

13 марта. Совет министров. Вынес из него самое тяжелое впечатление. Кроме обыкновенно присутствующих 15-ти членов, были приглашены гр. Сергей Строганов, бар. Мейендорф, Тымовский и Платонов.

Государь открыл совещание упреком в несоблюдении тайны насчет того, что в Совете происходит, и сослался на перепечатание в «Колоколе» всего сказанного им в предшедшем заседании Совета по крестьянскому делу [53]. Потом е. величество вкратце рассказал варшавские события, прочитал письмо и записки, полученные от наместника, и при этом неоднократно дал заметить, что недоволен тем, что делалось и теперь делается в Варшаве и в Царстве Польском. Потом мною была прочитана записка, составленная Тымовским, Платоновым и Карницким, с изъяснением мер, которые, по их мнению, могли бы быть приняты для удовлетворения справедливых просьб и надежд Польши. Сущность их: введение в действие доселе не введенного в действие органического статута 1832 года с некоторыми переменами; восстановление Государственного совета с упразднением кодификационной комиссии, призвание в оный по назначению почетных обывателей и чинов местного управления; образование губернских и уездных советов; образование муниципалитетов в городах. Затем я прочитал проект указа и exposé de motifs *, составленные Велопольским и присланные кн. Горчаковым, как предположения, им одобренные и настоятельно рекомендуемые.

Во время чтения гр. Блудов, один из двух еще живых редакторов статута 1832 г. (гр. Нессельроде — другой), заметил, что в сущности ничего не введено было в действие из того, что в статуте было предложено.

Начались толки, не могу назвать их ни совещанием, ни прениями. Сущность заключалась в следующем:

Гр. Адлерберг. Ввиду нынешних обстоятельств и ради спешности дела — в пользу предположений наместника.

Гр. Панин. Находит, что стеснение жителей Царства и недостатки тамошнего управления преимущественно и даже исключительно относятся до части народного просвещения. Избирательное начало в городах опасно. Бургомистров и ратманов

---

* изложение причин.

лучше назначать от правительства. Различие между дворянами и недворянами должно быть сохранено. Государственный совет следует восстановить; кодификационную комиссию упразднить. Улучшить часть народного просвещения. Действовать постепенно и осторожно в отношении к реформам (je n'ai jamais rien entendu de plus creux que la parole d'ailleurs sonore et coulante du Cte Panine) *.

Гр. Строганов. В Варшаве революция. К государю обращаются мятежники. Aucune concession. Wielopolski et Zamoyski au lieu d'avoir voulu être les martyrs de la bonne cause (!!!) sont les conspirateurs **.

Кн. Горчаков. Un gouvernement fort peut améliorer. Ses concessions ne sont pas faiblesse. Point de concessions successives pour ne pas exciter d'espérances irréalisables. Il faut sur le champ en tracer les limites et achever l'œuvre ici, la faire complète sans correspondances préalables avec Varsovie. Il faut se hâter. De nos jours le temps dévoue mais ne consolide pas ***.

Platonoff. Il n'y a pas de concessions. Le statut organique existe. Il s'agit de l'exécuter ****. Tymowski. То же.

Гр. Блудов. Соединяется с кн. Горчаковым. Кроме того, полагал бы вызвать из Царства для подробной разработки предположений о местных улучшениях экспертов из местных обывателей.

Его величество имел ту же мысль. И он хотел вызвать оттуда благонадежных лиц и писал о том кн. Горчакову. При этом государь недоверчиво отозвался о Замойском и сказал, что кн. Горчакову известно, что он в сношениях с Парижем. Из отрывка письма Горчакову (наместника) видно, что, по отзыву самого Замойского, il a déchaîné le diable et ne sait plus comment le dompter ou le conjurer *****.

Бар. Мейендорф. L'une les limites à tracer c'est que l'on ne préjuge pas aux intérêts de l'Empire. Le Conseil supérieur proposé par Wielopolski et où siégeraient des évêques, des repré-

---

* Я никогда не слышал ничего более пустого, чем то, что говорит граф Панин, хотя, впрочем, его речь звучит и льется.

** Никакой уступки. Велопольский и Замойский, вместо того чтобы быть мучениками правого дела (!!!), являются заговорщиками.

*** Сильное правительство может улучшать. Его уступки не являются слабостью. Никаких последовательных уступок, чтобы не возбудить неосуществимых надежд. Нужно немедленно наметить границы этих уступок и кончить дело здесь, завершив его без предварительной переписки с Варшавой. Необходимо спешить. В наши дни время пожирает, но не укрепляет.

**** Платонов. Никаких уступок. Существует органический статут, его следует выполнять.

***** Он вызвал дьявола и не знает, как его укротить или заклясть.

sentants des villes et des représentants des conseils de palatinats, lui semble dangereux. Les sessions par convocation sont une sorte de représentation nationale *.

Л а н с к о й. Monosyllabes d'adhésion **.

В е л. к н. г е н.-а д м и р а л préfère un Conseil permanent. Pas de convocations ***.

Ч е в к и н. Нельзя торопиться. Выборное начало полезно в низших сословиях, следовательно, в городах. Наши главные враги — высшее сословие. Ils font passer pour l'opinion publique leur propre façon de voir ****. Забыто в предположениях статс-секретариата сословие крестьян. У них нет представителей. Восстановить Государственный совет, который может принять в себя, что нужно. Ввести в действие статут 1832 года. Избегать центральных представительств. Лучше 39 уездных. Они мельче. С ними легче справиться. Кроме того, нужно бы назначить и местные советы коронных председателей.

Г р. С т р о г а н о в. Нам следует опираться на низшие сословия.

Государь начинает обнаруживать нетерпение. Постановляются вопросы. Кн. Долгоруков три раза указывает на ст. 53 и 54 Органического статута, обещающие представительные собрания областных чинов. Е. величество их сам прочитывает. К н. Д о л г о р у к о в намекает мягко и робко на то, что надобно ожидать, что меры, по-видимому, одобряемые Советом, не удовлетворят на местах. Вопросы повторяются. Никто не решается прямо сказать своего мнения. Е. величество говорит, что, по-видимому, все согласны принять предложения статс-секретариата. К ним прибавляют допущения в Государственный совет 2-х епископов или прелатов и, по предположению Велопольского, отделение народного просвещения и дел духовных от Комитета внутренних дел. Допускается эвентуально назначение Велопольского директором этой новой части управления. Под конец все происходит так неотчетливо, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю сам, что принято, что не принято. Государь приказывает, чтобы главные черты одобренных мероположений сегодня ж были сообщены наместнику по телеграфу, и возлагает редакцию на кн. Горчакова вместе с Платоновым и

---

* Нельзя предрешать интересы империи — вот одно из ограничений, которое следует установить. Верховный Совет, предложенный Велопольским, в котором будут заседать епископы, представители городов и представители советов воеводств, ему кажется опасным. Созываемые сессии являются в какой-то мере национальным представительством.

** односложные слова, выражающие согласие.

*** предпочитает постоянный Совет. Никаких созывов.

**** Они выдают за общественное мнение свой собственный взгляд на вещи.

Тымовским. Кн. Горчаков предлагает этим господам немедленно заехать к нему и приглашает, неизвестно почему, гр. Панина к участию в этом труде. Гр. Панин отнекивается, но под конец, по-видимому, соглашается. Затем я читаю записку об учебной части.

Гр. Строганов отзывается весьма неблагоприятно о наших университетах [54].

Кн. Горчаков, имея в виду, что в записке статс-секретариата предлагаются в разрозненном виде все составные части университета, просит, чтобы совокупность их решились назвать университетом.

Ковалевский слабо поддерживает.

Е. величество passe outre péremptoirement *.

Чевкин восстает против вольных слушателей.

Гр. Строганов тоже.

Муравьев за них заступился, но государь, видимо, не хотел его слушать.

Совещание принимает бессвязную форму. В конце оного я опять не знаю в точности, на чем остановились. Но другие, по-видимому, счастливее меня. Горчаков возобновляет Панину, Платонову и Тымовскому приглашение отправиться к нему. Заседание закрывается. Vous n'étes pas content **,— сказал мне, уходя, кн. Долгоруков.

Mon prince, vous verrez les conséquences et vous en jugerez ***.

Заседание началось с признания, что ни одно из заключающихся в статуте обещаний не было исполнено в течение 30 лет. Оно происходило ввиду событий, самым резким и тягостным образом обнаруживших несостоятельность 30-летней системы управления, но ни один голос не возвысился до признания явных, несомненных ошибок и неправд. Ни один голос не обратился к сердцу государя. Ни одна благородная струна души не была затронута. Никто не подумал, не упомянул о том, что вытерпела или перетерпела Польша в это 30-летие, и о том, что если крамолы продолжались и продолжаются, то мы собственными ошибками и неумением вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признал (кроме кн. Горчакова, и то только мимоходом) крайности современных обстоятельств.

Хотя действия и положения наместника о них свидетельствовали и хотя самый факт созыва Совета для обсуждения не мер подавления крамолы, а предположений наместника и

---

* решительно не останавливается на этом.

** Вы недовольны.

*** Князь, вы увидите последствия и вы их сможете оценить.

статс-секретариата доказывает, что мы считали себя кое в чем связанными или как бы провинившимися *.

Говорили о воспитании, о постепенном образовании какого-то ** (несбыточного противодействия средних и низшего сословий высшему, но никто не заикнулся о страшной ответственности кровавых принудительных мер, никто не вспомнил о значении единодушия, ныне обнаружившегося во всех слоях польского народа, и не дерзнул коснуться вопроса о его общечеловеческих стремлениях и правах.

Не хотели делать уступок и не заметили, что их делают, забыли, que des concessions faites de mauvaise grâce sont les pires que l'on puisse faire ***.

Государь был предрасположен к лучшему результату, голос гр. Панина дал всему совещанию то направление, от которого впоследствии гр. Строганов, Чевкин и другие не позволили ему уклониться.

Меня огорчают преимущественно несостоявшиеся в Совете определения. Быть может, нам необходимо на первый раз выиграть время; быть может, эти определения и удовлетворяют на время Варшаву; быть может, к лучшему и то, что они не удовлетворяют Варшавы и Царства. Меня огорчают речи, мною слышанные, лица, мною виденные. Меня огорчает, оскорбляет и уничижает тот полицейский уровень, на котором так плотно держались все члены царской Думы. Повторяю, ни одного благородного слова, ни одной смелой мысли, ни одного широкого размаха, ни одного возвышенного и ни одного теплого чувства ****[10].

14 марта. Утром в Комитете. Сегодня кн. Горчаков, Тымовский, Платонов, гр. Панин, кн. Долгоруков и Чевкин (двое последних по желанию государя) собирались после заседания Государственного совета у кн. Горчакова для написания грамоты или указа о польских концессиях. Ответа на вчерашнюю телеграмму нет. Но есть известие о некоторых частных беспорядках 13-числа. У ген. Абрамовича, Эноха и на станции железной дороги выбиты стекла. За Мухановым, который уехал на

---

* *В «Отрывках Дневника» далее следует:*

Самое главное то, что никто не заметил, что инициатива уже вышла из рук правительства. Когда возникают смуты, можно или их подавлять силою, или рассуждать с недовольными. Мы уже начали второе. Мы встретились с новыми, большею частью пассивными формами сопротивления, и эта новизна нас в особенности смутила. (*Т. I, л. 33 об.*).

** *Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 13 и запись за 14 марта восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I. лл. 34—35).*

*** что неохотно сделанные уступки — наихудшие из всех, которые можно было бы совершить.

**** *Прим. 9 в тексте «Отрывков из Дневника» отсутствует.*

почтовых, до первой станции железной дороги в Пруссию гнались, но не успели его захватить. Платонов посылается в Варшаву завтра с грамотою. Поздно. Кн. Долгоруков, которого я видел у кн. Суворова, говорил, пожимая плечами, о Панине и Строганове, а собственную свою нейтральность или вялость объяснял тем, «que c'était un parti pris chez l'empereur et que par conséquent on aurait pu seulement faire une démonstration de principes sans obtenir d'autre résultat que de rendre la position de s. m. plus embarrassante» *. Он справедливо замечает, что и предложения Велопольского были недостаточны для удовлетворения поляков и что нужно было бы «aller au delà» **, но присовокупил «qu'il n'y a pas encore auprés de s. m. de conseilleur qui puisse être l'organe d'opinions et l'avocat de mésures hardies et larges» ***. Очевидно, что главную роль в этом деле играет кн. Горчаков.〉 **** [11].

[*15 марта*]***** . . . .

...лась, но сего после долго общая буря, а по делу о переводе в Москву Румянцовского музеума чуть-чуть не вцепились друг в друга гр. Блудов, гр. Адлерберг и пр. Ольденбургский. Обедал у Хрептовичей, между прочим, с лордом и леди Нэпир. Вечером был у меня Эттинген.

Платонов и Карницкий отправились в Варшаву. Указ или грамота подписан. Из Варшавы ничего нового не слышно.

16 марта. Утром в Комитете. Заходил к гр. Медему. Здесь теперь все четыре остзейские дворянские маршалы. Кн. Суворов вместе с ними намерен поднять вопрос о смешанных браках и о восстановлении des libertés de l'église Lutérienne dans les provinces de la Baltique ******. Они намерены опереться на Ништадтский трактат. Кн. Суворов меня о том спрашивал. «Si vous parlez au nom des droits imprescriptibles de l'humanité,— сказал я,— je serai toujours pour la liberté des croyances; si c'est

---

* что это у императора предвзятое мнение и, следовательно, можно было бы только продемонстрировать принципы, не добившись никакого результата и поставив его величество в еще более затруднительное положение.

** идти дальше этого.

*** что еще нет при его величестве советника, который мог бы быть выразителем мнений и защитником больших и смелых мер.

**** Строго логичен был один гр. Строганов. Он признавал движение в Польше мятежом и, следовательно, не хотел ничего, кроме подавления движения. Другие члены Совета в душе также считали дело мятежом, но полагали более уместным с ним заключить сделку, чем его покарать. Это неизбежно вело их к переменам в прежней системе. Но они попытались ограничиться частностями, не коснувшись ее коренных начал. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, л. 35.*

***** *Датируется по карандашной помете на полях.*

****** свобод лютеранской церкви в балтийских провинциях.

au nom du traité Nystadt je serai toujour contre son application en cette matière comme en toute autre» *.

Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Музыка, Kindersymphonie Бетховена, удушливая жара и т. п. Вел. кн. Константин Николаевич спросил меня, доволен ли я результатом совещания Совета по польскому вопросу. Я отвечал уклончиво, что не знаю, можно ли было постановить что другое, но присовокупил, что с прискорбием слышал все то, что в Совете было говорено, потому что оно доказывает, что члены Совета не знают Польши и не видят размеров тамошнего вопроса. Я упомянул о Панине и Строганове. Вел. князь сказал, что Строганов удивил его, что он ожидал человека с либеральными взглядами, а не закоснелого крепостника.

В этом деле,— сказал он,— я защитник системы благоразумных уступок. Я заметил, что когда отдельные человеческие личности делают ошибки, то не допускаются притязания, чтобы эти ошибки им сходили с рук даром; мы 30 лет ошибались и думаем, что можем довольствоваться тем, что, наконец, благоволили заметить ошибки, но не хотим признать и допустить их неизбежных последствий. Да, сказал вел. князь, эти 30 лет мы будем не раз помнить.

Фредро уверяет, что умеренная партия в Варшаве хорошо приняла сообщение об уступках 13-го числа [55].

17 марта. Утром в Комитете и Министерстве, где я председательствовал в Комитете по петровско-разумовскому делу [56]. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером в Михайловском театре, куда никто не ездит слушать [Leu...?], благодаря назначенным им высоким ценам. Всего занято было пять лож. Видел Тымовского, который говорит, что сегодня послано в Варшаву известие о назначении Велопольского директором de l'instruction publique et des cultes **. У Нессельроде после обеда имел длинный разговор с Тимашевым, который dans les mécontents *** и говорит, что скоро оставит службу. По его мнению, статьи в «Колокол» пересылаются Головниным. Pour rester au service à présent,— говорил он,— il faut un dévouement personnel sans limites. Je l'avais pour l'empereur Nicolas. Je ne l'ai pas pour l'empereur Alexandre. Pour les principes, oui, pour la personne, non.

L'empereur se fait illusion sur ce qui se passe. Il est despote au fond de l'âme. Il m'a dit lui même qu'on lui passerait sur le corps plutôt que d'obtenir capitulation, et cependant nous y mar-

---

* «Если вы говорите от имени неотъемлемых прав человечества,— сказал я,— то я буду всегда за свободу вероисповеданий; если это от имени Ништадтского трактата, я буду всегда против его проведения в жизнь в этой области, как и в любой другой.

** народного просвещения и вероисповеданий.

*** из числа недовольных.

chons *. Последнего не вижу. В академических ведомостях [56а] и других газетах теперь печатается ряд бездарнейших статей по крестьянскому делу.

18 марта. Утром в Комитете. Обедал в Английском клубе. Обед годовой in fiocchi **. Speech'и герцога Монтебелло, лорда Нэпира, гр. Орлова-Давыдова, Толстого. Ничего особого. Веригин (ex-моряк) также сказал спич, в котором пригласил к более усердной подписке на памятник А. С. Пушкину. Музыка проиграла туш; не расслышавши тоста, слушатели закричали «ура!», и никто не подписался. Кн. Долгоруков сказал мне, что на место Муханова назначен в Царство Польское директором комиссии внутренних дел ген.-м. Гецевич.

19 марта. Утром у обедни. Затем целый день дома, за работой для министра государственных имуществ во исполнение данного ему обещания написать очерк хозяйственного устройства государственных крестьян по части наделов и повинностей.

20 марта. Утром в Комитете. Вечером заходил к гр. Блудову. Остальное время дня за работой. Читал 2-й выпуск материалов по крестьянскому делу, печатаемых в Берлине. В них много фактов умышленно искажено, наприм., весь эпизод о Шувалове и Паскевиче. Этот 2-й выпуск имеет решительно милютинский оттенок [57].

21 марта. Утром заседание Комитета. Вечером дома.

22 марта. Утром в Комитете и в Министерстве ***, где было заседание Петровско-Разумовского комитета. Обедал у Карамзина. Потом заезжал в заседание Политико-экономического комитета, где присутствовал вел. кн. ген.-адмирал и были гр. Муравьев-Амурский, Литке, Милютин (товарищ военного министра), Игнатьев junior **** и другие notabilités *****.

Все они довольно бодро переносили скуку слушания произносимых речей о колонизации штрафных и нештрафных, о Нов. Голландии, Ван-Диемене, Амуре и пр. и пр. Вечером заезжал ко мне кн. Урусов (ген.-ад.), отправляемый в Варшаву, чтобы пред-

---

* Чтобы в настоящее время остаться на службе,— говорил он,— надо обладать безграничной личной преданностью. Она у меня была по отношению к императору Николаю. У меня ее нет к императору Александру. Что касается принципов — да, в отношении же личности — нет.

Император строит иллюзии в отношении того, что происходит. В глубине своей души он деспот. Он мне сам сказал, что скорее перешагнут через его труп, чем он пойдет на уступки. И однако мы к этому идем.

** в парадных костюмах.

*** *После* Министерстве *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 37).*

**** младший.

***** почетные лица.

[illegible]. — Да, мадам [illegible], через 30 лет 192 115
мы будемъ [illegible] помнить. —

Федоръ [illegible], что [illegible]
[illegible], т. е. Варшава, хорошо приняла
сообщение объ [illegible] 13 числа. —

17 марта. Утромъ въ Комиссии [illegible],
где я предложилъ [illegible] въ Комитетъ по дѣ-
ламъ [illegible]. Обѣдалъ у гр.
[illegible]. Вечеромъ въ Мих. театрѣ,
куда [illegible] слушать [illegible],
[illegible]
[illegible]. — [illegible]
[illegible]. Видѣлъ [illegible], который
говорилъ, что сегодня [illegible]
[illegible]
[illegible] Directeur de l'instruction
publique et des cultes. У [illegible],
после обеда, имѣлъ длинный разго-
воръ съ [illegible], который давно
au mécontents и говоритъ, что скоро
оставитъ службу. [illegible]
[illegible] въ [illegible]
[illegible]. Pour [illegible] il faut un dé-
[illegible], говорилъ онъ, il faut un dévouement per-
sonnel sans limites. — Je l'avais pour l'Em-
pereur Nicolas. Je ne l'ai pas pour l'Empereur
Alexandre. — Pour la personne oui; pour la
personne, non. — L'Empereur se fait illusion
sur ce qui se passe. Il est despote au fond
de l'âme. Il m'a dit lui-même qu'il voulait
[illegible] plutôt d'abdiquer que une
constitution. — Et cependant nous y mar-
chons. Постепенно. —
[illegible] въ [illegible].

Запись в дневнике от 17 марта 1861 г.

варить меня о разговоре на мой счет с кн. Горчаковым. Предметом разговора было отправление меня самого в Варшаву. «Gortschakoff est três frappé de cette idée» *. Этого недоставало.

23 марта. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Видел вел. кн. Марию Николаевну. Она стареет скорее сестры своей Ольги. Кн. Долгоруков и кн. Суворов по-прежнему font les petits cœurs auprès d'elle **.

24 марта. Утром в Комитете. Дома. Сплин.

25 марта. Утром у обедни. Обедал в клубе. Меж людей грустно.

26 марта. Утром получил известие о рождении внучки Марии. Да благословит ее бог на поприще жизни. Был у Вяземских утром и вечером. Был у обедни и в Казанском соборе. Сюда приехал варшавский Муханов.

27 марта. Муханов *** был у государя и, говорят, принят очень хорошо. Он рисуется жертвою не только нынешних событий, но и вообще горчаковской администрации. Впрочем, он отчасти, конечно, не один и не главный виновный. Между тем его приезд сюда и его рассказы не принесут пользы. Он не может не смотреть на вещи и не говорить односторонне.

Коцебу уволен, т. е. фактически, от должности начальника штаба, на его место назначен Крыжановский, начальник артиллерийского училища, под именем помощника.

Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

28 марта. Заседание Комитета. По словам Муравьева, из Варшавы получены известия о новых беспорядках. На сей раз будто бы убитых 10-ть со стороны поляков и 5-ть со стороны войск [58]. Еще за два дня пред сим у нас находили, что все в Варшаве идет ладно и радовались закрытию Агрономического общества, не замечая, что это именно **** [......]

⟨Из Литвы и Вильно также сведения о разных манифестациях. Заволакивается наш горизонт.

Сегодня в Комитете гр. Блудов не только цитировал, но почти пропел среди заседания стихи Беранже: Plaignez moi, mes amis; j'ai déjà cinquante ans... ***** или нечто в этом роде.

29 марта. Тосканское двустишие.

Guelfa non sono ne Ghibellin m'appello;

---

* Эта идея очень поразила Горчакова.

** являются ее обожателями.

*** *После* Муханов *написано:* вчера приехавший из Варшавы. *(Т. I, л. 37).*

**** *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 28, 29, 30, 31 марта и за 1 апреля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I. лл. 37об,—38, 40).*

***** Пожалейте меня, друзья мои, мне уже пятьдесят лет...

A chi mi paga bene fa di capella *.

Утром в Комитете. Потом в Министерстве государственных имуществ заседание Петровско-Разумовского комитета. Сегодня напечатаны в «Journal de St Pétersbourg» и других газетах известия о новых варшавских событиях [59].

Вилькен, заходивший ко мне вечером, слышал от бар. Розена (шталмейстера вел. кн. Елены Павловны), что снова поговаривают о назначении меня в Варшаву.

30 марта. Утром в Комитете. Вечером был у меня кн. Мещерский (гофмейстер вел. кн. Екатерины Михайловны) и нес всякого рода чушь насчет польских дел.

31 марта. Утром в Комитете. Читал en Revue des deux mondes статью о посмертном творении Линнея Nemesis divina [60] **. Во многом словно отголосок моей собственной мысли: Innocue vivito numen adest ***.

1 апреля. Утром в Комитете и на выставке художественных произведений в Академии. Обедал в клубе. Какое отталкивающее существо Г... ****) были одновременно арестованы два других студента: кн. Оболенский и Пащенко. Оболенский был сослан в Пермь. Его сестра сошла с ума и впоследствии умерла. Он сам не выдержал несчастья и упал нравственно. Обвинение заключалось в вольнодумстве, чтении запрещенных книг, связи с профессором Descamps и предосудительных речах насчет государя. Дело было в 1831 году. Доносчиком был другой студент, Петров [61]. В похвалу государю следует оговорить, что он повелел Петрова исключить из университета и в службу не принимать *****. Gutta cavat eapidem non vi, sed saepe cadendo ******.

2 апреля. Утром у обедни. У Вяземских, у Иславиных. Сегодня в газетах более подробное извещение о варшавских событиях. Явные недоговорки и вообще изложение неудачное.

Хрущов решительно сходит с ума. Он на днях давал завтрак в день рождения жены и, выпивши за ее здоровье, присовокупил, что хотя ей за 30, она еще не имеет надобности припоминать песню:

Combien je regrette
Mon bras si dodu
Et le temps perdu *******.

---

* Я ни Гвельф, ни Гибеллин, кто мне хорошо платит, тому я поклоняюсь.

** Божественное возмездие.

*** Живи непорочно, божья воля с тобой.

**** *Так в тексте.*

***** *Текст* были одновременно... cadendo датируется *на основании карандашной пометы автора на полях:* 1/IV.

****** Капля долбит камень не силой, а частым падением.

******* Как я сожалею о своих пухлых ручках, стройных ножках и о потерянном времени.

Он всем рассказывает свои прежние bonnes fortunes *, просит о выписке для него зубров из Беловежской пущи и пр. и пр. А Головнин говорил мне в 1858 году, что государь император «réserve à Chroutschoff un des premiers portefeuilles qui se trouveront disponibles» **.

3 апреля. Утром в Комитете. Говорят, из Варшавы получены неблагоприятные вести. У меня был Муханов. Он слагает вину последних событий на кн. Горчакова, Панютина, Коцебу и пр. По его словам, полиция ничего не знала, ни к чему не приготовилась. Войск было всего три полка Сифианос и Энох напрерыв советовали уступки. Кн. Горчаков ни на что не решался. Но сам Муханов, министр внутренних дел Царства, к чему же был приготовлен и что же знал? В прусских газетах сегодня напечатано, что 27 марта кн. Горчаков по требованию толпы приказал войскам удалиться. Неудивительно, если после того он 28 числа был принужден тем же войскам приказать стрелять.

Вечером был у гр. Блудова и у Мещерских. У гр. Блудова слышал Погодина, читавшего сумасбродную статью об эманципации [62]. Заставь Мишку любезничать, он лоб расшибет. Статья выходит из пределов вероятия. Погодин, ввиду совершившегося у нас чуда, приглашает Вильберфорса, Бентгама и пр. «класть земные поклоны» (sic), затыкает за пояс на бегу Монтескье, Маколея, Гиббона, Гизо и пр., объявляет, что у нас нет уже никаких сословных различий, находит, что завтра крестьянин может сесть на место «любого министра» (sic), говорит, что до 19 февраля мы могли по своему произволу «срамить, истязать и ссылать в каторгу» (sic) 23 миллиона людей, которые теперь, видимо, очутились людьми в полном смысле слова, а прежде были вещами; что, кроме того, у нас 70 миллионов людей теперь поземельные собственники, что Фурье, Овен, Сен-Симон могут у нас теперь видеть готовые «фаланстеры» (sic), а именно село Богоявленское, село Пятница-Берендеева и т. п. и пр. и пр. Нечего сказать, хороши мы, зрелы мы, разумны мы.

Эта чушь читалась у председателя Государственного совета и Комитета министров при кн. Вяземском, Тютчеве, Делянове и гр. Антигоне [63], которая во время чтения соблаговоляла предлагать легкие исправления, между тем как г. председатель правительственных конклавов улыбался и выражал по временам сомнения насчет согласия цензуры. На сей раз цензура

---

* успехи.

** предназначает Хрущову один из первых министерских портфелей, который окажется свободным.

поможет, она остановит или изувечит статью. Мне почти жаль.

4 апреля. Утром в заседании Комитета, где гр. Блудов с непостижимым упорством защищал интересы откупщика Кокарева [63[а]]. Вечером был у английского посла на официальном приеме. Хрущов признан умопомешанным.

5 апреля. Утром в Комитете и в Министерстве *, по случаю заседания Петровско-Разумовского комитета. Обедал у гр. Хрептович с блистательными дамами кн. Меншиковою, кн. Кочубей, кн. Паскевич и некоторыми фешианабельными кавалерами: «a distinguished party» **. Кн. Меншикова в воскресенье уезжает в свою баден-баденскую виллу. Она три года не была в России. Приехала на зиму и опять едет. Жаль. Наши дамы — не русские дамы.

Вечером у гр. Блудова. Раут в честь его рождения. «Вы большие, вы очень велики»,— сказал мне кн. Горчаков.— Я довольно длинен, князь.— Будете еще больше: я вам за это отвечаю». Что это значит? Он сегодня обедал во дворце. Недаром эти слова. Да будет мне бог в помощь.

6 апреля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. На сей раз были и государь, и императрица, которая спросила меня, обедал ли я у цесаревича? Следовательно, предстоит у него обедать на днях. Шувалов (Департамент общих дел) сказал мне, что ему предложено занять место Тимашева. Он, видно, уже решился принять это место (je l'admire mais ne l'imiterais pas) ***, но говорит, что предъявил в подробности свои условия, заключающиеся, между прочим, в том, чтобы III отделение не простирало своих притязаний на круг действия судебных мест и чтобы Царство Польское не было отделяемо по делам высшей полиции от империи.

7 апреля. Утром у ген. Муравьева по случаю присланной ко мне от государя записки ген.-ад. кн. Васильчикова о крымских делах [64]. Васильчиков во всем подтверждает показания Тотлебена.

В военном министерстве что-то неладно. Сухозанет и Милютин в дурных отношениях. Второй явно высказывает свое неудовольствие. Первый также недоволен. В Министерстве внутренних дел также, должно быть, разладица. Иначе бы Шувалов не вышел. Польские дела in status quo, т. е. не принимают оборота к лучшему. Одним словом, куда ни посмотри, всюду кризис.

---

* *После* в Министерстве *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 41).*

** блестящее общество.

*** я восхищаюсь им, но подражать ему не стану.

Статья Погодина сегодня напечатана, но со значительными пропусками. Остались, впрочем, земные поклоны Вильберфорса и фаланстерии села Богоявленское, Спас-Берендеевка и пр.

8 апреля. Утром в Комитете. Обедал в клубе. Вечером в заседании Политико-экономического комитета, где, по случаю назначенного по программе занятий совещания о последствиях разрешения крестьянского вопроса, было до 150 человек членов и посетителей. Присутствовали вел. кн. ген.-адмирал, гр. Блудов, Чевкин, Княжевич, с.-петербургский губернский предводитель дворянства гр. Шувалов, лифляндский и эстляндский губернский предводители гр. Кейзерлинг и Эттинген и пр. и пр. Председательствовал Левшин. Прения и весь спектакль заседания были самого жалкого свойства. Впрочем, иначе и быть не могло, а если можно чему-нибудь удивляться, то разве только легковерности, с которою вел. князь поддался советам Головнина насчет пользы поддержания Комитета своим присутствием в последние три заседания. В прениях участвовали все одни и те же лица, с тою же комическою самоуверенностью, с тою же бездарностью и с тем же неумением делать дело, за которое они берутся. Все собрание ограничивается присутствием при словесном ратоборстве двух-трех записных языков Комитета: Вернадского, Безобразова, Тернера, Калиновского и еще коекого под ту же мерку. Эти господа толкуют каждый по нескольку раз, рассыпаются градом общих мест насчет «науки» Франции, Англии, поземельной собственности, ассоциационных теорий, банков, выкупа и пр. и пр., сами себе выдают грамоту на звание экономистов и передовых людей, не приходят ни к какому практическому заключению, не разбирают никакого противоположного мнения и явно заняты только самими собою и наивным потешением своего самолюбия. Наивное употребление их «я» доходит до комизма.

Таким образом Безобразов заявил, что он «готов содействовать выкупу». Чем? «Серьезным приглашением высших классов к соблюдению их интересов в этом деле». Вообразите, какое бедствие, если бы Безобразов вместо того сказал бы: «я не готов содействовать выкупу и не обращусь к высшим классам с серьезными приглашениями!»

9 апреля. Утром у обедни. Затем целый день дома. Гр. Нессельроде (pater) присылал мне статью, напечатанную в «Курьере варшавском» по распоряжению Велопольского. Из нее видно, что теперь правит делами Царства не кн. Горчаков, но Велопольский. Статья хорошо и ясно высказывает причины упразднения Земледельческого общества. Затем был у меня Нессельроде filius и сказывал, что увольнение Тимашева дело завершенное, как он сам от него слышал. Нессельроде горою стоит

за Тимашева и Герштенцвейга. Он говорил: «je suis intimement lié avec l'un et l'autre» *.

10 апреля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова. Он продолжает заботиться о Кокореве.

11 апреля. Утром в Комитете, где заседание продолжалось до 1/2 5-го часа по делу австрийского подданного Токарского, у которого ребенок остается некрещенным другой год, потому что отец, женатый на православной, но сам католик, не соглашается на окрещение оного по обряду православной церкви. Гр. Блудов и Чевкин почти с неистовством настаивали на точном соблюдении закона. С ними согласилось большинство других членов.

Вечером дома. Нездоров.

12 апреля. Целый день дома по нездоровью. У меня был приехавший из Варшавы Блюменфельд. По его рассказам, бестолковость распоряжений местного начальства превышает все, что мы об ней уже знали. Положение дел самое натянутое, и мы еще не сделали ни одного решительного шага к лучшему.

13 апреля. Заседание Совета министров. Кроме двух пустых вопросов о производстве в чины дворянских предводителей и о разрешении ген.-ад. Демидову разыграть в лотерею его Суксунские заводы, обсуживался вопрос о мерах надзора за университетскими студентами и об улучшении вообще состояния и направления наших ** ⟨университетов. К этому делу был приглашен гр. Строганов. Не постановлено решительного заключения, но поручено особому комитету, составленному из гр. Панина, гр. Строганова, кн. Долгорукова и Ковалевского, рассмотреть предположения, изложенные в читанной сим последним записке [65]. Главные из них: отмена мундиров, 17-тилетний возраст для поступления в университет, строгие приемные экзамены, отмена прав на чин, кроме кандидатов (потому что это первая ученая степень), учреждение университета в Вильне для отвлечения собственно польских студентов от наших университетов и безусловное требование платы за лекции, от которой ныне половина студентов освобождается. Совещание по этому предмету продолжалось 2 1/2 часа большею частью в виде того, что на английском парламентарном языке называется «desultory conversation» ***. Общее впечатление, как и в предшедшее заседание, самое печальное. Мы словно в черной котловине, исходного пути не видно. Государь не замечает, что перед ним дилемма: вести дело новою стезею или не вести его вовсе. Его советники или сами того не видят, или не имеют духа ему это

* Я тесно связан как с одним, так и с другим.

** *Далее уничтожено автором три листа. Последующий текст за 13 апреля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 43—45).*

*** бесцельный разговор.

высказать. Гр. Строганов и ген. Чевкин разными путями и по разным побуждениям близко подходили сегодня к этому коренному вопросу, но первый не настоял, а последний отшатнулся. Гр. Строганов сказал, что предлагаемые министром народного просвещения меры недостаточны, имеют только полицейское значение и не устранят зла в его корне; что мы не знаем, к чему нас ведет правительство; что благонамеренные представители консервативных начал не могут писать, пока вместо репрессивных законоположений по делам печати существует превентивная цензура; что для дальнейшего развития на исторической почве нужно твердое установление и последовательное соблюдение известных начал; что уже теперь никто не решится писать в пользу начал безграничного самовластия * и что нужно знать, имеет ли его величество в виду нас вести к конституционным формам правления или нет. (Все это, впрочем, было высказано в несколько приемов, а не в один раз). Государь сначала не заметил всей важности вопроса и, улыбаясь, сказал, что, кажется, не может быть никаких сомнений насчет видов правительства. Впоследствии он яснее дал почувствовать, что не имеет конституционных планов, но не заметил, что, говоря об улучшениях и соглашаясь, по-видимому, с гр. Строгановым насчет необходимости исторического развития, нельзя было миновать сугубого вопроса: в чем же именно могли заключаться эти улучшения и это развитие? Неужели можно допустить предположение, что все это должно ограничиться кабинетною деятельностью господ министров и что жажда улучшений и развития, однажды возбужденная или проснувшаяся в мыслях, утолится прежними ниспосыланиями законодательных и административных благ в виде сенатских указов и законодательной манны Государственного совета и Комитета министров? Неужели 30-летний опыт не обнаружил, что все это не приносит ожидаемой пользы и что вопрос о конституционных или точнее представительных, или совещательно-представительных учреждениях у нас не есть пока вопрос между самодержавием и сословиями, а между сословиями и министерствами? Государь полагает, что литература развращает молодежь и увлекает публику; он жалуется на то, что цензура не исполняет своих обязанностей, но все, по-видимому, не замечает, что литература есть в то же время и отражение духа большинства публики. Он еще не убедился, но нет ведомства, канцелярии, штаба, казармы, дома, даже дворца, в котором не мыслили бы и не говорили в политическом отношении так, как говорит именно та лите-

---

* Помнится, это не были буквально слова гр. Строганова, но это положительно был смысл его слов (Карлсбад, 3/15 июля 1868).— *Прим. автора.*

ратура, на которую он негодует. Если направление большинства вредно, если оно стремится далее, чем для блага России ему надлежало бы стремиться, то причиною тому именно инерция правительства, которое хочет не вести и направлять, а только тормозить и удерживать. Консервативные начала нашли бы себе защитников, но для этого нужно, чтобы им дана была возможность стать на стороне правительства, указывать на его деяния и цели и определять те грани, которых оно переступать не намерено. Теперь они могут только молчать, чтобы не увеличивать собою число тех, которые порицают правительство. Защищать его невозможно. Даже за деньги оно не может приискать себе защитников. Гр. Строганов намекнул на это и даже сказал, что покойный государь «хотел все сам делать, а всего самому делать уже нельзя»; но гр. Строганов не сделал дальнейшего шага, не извлек вывода из своих собственных посылок и не объяснил, что именно следует предоставить делать другим, если этого нельзя сделать «самому».

Чевкин сказал, что самодержавие должно оставаться неприкосновенным, но что нужно, чтобы и закон оставался не нарушенным, и что у нас вредят самодержавным началам те отступления от закона, которые мы себе постоянно дозволяем. Государь не без досады спросил: «Кто же это мы? Это, значит, я». Чевкин замялся, отвечал, что говорил о «всех нас вообще». И тем этот incident завершился.

Много было толков о Польше. Из всего видно, что взгляды на польский вопрос не изменились. Не замечают, что провидение предрешило польский вопрос, а с ним предрешило и несколько русских. Мы от Польши отрешиться не можем. Где проведем мы границу между Польшей и нами и где оставим себе точку соприкосновения с Европой, если отделим Польшу? В Палангине? Недаром сливала постепенно история племена литовские, малороссийские и польские с великорусским, недаром замывала она кровью прежние границы. Где мы теперь отыщем их и как восстановим? Нам и не следует их восстановлять. Мы должны осуществить первый из известных двух стихов Пушкина:

> Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
> Оно ль иссякнет? — вот вопрос.

Но для осуществления именно первого, а не последнего стиха, нужно смотреть на польские дела иначе. А взглянув иначе на них, мы иначе взглянем и на дела русские.

Гр. Панин avec sa parole sonore et creuse * остался себе верен и произвел ожидаемую Paniniana. Он предложил для устране-

* со своей звучной и пустой речью.

ния всех зол и посеяния всех благ учредить над Министерством народного просвещения и Главным правлением училищ «какой-нибудь высший комитет».⟩

14 апреля. Кн. Долгоруков желал со мною видеться. Я был у него перед обедом. Если я не ошибаюсь, j'ai pour la première fois frisé un portefeuille *. Разговор имел предметом вчерашнее совещание и вопрос об университетах и литературе. Кн. Долгоруков раза три повторял фразу: «Не думаете ли Вы, что министр народного просвещения умный, энергический, которому государь высказал бы свою мысль и свою волю, мог бы направить профессоров к защите самодержавия» или «начал самодержавия» или «системы самодержавия»? За точность слов не ручаюсь, но смысл точен. Кн. Долгоруков говорил, что мы в безвыходном положении, что предлагаемые министром народного просвещения меры не разрешают вопроса, не искоренят зла, что Ковалевский и желчен и непоследователен, что надобно решиться на что-нибудь, но он затрудняется остановиться на той или другой мысли и т. д. Я старался постоянно обобщать вопрос и доказывал, что не литература и университеты влияют на публику, а, наоборот, расположение умов публики и состояние правительства объясняют направление литературы и состояние университетов. Я высказал все то, что вчера мною здесь написано, и в ответ на вопросы о том, что может сделать идеальный министр народного просвещения, постоянно объяснял, что без точки опоры в самой системе действий правительства, без нравственной силы, которою одно правительство может вооружить министра, нет государственного человека в Европе, который мог бы разрешить задачу, и что государь может ежедневно менять министров народного просвещения, но не найдет ни одного, который мог бы исполнить его волю. Я сказал кн. Долгорукову прямо, что уже теперь в обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самовластия, но что при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя. Я сказал, что наше правление — министерская олигархия, и привел тому примеры. Я указал на необходимость занять умы образованных классов населения предоставлением им некоторого участия в местных делах и на возможность исполнить это децентрализационным способом насчет министерств, а не насчет самодержавной власти. Наконец, я навел разговор на Польшу и по этому предмету высказал свою мысль так же положительно, как и по другим. Я имел побочную цель. Если когда-нибудь мне придется действовать на другом

---

* я впервые чуть было не получил министерский портфель.

поприще; то, по крайней мере, кн. Долгоруков предуведомлен и не будет иметь права изумляться.

О «конституции» он говорил сегодня раза два, как о неизбежном последствии эмансипационного дела, но присовокуплял, что государь не только не решится заявить согласие на постепенное развитие конституционных форм, но даже решительно высказался в противном смысле еще недавно и не изменил, по-видимому, своего взгляда на этот вопрос. При этом кн. Долгоруков еще раз сказал: «Мы в безвыходном положении, что будем мы делать?» Я отвечал: «Ждать с верноподданническою покорностью, пока мысль и воля государя изменятся».

Кн. Долгоруков говорил, что у него сегодня был гр. Строганов, «qui craignait d'avoir été trop cassant hier» *.

Целый день дома. Приезжал ко мне купец Зимунд из Берлина с письмом от принца Карла по своим старым лесным делам. Я письма не принял (с согласия Зимунда, которому оно было дано факультативно), чтобы избегнуть обязанности отвечать. При этом случае я узнал, что государь говорил обо мне с принцем Карлом в Беловеже прошлою осенью (т. е., вероятно, наоборот пр. Карл говорил обо мне по поводу лесного дела) и отзывался хорошо. Затем пр. Гогенцоллерн сказывал Зимунду: «ich hätte hier viel Einfluß, und ob ich für Preußen nicht zu gewinnen wäre?» **. Я отвечал смеясь, daß ich wohl nicht zu gewinnen sei, aber schon gewonnen sei für die Fälle, wo ich russisches Interesse mit Preussischem oder anderem identisch fände ***. Зимунд извинился и сказал daß er das Gewinnen jawohl im guten Sinne habe verstehen können ****. Из его рассказов видно, впрочем, что лесная часть нашего управления мало улучшилась. С Зимунда просили в Волынской губернии 5 тыс. руб., чтобы отпустить ему те деревья, которых он хотел. Он вынужден был продать свое право на рубку жидам. Жиды вырубили, что захотели, и ему же, Зимунду, потом сдали [12].

15 апреля. Утром в Комитете. Вечером у всенощной. Потом у ген. Муравьева, который по вопросу об устройстве поземельного быта государственных крестьян опять переменил свои взгляды. Теперь он либеральнее смотрит на дело и допускает безусловно отказы от земель. Впрочем, это может быть только от того, что он смотрит в лес.

---

* который опасался, что вчера был слишком резким

** Я имел бы здесь большое влияние и не мог ли бы я быть привлечен на сторону Пруссии?

*** что меня, пожалуй, не надо привлекать, я целиком на стороне Пруссии или других стран в тех случаях, когда их интересы совпадают с русскими.

**** что он привлечение рассматривает, конечно, в положительном смысле.

Говорят, что была речь о передаче Министерства внутренних дел кн. Долгорукову с присоединением к оному жандармской части и с назначением Шувалова товарищем. Сомневаюсь, чтобы эта комбинация состоялась.

Из губерний тревожные вести. Случаи неповиновения крестьян умножаются. В Казанской губернии дошло до стрельбы и, говорят, убито 60 человек. Туда командируется ген.-ад. Бибиков [12а]. В Пензе взбунтовалась уваровская вотчина и взяла в плен исправника и сотского [65а]. Везде крестьяне недоумевают насчет земли, которая будто бы им дается в надел, но дается не даром, а бо́льшею частью за прежние повинности. Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и ободряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немыслим, что он должен быть собственником и т. п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге.

Разным начальственным лицам прислан по городской почте пародированный манифест 19 февраля [66]. При том же вступлении и заключении в нем говорится о предоставлении дворянству конституционных прав и преимуществ в виде вознаграждения за нарушение их прав на поземельную их собственность. Муравьев этим тешится. От него, кроме желчи и ядовитой злорадости, теперь ничего не добудешь. А он остается министром и оставляется министром.

Гр. Строганов много наговорил императрице о неудовлетворительном состоянии наших университетов. Некоторые думают, что ему самому хочется быть министром народного просвещения. Не думаю.

16 апреля. Утром у обедни. Был у Вяземских. Потом дома. Ко мне заходил Нессельроде. Он говорит, что кн. Горчакова сделала министром иностранных дел вел. кн. Ольга Николаевна. Отец его рекомендовал Будберга, а о Горчакове сказал государю: «Je l'ai eu trente ans dans mon ministère et je ne l'ai jamais trouvé bon à rien de sérieux» *.

17 апреля. Вчера была годовщина брака е. величества. По этому случаю произведены в ген.-лейтенанты его бывшие адъютанты Александр Адлерберг и Паткуль. Сегодня, в день августейшего рождения, никаких торжественностей не происходило. Сказывают, что они отложены до второго дня Пасхи. Был в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

Читал печатаемый за границей неким г. Кельсиевым сборник сведений о раскольниках [67]. Замечательно, что правительство, давно имея в руках эти сведения, до сих пор не придумало

---

* Он был у меня в Министерстве в течение тридцати лет, и я всегда считал, что он не пригоден ни к чему серьезному.

другой системы действий в отношении к расколу. Замечательно также, что в лоне нашей церкви могло образоваться и может поддерживаться не только столь значительное число разных расколов, но и такие сумасбродные, нелепые учения и иноверия, каковы хлыстовщина, наполеоновщина [68] и скопцы.

18 апреля. Утром у обедни и в Комитете. Вечером в церкви.

19 апреля. Утром у обедни. Вечером у всенощной. Был у меня Неелов, который утверждает, что ген. Муравьев кандидат на Министерство внутренних дел и что была речь о назначении меня на его место, но что он настаивал на назначении Зеленого. Так говорит Шувалов.

Получил от государя отчеты польских губернаторов и сделанное для него в статс-секретариате из них извлечение. На этом извлечении, самом пустом и бесцветном, е. величество изволил написать, что «грустно думать, что эти успехи и благоденствие (sic) будут приостановлены теперешними неустройствами». Грустно читать эту отметку. Если государя успели уверить, что Польша благоденствовала, то чего же ждать и на что надеяться?

20 апреля. Удостоился св. причащения. Был у Вяземских и в Комитете. Вечером у всенощной.

21 апреля. Вчера утром Сиверс говорил мне, что слышал от княгини Кочубей о моем назначении министром внутренних дел. У Муравьевых говорили жене о назначении меня министром народного просвещения. В Комитете слышали о назначении меня министром финансов. Сегодня гр. Блудов прислал за мною перед обедом и объявил, по поручению государя, что я буду назначен управляющим Министерством внутренних дел. Да благословит меня бог на новом поприще. Вспоминаю стихи, записанные в моем дневнике в Митаве:

Ihn lasse du mal walten,
Er ist ein weiser Fürst
Und wird sich so verhalten,
Dass du dich wundern wirst*.

Преклоняю голову, преклоняю колена, молюсь и благодарю.

В городе уже знают об этом назначении. Муравьев и Нессельроде писали ко мне, а Хрептович был у меня, чтобы меня поздравить. Ланской не просился в отставку, хотя и уволен по прошению [69]. Он будет графом и je vous le donne en mille...** и обер-камергером.!?!

---

* Пусть он правит,
Он — мудрый князь
И он себя так поведет,
Что ты сам удивишься.

** и держу тысячу против одного.

Был в Комитете. Заезжал к гр. Блудову вечером. Был в Казанском соборе. Потом у всенощной, потом у Муравьева.

22 апреля. Утром приехал фельдъегерь от государя спросить, почему меня нет? Гр. Блудов забыл передать мне повеление быть у е. величества в 11 часов. Был во дворце и видел государя в 2. Милостивый прием. Объявление о моем назначении, изъявление доверия, указание на то, что государь желает «de l'ordre et des améliorations qui ne changent point les bases du gouvernement» *, приказание быть к докладу в пятницу вместе с Ланским. Я просил государя поддержать меня в том затруднительном положении, в которое я современными обстоятельствами и положением Министерства буду поставлен, и просил позволения прямо и без обиняков высказывать мои мысли. Ответ: Je vous l'ordonne **.

Был потом у гр. Блудова и в Комитете. Потом у Вяземских.

23 апреля. Ночью в Зимнем дворце у заутрени. Мое назначение встречено, по-видимому, общим сочувствием. В 11 часов у государя. Он говорил о назначении мне преемника по Комитету, но еще не решился. Гр. Блудов предлагал ему Головнина. Думают также о Корнилове, московском губернаторе, рекомендованном, вероятно, гр. Строгановым. О. Головнине государь выразился с некоторым недоверием.

В 12 часов у императрицы. Прием ласковый. И она, и государь говорили о том, не возьму ли я в директоры Департамента общих дел гр. Бобринского вместо гр. Шувалова. В 1/2 1-го у вел. кн. Константина Николаевича. У него был целый час. Во время разговора доложили о приезде государя. Вел. князь просил меня дождаться его возвращения. По обратном приходе в кабинет он сказал, что говорил государю о том, что я у него. Государь отвечал, что он ему меня рекомендует и что я человек, который не покривит душою. Я сказал вел. князю при прощаньи, что прошу двух вещей: позволения говорить прямо и надеяться на столь же прямое объявление мне суждений и мнений его высочества, а затем, в случае суждений обо мне посторонних лиц,— «очных ставок». «Я убедился опытом,— сказал я,— в их надобности и пользе». После вел. кн. ген.-адмирала объехал других вел. князей и всех вел. княгинь. Был у кн. Суворова, у Муравьева и у Ланского. Ланской откровенно сказал мне, что не просил увольнения, но что в пятницу государь ему сказал (в обязательных формах и выражениях), qu'il désirait que Lanski se retirât ***. Я предоставил Ланскому самому назначить мне, как

---

* порядка и улучшений, которые ни в чем бы не изменили основ правительства.

** я вам это приказываю.

*** что он хочет, чтобы Ланской ушел в отставку.

и когда он захочет сдать Министерство. Он сказал, что хочет только представить государю отчет, который, вероятно, будет готов во вторник 25 числа.

24 апреля. Утром был у разных министров и в Комитете. Вдова ген. Ростовцева возведена с сыновьями в графское достоинство. Обедал у Щербатова. Вечером был у гр. Гейдена, у Мальцовой по ее желанию и делу ее мужа с калужским губернским начальством.

Остановился на мысли просить себе Гейдена в товарищи. Был вечером в церкви и отслужил молебен благодарственный и начинательный. Кн. Горчаков сообщил мне, что просил меня для Варшавы, но государь отказал.

Вчера гр. Панину и Чевкину даны андреевские ленты. Кн. Меншиков сказал мне: «On dit que le cordon est donné à un nain et à un pas nain, qu'on avait décoré ce qu'il y avait de plus long et ce qu'il y avait de plus tordu» *.

Утром был у меня орловский губернатор гр. Левашов. Он отправляется в губернию на днях. Государь присылал вчера бумаги, полученные им от находящегося в Казани ген.-м. свиты е. в. гр. Апраксина, о тамошних беспорядках [70]. Замечательна неизменность некоторых приемов бунтующего народа. Со времен стрелецких бунтов, сквозь Стеньку Разина и Пугачева по 1861 год одни и те же черты. Опирание зачинщиков на царские имена, обвинение властей в подложных указах, систематическое заглушение каким-нибудь «сгу» ** увещаний начальников, быстрый упадок духа при энергическом употреблении силы и т. п.

25 апреля. Утром в Главном комитете и в Комитете министров. Перед тем принимал у себя прежних сослуживцев по Министерству государственных имуществ, поднесших мне «testimonial» *** в виде художественно отделанной Сазиковым серебряной чернильницы. От имени прочих говорил Рудницкий. У нас обедали m-me Brandt и Рудницкий. Вечером с ½ 10 до ¼ 12 tête à tête у вел. кн. Елены Павловны. Рекогносцировка с ее стороны. On m'a cru toujours opposé à l'émancipation. Les réactionnaires comptent sur moi. Je serai exposé à une forte pression etc ****.

7 мая. С 25 апреля по настоящий день ни минуты свободной. Между тем положение дел мало изменилось. Был в Совете,

---

* Говорят, что орденская лента дана одному карлику и другому не карлику, что наградили одного самого длинного и другого самого скрюченного.

** криком.

*** подарок в знак уважения.

**** Меня всегда считали противником эмансипации. Реакционеры рассчитывают на меня. Я подвергнусь сильному давлению и т. д.

в Комитете министров и два раза в Главном комитете. Вступил 28-го числа в управление Министерством. Видел департаменты, кроме Медицинского. Вчера обедал у вел. кн. Елены Павловны. 5-го числа представлял в Царском Селе мой первый всеподданнейший доклад. Трудна моя ноша [13].

Сегодня у обедни, несколько визитов. Обедал у Муравьевых.

На Аптекарском острове, 15 августа. Жаль, что с 7-го мая пробел. Таким образом, первые мои шаги на новом поприще не сохранятся для меня самого в этой книге и в моей памяти с тою точностью и ясностью, с которою в позднейшее время я, вероятно, пожелаю их обозреть. Но нельзя было. Между тем, благодаря бога, время прошло без беды. Мои начатки довольно удачны. Я сделал мало, но ничего не испортил, ничего не утратил. Крестьянское дело идет. Министерство двигается. Мое место в совещательных коллегиях было занято мною, по-видимому, с честью. Между тем многое переменилось или передвинулось на горизонте. Государь и императрица уехали в Крым. В Царстве Польском дела по-прежнему натянуты, но наместником назначен гр. Ламберт, варшавским военным губернатором и председателем комиссии внутренних дел — ген.-ад. Герштенцвейг, дежурным генералом — гр. Гейден. Военным министерством управляет Милютин. Министром народного просвещения — гр. Путятин. В западных губерниях быстро развилась система манифестаций. Против нее вместо безграничного произвола ген.-губ. Назимова я старался изыскать меры законные, применяясь к законодательству Франции и Пруссии по делам этого рода и даже по делам прессы, ибо мне хотелось и по сим последним делам у нас проложить тропинку, по которой можно будет со временем провести новый закон. Моя мысль после непродолжительной и даже неупорной борьбы осуществлена, и «Положение о временных полицейских судах» издано при указе Сената от 9-го августа [71].

Вчера был в городе у вел. кн. Михаила Николаевича, который на время отсутствия государя императора уполномочен собирать в экстренных случаях особый совет из министра народного просвещения, ген.-ад. Чевкина, управляющего Военным министерством гр. Шувалова, как представителя III отделения, и меня. Вчера была речь о двух студентах Московского университета, открыто проповедовавших социализм [72]. Один из них в особенности говорил народу в Тульской губернии, что земля и власть принадлежат миру, что посему не следует слушаться царя и оставлять часть земли помещикам, что для осуществления того и другого нужно оружие, и, следовательно, народу следует им запастись, и т. п. Вопрос был в том, как вести дело: негласно через жандармов или регулярным законным ходом через Министерство внутренних дел. Шувалов предлагал

последнее, и с ним все согласились. Заключение будет представлено на утверждение государя.

Сегодня у обедни. Я несколько болен глазами. Получил телеграммы из Харькова об отъезде и. и. величеств. Все благополучно.

Вечером заезжал Шувалов с записочками от кн. Долгорукова, который, между прочим, говорит, что встреча государя везде праздничная и что вообще он не может скрыть, что, проезжая в первый раз через Россию бескрепостного состояния, ощущается чувство необыкновенно приятное [14]. Кн. Долгоруков беспокоится тем, что по доходящим до него слухам крестьяне делятся, т. е. семьи расходятся. Он спрашивает меня, нельзя ли запретить разделы ц и р к у л я р о м?!! Так-то понимается свобода.

16 августа. Новый директор Департамента общих дел гр. Павел Шувалов сегодня первый раз присутствовал при докладе. Ему нужно время для ориентировки.

Целый день дома. В Нижнем какой-то диакон Щеглов отправился к ардатовскому помещику Чаадаеву, чтобы объявить ему, что он, Щеглов, декабрист, и что декабристов теперь в Петербурге, Москве и Казани 80 тыс. чел. Чаадаев сказал ему, что он не в здравом уме, ибо декабрьские события были 36 лет тому назад, а Щеглову теперь 28, и выслал вон. Дело дошло до городничего, губернатора и епархиального начальства. Оказалось, что Щеглов — преподаватель при воскресной школе в Ардатове. Губернатор вызвал его к себе и, расспросив лично, объявил, что дело не заслуживает никакого внимания и что Щеглова надлежит немедленно возвратить к его служебным занятиям, следовательно, и к воскресной школе. Министерству губернатор не донес об этом, но епархиальное начальство дало знать Урусову, а Урусов мне. Щеглов, очевидно, сумасброд, но Муравьеву не следовало оставлять его при воскресной школе.

17 августа. Дома. Работал.

18 августа. Дома. Приготовлял отправление докладов в Крым, в том числе написал два секретных своеручно. Из них первый о предоставлении предстоящим губернским собраниям [73] права заниматься обсуждением некоторых административных вопросов, специально им указанных, чтобы таким образом отвлечь их от несвоевременных и неудобных заявлений и требований по вопросам общим, им не указанным, о чем ходят различные толки. Второй с испрошением разрешения государя представить ему новую записку по вопросу о преобразовании (или улучшении, как обыкновенно говорится) быта духовенства. Эта мысль, так давно меня занимавшая, быть может, теперь осуществится. Поводом служит плачевное положение православной церкви в Западном крае и существование особого

Комитета для обеспечения тамошнего сельского духовенства. В этой сфере все вопросы сопредельны. Почему обеспечивать один Запад? Почему только обеспечить, а не возвысить? Вчера подробно объяснялся по сему предмету с Урусовым. План моих действий составлен. Что скажет государь?

С Запада и из Варшавы ничего нового. Ген. Милютин не хочет согласиться на мои предположения о реквизиционном в известных случаях способе продовольствования войск [15].

Вечером заезжал ко мне Нессельроде. Едет за границу.

19 августа. Дома. Были у меня ген. Милютин, гр. Гейден и новый витебский губернатор Оголин. Милютин озабочен приготовлением армии к будущим éventualités * и по сему предмету имел совещание с кн. Горчаковым, который не находит надобности к подобным приготовлениям. Из Польши и Литвы ничего нового, кроме того, что гр. Ламберт по приезде в Варшаву начал с того, что прекратил бивуакирование войск на улицах. Видел Тышкевича, возвратившегося из Вильно. По его словам, Назимов совершенно упал духом и растерялся [16].

20 августа. У обедни. Потом несколько визитов. Был у гер. Монтебелло, который очень интересуется польскими делами. Вечером был у меня ген. Россет. Получил из Ковно известие, что распоряжение об обезоружении Литовского края приводится в исполнение и что сборища воспрещены. Но объявления по сему предмету сделаны неловко и несогласно с данною мною инструкцией. Хоминский явно в фальшивом положении.

21 августа. Утром у Чевкина, потом в Министерстве. Видел вызванного сюда минского губернского предводителя Лаппу. Совесть у него нечиста. После его ухода один минский жид, имевший до меня просьбу, передал мне перехваченное им письмо Лаппы, компрометирующее его в отношении к переговорам с жидами и к каким-то бумагам, на которые я не мог разобрать ближайшего указания по нечеткости его почерка. Передал это письмо Шувалову.

Вечером дома.

22 августа. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров и в Главном комитете. Получил от государя из Елисаветграда бумаги, отправленные мною 12-го числа. Кн. Долгоруков пишет, что все по части путешествия благополучно. На Западе не так. Ген. Назимов по-прежнему принимает меры административного произвола без последовательности, толку и успеха. В Гродне декан Маевский организовал процессию, объявив о ней заранее, и привел в исполнение, несмотря на увещания и запрещения начальствующих. С ген. Назимовым обменивались телеграммами, но это ни к чему не повело, и в назначенный день

---

* возможным неожиданностям.

и час вынуждены были вывести войско. Над ним принял начальство командир 3-ей дивизии. Губернатор сам выехал на площадь. Развели мост и, действительно, не пропустили процессию за Неман. Но Маевский отслужил литанию на площади и сказал слово народу, объявив, что правительство помешало выполнить обет, но что бог видел их желания. Затем все разошлись. Губернатор при сем пишет: «Порядок не был ни на минуту нарушен; никаких происшествий и несчастий не было, и никто не арестован» [17].

23 августа. Дома. Был у меня г. Яблочков по делу об устройстве Земского банка [74]. Министр государственных имуществ вернулся в город. Отправлен в западные губернии чиновник особых поручений Стороженко для ближайшего разведывания тамошних дел.

24 августа. Дома до обеда. Из Вильно получено известие об объявлении военного положения. Где, когда, почему — неизвестно. Ген.-губернатор счел даже излишним меня известить об объявлении. Он сообщает только об нем в ответ на депешу, в которой я счел не излишним обратить его внимание на впечатление, которое произведет в Европе объявление края на военном положении тогда, когда эта мера не принята и в Царстве. В Киеве, по частным известиям, отбирают также оружие. От кн. Васильчикова нет о том извещения.

Обедал у Штиглица (не банкира) с лордом Нэпиром, Грейгом, бар. Пер [...?] и пр. Нэпир справедливо замечает, что у правительства нет партии, что у нас никто его не защищает и никто за него не вступается. «Depuis six mois que je suis ici,— dit lord Napier,— c'est à peine si j'ai entendu quelques personnes de ce que l'on nomme ici le parti allemand prendre le parti du gouvernement» *.

25 августа. Утром в городе. Заседание Комитета у вел. князя по вопросу о различии мнений милютинских и моих, по вопросу о реквизиционном способе продовольствования войск. Заявил в Комитет о полученном мною из Вильно сведении. Условились подтвердить высочайшее повеление о том, чтобы местные власти нас извещали своевременно о всем, о чем они доносят государю. Из писем кн. Долгорукова видно, что они телеграфируют в Крым, а молчат в отношении к Петербургу. Потом в Министерстве. Распорядился отправлением чиновника Департамента духовных дел к митрополиту Жилинскому в Друзкеники, чтобы убедить его издать mandement ** римско-католическому

---

* «В течение полугода, как я нахожусь здесь,— сказал лорд Нэпир,— с трудом найдется несколько лиц, принадлежащих, как здесь говорят, к немецкой партии, которые при мне выступали бы за правительство».

** предписание.

духовенству, о прекращении его агитаторства в Западном крае. Потом у ген. Муравьева, который вернулся в город *. Он совершенно дезориентирован и ни о чем не знает.

Вечером приготовил 3-е отправление бумаг к государю. Опять несколько дней сряду не ложусь ранее 3-го часа.

26 августа. Ген. Назимов уведомляет, что военное положение объявлено в Вильно, Бресте, Бельске, Белостоке и во всей Ковенской губернии, кроме Новоалександровского уезда.

Был у меня кн. Щербатов, саратовский губернский предводитель дворянства. Below the... mark **.

27 августа. У обедни. Были у меня ген.-губернаторы Игнатьев и Анненский, известный почтсодержатель. Полезно видеть людей своими глазами. Смотрю теперь на него иначе. Он лично лучше Почтового ведомства.

Был на даче Громова для осмотра сада, который великолепен, как и вся дача.

Вечером был у меня ген.-ад. барон Ливен. Получил кучу бумаг из Вильно и Ковно. Военное положение объявлено 22 числа, а 23-го ковенский губернатор Хоминский не только не знал об этом в 90 верстах от Вильно, но доносил, что дела уже приняли несколько лучший оборот [18]. Военное положение объявлено не только в вышепоименованных городах, но и в их уездах.

28 августа. Утром доклады по разным департаментам. Вечером был у меня кн. Михаил Кочубей для объяснений по его самарско-саратовскому делу. Une belle figure, mais un triste personnage ***.

29 августа. В Министерстве. Потом в Комитете министров, где сегодня председательствовал ген. Муравьев. Слушалось, между прочим, дело о 16 западных фирмах [75]. Комитет принял мое заключение, выраженное с месяц тому назад в записке, истребованной от меня кн. Долгоруковым по высочайшему повелению. Для составления статей, направленных против заграничной прессы, кн. Горчаков отдал в мое распоряжение г. Жеребцова.

Вчера был опять у меня г. Яблочков по делу о его проекте Земского банка. Он просит, чтобы я принял на себя официальное проведение этого проекта.

Гр. Шувалов сообщил, что получил из Крыма по телеграфу разрешение передать мне дело студентов Заичневского и Аргиропуло. Он говорит, что вообще дело принимает широкие размеры, и он вынужден был арестовать значительное число лиц [76] разных званий [19].

---

* *После* город *в скобках написано*: из лужской деревни. *(Т. I, л. 61 об.).*

** Ниже среднего.

*** Красивая внешность, но сомнительная личность.

30 августа. Утром в Александро-Невской лавре. Погода ясная. Множество народу. Придворные певчие необыкновенно хорошо пели «Херувимскую песнь» и «Отче наш». После обедни завтрак en masse et au galop * у митрополита. Вечером были у меня Замятнин и Грин из Риги с дочерью.

31 августа. Гр. Толстой приехал и явился. Посылал к гр. Шувалову Собещанского по делу о студентах Аргиропуло и Заичневском. Между тем, les arrestations et visites domiciliaires continuent **.

Вечером был кн. Щербатов и три часа говорил о себе и об «Искре», которая его когда-нибудь сведет с его маленького ума.

1 сентября. Получил замечательное письмо от и. д. гродненского губернского предводителя гр. Старжинского. Он с большою откровенностью указывает, с одной стороны, на ошибки и притеснительные действия местных властей, с другой, на desiderata *** Литвы. Он прямо говорит, что край желает «d'être uni à l'empire et au royaume comme autrefois il a été uni au royaume seul; d'avoir pleine liberté de conscience, un tribunal supérieur et une université à Wilna, le droit d'enseignement et de judicature dans sa langue et un organe pour manifester ses vœux» ****. Он в заключение просил, чтобы я кого-нибудь послал в край или кого-нибудь оттуда вызвал. Я дал ему знать по телеграфу, чтобы он сам приехал, и получил вечером же извещение, что он выезжает в Петербург. Письмо его шло долго. Оно, вероятно, «перлюстровано» на почте.

Получил по телеграфу из Ливадии известие об утверждении моих всеподданнейших докладов относительно новых губернаторских назначений в Гродно и Ковно.

В городе разнеслась, наконец, молва о взятии под арест нескольких лиц и забрании их бумаг. В том числе взяты Перцов старший, брат пензенского вице-губернатора и бывшего начальника отделения в Департаменте общих дел, factotum'а ***** гр. Шувалова.

2 сентября. Утром в городе. Прием просителей. Вечером дома.

3 сентября. У обедни. Потом у Игнатьева. Были у меня гр. Гейден, сенатор Капгер, Собещанский и Анненский. В Калужском пехотном полку польские юнкера прибили польского

---

* многолюдный и поспешный.

** продолжаются аресты и домашние обыски.

*** пожелания.

**** быть присоединенным к империи и к королевству, как ранее он был присоединен к одному королевству; иметь полную свободу совести, верховный суд и университет в Вильне, право преподавать, вести судебные дела на своем языке и иметь орган для выражения своих пожеланий.

***** исполнитель любых поручений.

офицера за то, что он запрещал им петь польский гимн. Плохой признак. Сенатор Капгер, по поводу возложенной на него ревизии, и Собещанский, по предмету возлагаемого на него следствия, оба говорили об общественном мнении и о щекотливости их положения. Signum temporis *.

Назимов телеграфирует в Крым, будто бы военное положение водворило тишину и будто бы исчезли траур и национальные польские костюмы. Стороженко, бывший в Вильне, о том не упоминает, но говорит, что ген.-губернатор собирал новый совет для обсуждения вопроса об объявлении военного положения и объявил оное, вопреки мнению членов этого совета, за исключением одного — полк. Галлера.

Ламберт до сих пор ничего не сделал еще в Царстве. Он пишет от 30-го, что прежняя неурядица в церквах продолжается и что хотя в Варшаве пока спокойно, но в провинциях проявляются частные вспышки. Он прислал кн. Горчакову записку Велопольского о разрешении проводить в действие в Царстве Польском папские акты без получения на то разрешения от Министерства внутренних дел с непосредственного дозволения наместника [20].

4 сентября. Утром доклады. Получил из Крыма бумаги, отправленные туда 18 августа. Разрешено передать на обсуждение первого губернского дворянского съезда (харьковского) вопросы, на которые я указывал. Разрешено также представить записку о мерах к преобразованию быта нашего духовенства. Вечером были Яблочков с своим проектом, гр. Бобринский с некоторыми вопросами по делам губернии и гр. Старжинский из Гродно. Продолжительный с ним разговор пока не привел ни к какому положительному результату [21].

По городу разослано печатное воззвание «К молодому поколению» самого возмутительного содержания, в прямом социалистическом духе. Земля признается общим достоянием народа, правомерность всякой недвижимой частной собственности отвергается, указывается на необходимость действовать в этом смысле на солдат и простолюдинов и говорится en toutes lettres **, что если бы для достижения цели «и пришлось вырезать до сотни тысяч помещиков, то этим не испугались бы» сочинители воззвания. Оно, очевидно, напечатано в Лондоне на бумаге и шрифтом Колокола, но помечено Петербургом [77].

5 сентября. Утром в Министерстве. Потом Комитеты — министров и сельских состояний. Вечером доклады. Краббе метко называет кн. Горчакова отсыревшим фейерверком.

6 сентября. Утром доклады. Был в городе перед обедом. Вечером герцог Монтебелло и гр. Старжинский были к чаю.

* Знамение времени.
** открыто.

С последним имел опять длинный разговор о западных губерниях. Он сказал, что признает неосуществимыми часть своих desiderata * и что вполне понял мою основную мысль, которая заключается в том, что прежде чем ожидать какого-либо знака внимания правительства к интересам местного дворянства, оно должно обнаружить, что стоит на стороне правительства, а не на стороне агитаторов.

В Москве во время пребывания цесаревича студенты Университета хотели воспользоваться прибытием его высочества на лекции, чтобы сделать демонстрацию и толпою просить его об отмене распоряжения, сделанного в последнее время на счет платы за слушание курсов. Об этом было получено сведение, и вел. князь не поехал на лекцию.

7 сентября. Дома. Приезжал Шувалов. Он жалуется на медленные приемы Собещанского. Он вообще отзывается весьма en noir ** об общем положении дел. Говорит о необходимости ехать в Париж для поправления здоровья. Словом, ему крепко хочется быть министром внутренних дел.

8 сентября. Утром в Царском Селе. Вернулся с 2-х-часовым поездом после завтрака у цесаревича. Были в Царском все министры, кроме кн. Горчакова, Муравьева, Прянишникова и Тымовского. Говорил с Шернвалем о финляндских делах. Судя по его словам, там весьма неладно, и гр. Берг со дня на день более портит дела [78]. В С.-Петербургском университете гр. Путятин не справится с профессорами, которые отказываются от выбора ректора.

9 сентября. Утром в Министерстве. Получил бумаги, отправленные в Крым 25/VIII. Государь написал на моей инструкции ***: «Весьма дельно», а кн. Долгоруков ее находит слишком длинною. Он прав, но это не инструкция, а программа. При недостатке дисциплины в Назимове я заранее знал, что инструкции в собственном смысле исполнять не будут, но знал также, что она при случае будет представлена государю. Изложенные в ней мысли я желал видеть им одобренными [79].

Вечером дома за работой. Против меня начинают уже маневрировать. Бутков писал к кн. Долгорукову, критикуя то, что сделалось в Комитете министров в его отсутствие. Шувалов также уже подкапывается.

10 сентября. У обедни. Был у меня ген. Дренякин. Ни его, ни Кригера я бы не назначал губернаторами, если бы мог выбирать и в настоящее время имел из кого выбрать. Целый день дома за работой. За время отсутствия государя из Крыма велено

---

* желаний.

** мрачно.

*** *После* инструкции *в скобках написано:* западн[ым] губ[ернато]рам. *(Т. I, л. 68 об.).*

2-м губернаторам, киевскому и виленскому, ежедневно телеграфировать мне о положении края. Их депеши сообщаются вел. кн. Михаилу Николаевичу и Шувалову. Назимов принимался было расстрелять гродненского декана Маевского. Я телеграфировал ему, что он из него сделает святого. Назимов приостановился.

11 сентября. Утром в городе. Вечером дома за работой.

12 сентября. В городе. Комитет министров. Из Варшавы Ламберт телеграфирует, что партия умеренных берет верх. Наше положение характеризует следующий факт, сообщенный мне ген. Милютиным. При преобразовании редакции «Русского инвалида» [80] его тотчас спросили, будет ли он препятствовать «подготовлять умы к конституции». Вечером дома. Работал.

13 сентября. Дома. Получил бумаги из Крыма от 4-го и 6-го. Государь вполне одобряет распоряжения ген. Назимова относительно военного положения и не согласен с моим мнением. В сделанной на моем докладе отметке он ссылается на депеши Назимова. Именно на этих депешах нельзя основываться. Развозка и разноска возмутительных статей продолжается. Обе полиции, тайная и явная, ищут, но до сих пор не находят [80а].

14 сентября. У обедни. Был у меня ген. Муравьев, который по вопросу об устройстве удельных и государственных крестьян теперь снова остановился на началах, мною предложенных в мае месяце.

Гр. Ламберт сообщает, что городские выборы в Царстве Польском оканчиваются, и что уже составляется адрес, заключающий в себе всеподданнейшую просьбу о даровании Царству конституционного устройства.

Обедал у английского посла с герцогом Монтебелло и шурином Нэпира г. Губбардом, М. Р. После обеда была речь об английских волонтерах. «C'est un mouvement éphémère,— * сказал Монтебелло,— cela ne durera qu'un temps».— «Cela durera autant que l'empire français»,— отвечал Нэпир. «Mais alors vous voulez dire que c'est à perpétuité» **,— возразил первый.

Кончил свой очерк о положении крестьянского дела в настоящее время [81].

15 сентября. Утром в городе. Был у гр. Рибопьера, который наравне с тысячью других считал долгом мне раскрыть глаза по крестьянскому делу. В Министерстве. Обедал у Муравьева. Там его зять Шереметев меня также мучил крестьянским делом. Вечером был у меня возвратившийся из Вильно Тышкевич. По его словам, там плохо. Поляки все заодно. В народе про-

---

* «Это эфемерное движение».

** «оно просуществует некоторое время». «Оно просуществует столько, сколько будет существовать французская империя»,— отвечает Нэпир.— «Но тогда вы хотите сказать, что вечно».

паганда. В начальстве неурядица. Назимов говорит, что я слишком молод. Увы, зачем он неправ!

Был у меня барон Велио, перечисляющийся в Министерство внутренних дел. Секретарь нашей Брюссельской миссии.

Отправил к государю составленный мною общий очерк нынешнего положения крестьянского дела [22].

16 сентября. Утром в Министерстве. Вечером дома, за работой. Вчера депутация из «сословия литераторов», состоящая из гр. Кушелева, Краевского и Громека, отправилась к гр. Путятину и представила адрес, подписанный 30-ю здешними писателями, с просьбою о допущении со стороны этого сословия «депутата» к следствию, производимому над г. Михаловым в III отделении. Михайлов арестован по подозрению в привозе из-за границы воззвания «К молодому поколению». Он, говорят, уже сознался в привозе 10-ти экземпляров. Один из прежде арестованных студентов, Костомаров, обвиняет его в привозе всего издания [82]. Гр. Путятин отозвался, что он не признает сословия литераторов, но согласился переслать просьбу к гр. Шувалову. Этого делать не следовало, ибо, принимая и пересылая просьбу, он допускал возможность удовлетворения и, следовательно, возможность признания просьбы основательною.

17 сентября. У обедни. Обедал в Михайловском у вел. кн. Михаила Николаевича с гр. Барановым и ген. Вилламовым. Прекрасный дворец. Вел. князь сообщил мне замечательное письмо от ген. Крыжановского из Варшавы, заключающее в себе весьма верное описание тамошних дел. Ген. Крыжановский замечает, что у поляков есть идея, а у нас против них идеи нет, и что против идей нельзя употреблять штыки. Почти то самое, что я на днях писал к Головнину. Вел. князем было отчеркнуто именно это место в письме, что меня порадовало.

Получена бумага от государя от 8-го сентября.

18 сентября. Утром в городе. Розыски Шувалова, кажется, увенчаются успехом, но не его агенты напали на след. Следственный пристав Путилин поймал вора, укравшего часовую цепочку. Этот господин предлагает под условием освобождения раскрыть истину насчет распространения возмутительных воззваний и указать всех главных участников дела. Вечером дома. Был Тышкевич.

19 сентября. Заезжал к возвратившемуся из Москвы гр. Блудову. Потом был в Министерстве, в Комитете министров и у ген.-губернатора, который болен. В Комитет министров приезжал Шувалов для передачи мне некоторых бумаг. Он в нервическом состоянии, явно недоволен своей ролью и не менее явно метит в министры. Гр. Блудов убил часа два с лишним в Комитете пустыми разговорами о предметах, не заслуживавших никаких толков.

Встретил на Невском кн. Горчакова, qui parle de sa retraite *. Вечером дома. Был у меня Грабовский, директор Киевской конторы Коммерческого банка.

20 сентября. Утром в городе. Был у меня в Министерстве гр. Кейзерлинг. Вечером дома за работой.

21 сентября. Целый день на даче. Писал для государя записку о положении православной церкви и духовенства. Был у меня виленский епископ Красинский, Père Robin в совершенстве. Он привез в кармане камень, брошенный ему в окно в Вильне месяца два тому назад, и в бумажнике ту записку, в которую был завернут камень. Он уверяет, что духовенство нигде не участвует в беспорядках. Когда я ему указал на различие actes de commission и actes d'omission **, он вынужден был сознаться, что последние обнаруживаются повсеместно. Он, впрочем, довольно резко высказывался насчет причин неудовольствия края и особенностей Литвы. У него, Лаппы и Старжинского одна тема. Очевидно, что они теперь полагают обстоятельства столь для себя благоприятными, что отзываются о griefs du pays *** (griffes — как произносит эти слова директор Киевского коммерческого банка Грабовский) так, как никогда прежде не смели об них отзываться. Разговор продолжался почти $1^1/_2$ часа и почти исключительно с его стороны. Я не сказал ничего, кроме указаний на actes d'omission **** и приглашение хладнокровно взвесить, к чему ведет и может привести настоящее положение дел. Я вынужден не обнаруживать, что у нас в настоящее время нет ни установившегося плана действия, ни даже установившегося взгляда.

22 сентября. Да благословит бог новый год моей жизни. Утром у вел. князя в заседании Gouv[ernement] provisoire ***** [83]. Слушалось дело Перцова [84], виновного в собирании разного рода возмутительных стихов и статей и в сочинении таковых, впрочем, без дальнейшего, по мнению гр. Шувалова, оглашения. Кроме того, была речь о делах Университета. Там совершенная анархия. Студенты собирают сходку, составляют проекты адресов, на стене приклеено было к ним революционное воззвание. Главные ораторы Утин, Френкель, Никольский. У них организованные комитеты и субкомитеты. Они готовятся в случае арестования некоторых объявить себя «en permanence» ****** и сопротивляться массой [85]. Гр. Путятин ничего не знал сегодня о происходившем вчера.

---

* который говорит о своей отставке.

** соделанного действия и действия упущенного.

*** претензиях страны.

**** упущенные действия.

***** временного правительства.

****** постоянно действующими.

Вечером отправил к государю мои две записки: о настоящем положении дел в империи и о духовной части [23] [85а]

У меня был soirée d'intimes *. В виде иллюминации пожар на типографском дворе. Сгорел сарай с сеном.

23 сентября. Утром в Министерстве. С 12-ти до 5-ти принимал разных посетителей. Между прочим, были 1/2 дюжины генералов, гр. Рибопьер и Тимашев, который, конечно, все видит en noir **. Он говорит относительно возможности вновь поступить на действительную службу довольно метко: les choses ne sont pas encore en assez bon état pour rentrer par goût, ni en assez mauvais pour rentrer par devoir ***.

Вечером дома. Был Тышкевич. Написал Шувалову, что если до послезавтра Министерство народного просвещения не примет мер по делам Университета, я вынужден буду просить о том вел. князя.

24 сентября. Утром у обедни. Потом в городе. Заезжал к английскому послу и к Муравьеву. Последний уже ставит паруса по ветру и готовится быть членом конституционного министерства. Он говорит, что по возвращении государя надлежит решить дело и предложить его величеству прежде всего распустить своих министров и затем составить новый «cabinet». Он уже идет далее и находит, что дворянство, как каста, долго существовать не может и что следует образовать аристократию на началах поземельной собственности.

Вечером дома.

25 сентября. В Университете беспорядки увеличиваются. Сегодня толпа в несколько сот человек студентов, с сотнею студентов Медико-хирургической академии и несколько офицеров (!?), найдя университетские аудитории закрытыми, отправилась через Невский проспект в Колокольный переулок, где живет новый попечитель, ген. Филипсон, шумела, кричала, осыпала бранью гр. Шувалова и обер-полициймейстера, весьма нецеремонно обошлась с вышедшим к ней попечителем и вместе с ним возвратилась в Университет, где на дворе произносились речи и явно организовалось университетское восстание. Собрали два взвода жандармов, послали за пехотой, наконец, ген.-губернатор убедил толпу разойтись. Таким образом, и в Петербурге состоялась первая уличная манифестация [86]. Выходя из Государственного совета (который сегодня возобновил свои заседания), Краббе сказал мне: «Через Рубикон перешли» [24].

5 октября. Пробел с 25-го сентября не имею времени пополнить. Я был болен и теперь еще не совсем оправился. С 1-го

---

* вечер близких друзей.

** в мрачном свете.

*** дела не в столь хорошем состоянии, чтобы он вернулся по желанию, ни в столь плохом, чтобы он считал себя обязанным вернуться.

числа в городе. Университетское дело еще не кончилось. Путятин ниже всякой критики. Наш Gouvernement provisoire, по распоряжению вел. князя, усиленный ген. Муравьевым, Чевкиным, кн. Горчаковым, ген-губернатором и командиром гвардейского корпуса ген. Плаутиным, также не отличается ясностью взгляда и решительностью действий.

Получил сегодня из Ливадии мою записку по крестьянскому делу. Она, по-видимому, произвела надлежащее впечатление. Из отметок государя видно, что он доволен. Кн. Долгоруков пишет, que le mémoire a été très goûté *.

Утром работал, потом ходил. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером на музыкальном вечере у кн. Кочубей.

Моя мысль о приобретении органа прессы для правительства, по-видимому, осуществляется. На днях имел переговоры с Павловым. Его газета «Наше время» может сделаться «une feuille inspirée ** [87].

6 октября. Утром у Вяземских. Заходил в Михайловский дворец, чтобы отдать для вел. кн. Екатерины Михайловны мою фотографическую карточку. Вечером разбирал бумаги и работал.

7 октября. Утром в Министерстве. Потом у вел. кн. Михаила Николаевича в заседании Совета, где продолжались суждения об университетском деле. О продолжении курсов на указанных начальством основаниях поступило до 600 прошений. Предполагается открыть курсы на будущей неделе. Вечером получил из Ливадии свои две записки об общем положении дел в империи и о преобразовании быта духовенства [87а]. С содержанием последней государь вполне согласился. По содержанию первой государь настаивает в разных отметках на неприкосновенности самодержавия. За обе благодарит. Кн. Долгоруков пишет, что государь ими весьма доволен.

8 октября. Утром у обедни. Был у митрополита Жилинского. Вечером у вел. князя. Решено открыть курсы Университета в среду, 11-го числа.

Из Варшавы плохие вести. Ген. Герштенцвейг лишил себя жизни. Гр. Ламберт болен и просит увольнения. Говорят, будто бы велено возвращающемуся из-за границы ген. Сухозанету остановиться в Варшаве. Говорят также, что имеют в виду ген. Лидерса для командования тамошними войсками [25].

Были у меня Ламанский и Сивков. С первым я желал объясниться о положении наших финансовых дел вообще, с последним — по предмету проекта его и Яблочкова о поземельном банке.

---

* что записка очень пришлась по вкусу.

** органом, инспирируемым правительством.

9 октября. В Государственном совете. Потом 2 часа убито в Департаменте экономии, где Бахтин, Чевкин и под конец Княжевич толкли воду по делу об Обществе взаимного страхования домов в С.-Петербурге. Вечером работал.

10 октября. В Комитете министров. Вечером был у меня Грейг. Разные доклады.

Вел. кн. Михаил Николаевич имеет в виду, по словам Грейга, основанным на словах гр. Шувалова, говорить с государем по его возвращении в том смысле, в каком я писал. Шувалов намерен сделать то же. Из слов гр. Строганова, изъявившего желание со мною переговорить до приезда е. величества, я заключаю то же самое.

Герштенцвейг еще не умер. Он всадил себе в голову две пули. Одну вынули, другую нет. Его отец также застрелился. Сын всегда имел при себе отцовский пистолет и взял его в Варшаву.

Ген. Зеленый вытребован по телеграфу навстречу государю. Говорят, что его прочат в виленские ген.-губернаторы.

11 октября. Утром дома. Был у меня виленский губернский предводитель Домейко. Он откровенно выражает желание Литвы возвратиться к status quo ante 1831. Но что Литва? Дворянство? Или весь край? Был также нижегородский губернский предводитель Стремоухов. Предложил ему кандидатство в губернаторы.

Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Горчаковым и Шуваловым. Цель обеда — условиться, что и как говорить государю по возвращении. Вел. князь смотрит на вещи, как мы. Переворот или поворот необходим. Кн. Горчаков, как всегда, dans le vague et dans un monde de phrases *. Шувалов настаивает преимущественно на перемене в личном составе Министерства. Я держался середины и, полагая, что неудобно предлагать государю разом отстать от всех, к кому он привык, указывал преимущественно на необходимость убедить его в неотложной потребности иначе смотреть на дело, предпоставить себе новую цель и устроить иначе строй главных деятелей.

В Университете открыли курсы. Говорят, что студентов на них было около 50-ти.

12 октября. Ездил в Царское Село, чтобы видеть вел. кн. Марию Николаевну, у которой, несмотря на выраженное ею желание, не удосужился быть с июня месяца. Она очень встревожена настоящим положением дел и говорит: «On nous chassera tous d'ici à un an» **. Вернулся в 6-м часу. Между тем в Университете продолжались курсы и беспорядки. Одни говорят,

---

* в тумане и в мире фраз.

** Через год нас всех отсюда выгонят.

что студентов было много, другие,— что их пришло с небольшим 20-ть. Но перед Университетом собралось их несколько сот. Арестовано и отправлено в крепость до 230-ти. Подробностей точно еще не знаю. Одни говорят, что они упорствовали не расходиться; другие утверждают, что они даже с палками напали на войско; третьи, что сопротивления и нападений вовсе не было и что, собственно, нельзя с точностью определить, за что столько из бывших там лиц арестовано [88]. Вечером были у меня Павел Шувалов, Отсолиг, Толстой, Тышкевич, который в числе прочих был захвачен и отправлен в крепость и которого я должен был выручить, кн. Иван Грузинский и осташковский городской глава Савин, который желал выразить мне желание и объяснить нужды городских сословий, говоря, по его выражению, как джентельмен джентельмену. В нем виден опыт образованной bourgeoisie или tiers état *. На первый взгляд, образованности или подготовки более, чем природного ума.

13 октября. Утром у вел. князя для поздравления с днем его рождения и для того, чтобы просить его приказать публиковать в «Ведомостях» статьи об университетских происшествиях. Вечером за работой. Были Тютчев, Россет, Тышкевич, Толстой. Плетнев приезжал по моей просьбе для объяснений по университетскому делу. Он разделяет мое мнение насчет закрытия Университета.

14 октября. Утром в Совете у вел. князя. Рассуждали о том, что делать с арестованными студентами. Чевкин непременно хотел отдать около полусотни или сотни в солдаты. Муравьев говорил о ссылке поляков в Березов, Омск, Томск и т. п. Решили нарядить комиссию для разбора и обнаружения самых упорных или виновных. Путятин представил проект статьи для напечатания в газетах, который признан неудобным. Мне поручено по соглашению с ним оный переделать. Вечером приезжал Тышкевич, чтобы сказать, что он открыл, кто составляет в Варшаве секретный комитет, руководящий движением. Грейг был до 3-х часов утра. Разговор о составе и программе будущего «cabinet». Завтра вечером Чевкин и Шувалов едут в Москву навстречу государю.

В городе много толков о Ламберте, которого сильно осуждают. Мне он никогда не был по сердцу. Рассказывают, что он взял на подъем 50 тыс. руб. и что теперь Лидерс выпросил 100 тыс. Дороги эти непрочные назначения.

15 октября. У обедни. Заходил к Чевкину, на которого я резко нападал вчера в Совете у вел. князя. Разговор с ним о настоящем положении дел. Он ярый абсолютист, но, однако же, призадумался, когда я сказал ему, что личный состав всех мини-

* третьего сословия.

стерств не позволяет действовать по прежней системе и что из каждых десяти чиновников можно безусловно надеяться только на одного. Его взгляд хорошо характеризуется тем, что он продолжает приписывать нынешнее расположение умов, между прочим, тому, что при Ростовцеве раздавали воспитанникам военных учебных заведений в виде наград «Economie politique» de J. B. Say и «Geschichte der Päpste» Runke.

Обедал у вел. кн. с Шуваловым, кн. Горчаковым, Милютиным. Продолжение прежнего совещания о том, что и как говорить государю. Мало надежды на успех. Кн. Горчаков в тумане. Шувалов бьет на личности, чтобы очистить место себе. Милютин преимущественно отрицает как возможность следовать прежним курсом, так и возможность пролагать новые.

Вечером был у меня гр. Сергий Строганов также с целию условиться насчет будущей системы действий. В его голове еще гораздо более тумана, чем в голове кн. Горчакова. Его мнения — какая-то смесь профессорского взгляда на просвещение, генеральского взгляда на профессоров, дворянского на помещиков, надежды на преодоление современных затруднений опирающимся на войско самовластием, и суждений о Польше и поляках, заимствованных из его воспоминаний о Минской губернии 1831 года [26].

16 октября. Утром дома. Перед обедом заезжал к Анненкову. Какая бездарная ограниченность! Вечером за работой. Читал письмо Павлова к кн. Вяземскому о происшествиях в Московском университете. Там беспорядки 12-го числа были еще отвратительнее петербургских [89].

17 октября. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров. Разрыв с ген. Муравьевым начинается. Он говорил мне с полусдержанною злостью о моей записке по крестьянскому делу и нападает преимущественно на то, что мною было сказано, что п р а в о м н а л и ч н о с т ь людей едва ли можно было пользоваться, не краснея [90]. Между тем кризис в управлении приближается. Государь уже в Москве и сегодня вечером выезжает сюда, т. е. в Царское.

Сегодня утром, в 6-ть часов, отправили из с.-петербургской крепости в Кронштадт 240 человек студентов, арестованных 12-го числа. Для разбора их назначена особая комиссия под председательством тайн. сов. Пущина.

18 октября. Государь возвратился в Царское Село сегодня в полдень. $4^1/_2$ суток из Николаева. Скоро.

Утром у Вяземских, которые праздновали золотую свадьбу. Обедал с ними у Карамзиных. Вечером у них же.

19 октября. Утром в Зимнем дворце. Заседание бывшего Gouv[ernement] provisoire в присутствии его величества. Студентское и университетские дела. Без положительного резуль-

тата. Гр. Путятин опять ниже всякой критики. Читал длинную и скучную записку, в которой обвиняет профессоров и оправдывает самого себя, не приходя ни к какому положительному заключению. Обычное впечатление. Жаль, что Совет собирался. Всегда поддерживают те именно порывы или наклонности государя, которых не следовало бы поддерживать.

По словам Шувалова, его предварительные объяснения с государем обещают некоторый успех. Мысль о более правильной организации правительства, т. е. Министерства, не встречает безусловного сопротивления. Шувалов поставил, однако же, на своем и едет за границу. Говорят, что его заменит ген. Потапов.

Ген. Игнатьев, которому государь выразил (хотя, впрочем, весьма мягко) свое неодобрение его распоряжениями, 2-го октября подал записку об увольнении от должности ген.-губернатора и потом приехал ко мне, бедный человек, просить ходатайства о сохранении ему приличного оклада.

Из Варшавы получены известия о более чем двусмысленных действиях Велопольского. Государь приказал вызвать его сюда, а если он не поедет, арестовать и отправить в цитадель [91].

20 октября. Утром во дворце на выходе по случаю заупокойной литургии по императрице Александре Федоровне. Потом доклад государю, который был чрезвычайно милостив и любезен. Он мне сказал, que j'avais sa confiance — que je pouvais à cause de cela me très peu soucier de ceux qui me voulaient du mal * (причем он намекнул на государственного секретаря, и я его назвал), qu'il garderait une reconnaissance éternelle au c-te Panine qui m'avait proposé successivement pour les deux postes du Cons. des ministres et du ministère de l'intérieur ** и т. п. Государь утвердил мои предположения о преобразовании журнала Министерства и о сделке с Павловым насчет его газеты. Он, кроме того, говорил о моих предположениях насчет преобразования Комитета министров и о своем предположении обратить эти преобразования преимущественно на Совет министров, причем поручил мне представить ему мои ближайшие по сему поводу соображения. Государь упомянул также об увольнении Игнатьева и о своем намерении назначить на его место, может быть, кн. Суворова. Доклад частию отложен до завтра за недостатком свободного времени. Был потом у лорда Нэпира, который передал мне только что полученный им (в 2-х экземплярах) 3 №

---

* что я располагаю его доверием и поэтому могу очень мало думать о тех, кто желает мне зла.

** что он сохранит вечную благодарность гр. Панину, который последовательно предлагал меня на два поста: в Совет министров и в Министерство внутренних дел.

«Великорусса» [91[a]]. Позже виделся у себя с гр. Шуваловым, который уезжает за границу завтра [27]. Видел Скарятина, который также едет за границу с семейством.

21 октября. Утром во дворце, где продолжал доклад государю, но снова не мог вполне оный кончить за недосугом. Видел Пущина, председателя кронштадтской комиссии о студентах, который утверждает, что студенты невинны. Были у меня Игнатьев и кн. Долгоруков, последний, как всегда, froid, vague, décoloré *. Вечером были Павлов, Щебальский по вопросам прессы, Яблочков по вопросу о банках, Корнилов с бумагами о первоначальном учреждении Совета [92], которые я у него выпросил для соображения. Видел Делянова, который говорит, что гр. Путятин при всем своем идеальном прямодушии невозможен и несносен. Был Неелов, который, подобно многим другим, говорит, что меня сильно бранят за губернаторские назначения. Доклад по Земскому отделу. С 8-ми часов утра до ½ 1-го ночи, кроме обеда, ни одной минуты свободной [28].

Потапов, которого видел во дворце, говорит, что устройство новой варшавской полиции удалось превосходно.

22 [*октября*]. Утром у обедни. Был у гр. Панина, который в тот же вечер был опять у меня. Он в настоящем настроении духа неудобен, но весьма ласков и почти вкрадчив со мною.

23 октября. Утром в Государственном совете и в заседании Главного комитета. Потом целый день за работой для государя, составлял предположения о преобразовании Совета министров.

24 октября. Отправил к государю конченную мною работу. Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером два доклада, pour terminer facilement ma journée **.

25 октября. Утром за работой, не выходя из дома. Вечером у вел. кн. Михаила Николаевича, по его желанию. Разговор конфиденциальный. В заключение он сказал мне, que j'avais acquis toutes ses sympathies et que quand il me voyait chez l'empereur cela lui mettait l'âme en repos ***. Потом у гр. Блудовой. Пред тем был у меня Павлов, который начинает торговаться по-жидовски.

26 октября. Совет министров по общему университетскому вопросу и в особенности по делу об особом мнении бар. Корфа, предлагающем преобразование университетов на началах Sorbonn'ы. К счастью, ничего не решили. Но в конце заседания

---

* холоден, неопределенен, бесцветен.

** чтобы легко завершить свой день.

*** что я приобрел его симпатию и что когда он видит меня у императора, это успокаивает его душу.

государь дал мне новый знак доверия. Он поручил министру народного просвещения гр. Строганову, Панину (? кажется) и кн. Долгорукову обсудить вопрос о мерах к прекращению нынешнего колеблющегося состояния университетов, где никто почти не слушает лекций, но, вставая, он вполголоса сказал Путятину и мне, что я должен участвовать в обсуждении этого вопроса. Полголоса употреблено, чтобы не дразнить прочих министров, и употреблено, несмотря на то, что я в заседании выразил мнение, не принятое его величеством, точно так, как перед заседанием государь меня призывал, чтобы сказать, что он одобрил мои предположения об устройстве Совета министров, но, чтобы меня не компрометировать перед прочими, желает объявить их как свою волю, а перед тем соберет у себя особое совещание из 4-х лиц: Панина, Горчакова, Долгорукова и меня.

27 октября. Утром в Царском Селе для доклада. Назимов и Долгоруков, т. е. первый через второго, представили государю список с моей переписки с Назимовым и разные сплетни о г. Стороженко, мною посылаемом в западные губернии. Государь, не спрося меня и под влиянием обычая считать наветы доказательством, изъявил мне желание, чтобы между Назимовым и мною не было личностей. Я не стал входить в объяснения, но воспользовался случаем доказать, что я стою выше мелочного самолюбия. Возвратясь домой, я написал к Назимову мировое письмо, ссылаясь на то, что государем мне было сказано, и на то, что Назимов старше меня летами и службою. Это письмо до отправления я показал кн. Долгорукову без всяких объяснений. Долгоруков сказал: «Cela vous ressemble» *. Он был у меня вечером вместе с гр. Строгановым и Путятиным для совещания по университетскому делу. Как всегда, мнения других изменились и приходят к моему. Положено испытать продолжение курсов в университетах, но по безнадежности в успехе приготовиться к их закрытию и вслед за тем собрать здесь комиссию из профессоров для начертания оснований нового устава, т. е. то именно, что я говорил в Совете вчера.

В кабинете у государя видел императрицу. Она поздоровела и весьма любезно выразила мне сожаление, что по случаю предстоявшего совещания с кн. Долгоруковым, Строгановым и Путятиным я не могу остаться в Царском к обеду [29].

28 октября. Утром в заседании Главного комитета [93]. Я не дождался конца. Гр. Блудов невозможный председатель, а члены неудобовозможные члены. Вопросы предлагаются в одной форме, голоса подаются в другой, а результат хотят записывать в журнал в третьей. Вечером были у меня разные лица по делам прессы и доклад по Земскому отделу.

---

* Это на вас похоже.

29 октября. Утром у обедни. Был у меня маркиз Велопольский. Он умен, упрям и сознает выгоды своего положения и слабость нашего. Был у гр. Шуваловой. Вечером читал жизнь Сперанского бар. Корфа. Повествование о 14-м декабря и нынешнее творение бар. Корфа [94] похожи друг на друга, как черное на белое.

30 октября. Утром в Совете. Был у меня Путятин, который опять совершил пол-оборота по университетскому делу. Гр. Строганов тоже. Сам назначив Путятину профессоров Соловьева и Бабста для вызова из Москвы, он теперь говорит, что вызывать профессоров было бы послаблением.

Отдал визит Велопольскому. Вечером покончил с профессором Никитенко, который принимает на себя дирекцию новой газеты Министерства внутренних дел [95]. Были у меня разные лица по тому же делу, потом гр. Берг с пустыми речами и епископ виленский Красинский, которого, наконец, я вынужден отпустить обратно. Мысль, что я от него избавляюсь здесь, m'a mis de bonne humeur pour toute la durée de notre entretien *.

31 октября. Утро за работой. Вечером разные посещения по делам прессы и банков, которые меня отвлекали от работы по делам Министерства. Получено сумасбродное донесение от минского губернатора гр. Келлера.

1 ноября. Утром в Царском. Мои предположения по устройству дел Совета прочитаны государем в присутствии гр. Блудова, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина и моем. Они приняты почти без изменения. Завтра должны быть предъявлены Совету. Государь особенно любезен ко мне. Compensation за Назимова. Кн. Суворов назначен с.-петербургским ген.-губернатором, бар. Ливен — остзейским. Видел кн. Суворова на железной дороге. Слышал от кн. Горчакова и от гр. Гейдена, бывшего у меня вечером, что Герштенцвейг застрелился, собственно, вследствие компрометировавших его действий Ламберта. Болезнь сего последнего, по-видимому, предлог уехать из Царства. Гр. Панин и кн. Горчаков не дают мне покоя. Первый вроде дядьки, меня преследующего. Второй постоянно делает конфиденциальные сообщения, не имеющие той важности, которую он им приписывает.

2 ноября. В Совете министров. Государем предъявлены мои предположения. Когда он спросил, встречает ли кто повод к возражениям, все молчали. Но когда зашла речь об окончательной редакции, все заговорили и убили даром 2 часа времени. Редакция затем возложена на Буткова и Корнилова [96].

Обедал у гр. Нессельроде с Долгоруковым, Рибопьером и гр. Шуваловым.

---

* привела меня в хорошее настроение на все время нашей беседы

3 ноября. В Царском. Доклад. Получил разрешение ехать в Москву 11-го числа *. Обедал у и. и. величеств. В Финляндию назначен вместо гр. Берга ген. Рокасовский.

4 ноября. Утро за работой. Вечером было у меня новое совещание по университетским делам. Те же лица: гр. Строганов, кн. Долгоруков, гр. Путятин и я. Результат невелик. Был у меня ген.-ад. Яфимович, отправляющийся по высочайшему повелению в Минск для водворения там порядка. Увы! Как все эти господа плохи.

5 ноября. Утром на освящении церкви в приюте пр. Ольденбургского. Затем скучные визиты. Вечером за работой.

6 ноября. Утром в Государственном совете и Главном комитете. Вечером доклады.

7 ноября. В Комитете министров. Кн. Горчаков читал свой отчет за 1860 год. Хорошо написан, но многословен и отчасти пустословен. Мы теперь так малосильны за границей, что роль министра иностранных дел затруднительна не только на деле, но и в рассказах. Обедал у кн. Горчакова с маркизом Велопольским, гр. Нессельроде, бар. Мейендорфом и гр. Паниным. Кн. Горчаков, быть может, под некоторым влиянием d'un verre de vin généreux sur un estomac un peu faible ** был тщеславен до комизма.

8 ноября. Утром в Зимнем дворце. Крестины новорожденного вел. кн. Михаила Михайловича. После церемонии остался по приказанию государя для участия в совещании о польских делах, к которому были призваны кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин и только что возвратившийся ген. Сухозанет. Речь была о некоторых мерах, которые предполагает принять ген. Лидерс, и о маркизе Велопольском, против которого Сухозанет восстает с самой свирепою старческою злобою. Он все время говорил в смысле естественной наклонности государя употреблять силу. Кн. Долгоруков отзывался почти в том же смысле. Ген. Милютин находил необходимым, как и в минувшее лето, соединение властей военной и гражданской. Один кн. Горчаков на сей раз вполне искупил свое вчерашнее тщеславие и стойко и сильно возражал Сухозанету. Государь обратился ко мне под конец совещания с вопросом о моем мнении. Я так был раздражен нелепостями Сухозанета [97] и в особенности тем, что они будто бы нравились государю, что высказал свои мысли с жаром и резкостью, которых обыкновенно старательно избегал. Я сослался на стих из IX главы апостольских деяний: «жестоко ти есть противу рожна прати» и напомнил о силе, которая выше

---

* *После* 11-го числа *в скобках написано:* по предположениям о духовенстве. *(Т. I, л. 90).*

** стакана доброго вина на несколько слабый желудок.

сил земных, о невозможности преобороть материальною силой элементы духовные и о прискорбных результатах той системы и тех советов, которым государь доселе следовал. Кажется, что мои слова несколько подействовали, ибо совещание тотчас прекратилось. Завтра ген. Милютин назначается военным министром на место Сухозанета. Последний сам просил увольнения, но, кажется, что он просил об нем только потому, что удостоверился, что от него этой просьбы желали и ожидали.

9 ноября. Утром Совет министров. Государь мне объявил лично, что утверждает меня министром внутренних дел. Вечером доклады.

10 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Был у императрицы, которая приняла меня чрезвычайно ласково и, между прочим, объявила, что, кроме кн. Горчакова, она со мною одним намерена говорить доверчиво. Вечером Комитет у меня по университетскому делу и по вопросу о цензуре. Кроме прежних лиц, бар. Мейендорф, sa montre est grandement en retard *. Завтра еду в Москву. Да благословит бог наш путь, ибо еду с женою. Да благословит он дело, для которого я еду.

19 ноября. Был в Москве 12-е и 13-е. Вернулся 15-го. С тех пор был три раза в Царском Селе.

В Москве мои переговоры с митрополитом привели к тому результату, что делу дается дальнейший ход. Он вообще согласился с предложенными ему мерами. Только против одного пункта о призыве нескольких членов Святейшего синода в Государственный совет он постоянно возражал, хотя я с разных точек зрения и несколько раз старался устранить его возражения [29а] [98]. В Москве, как всегда, много толков и мало толка. Заняты предстоящими выборами. Губернский предводитель Воейков добивается нового трехлетия путем оппозиционных выходок против правительства. Между тем по университетскому делу раздор между ген.-губернатором и попечителем учебного округа. Сегодня утром у обедни. Потом у вел. кн. Елены Павловны, assez curieuse, mais assez mal informée **. Заезжал к гр. Блудову, который присылал ко мне просить об этом визите. Ему пришло на мысль, что нехудо отсрочить на один год все дворянские выборы в империи.

На чем основана наша система действий в Царстве Польском и в западных губерниях? На понятии о страхе. «Страх,— писал Сперанский в 1820 году,— есть дело внезапности, род очарования. Нужно знать его меру, чтобы им пользоваться» [99].

В Министерстве народного просвещения продолжается разложение. Делянов, директор, и Воронов, вице-директор Депар-

---

* его часы очень отстают.

** довольно любопытной, но довольно плохо осведомленной.

тамента народного просвещения, выходят. На место первого назначается гр. Дмитрий Толстой, зять Д. Г. Бибикова.

20 ноября. Утром в Государственном совете и заседании Главного комитета. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером был ген. Крыжановский. Умен, но топорный государственный муж. Все русские варшавские делатели как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов. Потом был Ламанский, который говорит, что финансовыми делами овладела немецкая кайзерия — Рейтерн, Нессельроде, Мейендорф. После него Потапов. Издание «Северной почты» возбудило в разных «литераторах» и «публицистах» вожделение пользоваться казенными деньгами. Двое из «либеральнейших» предлагают свои услуги III отделению, предварительно обещав мне содействие по «Северной почте» [100].

21 ноября. Особое совещание у государя по польским делам. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Блудов, ген. Сухозанет, ген. Милютин, ген. Крыжановский и я. В общем направлении нет успеха, но в частности решен удовлетворительно, к немалому моему изумлению, вопрос о допущении прямого дипломатического представителя римского двора при нашем дворе сперва в виде экстраординарного комиссара, а там и в виде «нунция».

Вечером у кн. Кочубей.

22 ноября. Утром в Министерстве. Вечером в Царском Селе. Театр.

23 ноября. Утром у митрополита Исидора, где видел и Бажанова, потом у гр. Толстого (обер-прокурор при Святейшем синоде). Кончил предварительные переговоры по делу о духовенстве. Со стороны двух первых почти безусловное согласие. Бажанов в особенности, видимо, рад возможности сделаться членом Государственного совета. Он от избытка удовольствия не мог вынести моего взгляда и опускал глаза или глядел в сторону. Гр. Толстой, с которым, впрочем, я объяснялся особенно осторожно, преимущественно остановился на возражениях митрополита Филарета насчет привлечения духовных сановников к заседаниям в Государственном совете. Впрочем, и он не дал окончательного или положительного отрицательного отзыва. Таким образом, дело доведено до 2-го периода, т. е. до приступа к учреждению особого Комитета для дальнейшего направления оного к цели. Да будет бог в помощь.

Вечером на бале у С. С. Бибиковой. Кн. Кочубей положительно считает меня вторым Горчаковым и преследует меня политическими рассуждениями.

24 ноября. Утром в Царском. Доклад. Государь объявил мне, что он желает, чтобы я был членом финансового комитета, и поручил известить о том министра финансов. Насчет дела о духовенстве мне разрешено представить соображения об учрежде-

нии комитета под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Возвратился в 1-м часу с тем же поездом, который перевез из Царского в Петербург на зиму их величества. Был у вел. княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, по случаю Екатеринина дня. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Суворовым. Вел. князь и вел. княгиня оба весьма любезны и симпатичны. Вечером были Ржевский по делам газеты, Абаза, Щербатов, гр. Келлер, Тройницкий. Утром заезжал Паскевич. Он говорит, что принял бы одно назначение — в Варшаву. Il ne vise pas à peu de chose *, как он сам выразился. Главное то, qu'il vise faux **, потому что его имя вовсе не представляет ему на месте тех выгод и той силы, которые он ему приписывает. Он думает, что поляки дорожат памятью его отца. Il serait désobligeant de tâcher de le désabuser ***.

25 ноября. Утром в Комитете финансов. Впечатление неутешительное. В нем заседает министр финансов. Но его роль играет не он, а ген.-ад. Чевкин. Ген. Муравьев твердит старую песнь о невозможном займе. Все занимаются неразрешимою задачею сокращения несократимых расходов. Делопроизводитель Рейтерн решительно не обладает приписываемыми ему талантами. Перед тем был у е. величества с кн. Горчаковым и Тымовским. Первый читал проекты двух превосходных депеш в Рим о назначении ксендза Фелинского варшавским диасезальным администратором (vicaire apostolique) ****, а потом и архиепископом, и о принятии нами сперва прелата из Рима в качестве чрезвычайного комиссара по делам в Польше, а затем эвентуально и нунция.

Вечером заезжал к Гернгросу. По его словам, государь bat froid ***** Зеленого, как полагает он, в предубеждении, что Зеленый интриговал против Муравьева, который сперва будто бы уходил тотчас, а теперь остается до 15 января, как полагаю я, потому что Зеленый не умел обделать дело так, чтобы государю не пришлось оставлять Муравьева до января.

26 ноября. Утром у обедни. Потом был у гр. Шуваловой. Занят скучными приготовлениями к проектируемым мною приемным дням или вечерам.

Был у меня Ливен, вернувшийся из своего ген.-губернаторства. Немцы не походят на русских. Ливен получает с лишком 30 тыс. руб. в год и имеет некоторое состояние, но говорит, что не может «принимать» за недостатком средств. Я не имею ничего и получаю только 12 тыс., а буду принимать еженедельно.

---

* Он немалого добивается.

** что он ошибочно добивается.

*** Было бы нелюбезно стараться его разочаровывать.

**** викарий.

***** холоден в отношении.

27 ноября. В Государственном совете. Потом в Главном комитете. За работой остальное время дня.

28 ноября. Утром Комитет министров. Был с женою у леди Нэпир. Обедал у государя с Милютиным, Крыжановским, Крабби и гр. А. Адлербергом. Потом заезжал к Абазе, у которого должен был обедать в тот день. Вечером были у меня Борис Голицын, Рибопьер и Кошелев, который говорит, что без розог нельзя обеспечить отбывания крестьянских повинностей.

29 ноября. Заходил утром к гр. Путятину по случаю нелепостей, сказанных председателем комитета, назначенного для составления новых цензурных правил, действ. ст. сов. Берте, который полагает, что в этом деле можно ограничиться старыми приемами. У Путятина сидел Панин. Они оба сидели над студентским делом, которое завтра должно докладываться в Совете министров. Я не вошел и отправился к Толстому (графу Д. А.) в Департамент народного просвещения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Марьею Николаевной, кн. Вяземским и Тютчевым. Вечером был у гр. Блудовой.

30 ноября. Совет министров по университетскому делу. Решено сообразно с заключением министра юстиции выслать в отдаленные города несколько посторонних лиц, замешанных в это дело, и несколько студентов, признаваемых главными руководителями движения; исключить из Университета IV-й курс с высылкою на родину под полицейский надзор; остальным предоставить поступить в Университет, буде пожелают на известном основании, т. е. с принятием матрикул. Для этого результата с лишком 300 чел. сидели в крепостном аресте более 2-х месяцев. Между тем беспорядки в Университете возобновляются. Сегодня была сходка. Попечителю наговорили дерзостей. Явились новые прокламации или объявления на стенах. Суб-инспектора прибили и пр., и пр. Придется возвратиться к тому, что предлагал 25 сентября.

1 декабря. Утром доклад. Государь был, видимо, озабочен. Потом заседание Департаментов Царства Польского и законов в Государственном совете при участии Велопольского. Перед обедом был у меня гр. Панин и говорил без умолка $^3/_4$ часа весьма бессвязные речи. Вечером были Гагамейстер и братья Шуваловы.

2 декабря. В 12 час. у государя с кн. Долгоруковым, гр. Строгановым, кн. Горчаковым, гр. Путятиным, Мейендорфом, Милютиным, кн. Суворовым и вел. кн. Михаилом Николаевичем для совещания по университетскому делу. Решено закрыть С.-Петербургский университет на тех основаниях, которые мною были предложены еще 25 сентября. Потом в Комитете финансов.

Обедал с женою у лорда Нэпира. Grand dîner in fiocchi *. После обеда совещание у меня по университетскому делу. Гр. Строганов, кн. Долгоруков, Мейендорф, Путятин. Потом доклад Земского отдела до 1 часа пополуночи.

3 декабря. У обедни. Были у меня гр. Толстой (Министерство народного просвещения) для редакции объявления о закрытии Университета, Эттинген и ген. Чевкин для объяснений по делам Главного комитета. Толстой ненавидит Головнина и рассказывает про него и про Оболенского черные были. Путятин решительно выходит. Кн. Долгоруков еще вчера говорил мне об этом. Не знают, кем его заменить. Называют опять Головнина и бар. Николаи. После обеда за работой до 11 час. вечера. Наконец у Гернгроса до 12-ти.

4 декабря. В Государственном совете. Сибирский комитет [30]. Визиты. Работа.

5 декабря. В Министерстве. Вечером работа.

6 декабря. Утром на малом выходе во дворце. Вечером там же. Полудетский танцевальный вечер. Большею частью в числе собеседников императрицы с Мейендорфом и Мальцовою. Ничего особенно замечательного. Государь говорил о выходе Путятина, назначении на его место Головнина, а самого Путятина на место гр. Толстого, об.-прокурора Святейшего синода.

7 декабря. Совет министров. Опять разные безрезультатные толки об университетском деле. Кн. Горчаков и гр. Панин, движимые чувствами отеческой любви, не желают распущения Университета, а только временного его закрытия. Государь был жесток с Паниным и объявил, что он настаивает на том, чтобы Университет был при наступлении вакаций распущен, т. е. закрыт окончательно, впредь до преобразования. Гр. Путятин на сей раз был того же мнения. Выходя, гр. Блудов сказал мне: «Вы все много толковали о различии двух слов: закрытие и распущение. Вы забыли третье слово: упразднение, т. е. упразднение Министерства народного просвещения».

Из дворца поехал к Бажанову, а оттуда к митрополиту приглашать их на мои воскресные вечера. Подписал сего доклад о mariages mixtes ** и других вопросах, касающихся отношений иноверных церквей к православной.

8 декабря. Доклад у государя. Заезжал к вел. кн. Константину Николаевичу, который приехал сегодня утром. Не застал его. Вечером за работой. Потом совещание с редакторами будущего журнала [101]. Никитенко чрезвычайно плох.

9 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Разговор общий о современных делах и особый, с моей стороны,

---

* Званый обед в парадных костюмах.

** смешанных браках.

доклад по делу о преобразованиях по духовной части. Вел. князь говорил, что нам надлежит дружно поддерживать государя, что нас немного, он, Милютин да я, что на других рассчитывать нельзя и т. п. Потом был у меня Чевкин часа два по делам финансовым, крепко убеждая меня не говорить о crédits supplémentaires *, потому что ими будут злоупотреблять, и о возможности новых ассигнационных выпусков, потому что ими будут злоупотреблять еще более. После Чевкина был Панин. Он явно считает себя обиженным. Говорил о государе, как прежде никогда об нем не отзывался. При этом случае признался мне, что он рекомендовал меня государю на настоящую мою должность. Говорил много о дворянских выборах, но никакого положительного и ясного плана не обнаружил. Вечером был у кн. Кочубей. Le plus beau bal que j'ai vu de longtemps **. Государь, который был на бале, сказал мне, что с большим любопытством прочитал записку об отношениях иноверных церквей к православной [102] и разделяет мое мнение, но что он хочет посоветоваться и с духовными лицами. То же самое видно и из его резолюций на записке, которую он мне сегодня возвратил.

10 декабря. Утром у обедни. Был у Муравьева. Прием холодный, провожанье теплое. Вечером мой первый «raout». Raout manqué ***, потому что музыкальный вечер у и. и. величеств и бал у гр. Кушелевой у меня отняли многих посетителей. Протоиерей Рождественский был один из приглашенных мною духовных.

11 декабря. Утром Государственный совет. Гр. Панин сказал мастерскую речь по уголовному делу о крестьянине, обвиняемом в изнасиловании. Потом соединенное присутствие Департамента экономии и Главного комитета. Потом заседание Главного комитета. Приглашен к обеду у государя, но не мог быть, потому что приглашение дошло ко мне слишком поздно. Вечером за работой. Жена представлялась вел. кн. Елене Павловне. Она была с нею чрезвычайно любезна, равно как и вел. кн. Ольга Федоровна, у которой она была 7-го числа.

12 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Он не вполне согласен на направление дела о нашем духовенстве предположенным мною путем. Он сомневается в своевременности дела и в удобстве оглашения его таким громким способом.

Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

13 декабря. Утром в Комитете финансов. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером на бале у гр. Панина.

---

* дополнительных кредитах.

** Самый красивый бал, который я когда-либо видел.

*** неудавшийся раут.

14 декабря. На нынешний день назначена была разными лицами панихида в Казанском соборе по 5-ти декабристам, коих имена и медальоны украшают заглавный лист «Полярной звезды». Об этом получено сведение кн. Долгоруковым и кн. Суворовым. Последний говорит, что он успел убедить профессоров Сухомлинова и Костомарова и студента Гена в «несвоевременности» этой демонстрации, что они всю ночь провели в разъездах по своим «знакомым» и что вследствие их увещаний демонстрация не состоялась. Сегодня же утром исполнен на Сытном рынке приговор над Михайловым. Ночью он вывезен из Петербурга.

Совет министров. Читая обзор действий Министерства государственных имуществ, хотя в нем указаны были немаловажные результаты, государь не сказал М. Н. Муравьеву ни одного любезного слова, а Бутков не без свойственного ему нахальства тотчас заявил желание завладеть бумагой, ясно обнаруживая намерение впоследствии поверить ее содержание. По Министерству внутренних дел обсуживался вопрос о сообщении или несообщении чрезвычайному собранию с.-петербургского дворянства (в январе) вопросов, передаваемых нами по высочайшему повелению на обсуждение губернских очередных собраний. Решили не сообщать. При сем даже постановили ограничить срок съезда и ген. Чевкин выразил опасение, что собрание будет склонно к тому, чтобы остаться en permanence *.

15 декабря. Утром доклад. Вопрос о духовенстве отложен по моей просьбе до января. Лучше дать притупиться первому признаку противодействия. Кроме того, мне теперь некогда.

Был в общественном присутствии Департамента экономии и законов. Государственный совет по делу о преобразовании городского управления в С.-Петербурге и Москве. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича. Вечером за работой.

16 декабря. Утром в Министерстве. Потом в Комитете финансов. 4 часа работы, а дела на $1/2$ часа. Вечером за работой дома.

17 декабря. Утром у обедни. Обедали на полуофициальном обеде, данном здешними остзейцами кн. Суворову. И трогательно, и смешно, и похвально, и жалко. Старик гр. Пален (П. П.), старик гр. Нессельроде были на обеде. Кн. Суворов плакал, как женщина или ребенок. Мейендорф (casse noisette **) сказал речь, начинавшуюся в тоне пастора и кончавшуюся в тоне студента-бурша: Dank dir, lieber Bruder *** и пр. Гр. Нессельроде провозгласил тост в честь государя по-немецки. Обед и помещение по части исполнительной довольно плохи.

---

* постоянно.

** щелкунчик.

*** Спасибо тебе, дорогой брат.

Вечером мой второй «raout». Лучше прежнего. Были представители всех духовенств, от каждого по два [31].

18 декабря. В Государственном совете. После Совета заседание соединенного присутствия Департамента экономии и Главного комитета. Оба самые беспутные и беспорядочные. Почти все члены говорили, в особенности в соединенном присутствии, столь странные речи, что я молчал, желая избегнуть без прямой к тому необходимости резких опровержений в отношении к Панину, Муравьеву, Бахтину, Анненкову, Блудову и кн. Гагарину. Вел. кн. Константин Николаевич также вышел из границ приличия, сказав кн. Гагарину, что особое мнение, им предвещенное, надлежит изложить в выражениях более приличных или менее неприличных, чем поданная им записка по вопросу о переводе части банкового долга на крестьянские земли [103]. Одним словом, если так должны идти дела, то им идти вперед невозможно.

19 декабря. Утром в Министерстве. Вечером за работой.

20 декабря. Утром у государя с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, гр. Паниным, ген.-ад. Милютиным, гр. Блудовым и Тымовским по польским делам. Обсуживалось дело ксендза Белобржеского, по которому доклад был представлен Паниным и Милютиным. Кроме того, государь предложил вопрос о принятии предложений, представленных ген. Лидерсом за счет открытия училищ в Царстве. Кн. Горчаков изъявил желание, чтобы по сему вопросу был спрошен Велопольский. После некоторых прений государь согласился, возложив объяснение с Велопольским на кн. Горчакова, Тымовского и меня. Потом был в Комитете финансов. Обедал у Карамзиных. Вечером у Горчакова с Велопольским и Тымовским. Пришлось мне вести дело, почему кн. Горчаков и просил меня принять на себя личный доклад государю о результатах совещания. Все было une question de courtoisie à l'égard de Wielopolski *. Начальства в Царстве против него маневрируют, государь против него предубежден. Кн. Горчаков и я полагаем, что при явной неспособности наших деятелей в Царстве лучше избегать окончательного разрыва с Велопольским.

21 декабря. Совет министров. Перед заседанием докладывал государю при Горчакове о результатах вчерашнего совещания. В Совете государь возбудил вопрос о Политико-экономическом комитете Географического общества. Поводом к тому был доклад Муравьева дня три тому назад о приглашении в Комитет директоров его Министерства для участия в суждениях о государственных имуществах. Муравьев имел в виду преимущественно сделать неприятность вел. кн. Константину Николаевичу

---

* вопросом вежливости в отношении Велопольского.

как президенту или покровителю Географического общества. Муравьев, Панин и Чевкин хотели закрыть Комитет. Кн. Горчаков и бар. Корф желали более кротких мер. Я счел себя обязанным заявить, что я принадлежал к числу учредителей Комитета, и объяснить постепенное расширение круга его занятий. Государь ограничился весьма кратко постановлением правила, что во всех вообще обществах учреждение подобных комитетов должно быть допускаемо не иначе, как сообразно с уставом Общества, по предварительном обсуждении дела в Совете и по представлении на правительственное утверждение программы занятий Комитета. Был потом у Панина, чтобы избавиться от его посещения. Вечером за работой. Из Тулы получено сведение частным путем о составлении на губернском дворянском съезде всеподданнейших адресов с выражением весьма неуместных требований [104].

22 декабря. Утром доклад. Государь поручил мне предложить харьковскому губератору ген.-м. Ахматову должность об.-прокурора Святейшего синода. Государь вообще любезен ко мне. На сей раз я выпросил производства Соловьева в действ. ст. советники. Был потом у императрицы, которая принимает теплое участие в кн. Вяземском, снова заболевшем прежнею болезнью. Был в заседании соединенного присутствия Департаментов законов и экономии по делу о преобразовании городского управления в Москве [105]. Вечером за работой. Были у меня Тернер и Безобразов по делу о Политико-экономическом комитете Географического общества и типографщик Дабблен по рекомендации Тышкевича. Замечательная личность, но личность красная.

23 декабря. Утром Комитет финансов. Reutern est décidément un homme obtus. Sa bouche a une expression d'obésité intellectuelle remarquable *. Обедал в Английском клубе. Длинный, недипломатический разговор с французским поверенным в делах Польши о польских и французских делах. Он откровенно признавался qu'ils ouvraient la guerre d'ici à un an **, я довольно откровенно говорил, что думаю о Польше. Вечером за работой.

24 декабря. Утром у обедни. Вечером елка, по обыкновению.

25 декабря. У обедни. В первый раз выслушал молебствие на память 1812 года. Не знаю, кто избирал для него тексты апостола и евангелия. Я бы не выбрал ни того, ни другого.

Сегодня Головнин назначен управляющим Министерством народного просвещения.

Был у Вяземских. Впрочем целый день дома.

---

* Рейтерн решительно тупой человек. Его рот имеет удивительное выражение интеллектуального ожирения.

** что они начнут через год войну.

26 декабря. Утром у Вяземских, которые уехали сегодня за границу. Потом в Комитете финансов. Вечером в Зимнем дворце, на полудетском бале. Длинный разговор с вел. кн. Марией Николаевной по предмету нынешнего положения дел вообще и положения дел церкви в особенности. Продолжительный разговор и с императрицею, которая продолжает называть себя моим «confesseur» *. Она сожалеет о предложении места синодального об.-прокурора Ахматову. От него разговор перешел к делам церковным. Ее величество выразила опасение, что по этому предмету между ею и мною будет un «sujet de divergence» **. Я возразил, что сам это предусматриваю, и прибавил: «il y a longtemps que je le pense et je me permets d'espérer que votre majesté ne voudra pas me condamner sans m'entendre. Mais j'ai l'audace, madame, d'aller beaucoup plus loin dans ma pensée, et comme vous m'avez fait un devoir être vrai je me hasarderai à la dire sans réserve. Quand vous me permettrez de traiter le sujet de divergence, j'espère avoir le bonheur de vous convertir, mais je suis certain qu'il est impossible que votre majesté me convertisse».— «Ce que vous dites là est bien fort, et c'est à votre «confesseur» que vous le dites». — Je prie votre majesté de vouloir bien me mettre à l'épreuve» ***.

27 декабря. Совет министров. Читали мой очерк положения дел Министерства и записку о «mariages mixtes» ****. Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восставали против всякой перемены в законодательстве относительно иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князья, по-видимому, сочувствовали мне, ибо после заседания лестно отзывались о сказанном мною. Равным образом сочувствовали, но молчали гр. Адлерберг, пр. Ольденбургский и Княжевич. Государь колебался. Однако дело в сущности

---

* духовник.

** тема для разногласий.

*** «я давно об этом думаю и позволю себе надеяться, что ваше величество не захочет меня осудить, не выслушав. Но я имею смелость, государыня, пойти много дальше в моих мыслях и, так как вы обязали меня быть правдивым, я осмелюсь изложить вам свою мысль без утайки, когда вы мне позволите высказаться, по теме, вызывающей разногласия. Я надеюсь иметь счастье обратить вас в другую веру, но я уверен, что невозможно вашему величеству сделать то же со мной. — То, что вы говорите здесь, очень сильно, и вы это говорите вашему «духовнику». — «Я прошу ваше величество соблаговолить подвергнуть меня испытанию».

**** смешанных браках.

выиграно, ибо насчет «mariages mixtes» * разрешение только отсрочено, а в отношении к устранению стеснений при возведении иноверных храмов повелено ныне же дать делу установленный ход.

28 декабря. Доклад государю. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича с Головниным. Мое положение становится более и более затруднительным. Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избегнуть при этом ненавистной мне двуличности, а между тем еще нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и, следовательно, я рисковал бы испортить дело попыткою торопливо прекратить ее колебания. Вечером в французском театре (по указанию императрицы). «Nos intimes» **. Игра госпожи Arnault превосходная.

29 декабря. Утром в Государственном совете. Экстренное заседание для пропуска постановлений финансового комитета о возвышении нескольких статей доходов. Вечером на маскараде в Академии ***, где вел. кн. Мария Николаевна сама познакомила меня с нашими замечательнейшими художниками. 20-градусный холод помешал мне там пробыть долго. Хороши были живые картины, постановленные профессором Бруни, особливо Ave Maria с хором, так что впечатления картины и музыки соединялись.

30 декабря. Утром Комитет финансов. Заезжал к Головнину. Вечером он был у меня для сообщения своих вчинаний или начинаний. Intelligent, insinuant, méthodique, froid, égoïste, peu agréable ****.

31 декабря. Утром в Казанском соборе. Целый день дома за работой. Истекает 1861 год. Наступает новый с опущенною над ним непроницаемою завесой. Благослови венец лета, благости твоея, господи! [32].

---

* смешанных браков.

** Наши близкие друзья.

*** *После* Академии *написано*: Художеств. (*Т. I, л. 101 об.*).

**** Умен, вкрадчив, методичен, холоден, эгоистичен, мало приятен.

1862 год

1 января. Утром в Зимнем дворце. Новостей мало, кроме давно заранее известных. Гр. Блудов председатель в Государственном совете и Комитете министров. Кн. Гагарин председатель Департамента законов, Брок — экономии. Зеленый на место Муравьева. Много лент и т. п., особенно по Морскому ведомству. При baise-main * для членов Совета императрица мне сказала: rappelez-vous que cette année a un printemps **[32a]. Из дворца заезжал в другие дворцы, потом к М. Н. Муравьеву, который весьма огорчен тем, что при увольнении получил только рескрипт без Андреевской ленты. Целый день дома за работой. Мороз, сегодня утром спустившийся до 16°, опять поднялся свыше 20°. Так уже несколько дней сряду.

2 января. Утром в Комитете министров. Потом дома. Вечером были у меня Григорий Федорович Соловово, разные другие лица и Потапов. Fouine revenante ***.

3 января. Головнин присылал мне непропущенную статью Щапова [106] poroli аксаковским, пахнущую за версту пугачевщиной, и спрашивал моего мнения. Это было третьего дня. С какою целью? Я свое мнение высказал. Вчера он меня благодарил. Так ли? Утром дома. Много дела. Обедал у Карамзиных. Затем опять за работу.

4 января. Утром за мною присылал вел. кн. Константин Николаевич по делу о Политико-экономическом комитете. Я передал ему при этом случае сведения о моем участии в деле государственных имуществ и о дальнейшем к нему отношении. Потом Совет министров. По делам о Политико-экономическом комитете и о тульском адресе приняты мои заключения. Решен

* обряде целования руки.
** не забудьте, что этот год имеет весну.
*** симпатичный плут.

вопрос о публикации бюджета. Обедал у Веневитинова с Велопольским. Вечером дома [33].

5 января. Доклад государю. Потом целый день и вечер за работой.

6 января. За работой. Были разные лица по делам, в том числе сенатор Капгер, коего визиты нескончаемы, и Никитенко, который тупее полена.

7 января. У обедни. Несколько визитов. Вечером бал во дворце. Ничего особого.

8 января. Заседания Государственного совета, соединенного присутствия двух департаментов и Главного комитета, наконец, сего последнего. Шесть часов сряду. Вечером за работой. Гернгрос произведен в тайные советники и назначен товарищем министра государственных имуществ. Легко далась ему лестница. Желаю, чтобы он на верхних ступенях был не так легок на руку, как на низших.

9 января. Комитет министров. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Константином Николаевичем, Милютиным, Игнатьевым и Оболенским. Длинный разговор о «Дне» [107], об Аксакове, о петровской и допетровской Руси, о настоящем призвании русского дворянства и т. п. Перед обедом заезжал к гр. Строганову, чтобы узнать его мнение о роли дворянства в настоящее время. В Москве начались выборы. Здесь приготовляются к чрезвычайному съезду дворянства на 16-е число. Предварительные совещания ведутся крайне бестолково. Одна партия знать не хочет Положение 19-го февраля. Другая, будто умеренно консервативная, сама не знает, чего хочет. Вечером на бале у Родоконаки.

10 января. Утром был у Зеленого и в Министерстве государственных имуществ. Внешняя обстановка та же. Воздух другой. Вечером за работой.

11 января. Совет министров, перед тем особое совещание у государя по делам прессы и о лекциях Костомарова [108] с кн. Долгоруковым, Головниным, Чевкиным и кн. Суворовым. Решено поместить в официальном отделе «Северной почты» несколько слов по случаю статей Аксакова в его газете «День» [109]. Первый опыт. Вслед за тем полагаю дать Premier Pétersbourg в неофициальной части. Вечером на бале у гр. Апраксиной.

12 января. Всеподданнейший доклад. Перед обедом продолжительный разговор с новым варшавским архиепископом Фелинским. Дал о нем тотчас письменный отчет государю. Из Варшавы приехал Платонов. Опасаюсь его самоуверенной посредственности. Вечером бал у принца Ольденбургского. При возвращении нашел два телеграмма из Москвы от Тучкова и Воейкова. Какое-то предложение Безобразова принято простым большинством [110]. Прокурор дал мнение, что нужно большин-

ство $^2/_3$. Отвечал в этом смысле, но в осторожной форме по неясности редакции депеш ген.-губернатора и губернского предводителя.

13 января. Утром в Министерстве. Обедал дома. Целый день за работой. Был утром у государя по польским делам с Платоновым, кн. Долгоруковым и кн. Горчаковым. Потом государь принимал архиепископа варшавского. Аудиенция продолжалась $1^1/_4$ часа. Был у вел. кн. Константина Николаевича с Чевкиным и в продолжение 3-х часов отстаивал свое мнение по вопросу о распространении обязательного выкупа на барщинные имения.

14 января. Утром в Мальтийской церкви. Посвящение архиепископа Фелинского. Обедал дома. Вечером большой бал в Зимнем дворце.

15 января. Утром Государственный совет и три других заседания по крестьянскому делу. Обед официальный с тостами у митрополита Жилинского в честь архиепископа Фелинского. Заезжал вечером к гр. Панину. Работал до 5-го часа утра над статьею о дворянских выборах и крестьянском деле для «Северной почты» [111] и над циркуляром губернским предводителям [112].

16 января. Утром у государя с кн. Долгоруковым и гр. Паниным для совещания по вопросу о дворянских выборах. Читал мои проекты циркуляра и статьи. Оба одобрены, и государь меня за них благодарил. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича. Вечером у гр. Сумарокова на музыкальном вечере и затем у гр. Тупа на бале.

17 января. Утром в Комитете финансов. Дипломатический обед у кн. Горчакова. Вечером у лорда Нэпира. Госпожа Ристори декламировала.

18 января. Утром у государя. Совет министров. Кн. Горчаков читал записку о польских делах. Обедал у гр. Борха с архиепископом Фелинским и прочими римскими католиками. Оттуда в театр, где давали новый балет *. Невыразимо скучно.

19 января. Утром у государя. Совещание с кн. Долгоруковым и гр. Паниным по вопросу о выборах. Потом всеподданнейший доклад. Наконец, обедал дома и вечер провел дома [34].

20 января. Утром ходил пешком в первый раз в 2 месяца. Получил от Головнина записку, которую он намерен внести в Совет министров и которая направлена к отмене косвенным путем высочайшего повеления о закрытии Университета. Высказал ему мое о том мнение.

21 января. Утром у обедни. Ходил пешком. Работал. Вечером у нас 3-й воскресный раут. На днях был у меня здешний

---

* *После* новый балет *в скобках написано:* «Дочь Фараона». *(Т. I, л. 107 об.).*

губернский предводитель гр. Шувалов с объяснением по поводу моего циркуляра от 16-го *. Он с разными предосторожностями сообщил мне, что находит себя вынужденным для ограждения достоинства дворянства и охранения спокойного хода совещаний на нынешнем губернском съезде отвечать на мой циркуляр в полемическом тоне. Mais vous serez parfaitement dans votre rôle comme je l'ai été dans le mien. J'ai voulu seulement vous prévenir.— Avez-vous votre projet de réponse? Le voici.— Comment, pas plus fort que cela? — Mais c'est bien assez, je le suppose.— Comme vous le voudrez; mais pour ma part je vous prouverai que le cas était prévu et que je n'y vois nulle difficulté.— Permettez-moi de vous envoyer ma réplique, et une réplique à l'eau de rose, avant même d'avoir reçu votre lettre. Vous mettrez ensuite à la mienne, s'il y a lieu, la date qui vous conviendra **. Так я и сделал в тот же самый вечер [35].

22 января. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Рейтерн назначен управляющим Министерством финансов. Струна Княжевича, давно перетертая и перетянутая, лопнула на вопросе о замещении должностей по акцизному управлению. Грот, директор Департамента податей и сборов, заупрямился, подал просьбу об увольнении. Вместо того сам Княжевич решился просить увольнения и уволен. Сомневаюсь насчет способностей Рейтерна. Впрочем, теперь другого кандидата не было. Жаль только, что теперь три министра, Головнин, Рейтерн и Краббе, зависят от Мраморного дворца [112[а]]. Вечером работал. Потом на бале у Танеева. Потом опять за работой.

23 января. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров. Заезжал к леди Нэпир. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером за работой.

24 января. Утром дома. Работал. Вечером тоже. Был у меня Самарин.

25 января. Утром Совет министров. Между прочим читана первая часть предположения Милютина по преобразованиям в Военном министерстве [113]. Государь сказал, что как начальник и хозяин армии он это дело предлагает не на обсуждение, а к сведению. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером

---

* *После* 16-го *в скобках написано:* Изданного по настоянию гр. Панина. *(Т. I, л. 107 об.).*

** Но вы будете как раз в вашей роли, как я был в своей. Я хотел только вас предупредить.— Есть ли у вас проект ответа? — Вот он.— Как, не сильнее, чем это? — Но этого достаточно, я полагаю.— Как хотите, но что касается меня, я вам докажу, что случай был предусмотрен и я не вижу в нем никаких трудностей. Разрешите мне вам послать мое возражение в самых невинных тонах, прежде чем я получу ваше письмо. Вы поставите затем на мое письмо, если надо будет, дату, которая вам наиболее подойдет.

дома. Гр. Ланской умирает от bronchite aiguë *, старик гр. Нессельроде также болен.

26 января. Всеподданнейший доклад. Сегодня прощался бывший и вступал в первоначальное отправление должности новый министр финансов.

27 января. Вчера вечером бал у вел. кн. Николая Николаевича. В первый раз видел его новый дворец [114]. Лучшая часть — лестница, впрочем, хорошо удались и большая зала, и кабинет вел. княгини. Сегодня утром дома за работой. Вечером заседание Комиссии по преобразованию губернских учреждений [115]. Потом на бале у кн. Юсуповой. Недолго.

28 января. Утром у обедни. Работал. Вечером на свадьбе дочери моего духовника, священника Фортунатова, потом на бале в Зимнем дворце [36].

29 января. Государственный совет. Дело об общественном устройстве С.-Петербурга и Москвы. Вопрос о гласных и выборных. Бахтин напрягал все свои силы, чтобы разбить мои предположения. Верх остался за мною, и я сам чувствовал, что мои опровержения были хороши. Возвращаясь домой, я нашел, что между тем чуть-чуть мы не выгорели. В спальне жены произошел, благодаря небрежности домочадцев, внутренний пожар. Виделся потом с Толстым qui m'a fait des commérages sur Samarine **. По расчету гг. Самарина и К° я останусь министром 6 месяцев. По моему собственному расчету, вероятно, гораздо менее.

30 января. Утром на похоронах гр. Ланского. Обедал у адмиральши Грейг. Вечером за работой. В С.-Петербургском дворянском собрании на днях предложение Платонова о допущении участия сословий в государственном управлении, сиречь о конституционном начале [116], отсрочено до будущих выборов, т. е. до марта 1863 г.

31 января. Утром работал дома. Вечером заседание Комитета о преобразовании губернского управления. Сегодня в С.-Петербургском дворянском собрании предложение Безобразова о созыве государственного дворянского собрания и т. п., принятое в Москве большинством 197 против 164 голосов, отклонено здесь 148-ю голосами против 67-ми.

1 февраля. Совет министров. Дела о московских студентах и записка о предположениях военного министра. Вечером заезжал к Головнину для объяснений, согласно с его желанием по цензурному делу. Слышал от него, что скверная виньетка «Гудка», заключающая в себе разные мерзости насчет государя, императрицы и вел. кн. Марии Николаевны, цензурована два

---

* острого бронхита.

** который мне рассказал сплетни о Самарине.

раза Бутковым, им собственноручно исправлена и, наконец, одобрена [116а]. Слышал также (в дополнение к сказанному уже мне по сему предмету кн. Долгоруковым), что кн. Орлов сообщил из Брюсселя о желании Герцена выхлопотать для своего сына разрешение возвратиться в Россию и вступить во владение инвестированным имением его отца. Головнин доложил о сем государю и при этом случае говорил о прежних сношениях Морского министерства (конечно, косвенных) с Герценом в видах предупреждения его толков о делах Министерства. Кн. Долгоруков сильно восстает против этого метода и довольно наивно предлагает вместо того писать брошюры вроде «Lettre à M. Herzen par Schédo-Ferroti» * [117] для противодействия «Колоколу». Решили по совещании с кн. Горчаковым отвечать указанием на закон, который дозволяет детям лиц, утративших права состояния, просить о возвращении как этих прав, так и имения родителей. Проект письма кн. Орлову в этом смысле поручено написать Головнину.

2 февраля. Всеподданнейший доклад. В разговоре я легко коснулся городских толков о предстоящем будто бы мне вследствие назначения двух министров из кандидатов Мраморного дворца [118] в мою очередь замещении кандидатом из того же лагеря и намекнул на другие в моем настоящем положении сопряженные затруднения, упоминая, между прочим, и о влиянии, производимом неблагоприятными для меня в некоторых случаях результатами разногласий в Государственном совете. Государь призадумался, потом сказал, что на пустые толки я должен «плевать», что мне, должно быть, известно, что я пользуюсь его доверием и что касательно разногласий он всегда старается тщательно сообразить дело и утвердить то мнение, которое ему кажется наиболее правильным, причем, конечно, может случиться, что он моего мнения не разделяет. Ввиду того, что здесь говорится и делается и при моем радикальном неумении и нежелании себя защищать или поддерживать окольными путями и частными средствами, это заявление с моей стороны было не лишним.

Вечером на бале у вел. кн. Михаила Николаевича. Его дворец в другом стиле [119], но не менее хорош, чем дворец вел. кн. Николая Николаевича. Из Варшавы получено известие об открытии главных церквей Соборной и Бернардинской. Сегодня должны были открыть и остальные.

3 февраля. Утром в Министерстве. Во все эти дни видел множество разного рода лиц, в том числе губернаторов Черткова и гр. Левашова. Эти «молодые и светские» губернаторы хороши, но щекотливы, неопытны и самодовольны. Вообще, кого

---

* «Письмо г-ну Герцену от Шедо-Ферроти».

ни видишь, со всяким и во всем затруднения. Между тем дело растет не по дням, а по часам. Сегодня получил извещение от гр. Блудова о назначении меня еще в новый комитет по вопросу о прошениях римско-католических епископов Царства Польского. Из Москвы получил, наконец, всеподданнейший адрес тамошнего дворянства [120]. Обедал у Грейга с Головниным, Рейтерном, Оболенским, Набоковым, Краббе и вел. кн. ген.-адмиралом. Вечером дома за работой.

4 февраля. Утром дома за работой. Множество посетителей по делам. Вечером бал в Эрмитаже.

5 февраля. Утром у государя по делу о московском адресе. Потом Государственный совет. Заседание Главного комитета и заседание соединенного департамента по остзейским делам. Вечером за работой.

6 февраля. Утром дома до 2 часов. Потом у гр. Блудова с кн. Горчаковым, Паниным и Платоновым для совещания по высочайшему повелению по делу о разных ходатайствах римско-католических епископов Царства Польского. Вечером дома.

7 февраля. Утром у бар. Мейендорфа. Первое заседание Комитета по делу об учебной части в Царстве Польском. Заседание кончилось ничем. Велопольский поднял вопрос о компетенции Комитета и утверждал, что после рассмотрения представленного им закона в Государственном совете Царства Комитет может рассматривать оный только с точки зрения общих интересов империи и в общих чертах. Я тщетно старался устранить этот щекотливый вопрос ввиду состоявшегося безусловно высочайшего соизволения на учреждение Комитета. Панин, Тымовский и Платонов прямо противоречили Велопольскому. Разошлись, определив представить отдельные мнения [37]. Вечером на бале у кн. Кочубей на 1/2 часа. Потом за работой.

8 февраля. Совет министров. Был потом у Мейендорфа, чтобы передать ему мое мнение по вчерашнему делу, но его не застал. Вечером бал у comtesse de Chauveau, marquise de (быв. кн. Юсуповой), на 1/2 часа. Потом за работой до 3 1/2 утра.

9 февраля. Утром доклад. Ввиду современных затруднений по делам дворянских собраний и общего раздражения умов, с одной стороны, и разноречивых толков между членами правительственного синклита, с другой, я предложил государю поручить нескольким министрам по их предметам ведомства, наиболее прикосновенным к делу, собраться и обсудить вопрос о тех мерах, которые надлежит принимать, и той системе, которой следует держаться правительству. Цель моя, говорил я, заключается в том, чтобы в Совете Вашем не возникали внезапно разноречивые мнения по предметам совещания, заранее известным членам Совета, и чтобы по выходе из Вашего кабинета эти члены говорили одним, а не десятью разными языками.

Государь согласился. Я предлагал кн. Долгорукова, кн. Горчакова, гр. Панина, Чевкина, Милютина, Головнина и (по предварительному соглашению с кн. Долгоруковым) вел. кн. Константина Николаевича. Государь последнего исключил. Таким образом, старшим вышел Панин. Государь поручил мне сказать о том Панину и Долгорукову. Последнего я не застал, первого видел. Он не очень был доволен переданным мною поручением и, по-видимому, намерен оттянуть дело. Кроме того, видя, что я решительно не поддаюсь на его лад и не сочувствую его системе мелочных административных взысканий *, он старается меня испугать. Vous marchez sur l'arête d'un toit. On pourra dire à l'empereur que vous jouez double jeu, etc. ** Напрасный труд. Во-первых, я знаю ce que je dirai moi-même le cas échéant ***. Во-вторых, я потому именно и стараюсь вывести начисто весь разлад между членами Министерства, что не хочу jouer double jeu **** [38]. Вечером дома.

10 февраля. Утром в Министерстве. У меня были Ахматов и гр. Бобринский, тульский губернский предводитель. Последний est fortement toqué *****. Вечером дома. Тверской адрес, полученный на днях, еще хуже московского [121].

11 февраля. Утром у обедни. Обедал в Эрмитаже на déjeuner-dîner dansant ******. Вел. кн. Елена Павловна, бывшая там, по очереди беседовала со всеми министрами. Императрица следила за этим, а мне предсказывала, что вскоре дело дойдет до меня. Так и случилось. Тогда императрица села наискосок против меня и забавлялась старанием de me faire perdre contenance *******, по ее выражению. Вел. княгиня при всем своем уме не видит того, как на нее смотрят. Вечером у меня хромой раут. Из бывших в Эрмитаже почти никто не приехал.

12 февраля. Утром в Государственном совете. Тяжелые для меня лично вести из Риги [121а].

Из Твери получено известие, что вследствие постановленного на последнем чрезвычайном съезде дворянства заключения о несостоятельности Положений 19-го февраля и неумении правительства справиться с делом оба члена губернского присутствия по назначению от правительства (Бакунин и Толстой) подали в отставку, и 13 лиц, в том числе 2 уездных предводителя Алексей Бакунин и Балкашин, члены от правительства

---

* *После* взысканий *в скобках написано:* по сословным делам. (*Т. I, л. 113*).

** Вы ходите по краю крыши. Можно сказать императору, что вы играете двойную игру и т. д.

*** что я скажу сам в случае необходимости.

**** не хочу играть двойную игру.

***** с большими странностями.

****** приеме с танцами.

******* вывести меня из равновесия

Николай Бакунин и несколько посредников и кандидатов формально заявили губернскому присутствию и разослали в уезды объявления, что они впредь признают Положение «враждебным обществу» (?) и будут руководствоваться в своих действиях только убеждениями общества впредь до созыва общего земского собрания, о котором просило дворянство. Государь поручил мне представить вместе с гр. Паниным соображения о мерах к направлению дела судебным порядком. Был вечером у Панина, где видел и кн. Долгорукова. Вечером написал докладную записку с согласия Панина, предлагая командировать в Тверь ген.-адъютанта с особым полномочием, потому что Бакунин и другие, решившись на сделанный ими шаг, вероятно, приготовились и к последствиям оного. Могут возникнуть беспорядки. Все мировые посредники могут разом выйти в отставку и т. п., а губернатор доказал, что он не в состоянии справиться с губернией. Затем арестовать главных зачинщиков, доставить их в с.-петербургскую крепость и предать суду Сената.

13 февраля. Утром у государя с Паниным и Долгоруковым. В Тверь едет, по собственному назначению государя, ген.-ад. Анненков. Мы (Долгоруков и я) предлагали кн. Паскевича. Был в Комитете министров. Перед обедом заезжал ко мне Анненков. С ним отправляется об.-прокурор Сената Семенов и мой чиновник особых поручений Собещанский.

14 февраля. Несколько утешительные известия из Риги.

Утром совещание у бар. Мейендорфа по польско-училищному делу. Остальной день за работой дома.

15 февраля. Совет министров. Дела тверские и доклад общего свода постановлений дворянских собраний по некоторым губерниям. Вечером разные посетители, между прочим, Танеев (сын) весьма недоволен Головниным, гр. Старжинский — Назимовым, и кн. Щербатов, которого очень трудно уломать принять губернаторство.

В Совете министров Панин и Чевкин продолжают обнаруживать верования в силу внушений, толкования статей свода и т. п. Приближается для меня время критической борьбы с двумя лагерями, мраморно-дворцовским с одной стороны, и старополицейским, с другой.

16 февраля. Утром совещание у государя с кн. Горчаковым, Платоновым, бар. Мейендорфом, кн. Долгоруковым и Милютиным по польским делам. Из Варшавы получены известия, что архиепископ Фелинский готов удалиться в монастырь, если от него потребуют, чтобы он издал mandement, который им здесь был составлен. Положение дела на месте побудило его к этой перемене. Решено предоставить ему по его усмотрению издать или вовсе не издавать mandement, но сказано, что изменять текста, в случае издания, он не может. Мой доклад отложен до

вечера. Днем работал. В 8-м часу доклад. Потом вечер у принца Ольденбургского.

17 февраля, утром. Опять совещание у государя по польским делам. Кн. Долгоруков решительно в пользу наместника из членов императорской фамилии. Государь находит это только преждевременным, по случаю военного положения. Затем решился восстановить значение председателя Совета правления, как в начале 30-х годов [122] оно первоначально было установлено, когда это звание имел действ. тайн. сов. Энгель. Кн. Горчаков предложил Мейендорфа. Мейендорф, pris à l'improviste *, сослался на плачевное состояние своего здоровья. Тогда назвали кн. Павла Павловича Гагарина. Но ничего еще не решили, а возложили на присутствовавших обязанность составить по сему предмету подробные предположения, которые и представить государю. Обедал в Эрмитаже на déjeuner-dîner dansant **. Из Твери доставлены сюда двое из 13 (Николай Бакунин и Лазарев). До сих пор в губернии к ним не изъявляется сочувствия, напротив того, вышневолоцкий съезд протестовал против их поступка. Перед обедом был во французском театре. Canotiers de la Seine *** в полнейшем и грубом смысле farce. На бале государь, вальсируя с княгинею Мариею Максимилиановною, упал вместе с нею, как говорится, de tout son long ****. Неприятно для зрителей. Для него еще неприятней.

18 февраля. Утром у обедни. Выезжал перед обедом. Обедал у Карамзина. Вечером, по случаю воскресенья, были разные посетители, но немного. Предполагалось, что в день кончины покойного государя приема не будет, и я не освещал дома приемных комнат.

19 февраля. Целый день дома за работой. Переписка с Паниным насчет публикации о тверском деле. Он прислал ко мне проект статьи, не согласный с истиною и вовсе не объясняющий дело. У этих господ не хватает духа признаться в самых правильных своих распоряжениях.

20 февраля. Заседание Главного комитета. Виделся с ген. Назимовым, он по-прежнему невозможен.

21 февраля. Утром училищный комитет (Царства Польского) у барона Мейендорфа. Вечером за работой. Все 13 лиц, прикосновенных к тверскому делу, арестованы. В «Северной почте» о том заявлено [123]. Ожидается предложение гр. Панина Сенату о предании их суду. Анненков пишет, что им там не сочувствуют, по крайней мере, большинство.

---

* застигнутый врасплох.

** на приеме с танцами.

*** Любители кататься на Сене.

**** растянулся во весь рост.

Головнин говорил мне сегодня, что, по мнению вел. князя и его собственному, меня следовало бы назначить наместником в Царство Польское, отделив военное управление от гражданского и подчинив наместнику командующего войсками. Я думаю, что Головнин, действительно, не сожалел бы о моем выбытии из Петербурга.

22 февраля. Совет министров. Продолжение чтения предположений военного министра [124]. Перед обедом был у меня Титов. Он слывет умным человеком. Странно, что его речь вообще пустозвонна. Я прочил в губернаторы Щербатова и Васильчикова, первого в Харьков, второго в Новгород. Оба отклонили предложения. Первый, потому что желал более prévenances * со стороны государя, второй, потому что не хотел вступить в службу без первого. Если бы Щербатова пригласили в Эрмитаж, оба были бы губернаторами. A quoi tient ce que l'on veut bien nommer le sort des provinces! **

Головнин заезжал ко мне на днях для сообщения измененных им предположений по цензурной части. Их эссенция заключается на первый раз в передаче или перечислении в Министерство внутренних дел членов Главного управления цензуры.

23 февраля. Доклад у государя. По окончании оного я высказал в общих чертах мысль о преобразовании Государственного совета с допущением в него временных выборных членов от губерний [125]. Государь слушал внимательно и принял вообще дело лучше, чем я ожидал. На первый раз для меня, конечно, достаточно было тронуть вопрос. После доклада совещание у гр. Блудова по вопросу о запрещении нашему юношеству воспитываться за границей. Вечером у Герцгроса.

24 февраля. Утром совещание у гр. Блудова по вопросу о просьбах римско-католических епископов Царства. Ген. Анненков вернулся из Твери, оттуда он вывез мало поучительного. Зато он вознаградил меня развитием в продолжение целого часа своих давно известных воззрений на крестьянское дело ab ovo ***.

25 февраля. Утром у обедни. Потом в Невском монастыре. Получил от Платонова его предположения об основаниях, на которых должна быть введена в действие мысль о начальнике гражданского управления в Царстве Польском. Сообщил свои о том заметки. Вечером раут у нас.

26 февраля. Утром дома. Перед обедом заходил к ген. Безаку, вечером в Зимнем дворце. Государь приказал мне сделать окончательные распоряжения насчет назначения ген.-м. Ахма-

* предупредительностей.
** Вот от чего зависит то, что обычно называют судьбой провинций.
*** с самого начала.

това об.-прокурором Святейшего синода. Императрица сказала, между прочим: Savez vous que l'on vous donne déjà un successeur.— Oui madame, je le sais.— Comment, et vous le dites ainsi.— Cela, me donne à penser. Croyez vous à la versatilité de la pensée qui vous a fait nommer. J'en demande pardon à v. m. Ce n'est pas que je redoute la versatilité de la pensée qui m'a appelé aux affaires; mais il faut toujours être prêt aux vicissitudes auxquelles le monde des affaires est sujet.— Pas de découragement, je l'espère.— Non madame, mais une retraite est possible non seulement par des motifs de ce genre, mais encore par devoir aux obéissances» *.

Получил из Твери постановление губернского присутствия от 20-го вроде протеста против арестования 13 лиц, подписавших заявление 5-го февраля и других распоряжений ген. Анненкова. Он об этом ничего не знал, хотя выехал из Твери 23-го.

27 февраля. Утром Комитет министров. Ген. Назимов играл в нем главную роль. Вопрос о поданных им государю записках отложен до следующего заседания. Вечером у кн. Кочубей. Разговор с Велопольским о новых предположениях по управлению Царства. Опасаюсь, что при узком взгляде на дело некоторых здешних государственных мужей все кончится скандальным разрывом.

28 февраля. Утром у бар. Мейендорфа для совещания по составленным Платоновым предположениям о «начальном гражданском управлении в Царстве». Вечером у гр. Блудова.

1 марта. Утром Совет министров. Предположение Головнина по цензурной части одобрено. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Возобновление прежних «jeudis» **.

2 марта. Утром доклад государю. Потом заседание соединенных Департаментов законов и Главного комитета. Кн. Гагарин хотел отложить рассмотрение дела об уездных полициях ad calendas graecas ***. Решили, однако же, по моему настоянию и согласно с мнением гр. Панина приступить к делу на 4-й неделе поста. Вечером заезжал к Муравьеву, отъезжающему завтра за границу, проститься.

---

* «Знаете ли вы, что вам уже назначают преемника? — Да, государыня, я знаю об этом.— Как, и вы так об этом говорите. Это заставляет меня призадуматься. Верите ли вы в изменчивость мысли того, кто вас назначил? — Прошу извинить меня за это, ваше величество. Это не только потому, что я опасаюсь изменчивости мысли человека, который меня призвал к делам, но надо быть всегда готовым к превратностям, которым подвергнут деловой мир.— Я надеюсь, вы не падете духом.— Нет, государыня, но уход в отставку возможен не только по мотивам этого порядка, но и по долгу повиновения».

** четвергов.

*** до греческих календ (т. е. на неопределенное время).

3 марта. Заседание Комитета финансов у гр. Нессельроде по выкупному вопросу *. Une espèce de coup monté avec un large côté comique **. Началось чтение письма бар. Бруннова из Лондона о положении наших финансовых дел вообще. Письмо оканчивается надеждою на божию помощь и советом быть осторожными и не обещать более, чем можно сдержать. Слушано с благоговением, и Нессельроде почти прослезился при фразе о божией помощи. Потом Чевкин заметил, как премудры наставления Бруннова и как полезно не подвергаться финансовому veto, после старательно выработанных предположений, составленных без предусмотрения этого veto. Наконец перешли к моим предположениям, то есть, к тем именно, которых ожидало veto. В подробностях даже не рассматривали. Возражения представлены в общих чертах, так сказать, через плечо. Рейтерн прочел небольшую лекцию о финансах; старик Нессельроде почти дрожал от нетерпения похоронить вопрос, все голоса Нессельроде, вел. кн. Константин Николаевич, Мейендорф, Княжевич, Брок, Чевкин, Анненков были против меня. Когда я сказал, что представлю свое мнение отдельно, вел. князь спросил меня, не присоединюсь ли я к прочим. Я отвечал, что для меня утешительно видеть спокойствие, с каким господа члены Комитета надеются на досуге довершить предпринимаемые реформы, но что, с моей стороны, не видя возможности воспользоваться этим досугом и не услышав в заседании ничего нового, ничего, чего бы не знал всякий, кто читал газеты и дожил до седой бороды, я остаюсь при прежнем взгляде на дело.

Вечером доклад по Земскому отделу до часа ночи. Депеша из Рязани. Там, на губернском съезде, когда предположение о Земском соборе было забаллотировано, 5-ть предводителей и дворяне из уездов до 80 человек перестали участвовать в совещаниях, остальные 90 с губернским предводителем продолжают свои занятия [126].

4 марта. Утром у обедни. Работал. Вечером раут у нас. Заходил к Ламанскому для объяснений по делу о выкупе, он явно в разладе с Министерством финансов. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером раут у кн. Горчакова.

6 марта. Утром Комитет министров. Бурное заседание по литовскому вопросу *** [127]. Вечером у вел. кн. Марии Николаевны. Charades ****.

---

* *После* выкупному вопросу *в скобках написано:* т. е. о выкупе в издельных имениях. *(Т. I, л. 119).*

** Заранее подготовленное дело явно комического характера.

*** *После* литовскому *вопросу в скобках написано:* т. е. представленным г[ен].-а[д]. Назимовым запискам. *(Т. I, л. 120).*

**** Шарады.

7 марта. Утром у вел. кн. ген.-адмирала. Разговор о положении наших дел вообще. Он не соглашается с мыслью о преобразовании Государственного совета и предпочитает организацию провинциальных полупредставительных собраний. Направление по-прежнему антидворянское. Неопределенное понятие о противопоставлении дворянскому сословию с его исключительными требованиями консервативного представительства, основанного на правах поземельной собственности. Кто при сем будет представлять крестьян?

Вечером у гр. Паниной.

На днях профессор Павлов на литературном вечере произнес речь, наполненную неуместных, возбудительных против правительства намеков и возгласов. Речь была неуместна, почему пропущена цензором. Павлов дополнил ее изустно разными прибавлениями, еще более возмутительными. Она вызвала шумное одобрение. Ему запрещено читать лекции, и он выслан в Ветлугу [128]. В литературном музее готовится демонстрация. Щербатов в лихорадочном метании в разные стороны от нахождения не у дел состоит председателем комитета для пособий литераторам. Он говорил мне у Паниных, что желал бы успокоить волнение, исходатайствовав официально смягчение участи Павлова. Он испросил себе аудиенцию у кн. Долгорукова. Я сказал ему наотрез, что считаю всякую уступку невозможною.

8 марта. Совет министров. Мой доклад о положении дел комиссии для преобразования губернских учреждений. Никто не имеет по этой части твердо установившихся понятий. Обедал у кн. Кочубея. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Познакомился с вел. кн. Александрою Иосифовною, которой до сих пор не представлялся, вследствие несоблюдения ею года два тому назад некоторых procédés *. Сегодня на лекции профессора Костомарова произошла сцена по случаю мер, принятых против Павлова. Другие профессоры будто бы объявили, что прекращают курсы, столь напрасно открытые Головниным. Костомаров хотел продолжать свои лекции, произошел шум. Кончили тем, что часть публики надела фуражки и закурила папиросы перед портретом государя в зале Думы, где читалась лекция [129]. В Совете министров вел. кн. Константин Николаевич и ген. Чевкин явно обнаружили свое намерение признать казенные земли собственностью государственных крестьян. Ген. Зеленый неловко затронул этот вопрос, я на сей раз смолчал; нужно теперь окончательно поднять и решить вопрос. С вел. князем будут Чевкин, Бахтин и Государственная канцелярия [39–41] [130].

---

* правил.

9 марта. Утром доклад у государя. Перед мною докладывал Рейтерн и оставил у е. величества журнал финансового комитета по выкупному вопросу вместе с моим мнением. Он также докладывал государю свои сметные соображения на 1863 год, обнаруживающие до 36 млн. дефицита. Возвратясь домой, я потребовал проект положения о земско-хозяйственных учреждениях, составленный под руководством Соловьева. Принялся за переделку и распорядился созывом комиссии на завтрашнее число [42].

10 марта. Утром за работой. Кончил пересоставление проекта. Обедал в Английском клубе. Вечером до ½ 2-го утра заседание комиссии. Провел через нее проект. Я догадался, что в податной комиссии при Министерстве финансов [131] создают государственный налог нового вида, генеральный impôt de répartition *, развертку коего хотят предоставить самим плательщикам, т. е. массам, и для того желают уездных собраний, где крестьяне имели бы значительное число голосов. Из всех форм налога в настоящее время нельзя избрать более ненавистной для достаточнейших и образованнейших классов населения.

11 марта. Утром у вел. кн. Александры Иосифовны. Обедал у Княжевича с разными министрами и кн. Суворовым. Вечером раут у нас. В 7-мь часов вечера скончался гр. Нессельроде. И эта жизнь была исполнена дней и дел, как сказал Тройницкий, с меньшим правом про жизнь Ланского.

12 марта. Утром дома. Ездил в Симионовскую церковь на панихиду вместо 25-го февраля. Вечером был в комиссии губернских и уездных учреждений, которую созывал снова для некоторых перемен в окончательной редакции проекта. Вечером кончил редакцию, сделал извлечения для государя, которого уже третьего дня предуведомил о том, что проект будет готов к следующему заседанию Совета министров.

Государь написал на журнале Комитета финансов: «Обсудить вновь на предложенном министром внутренних дел основании».

13 марта. Утром в Комитете министров. Отправил государю составленный мною проект. Вечером за работой.

14 марта. Утром дома. Ходил прогуливаться перед обедом. Теперь это редко удается. Вечером был у Батюшковых на лекции Кояловича. Замечательный дар слова, но необделанный, неусовершенствованный, бестактный, как почти все у нас дарования. Объяснение с Гернгросом, который неизвестно почему считал себя в разладе со мною.

---

* налог по распределению.

15 марта. Утром на похоронах гр. Нессельроде в англиканской церкви *. Выходя оттуда, некоторые дамы плакали. Неужели они так чувствительны и так нежно любили покойника?

Совет министров. Докладывал проект земско-хозяйственных учреждений. Вел. кн. Константин Николаевич нападал на все то, что одобрял неделю тому назад. Решительный бой приближается. Между тем по случаю болезни гр. Блудова его высочеству вверено председательство в Государственном совете.

16 марта. Утром доклад у государя. Довольно ясно сказал ему, что три министра теперь в зависимости от вел. кн. Константина Николаевича, и что он сам идет не тою дорогой, по которой за ним можно следовать. Для рассмотрения моих предположений ** назначена комиссия из членов совета под председательством вел. князя. В этой комиссии мы все, по мнению государя, должны высказаться. Был потом в заседании соединенного присутствия Департамента законов и Главного комитета по делу об уездных полициях. При начале заседаний Чевкин спросил, изъявлено ли министром финансов согласие на предстоящий по этой части расход, присовокупляя, что прежде того нечего и обсуждать. Я отвечал, что вопрос об уездных полициях уже давно поднят высочайшею властью, что в необходимости преобразований по этой части не предстоит никакого сомнения и что вообще, мне кажется, что мы постепенно уклоняемся на почву английских учреждений, по силе коих первый лорд казначейства есть в то же время и первенствующий министр. Не признавая себя у нас ни обязанным, ни вправе подчиняться Министерству финансов в делах подобного рода и считая вопрос довольно важным, чтобы не желать его разрешения, я просил записать о том в журнал и представить на благоусмотрение государя. Председательствующий кн. Гагарин изъявил желание, чтобы я не настаивал на занесении сего в журнал, а Чевкин взял назад свои возражения. Дело тем и кончилось.

Вечером на рауте у кн. Юсуповой.

17 марта. Утром Комитет финансов. Гр. Панин несносен. Рейтерн предлагает, между прочим, учинить подушную подать. Я снова заявил мысль о введении подоходного налога. На меня возложили представить о том мои соображения. Обедал в Английском клубе. Годовщина его основания. Тост за здравие государя принят гораздо холоднее, чем в прошлом году.

18 марта. Утром у обедни. Был у Ламанского, у гр. Толстого и т. д. Вечером последний раут у нас.

---

* *После* английской церкви *в скобках написано*: он родился от германских родителей, в Лиссабонском порте, на английском корабле, крещен по англиканскому обряду и был того же вероисповедания. *(Т. I, л. 124 об.).*

** после моих предположений в скобках написано: по з[емско]-х[озяйственным] учрежд[ениям]. *(Т. I, л. 124 об.).*

19 марта. Утром в Государственном совете. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича. Вечером на рауте у кн. Горчакова.

20 марта. Утром Комитет министров. Почтовое дело Анненского, где Прянишников внезапно вздумал обратить на Министерство внутренних дел ответственность за его неправильное распоряжение. Отпарировал. Вечером у вел. кн. Марии Николаевны. Длинный разговор с государыней императрицей о нынешнем положении дел. Завтра в час мне приказано быть у ней.

21 марта. Был у ее величества. Продолжение вчерашнего разговора. Она упрекает меня наравне со всеми другими в недостатке решимости и энергии. Отчасти правда. Был потом у вел. кн. Елены Павловны. Она желала со мною объясниться по вопросу о переходе в ее ведение части заведений Императорского человеколюбивого общества [43]. Вечером раут у гр. Кушелевой.

22 марта. Утром дома. Обедал у и. и. величеств. Вчерашний разговор не повредил мне, по-видимому, в глазах императрицы. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Charmante lecture d'une jolie pièce * («Chassés-croisés») par m-mes Vo..., Lagrange etc...

23 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом заседание соединенного присутствия по делу об уездных полициях. Вечером на несколько минут у гр. Разумовской.

24 марта. Утром Комитет финансов. Я внес свои предположения о подоходном налоге. Кн. Горчаков и гр. Панин, наибогатейшие из членов, конечно, первые восстали. Рейтерн возражал, как человек, не любящий чужой мысли. Я не защищал своих тезисов, предпочитая на сей раз faire un acte de courtoisie aussi complet que possible **. Замечательно, что о представлении моих предположений, которые один Чевкин поддерживал, не будет упомянуто в журнале, «чтобы не возбудить в государе императоре мысли, что можно бы отыскать новый источник дохода и, таким образом, затруднить сокращения по разным (т. е. одному военному) ведомствам». Мысль о подобных дипломатических приемах с е. величеством не поражает этих господ своей нелепостью. Я и здесь уступил потому, что речь шла о моей работе [44].

Обедал у Римской-Корсаковой l'incroyable ***. Вечером у кн. Кочубей.

25 марта. Утром у обедни. Был у испанского посла и у гр. Палена (по делам остзейским). Обедал, и целый вечер дома. Пасмурно на горизонте и на сердце.

26 марта. Утром Государственный совет. Рижские дела о торговых сборах и браковке. Бахтин и Департамент экономии по

---

* приятное чтение милой пьесы («Чехрда»), которую читали г-жи Во..., Лагранж и др.

** поступать любезно, насколько возможно.

*** щеголихи.

обыкновению против меня, но без успеха. Потом заседание Главного комитета. Дело о государственных имуществах. Несмотря на все усилия Бахтина, на симпатию вел. князя и на проделки Государственной канцелярии, вопрос о праве собственности казны на земли, состоящие в пользовании государственных крестьян, разрешен в моем смысле [132]. Я и здесь резко высказал мое мнение. На сей раз Чевкин и Панин также решительно пошли против вел. князя. Государственная канцелярия, т. е. главные ее дельцы, должны меня глубоко ненавидеть.

27 марта. Утром Комитет министров. Почтовое дело Анненского и К° решено по-моему [132а]. Чевкин сделал выходку против Министерства внутренних дел по вопросу об одном из московских городских займов. Выходка совершена без повода и основания. Отвечал sans me fâcher *. Обедал у испанского посла. Оттуда на вечере у вел. кн. Константина Николаевича. La création de Haydn **. Во время чайного intermezzo меня потребовала императрица. Продолжительный разговор и с ее стороны много любезности. Je n'ai pas perdu du terrain ***.

28 марта. Утром Остзейский комитет по вормсскому делу [133]. Потом финансовый комитет до $6^1/_2$. Рейтерн с несколько тупоумным aplomb, другие члены с несколько комической важностью и патетичностью, требовали от военного министра уступки 15 мил. по его смете на 1863 г. Милютин отвечал, что в настоящее время ничего определительного сказать не может о 1863 годе, но вообще считает уступки в подобных размерах невозможными. Кн. Горчаков в порыве самоотвержения предлагал, буде министр финансов того потребует, уничтожить и самого себя и вверенное ему Министерство. Рейтерн говорил, что, может быть, уже среди лета прекратят платежи, Чевкин «умолял» военного министра «спасти Россию от погибели» и пр. и пр. Я не вмешивался в дело, но, когда г. Панин сослался на меня, сказав, что в губерниях вообще покойно и много войска не нужно, я отвечал, что при ходе крестьянского дела и в особенности при нашей системе заправлять Царством Польским и Западным краем я не усматриваю возможности значительного в них и внутри империи уменьшения войск, что я вообще не думаю, чтобы можно было заранее установлять обязательные цифры, и чтобы государство могло само себя посадить на жалование, и что химерические планы насчет несбыточных сбережений не мое дело.

29 марта. День рождения Никса [134]. Да благословит его бог! Утром Совет министров. Пустые дела. День, как всегда, за работой. Забыл упомянуть о том, что вчера в заседании Комитета

* не сердясь.
** творение Гайдна.
*** Я не потерял почвы под ногами.

финансов была речь о негоциациях бар. Штиглица в Париже с Ротшильдом и в Аахене с Берингом и Гопе насчет нового займа [135]. Не очень верю успеху этого дела.

30 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь был задумчив, и я старался сократить доклад по возможности. Перед тем виделся в приемной с Рейтерном и Милютиным. Рейтерн говорит об уходе. Потом соединенное присутствие по делу об уездной полиции. Бутков говорил, будто бы на сегодняшний день по безымянному письму было назначено покушение на жизнь государя. Кн. Долгоруков о том не упоминал и, по-видимому, не беспокоится. Вчера вечером был у меня Ахматов. Il finasse *.

31 марта. Заседание финансового комитета. Прежняя бестолковица. Рейтерн сначала продолжал говорить о 15 мил. сбережений по Военному министерству, о прекращении в противном случае платежей и т. п. Чевкин возобновил возгласы о честности, о гибели России, кн. Горчаков в порыве великодушия предложил уничтожить свое министерство и самого себя. Гр. Панин вообразил себе, будто бы военный министр забыл про целый пехотный корпус (№ 5-ть) и предложил его упразднить и т. д. Я молчал. Вел. князь обратился ко мне лично, вызывая меня сказать мое мнение. Я ограничился тем, что в общих выражениях противупоставил систему мер положительных системе мер отрицательных и сослался на различие между моими взглядами и взглядами большинства членов Комитета [45]. Обедал у кн. Паскевича. Вечером у всенощной. Потом доклад Земского отдела.

1 апреля. Утром у обедни. Обедал у гр. Ферзена. Читал записки Varnhagen'a [135[а]].

2 апреля. Утром в заседании Особого комитета по остзейским делам. Вечером был у меня гр. Сумароков. Замечательно, что, между прочим, я от него слышал, по поручению вел. кн. Александры Иосифовны, что она за меня опасается, что меня хотят отстранить и заменить Милютиным и т. п. Она говорит про Головнина: cette araignée a une constitution dans sa bosse **. Меня также прочат в Варшаву. О последнем я сам часто думаю. Чтобы меня удалить отсюда, Варшава может действительно служить лучшим предлогом. Кроме меня, мало кто знает Царство Польское.

3 апреля. Утром заседание Комитета финансов. Телеграфическое известие о согласии Ротшильда на заем в 15 мил. фунт. стерл. по 94 мил. Об этом заявлено.

4 апреля. Утром заседание Остзейского комитета. Дело о насторских повинностях [136]. Мое мнение, вероятно, будет принято всеми. Во все эти дни говенье и работа пополам.

---

* Он хитрит.

** этот паук носит конституцию в своем горбу.

5 апреля. Удостоился причащения святых тайн. Вчера вечером ко мне прислан был журнал Комитета финансов, изложенный односторонне и с явным намерением преградить мне дорогу по вопросу о выкупе. Посылал за управляющим делами Комитета Небольсиным, чтобы объяснить ему, что подписывать журнала без оговорки я не намерен. (Он уже был подписан всеми членами, кроме Милютина и меня). Небольсин признал справедливость моих замечаний, с моей точки зрения. Я показал ему начало моего дополнительного мнения, мной уже написанное. Он заметил, что в одной фразе есть, по его мнению, желчная резкость. Я при нем же разорвал бумагу и сказал, что напишу иначе. Сегодня это мною сделано [137].

6 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Государь был очень любезен и при прощаньи, крепко пожав мне руку, сказал: «Courage, vous savez que vous avez ma confiance.— Sire, ce n'est pas le courage ni la persévérance, que je crains de me voir faire défaut; mais vous me permettez au moins d'espérer que votre majesté sait que ma position est très difficile.— Je le sais bien, mais je vous ai soutenu et je vous soutiendrai.— Quand on a bonheur d'entendre ce que vous venez de me dire il serait difficile de ne pas persévérer.— Adieu, et que dieu nous aide» *. Чего лучше можно было желать! Государь явно видит борьбу между мною и спутниками вел. князя и меня одобряет и поддерживает.

7 апреля. Утром за работой. Выходил пешком и был у гр. Келлер, которая по-прежнему рассыпается удивительными фразами. Как не догадаться с ее чрезвычайным умом, что те, которым эти фразы приносятся поочередно, под конец узнают, что они более или менее все ценимы и отличаемы в множественном числе.

Вечером Рейтерн меня уведомил, что государь написал на моем мнении: «Я во многом совершенно разделяю мнение ст. секр. Валуева».

Утром был у меня Павлов из Москвы с новою просьбою о деньгах. Он уверяет, что без значительного пособия не может продолжать издание газеты «Наше время» и ставит меня этим в неприятное и затруднительное положение, ибо по моему ходатайству ему же ссужено до 26 тыс. руб.

8 апреля. Христос воскресе! День святой Пасхи. Ночью был во дворце. Императрица не так здорова и не была на выходе.

---

* «Мужайтесь! вы знаете, что вы располагаете моим доверием.— Государь, я не боюсь, что у меня не хватит смелости или настойчивости. Но вы мне разрешите, по крайней мере, надеяться, что ваше величество знает о моем очень трудном положении.— Я это хорошо знаю, но я вас поддерживал и буду поддерживать.— Когда имеешь счастье услышать то, что вы только что мне сказали, было бы трудно не быть настойчивым.— Прощайте, да поможет нам бог».

Узнал от Зеленого, что всем членам финансового комитета и министрам, участвовавшим в его последних совещаниях, было сообщено по высочайшему повелению мое дополнительное мнение. Зеленый упрекал и говорил, что другие упрекают меня в том, что я подал это мнение, не заявив разногласия в заседании. Но разногласия собственно не было. Редакция журнала, составленная односторонне, без предварительного соглашения с членами и явно против моих возражений направленная, припудила меня подписывать его безоговорочно. Притом, послав за правителем дел Комитета и заявив ему прямо о моем намерении приложить к журналу мои особые по содержанию оного объяснения, я предупредил всякий основательный в том упрек. Зеленый это понял. Рейтерна во дворце не было[46]. Оттуда после обычных записываний у вел. князей и княгинь вернулся домой, и, поздравив своих, отправился на 1/4 часа к кн. Кочубей.

Целый день дома, кроме предобеденной прогулки, которою воспользовался, чтобы навестить Шереметевых, Мухановых и Тройницкого.

9 апреля. Целый день дома. Приводил в порядок бумаги.

10 апреля. Утром Комитет у министра двора для совещаний о празднестве тысячелетия России в Новгороде, назначаемом на 8-е сентября. Государь занимается этим предметом. На меня он наводит тоску и беспокойство. Какое-то предчувствие говорит мне, что лития и панихида, входящие в церемониал, в него войдут недаром. Вообще несчастная мысль ставить памятник живым. Россия еще жива. Будет ли жить после тысячелетия та же самая Россия, которую мы ныне чтим своею матерью?

Вечером у и. и. величеств. Императрица упрекала меня в том, что меры, принятые в пользу иноверных исповеданий, приняты без предварительного соглашения с об.-прокурором Святейшего синода. Есть в этом доля правды. Но возможно ли у нас соглашение, когда, кроме меня, никто сознательно не уступает до известных пределов? У нас требование соглашения есть требование подчинения.

11 апреля. Утром Остзейский комитет. Все заседание ограничилось подписанием журнала и взаимными благодарительными комплиментами. Потом в Государственном совете заседание соединенного присутствия по вопросу об уездных полициях. Вел. кн. ген.-адмирал в заседании не присутствовал, но во время оного вызывал меня в комнату государственного секретаря для объяснений по делу о земско-хозяйственных учреждениях и, между прочим, по предмету моего дополнительного мнения в журнале финансового комитета. Он упрекал меня, но осторожно и мягко в том, что я его поставил в затруднительное положение. Я объяснил, почему не мог поступить иначе и спросил его

прямо, на чем основан тон авторитета Комитета финансов и его членов, на дефиците от 40 до 50 мил.? На упадке нашего кредита? На односторонней заботливости о казначейской части финансового управления в ущерб финансовой? Вел. князь отвечал, что он и сам признает только авторитет нового министра финансов.

12 апреля. Утром дома. Перед обедом ходил с Оболенским по Невскому. Разговор о председательствуемой им комиссии. С моей стороны я занимаюсь принятьем ближайших мер безотлагательно к учреждению несуществующего ныне надзора за типографиями и книжною торговлей. Вечером дома.

Вчера кн. Воронцов убил у меня два часа времени самыми пустыми речами о крестьянском деле и других современных затруднениях. Завтра он едет в Париж. Таковы, к сожалению, у нас почти все люди высшего круга. Ничего толком несообразят, покричат наудачу вкось и вкривь да и уедут в Париж.

13 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Потом в Министерстве совещание по делам книгопечатания. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Живые картины, между прочим, Юдифь Allori * фр. Стааль и полковник Рихтер, голова которого представляла голову Олоферна и чрезвычайно удачно. (Рихтер был посажен ниже и верхняя часть туловища закрыта драпировкой). Тициан с женою — герцог Мекленбургский и Mme Stolipina, фламандская сцена — Алексанти Мейендорф, фр. Эйлер, цесаревич и фр. Рихтер; рыцарь и дама — вел. кн. Николай Николаевич и фр. Козен. Два рыцаря, обнажающие мечи, кн. Николай Максимильянович Лейхтенбергский и полковник Рихтер.

Затем «Оттето» Мендельсона, отлично исполненный, несколько других музыкальных пьес и бал для молодежи.

14 апреля. Утром у вел. кн. Константина Николаевича совещание по проекту земско-хозяйственных учреждений. Его высочество, Чевкин, Панин, Головнин, Рейтерн, Зеленый и я. Рейтерн без всякого рационального повода сделал довольно комическую выпадку на меня. Вел. князю и Головнину было совестно за него. Вел. князь весьма внимателен и любезен ко мне. Co z tego będzie? **. Вечером за работой.

В городе разбросаны новые возмутительные прокламации к войскам и преимущественно к офицерам, их приглашают поднять на виселицу царя и аристократов [138]. Говорят, будто бы в ночь на Пасху несколько экземпляров было найдено в Зимнем дворце. Дело, однако же, не доказано. Кн. Долгоруков и Суворов уверяют, что этого не было, другие говорят противное.

---

* кажется, так (*Прим. автора, написанное на полях).*

** Что из этого будет?

15 апреля. Утром у обедни. Несколько визитов. Вечером за работой.

16 апреля. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

17 апреля. Jour des grâces *. Зеленый утвержден министром. Кн. Горчаков сделан вице-канцлером. Разным лицам пожалованы аренды земли и ордена. Мне самому орден св. Владимира 2-ой степени. Утром на выходе. Потом был у государя, благодарить. Он меня два раза обнял и весьма тепло благодарил за мои труды. Это гораздо лестнее ордена, который мне стоит деньги [139], а удовольствия принести не может. Вечером бал. Температура в 35°. Нестерпимо душно. Бал был на так называемой половине и. и. величеств, где 700 человек принимать нельзя.

Вчера у вел. кн. Константина Николаевича был с ген. Зеленым крупный разговор по поводу некоторых неловких замечаний ген. Назимова насчет люстраций. Вел. князь напал на систему поземельных оценок Министерства государственных имуществ вообще и сказал Зеленому, «что он в нем ошибся, что его направление ведет к гибели России, что он ожидал от него пользы, а теперь видит, что он только проводит муравьевские идеи» и т. п. Зеленый отвечал резко. Потом к нему приходил Головнин и просил обождать не говорить государю, присовокупляя, что вел. князь погорячился, что это «сумасшествие» и т. п. Вечером на бале. Вел. князь посылал звать к себе Зеленого, но сей последний уклонился, предпочитая ехать к вел. князю завтра для объяснений и вместе с тем для представления в звании министра.

18 апреля. Объяснение состоялось. Вел. князь формально извинился, даже просил прощения. Он выразил желание, чтобы Зеленый не говорил о сем государю, но Зеленый отвечал, что умолчать не вправе.

Утром Комитет министров. Вечером заседание у вел. князя по делу о земско-хозяйственных учреждениях. Печальные известия из-за границы о кн. Вяземском. Он в Бонне в прямом умопомешательстве. Грустные вести и с Кавказа [140]. Да будет мне и ему бог в помощь.

19 апреля. Утром за работой. Ходил пешком. Солнце, но солнце холодное. Нева очищена от льда, но взволнована ветром и похожа на свинец.

Здесь теперь Лидерс и Велопольский. По польскому вопросу так же мало установились мысли, как и прежде.

20 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Государь говорил мне, что он вызывает Милютина для занятия должности управляющего гражданскою частью в Царстве Польском. Из

---

* День милостей.

дворца был у гр. Шуваловой на Царицыном лугу смотреть на парад (майский, что в апреле). Погода прекраснейшая. Зрелище блестящее, как обыкновенно, народ кричит государю ура охотно, не по приказанию. Вел. кн. Константину Николаевичу лошадь ушибла ногу, вероятно, опять не состоится назначенное на завтра заседание по выкупному вопросу. Обедал у лорда Нэпира, который говорит насчет вел. кн. Елены Павловны «que c'est la curiosité la plus intelligente qu'il ait jamais rencontrée» *. Видел там Велопольского, который весьма не в духе и говорит, что отныне не будет участвовать ни в каком комитете, потому что государь утвердил по польскому училищному вопросу мнение Тымовского и Платонова. Действительно странно, что государь, назначив к участию в совещании бар. Мейендорфа, гр. Панина. Головнина, Велопольского и меня, нам всем предпочел ничтожного Тымовского и наипосредственнейшего Платонова. К чему идем мы и к чему придем подобным ходом?

21 апреля. Заседание по выкупному делу действительно отменено. Утром несколько визитов. Был у гр. Гурьева по его саратовскому делу, напрасная вежливость. Его умственные способности уже кристаллизованы. Он говорит языком, на котором и беседовать не могу, и моего языка не понимает.

Перед обедом был у меня Constant. Ungern с картою американских железных дорог. Он затевает опыт подобных построек у нас отрывочными участками, удешевленными способами. Но Чевкин!

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Характеристично. Немецки живут и говорят промеж себя члены императорского дома. Принесли записку вел. княгине. Она прочитала и сказала герцогу: «Der Kaiser ist Morgen bei Костя, und Sani ladet uns ein» **.

22 апреля. Утром у обедни. Прогулка пешком. 2—3 визита. Вечером дома.

23 апреля. Утром в заседании Главного комитета. Обедал у кн. Горчакова с Велопольским, Будбергом, Зеебахом, Жомини и Тютчевым. На завтра назначено особое совещание у государя по предмету польских дел. Быть или не быть Велопольскому. Он уже хотел послать государю просьбу об отставке вследствие неутверждения его мнения по училищному делу. После обеда был у вел. кн. Константина Николаевича для заседания финансового комитета. Заем покрыт. Обмен кредитных билетов на монету сначала по биржевому курсу начнется с первого мая. После заседания вел. князь просил меня зайти к нему в каби-

---

* что это наиболее умная любознательность, которую он когда-либо встречал.

** Император завтра будет у Кости, и Сани нас приглашает.

нет, чтобы переговорить о делах польских. Он за Велопольского и вообще весьма здраво судит о положении Польши. По этим вопросам государь с ним не совещается, и вел. князь принужден от нас выведывать, что делается или не делается. Он готов быть наместником или вице-королем. Кн. Горчаков даже говорит, qu'il meurt d'envie *. Возвратясь домой, я посылал за ст. секр. Энохом, который теперь совершенно предался Велопольскому и в нем одном видит спасение наших интересов в Царстве. Энох умен, говорит хорошо, сам себя слушает, но доверия не внушает. Мне не нравится, что Велопольский его величает «un homme de bien» **. Это колеблет мое доверие и к Велопольскому.

24 апреля. Утром в 11 час. совещание у государя. Ген. Лидерс, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин, гр. Панин, Платонов и я. Кроме Горчакова и меня, никто не признавал возможным подчинить гражданское управление Велопольскому. При этом гр. Панин был нелеп по обыкновению. Слушая его, можно было бы предположить, что весь ход дел в Царстве зависит от первого слова государя и может быть направляем по благоусмотрению без принятия в эпоху критическую каких-либо чрезвычайных мер. Четырнадцать месяцев анархии, военного положения и разного рода неудач будто не протекали. Кн. Долгоруков также смотрит близоруко на вопрос и ограничивается весьма тесным кругом суждений. Милютин в вопросах этого рода всегда ниже своего обычного уровня. Платонов опустился до безобразных сплетней насчет Велопольского. Что же касается до ген. Лидерса, то его ограниченность на поприще гражданских и государственных дел очевидна. Он не надеется справиться с Велопольским и положительно высказал убеждение, что если его назначат начальником гражданского управления, то он, Лидерс, не останется на нынешнем месте. Этим, конечно, решилось дело. Государь сказал, что он постарается приискать ему другого помощника. Таким образом, решение польского вопроса снова отодвигается вдаль, ибо без прямого участия какого-нибудь именитого поляка он решен быть не может, а таких поляков, кроме Велопольского, у нас нет в запасе. Впрочем, я на сей раз заметил, что государь, прежде круто отвергавший всякое помышление о предоставлении Велопольскому столь значительной роли, ныне, видимо, начинает свыкаться и примиряться с подобными мыслями. Ce ne me semble plus qu'une question de temps ***. Но успеем ли мы дождаться? Потом был в заседании Комитета министров. Дело о лифляндских церковных повинно-

---

* что он этого до смерти хочет.

** порядочный человек.

*** Это мне представляется только вопросом времени.

стях было приготовлено к слушанию, но Чевкин и Анненков объявили, что желают с ним ближе ознакомиться. Затем оно отложено.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны с гр. Кайзерлингом, гр. Сиверсом и фрейлен Раден.

25 апреля. Утром Комитет финансов у вел. кн. ген.-адмирала, вслед за тем заседание отдела Совета министров у него же по делу о земско-хозяйственных учреждениях. Под конец заседания я был в лихорадке от постоянного напряжения мыслей и нервов при медленном, трудном и нередко беспорядочном ходе совещания.

26 апреля. Почти целый день дома за работой. Двор переехал сегодня в Царское Село.

Вчера был у меня Зеебах. Немцы ненасытны. Нессельроде завещал его жене, между прочим, арендное владение имением Нейгут в Курляндии. Эта аренда приносит ежегодно до 10 тыс. руб. Остается ею пользоваться еще 21 год. Зеебах уже хлопочет о том, чтобы купить это имение у казны, но подешевле с тем, чтобы заплатить через 21 год то, чего оно стоит теперь.

27 апреля. Доклад государю в Царском Селе. Остался там обедать у их и. величеств, за обедом были, между прочим, герцог Оссуна, Титов и Рейтерн. На возвратном пути речь в вагоне о Чевкине и железных дорогах. Рейтерн справедливо заметил, что нынешние затруднения к устройству железных дорог заключаются не в одной личности Чевкина, а в специальных недостатках всего ведомства путей сообщения и что они не будут устранены до тех пор, пока главою управления не будет назначено лицо, не принадлежащее к означенному ведомству.

Отправил в Комитет министров проект временных правил о надзоре за типографиями и пр.

28 апреля. Заседание у вел. князя по выкупному делу. Его высочество сильно гнул на свою сторону, но скоро обнаружилось, что большинство будет на моей стороне. Тогда председатель предложил изыскание других путей для достижения целей. Следовательно, необходимость ее достижения признана, и первый шаг выигран. Поручено Рейтерну и мне войти по этому предмету в предварительное соглашение. Опасаюсь только, что при нашей привычке сдаваться на всякие уступки, те члены собрания, которые меня поддерживали, уступят более чем должно.

У меня обедал Эттинген. Вечером был Влад. Менгден из Тулы. Кн. Долгоруков сообщил мне представленные им государю записки о нынешних внутренних политических опасностях и о мерах, предполагаемых им к их устранению [141]. По этому вопросу предстоит мне особое совещание с кн. Долгоруковым и кн. Суворовым.

29 апреля. Утром у обедни. Заезжал к старикам Шуваловым, которые получили известие о смерти в Берлине их малолетнего внука.

30 апреля. Утром Государственный совет. По высочайшему повелению возобновлено суждение по вопросу о распространении на майораты ст. 123 Крестьянского положения [142]. Кн. Горчаков подавал о том записку государю. Он не понимает дела и доказал это сказанной сегодня речью. Против него говорили многие, за него никто, но, когда собрали голоса, оказалось с ним 15, со мною 24 голоса. Характеристично — 15 членов не имели способности сказать своего мнения, но могли подать его молча. Потом рассматривался вопрос о новых бюджетных формах. Заседание продолжалось до 5 $^{1}/_{4}$ часа [47].

1 мая. Утром был у леди Нэпир, у гр. Хрептович. Перед обедом совещание у меня с кн. Суворовым и кн. Долгоруковым по предмету поставленных государю сим последним записок по вопросу о преобразовании с.-петербургской полиции. Возлагается на ген.-м. Потапова, действ. статс. тов. Турунова, об.-полицмейстера Анненкова и ген.-м. Огарева поручение составить предварительные предположения. Кн. Суворов уверяет, что он на днях накроет двух или трех из главных зачинщиков здешней агитации и беспорядка.

2 мая. Отправил к Рейтерну мои новые соображения по выкупному вопросу. Потапов сообщил о разных распоряжениях de haute police *. Между прочим, от него отправлен агент в Лондон к Герцену с разными статьями и условным знаком: «СБ.» (сблизиться) [143].

3 мая. Утром у вел. кн. Константина Николаевича заседание комитетов Кавказского и Крестьянского, остальное время дня дома за работой.

4 мая. Утром в Царском Селе, доклад. Обедал там же у и. и. величеств с кн. Долгоруковым, кн. Суворовым и бар. Мейендорфом. При окончании доклада Рейтерна государь призывал меня в кабинет и затем нам обоим выразил желание, чтобы выкупной вопрос был разрешен по возможности безотлагательно. C'est déjà une pression manifeste en ma faveur; mais Reitern est dur à la détente **.

5 мая. Утром был у меня рижский архиепископ Платон, сюда вызванный, по моему желанию, для заседаний в будущем комитете по делам духовенства и вместе с тем назначенный присутствовать в Синоде. Обедал у «барышень» Смирновых. К чему дают они обеды и неотвязчиво на оные приглашают? Единствен-

---

* высших полицейских органов.

** Это уже явное давление в мою пользу, но с Рейтерном трудно сговориться.

ное объяснение — III отделение. Но какая в том польза для III отделения? Из Парижа получено известие об окончательном осуждении Долгорукова по его делу с Воронцовым. Вечером у лорда Нэпира. Возвращаясь домой, видел пожар в Малоконюшенной. Ходил туда пешком. К счастью, его скоро потушили.

6 мая. Утром у обедни. Был у Одоевских. Какой пустой человек кн. Одоевский. Обедал у Хрептовичей. Вечером был у меня Рейтерн. Мы с ним окончательно согласились по выкупному вопросу. Не совсем так, как я желал, но лучше чем ничего и даже не мало.

7 мая. Утром Государственный совет. Три часа прений по делу золотопромышленников Зотова и Рышкина, тому самому, по которому попал в беду Паткуль и которому косвенно прикосновенны Огарев и Адлерберг. Никогда по государственному вопросу не обнаруживается столь живого и всеобщего участия: auri sacra fames *. За Рышкина было 30 голосов, за Зотова 10 [144]. Вечером заседание у вел. кн. ген.-адмирала по делу о польском законе очиншевания (Велопольский, Панин, Чевкин, Тымовский, Платонов и я). Все спорные вопросы разрешены довольно удовлетворительно. Панин был при вел. князе мягче, Тымовский отделился от Платонова, вел. князь судил и говорил, как западник. Не худо бы ему бывать почаще таким и по русским делам.

8 мая. Утром Комитет министров. Одно из нелепейших заседаний, в которых мне привелось участвовать. По делу о лифляндских церковных повинностях были приглашены кн. Суворов, об.-прокурор Святейшего синода и ген.-губернатор бар. Ливен. Последний даже по телеграфу. Вместо совещания по делу начались рассуждения о том, рассматривать ли дело или нет, обратив оное в Государственный совет. Так провели два часа и кончили разногласием. Я желал, по крайней мере, мотивировать перенос дела согласием с Остзейским комитетом и не задерживать оного в Комитете министров, где, очевидно, окончательное разрешение оного сделалось невозможным. Со мною пошло большинство, четыре же члена остались при том, что дело надлежало предварительно рассмотреть подробно в Комитете министров. Мой проект правил о надзоре за типографиями принят Комитетом [144ª].

9 мая. Утром Комитет в Царском Селе по делам польским. Два вел. князя Константин и Михаил, кн. Горчаков, гр. Панин, кн. Долгоруков, Милютин, Платонов, бар. Мейендорф и я. Государь вторично предложил вопрос о назначении Велопольского, присовокупляя, что он решился, коль скоро можно будет снять военное положение, назначить наместником вел. кн. Михаила

---

* проклятая жажда золота.

Николаевича. Долгоруков с непривычной решимостью настаивал на немедленном назначении вел. князя и Велопольского. Кн. Горчаков, Мейендорф и я, а за нами ген.-адмирал находили необходимым назначение Велопольского, но допускали возможность не назначать и не отправлять в Варшаву немедленно вел. князя. Милютин и Платонов были против Велопольского. Вел. кн. Михаил сидел, как обреченная жертва, безмолвно или ограничиваясь моносиллабическими выражениями смятенной мысли. Платонов пространно излагал свои возражения против Велопольского, но когда его государь спросил, к какому же заключению он приходит, то Платонов сказал: «il faudrait trouver un bras de fer comme celui du maréchal Paskéwitsch» *. Это желание воскресить князя варшавского никому не показалось практическим указанием, но средство выйти из нынешнего хаоса. Гр. Панин, видя, что государь склоняется на сторону Велопольского, возражал против его назначения менее упорно, чем прежде. Даже предлагал mezzo-termine ** между различными высказанными мнениями. Но соглашения не составлялось. Государь рассердился, встал и сказал отрывисто: «Нечего сказать, утешительный результат. Все рассуждения ни к чему не привели. Оставить все по-прежнему». Конференция кончилась. Советники вышли avec des mines plus au moins embarrassées ***. В коридоре я шел с Мейендорфом. «Ce n'est pas définitif» ****,— сказал я. «Welop. a gagné son procès» *****,— отвечал он.

10 мая. Утром получил записку кн. Долгорукова с извещением, что государь просит меня за час до Совета министров. Потом прислал за мною вел. кн. Михаил Николаевич. Был у него в $^{1}/_{2}$12-го. Он в большом смущении говорит, что не приготовлен к той задаче, которую исполнять призывается и т. д. Два раза обнимал меня со слезами на глазах при прощании. Потом у государя. Вчерашний царскосельский совет государь объявил, что надобно постановить решительное заключение. Очевидно, дело Велопольского было выиграно. Кн. Долгоруков настойчиво и решительно сказал, что нужно назначить вел. князя тотчас же и не Михаила Николаевича, а Константина Николаевича. Постановлено написать к ген. Лидерсу о назначении вел. князя, иметь в виду, не делая, впрочем, из оного секрета, коль скоро ответ Лидерса будет получен. Насчет выбора между вел. князьями государь не сказал ничего, кроме того, что Константин Николаевич ему здесь нужен. Потом Совет министров. Одобрен

* Надо было бы найти такую железную руку, как рука маршала Паскевича.

** нечто среднее.

*** с более или менее растерянными лицами.

**** Это не окончательно.

***** Велопольский выиграл свое дело.

цензурный циркуляр Головнина, и представлено Министерствам народного просвещения и внутренних дел право отнимать у журналов и газет право печатать политические статьи и прекращать на время до 8 месяцев (suspension) * журналы и газеты, упорствующие в противуправительственном направлении [145]. После Совета государь переговорил с братьями и окончательно предназначил в Варшаву Константина Николаевича [48].

11 мая. Утром в Царском Селе. Всеподданнейший доклад. В $3^1/_2$ часа заседание соединенного присутствия по выкупному делу в Мраморном дворце. Окончательных суждений не было. Анненков прочел длинную запоздалую записку, в которой ратовал против моей первоначальной записки 1-го января. Вечером заседание по польско-еврейскому вопросу во II-м отделении е. в. канцелярии (бар. Корф, кн. Долгоруков, Тымовский, Платонов, Велопольский и я). Закон, проектированный Велопольским, одобрен.

12 мая. Утром на даче. Впрочем, весь день, как и все прошедшие дни, за работой. Вчера лифляндским гражданским губернатором назначен вместо ретирующегося Эссена Эттинген. На обратном пути из Царского я ехал с вел. кн. Константином Николаевичем. Разговор о Польше и новом поприще деятельности его высочества. Вел. князь доволен этим назначением. Это изумляет всех, начиная с государя, который вчера говорил Милютину и мне, что он этого не ожидал. Вел. князь утверждает, впрочем, что он приносит жертву, что он здесь имел «великолепное положение» и т. д., но при всем том видно, что он занят новым делом, что он давно об нем думал, что он надеется на успех, одним словом, что он доволен. Полагаю, что ключ к этому влияние вел. княгини и что она желала Варшавы еще более вел. князя. Я сказал ему: «Позвольте une question indiscrète **, что сказала вел. княгиня о Вашем назначении?» — «Жена,— ей будет легче, чем мне. Она свое дело сделает лучше меня. La représentation elle l'entend à merveille» ***.

13 мая. Утром у обедни. Были у меня Николай Милютин, вызванный из-за границы под влиянием уже изменившихся предположений насчет устройства управления в Царстве Польском, Энох и Грейг. Милютина я не видел. Энох еще не знает о назначении вел. князя. Грейг от этого назначения не ожидает ничего доброго и приписывает желание вел. князя ехать в Варшаву влиянию вел. княгини, «qui veut à toute force être reine» ****. Перед обедом заходил к Милютину, но его не застал. Завтра он будет в Царском Селе у государя, куда позван и Вело-

* временное прекращение.
** нескромный вопрос.
*** Представительство, она это очень хорошо понимает.
**** которая всеми силами хочет быть королевой.

польский. После обеда у меня был Велопольский, вследствие сделанного мною Эноху намека о моем желании его видеть до его царскосельской аудиенции. Не говоря ему ничего положительного о намерениях государя, мне хотелось дать ему некоторые советы по случаю предстоящего ему с е. величеством объяснения. Желательно, для пользы государства, чтобы свидание с ним оставило в государе благоприятное впечатление. Кроме Велопольского, не на кого опереться, а он тяжел и крут.

В последнее время сделано несколько арестований по поводу возмутительных прокламаций и тайных попыток поколебать преданность войск. Кавалергардский солдат взял в кабаке, или по приводе из кабака в казармы, некоего художника Карамышева, раздававшего возмутительные листки [146]. В саперном батальоне взят студент Яковлев, приходивший в казармы бунтовать солдат [147]. Полиция арестовала поручика * Аверкиева [148], бывшего студента Евреинова [149] из Москвы и еще двух или трех разного звания лиц. Кажется, что нити всех этих происков начинают обнаруживаться. Но дело ведется как-то бессвязно. III-е отделение, ген.-губернатор и об.-полицмейстер действуют как бы каждый на свою руку.

14 мая. Утром в Государственном совете. Потом заседание Департамента законов. Вечером дома.

15 мая. Утром по первому поезду в Царское Село. Особое совещание у государя касательно устройства военного правления в Царстве по случаю новых назначений и касательно устройства Канцелярии вел. князя наместника. Вернулся экстренным поездом вместе с государем, который делал весеннее учение Кавалергардскому и л.-гв. Конному полкам. Был в Комитете министров. Вечером за работой.

16 мая. Утром за работой. После обеда заседание у вел. князя по вопросу о земско-хозяйственных учреждениях. Оттуда на Аптекарский остров.

17 мая. На Аптекарском острове. Утром у обедни. Устраивался на летних квартирах. После обеда был у меня Велопольский. Были также разные другие лица, в том числе гр. Старжинский, которому крепко хочется сделаться литовским Велопольским. Была Ам. Евг. Менгден с дочерью, гр. Толстою и сыном Александром, которого я не видел с 1858 года.

В городе разбрасывают новые произведения нашей тайной прессы «Молодая Россия». В ней прямое воззвание к цареубийству, к убиению всех членов царского дома и всех их приверженцев, провозглашение самых крайних социалистических начал и предвещение «Русской, красной, социальной республики» [150].

---

* *В тексте ошибочно полковника.*

О разысканиях в саперном батальоне и результатах других полицейских исследований не имею ближайших известий. Кн. Долгоруков меня только предуведомил через Турунова об учреждении следственной комиссии под председательством кн. А. Ф. Голицына [49] [151].

18 мая. Утром в Петергофе, где находился государь по случаю весеннего учения полкам л.-гв. Уланскому и Конногренадерскому. Всеподданнейший доклад. Вернулся с Рейтерном с часовым поездом. Был в городском доме, где видел калужского губернатора Арцимовича, которого сюда вызвали для предложения ему места директора Комиссии внутренних дел в Царстве Польском. Между тем в отношении к нему, как в отношении к Милютину, план переменился прежде, чем он успел прибыть для его осуществления. Велопольский предпочитает ему гр. Келлера, или, точнее, графиню Келлер, на салонные таланты которой он рассчитывает.

Говорят, что брачный союз ген. Альбединского и кн. Долгоруковой (la grande demoiselle *) — дело решенное и даже объявленное.

Вернулся на дачу к обеду. Выехал при прекрасной погоде и 15° тепла. После обеда буря и 5°. Сегодня в Европе 30 мая. Здесь едва начинает распускаться зелень.

19 мая. Утром в городе. Видел ген.-ад. Глазенапа, которого вел. кн. Константин Николаевич прочит в новороссийские губернаторы, Похвиснева, приехавшего из Вильно, и несколько других приезжих. Вечером дома.

20 мая. Утром у обедни. Ходил с женою смотреть оранжереи на даче Голенищевой, бывшей Нессельроде. Воспоминания прошлого, в нас дремлющие или покоящиеся пробуждаются вследствие их связи с известными местностями. Я вспоминал сегодня начало сороковых годов. Я тогда был на этой самой даче. Граф и графиня Нессельроды, M-me Guerrère, M-me Kallergi, где вы теперь? Первых двух нет более в этом мире... Сколько было другого тогда и перебывало с тех пор. Мне жаль стало, что Нессельроде продал свою дачу. Впечатление перерванной нити. Садовник мне говорил, что еще за день до смерти графа, который по временам посещал прежние свои оранжереи, он ему изготовил букет цветов. У каждого человека есть нежная, тонкая эстетическая струна. В гр. Нессельроде этого струною была его любовь к цветам.

Вечером были у меня Старжинский и Рейтерн, последний по выкупному делу и некоторым другим вопросам. С ним теперь очень лажу и тому радуюсь. Он признает безусловную необходимость железных дорог и сегодня был у Чевкина в видах

---

* фрейлина.

настояния на принятии решительных мер по этой части. Чевкин обещался представить государю в будущий четверг свои предположения, но он обещал это уже несколько раз.

21 мая. Утром в Павловском по случаю Константинова дня. Съезд довольно многочисленный. Вся официальная Польша была налицо. После обедни завтрак. Императрица посадила около себя Велопольского. Я слышал разговор, потому что сидел подле е. величества с другой стороны. Велопольский напоминает иногда Муравьева. У него почти нет разговора помимо «дел». Он или говорит о делах или молчит. После завтрака развод. На подобных «загородных разводах» я не был с 1842 года. В прошлом году я слышал развод на петергофском балконе, но тогда императрица помешала мне подойти к краю и смотреть вниз, а вел. кн. Мария Николаевна — уйти с балкона. В Павловском я не был с того же 1842 года. После развода вел. князь позвал меня к себе для того, чтобы «потолковать» о польских делах. Он умен, но исполнен странных противоречий, имеет опыт в делах и порою изумительно незрел, обнимает быстро, понимает тонко и в некоторых вопросах почти детски наивен. В особенности нет у него форм ни в телодвижениях, ни в образах речи. Быть может, что он на польском языке будет говорить лучше, чем на всяком другом, потому что не научится на нем тем не великокняжеским выражениям, которые он употребляет на русском, французском и немецком языках.

Вел. княгиня se pose un peu en heroïne de dévouement patriotique, mais cependant on voit qu'elle préfère aller, plutôt que de rester. Elle m'a dit: «Là-bas la position du gr. duc sera très difficile; mais celle qu'il avait ici était encore moins bonne pour lui» *. Был также намек на Головнина и К⁰; удостоверяя меня в своем благорасположении, вел. княгиня прибавила: «Je vous ai toujours défendu; le gr. duc vous aime, mais il y a des gens qui cherchaient à le monter» **. Вечером ездил на Крестовский остров, но не застал кн. Кочубей. Она именинница. В эти дни учтивость считается вдвое, и я имею один визит в экономии. В городе перед возвращением на дачу видел Сиверса, приехавшего из Риги. Заезжал к Милютину (Н. А.), но его не застал и был у Велопольского, которого видел.

22 мая. На даче. Кн. Горчаков прислал мне ответ Фелинского на его письмо. Кн. Горчаков отзывается об нем как о писании ультрамонтанном. Ультрамонтанизм [152], конечно, в нем

---

* выставляет себя немного героиней патриотизма, но, тем не менее, видно, что она предпочитает уехать, чем остаться. Она сказала мне: «Там положение вел. князя будет сложным, но положение, которое он занимал здесь, было еще менее благоприятным для него».

** Я вас всегда защищала; вел. князь вас любит, но есть люди, которые пытались настроить его против вас.

есть, но нельзя не признаться, что письмо Фелинского написано отлично, благородно, просто, рассудительно. Кн. Горчаков не ожидал, конечно, подобной «parade» *, когда отправлял свое послание, так же превосходно написанное. C'est que dans la situation du P-ce Gortschakoff il faut être habile pour avoir raison, dans celle de l'archevêque il suffit d'avoir du sens et du cœur **.

23 мая. Утром в Министерстве. Обедал в клубе. После обеда утомительное заседание у вел. князя по вопросу о земско-хозяйственных учреждениях. В городе шесть пожаров, за раз три, потом два, и еще один ночью. В Ямской выгорело 35 домов. Густой и широкий столб дыма стоял над этою частью города с 1/4 4-го до ночи. Подозревается зажигательство. Пожары были вчера и третьего дня. Пожарные команды измучены.

24 мая. Утром в Царском Селе. Совет министров. Ехал назад с кн. Горчаковым и гр. Паниным. Первый восхвалял себя, второй его персифлировал [153], поддакивая.

25 мая. Утром в Царском Селе. Доклады. Остался там обедать. После обеда был у княжны Долгоруковой, la Grande demoiselle *** и чуть-чуть не прогулял поезда железной дороги, что было бы смешно. Обедали барон с баронессою Мейендорф, гр. Гольд, прусский посланник, профессор Ваген (знаток картин, пересортирующий теперь Эрмитажную галлерею), гр. Шувалов, Лоен, кн. Гагарин с женою, Бартенева старшая, кн. Долгорукова, флиг.-ад. Рылеев и я. Гр. Александр Адлерберг вернулся из Варшавы. Там несколько спокойнее, впрочем, я не видел Адлерберга.

Шувалов мне говорил, что государь принимал на днях вернувшегося из-за границы Тимашева, который прямо высказал свою решимость при нынешнем положении дел, отсутствии единства в администрации и отсутствии определительности в направлении не принимать никакой должности. Шувалов сказал мне также, что кн. Суворов, qui est amoureux de l'Impératrice et parle les larmes aux yeux du chagrin de manquer à telle ou telle soirée **** говорил е. величеству о необходимости удалить Адлербергов et cela plutôt aujourd'hui que demain *****.

26 мая. Утром у вел. князя ген.-адмирала. Совещание по вопросу о новой редакции указа, определяющего права и отношения наместника, начальника гражданского управления и

---

* пышности.

** Дело в том, что в положении кн. Горчакова надо быть ловким, чтобы быть правым; в положении архиепископа достаточно иметь здравый смысл и сердце.

*** фрейлина.

**** который влюблен в императрицу, и говорит со слезами на глазах, что пропустил тот или иной вечер.

***** и сделать это лучше сегодня, чем завтра.

начальника войск в Царстве Польском. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Велопольский, Тымовский, Платонов, Энох и я. Потом совещание у государя в Зимнем дворце по тому же предмету и с теми же лицами, кроме Эноха. Государю угодно подписать указ и все другие бумаги о новых назначениях завтра в Троицын день. Потом был в Министерстве. Обедал у кн. Кочубей. Познакомился с М. и M-me Regina, которых везде видел 4 года сряду без ознакомления по опасению прибавочных визитов.

27 мая. Утром у обедни. Pfingsten, das herrliche Fest, mal gekommen... * Целый день дома. Надеялся отдохнуть. Помешали разные лица, которых я не мог не принять. Между прочим, был Велопольский, прощаться. Он едет в Варшаву во вторник вечером. Прочитал, по случаю слышанных мною безмерных похвал, эпизод из «Misérables» ** В. Гюго, описание сражений при Ватерлоо. Кроме француза, никто не мог написать ничего подобного. Атака кирасир описывается во вкусе китайских военных рисунков: «le sabre aux dents, le pistolet au poing — telle fut la charge» ***. Затем le point d'orgue [......] et le mot je vous en donne en mille — «merde»! ****

28 мая. Утром у Рейтерна. После обеда в 8-м часу мне прислали сказать, что пожар, обнявший Щукин и Апраксин дворы (с 5 часов), угрожает домам Министерства. Когда я приехал в город 1/2 9-го, дом Министерства уже был обречен на жертву. Верхний этаж горел. Ни одной трубы перед ним не было. Все силы пожарных команд сосредоточивались в квартале между Садовой и Чернышевским переулком, где сильная опасность угрожала Государственному банку, Гостиному двору и Пажескому корпусу и за Фонтанкою в другом объятом пламенем квартале между Щербаковым переулком, пятью углами и Троицким переулком. В 4-м часу ночи ветер, дувший порывисто целый день, начал стихать, и пределы пожара обозначились. Дом Министерства, Апраксин и Щукин дворы, дровяные дворы за Фонтанкою и прилегающие к ним строения выгорели. В поджоге не предстоит никакого сомнения. На пожаре были государь в 10-м часу, вел. кн. Михаил Николаевич в 1-м утра, вел. кн. Николай Николаевич в 3-м. Когда я ехал туда, на Каменноостровском проспекте встречались мне во множестве дамы и кавалеры, весело отправлявшиеся на Елагинскую «pointe» *****, у Излера играла музыка, в Летнем саду было обычное в Духов день гулянье. А между тем черная туча дыма, испещренная

* Троица, прекрасный праздник, наконец, наступил.
** «Отверженных».
*** с саблей в зубах, с пистолетом в руках — такова была атака.
**** музыкальная передышка... *(Следующее слово не поддается прочтению).* И слово, я его вам полностью привожу, «дерьмо!»
***** «стрелу».

искрами и т. н. пламенными «галками», расстилалась над городом. Когда после проведенной на пожаре ночи я возвращался на дачу, сияло прекраснейшее утро, солнце грело, зеркальная Нева блистала перед ним, и птицы веселым хором пели в деревьях. Наш мир — мир противуположностей.

29 мая. В городе утром. Сделаны распоряжения для разбора спасенных дел и для устройства разных департаментов в новых помещениях. Они отведены частью в Министерстве народного просвещения, частью в Дворянском собрании, частью в доме министра.

Был в Комитете министров. Кн. Долгоруков заезжал ко мне для совещания об учреждении Особого комитета для принятия мер к охранению безопасности в столице. Обедал на Каменном острове у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома.

30 мая. Утром в городе. Получил от садовника ботанического сада Регеля и купца Глинца сведения о социалистическом антирелигиозном и революционном учении, распространяемом между работниками, посещающими воскресные школы на Выборгской и Петербургской сторонах. Снесся с кн. Долгоруковым и распорядился через ген.-губернатора арестованьем двух работников, которые в артели говорили о необходимости сжечь весь Петербург и о свободе Польши [154]. Работа по разбору дел Министерства продолжается с успехом. Их погибло менее, чем можно было ожидать [50].

31 мая. Утром в городе. Департаменты уже открыли свои действия, хотя и в малых размерах, на новых местах. Учрежден Комитет de salut public et de bienfaisance * под председательством ген.-ад. Зиновьева. Город разделен на три военных губернаторства (временных), вверенных ген.-адъютантам Толстому, Философову и Ланскому. Богаты мы людьми. Объявлено осуждение военным судом поджигателей и вообще подстрекателей к беспорядкам. Объявление сделано, как водится, без толку и умения.

Вечером был у меня Тимашев. Умен, сердит, односторонен, честолюбив, стоик.

Вчера был лорд Нэпир, la grande fouine **, он остро замечает о Велопольском: «Il fut un temps où son parti à Varsovie se composait de son fils» ***.

1 июня. Утром в городе. Комитет у государя по предмету мер, предстоящих к принятию, вследствие поджогов, и вообще для охранения общественного порядка. Кн. Долгоруков, кн. Горчаков, Милютин, Головнин, Чевкин, кн. Суворов, Рейтерн, я,

---

* общественного спасения и благотворительности.

** большой проныра.

*** Было время, когда его партия в Варшаве состояла только из его сына.

потом гр. Панин. Мне разрешено закрыть две воскресные школы и назначить следствие о действиях их распорядителей и преподавателей. Исполнено тотчас. Головнин действует двусмысленно, хотя сам предположил закрыть шахматный клуб [50а] [155]. Положено постепенно закрыть не только эти клубы, но и читальни и другие школы, где бесконтрольно преподается народу учение, направленное против общественного порядка.

Отрывки всеподданнейшего доклада в два приема. Часть дел отложена до следующей пятницы. Затем заседание соединенного присутствия по выкупному делу. Предположения Рейтерна и мои приняты.

2 июня. Утром в городе. Совещание об устройстве рыночной временной торговли и Апраксина и Щукина дворов.

Рейтерн, Чевкин, кн. Суворов, Головнин, Милютин, Погребов (городской голова) и я. Чевкин даром убил два часа времени разными Weitläufigkeiten *.

3 июня. Утром у обедни. Работал дома. Вечером ездил на «pointe»** с женою. Холодно и скучно. Заезжал к кн. Суворову. Quel jeu de paroles ***. Панин называет Чевкина «самоговор». Кн. Суворов далеко выше в этом роде.

4 июня. Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Потом совещание de salut public **** у кн. Горчакова. Он, кн. Долгоруков, Панин, Чевкин, кн. Суворов, Милютин и я. Самолюбие кн. Суворова, поверхностность кн. Горчакова, односторонность гр. Панина и способность всеобщей загвоздки Чевкина в полном блеске. Почти безрезультатные прения. Решили только испросить высочайшее разрешение распространить военно-судные правила о поджогах на все губернии, купить паровые трубы для Нижегородской ярмарки и возобновить суждения по некоторым вопросам в присутствии государя.

5 июня. Утром в городе. Комитет министров. Следствие о воскресных школах идет. Но следствие политическое (кн. Голицына) и о поджогах (по управлению ген.-губернатора) почти не подвигаются. Результаты нужны скоро. Их обещают ежедневно, но обещание не исполняется.

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны на Каменном острове. Вечером были лорд Нэпир, Сиверс, Тройницкий и др.

6 июня. Утром в городе. Был на пожарище Апраксина и Щукина дворов. Теперь еще виднее, чем во время самого пожара, какое огромное пространство сделалось жертвою пламени. Место походит на лагерь. Разбито множество палаток, и торг возобновился. Кочевой элемент в русской природе здесь ясно

---

* пространными рассуждениями.
** «стрелу».
*** Какая игра слов.
**** общественного спасения.

обнаруживается. Видна необычайная способность приютиться и устроиться под каким бы то ни было временным кровом. Императрица была сегодня в городе и лично посетила другой торговый лагерь, разбитый на Семеновском плаце, и квартиры, отведенные для погорельцев в Московских казармах (Глебовом дворе). Заезжал к Т. Б. Потемкиной. Вечером у г. Режина.

7 июня. Утром в Царском Селе. Совет министров. Предположения Головнина об открытии С.-Петербургского университета, о Новороссийском университете и о запрещении журналов «Современник» и «Русское слово». Все решено иначе, чем он предлагал, и согласно моему мнению. Эволюции Головнина произвели на присутствующих, начиная с государя, незавидное впечатление. Он хотел запрещения журналов в окончательном виде, чтобы закрыть высочайшим повелением. Я настаивал на 8-месячном запрете (suspension) * потому, что это могло быть сделано им и мною собственною властью. Он предлагал открыть университет, но при сем объяснял, что лично будет рад, если его не откроют, и т. п.

Обедал в Царском у Шуваловых. Вечером за работой для доклада на завтра.

8 июня. Утром в Царском. Всеподданнейший доклад. Потом в Мраморном дворце заседание крестьянского комитета [156] по делу о государственных крестьянах. Безрезультатное совещание. Бахтин полусоциалист. Вел. князь пристрастно гнет на одну сторону. Никто из членов не дал себе труда вникнуть в предположение Министерства государственных имуществ [157].

9 июня. Утром в городе. Вечером были Тимашев, Неелов и Потапов. Разные следственные комиссии работают медленно. В комиссии воскресных школ [158] был допрашиваем арестованный шт.-кап. Ушаков (16 стрелковый батальон, посещавший инженерную академию) [159]. Он дерзкий атеист и с цинизмом высказал, что считает себя более полезным человеческому роду, чем спаситель. В комиссии о поджогах [160] обнаружено, что Апраксин двор зажжен 12-летним мальчиком, которому один студент Медико-хирургической академии обещал за то 20 руб. Звание студента определено описанием мундира. Мальчик признал этого студента в лице арестованного за несколько дней пред сим по другому поводу (революционная пропаганда) студента М у л ь т а н о в с к о г о [161]. Расследование еще не окончено. По комиссии политической (кн. Голицына) продолжаются арестования. В бумагах арестованной гувернантки П а в л о в о й [162], принадлежавшей к clique ** Блюммер и К°, найдена следующая характеристичная заметка: «28 м а я Пожар,

---

* временное прекращение.

** клике.

В пожарах есть что-то поэтическое и утешительное. Они уравнивают состояния» [163].

10 июня. Утром у обедни. Два-три визита. Работал.

11 июня. Государственный совет утром. Потом заседание соединенного присутствия по выкупному делу [164]. Потом заседание Главного комитета по вопросу о государственных крестьянах. Вел. князь председательствовал лицеприятно. Бахтин, Чевкин и Панин говорили без умолку. Первый как социалист, последние двое как не понимающие дела. Стоит замечания, что по вопросу о системе оценок государственных имуществ никто из членов Комитета не дал себе труда справиться, в чем именно заключается ее основание и какие ею даны результаты. Зеленый слаб, защищает и разъясняет дело плохо. У меня была стычка с вел. князем. Я молчал первую половину заседания, предварив Буткова, что я буду записывать, сколько раз каждый из членов Комитета будет говорить. Потом, когда я начал излагать свое мнение, то начал с следующих цифр: Чевкин 10 раз, Бахтин — 9, гр. Панин — 5, ген. Зеленый — 6, кн. Долгоруков — 1, прочие члены (гр. Адлерберг, Рейтерн и я) — ни одного раза.

Обедал с женою у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером у кн. Кочубей.

12 июня. Утром в Комитете министров. Потом в соединенном присутствии Департаментов законов и экономии по делу о лифляндских церковных повинностях. Кн. Гагарин (председательствовавший) вчера говорил лифляндскому губернскому предводителю кн. Ливену, что он убедился его аргументами, а сегодня внес ряд предположений, клонящихся к установлению совершенно нового законодательства по предмету вышеупомянутых повинностей. Ему настрочил это, очевидно, Желтухин. Весь ряд предположений совершенно несостоятелен. Характеристично, что опытный в делах сановных, как кн. Гагарин, мог себе вообразить, что дело, не разрешенное с 1846 года и занимавшее несколько раз людей более или менее рассудительных, могло быть им решено на лету́. Наперекор тому мнению, которое состоялось за несколько недель пред сим в Остзейском комитете и внесено в Совет министром внутренних дел. Совещание было непродолжительно. Со мною подали голоса все члены (Брок, Княжевич , Ковалевский, Толстой, Литке, Метлин, бар. Корф, кн. Суворов, бар. Ливен), кроме одного об.-прокурора Святейшего синода Ахматова, который не мог не согласиться, как он выразился, «скорее с кн. Гагариным, чем со мною».

Вечером дома.

13 июня. Утром в городе. Последнее заседание у вел. князя по делу о земско-хозяйственных учреждениях. Гр. Строганов со свойственною ему непоследовательностью после продолжи-

тельных возгласов против «растления» наших учебных заведений и нашей литературы теперь находит слишком «ретроградными» меры, одобренные в последнем Совете министров. Он был у государя, чтобы выразить ему это убеждение. Таким образом, в высшей сфере постоянные колебания и противоречия.

14 июня. Целый день на даче. Погода октябрьская, буря, дождь и температура между 6-ю и 3°.

15 июня. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом у вел. кн. наместника совещание по вопросу об упразднении Варшавского генерал-губернаторства. Ген. Крыжановский (сделавшийся ген.-адъютантом), военный министр, Платонов, Набоков и я. Вечером дома. Трудно вообразить, какое безлюдье в Министерстве, коль скоро дела требуют обобщения и политического такта.

16 июня. Утром в городе. Особый комитет у государя по вопросу об освобождении из-под ареста тверских мировых посредников. Вопрос возбужден кн. Суворовым, который при добром сердце и плохом понимании дела воображает, что он держит и лепит как воск в своей руке реченных посредников, точно так же как и здешних профессоров и студентов. Дело не в излишней строгости к тому или другому лицу, но в том, что явное восстание против закона и правительства не может быть ни терпимо, ни оставляемо окончательно без наказания после мгновенной вспышки правосудия. У нас всегда так. Струна законной строгости натягивается в первую минуту. Потом словно надоест дело, и струну спускают.

Вечером на даче, куда вернулся к обеду. Были два Ливена, Сиверс и еще кое-кто.

17 июня. Утром у обедни. Потом в городе для нескольких прискорбно неизбежных визитов. Вчера получено известие о том, что неизвестный убийца ранил гр. Лидерса выстрелом из пистолета в Саксонском саду [165]. Пуля прошла навылет из задней части шеи в нижнюю челюсть. Рана не опасна, по словам телеграфа, но в лета Лидерса я этим не успокаиваюсь. Замечательно, что полиция не могла схватить злодея. Никаких других подробностей не знаем. Вел. кн. ген.-адмирал решился ехать 19-го числа. Это происшествие здесь смутило многих. Готовы уже считать ошибкою все то, что в последнее время сделано, и назначение вел. князя, и назначение Велопольского, и упразднение Варшавского ген.-губернаторства. Как будто от одной пули одного убийцы могло зависеть разрешение подобных вопросов.

18 июня. Утром в Государственном совете. Председательствовал кн. Гагарин. Лифляндское дело о церковных повинностях и дело о выкупе. Последнее прошло без всякого спора, почти беззвучно и незаметно. Не так еще давно его успех считали

невозможным. По лифляндскому делу большинство было против заключения Остзейского комитета (17 против 16). Об.-прокурор Святейшего синода Ахматов заявил на основании отзыва Рижского архиепископа, что, в случае успеха предложенной Комитетом меры, все 100 тыс. лифляндских православных латышей готовы обратиться или могут обратиться снова в лютеранство, а их примеру, пожалуй, последуют и смежные с латышами униаты. Этот аргумент, по-видимому, сильно подействовал, принять его было легче, чем разобрать его основательность и оценить его значение. Главное в том, что, несмотря на все мои усилия, почти никто из членов не понял сущности дела, большая часть министров, кн. Долгоруков, Милютин, Головнин, Краббе, гр. Адлерберг, Муханов (за Горчакова), Чевкин, Анненков и Прянишников, подали голос против меня [166].

Кн. Долгоруков сообщил мне, что необходимо преобразовать комиссию, учрежденную кн. Суворовым, по делам о пожарах. Кн. Суворов не решается ни на какую положительную меру и не конфирмировал одного ему уже представленного приговора. Между тем в Сенате плохо идет тверское дело [167], а в Министерстве народного просвещения так темно, что путей министра никому не разобрать. Мне порою приходит на мысль: не погибли ли мы окончательно? Не порешена ли судьба Российской Империи? При таком разладе управления, при таком отсутствии людей, мыслящих более или менее одинаково и действующих заодно, возможно ли предупредить распадение Отечества на части? Неужели я призван только к тому, чтобы быть свидетелем его последних содроганий, или, может быть, подать ему законный прием мускуса перед кончиною, т. е. перед разложением в новые жизненные формы? Стараюсь не упадать духом, крепиться и продолжать борьбу.

19 июня. Утром в городе. Сегодня в $9^1/_2$ часа утра вел. кн. Константин Николаевич уехал в Варшаву. Вел. кн. Александра Иосифовна, несмотря на 9-й месяц беременности, настояла на том, чтобы ехать вместе с ним. Их сопровождает весьма небольшая свита. Три адъютанта, действ. стат. сов. Набоков, Чечирин, одна фрейлина и двое врачей. Со стороны вел. княгини решимость естественная, но тем не менее прекрасная. Существенно новых известий из Варшавы нет.

Вечером были у меня Паскевич, Шувалов, Тимашев, Сиверс и Грейг. Последний передал поручение от вел. кн. Константина Николаевича, который выражал сожаление о том, что со мною не виделся перед отъездом, и, между прочим, как «завещание умирающего», по случаю разлуки надолго, меня «умоляет», чтобы я противодействовал слишком сильной реакции, которая, по его мнению, должна обнаружиться в высшей правительственной сфере.

20 июня. Целый день на даче. Видел разных лиц, несносного калужского предводителя Щукина, несносно-плачущего почт-антрепренера Анненского, минского губ. Кожевникова и смоленского уездного предводителя Потемкина. Последний — кремень. Принужден был убить три часа времени на переделку проекта журнала Государственного совета по последнему заседанию и по статье о лифляндском деле. Потапов сообщил весьма интересные сведения от наших агентов в Лондоне. Кн. Гагарин назначен председательствующим в Государственном совете, как вице-Блудов, и даже председательствующим членом Главного комитета. Давно ли он из него выбыл при его пересоставлении?

21 июня. На даче. Ездил к кн. Гагарину на Елагин, но его не видал, а вместо того видел живущего рядом с ним, в так называемых кавалерских домах, Бажанова. Вечером были кн. Ливен и Сиверс. Первый провел вчерашний день в Царском Селе. После обеда он решился завести разговор с государем о лифляндском деле, но государь уклонился от ближайших объяснений, сказав только, что он сделает tout ce qui sera humainement possible *.

22 июня. Утром в Царском. Доклад. Ночью получена была из Варшавы депеша, извещающая о покушении на жизнь вел. князя. При выходе из театра в $9^1/_2$ часа вечера, в то время, когда вел. князь садился в коляску, к нему подошел неизвестный человек и выстрелил в него в упор из пистолета. «Бог спас»,— как замечает сам вел. князь в депеше. Пуля пробила платье, но только поцарапала и оконтузила ключицу. Убийца тотчас схвачен, но его имя и звание пока не известны. Это известие, конечно, произвело сильное впечатление, государь им, видимо, поражен, нахожу его благоприятным. При подобном исходе можно, во-первых, уповать на дальнейшее покровительство божее, столь явно в настоящем случае обнаружившееся и никогда не знаменующее себя тщетно в столь явных чертах, и, во-вторых, можно рассчитывать на впечатление, которое должно быть произведено на всех честных и порядочных людей в Царстве столь гнусным злодейством, совершенным вслед за прибытием вел. князя и вел. княгини в Варшаву и вслед за другим злодейским покушением на жизнь гр. Лидерса.

Видел в Царском кн. Горчакова, еще не оправившегося от сильного припадка подагры. Он разделяет мое мнение о варшавских событиях. Мы оба находим, что попытки убийц доказывают, что революционная партия опасается последствий совместного назначения вел. князя и Велопольского и старается отчаянными средствами предотвратить эти последствия.

* все, что будет в человеческих силах

23 июня. Убийцу вел. князя зовут Ярошинским. Он портной-подмастерье. Кн. Долгоруков говорил мне сегодня, что в Варшаве арестовано много лиц и что, по-видимому, подтверждается известие, полученное несколько недель тому назад, об отправлении революционною партиею в Варшаву целой шайки убийц.

Утром был в Исаакиевском соборе на благодарственном молебне за спасение жизни вел. князя. Ген.-губернатор как-то поздно распорядился оповещением. Из высших лиц никого не было, кроме кн. Суворова, об.-прокурора Святейшего синода и меня.

Обедал на официальном обеде in fiocchi * у турецкого посланника по случаю годовщины восшествия на престол «de l'empereur des Ottomans» **, как говорит он в пригласительных билетах, «de s. m. le sultan» ***, как сказал товарищ министра иностранных дел Муханов, предлагая тост за здравие е. величества.

24 июня. Утром у обедни. Целый день на даче. Писал письмо к вел. кн. Константину Николаевичу. Из Варшавы получено известие, что убийца гр. Лидерса сам себя открыл и уже арестован. Ни он, ни Ярошинский не выдают сообщников.

25 июня. Утром в Государственном совете, потом заседание Главного комитета. Кн. Долгоруков говорит, что вести, привезенные из Варшавы кн. Ухтомским, адъютантом вел. князя, sont noires comme de l'encre ****. Траур не снят. Ни к кому доверия нет. Полиция не организована. У нас также горизонт не розовый. Я говорил об этом Долгорукову и спросил, видит ли это вполне государь? Он отвечал утвердительно, присовокупляя, что я в этом удостоверюсь при следующем докладе в пятницу. И. М. Толстой также говорил мне que l'empereur est très à bas aujourd'hui *****. Быть à bas ****** не следует, но нужно вовремя решиться у нас и не делать, как в Польше, всего только тогда, когда это делать уже поздно.

26 июня. Утром в городе. Комитет министров. Кн. Долгоруков говорит, что движение красных в Варшаве усиливается. Вечером был Грейг. Передал мне подробности о покушении на жизнь вел. князя, слышанные от приехавшего из Варшавы его шурина кн. Ухтомского, который был в коляске с вел. князем во время этого покушения. При допросе убийца отвечал с величайшим хладнокровием, что хотел убить наместника и что они,

---

* в парадном костюме.

** императора турок.

*** е[го] в[еличества] султана.

**** черны, как чернила.

***** император сегодня очень подавлен.

****** подавленным.

т. е. поляки, решились на то, чтобы убивать всех наместников, которых к ним будут посылать.

Отправил к кн. Долгорукову записку, в которой излагаю общий взгляд на положение дел и возвращаюсь к мысли о преобразовании Государственного совета. Ночью получил телеграмм из Новгорода об обнаруженном рядовом тамошнего гарнизонного батальона подговоре какого-то юнкера Кудрявого на преступление против первых двух пунктов [168]. Следствие начато и Кудрявый арестован [169].

Вчера был у меня Некрасов по делу о «Современнике». Неприятная личность, но лично он не заговорщик, у него есть деньги.

27 июня. Утром в городе. Ездил с женою, Скарятиным, гр. Паленом, гр. Сиверсом и Мартыновым смотреть памятник тысячелетия. Отдельные фигуры весьма хороши. Об общем эффекте судить нельзя в сарае, где теперь собран памятник. Барельефы, или, точнее, горельефы пьедестала, мне менее нравятся. Фигура императора Николая очень неудачна, он сидит в казацком мундире и оборотился спиною к Сперанскому, показывающему ему из-за кого-то том законов.

28 июня. Утром в Царском Селе. Совет министров. Дело о земско-хозяйственных учреждениях и дело о Комитете для устройства быта духовенства. Оба прошли. Заходил к кн. Горчакову и к гр. Шувалову. Nous avons reconnu le royaume d'Italie *. Для переговоров по этому предмету был послан в Париж бар. Будберг, который предназначается in petto ** на место гр. Киселева. Гр. Шувалов все хлопочет о сыне и интригует, сколько может.

29 июня. Утром в Царском. Доклад. Государь долго говорил о современном положении дел и о моих предположениях на счет преобразования Государственного совета. Он повторил однажды уже сказанное, что противится установлению конституции «non parce qu'il serait jaloux de son autorité, mais parce qu'il est convaincu que cela ferait le malheur de la Russie et mènerait à sa dissolution» ***.

Он также повторил, что не хочет временных членов Государственного совета по выбору, как в австрийском Reichsrat'е, а по назначению, как в Царстве Польском, в тамошнем Государственном совете. Преобразование он теперь считает несвоевременным, но не прочь от него впоследствии. По делу о лифляндских церковных повинностях он был в затруднении,

---

* Мы признали королевство Италии.

** негласно.

*** не потому, что он дорожит своим авторитетом, но потому, что убежден, что это принесло бы несчастье России и привело бы к ее распаду.

находя l'opinion de la majorité très concluante *. Я указал на недостатки и неудобства этого мнения, присовокупляя, что, впрочем, я сам заранее признавал, что по столь щекотливому вопросу е. величеству нельзя утверждать мнение меньшинства. Mais alors comment faire **. Я предложил два biais *** на выбор, предлагая изложить оные письменно, буде государю угодно. Государь просил это сделать, что мною и исполнено по возвращении в город. Вечером был кн. Долгоруков. Непостижимо, до какой степени доведено расстройство армии в некоторых корпусах. К чаю были несколько посетителей.

30 июня. Утром в городе. Множество разных лиц и дел. Признаки разложения продолжаются. Подполковник Александрийского гусарского полка Красовский в Киевской губернии разбрасывал возмутительные воззвания к солдатам и подстрекал крестьян к неповиновению, в малороссийском национальном костюме [170]. Из Тюмени городничий доносит по телеграфу о бывших там поджоге и уличных беспорядках. Получил от государя уведомление, что он принял одну из предложенных мною двух мер по лифляндскому делу. Гр. Бобринский, тульский предводитель, был у меня и сообщил, что будет просить увольнения от должности. Он окутывал это в разные фразы, и я отвечал также фразами, не говоря, до какой степени все это было предусмотрено. Он утвержден, чтобы не утверждать другого кандидата, Минина, и утвержден именно в ожидании, что останется недолго. Прошло четыре месяца, и уже ожидание осуществляется [51], [52].

1 июля. На даче. Утром у обедни. В 2 часа гром пушек возвестил рождение вел. кн. Вячеслава Константиновича.

2 июля. Утром заседание Государственного совета. Потом Главный комитет по крестьянскому делу, где Канцелярия и Бахтин попытались по вопросу о государственных крестьянах объявить неразрешенными вопросы, обсуженные в двух предшедших заседаниях. Я помешал, потребовав, чтобы мое мнение о том было записано в журнал, и чтобы впредь читались журналы заседаний. Канцелярия рассердилась, тем более, qu'elle s'est sentie prise sur le fait ****.

3 июля. Комитет министров. Потом заседание Департамента законов по вопросу об отмене телесных наказаний.

4 июля. На даче. Были разные посетители. Между прочим, ген. Волоцкой, который метит в новороссийские ген.-губернаторы и чтобы меня соблазнить, рассказывал очень многое о своих

---

* мнение большинства очень убедительным.

** Но что же делать?

*** два окольных пути.

**** что она почувствовала себя застигнутой на месте преступления.

подвигах в Ставрополе и своих наблюдениях в Мар[..?] *. Он не заметил, в какой мере он при этом обнаружил seine Flachheit **. Сегодня в «Северной почте» Premier Pétersbourg Ржевского с моими модификациями [171]. Завтра будет другой, мною написанный сегодня.

Княжевич писал мне, что рекомендует в новороссийские ген.-губернаторы гр. Лидерса или гр. Сакена. Значит, что от того и другого он ожидает назначение своего племянника таврическим губернатором.

5 июля. Утром на военном пароходе «Ильмень» отправился в Петергоф. Совет министров. Моя записка о средствах противодействовать современному направлению прессы. Конечно, она не встретила большого сочувствия в членах Совета. Однако государь поддержал мою мысль в общих чертах. Чевкин, говоря в пользу отрицательных или чисто запретительных мер, сказал, что на стороне, противной правительству, более уменья и более способностей и что все литераторы, которых он знает, люди, продающие свое перо и свою совесть скандалу и деньгам. Кн. Горчаков довольно резко отвечал выражением сожаления о сношениях и знакомстве Чевкина с подобными людьми. Головнин перечитывал довольно длинные выписки из своих прежних докладов, вероятно, чтобы доказать, что он прежде меня уже высказал то, что я говорил в настоящем случае [171ᵃ].

Обедал в Ораниенбауме у вел. кн. Екатерины Михайловны. Ночевал в Петергофе.

6 июля. Утром в Красном Селе для доклада. Государь, прощаясь перед отъездом, обнял меня и благодарил. На время его отсутствия учреждается Comité de salut public *** вроде прошлогоднего под председательством вел. кн. Николая Николаевича. Членами назначены кн. Горчаков, кн. Суворов, Милютин и я. Государь говорил мне о каких-то таинственных открытиях, которые надеется сделать кн. Суворов [172]. Накануне сам кн. Суворов предуведомлял меня об этом. Выходит, что Костомаров, обвиненный и судимый по прошлогоднему делу Заичневского и Аргиропуло, обещал «ревелации», будто бы не сделанные им в то время по случаю каких-то неловких приемов Шувалова.

Вернулся к обеду в Петергоф. Обедал у и. и. величеств. Вечером ездил с женою по саду, и с последним поездом вернулся на дачу.

7 июля. Утром в городе. После обеда был у меня Потапов. Серно-Соловьевич и Чернышевский арестованы, вследствие обнаруженных сношений с Герценом, и эти сношения обнаружены

---

* *Слово не разобрано.*

** свою поверхность.

*** Комитет общественного спасения.

при арестовании некоего Ветошникова, бывшего в Лондоне, и о приезде коего наш агент известил Потапова [173].

8 июля. Утром у обедни. Перед обедом ездил на Каменный остров к Рейтерну, турецкому посланнику и к Милютину.

9 июля. На даче. Вечером были у меня Потапов и Лауниц. Сделаны окончательные распоряжения насчет командирования сего последнего в Нижний Новгород.

10 июля. Телеграф сообщает, что путешествие и. и. величеств совершается благополучно. Третьего дня дождь помешал отчасти празднеству в Кокенгузене, но, впрочем, все по-видимому удалось. Сегодня и. и. величества в Митаве. Вчера был въезд в Ригу и бал в биржевом зале. Государь телеграфирует, что прием был «неслыханный и небывалый».

Целый день на даче. Погода сентябрьская. Вообще нынешний год погода во всех частях исключительная. Зимою ни одной оттепели, ни одной метели и ни одного настоящего тумана. Весною ни одного теплого апрельского дня и ни одной ясной и тихой майской ночи. Летом до сих пор два теплых дня и одна теплая ночь, да и та пасмурная, с 4-го на 5-е июля.

После обеда был у меня купец Левинштейн из Берлина, рекомендованный Зимундом Fifficus ex filiis Israël *. Впрочем, умен, наметан и бывалый. Он сказывал, между прочим, что его отец всегда советовал ему говорить правду, присовокупляя: Sprichst du wahr, so brauchst du ein Gedächtniß; lügst du, so brauchst Du zwei **.

Получил указ по делу о тверских посредниках. Сенат приговорил их к заключению в смирительном доме [174].

11 июля. Утром в городе. Аресты лиц, компрометированных бумагами Ветошникова, продолжаются. Ген. Лауниц был у меня перед отъездом. Топильский заезжал по поручению гр. Панина. Дело Заичневского и Аргиропуло оканчивается в Московских департаментах Сената [175]. Топильский по случаю дурной погоды характеристически говорит, что «лето следует оставить в подозрении».

12 июля. Утром на даче. Вечером жена и Никс уехали в Ригу и Дуббельн. Провожал их до железной дороги. По возвращении на дачу был у меня Путилин по делу об ожидаемых от Костомарова ревелациях [176]. Костомаров требует, чтобы его разжаловали в солдаты и обеспечили существование его матери, и, кроме того, не выдавали его показаний, как было по делу Михайлова. Все возможно, кроме первого, потому что дело в Сенате, следовательно, нельзя определять наказания произволь-

---

* Плут из сынов Израиля.

** Если ты говоришь правду, то тебе приходится припоминать один раз, а если лжешь — дважды.

ного. Костомаров говорит об обширно распространенном заговоре, обещает назвать членов революционного комитета, им управляющего, и земской думы, ему содействующей, говорит о денежных средствах общества, о связях с армиею и т. п. Негоциация с Костомаровым затормозилась, вследствие личных щекотливостей кн. Суворова, который вел дело на свою руку, и Потапова, который о нем знал. Я дал Путилину положительный от себя отзыв и послал его в Москву для переговоров с Костомаровым.

13 июля. На даче, кроме поездки в Лесной, чтобы навестить ген. Зеленого, который болен. У меня были разные лица, между прочим, пермский губернатор Лошкарев, один из несноснейших и пустейших губернаторов, а таковых, увы, немало.

14 июля. На даче. Собираюсь сегодня в город, потом до завтрашнего вечера в Ораниенбаум, Сергиевку, Петергоф и Знаменское.

16 июля. Был в Ораниенбауме с 14-го по 15-е. Вместе со мною были m. и m-me Regina, Жеребцова и Эверс. Погода мешала обычным вечерам на катальной горе, la Katalna, как говорит герцог, с особым ударением на последний слог. Выехал оттуда 15-го в 2 часа. Вел. княгини не было в Сергиевке, а вел. князя — в Знаменском. Вернулись в город к обеду, обедал в клубе, после обеда был на даче. Видел в Петергофе кн. Горчакова и вернувшегося из Риги кн. Долгорукова.

Сегодня на даче до вечера. Получено известие, что возвращение и. и. величеств отложено до 26-го. Писал к гр. Адлербергу, прося доложить государю, что я желал бы, тем не менее, выехать отсюда 22-го числа. До 2-х часов был в духе и работал. День летний. С 2-х часов постоянно мешали разные неотразимые посещения. Милютин, Варадинов, Тройницкий, Турунов, Ахматов, Ревертера, Сиверс. Вечером ездил на $1/2$ часа к кн. Кочубей.

Путилин вернулся из Москвы. Ничего путного пока нет.

17 июля. Утром в Комитете министров. Вечером дома.

18 июля. Утром Государственный совет. Дело об отмене телесных наказаний. По сущности дела было три голоса в пользу мнений гр. Панина: его собственный, Танеева и Гасфорта. По вопросу об отсрочке дела до введения нового судебного устройства голоса разделились почти поровну: 13 или 14 против отсрочки, 12 или 13 в пользу ее. Я был против, во-первых, потому что в настоящее время одно сохранение плетей не обеспечивает общественного порядка, во-вторых, потому что для меня другое мнение было неудобно [176[а]].

19 июля. Утром в городе. Заседание комиссии о губернских учреждениях. Потом дома. Работал. Получил по телеграфу разрешение ехать в Ригу 22 числа.

20 июля. На даче. Работал целый день. Кончил записку о

преобразовании генерал-губернаторства по случаю устройства новых военных округов [177].

21 июля. Утром в городе. Заседание Главного комитета. Дело о государственных имуществах. Гернгрос не в выгодном свете. Trop sûr de son fait *. Вечером за работой. Приготовление к отъезду. Высочайше повелено освободить завтрашнего числа мировых посредников, заключенных в смирительный дом по тверскому делу. Характеристично. Их посадили третьего дня. Гр. Панин крепко сердит. Это устроили кн. Суворов и кн. Долгоруков. Весьма иррегулярно то, что подобные вещи у нас могут случаться, не спросясь мнения министра внутренних дел. Сегодня утром являлся ко мне член губернского присутствия Оренбургской губ., Авдеев, которого по телеграфу велено было арестовать за политические преступления [178]. Он, видно, почуял недоброе и прискакал просить паспорта помимо губернатора и ген.-губернатора. Я дал знать о том Потапову.

22 июля. Выезжаю вечером. Авдеев арестован вчера.

Дуббельн. 25 июля. Благополучно прибыл в Ригу 23-го вечером. Переезд из Динабурга совершен в сопровождении Кубе, который приехал ко мне навстречу. Ночевал в рижском замке. На другой день вечером был в Дуббельне, успев встретить в Риге вел. кн. Александра Александровича, отправляющегося в Варшаву на крестины вел. кн. Вячеслава. Сегодня провел весь день по-дуббельнскому и благодарю бога за то, что позволил мне сюда вернуться. Дуббельн все прежний. Люди изменились. Многих нет. Но небо, море, зелень деревьев, воздух, наполненный миром, тишиною, настоящим и прошлым, потому что воспоминания связуются с ныне переживаемым,— вот что прочно, неизменно и мне остается верным. Их и. величества отсрочили возвращение из Либавы и мне дано знать, чтобы я ожидал их в Риге 28 и с ними ехал в Петербург.

На даче на Аптекарском, острове 29 июля. 26, 27 проведены в Дуббельне. 28-го утром в 5½ купался в море, в 7 был на пароходе, в 9 в Риге, в 12-ть на станции железной дороги. В 12½ приехали и. и. величества. В ¾ 1-го выезд. На пути до Кокенгузена доклад. В Кокенгузене обед. Вечером в Динабурге, где останавливались к чаю, нас ожидали Чевкин и Назимов с военною свитой. Все тот же. На пути из Динабурга длинный разговор с императрицей. Она заметила, со свойственной ей проницательностью, что между курляндцами менее способных личностей, чем в Лифляндии. Их и. величества восхищены сделанным им приемом. Действительно, все было как следует. При всем том я небольшой охотник до того, чтобы они восхищались немцами. Прибыли в Петербург в 9½ час. утра. В 10½ я был на

---

* Слишком уверен в себе.

даче. Был у обедни. Работал. Нехотя принимаешься за дела, когда предстоит новая отлучка, а прежняя еще так свежа в памяти. Новостей нет, кроме того, что в Велопольского выстрелил из пистолета (но дал промах) некто литограф Грилль, и что в разных губерниях обнаруживаются злонамеренные кружки. Число арестований увеличивается.

30 июля. Утром в Государственном совете. Потом Главный комитет. Вечером дома.

31 июля. Утром в Комитете министров. Потом в заседании Департамента законов по вопросу о правилах для предстоящего рекрутского набора. Вечером дома. Милютин говорит, что в Царстве Польском добились «ревелаций» и производятся новые аресты.

1 августа. На даче. Обедал у Рейтерна.

2 августа. Утром в Петергофе по железной дороге. Часть доклада сдал на пароходе «Александрия»; конец — в Петербурге в Зимнем дворце. Успел вернуться домой и переодеться для аудиенции японских послов. Три главные фигуры, бывшие впереди (вероятно, два посла и приданный им по обычаю Японии шпион или агент тамошнего 3-го отделения), произвели на меня каждый различное впечатление. Старший и главный дикарь pur sang *, второй (вероятно, шпион) дикарь с примесью хитрости и злой увертливости полуцивилизации, третий, младший дикарь по закону, уже готовый перестать быть дикарем по вкусу. Присутствовали, кроме государя и государыни императрицы, вел. кн. Екатерина Михайловна и Александра Петровна, вел. кн. Николай Николаевич и т. д.

Был потом в здании Министерства, где в первый раз видел работы. Они значительно подвинулись.

У государя происходило после доклада краткое совещание по вопросу о генерал-губернаторствах. Начала, предложенные в моей записке, одобрены, и мне поручено составить более подробные и окончательные по сему предмету соображения [53], [54].

1 сентября. Пробел почти за целый месяц. Тому причиной Дуббельн. Выехав отсюда 4-го августа вечером, я вернулся 29-го, быв по 25-е в Дуббельне, а 26, 27 и часть 28 — в Лаукене. Благодарю бога за дарованный мне отдых, хотя и не безусловный, потому что я ежедневно был пытаем просителями и посетителями. В Риге 23-го числа мне был дан большой обед, даже с латинскою речью. 30 августа был в Александро-Невской лавре. 31-го с докладом в Царском Селе, где обедал у их и. величеств. Во время моего отсутствия государь ездил в Тверь и Москву. В Твери был блистательный прием со стороны офицеров; дворянство a brillé par son absence **. Гр. Баранов не сумел

* чистокровный.

** блистало своим отсутствием.

dissimuler le fait *. В Москве восторженный прием со стороны народа. От дворянства были по крайней мере все предводители. Видел вчера в Царском фельдмаршала кн. Барятинского. Он почти выздоровел. Видел приехавшего из Варшавы Набокова. Он говорит, что тамошнее положение дел хотя и не улучшается блистательно, но все-таки лучше, чем было.

Сегодня был в городе. Утром заседания соединенных присутствий Департамента законов и Главного комитета, Департамента экономии и Главного комитета, наконец, одного Главного комитета. Вечером дома, на даче. К нам приехали в гости еще до нашего возвращения из Дуббельна Голицыны.

2 сентября. Утром у обедни. Весь день дома. Видел разных лиц, ничего особого, кроме телеграфического известия о пожаре в Новгороде, куда государь едет 7-го числа. Если поджог, неладно.

3 сентября. Утром в Государственном совете. Рассматривались основные начала уголовного судопроизводства. Из Варшавы получены известия, которые сильно взволновали государя. Там составлен адрес Замойскому о воссоединении Литвы с Польшею и т. п. Вел. князь сообщает, что, по мнению Велопольского, следует Замойского выслать за границу, но что, по его мнению, надлежит его выслать в Петербург. Государь, ни с кем не советовавшись, отвечал по телеграфу, что Замойского следует прислать сюда с жандармами. Кн. Горчаков и кн. Долгоруков, бывшие в Царском Селе, узнали об этом от государя на вечере и оба выразили мнение, что подобного приказания отдавать не следовало. То же сказал и бывший при том Милютин.

4 сентября. Государь, видно, послушался данного ему совета или же вел. князь принял на себя отступить от полученного по телеграфу повеления. Замойский едет сюда, но без жандармов. Вел. князь вообще распорядился правильно и самостоятельно. В секретном телеграмм кн. Горчакову он говорит «qu'il ne peut pas épouser les haines personnelles de Wielopolski» ** и что вообще арестование Замойского было бы тем более неудобно, что он противился адресу. Вел. князь при этом случае приостановил на некоторое время передачу каких бы то ни было депеш по варшавской телеграфической линии. Сегодня утром в Государственном совете было экстренное заседание для рассмотрения основных начал судоустройства. Совещания по важному вопросу о судебных преобразованиях, таким образом, окончены [55].

5 сентября. Замойский приехал вчера вечером. Его привез адъютант вел. князя Сержпутовский. До железной дороги,

* скрыть факт.

** что он не может взять на себя ответственность за неприязнь Велопольского к отдельным лицам.

другие говорят до Динабурга, его сопровождали несколько жандармов.

Целый день на даче.

6 сентября. На даче. Еду завтра в Новгород с государем. Кн. Долгоруков уехал сегодня.

11 сентября. Вернулся из Новгорода вчера вечером. Подробности пребывания там заключаются в моей переписке и в современных газетах [179].

Сегодня целый день дома. Работал. Вечером был Грейг, который собирается в Варшаву.

12 сентября. Утром заседание Государственного совета для подписания журналов по судоустройству и уголовному судопроизводству. Первый журнал о гражданском судопроизводстве получен от государя, который, по-видимому, при разрешении разногласий руководствовался мнением гр. Панина [180]. Вечером был у меня Жданов. Из бумаг, доложенных в голицынской комиссии, оказывается, что заговор наших революционеров успел охватить часть Закавказья и для сего пользуется вопросом об армянской народности, о которой фельдмаршал мне говорил, что эта одна народность, которой он там опасается.

13 сентября. Утром в Царском Селе. Совет министров. Докладывались результаты исследований разных следственных комиссий: голицынской о пожарах, о воскресных школах, по военному и морскому ведомствам. Положено распространить, или, точнее, продолжать действия комиссий под председательством кн. Голицына. Совещание было бесцветно. Возбуждать общего вопроса о современном политическом положении России при настроении умов собрания я признал неудобным.

Кн. Суворов из рук вон. Во все вмешивается. Кричит. Сердится. Ругается. Дела не делает.

14 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. Был потом у императрицы, которая желала переговорить со мною о Вяземских. Она высказала мысль, что полезно было бы государю и ей побывать в Москве в ноябре. Она очевидно озабочена изысканием случаев и средств к оживлению чувств и демонстрации преданности со стороны дворянства.

15 сентября. Утром в Комитете финансов. Обедал в клубе. Были у меня депутаты от тульских уездных предводителей г.г. Чижов и Федоров с просьбою о созыве чрезвычайного дворянского съезда для выбора губернского предводителя вместо гр. Бобринского. Этим путем можно бы уничтожить право правительства выбирать между двумя кандидатами. Стоило бы только утвержденному выходить в отставку, а не утвержденному быть снова избираему на съезде. Отклоняю это ходатайство.

16 сентября. Утром у обедни. Тяжелый день. Личные огорчения и заботы. Как иногда внутренняя жизнь человека не похо-

дит на внешнюю и скрыта от наблюдательного взгляда ближних. Как могущественна та незримая рука, которая внезапно ниспосылает горе или заботы и вдруг как бы скрутит ум и сердце!

17 сентября. Утром в Государственном совете. Заезжал к Муравьеву, который вчера приехал из-за границы. Работал.

18 сентября. Был у меня Бороздна, черниговский губернский предводитель, назначенный смоленским губернатором. Целый день на даче. Работал. Горизонт снова хмурится.

19 сентября. На даче. Целый день доклады или другая работа.

20 сентября. Утром в Царском Селе. Совет министров по делу о записке Назимова, в которой он предлагает манифест à le Garibaldi в честь народностей, чтобы во имя и с помощью (?) литвинов, русинов и т. п. противодействовать польской пропаганде. Между тем из Подольской губернии получено по телеграфу уведомление, что подольское дворянство на губернском съезде составило адрес о присоединении Подолии в административном отношении к Царству Польскому. Под влиянием этого известия положено воскресить прежний высший комитет о западных губерниях [181]. Мне это выгодно, потому что поможет справиться с ген.-губернаторами, в особенности с виленским. Из бережливости к особым взглядам и привычкам государя мне неудобно было о д н о м у открыто воевать с Назимовым и вообще напоминать, что ген.-губернаторы мне прямо подчинены. Обедал у и. и. величеств с фельдмаршалом [182] и с кн. Гагариным (председатель Государственного совета), который вчера имел особую аудиенцию у государя по вопросам о судопроизводстве и судоустройстве. Аудиенция была испрошена для контрабалансирования конфиденциальных записок гр. Панина, имевших влияние на разрешение е. величества по разногласиям в Совете. Бутков писал о том докладную записку для Гагарина. Жаль только, что по предмету столь важному и столь специальному государь может рисковать поддаться влиянию того или другого мнения при одностороннем его изложении без состязания в его присутствии. Императрица с сожалением говорила о неудовольствиях, возбужденных в новгородском дворянском мире тем, что по представлению губернатора губернскому предводителю дан только орден св. Анны II степени, а уездным предводителям ничего не дано. Я уже прежде этим озабочивался. Кажется, можно будет поправить post festum *.

21 сентября. Утром в Царском. Доклад. В Институте путей сообщения была демонстрация воспитанников, протестовавших письменно, в числе 150 чел., против исключения одного из них,

---

* после праздника.

не возвратившегося из отпуска. Вчера было предположено дать им три дня для размышления и затем, в случае упорства, всех исключить. Сегодня Чевкин приезжал в Царское и просил разрешения исключить для примера только человек 15. Но сам не знал еще, кто именно подлежит включению в число 15-ти. Ему разрешено это сделать. Сомневаюсь в успехе.

22 сентября. Утром в городе. Был по обыкновению в Казанском соборе. Да благословит бог новые лета моей жизни.

23 сентября. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал. Кн. Васильчиков сообщает, что подольское дворянское собрание закрыто и разошлось в порядке.

24 сентября. Утром в Государственном совете. Работал целый день.

25 сентября. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета, в котором я просил господ членов высказаться насчет общих, всем известных вопросов края. Они предпочли выждать, пока будет внесен изготовляемый по моему распоряжению очерк положения дел западных губерний и событий за последние $1^1/_2$ года [56]. Потом заседание Главного комитета и Департамента законов.

26 сентября. Кончил сегодня утром пересоставление проекта нового Положения о генерал-губернаторах. Проект, дважды составленный Китицыным под руководством гр. Толстого, оказался неудовлетворительным.

Перед обедом был у меня Безобразов — магистр правоведения. Между им и сумасшедшим различия немного. Вечером был Корш, будущий издатель «Санкт-Петербургских ведомостей».

27 сентября. На даче. Работал.

28 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. В Одессу государь предполагает назначить ген.-губернатором кн. Воронцова. Видно здесь влияние императрицы. В Тверь вместо гр. Баранова назначается Багратион.

29 сентября. Утром заседание Комитета финансов. Переехали в город, с сожалением расставаясь с дачей, и с обычным чувством сомнения насчет возвращения туда на будущее лето. Обедал у Гернгроса.

30 сентября. Утром у обедни. Разбор бумаг. Вечером в Царском Селе. Французский спектакль. Pièces impossibles, quoique bien données *.

1 октября. Утром на акте в Petrischule, по случаю 100-летнего юбилея школы. Остальное время дня за работой. Из Подольской губ. получил адрес, которого я государю не представил, испросив разрешения вскрыть адресованный к нему конверт.

---

* Невозможные, хотя и хорошо поставленные пьесы.

Адрес подписан 249-ю дворянами и, резко обвиняя во всей неурядице Западного края правительство, нарушившее его природную связь с Польшей, требует восстановления этой связи [183]. Местные власти очевидно растерялись. Государь назначил это дело к докладу в Совете министров на 4-е число.

2 октября. Утром заезжал к Зеленому для объяснений по вопросу о государственных крестьянах. Был у Рудницкого. Вечером дома. С редкими промежутками весь день за работой.

3 октября. Утром заходил к лорду Нэпиру. Работал. Вечером был Грейг, недавно возвратившийся из Варшавы. Он передал мне разные поручения от вел. князя.

4 октября. Совет министров в Царском Селе. Подольское дело. Решено предать суду предводителей [184]. Я предлагал, кроме того, упразднить Подольскую губернию, переформировав ее границы; я говорил, что слова, произнесенные подольским дворянством в его адресе, должны быть его последними словами. Никто не поддержал этой мысли, хотя Зеленый накануне мне говорил, что он ее поддержит, и Корф мне после сказал, «que c'était une belle parole» *.

Сегодня доклад Чевкина происходил в присутствии Мельникова. Чевкин уходит. Говорят, он будет председателем Департамента экономии и Комитета финансов. Ген. Мельникова я не знаю. Об нем отзываются с похвалою как о технике.

5 октября. Доклад в Царском. Сперва у обедни, по случаю рождения вел. кн. Марии Александровны. Государь говорил при докладе, что он желает, чтобы я под каким-нибудь предлогом побывал в Москве до прибытия туда и. и. величеств — pour préparer et sonder le terrain, et pour que cette visite ne présente pas le caractère peu satisfaisant de la première» **.

Кн. Суворов сообщил мне, qu'il avait mis martel en tête à l'Impératrice à cet égard et qu'il lui avait dit que j'étais le seul homme qui pût leur préparer le terrain d'une façon convenable» ***.

6 октября. Целый день за работой. Забыл вчера заметить, что при докладе государь говорил о назначении в Одессу герцога Мекленбургского. Эта мысль подана военным министром. Я сказал, что ее не разделяю и предпочитаю комбинацию с кн. Воронцовым [57].

7 октября. Утром у обедни. Потом в Гатчине к обеду, на вечер и на ночь. В первый раз видел Гатчинский дворец после

---

* «что это была прекрасная речь».

** Для подготовки и зондирования почвы и для того, чтобы данный визит не оказался бы таким малоудовлетворительным, как первый.

*** что он в связи с этим поверг в беспокойство императрицу и сказал ей, что я являюсь единственным человеком, который сможет им подготовить почву должным образом.

его возобновления. Vit de château * по намерению; дворцовая по исполнению. Нескончаемый французский спектакль. Гостей много. Удовольствия мало.

8 октября. Возвратился в город с 9-часовым утренним поездом. Государственный совет, потом заседание Главного комитета. Вечером были гр. Борх, ген. Хрулев и Гончаров по делам «Северной почты».

Комбинация с Воронцовым для Одессы не удается. Он прислал просьбу об увольнении его вовсе от службы. Какое безлюдье. Не знаешь, за кого взяться.

9 октября. Утром дома. Был у меня Барановский. Характеристичная для нашего времени личность. Он преисполнен «убеждений», он видит то, чего «правительство» не видит, он говорит о правительстве, как о некоем неизвестном обитателе Петербурга, а не о сложном организме, объемлющем всю империю и коего он сам, как губернатор, состоит членом; он говорит о шпионах, о доносах, об арестациях, как «Современник», о польском вопросе, как середина между «Днем» и «Czas'ом **. Он два раза сказал, что не может и не хочет слушать, как будто его о том просят, и ни разу не обнаружил какого бы то ни было сознания в неловкости его положения после писем его жены и разговорного тона в его доме. Это литературный отрывок в мундире [58].

Потом был кн. Долгоруков. Я старался ему объяснить, как важен вопрос о системе «само265разверстания» податей, проводимой комиссиею податей и сборов. Не знаю, успел ли?

10 октября. Утром несколько визитов. Работал. Вечером были генералы Крыжановский, Рудзевич, Забудский и еще кое-кто.

11 октября. К обеду был в Гатчине. Ночевал там же.

12 октября. Всеподданнейший доклад в Гатчине. Вопрос о моей поездке в Нижний, Владимир и Москву окончательно решен. Вчера подписаны указы об увольнении Чевкина и назначении на его место Мельникова. Вечером вернулся в город.

13 октября. К обеду снова был в Гатчине. Вечером там же. Proverbes et tableaux в роде Polterabend'a. On se bat les flancs pour s'amuser, mais sans trop de succès ***. Получено из Афин известие об изгнании короля Оттона. Кн. Горчаков меня спрашивал, доволен ли я его «прозой» по случаю обмена депеш между лордом Росселем и им по делам Монтенегро [185]. Депеши напечатаны en «journal de St Pétersbourg». Прочитал их только. Кн. Горчаков говорит, qut la dépêche de Lord John Russel est

* помещичья жизнь.

** «Часом».

*** «Пословицы и картинки, как на вечеринке перед свадьбой. Изо всех сил стараются развлечься, но без большого успеха.

naïve. Je ne sais si la sienne ne l'est pas davantage *. Вернулся ночью, ускользнув от ужина.

14 октября. Целый день за работой.

15 октября. То же. Составляю очерк дел Западного края для воскресшего Западного комитета.

16 октября. Утром Комитет министров. Потом заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента законов и Главного комитета.

17 октября. Дома. Кончил западный очерк. Утром был на освящении возобновленного здания Министерства. Вечером были лорд Нэпир, Вяземский, Багратион. И еще кое-кто. Лорд Нэпир осведомлялся насчет изданных в Царстве Польском временных правил о рекрутском наборе [186]. Знаю об них только то, что они изобретение Велопольского для очистки городского населения от беспокойных элементов. Он говорит: «nous opérons notre abcès» **.

18 октября. Дома. Работал. Утром явился новый тверской губернатор кн. Багратион. Был рязанский — Муравьев — с известием, что в его губернии где-то поколотили исправника, а в Егорьевском уезде дворяне перессорились на съезде, и один из них сбросил со стола зерцало. Вечером был и. д. смоленского предводителя Потемкин. Хитрый агитатор. Был Чевкин, прощаться. Тихий, как ручеек, мягкий, как шелк, нежный как невеста. Он говорил о предстоящем уходе Панина [59]. Кем его заменить? Бутковым? Un coureur de filles,— une mazette entre les mains de M. M. Zablatski et Cie ***. Оболенским? Хуже всякого другого. Игнатьевым? Милютиным? Шуваловым? (губернским предводителем). Кем-нибудь из сенаторов? Но кем?

4 ноября. Выехав из Санкт-Петербурга 10/X, я вернулся 1/XI. Насчет поездки в Москву, Владимир и Нижний см. переписку [187]. 2 числа я был в Царском Селе. Обедал у их и. величеств. Вчера утром на похоронах бедного Мороза ****, умершего скоропостижно в вагоне на Валдайской станции железной дороги на возвратном пути со мною из Москвы. Заезжал к кн. Долгорукову. Видел у него гр. Панина, qui porte avec grâce et bonne humeur sa retraite *****. Видел у себя множество разных официальных лиц, в том числе ген.-ад. Коцебу, торгующегося насчет принятия должности новороссийского ген.-губер-

---

* что донесение лорда Джона Росселя наивно. Думаю, что его донесение не менее.

** «мы вскрываем наш гнойник».

*** волокита, кляча в руках г-на Заблатского и К^{0}.

**** *После* Мороза *в скобках написано:* чин[овника] особ[ых] поручений. *(Т, I, л. 171).*

***** который очень мило и добродушно переносит свою отставку.

натора. В Царском государь сказал при мне императрице: «Si j'en suis content, je l'inviterai à dîner *. Между тем il ne fut pas invité» **. Замятнин воцаряется на место Панина. Гр. Блудов вернулся ganz abgängig ***. Но между тем он вступает в должность председателя Государственного совета. И. и. величества едут в Москву 10-го. Императрица желает найти когонибудь, хорошо знакомого с местными личностями и отношениями, для справок. Я предложил, между прочим, Н. А. Милютина [?]. Спустя несколько минут, она сказала: «mais il faut aussi quelque intelligence» ****.

5 ноября. Утром в Государственном совете, потом дома за работой.

6 ноября. Утром Комитет министров. Вечером заседание у бар. Корфа по вопросу об издании дополнительного постановления об адресах, Корф, кн. Долгоруков, Замятнин, Головнин и я.

7 ноября. Работал. Тяжкие частные заботы.

8 ноября. То же. Говорят, что фельдмаршал решительно оставляет свою должность па Кавказе и что на его место прочат вел. кн. Михаила Николаевича. Был утром у сего последнего, по случаю его тезоименитства. Он ничего о том не сказал. В Одессу решено назначить Коцебу. Были у меня барон Унгерн и рижский купец Тило вчера и сегодня по делам о железных дорогах.

9 ноября. В Царском Селе. Утром. Всеподданнейший доклад. Был у императрицы. Сегодня там свадьба Альбединского с княжною Долгоруковою.

10 ноября. Их и. величества сегодня выехали в Москву. Обедал у Головнина с лордом Нэпиром, гр. Кейзерлинским, кн. Гагариным, бар. Николаи и адмиралом Шестаковым. Вечером в итальянской опере. La forza del destino *****. Она заключается в том, что все умирают, большею частью по два раза каждый. Впрочем, представление было хорошо. Тамберлик, Грациани, m-me Nantier и m-me Barbot очень старались.

11 ноября. Утром у обедни. Работал.

12 ноября. Получено известие о кончине кн. Васильчикова ******. Еще вакансия, которую заместить трудно. Сожалею об этой утрате. Несмотря на ограниченность умственных сил кн. Васильчикова, с ним можно было вести дело без тех непри-

---

* Если я буду им доволен, то я его приглашу к обеду.

** он не был приглашен.

*** совершенно изнуренным.

**** но нужно также иметь хоть немного ума.

***** Сила судьбы.

****** *После* Васильчикова *в скобках написано*: киевского ген.-губ[ернато]ра. (*Т. I, л. 171 об.*).

ятных столкновений, которыми отличается управление ген. Назимова.

Утром в Государственном совете. Потом заседания соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии и Главного комитета. Обедал у Рейтерна. Вечером заседание комиссии для преобразования губернских учреждений.

Вчера были у меня Бутков и кн. А. Ф. Голицын. Оба более или менее с извинением, первый за неуместные притязания Государственной канцелярии или его самого по крестьянскому делу, второй — за неосновательный доклад государю о пропуске объявления о газете «Очерки» [188] в «Северной почте».

Из Москвы получено известие о благополучном прибытии и. и. величеств.

13 ноября. Утром в Комитете министров. Потом заседание Западного комитета. Получил разрешение принять пожалованный мне императором австрийский орден св. Леопольда. Вечером были у меня Цеэ с бесконечными объяснениями по делам цензуры и ген. Лауниц, которому, очевидно, хочется быть ген.-губернатором.

14 ноября. Выезжаю с божиею помощью в Москву, как теперь полагаю, до 25 числа.

3 декабря. Вернулся из Москвы 27-го. Пребывание там и возвращение, благодаря бога, благополучны. Насчет подробностей см. письма [189]. Был в день приезда у цесаревича. Обедал 29/XI у вел. кн. Елены Павловны. 1-го декабря у цесаревича, который завтра едет в Москву. Еду сам туда послезавтра. Был сегодня в Государственном совете и соединенном присутствии Главного комитета и Департамента законов. Был у киевского митрополита, у военного министра три раза, между прочим, по поручению государя относительно назначения ген.-губернатора в Киев. Был у Ахматова. В Киев, вероятно, назначается ген.-ад. Анненков, вытребованный в Москву по телеграфу. «По моим понятиям», он добра сделает немного. Но государь настаивает на том, чтобы гражданская и военная власть были в одних руках. По-видимому, решается и участь Кавказа. Кн. Барятинский, к которому государь посылал из Москвы гр. Александра Адлерберга, просит увольнения. Наместником назначается вел. кн. Михаил Николаевич. Дай бог, чтобы все было к лучшему.

17 декабря. По 15-е число был в Москве, куда выехал 5-го. Насчет пребывания там см. переписку [190].

Вернулся вчера утром. Был у обедни, потом у вел. кн. цесаревича. Сегодня в Государственном совете, где по вопросу о государственных крестьянах Бахтин снова проповедовал теорию Герцена и Бакунина о правах собственности государственных крестьян на землю [191]. К нему пристали при подаче голосов Головнин, Краббе, Прянишников, Гофман и Ковалевский.

38 голосов были на противной стороне. Потом краткое заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии. Заезжал к гр. Шуваловой. Вечером был у меня бар. Ливен.

18 декабря. Утром Комитет министров и заседание Западного комитета. Кн. Гагарин предлагает послать доверенное лицо с деньгами для немедленного улучшения быта духовенства и церквей в Западном крае. Там 5 тыс. приходов. Будто можно проездом завести их как 5 тыс. часов. Вечером разные аудиенции и доклад Соловьева.

19 декабря. Утром заседание Остзейского комитета. Вечером были лорд Нэпир, остзейские предводители и еще кое-кто.

20 декабря. Заседание Главного комитета и Департамента законов и экономии. Потом Главный комитет и Департамент законов. Passe d'armes * с кн. Гагариным, который обвинял Министерство внутренних дел в нарушении Положений 19-го февраля. Обедал у Зеленого. Вечером возвращение государя и императрицы из Москвы. Кн. Суворов и вел. кн. Николай Николаевич устроили род триумфального въезда. Иллюминация. Офицеры гвардии на станции железной дороги. Кавалергардские и конногвардейские офицеры верхом вроде почетного конвоя. Народу много и крик ура весьма дружный, от сердца. Я был на Аничкином мосту и видел все это своими глазами [60].

21 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Видел в приемной государя принца Баденского **.

22 декабря. Утром заседание Государственного совета. Дела о новых сборах и торговле, о преобразовании полиции и пр. Остальное время дня дома. Нездоровится.

23 декабря. Дома. Утром был Рейтерн для предуведомления, что нас государь собирает в среду для особого совещания по вопросу о железных дорогах.

24 декабря. Утром выезжал с женою для закупок к елке. Вечером всенощная и елка по обыкновению.

25 декабря. Целый день дома.

26 декабря. Утром совещание у е. величества: министры военный и финансов, вице-канцлер, кн. Долгоруков, бар. Мейендорф, Мельников, гр. Алексей Бобринский и я. Кроме того, случайно присутствовал гр. Блудов, который прежде был у государя и не уехал вовремя. Государь, выйдя из кабинета и увидев его, предложил ему остаться. Положительных результатов совещание не имело. Была речь о новых предложениях господ Перейра. Положено дать им определительнее высказаться.

---

* Стычка.

** *После* Баденского *в скобках написано:* приехавшего для бракосочетания с княжною Мариею Максимилиановною. *(Т. I, л. 173).*

Вчера был у меня Оболенский. Головнин, поощрявший его во время составления проекта новых законоположений о печати, выпросивший ему затем чин тайного советника, теперь признает проект непригодным к делу. У Оболенского есть записка Головнина, писанная в ноябре, где он выражает готовность подписать первые 308 страниц проекта. Головнин дал перед государем делу следующий оборот: при всей дружбе к Оболенскому и т. д. Государь поэтому сказал Оболенскому: это благородно со стороны Головнина. При всей вашей дружбе и пр. Оболенский написал затем Головнину, что все это, с его стороны, уже не мнение, а поступок и т. д. Чем кончатся все эти finesses *, увидим после, но с моей стороны оставаться в настоящем положении по делам прессы я не намерен.

Вечером на небольшом бале у и. и. величеств. Длинный разговор о железных дорогах между императрицей, Мейендорфом, гр. Бобринским и мною. Гр. Бобринский с особою похвалою отзывался о Рейтерне. Он, между прочим, сказал ее величеству: «Plus je vois et j'entends le ministre des finances, plus j'admire sa sagesse. Depuis le c-te Cancrine nous n'avons eu personne qui fût de sa force en matière de finances» ** [61]. Правда, что со времен Канкрина никого путного и не было.

27 декабря. Утром заседание Западного комитета у государя. Он приказал прочитать мои дополнительные предположения или соображения *** и заявил, что с ними вполне согласен, хотя и не предрешает дальнейших по сему предмету соображений Комитета [192]. Головнину его величество довольно жестко заметил, что в деле устройства народных училищ надлежит действовать, а не отписываться. Кн. Гагарин под конец заседания предъявил по своему обычаю сверток замечаний или контрпредположений. Государь оставил его у себя [62].

Вечером на несколько минут у гр. Разумовской на рауте.

28 декабря. Утром у вел. кн. Елены Павловны с поздравлением, она сказала мне, что я, возвратясь из Москвы, «couvert de lauriers» ****, но что я напрасно принес в жертву Арцимовича ***** [193]. Vous vous êtes trop pressé de l'offrir en holocauste ******. Я отвечал: «que ses vertus l'appelaient au Sénat et que d'ailleurs il s'était toujours considéré comme ministre de l'intérieur

---

* хитрости.

** «Чем чаще я встречаю и слушаю министра финансов, тем больше я восхищаюсь его благоразумием. Со времен гр. Канкрина у нас не было никого, кто бы был так силен, как он, в области финансов».

*** *После* соображения *в скобках написано:* дополнительные к очерку. *(Т. I, л. 174).*

**** увенчанный лаврами.

***** *После* Арцимовича *в скобках написано:* уволенного около того времени с пожалованием в сенаторы, калужского губернатора *(Т. I, л. 175).*

****** Вы слишком поторопились принести его в жертву.

spécial pour Kalouga, ce qui avait suffisamment duré» *. Потом всеподданнейший доклад. Потом заседание Комитета министров по делу Анненского [194]. Кроме гр. Адлерберга, никто не решился поддержать Анненского.

29 декабря. Утром особое совещание по проекту о генерал-губернаторах у военного министра с кн. Долгоруковым и ген.-ад. Анненковым. Последнему все кажется, что у него будет слишком мало власти. Впрочем, с некоторыми уступками состоялось соглашение.

Вечером в Михайловском театре. Les pièces d'à présent sont impossibles à force d'invraisemblance **.

30 декабря. Утром у обедни. Был у меня ген.-ад. Коцебу. После обеда Головнин, который опять переменил дирекцию и привез проект всеподданнейшего доклада, в котором предлагает всю цензурную часть in toto *** и с проектом Оболенского передать нам же в Министерство внутренних дел.

Вечером на бале à surprise **** по обыкновению у вел. кн. Елены Павловны.

31 декабря. Утром заседание Комитета министров. Потом Западный комитет. В первом гр. Адлерберг и Прянишников пытались возобновить суждения по делу Анненского. Во втором читалась записка кн. Гагарина, и ген.-ад. Анненков изъяснял, с какими «масляничными ветками» он полагает ехать в свое генерал-губернаторство [63].

Встретил новый год по обыкновению дома.

---

* что его добродетели его призывали в Сенат и что, впрочем, он себя всегда рассматривал как министра внутренних дел специально для Калуги, что продолжалось достаточно долго.

** Теперешние спектакли невозможны по неправдоподобности.

*** в целом.

**** с сюрпризами.

1863 год

1 января 1863 г. Утром на выходе во дворце. Главным начальником почт назначен И. М. Толстой, государственным контролером Татаринов. Кн. Гагарину пожалованы алмазные андреевские знаки. Целый день дома.

2 января. Утром заезжал к гр. Блудову и к Муравьеву. Последний, имея досуг, занимается преимущественно критикой всего, что делает правительство. Заезжал затем к гр. Протасовой, где на лестнице встретил государя, и к Оболенскому, которого я просил на случай перехода всех цензурных дел ко мне, принять на себя окончательное проведение проекта новых законоположений по делам печати.

3 января. Утром Комитет у государя императора по делам железных дорог. Вечером большой бал во дворце.

4 января. Утром всеподданнейший доклад. Вечером за работой. Совещание с губернаторами и директорами департаментов по вопросу о мерах, которые могли бы быть приняты при сближении 19 февраля [195]. De l'eau claire * [64]. Потом бал у Тройницкого.

5 января. Утром Западный комитет. $3^1/_2$ часа почти без результата [196]. Настоящее истязание!

6 января. Утром у обедни. Несколько визитов. Вечер дома.

7 января. Утром Государственный совет. Заседание Главного комитета. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича. Вечером за работой. Составлял заметку к проекту университетского устава [197].

8 января. Утром Комитет министров. Вечером работал.

9 января. Целый день за работой. Утром два, три визита. Вечером несколько посетителей за чаем.

---

* Пустые слова.

10 января. Совет министров по вопросам о съездах врачей и об устройстве цензурной части. Теперь все хотят съезжаться и устраивать. Tag'и, Juristentag'и, Aerztentag'и * и т. п.

Вопрос разрешен отрицательно. Против другого разрешения преимущественно говорили гр. Строганов, кн. Гагарин и принц Ольденбургский. Я не хотел высказываться в этом смысле, но не жалел о результате. Вечером за работой.

11 января. Доклад. Потом заседание Западного комитета, замечательное тем, что в нем ничего не происходило, кроме толков о заседании предшедшем. Оказалось, что не могли утвердить журнала, что члены друг друга не поняли или находили, что их мнения не точно были выражены и т. п. Обедал у лорда Нэпира. Вечером дома. Жена была на бале у Апраксиных, но я не поехал.

12 января. Утром заезжал к Анненкову, которого не застал, к прусскому посланнику Редерну, с которым вчера познакомился, и к Т. Б. Потемкиной, у которой встретился с государем. Он мне сообщил депешу из Варшавы, в которой говорится о частных восстаниях, или беспорядках, о нападениях на воинских чинов, убийствах в домах, образовании вооруженных шаек и т. п. До сих пор жертв немного, убитых до 30, раненых втрое более; войска большею частью находили возможность строиться и отражать нападения. Убит полковник Козлянинов. Ранен ген. Канабих. Вел. князь объявил военное положение в Царстве. Сегодня же гродненский губернатор телеграфировал мне, что вооруженные шайки показались около Сурожа с намерением испортить железную дорогу. Он отправился на место.

Если у наших начальств не будет недостатка в энергии, то дело может повернуть к лучшему. Лопнувший нарыв лучше, чем скрытое гноение. Обедал у герц. Монтебелло. Вечером дома.

13 января. Утром у обедни. На разводе государь собрал офицеров и сказал им speech по поводу польских известий. Его слова произвели надлежащее впечатление.

Перед обедом несколько визитов. Вечером бал в Зимнем дворце. Существенно новых известий из Варшавы не получено.

14 января. Утром на похоронах Отсолига. Пастор Фроман избрал текстом своей речи слова Спасителя, когда он явился ученикам во время бури, идя по волнам, и они устрашились, думая видеть призрак. Он же сказал: «не бойтесь, аз есмь. Смерть — призрак, Иисус — спаситель. Не бойтесь, аз есмь». Вот сущность речи. Впервые встречаю эту счастливую и высокую мысль. Государь прислал за мной. У него были кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин, гр. Баранов (как председатель Совета общества железных дорог) и ген. Мельников. Совещание касалось поль-

---

* съезды, съезды юристов, врачей и т. п.

ских дел. Сообщение с Варшавой прервано. Телеграфические нити перерезаны. Железная дорога от Варшавы до Белостока испорчена. Первая станция от Белостока, Лаппы, в руках мятежников. Из Варшавы послана колонна для исправления пути.

Позже заседание Государственного совета и соединенного присутствия Департамента законов и Главного комитета.

Вечером за работой. Был к чаю ген. Гильдебрант. У него свои кристаллизованные мысли насчет польских дел.

15 января. Государь приказал нам (см. выше) бывать у него ежедневно в $1/2$ 12-го, пока польские дела того будут требовать. Сегодня нам сообщены полученные телеграммы. Сообщение восстановлено через Ковно. Впрочем, существенно нового нет. Вел. князь обещает энергию. Потом заседание Комитета министров. Потом заседание Западного комитета.

Вечером в театре «Le fils de Giboyer» *, много толков об этой пьесе. Дается отлично, написана умно. Производит впечатление, хотя много несообразностей и в характере Giboyer, détestable auteur et père sublime и в характере Fernande dont l'esprit a changé de sexe et qui ignore ce que c'est que les sexes ** и в некоторых других частностях. Не трудно было бы сделать une contre pièce ***. Потом заезжал на $1/2$ часа к Хитровым на бал.

16 января. У государя в $1/2$ 10-го, ранее обыкновенного, по случаю его отъезда на охоту. Известия из Варшавы довольно удовлетворительные. Но ни одной решительной стычки и ни одной широкой меры, кроме объявления военного положения. Военные диспозиции невероятно плохие до восстания. Шайки появились уже 3 и 4-го чисел. Послали войска против них 5-го, а 10 и 11-го можно было еще нападать на солдат поодиночке на квартирах и разграбить два артиллерийских парка в Любартове и Кодне (в 21 версте от крепости Бреста-Литовского). По моему предложению объявлено военное положение во всех сопредельных с Царством уездах Западного края. Кроме того, я предложил привлечь общества городские и сельские к некоторому участию и к некоторой ответственности в деле охранения железных дорог и телеграфных линий. Мне поручено составить о том предположения по соглашению с ген. Мельниковым. Он прислал мне сегодня ген. Дельвига для объяснений по этому делу [65].

Из Зимнего дворца заехал вместе с кн. Долгоруковым к кн. Горчакову. Целый час продолжалось представление разных его vanités ****, отцовских, министерских и селадонских. Ездил

---

* «Сын Жибуайе».

** Жибуайе, отвратительного автора и превосходного отца, и в характере Фернанды, ум которой не соответствует ее полу и которая не знает, что такое пол.

*** контр-пьесу.

**** тщеславий.

потом в Александровскую лавру с визитом к митрополиту, которого не застал.

Погода ужасная. Оттепель. Буря, поднявшая воду выше колец. Вечером разные посетители к чаю, в том числе Бажанов, Нэпир, Ревертера [?].

17 января. Утром в $11^1/_2$ у государя. Совещание по польским делам. Решительных вестей нет. К сожалению, есть некоторая вялость в наших распоряжениях и в нашем военном министре. В 1 час заседание Главного комитета под высочайшим председательством. Решено, что никакого нового манифеста к 19 февраля 1863 года не будет. Потом в 2 часа Совет министров по предмету записки, внесенной Головниным по приказанию государя. Едва ли Головнин ожидал этого. Речь была о сохранении некоторых отношений к прессе. Его заподозрили в намерении что-нибудь у меня отжилить. Горчаков сказал мне после довольно сильных нападок: ai-je bien attaché le grelot? * Моя роль была очень удобна, ибо мне оставалось только выступить на защиту Головнина.

Вечером у митрополита [198] первое заседание Комитета по делам духовенства. Entrée en matière **. Ничего не испорчено на первом шагу, а это много. Два митрополита — Исидор и Арсений, архиепископ Платон, преосвященные Филофей и Евсевий, Бажанов, Кутневич, кн. Долгоруков, Зеленый, Ахматов, Урусов и я. Характеристично пренебрежение, с которым митрополит киевский заблагорассудил отзываться о покойном кн. Васильчикове. Говоря о его отчете, Арсений сказал: «Вероятно, князь не помнил, а подписывал во второй раз прошлогодний отчет».

18 января. Утром всеподданнейший доклад и совещание по польским делам. Новых известий почти нет. Сообщение с Варшавой, кажется, снова прервано. Вечером получил телеграмм от Галлера о взятии нескольких мятежных шляхтичей и 4 ксендзов. Были у меня Цеэ с разными запрещенными карикатурами и кн. Черкасский.

19 января. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Милютин невероятно вял, ввиду нынешних обстоятельств, государю также не хочется передвигать войска. Однако решено отправить лейб-казачий полк и привести сюда новгородские конные полки, чтобы двинуть их вслед за казаками. Равным образом сказано, что в случае надобности можно отправить 2-ю гвардейскую дивизию.

Вечером совещание у гр. Строганова по делу об университетском уставе. Большею частью речь о мелочах. По главным

---

* Хорошо ли я начал?

** Вступление в дело.

вопросам мне будет трудно согласиться с прочими. Они в пользу усиления штатов, т. е. мечты *, и против системы гонорариев.

20 января. Утром у государя. Телеграф действует между Варшавой и Петербургом, но ничего решительного и даже положительного из депеш вел. князя не усматривается. Заезжал к Рейтерну, к Ленскому и Платонову. Оба мне говорили, что их dualisme ставит их в ложное положение и никакой пользы не приносит. Давно это знаю.

Вечером был у меня ген. Мельников. Он так же, как и я, беспокоится промедлением в отправлении войск в Польшу и в западные губернии. От вел. князя получены две депеши. В одной говорится о тревоге в Варшаве вследствие неосновательного донесения казацкой патрули. В другой — о том, что в Венгрове собираются мятежники, но что вел. князь против них не может выслать войск потому, что гарнизон Варшавы более ослаблен быть не может. Кн. Долгоруков, сообщая мне о том, присовокупляет: jolie posititiоn **. Был также гр. Сумароков, проповедующий мысль, что с поляками в западных губерниях следует поступить, как Наполеон с теми жителями Ниццы, которые себя не признавали французами, т. е. лишить их права русской национальности, заставить продать имения и предоставить выселиться в Польшу. Он остался мною весьма недоволен. Я эту песнь давно слышу. Когда я спрашиваю: разве Польша не подвластна русской короне? Разве Западный край город или уезд? Можно ли заставить землевладельцев 9 губерний продать их имения? Кто их купит? и т. п., мне не дают никакого ответа, но остаются при своем.

21 января. Утром у государя. Сообщения прерваны с Варшавой. Л.-гв. казачий полк [199] отправляется сегодня. В Гродненской губернии движение проявляется в Бельском и Белостокском уездах. Был в Государственном совете. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов.

22 января. Утром у государя. Из Варшавы приехал фельдъегерь и получены телеграммы. Утром ничего замечательного. Кн. Долгоруков настаивал на необходимости действовать в помощь Варшаве со стороны Литвы. Государь рассердился. После обеда получены шифрованные телеграммы, из коих видно, что около Скерневиц собираются мятежники, но у вел. князя нет свободных войск под рукою, и что с юга он 5 суток не имеет известий. Был в Комитете министров. Потом заседание Главного комитета. Вечером совещание по университетскому делу у гр. Строганова. Потом заезжал в Михайловский театр, где видел конец новой пьесы «Les ganaches» ***. M-me Lagrange, Volnis,

---

* *Так в подлиннике.*

** нечего сказать, хорошее положение!

*** «Дураки».

m-r Léménil очень хороши. Кончил докладом Земского отдела. Ouf! *

23 января. Утром дома. Государь в Царском Селе до вечера. Известий нет. Ночью получил только телеграмм от Рамзая, который говорит, что по его приказанию войска стянулись в самостоятельные отряды.

24 января. Утром у государя. Известие о стычке под Венгровом. Впрочем, ничего особенного. Вечером дома.

25 января. Утром всеподданнейший доклад. Перед тем обычное совещание у государя по польским делам. Две попытки отравить Велопольского и его сына. Гр. Шувалов вернулся из Вильно. He is below the mark **. Государь сказал мне при докладе: «Vous ne devinerez pas de quoi l'on vous accuse.— On dit que vous protégez les Polonais et l'on redoute votre influence.— Concevez-vous cela? — Mais oui, Sire, je le comprends assez; je combats les mauvaises mesures à l'égard des Polonais, que d'autres voudraient voir prendre» ***.

Это Шувалов передал мысль Назимова. После было заседание Западного комитета, в котором Шувалов передавал свои виленские впечатления и предположения ген. Назимова. После его ухода спорили $1^1/_2$ часа о чем-то, относящемся до журнала предшедшего заседания, и разошлись.

26 января. Утром у государя. Из Польши и с Запада ничего существенного. Весь ход дела мне внушает серьезные опасения. Не чую силы, которая в подобных случаях необходима. Днем получены телеграммы из Житомира, Ковно и Вильны. В Грубешовском уезде Царства мятежники полные хозяева. В Трокском уезде Виленской губернии появились шайки; в Ковенской губернии начинают образовываться; в Гродненской об них ничего не слышно от наших начальств после первых известий о их формировании.

Мы кончим тем, что отправим 2-ю гвардейскую дивизию. Для чего не сделали это ранее?

Вечером на бале у герц. Монтебелло. Лорд Нэпир изъявляет подозрение насчет отравления семейства Велопольского. Перед тем был на совещании по делу об университетском уставе у гр. Строганова.

27 января. Утром у государя. Ничего замечательного с Запада. Вечером на бале в Эрмитаже.

---

* Уф!

** Не на высоте.

*** «Вы не догадаетесь, в чем вас обвиняют. Говорят, что вы покровительствуете полякам и опасаются вашего влияния. Понимаете ли вы это? — Конечно, государь, я это достаточно понимаю; я борюсь со злостными мерами, которые другие хотели бы видеть осуществленными в отношении поляков».

28 января. Утром у государя. Он решился отправить отсюда вторую гвардейскую дивизию в Вильно. Полки Гродненский и уланский е. в. отправляются прямо в Варшаву. Надобно было решиться на то сразу. Есть известие о развитии двух, трех шаек, но ничего решительного. Вообще все известия как-то неполны, отрывисты, не обнаруживают единства и энергии действий на местах.

Государственный совет, потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

29 января. Утром Комитет министров. Потом комитет Западный. Вечером в Михайловском театре. «Les ivresses» *. Пьеса сумасбродная, но игра г-жи Naptel-Arnault и г-жи Lagrange превосходная. Потом на ¼ часа у Бибиковой на бале.

30 января. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Гр. Шувалов назначается начальником железной дороги до Вильно. Первый полк 2-й бригады 2-й гвардейской дивизии [200] сегодня отправился в Вильно.

Собирал у себя цензоров для программатического с ними объяснения. Г. Цеэ неловко, но он вынужден вытерпевать. Некоторым цензорам, наприм., г. Еленеву, не по сердцу, но скрепить сердце приходится.

Вечером бракосочетание Марии Максимилиановны с принцем Баденским. Вернулся из дворца довольно поздно. Невеста не была особенно attendrie **.

31 января. Утром у государя. В 2 часа Совет министров. Заезжал записываться, по случаю вчерашней свадьбы, к разным высочествам, в том числе к прибывшему сюда вел. герц. Ольденбургскому. Он похож на Тамберлика. Вечером заседание Духовного присутствия. Я был принужден на себе вынести те малые результаты, коих мы достигли. У господ духовных членов невысокий уровень гражданской способности рассуждать, изобретать и узаконять. Митрополит Арсений, пользующийся особою репутацией, точь-в-точь ген. Назимов.

1 февраля. Утром у государя. С Запада ничего решительного. Из Варшавы приехал Стюрлер. По его мнению, положение дел серьезное. Военного начальника в Польше нет. Рамзай полуразбит паралитическим головным недугом. Вел. князь не хочет, чтобы на место его был назначен другой, но об этом не пишет. Он требовал по телеграфу Домантовича, чтобы заняться законом о выкупе. Государь советовался с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, Милютиным и мною насчет замещения Рамзая. Ничего не решено. Всеподданнейший доклад. Государь просил меня по делам Западного комитета принять на себя роль

---

* «Упоения».

** растрогана.

Ростовцева в крестьянском деле. Вечером бал у вел. кн. Марии Николаевны [66].

2 февраля. Утром у государя. Потом Комитет финансов. Вечером совещание по университетскому вопросу у гр. Строганова. С польских границ ничего решительного.

3 февраля. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Милютин вял. Горизонт заволакивает. Работал целый день. Вечером бал во дворце. Из Гродненской губернии известия нехороши. Литовский край в волнении. Единства нет в направлении дел.

4 февраля. Утром у государя. В Государственном совете не был. Работал целый день. Нездоровится.

5 февраля. Утром в Комитете министров и Западном комитете. Нездоровье так усилилось, что вечером не мог ехать на бал к вел. кн. Николаю Николаевичу.

6 и 7 февраля. Дома, болен. Работал. Из Польши ничего решительного. Гр. Алексанти Адлерберг послан в Варшаву для личных объяснений с вел. князем о назначении нового военного начальника.

8 февраля. Утром у государя. В Польше теперь 87 тыс. войска, в Виленском генерал-губернаторстве более 70 тыс., в Киевском более 50 тыс. При этих громадных средствах, какие жалкие результаты! Потом всеподданнейший доклад по обыкновению. Остальное время дня дома. Нездоровье по-прежнему.

9 февраля. Утром у государя. Потом у него же заседание соединенных комитетов Западного и Главного. Государь упрекал членов Западного комитета в безрезультатности его совещаний. Затем предложен был вопрос об обязательном выкупе крестьянских угодий в Северо-Западном крае. Несмотря на сильное сопротивление кн. Гагарина, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина, Бахтина и на отрицание sotto voce * гр. Адлерберга и бар. Корфа, вопрос решен утвердительно. Это мера огромной важности и огромных размеров. Считаю ее необходимою, ввиду нынешних польских дел, коих дальнейшее развитие столь загадочно и двусмысленно, но не скрываю от себя всех с ней сопряженных затруднений [201].

10 февраля. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. По обыкновению folle journèe ** в Эрмитаже. Был там к обеду и до 10 час. вечера.

11 февраля. Утром у государя. Потом заседание соединенного присутствия Главного и Западного комитетов.

12 февраля. Утром у государя. Потом у об.-прокурора Святейшего синода, совещание с ним, министром государственных

---

* нерешительное отрицание.

** безумный день.

имуществ и министром народного просвещения по вопросу о западных школах.

13 февраля. Утром у государя. Адлерберг приехал, но из того, что нам сегодня сказано, ничего нельзя извлечь положительного насчет его наблюдений. Вел. князь, наместник, ожидает благоприятного исхода дел. Велопольский в прежней силе и по-прежнему неприятен. Вот и все. Для меня загадочность ситуации продолжается. Вел. князь хочет иметь начальником войск не гр. Берга, но гр. Сумарокова. Государь согласен.

14 февраля. Утром у государя. Потом Совет министров. Университетское дело. Вечером был у Гернгроса. На сердце весьма тяжело. Здоровье физическое впору нравственному.

15 февраля. Утром обычное совещание у государя. Потом доклад. Потом у военного министра с ген. Рокасовским и гр. Армфельдом по делу о Сестрорецком заводе. Вечером совещание у об.-прокурора Святейшего синода по вопросу о народных училищах в Западном крае.

16 февраля. Утром у государя. Потом совещание Западного комитета. Вечером разные доклады.

17 февраля. Болен и целый день дома, не работал.

18 февраля. Утром у государя. Потом в Государственном совете. Потом заседания соединенного присутствия Западного и Главного комитетов и Главного комитета. В соединенном присутствии докладывался проект указа об обязательном выкупе в северо-западных губерниях. Кн. Горчаков весьма упорно и весьма бессвязно настаивал на своем мнении против этой меры.

Видел ген.-ад. Безака, приехавшего вчера и переполненного своею историей с действ. ст. сов. Григорьевым. При нашем безлюдьи Безак терпится и должен быть терпим, но он вполне заслуживает свое прозвище «еврея».

19 февраля. Утром в соборе святого Исаакия. Потом у государя. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. герцогом и пр. Ольденбургскими. Были, кроме trio фрейлин, кн. Долгоруков, ген.-ад. Притвиц, бар. Перглас и еще кое-кто.

На вчерашний и сегодняшний дни пророчили разные невзгоды [202]. Благодаря бога все спокойно, только появилось кое-где новое возмутительное воззвание к войску. Потапов, который был у меня перед обедом, говорит, что он напал на след. Он приводит к военной и инженерной академиям и к артиллерийскому училищу [203].

20 февраля. Утром у государя. Потом Комитет министров и соединенное заседание Главного комитета и Департамента законов. Обедал у пр. Ольденбургского с разными honoratiores *. Из Польши все те же вести. Между тем на западе тысячеглас-

* почетными гостями.

ный don Basilio прессы вопит против нас. Горизонт сомнителен. Прусская конвенция, подавшая повод стольким толкам и за границею и у нас, канула в воду [204]. Кн. Горчаков fait jouer ses batteries *, но я мало на них надеюсь. Все как-то неясно и неотчетливо и вести от вел. князя, и от наших посольств, и из западных губерний. Конечно, я не обнаруживаю того, что думаю и чувствую; но то и другое неотрадно. Не одна Польша нас тревожит и затрудняет. Правительство даже внутри империи некоторым образом в осадном положении. Обуревающие волны поднимаются незаметно. Слабость орудий, неповоротливость механизма, отсутствие господствующих или руководящих личностей — вот те признаки, которые меня тревожат и смущают. Сто раз в день думаю о том, что мне делать. Отделиться — я, быть может, пожертвую некоторою пользою для дела, для государя, для России. Не отделяться — я жертвую только собой, т. е. своею репутацией.

21 февраля. Утром у государя. Потом Совет министров. Вечером жалкое заседание у митрополита. Потом вечер у вел. кн. Елены Павловны.

22 февраля. Утром обычное совещание у государя и всеподданнейший доклад. Вечером дома. Работал.

23 февраля. Утром дома. Доклады и пр. Обедал в Английском клубе. Людно, но пусто и скучно.

24 февраля. Утром у государя. Решительного из Польши нет. Туда решаются отправить гренадерскую дивизию. Жаль, что не решились на то ранее. Очевидно, что возмущение поддерживается только в надежде на вмешательство Европы, но явно также, что чем долее длится борьба в Царстве, тем более эта надежда крепнет и оправдывается.

25 февраля. Утром у государя. Потом Государственный совет и заседание Главного комитета. Вечером заседание комиссии о губернских учреждениях и полчаса на вечере у гр. Chauveau (Юсуповой).

26 февраля. Утром у государя. Из Варшавы вести неутешительны. Верхний слой общества пристает к движению. Надежда на вмешательство из-за границы его поддерживает. Вел. князь не в уровень с событиями. На днях Нэпир сообщил кн. Горчакову ноту лорда Росселя по польским делам, весьма, впрочем, умеренную [205]. После объяснения с кн. Горчаковым лорд Нэпир сообщил ему и свой ответ Росселю. Вчера Горчаков говорил: je lui ai dicté sa réponse **. Меня беспокоит именно самоуверенность Горчакова. Гр. Редерн мне говорил вчера, что английская депеша написана для blue-book ***.Насчет Франции

---

* выставил свою артиллерию.

** я ему продиктовал его ответ.

*** Голубая книга.

Будберг телеграфирует: «que l'empereur L. N. ne se prononce pas pour le mouvement Polonais, mais ne paraît pas décidé à ne pas en profiter» *. От него было письмо к герцогу Монтебелло вроде английской ноты, но герцог получил затем приказание не предъявлять письма.

Комитет министров. Потом Западный комитет. Обедал у английского посла in fiocchi **, по случаю празднования бракосочетания принца Валлийского. Кроме членов дипломатического корпуса (главных), были вице-канцлер, министр двора, гр. Шувалов, гр. Рибопьер, кн. Суворов и я. Вечером у него же. Раут in fiocchi, на котором были и. и. величества, вел. князья и княгини, и множество distinguished guests ***.

27 февраля. Утром у государя. Вечером совещание по вопросу о народных училищах у гр. Строганова [206].

28 февраля. Днем за работой. Вечером заседание духовно-светского присутствия у митрополита и вечер, обычный Jeudi **** у вел. кн. Елены Павловны.

1 марта. Утром у государя по польским делам. Потом всеподданнейший доклад. Воспользовался представившимся при разговоре случаем, чтобы снова заявить мысль о преобразовании Государственного совета на началах австрийского Reichsrat [207]. Государь ничего не отвечал, но задумался. Я довольствовался этим впечатлением и сам перешел к другим предметам разговора. Обедал у Веневитиновых. Тютчев говорил про гр. Блудова, который часто говорит грубости, но, впрочем, добр и не злопамятен, que c'est ainsi qu'il pratique l'oubli des injures *****. Вечером у гр. Блудовой. Потом раут у кн. Горчакова. Государь подписал сегодня указ об обязательном выкупе в Литовском крае [208].

2 марта. Утром у государя. Из Польши ожидались известия о решительном нападении на шайки Лангевича [209]. Получено только сведение, что Лангевич будто бы успел «к востоку» или пошел «на восток». Ничего, впрочем, замечательного нет, а это весьма неудовлетворительно. Чем далее длится дело, тем оно становится хуже.

Вечером совещание у гр. Строганова по училищному вопросу.

3 марта. Утром у государя. Затем дома за работой. Вечером у Анненковой.

4 марта. Утром у государя. Потом Государственный совет.

---

* что император Луи Наполеон не высказывается за польское движение, но и не отказывается им воспользоваться.

** в парадном костюме.

*** почетных гостей.

**** четверг.

***** так он забывает обиды.

Потом заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии. Вечером заседание Комиссии земских учреждений [210]. Порядочно измучен. Вчера открыто здешнее очередное губернское собрание [211]. Кн. Суворов произнес речь в современном вкусе, вероятно, писанную Ивановым 30-м. За обедом его здоровье было горячо принято. Сегодня он этим превозносится. Из Польши ничего хорошего. Вел. князь телеграфирует, что он получил от Шаховского известие, что он собрал 10 рот в Мехове и что Лангевич на старом месте. Итак, всего 10 рот на важнейшем пункте! А в Царстве более 90 тыс. войска.

5 марта. Утром у государя. Потом Комитет министров. По делу Стецкого я вывел на чистую воду кн. Гагарина вместе с Бутковым, испросившего высочайший указ, несогласный с высочайше утвержденным мнением Государственного совета, тогда бывшего под председательством самого кн. Гагарина. Потом Западный комитет. Вечером дома.

6 марта. Целый день дома. Работал.

7 марта. Утром у государя. Из Польши ничего нового. Прежний недостаток единства и решительности в направлении дел. В Витебской губернии, в Люцинском уезде, на границе Лифляндии, в имении Липских, Мариенгаузен, обнаружены приготовления к мятежу [212]. Вечером заседание у гр. Строганова по вопросу о народных училищах.

8 марта. Утром у государя. Всеподданнейший доклад. Потом дома. Работал. У государя происходило тягостное совещание по вопросу о назначении Сумарокова. Государь сам видит, что выбор неудачен, но он же сам во внимание к вел. кн. Константину Николаевичу пригласил Сумарокова принять должность. Жаль было видеть внутреннюю борьбу. Между тем сам Сумароков, едва движущийся физически и нравственно, или умственно, сидел в приемной или переходил, опираясь на палку, от одного стула к другому, все толкуя о том, что намерен выехать 11-го числа. Государь решил наконец тем, что объявил ему свое намерение обождать.

9 марта. Получено через австрийцев, via * Краков и Вену, известие о разбитии Лангевича и о задержании его австрийскими властями при переходе в Галицию. Вел. кн. этого известия не имел, хотя военные действия происходили не далее 200 верст от Варшавы и даже ближе. Потом нам сообщены у государя полученные из Лондона сведения о найме польскими выходцами парохода для перевозки 200 или 300 из них, с грузом оружия и пороха, в окрестности Либавы, откуда они намереваются перебраться в Ковенскую губернию [213]. Ливену

* через.

дано знать. Говорят, что поляки особенно рассчитывают на Францию и что будто бы император Луи Наполеон сказал: «Je m'entendrai avec l'Autriche, ou bien si elle demeure à l'écart je ferai l'affaire sans elle» *. Кн. Горчаков сказал это Монтебелло, который, конечно, отрицает возможность подобного отзыва.

После совещания у государя был у министра финансов, потом в заседании Департамента законов по вопросу о новых постановлениях насчет адресов. Обедал в Английском клубе.

10 марта. Утром у государя. Целый день работал. Нездоровится. Указ об обязательном выкупе сегодня напечатан в газетах и уже объявлен Назимовым на местах.

Из Польши ничего нового. Вел. князь еще не имеет известий по делу Лангевича.

Отправил к Урусову 19 страниц folia моей руки по делам Духовного присутствия [67].

11 марта. Утром у государя. Потом в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета и Департамента законов. Вечером заседание комиссии о земских учреждениях. Из Польши нет ничего замечательного. Гр. Ностиц, вернувшийся из Литвы после уничтожения шайки Рогинского, привез разного рода трофеи, которые выставлены напоказ в биллиардной у государя. Там есть призовые вазы, похищенные из Янова, косы, значки, конфедератки и даже чье-то исподнее платье. Вся эта выставка неизвестно почему и для чего продолжается уже два или три дня.

12 марта. Утром у государя. Ничего замечательного, кроме сообщенной герцогом Монтебелло депеши, им написанной к Drouyn de Lhuys и написанной совершенно в наших интересах. Потом на похоронах бар. Мейендорфа. Обедал у Рейтерна. Вечером у меня совещание между преосвященным Евсевием (могилевским), кн. Урусовым и мною по предмету составленных мною предположений.

13 марта. Заседание Комитета министров. Потом заседание Западного комитета. Дела о инвестрации имений лиц, участвовавших в беспорядках в Западном крае, и наставление войскам, и о школах. Вечером последнее совещание у гр. Строганова по делу о народных училищах.

14 марта. Утром у государя. Известия с Запада неутешительны. В Польше тоже разладица. В Париже и Лондоне расшевеливается интервенция.

Обедал у турецкого посланника. Вечером за работой **.

---

* Я договорюсь с Австрией, или же, если она останется в стороне, я сделаю дело без нее.

** *На полях рукописи имеется авторская вклейка* «несколько страниц мною уничтожены, потому что некоторые из заключающихся в них сведений подлежат забвению в интересах России» (Тагернзее, 1/13/VIII 1868).

15 марта. Утром у государя. Потом был у Горчакова, который сообщил Долгорукову и мне разные депеши, предвозвещающие дипломатическую бурю, а вслед за нею, быть может, и бурю военную.

Потом всеподданнейший доклад * ⟨государю. Получил от него приказание совещаться по вопросу о финансах Царства с Рейтерном, Платоновым и Милютиным, разумеется, негласно, и с Ленским, Платоновым и Мельниковым по вопросу о переделанном в Варшаве проекте правил для безопасности железных дорог и телеграфов. Вечером был у Ленского. Воздух у него тяжел и его лицо мне не нравится.

16 марта. Утром у государя. Решено отправить в Царство вместо Сумарокова Берга. Меня мучит неопределительность нашего положения. Меня тревожит в особенности наш внутренний разлад. Я вижу признаки разложения. Можем ли мы с ними вступить в борьбу против Европы? Я вижу наших деятелей. Можно ли с ними надеяться на успех?

17 марта. Утром у государя. Сегодня нам заявлено, что ежедневные совещания прерываются и государь нас созовет особо, когда потребуется. Гр. Берг назначен.

18 марта. В дворянском собрании удалось губернскому предводителю гр. Шувалову отклонить рассмотрение предложения Платонова (о допущении выборных от дворянства в Государственный совет), но только на этот раз и с изъявлением к нему сочувствия. Большинство было 211 против 57. Но вслед за тем принято другое предложение об исходатайствовании дворянству права собираться, когда пожелает, не испрашивая на то разрешения. Большинство было 213 против 55. Я написал кн. Долгорукову, что признаки времени умножаются. На днях он говорил государю: «qu'il n'y a pas une voix pour la monarchie pure» **. Государь не отвечал ничего, как и мне, когда я недавно снова заговорил об Австрийском Reichsrat'e.

20 марта. Утром у государя. От Испании уже получена дружелюбная нота по польским делам. Между Францией и Англией состоялось соглашение якобы по настоянию первой.

21 марта. Вечером заседание духовного присутствия, где приняты мои предложения. Позже у вел. кн. Елены Павловны. Живые картины и музыка.

22 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом у императрицы, которая продолжает утверждать, «qu'elle a une infi-

---

* *Далее уничтожено автором четыре листа. Последующий текст за 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 25 и 28 марта восстанавливается по «Отрывкам из дневника».* (*Т. II, лл. 15—16*).

** что нет ни одного голоса в защиту абсолютной монархии.

nité de choses à me reprocher» *, но не говорит, какие именно «choses» **.

Сегодня в Дворянском собрании единогласно принят всеподданнейший патриотический адрес по поводу польских дел [214], предложенный Безобразовым [68].

25 марта. Утром после обедни у государя. Кн. Горчаков того мнения, qu'il faut laisser venir l'Europe ***.

28 марта. В 2 часа совещание у государя по польским делам.⟩ ...во всяком случае он скорее бы согласился на мое предложение, чем на предложение кн. Долгорукова, что вмешательства Европы допускать в наши внутренние дела нельзя и т. д., но что еще nous n'en sommes pas là ****. Затем государь прервал совещание, назначив вторник 2-е апреля для его возобновления. Рейтерн и Милютин не сказали ни слова. Государь их не спрашивал, вероятно, не желая слышать ответа, его видам не соответствующего. Уходя Рейтерн сказал мне, que depuis aujourd'hui il m'aime *****. Кн. Горчаков сообщил, между прочим, что Будберг, Балабин и Убри, все трое, в пользу инициативы.

Уходя, я передал Горчакову мою записку, государю не посланную. Он возвратил и написал, что ее следовало бы послать. Я спросил, могу ли приложить его отзыв. Тогда он ответил, «qu'il m'expliquera prochainement pourquoi ce serait inopportun» ******. Без этого я не захотел послать записки, но возьму ее завтра на всякий случай к докладу.

29 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь не подал мне удобного случая представить мою записку. Выходя, я встретил Горчакова trés fringant *******, потому что ему дано знать по телеграфу, что Англия, Франция и Австрия шлют к нам три различные ноты и не постановляют определительных требований [215]. Едва успел я вернуться домой, как получил от кн. Горчакова приглашение быть снова у государя в 2 часа. Кроме вчерашних членов совещания явились еще двое, Корф и Платонов. Оказалось, что мнение кн. Горчакова уже установилось, что оно ограничивалось спокойным выжиданием ноты и тою самою амнистией, которую он еще 25-го числа признавал преждевременною. Государю явно хотелось избежать этим «что-нибудь» неприятной надобности принять какие-либо меры более решительные. Кн. Горчаков прочел проект амнистии, им будто бы за час пред тем продиктованный. Кн. Горчаков, гр. Панин

---

* что она могла бы меня упрекнуть во многом.

** «в чем именно».

*** что надо открыть дорогу Европе.

**** мы еще до этого не дошли.

***** что с сегодняшнего дня он меня любит.

****** что он объяснит мне все вскоре, почему это было бы некстати.

******* очень разгоряченного.

и гр. Блудов поспорили о некоторых выражениях (в особенности Панин, который чутьем слышит всякое слово, сколько-нибудь направленное к обещанию представительных учреждений), наконец, Корфу, Платонову и мне поручено написать к завтрему два милующих манифеста, один для Царства Польского, другой для западных губерний. Выходя, я сказал Долгорукову, что это бесполезно, но по крайней мере безвредно, и что я дивлюсь Панину, который на аптекарских весах взвешивает слова в то время, когда уже и для дела требуются торговые важни.

30 марта. Корф написал манифест, я написал указ Сенату [216]. Мы были у государя. Наши проекты одобрены. Мы вышли, как будто бы сделав дело. Сомневаюсь, чтобы оно на деле оказалось делом [69].

31 марта. Христос воскресе! День святой Пасхи. Ночью был во дворце, но тотчас после высочайшего выхода вернулся домой, где и слушал обедню.

Утром, т. е. перед обедом, заходил к Тройницкому и к кн. Долгорукову, которого не застал, но потом встретил. Видел гр. Панина. Semper idem *.

Вечером приводил в порядок бумаги. Перелистывал эти заметки. Как взгляды меняются со временем, хотя глаз один и тот же.

1 апреля. Утром у обедни. Заходил к Тройницкому и Муравьеву. У последнего слышал, разумеется, разные толки о современных делах. Избегаю встречи с людьми в настоящее время. Неприятно слышать их мнения. Опровергать их иногда нельзя, иногда неловко, иногда не стоит. Вечером дома.

2 апреля. Погода прекрасная, ходил к Карамзину, которого, конечно, не застал, потому что он в Москве. Я всегда делаю визиты кстати. Вчера был у Паскевича в первый раз после размолвки, причиненной моим ноябрьским письмом. Должно быть, в нем была глубокая правда. Он еще не вышел из-под того впечатления, которое это письмо на него произвело.

Вечером Писемский читал у меня в присутствии Тютчева, Цеэ, Веневитинова, Оболенского, Тройницкого и Гончарова несколько глав из своего политического романа «Взбаломученное море», а Майков читал отрывки из поэмы «Смерть Люция».

Все это время я в раздумьи. Оставаться ли мне министром внутренних дел или просить увольнения. Могу ли далее быть полезен? Могу ли быть полезен и впоследствии, если теперь дам себя идентифицировать с нынешнею системою?

3 апреля. Утром дома за работой. Обедал у Рейтерна с Тен-

---

* Вечно одно и то же.

гоборским. Известия из Польши неутешительны, с Запада еще хуже. Розовое расположение духа кн. Горчакова рассеялось! Уже вчера Будберг дал знать по телеграфу из Парижа, что наша амнистия не произвела напрасно ожидаемого впечатления. Сегодня, по словам Грейга, который был у меня перед отъездом в Варшаву, Горчаков ездил к Краббе, в 17-ю линию, чтобы еще раз осведомиться о возможности защищать Кронштадт и С.-Петербург. Плохой признак. Еще хуже знать, что нас не созывают в Зимний дворец. Это значит, что государь не желает совещания и довольствуется tête-à-tête'ами с кн. Горчаковым и военным министром.

Вечером были Щербатов, гр. Лубенский и Шамшин.

4 апреля. Ходил по Невскому. Скучно встречать людей. Работал. Перед обедом был у меня кн. Долгоруков. Из Казани сведения о готовящихся будто бы около 10-го числа беспорядках. Одним из тамошних студентов, прибывших сюда, сделан донос. Наименованы некоторые лица, действующие будто бы по указаниям центрального революционного комитета, в том числе ротный командир Охотского полка Иваницкий [217]. Дано знать по телеграфу о наблюдении. В Казань командируется флиг.-ад. Нарышкин за неимением налицо более способного.

5 апреля. Доклад у государя. Он сегодня не говорил о Польше. По-видимому, он был или необыкновенно спокоен, или особенно озабочен, так что скрывал это. Я не решился сказать то, что имел в виду высказать. Отложил до следующей пятницы и после сожалел, что отложил.

Вечером на 1/2 часа у гр. Блудова, день его рождения. Поспешил уехать, чтобы не встретиться с Нэпиром и Монтебелло. Вообще избегаю разговоров про нынешние обстоятельства. Кн. Горчакову переданы ноты Англии, Франции и Австрии. О содержании их ничего положительного не знаю.

6 апреля. Утром заседание Главного комитета и Департаментов экономии и законов по делу о башкирах [218]. Ничего нового и в особенности ничего хорошего. Для меня настает критическая минута.

7 апреля. За исключением утренней прогулки, целый день дома. В раздумьи или, точнее, в размышлении о том, что и как мне сделать в будущую пятницу. Ничего не слышу ни из Польши, ни с Запада.

8 апреля. Государственный совет. Дело [о] собственных землях крестьян. Со мною было всего 9 голосов, 35 или 36 против, большею частью под влиянием бессознательной паники или старой досады [219]. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов. Телеграф приносит недобрые вести из Приволжского края и из некоторых внутренних губерний. Революционная пропаганда деятельна [70].

9 апреля. Утром у государя, вследствие сделанного мною и одобренного государем предположения распространить высочайшее повеление о поджигателях 4-го июля 1862 г. на виновных в разбрасывании и раздаче возмутительных воззваний. Поводом к тому были полученные из Приволжского края сведения. Потом совещание по сему предмету с кн. Горчаковым, который находит эту меру неудобною при его дипломатических трудах. Она отсрочена. Комитет министров. Затем заседание Западного комитета.

10 апреля. Утром у государя. Совет по делам польским из тех же лиц, как 29-го марта + Тенгоборский. Государь читал свою программу для Польши. Кн. Горчаков читал полученные ноты и свои ответы. В отношении сущности дела мы не сделали и шага вперед. Вечером Théâtre de bienfaisance et de société *, устроенный княжною Паскевич в зале Мятлева.

11 апреля. Целый день дома за работой. В заседание духовного присутствия я не поехал.

12 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Рад объяснению с государем не совсем в той форме, на которую я готовился, но с тем результатом, которого я мог желать. Я поехал в Зимний дворец с решимостью просить увольнения, указав на минование срока для введения в действие Положения, на исполнение возложенной на меня главной обязанности, на встречаемые мною затруднения в исполнении других обязанностей и т. п. Объяснение завязалось иначе, чем я ожидал, и вышло мягче и глаже. Государь запретил мне, весьма любезно, думать об отставке и разрешил изложить мои соображения по вопросу о призвании в Государственный совет представителей от земства и т. д. Великий шаг, хотя и первый.

Возвратясь, провел целый день в работе над другими делами, в приеме прибывших сюда ген.-губернаторов, губернаторов и т. п., чтобы завтра не отрываться от главной.

13 апреля. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с кн. Долгоруковым и гр. Паленом. Она говорит про подносимые государю императору адресы (московские очень хороши), «que leur donnera-t-on? On n'aime pas pour rien» **. Кн. Долгоруков, который разделяет мои мнения и надеется на успех, отвечал à demi-mots *** и отшучиваясь, что он сам так думает, qu'on n'aimera point pour rien ****. Он мне говорил, что вел. кн. Мария Николаевна знает о возложенной на меня работе или, по крайней мере, о том, что мы оба стараемся убедить государя в необходимости заявления своей решимости по предмету предоставления

* благотворительный театр для избранного общества.
** «что им дадут? Без причины не любят».
*** полусловами.
**** что просто так не полюбят.

выборным членам Совета участия в делах законодательных и государственно-хозяйственных и что она весьма сему сочувствует.

Кроме обеда, целый день за работой. В 12 час. ночи отправил к государю составленную мною записку, которую обещался сегодня представить.

14 апреля. Утром у обедни. Визиты. Получил приказание быть у его величества завтра в 11 час. для совещания по предмету моей записки. Кн. Долгоруков сообщил мне, что, кроме нас, будут гр. Блудов, гр. Панин, бар. Корф, кн. Горчаков, Милютин, Рейтерн и кн. Гагарин. Состав этой коллегии мне мало нравится. Однако кн. Долгоруков говорил мне, que l'empereur est d'accord * [71].

15 апреля. Утром у государя. Я читал свою записку. Прения были довольно живые. Кн. Гагарин, гр. Панин, кн. Горчаков, гр. Блудов, бар. Корф и Рейтерн были против предложенной мною меры. Кн. Долгоруков решительно и твердо в ее пользу. Милютин в ее же пользу, но с тем различием, что я предлагал указ или рескрипт, прямо возлагающий на министра внутренних дел и на председателя Государственного совета обязанность заняться предварительными соображениями и работами, до нее относящимися, а Милютин находил достаточным заявление словесное и притом не тотчас, а со временем. Кн. Горчаков был ниже всякой критики **. Он первый дал отрицательный толчок совещанию, сказав тотчас после прочтения моей записки: «ce qu'on nous propose c'est une constitution et deux chambres» ***. Гр. Панин себе верен, следовательно, в смысле отрицания jusqu'à l'absurdité ****, первый забыв о соборах и Аксакове находил, что всякие выборные не в русских нравах и обычаях; второй ядовито указывал на предстоящие государю и его дому опасности. Кн. Гагарин в патетическом порыве преданности идее самодержавия дошел до того, что он не находил более слов для выражения своих чувств. Он вдруг остановился с поднятыми вверх руками. Рейтерн, к крайнему моему сожалению, говорил как немец, предполагающий, das für die Russen und das Gestrige gut genug sei *****. Бар. Корф, вероятно, сомневавшийся в согласии государя, сухо отвергал мои предположения. Гр. Блудов бесцветно и бессвязно отрицал их своевременность и предлагал вместо того амнистию и для наших заговорщиков. A propos ******

---

* что государь согласен.

** *Далее со слов* он первый дал... *до слов* et deux chambres *вписано на полях.*

*** то, что нам предлагают, это — конституция и две палаты.

**** до абсурда.

***** что для русских хорош и вчерашний день.

****** в отношении.

этого предложение всем показалось сомнительным и оно осталось без последствий. С моей стороны я довольно резко высказал мой взгляд и, между прочим, сказал, что если бы государь поручил гр. Панину или кн. Гагарину привести к нему тех, кто мыслит подобно им, то они не привели бы его величеству десяти человек, между тем как за кн. Долгоруковым и мною пришли бы сотни и тысячи и что я не понимаю противоречия, заключающегося в том, что когда нужны жертвы, преданность, умственный труд или кровь, то мы зрелы и самостоятельны, но когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности, то мы обращаемся в несовершеннолетних и в людей, против которых принимаются дипломатические предосторожности. Государь, ввиду большинства, решил, что теперь ничего не следует делать [220]. Посмотрим, что будет завтра. Потом в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета и Департаментов экономии и законов. Вечером дома. Были Багратион из Твери, Скарятин из Курска, Муравьев из Пскова, Щербатов, Шувалов и Урусов. Государь прислал приказание быть у него завтра в 12 час. Надежда еще есть [72].

16 апреля. Утром у государя. Он говорил о вчерашнем совещании и, признавая вообще правильность моих соображений, однако же сказал, что в настоящее время после того, что он вчера слышал, он решился не делать никакого положительного заявления, потому что к тому не предстоит прямого повода, ибо даже по земско-хозяйственным учреждениям проект не внесен еще в Государственный совет.

Потом Комитет министров и Западный комитет.

Вечером дома. Мне прислан в урочное время орден Белого орла.

17 апреля. Утром во дворце малый выход. После прием разных депутаций. Речь к ним государя в ответ на адресы (насчет подробностей см. газеты) [221]. Впечатление сцены несколько холодное, потому что никто не решился закричать «ура!» И, следовательно, ответа на слова его величества не было. Целый день я получал от государя и прямо от местных начальств и общества телеграфические депеши с выражением всеподданнейших поздравлений и преданности. Прием раскольников, поповцев и беспоповцев, есть политическое событие. Сила вещей взяла свое. Сделав этот шаг, трудно будет не сделать других. После обеда я видел у себя Солдатенкова, которого желал, так сказать, закрепить в известном направлении. Вечером были остзейцы и лорд Нэпир.

18 апреля. Утром дома за работой. Вечером в Лавре заседание духовного присутствия.

19 апреля. Всеподданнейший доклад, потом совещание у государя по польским делам. Вести из Варшавы плохи. Велополь-

ский просил увольнения и, вероятно, не надолго удержан. Архиепископ Фелинский учреждает процессии в противность правилам военного положения и формальному запрещению местного начальства.

В Инфляндских уездах беспорядки [222]. Крестьяне, вследствие появления мятежнической шайки, вооружились, в Динабургском уезде разграбили и сожгли до 20 помещичьих мыз. В Режицком и Люцинском они перевязали нескольких посредников, становых и помещиков и представили их военным начальникам. Гр. Шувалов, туда посланный, смотрит на дело поверхностно и неверно. До сих пор нет опасности распространения какой-нибудь jacquerie. Между тем эта мысль до того обуяла и Шувалова и кн. Долгорукова, что они почти забыли о главном, т. е. о польских шайках. Число бегущих из войск офицеров и из учебных заведений воспитанников из поляков увеличивается [73].

20 апреля. Утром совещание у военного министра с кн. Долгоруковым, министром государственных имуществ и Шуваловым об инфляндских делах. Пред тем парад. После обеда у французского посла. Из разговора с герцогом Монтебелло видно, что он не верит в войну и что если его превосходительство [223] имеет другие виды, то он не посвящен в его тайны.

21 апреля. Утром у обедни. Потом второе совещание у военного министра по инфляндским делам. Остальное время дня за работой.

22 апреля. Утром Государственный совет, потом заседание Главного комитета. С Запада все те же вести.

23 апреля. Утром Комитет министров, потом Западный комитет. Проведены предположения о сельских сторожевых командах и о запрещении отлучаться без ведома для известных классов населения и на известное расстояние [224]. Обедал у Горчакова. Большой дипломатический обед. Ничего замечательного. Для чего даются подобные обеды? Чтобы быть хорошими, они слишком многочисленны. Чтобы быть вежливостью,— тоже, чтобы быть приятными,— тоже.

24 апреля. Государь на охоте, в Лисине. Был на совещании о польских финансовых делах. Ленский, Платонов, Милютин, Рейтерн и я. Результат нуль и не мог не быть нулем, коль скоро к нему был приглашен Ленский, и оно происходило официально. Рейтерн не догадался, что этим путем ничего нельзя сделать. Моя первоначальная мысль искажена. Мне нужно было изыскать средства, налечь крепче на Царство. Ленский, конечно, тому не мог помочь, и официальная гласность, при его участии неизбежная, делала самое изыскивание невозможным.

25 апреля. Утром у государя по поводу новых невзгод в варшавском управлении. Архиепископ Фелинский прямо метит

в Фиалковские, настаивает на процессиях 11, 12 и 13 мая [225], несмотря на военное положение, и говорит, qu'il aime mieux voir dix mille hommes couchés par terre par la mitraille que de céder sur un point quelconque touchant les droits de l'église *. Велопольский, кажется, теряется или уже растерялся. Вел. князь below the mark **. Берг ничем еще не обнаружил пользы своего прибытия. Одним словом, плохо!

По крайней мере, государь сегодня решился проститься с Назимовым. Он послал за М. Н. Муравьевым, который принимает на себя назимовское наследие и потом был у меня, чтобы о том сообщить. Конечно, не без обычных в подобных случаях оговорок. Во всяком случае, похвально, что в подобные времена от подобной ноши он не уклонился. Вечером был на выносе тела недавно умершего римско-католического митрополита Жилинского.

26 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Потом снова совещание у государя по делам польским. Пожар мятежа вспыхивает по приказанию и по заранее задуманному плану в Витебской и Могилевской губерниях. Получено известие о нападении шайки на Горки и о разграблении тамошнего казначейства. Несколько инвалидов зарезано. Местечко зажжено. В других местах шайки. Крестьяне содействуют и хватают мятежников. Был сегодня у Муравьева.

27 апреля. Утром был на похоронах митрополита Жилинского. Не мог дождаться конца, потому что должен был присутствовать в $^{1}/_{2}$ 2-го на обеде, данном в Думе городом роте Литовского полка, прибывшей из Варшавы. Там были государь и великие князья, цесаревич и Николай Николаевич. Потом на 2-часовом совещании у военного министра с Муравьевым, кн. Долгоруковым и Зеленым. Толку мало, но это сговаривание было необходимым.

28 апреля. Утром у обедни. Был у Карамзина. Остальное время дня за работой.

29 апреля. Утром Государственный совет. Потом заседание соединенных департаментов и заседание Главного комитета. Из Могилева тревожные вести. В Приволжском крае распространяется подложный манифест фабрикации Герцена и К° [226].

30 апреля. Утром Комитет министров. Работал. С кн. Горчаковым решительно нельзя знать, в каком положении наши заграничные дела. Отправил вечером к кн. Долгорукову подроб-

---

* что он предпочитает видеть десять тысяч человек, сраженных картечью, чем уступить по какому-либо пункту, затрагивающему права церкви.

** не на высоте.

ное изложение некоторых мыслей о мерах, кои следовало бы принять.

1 мая. Утром доклады по департаментам. Был у меня кн. Долгоруков из Царского. Он мою записку докладывал государю. Завтра мы должны совещаться у военного министра. Вечером государь был верхом на гулянье в Екатерингофе. Кн. Долгоруков, его сопровождавший, мне писал, что народ принимал его с энтузиазмом.

2 мая. Утром Западный комитет. М. Н. Муравьев присутствовал. Все его старые замашки налицо. Вечером заседание духовного присутствия. Проведены кое-как правила о церковных попечительствах. На днях был у меня архиепископ Платон. Он говорит о смешанных браках и о раскольниках, как и сам. Не без удивления я его слушал, потому что хотя и предполагал нечто в этом направлении, но не так далеко. Я сказал ему, что желал бы видеть его митрополитом. Недаром. Он намекнул на возможность разделения митрополий С.-Петербургской и Новгородской.

3 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом прием депутаций. Императрица нездорова. Ее состояние внушает немалые опасения. С Запада и из Польши ничего замечательного. В западных губерниях разбита главная ковенская шайка [227]. Взят, между прочим, ее предводитель, генерального штаба капитан Сераковский под именем «Доленги». Он недавно уехал из Петербурга как бы в отпуск. Замечательно, что едва успели получить о том известие, как лорд Нэпир обратился с письменным частным за него ходатайством к военному министру.

4 мая. Утром работал. Заходил к Муравьеву. Он занят кроением себе наместничества из генерал-губернаторства. Обедал у Карамзина.

5 мая. Обычная прогулка в Казанский собор. Не легко мне. Впрочем, давно так.

В Могилевской губернии вспышка восстания, как доносит губернатор, подавлена.

6 мая. Утром сын Александр уехал в Киев курьером. Оттуда в батальон стрелкового № 8. Да благословит его бог.

Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Потом особое совещание с кн. Долгоруковым, Милютиным, Зеленым и Муравьевым по западным делам. Муравьев был в высшей степени неприличен и нахален. Полагая себя необходимым, он пользуется этим, чтобы заявлять самые неуместные притязания и позволять себе самые неуместные выходки. Основываясь на каких-то рассказах майора Павлова, присланного к нему Назимовым, он теперь распускает слух, что все затруднения в литовском крае происходят от распоряжения Министерства внутренних дел, которое будто бы стесняло энергию ген.-ад.

Назимова! Гр. Шувалов (Петр Андреевич) с своей стороны исподтишка пособляет.

Я написал государю, что если ему угодно оставить на мне звание министра внутренних дел, то надлежит положить предел неуместным проделкам ген. Муравьева.

7 мая. Комитет министров. Потом краткое заседание Западного комитета. Государь, возвращая мое письмо, отметил на нем, что он имел с ген. Муравьевым весьма серьезный разговор и надеется, что оный на него подействует.

8 мая. Работал дома. Ген. Зеленый заезжал ко мне и говорил, что при докладе его в Царском государь объяснялся с ним насчет вчерашнего разговора с ген. Муравьевым и говорил ему, что он, государь, вышел совершенно из себя и просит его, Зеленого, и нас всех просит, чтобы уладить все ввиду нынешних затруднений, призывая на помощь наши патриотические чувства. Не в них у меня недостаток. Вечером были Грейг, из перемены лица коего я видел, когда мельком сказал ему о рассказах Муравьева, что он знает о рассказах своего друга Шувалова, и гр. Лубенский, который, между прочим, спросил меня, нельзя ли à certaines conditions * высшим сословиям в Юго-Западном крае употребить свое влияние для остановления мятежа. Я отвечал в осторожных выражениях, что всякое заявление (démonstration, acte de présence) ** партии закона и порядка может быть полезным, но что об «условиях» не может быть и речи.

9 мая. Утром у кн. Горчакова. Рассуждения по вопросу о папском нунции. Папа написал письмо к государю, в котором изложил старые griefs à propos de Pologne ***. В ответ ему вновь предлагают прислать нунция, чтобы лучше осведомиться о том, что у нас делается. Вечером заезжал к Муравьеву по его просьбе. Он поворотил на более правильную дорогу. Мы расстались хорошо.

10 мая. Утром всеподданнейший доклад. Потом совещание у государя с военным министром, кн. Долгоруковым, Муравьевым и Зеленым. Государь был жесток с Муравьевым. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с Горчаковым, Оболенским и Шестаковым.

11 мая. Утром работал. Был у Муравьева для прощанья. Обедал в Английском клубе. Вечером переехал на дачу.

12 мая. Утром у обедни. Потом разные посетители. Работал. Турунов надоедает мне рассказами об интригах кружка Государственной канцелярии, который на мое место прочит Грота.

13 мая. Утром Государственный совет. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов. Вечером на даче.

---

* на некоторых условиях.

** демонстрация, присутствие.

*** жалобы в отношении Польши.

14 мая. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Целый день за работой. Все усилия устроить сильную и согласную администрацию тщетны.

15 мая. Целый день на даче. Доклад. Разные посетители. Вечером Замятнин, Мещерский, Тройницкий, гр. Толстой и Соловьев. Гр. Толстой прощался. Много грубого эгоизма и немало неблагодарности при некоторой теплоте чувств и немалом добродушии. Сочетание этих свойств у нас не редкость.

16 мая. Утром у обедни. В 4 часа в городе у военного министра для совещания с кн. Долгоруковым и министром государственных имуществ. Результатов мало. Вечером за работой.

17 мая. Утром всеподданнейший доклад в городе. Решено командировать на Волгу ген.-ад. Огарева, а в Казань, Пермь и Вятку на правах временного ген.-губернатора — ген.-ад. Тимашева. В Казани учредить особую следственную комиссию под председательством тайн. сов. Жданова. Ввиду панического страха от поляков, занимающих разные должности, обнаружившегося в Смоленске, Москве, и других местах, предположено удалить или удалять их по крайней мере из состава полиции, почтовых управлений и управления железных дорог. Предположено дать особые секретные инструкции губернским начальством насчет лиц, подозрительных в отношении к нынешней революционной порпаганде, в особенности в Западном крае. Получше всего этого то, что государь согласился допустить в департамент Государственного совета при обсуждении проекта о земских учреждениях губернских предводителей с.-петербургского, московского, новгородского и псковского и городских голов с.-петербургского и московского; затем отделить председательство в Комитете министров от председательства в Государственном совете, затем по отъезде гр. Блудова и в Комитет министров назначить председателем, хотя бы временно, кн. Долгорукова; наконец, дать постоянное место в Государственном совете и Комитете министров об.-прокурору Святейшего синода. Всего этого я давно добивался. Государь был вообще очень любезен ко мне и два раза повторил, что ценит мой труд и мою ревность, присовокупляя: «Ce ne sont pas des phrases, que je vous dis» *.

Вечером дома. Холодно. Май в календаре, на дворе октябрь.

18 мая. Утром в городе. Прием. Заседание в Департаменте законов по делу о прибалтийских паспортах [228]. Бар. Корф, как всегда, без всякой стойкости. Вечером были лорд и леди Нэпир. Не разгадаешь, предвидит ли он или не предвидит войну. Но пахнет не миром.

19 мая. Троицын день. Дождь и холод. Был у обедни. Целый день дома. Работал. Вечером были кн. Долгоруков и Огарев. Долгоруков доволен мыслью о председательстве; но уже нахо-

---

* то, что я вам говорю, не слова.

дит председательство несовместимым с отдельным «ministère» *, что не соответствует моей мысли, потому что мне кажется нужным именно такой председатель, который участвовал бы, как начальник отдельной части, в ежедневном движении администрации и находился бы в соприкосновении с другими ведомствами постоянно, а не раз в неделю по вторникам на 2 или на 3 часа. Кн. Горчакова я давно не вижу, но слышу, что он считает войну возможною к августу.

20 мая. Утром были Безак и Милютин. Последний неутешителен и неуспокоителен. Он слышал от Горчакова сегодня, что война ожидается уже в июле или даже июне. Приготовления западных держав будто бы делаются на 15-ое июня.

21 мая. Утром у вел. кн. Елены Павловны. Потом в Комитете министров и в Западном комитете. Вечером дома за работой.

22 мая. Целый день на даче. Разные доклады. Получил от кн. Долгорукова извещение, что по вопросу о порядке рассмотрения проекта о земско-хозяйственных учреждениях государь назначает в своем присутствии особое совещание в будущую субботу. Блудов и Гагарин успели переработать дело и возбудить разные сомнения.

23 мая. Целый день на даче. Работал. Вчера вечером был Фирс Голицын (т. е. Сергий), которого я не видал, кажется, с 1844 года. Все тот же. Говорил без умолку и не дал ни слова сказать Александру Трубецкому, который охотник пустозвонить и в этом упражнении преуспевает более и более.

24 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь сам сказал мне о предстоящем совещании. Я ограничился тем, что скажу свое мнение вместе с прочими. Я нарочно не хотел входить в разговор, потому что его величество некоторым образом s'était déjugé ** и отменял или допускал возможность отменить данное мне разрешение. На завтра назначен еще другой предмет совещания. А именно вопрос о московской городской страже. Третьего дня прибыл сюда московский городской голова кн. Щербатов с приговором Московской городской думы и одобрительным отзывом ген.-губернатора, который в деле подобной важности не счел нужным предварительно осведомиться о взгляде на оный высшего правительства. Здесь мысль об обывательском вооружении возбудила различные толкования и толки. Одни видят в нем национальную гвардию, другие прямой и полезный порыв патриотизма. Я тогда же отправил кн. Щербатова в Царское Село к Долгорукову, которого прием, говорят, обдал его холодом. С моей стороны я не очень сочувствую этому делу, но в настоящем его положении после обсуждения в Думе

---

* министерством.
** изменил свое мнение.

и формального представления ген.-губернатора считаю отказ невозможным. Так и докладывал о том сегодня государю. Сегодня же подписан указ об увольнении Цеэ, который давно мне сделался несносным по недостатку уменья, ума и в особенности прямодушия и правдивости. Он пропустил в печать неслыханную статью в журнале «Время» [229] под наименованием «Роковой вопрос» [230] и пытался мне доказать, что статья хороша. Журнал запрещается. Он имел вообще вредное направление.

25 мая. Утром в городе. Прием просителей. Потом совещание у государя. Очевидно, le tout était un coup monté *. Были кн. Гагарин, гр. Блудов, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, бар. Корф, гр. Панин, Милютин, Рейтерн, Зеленый, я и кн. Суворов по делу о городской страже, потому что и здесь возникла подобная мысль, но в другой форме, а именно в форме стрелков-охотников. По делу стражи гр. Панин и кн. Гагарин были против, кн. Долгоруков выражал сомнение и высказывал предостережения. Гр. Блудов, кн. Горчаков, кн. Суворов, Милютин и я были в пользу дела. Государь с нами согласился. По делу о земско-хозяйственных учреждениях гр. Блудов, кн. Гагарин и бар. Корф выступали против меня, гр. Панин был в пользу немедленного рассмотрения. Кн. Долгоруков и кн. Горчаков тоже. Рейтерн и Милютин молчали. Дело осталось на том, что рассмотрение будет происходить безотлагательно и что «эксперты» будут приглашены, но только от Департамента, по ст. 12 учреждения [231], а не по высочайшему повелению. «Cela valait la peine de monter une intrigue pour finir par cela» **,— сказал мне, выходя, Рейтерн. Кн. Долгоруков упрекал меня также по выходе из кабинета государя в том, что я говорю mit Stichen ***, потому что, действительно, я не берег Корфа. Прав ли он? Что лучше? Быть смирным или скалить зубы? Меня не любят и любить не могут. Я им мешаю. Добром их не задобрить. Быть может, лучше не спускать ничего.

26 мая. Целый день на даче.

27 мая. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Получено известие, что гр. Платер расстрелян в Динабурге. Из Царства ничего нового. Вопрос о мире и войне в прежнем положении. Вечером был кн. Щербатов. Он доволен приемом государя. Il est plein de son rôle et difficile à manier. Il n'y a plus d'enfants ****.

28 мая. Комитет министров утром. Получил длинное письмо от ген. Муравьева. Он распоряжается диктатором, но распоряжается.

---

* все было подстроено.

** стоило затевать интригу, чтобы прийти к этому.

*** с насмешками.

**** Он весь в своей роли, не поддается влиянию. Мы уже не дети.

29 мая. Целый день на даче. Замечательных новостей у меня нет. Вчера лорд Нэпир уверял, что и он нового не знает. Сегодня был, между прочим, кн. Оболенский. Он слышал от вел. кн. Елены Павловны, что гр. Берг и вел. кн. Александра Иосифовна жалуются на то, будто бы кн. Горчаков, Милютин и я интригуем против вел. князя. Плохой признак, когда при подобных обстоятельствах и действиях нападают на других и притом на своих же.

30 мая. Целый день на даче. Работал. Из Варшавы получено известие, что из тамошнего главного казначейства украли $3^1/_2$ мил. рублей. Все это пошло или пойдет в пользу восстания.

31 мая. Утром в Царском. Доклад. Потом был на несколько минут у императрицы. Ей лучше. Говорят, что она поедет в Крым по железной дороге, между тем как уже приготовлялись ее везти по каналам до Волги. Из Варшавы плохие вести. Высочайше повелено доставить сюда Фелинского за обнародование его письма к государю [232]. Надолго ли? Я сказал государю, что во всяком случае нельзя оставлять его в Петербурге.

1 июня. Утром в городе. Из Вильно доходят известия, показывающие, что управление М. Н. Муравьева начинает уже приносить плоды. Говорят, будто составилась партия, готовящаяся к изъявлению покорности.

2 июня. Утром у обедни. Работал почти целый день. Тяжело и грустно, потому что, кроме наших дел, есть и другие тяжкие заботы.

3 июня. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета и Департамента экономии. Кн. Горчаков подвергается, по-видимому, разжижению мозга от излишка прилива тщеславия. Я на него смотрел во время заседания Совета. Невероятно.

4 июня. Утром заседание Комитета министров. Потом Западный комитет. Вечером были гр. Кутузов, кн. Щербатов и еще кое-кто.— Je suis décidément misanthrope. Je n'en puis plus de mes semblables, quand ils ne sont pas de la maison *.

5 июня. На даче.

6 июня. В Царском Селе. Совет министров. Вопрос о предварительном контроле. Прискорбные впечатления. Кн. Гагарин, Бутков, Татаринов крайне недобросовестны. Пользуясь тем, что государь не может в подробности изучать подобных вопросов, и пользуясь, кроме того, обычаем высочайших резолюций на представляемых его величеству записках, кн. Гагарин представил совокупное и единодушное мнение всех министров по настоящему делу как уклонение от высочайшей воли, когда-то и

---

* Я решительно мизантроп. Я не выношу мне подобных, если они не члены моей семьи.

где-то выраженной словами: «исполнить по отметкам» и «справедливо». На этом плохом Kunstgriff'е * чуть-чуть не разбились все дела. Понятия о предварительном контроле вообще и о нем чрез чиновников государственного контроля умышленно перемешаны и остались перемешанными. Однако удалось, по крайней мере на время, задержать исполнение претензий г. Татаринова. Несносно заниматься делом при подобных условиях. Вернулся на дачу в 7-м часу.

7 июня. Утром в Царском. Доклад. Положение дел в Царстве нестерпимо. Вел. князь явно в руках предателей или под влиянием страха за свою особу, или, что еще было бы хуже, под влиянием расчетов на возможность отделения Польши под его скипетр. Вечером на даче. В Царском заходил ко мне гр. Петр Шувалов, отправляющийся по обычаю снова за границу, en partie pour revoir sa belle, la c-sse Orloff **. Частью же, чтобы выжидать каких-нибудь новых для себя шансов. Ему предлагали, по желанию вел. кн. Константина Николаевича, принять на себя жандармское управление в Царстве. Он, конечно, уклонился.

8 июня. Целый день на даче. Доклады. Работал. Устраивается перемена редакции «Северной почты».

9 июня. Утром у обедни. Работал. Обедал у гр. Пален.

10 июня. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Пустые толки о форме будущего совещания по делу о земских учреждениях в Государственном совете. Кн. Суворов сделал сцену Рейтерну за то, что сей последний не дал какого-то места его свояку Иванову.

11 июня. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

12 июня. Утром в Зимнем дворце. Совещание по вопросу об архиепископе Фелинском. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, военный министр, Платонов и я. Решено пока оставить его в Гатчино. Из Вильно получено сведение, что Муравьев выслал в Вятку епископа Красинского.

13 июня. Целый день на даче. Вечером были у меня Щербатов и кн. А. Васильчиков, которого я не видал со времени смерти его жены. Вчера я встретился в Зимнем дворце с его братом кн. Виктором, приехавшим pour se mettre à la disposition de s. m. ***

Странные вещи рассказывал мне вчера Милютин про вел. кн. Константина Николаевича. Он переводит тайно значительные суммы за границу. Он для сего употребляет лично состоящих

---

* уловке, хитрости.

** отчасти, чтобы повидать свою красавицу, гр Орлову.

*** чтобы поступить в распоряжение его величества.

при нем фельдъегерей, определенных из морского ведомства. Между тем на довольно жесткое письмо государя он отвечал благодарностью, усматривая в нем знак дружбы, а вел. княгиня пишет императрице, qu'il vaut mieux faire revenir leurs cadavres que les rappeler de Varsovie *, а вел. кн. Елене Павловне. что ей следовало бы приехать в Варшаву, чтобы убедиться в несправедливости всех нареканий на вел. князя и т. п. После обеда 11-го числа вел. кн. Елена Павловна читала мне полученное ею письмо. Оно преисполнено жалобы на всех и на все, но не указывает никакого выхода из затруднений [74].

13 июня **. Целый день на даче. Ноты иностранных держав получены и будут переданы послезавтра кн. Горчакову. Между тем в Париже произошла частная перемена Министерства, без известной к тому причины и без сведений о направлении новых министров.

14 июня. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом был у императрицы на $1/4$ часа. Торопился вернуться с $2^1/4$ час. поездом. Важных известий ниоткуда нет, но как-то пахнет гарью. Без войны не обойтись. Быть может, она к лучшему. Все натянуто, и внешние и внутренние отношения. Императрица собирается в путь 3-го числа будущего месяца на юг, как будто войны в Черном море не могло быть. Вел. кн. цесаревич уехал 11-го числа.

15 июня. Утром в городе. Получено известие о неблагоприятном деле близ Шавель или в Шавельском уезде, где пострадали 4 роты л.-гв. 1-го Стрелкового батальона и Елецкого полка [233]. Я депеши не видал, но мне передал содержание оной гр. Келлер. Ковенская губерния вообще в самом неудовлетворительном положении. Иностранные ноты сегодня переданы кн. Горчакову. Содержание их я в точности еще не знаю [234].

16 июня. Утром у обедни, кн. Долгоруков пишет, что ночью на сие число, в 3-м часу утра, загорелся верхний этаж Царскосельского дворца. Причина пожара еще не открыта. Сгорели частью комнаты, прилегающие к церкви, и ее куполы. Он же пишет: «entre nous, si le p-ce Gortschakoff garantit notre dignité, il sera bien habile d'éviter une rupture» ***. Давно так думаю. Я даже утомился этою мыслью, постоянно меня преследующею. Кажется, как будто уже лучше было бы дойти до разрыва. По крайней мере, положение станет определительнее.

17 июня. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Пожар в Царском произошел от беспоря-

---

* что пусть лучше нам вернут их трупы, чем мы отзовем их из Варшавы.

** *Так в тексте. На полях против даты* «13 июня» *написано в скобках:* кверху.

*** между нами говоря, если кн. Горчаков гарантирует сохранение нашего достоинства, то ему будет очень трудно избежать разрыва.

дочности прислуги. Убытки значительные по беспорядочности местной пожарной части. Трубы не годились. Пожар остановлен посланными отсюда средствами. У нас всегда так. 150 тыс. убытку, потому что в свое время не издержано 3 или 5 тыс. на устройство подлежащей части.

18 июня. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета. Важных известий ниоткуда нет. Милютин сегодня решился передать кн. Долгорукову известия о поручениях, возлагаемых вел. кн. Константином Николаевичем на своих фельдъегерей. Кн. Долгоруков поморщился. Посмотрим, что будет, когда он переварит, а варит он медленно.

19 июня. Собирался ехать в Кронштадт осматривать укрепления. Но буря заставила на сей раз отложить поездку. Целый день на даче. Вечером приехал ко мне лорд Нэпир с письмом от кн. Горчакова. Лорд Нэпир полемизирует, как говорит, с своим правительством насчет разглашаемых нашими клеветниками обвинений, он опровергает разные толки о жестокости наших начальников и солдат. На сей раз он поднялся по случаю телеграмма от гр. Росселя о предстоящей будто бы в Вильно казни гр. Старжинского [235]. Он писал к кн. Горчакову: «mon prince, aidez vos amis» *. С письмом от него г. Ломлей отправился в Царское. Кн. Горчаков отослал письмо ко мне via Lumley et Napier **. Я ничего не знаю о настоящем положении дела Старжинского.

В продолжительном разговоре с Нэпиром я мог ясно усмотреть, что и он и Монтебелло действуют в пользу мира, последний по естественному к тому влечению, первый в особенности по желанию противодействовать наполеоновской политике. Лорд Нэпир сказал мне, между прочим, что он писал лорду Росселю, что если английский кабинет не решается на войну, то следовало бы это высказать, чтобы не вовлекать в погибель напрасною надеждою на помощь извне множества «enthusiastic men». Россель отвечал частным письмом, что не может этого сделать, потому что не хочет себя обезоруживать, и что Россия не сделает уступок, если не будет опасаться войны. Далее лорд Нэпир сказал, что «Times» начинает поворачивать к миру, и что поворот не мог быть слишком быстр, но непременно совершится. Писал обо всем к кн. Долгорукову.

20 июня. Целый день на даче. Вечером был Монтебелло, который сидел у меня до 2-го часа ночи, с ним также продолжительный разговор о польских делах. Между прочим, он сказал мне, что писал в Париж, «que l'histoire, en prononçant un jugement impartial sur ce qui se passe, devra plutôt accuser le gouver-

---

* князь, помогите вашим друзьям.
** через Ломлея и Нэпира.

nement russe de faiblesse que d'un excès de rigueur» *. Верно, но что сказал бы он, если бы знал то, что я знаю о нашем управлении в Царстве?

Фелинский представил по требованию государя письменную profession de foi **, вследствие коей, как и ожидалось, решено его отправить в Ярославль [236].

21 июня. Утром доклад в Царском Селе. Государь был озабочен. Отъезд императрицы назначен па 3-е июля. Государь передал мне для прочтения письмо Фелинского. Любопытный документ, особливо при сравнении с проектом пастырского послания, составленным им до отъезда в Варшаву. Из Царства Польского вести со дня на день хуже. Действия вел. князя необъяснимы. Леса по линии железных дорог не вырубаются, а между тем революционное правление объявило чинам управления железных дорог и телеграфов, что оно запрещает дальнейшее движение и передачу депеш. Сведение о том получено здесь по почте вчера г. Алкье и передано мне гр. Барановым. Но Кербедз, Берг и вел. князь молчат. Между тем его высочество выслал сюда с жандармами действ. ст. сов. Пономарева, русского старожила в Польше, за грубый отказ в принятии возлагаемых на него поручений. Но Пономарев, которого я, впрочем, не знаю и не видал, объясняет свои действия иначе.

Видел в Царском следы пожара. Куполы на дворцовой церкви исчезли. Впрочем, дворец пострадал мало.

Из Царского заезжал к кн. Долгорукову, потом к В. И. Анненковой, которая хлопочет об том, чтобы мужу дали голубую ленту, а сыну вензелевый аксельбант [236а]; потом к госпоже Гернгрос à propos d'ennuyeux commérages *** [236б].

На днях умер в Париже М. В. Пашков. На его место назначается директором Департамента внешней торговли кн. Оболенский.

22 июня. Целый день на даче. Кн. Долгоруков, которого по особенностям моих отношений к ген. Муравьеву и его характера, я просил написать в Вильно о Старжинском и который тогда в этом отказал, сегодня получил высочайшее повеление телеграфировать о том к ген. Муравьеву. Я писал к нему еще третьего дня. Надеюсь, что то и другое не сделано слишком поздно.

23 июня. Утром у обедни. Ездил на Каменный остров к бар. Штиглицу и был за Невкой у гр-ни Пален и г-жи Родоконаки. Вечером дома.

---

* что история, вынося беспристрастный приговор всему происходящему, должна скорее обвинять русское правительство в слабости, чем в чрезмерной суровости.

** изложение своих взглядов.

*** по поводу скучных сплетен.

24 июня. Утром полузаседание Государственного совета для подписания журналов. Потом заседание соединенного присутствия по делу о земских учреждениях. Эти господа по-прежнему наиболее озабочены тем, как будут они рассуждать при посторонних, т. е. при тех губернских предводителях и головах, которых решено пригласить к совещательному участию. (Пред тем, вместо завтрашнего дня, краткое заседание Комитета министров).

25 июня. Сегодня в Зимнем дворце, в $12^1/_2$ час. пополудни собран был особый тесный совет для обсуждения проектов ответных депеш кн. Горчакова на депеши, или т. н. ноты трех держав. Были в личном присутствии его величество, кн. Гагарин, вел. кн. Николай Николаевич, кн. Долгоруков, гр. Адлерберг, гр. Панин, бар. Корф, кн. Горчаков, Милютин, Рейтерн, Краббе, Платонов и я. Сперва читали три ноты, потом обсуживали вопрос о том, что делать и что отвечать, потом читали ответы. Не знаю, почему третье не было вторым, а второе третьим. В пользу решительного отклонения всех предложений, не соответствующих достоинству России, были кн. Гагарин, гр. Адлерберг, кн. Долгоруков, бар. Корф, вел. кн. Николай Николаевич и я. При этом заявлена была (гр. Адлербергом и кн. Долгоруковым) мысль стараться отвлечь Австрию от западных держав и, вместо conférences sur la base des six points *, предложить une conférence entre les trois puissances limitrophes **, т. е. Россией, Австрией и Пруссией. Кн. Горчаков молчал. Милютин, Краббе, Рейтерн, гр. Панин и Платонов говорили с гораздо меньшею решимостью и преимущественно указывали на необходимость стараться продолжать переговоры и избегнуть войны. После того кн. Горчаков прочитал свои депеши, которые оказались вообще в нашем смысле. Оказалось таким образом, что и государь разделял наше мнение, ибо Горчаков сказал, qu'il avait suivi les ordres de s. m. *** Редакция депеш так удовлетворила меньшинство, что и оно более не возражало. Alea jacta est ****.

Перед заседанием был в Министерстве. Вечером, как всегда, дома.

26 июня. Целый день на даче. Работал. Отъезд ее величества отложен под предлогом продолжения лечения, но собственно, чтобы выждать, будет ли война или нет.

27 июня. На даче. Работал. Заезжал утром к Монтебелло, но его не застал. Жена была целый день в Царском, а я не выходил на улицу после обеда и не зажигал ламп на уличной стороне, чтобы избавиться [от] посетителей.

---

* конференций на основе шести пунктов.

** конференцию трех граничащих между собой держав.

*** что он выполнял приказания его величества.

**** Жребий брошен.

28 июня. Утром в Царском Селе. Доклады. Важных известий нет. Кн. Суворов, сильно кричавший на Муравьева, перестал кричать и его хвалит, вследствие записки, поданной ему полк. Лебедевым, возвратившимся из Вильно, и вследствие некоторых любезностей, сказанных Лебедевым от имени Муравьева. Муравьев будто бы просит Суворова доложить государю о том, что ему передаст Лебедев. Характеристично, но истинно. Сам кн. Суворов говорит, что Муравьев прислал или надел ему намордник. На обратном пути заезжал к кн. Долгорукову. Вечером был у меня Нарышкин, только что вернувшийся из Казани и Пензы.

29 июня. Утром у обедни. Работал. Погода прекраснейшая. Шидловский сегодня уехал за границу. В «Северной почте» сегодня напечатана последняя из 5-ти статей, помещенных в ней по моему распоряжению и отчасти из-под моего пера, о земских учреждениях.

30 июня. Утром у обедни. Вечером на гонке судов речного яхт-клуба. Был у нас вечером старый товарищ и приятель мой Крузенштерн, на два дня приехавший сюда из Эстляндии.

1 июля. Утром в городе. Первое заседание Особого присутствия в Государственном совете по делу о земских учреждениях. Нельзя сказать, чтобы оно было блистательно. У большинства членов нет не только установившейся системы, но даже и приблизительно полного понятия о предмете суждений. Председатель не очень благоволит ко мне, а следовательно, и к проекту. Бахтин идет в свойственном ему радикальном направлении далее проекта. Гр. Адлерберг и Толстой видят в нем преимущественно удила и почту [237]. Милютин наиболее озабочен демократическою нивелировкою представительства. Даже Рейтерн видит только частности, а не целый строй дела, а кн. Долгорукову оно представляется sous la forme d'une nébuleuse que son télescope ne parvient pas à résoudre *. Кн. Григ. Щербатов, обуреваемый сильнейшим самолюбием и томимый обратившимся во внутрь честолюбием, пытался ораторствовать, но не слишком удачно. Бар. Корф, как всегда,— маятник между крайними, проходящий через средину, но никогда на ней не останавливающийся. Прочие члены эксперты — кн. Ал. Щербатов, кн. Гагарин и Погребов — весьма бледны [75]. Вечером по обычаю за работой.

2 июля. Утром Комитет министров. Потом заседание Главного комитета. Написал вчера и сегодня передовую статью для «Северной почты» о польском вопросе [238]. Из Вильно получено известие об оставлении гр. Бобринским места в Гродне и о предварительно уже сделанном ген. Муравьевым назначении туда ген. Веселитского. Бобринский при всем благородстве

* в форме туманного пятна, которое в телескоп ему не удается разглядеть.

характера новичок и белоручка. Муравьев при всем уме и знании — татарин. Оба погорячились и забыли, что от этого терпит и страдает общее дело. Кн. Долгоруков говорил мне, что на случай войны решено не оставлять вел. кн. в Царстве. Государь возвратил ему мою записку, в которой об этом упоминалось.

Унковский вызван из Ярославля для принятия начальства над эскадрою, которую предполагается послать в Атлантический океан для корсарного крейсерства на случай войны [76].

3 июля. Утром в Царском Селе совещание по вопросу о том, где и как быть посвящению нареченных для Царства Польского епископов гр. Лубинского и Попеля. Тенгоборский писал из Варшавы, что там нельзя, что в Петербурге неудобно и потому было бы всего лучше избрать Рим. Накануне спрашивали нашего мнения письменно. Я отвечал, что в настоящее время считаю все это второстепенным, что дело в разрешении польского вопроса силою, что если разрешение будет в нашу пользу, то к нам вернутся все нынешние предатели и изменники, а если не в нашу пользу, то отвернутся окончательно и полуизменники и полупредатели, и что затем я не вижу особого неудобства и в посвящении в Риме. Были кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Платонов и я. Решено дать знать, что посвящению быть в Варшаве, а если там не состоится за неприездом ассистентов из губерний,— в Петербурге.

Утомился от большого обеда в Царском в честь л.-грен. полка [239] и вернулся на дачу. Вечером был лорд Нэпир за разными справками. Он усердно работает в пользу мира.

4 июля. Утром второе заседание присутствия по земско-хозяйственным учреждениям. Туго, тяжело, тупо, невежественно, но нечего делать. Надо вытерпеть. Кн. Гагарин выходит из себя по поводу статей в «Северной почте» о земских учреждениях [240]. Он жаловался кн. Долгорукову, усовещевал меня и т. п. Он постичь не может, как решился я говорить в официальном органе о предмете, рассматриваемом в Государственном совете. Я не знаю, где искать те аргументы, которые для этих господ пригодны. И здесь, видно, нужно терпение. Вечером дома.

5 июля. Утром в Царском. Всеподданнейший доклад. Государь читал мне свое письмо к вел. кн. Константину Николаевичу по поводу денег, присылаемых с фельдъегерями (см. выше) * и некоторых других предметов. Доклад начался очень поздно. Я спешил, чтобы поспеть на $2^1/_4$ часовой поезд и, видно, руководим был судьбой. Возвращаясь в одном вагоне с бывшими в Царском герц. Монтебелло, которому вице-канцлер сообщил свой ответ на ноту французского правительства, и гр. Редерном, который был там для прощания, я услышал от

* *См. стр. 228—229.*

Редерна, что дела принимают самый неблагоприятный оборот, что Montebello extrêmement monté *, ибо кн. Горчаков по-видимому толкует наше предложение d'une conférence à trois ** в смысле окончательного устранения Франции и Англии от дальнейшего участия в деле. Редерн весьма встревожен. Он мне говорил: «Vous savez que nous sommes vos amis; je vous parle en ami; voyez s'il n'y a pas moyen d'expliquer les choses autrement» ***. Меня изумило это сообщение. Я никогда не предполагал, чтобы после conférence à trois и не допуская conférence à huit **** (трактат 1815 г.) [241] можно было избегнуть дальнейших соглашений с двумя великими западными державами, с которыми их продолжали несколько месяцев сряду. Очевидно, что в попытке к тому заключалось бы оскорбление, которого не могли бы перенести ни Англия, ни Франция. Редерн потом обратился к Монтебелло и разговор продолжался à trois в присутствии сидевших рядом Милютина и Рейтерна. Мое положение было весьма затруднительно. Я осторожно старался успокоить раздражение Монтебелло, говоря, что сколько я помнил, таков не был смысл наших ответных нот, что сношения с Англией и Францией были как бы sous entendus ***** и что далее мне казалось, будто на то есть прямое указание в нотах. Монтебелло сказал: mais que le p-ce Gortschakoff me dise donc ce que vous me dites! Je l'ai bien mis en demeure de le faire et il ne l'a pas fait; il m'a dit que je pouvais mettre cette idée en avant comme une idée à moi! ******

Возвратясь в город, я заехал к кн. Долгорукову и, сообщив ему о моем разговоре в вагоне, прибавил, что я напишу о том Горчакову. Кн. Долгоруков со свойственной ему флегмою и медлительностью соображений сказал, что он понимал дело так, как Горчаков, и косвенно дал мне совет не подвергаться упрекам вследствие вмешательства в чужие дела. Я возразил, что если бы дело следовало так понимать, то нельзя было бы говорить об открытии дверей к миролюбивой развязке, и государь не мог бы сказать мне еще сегодня при докладе, que le vent qui souffle semble tourner à la paix *******. Воевать мы должны за существо дела, а не за форму, нами самими придуманную, и мо-

---

* Монтебелло чрезвычайно взвинчен.

** о конференции трех.

*** Вы знаете, что мы ваши друзья, я разговариваю с вами как друг. Посмотрите, нет ли возможности подойти к вопросу иначе.

**** конференции восьми.

***** подразумеваемыми.

****** но пусть кн. Горчаков скажет мне то же, что вы говорите! Я его поставил перед необходимостью это сделать, и он этого не сделал; он мне сказал, что я могу выдвинуть эту мысль, как мое собственное мнение.

******* что ветер начинает дуть в сторону мира.

жем принять войну, но не должны ее вызывать. Впрочем, присовокупил я, тут нет вовсе с моей стороны вмешательства, и я ограничусь осторожною передачею кн. Горчакову того, что случилось.

Вечером я заезжал к Рейтерну и Милютину, чтобы поверить свои собственные воспоминания и спросить их, не было ли мною сказано в вагоне какое-нибудь неосторожное слово. Они подтвердили, что нет. В 11 час. приехал лорд Нэпир от Монтебелло с письмом от него и просьбою от обоих тотчас переслать оное в Царское к кн. Горчакову. Нэпир был еще гораздо более «monté» *, чем Монтебелло. Он сказал мне: «mais c'est une rupture» **. Я уклонился от всяких объяснений, говоря, что дело n'est pas de ma province ***, но принял на себя доставление письма и отправил его с нарочным. Из слов Нэпира я между прочим заключил, что он имеет высокое мнение о значении, достоинстве и силе Франции. Он раза два восклицает: mais la France!.. mais faire cela à l'égard de la France ****.

6 июля. Заезжал утром к кн. Гагарину и кн. Кочубей. Не застал ни того, ни другой. От Елагинской пристани шел пешком до Каменноостровского моста. Нельзя не признаться, что острова очень хороши. Луч солнца сверху, луч любви или веселия на душе, возможность беззаботно предаться этим чувствам — и острова восхитительны. Без этих условий они — красивая декорация. Взглянешь, чувствуешь, что при этой обстановке и содержание жизни могло бы быть ярче, потом пройдешь мимо и поглощаешься снова содержанием, как оно есть. Из полученных от Милютина и кн. Долгорукова записок вижу, что Горчаков испрашивал повеления государя и получал будто бы разрешение успокоить послов. Невероятно, непостижимо! Как мог вице-канцлер в подобном деле не предусмотреть случившегося и быть поставлен в надобность испрашивать внезапно и торопливо высочайшую волю! [77]

7 июля. Утром у обедни. Целый день на даче. Из Лондона получено известие, что наша нота произвела там весьма неприятное впечатление.

8 июля. Утром заседание по делу о земских учреждениях. Невероподобно, но тем не менее истинно, что там происходит. Почти никто не имеет точных понятий о том, что он обсуживает, чего хочет, к чему идет. Жалкое зрелище представляет также неподготовленность господ членов, т. н. экспертов. Какие они эксперты! Кн. Гагарин, губернский московский предводитель, разверз свои уста только один раз и этот один раз только для

---

* взвинчен.

** но это разрыв.

*** не относится к моей компетенции.

**** но Франция! ...Делать это в отношении Франции!

того, чтобы представить выписку из статьи Каткова в «Московских ведомостях» и чтобы представить ее на том основании, что будто бы в «Северной почте» сказано, что и литературные статьи будут обсуживаться в Государственном совете.

В Париже наша нота также произвела плохое впечатление. Австрия отклоняет предложение trinum'а *. Кн. Долгоруков сказал мне, что вчера Горчаков был в высшей степени неприличен на вечере во дворце своими шутками и выходками по поводу настоящих дел.

9 июля. Целый день на даче. Нового нет.

10 июля. На даче. Важных известий нет.

11 июля. Утром в Царском Селе. Совет министров по делу о концессии Севастопольской железной дороги [241а]. Ген. Зеленый, военный министр и некоторые другие члены восстали против проекта концессии, потому что компания требует для себя части местности около Южной бухты и т. п. Они говорили, что таким образом навсегда устраняется возможность восстановить наши морские силы в Черном море. Ergo: мы хотим железной дороги, потому что она необходима для того, чтобы быть сильными, и не хотим ее, потому что когда-нибудь надеемся быть сильными в Черном море. Мы не хотим дать Южной бухты потому, что в ней можем когда-нибудь устроить военный порт. И не хотим признать, что если торговый порт может быть устроен в другом месте, то и военный тоже. Мы непременно требовали, чтобы линия проведена была к Севастополю, и теперь уклоняемся от последствий этого требования и т. д. Под влиянием замечаний Милютина и Зеленого государь почти решил, что Южной бухты нельзя дать, а так как это conditio sine qua non **, то и решил, что не бывать железной дороги. К счастью, кто-то подал мысль рассмотреть вопрос в специальном комитете из министров военного, морского, финансового и ген.-ад. Тотлебена, и затем в Комитете министров. Таким образом, остается шанс не проиграть окончательно дело. Рассуждали, как будто есть в виду целая ватага других компаний или целый ряд других предложений. Все шло так быстро, что я, вставши с своего места, чтобы сказать несколько слов, не мог их высказать, потому что государь, не смотревший в мою сторону, внезапно объявил совещание конченным. Рассуждали о Севастополе без плана Севастополя и т. п.

Вечером на даче. Работал, по обыкновению. Меня сильно обременяет теперь корреспонденция с ген.-губернаторами.

12 июля. Утром всеподданнейший доклад в городе, куда государь приезжал для смотра войск. Вечером на даче.

---

* трех государств (*термин искусственный, созданный, возможно, Самим автором на основе латинского корня* tri=три).

** непременное условие.

13 июля. Утром в городе. Кн. Долгоруков пишет из Царского: «Les nouvelles sont mauvaises; Drouyn de Lhuys cherche à intimider; L'Autriche louvoie l'Angleterre se recueille; il faut armer» *.

14 июля. На даче. Утром заезжал к кн. Кочубей и к кн. Гагарину. Первая говорит, что бар. Бруннов, не запинаясь, указывает на увольнение кн. Горчакова, как на меру, которая принесла бы большую пользу.

Из Царского слышно, что австрийский кабинет отклонил наше предложение en termes très cassant ** и что отозвание послов ожидается на днях.

15 июля. Утром в городе. Заседание Особого присутствия по делу о земских учреждениях. Потом Главный комитет. «Эксперты» из рук вон плохи. На завтра назначено было к слушанию в Комитете министров дело Южной железной дороги. Кн. Гагарин, об этом не спрошенный, чрезвычайно гневался и горячился и написал государю, что он дело отложил. Рейтерн и я просили И. М. Толстого, ехавшего в Царское Село, доложить его величеству о необходимости безотлагательного разрешения и дали ему о том памятные записки. Вечером Толстой телеграфировал, что поручение исполнено с успехом.

16 июля. В ночь на сие число государь отплыл в Гельзингфорс на своей яхте «Штандарт» в сопровождении кн. Долгорукова и военного и морского министров. Предполагает возвратиться 20-го.

Утром Комитет министров. Дело Южной железной дороги заслушано и прошло [242]. В предварительном совещании министров военного, морского, финансов и главноуправляющего путей сообщения сделаны были некоторые изменения (в сущности, редакционные) в проекте концессии. Итак, 11-го числа дело казалось проигранным, 16-го оно выиграно. Так обсуживаются и разрешаются у нас вопросы.

С европейского Запада решительных вестей нет.

17 июля. Замечаю, что по странной рассеянности я несколько раз сряду помечаю июль апрелем.

Получено известие о прибытии государя в Гельзингфорс. На пути сломалось колесо на «Штандарте». Государь был вынужден пересесть на фрегат «Олафн». Кроме того, между Гельзингфорсом и Петербургом где-то поврежден телеграф. До полудня не имели никакого известия о прибытии государя в Гельзингфорс и начинали беспокоиться. Обедал у Рейтерна с И. М. Толстым.

---

* плохие новости; Друэн де Люис старается запугать; Австрия виляет, Англия настораживается; надо вооружаться.

** в очень резких выражениях.

18 июля. Утром заседание по земским учреждениям. Потом Главный комитет и Комитет министров по делу о Южной железной дороге. Ничего нового нет.

19 июля. Целый день на даче. Жена уезжала в Петергоф к Апраксиным. Был на инструментальном заводе. Вечером приезжал лорд Нэпир. Были Замятнин и Потапов.

20 июля. На даче. Обедал у Штиглица (Н. Б.) с лордом и леди Нэпир, маркизом Пеполи и т. д. Судя по речам Нэпиров, особенно ее, которая менее дипломатизирует, чем он, не предстоит разрыва * ⟨с Англией, по крайней мере, на первое время.

Государь возвратился благополучно. Прием был, говорят, весьма хороший со стороны финляндцев. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

22 июля. Утром в Царском по случаю тезоименитства императрицы, она не выходила.

25 июля. Заседание Главного комитета, где в противность моему настоятельному мнению почти все члены высказались по предложению кн. Гагарина в пользу распространения обязательного выкупа на две белорусские губернии — Витебскую и Могилевскую. Для меня неожиданно постановляется вопрос: оставаться или не оставаться министром внутренних дел.

26 июля. Утром в Царском Селе. Доклад государю⟩ именины [. . . . .] жены.

27 июля. Утром в Царском Селе по случаю дня рождения императрицы. На сей раз она была у обедни и после обедни, сидя, принимала поздравления в форме baise-main **. Из министров были только кн. Долгоруков, кн. Горчаков, гр. Адлерберг и я. Кн. Гагарин, председатель Государственного совета, Ахматов, кн. Суворов и кн. Урусов равным образом были налицо. Из Вильно получено телеграфическое известие о всеподданнейшем письме de fidélité et de contrition ***, поданном виленским дворянством [243]. Муравьев достиг цели. Я сообщил об этом лорду Нэпиру.

28 июля. Утром у обедни. Потом были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе [244]. Ездил на острова с визитами. Сообщил моему товарищу, что впредь до разрешения кризиса по белорусскому делу он будет везде присутствовать за меня. Был на выставке

---

* *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 20, 22, 25 и 26 июля устанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. II, л. 42).*

** обряда целования руки.

*** преданности и раскаянии.

цветов у Елагинского дворца. Подошел к дверям круглой дворцовой залы, чтобы взглянуть в нее. 28 лет прошло с тех пор, как я был там. Она та же. А я?!

29 июля. На даче. Кн. Долгоруков заезжал после заседания по земским учреждениям. Он находит, что лучше ничего не делать в белорусском крае. Сегодня «эксперты» присутствовали в последний раз. Дойдя до той части проекта, где начинается «наказ» и где, следовательно, уже определены все главные положения, их дальнейшее присутствие признано не необходимым. С одной стороны, желание московских экспертов возвратиться домой, с другой — желание членов присутствия по праву скорее от них избавиться, способствовали всеобщему соглашению. Можно бы отчаиваться, глядя на результаты того, что я признавал сам важным нововведением и важным успехом. Этот результат не только ничтожен, но даже отрицателен. Причиною тому, с одной стороны, неспособность и самонадеянность экспертов, с другой, разлад между неэкспертами. Но я не отчаиваюсь. Мои действия были правильны. Констатировав неспособность одних и неуменье других, остается обоими воспользоваться.

30 июля. На даче. Кн. Гагарин известил меня через Буткова, что белорусское дело будет слушаться еще раз.

Из Вильно получено телеграфическое известие о том, что губ. предводитель Домейко * ранен тремя ударами кинжала в левую руку неизвестным убийцею, забравшимся к нему под предлогом подачи просьбы.

Вечером у кн. Кочубей. Монтебелло, Нэпир и я. Разговор большею частью sur des thèmes de religion **.

31 июля. На даче. Жена ездила в Ораниенбаум с Штиглицами и Нэпирами на пароходе морского министра. У меня были обычные доклады. Заезжал кн. Долгоруков. Политический горизонт пасмурен, особенно внутренний.

1 августа. Утром, с первым поездом по приказанию государя в Царском. Завтра и. и. величества уезжают: императрица в Крым, государь до Нижнего. Доклад. Государь говорил о Польше и сказал, что по возвращении вызовет вел. князя «для объяснений и соглашения как действовать». Влияние вел. княгини на дела государю известно. Он сам сказал мне, что вел. кн. Елена Павловна отзывается о нем так: «Dès qu'il y a près de Constantin un homme capable, elle le prend en grippe et l'éloigne ou bien s'en accapare et l'embête» ***. Дела в Польше плохи. На

---

* *После* Домейко *в скобках написано*: подносивший вышеупомянутое всеподданнейшее письмо дворянства. (*Т. II, л. 42 об.*).

** на религиозные темы.

*** Как только при Константине находится способный человек, она начинает его недолюбливать и отдаляет или же завладевает им и надоедает ему.

днях первая военная неудача. Инсургенты истребили две роты и взяли две пушки.

Был у императрицы после крестного хода чрез сад. В одно время со мною ожидал приема у ее величества кн. Горчаков. Был также Мориц. Пришел Бажанов с крестного хода с крестом в руке в сопровождении наиплотнейшего диакона. Кн. Горчаков подошел к кресту, потом вступил в разговор с Бажановым, потом оба начали ходить по комнате, взялись под руку и продолжали прохаживаться, смеясь и болтая, причем Бажанов продолжал держать крест в правой руке. Встретил Горчакова, который сказал мне, что ее величество «lui a écrit quatre pages pour lui dire que s'il se rapprochait de l'Autriche en son absence, il sacrifiait sa réputation et sa personne» *. Мне она сказала, qu'elle esperait, que je ne lui ferais pas de «surprises» **. Surprises означают формы представительного правления и льготы иноверцам или хотя раскольникам. На этот счет взгляды императрицы не выходят из круга взглядов гр. Блудовой, фр. Тотчевой, Ахматова и т. п. Не в первый раз замечаю я, какое неблагоприятное влияние, хотя и незаметное, ее величество может иметь на дела, gutta cavat lapidem ***. Государь слышит императрицу часто, следовательно, нередко и слушает. Из того, что она сказала мне о земских учреждениях, видно, что она, как и многие, преимущественно видит в них средство откупиться от «конституции». И здесь это слово как призрак пугает и толкает к ошибке. Разве и теперь у нас в сущности не «конституция». Только неправильная и беспорядочная под маскою самовластия. Разве мы не остерегаемся направо и налево, не бережем там и сям, не любезничаем с тем и другим, не переносим многого от многих? Возвратясь, я написал к кн. Долгорукову, что жалею обо всем, мною слышанном, и вижу, что мнения императрицы проистекают от «demi-connaissance des faits» ****.

Он отвечал qu'il regrette comme moi cette demi-connaissance et ses suites *****.

Государь поручил мне написать благодарственное письмо Муравьеву к его подписи. Сын Муравьева переименован в ген.-майоры, чего давно добивался, и назначен временно управлять Ковенской губернией. Ротмистр кн. Шаховский, привезший виленский адрес, сделан фл.-адъютантом.

---

* написала ему на четырех страницах, чтобы сообщить, что в случае, если он сблизится с Австрией в ее отсутствие, то он может пожертвовать своей репутацией и самим собой.

** что она надеется, что я ей не причиню «неожиданностей».

*** капля долбит камень.

**** от полузнания фактов.

***** что он сожалеет, как и я, об этом полузнании фактов и его последствиях.

2 августа. На даче. И. и. величества отправились в путь в 12 час. по Николаевской железной дороге. Утром был у меня Рейтерн. Он сильно озабочен. Его теория «currency» * подвергается тяжким испытаниям.

3 августа. Утром в городе. Ничего особого.

4 августа. Утром у обедни. Был на гонке судов речного яхт-клуба. Вечером были Крузенштерн (Варшавский), Massignac. Потом приехал Нэпир, в этот вечер получивший свою ноту для кн. Горчакова. Все три будут переданы кн. Горчакову в среду. Нэпир долго говорил о настоящем положении дел и, между прочим, сказал, que nous avons trois, quatre, six mois de temps, mais que si nous ne finissons pas jusques là, on ne pourra plus répondre de rien, et qu'il se croit pour sa part, plus près de la guerre dans six mois, qu'il ne l'était de tantôt à deux mois **. Взгляд Нэпира правилен. Он явно старается навести нас на то, что нам следовало бы сделать, т. е., как он уже говорил мне раз, manifeste pour l'Empire, corollaire pour la Pologne ***. Я в тот же вечер написал о том кн. Долгорукову. Обычное, хотя и слабое средство. Что же делать, коль другого нет, ибо последнее нужно беречь на решительный случай и час.

5 августа. На даче. Вечером у всенощной.

6 августа. Утром у обедни. Ездил с женой и Никсом на Елагин остров. Нового нет. Как-то не работается, берет раздумье.

7 августа. Утром в городе. Заезжал к гр. Муравьеву-Амурскому предлагать ему наследие М. Н. Муравьева. Это уже сделано было, впрочем, военным министром, которому я предпочел дать tâter le terrain ****. Амурский охотно берется за дело [78]. Был в Комитете министров, и в Главном комитете. Заезжал на пробу паровой пожарной трубы у Аничкина моста.

8 августа. Утром доклады. Обедал с женою у кн. Кочубей. Вечером на bal manqué ***** у маркиза Пеполи. Туда езда почти с опасностью жизни. Он занимает дачу Чернышева за Старой деревней. На Елагином острове ни одного фонаря. У въезда на дачу по плохому мосту то же самое.

Австрия без всякого усилия заткнула за пояс Пруссию в Франкфурте [245]. Что значит уменье вести дело. Австрия, в 1849 г. нами спасенная от конечного упадка, в 1853—56 гг. нам же сделалась опасною. Потрясенная снова и обрезанная

---

* «денежного обращения».

** что у нас есть три, четыре, шесть месяцев времени, но что, если мы до тех пор не кончим, ни за что нельзя будет отвечать и что сам он считает, что к войне мы будем ближе через шесть месяцев, чем он (был ближе) к ней два месяца тому назад.

*** манифест для Империи, а следовательно, и для Польши.

**** прощупать почву.

***** на неудавшемся балу.

италианскою войною 1858 г., затрудняемая на каждом шагу Венгрией и Венецией, обремененная долгами и дефицитом, Австрия все-таки поднялась грозно нам и осадила Пруссию на второй план. Reichsrat и конференция в Франкфурте — две великие и смелые мысли. В Вене есть правительство. У нас — «Комитет господ министров».

9 августа. Целый день на даче.

10 августа. На даче. Нового важного нет.

11 августа. Государь возвратился благополучно вчера в 10-м часу вечера. Впечатления путешествия самые благоприятные, слишком благоприятные, потому что общее положение дел под влиянием этих впечатлений представляется в успокоительном свете, а этот свет усыпляет.

12 августа. Заседание Государственного совета. Потом Главный комитет. Вечером был у меня Тимашев. Le caractère a plus de portée que la tête *.

13 августа. Утром Комитет министров. Вечером были Багратион, крайне утомительный по частым сюда наездам, М. Метвиль, парижский наш вице-консул [246], и лорд и леди Нэпир. Лорд Нэпир говорит про Австрию: «l'Autriche commence à étonner le monde au lieu de l'ennuyer» **.

14 августа. На даче. Вчера вечером должен был приехать вел. кн. Константин из Варшавы по вызову государя. Но известия о том я еще не имею.

15 августа. На даче. Вел. князь приехал вчера. От императрицы получено известие, что она вчера вечером прибыла в Ялту.

16 августа. Утром в Красном Селе. Доклад неконченный за краткостью времени до назначенного кавалерийского маневра. До доклада конференция с военным министром, кн. Долгоруковым и мною в присутствии вел. князя о временном подчинении части Августовской губ. ген. Муравьеву. Решено подчинить, несмотря на сильную оппозицию вел. князя, который произвел на меня самое прискорбное, самое жалкое впечатление. Поручик армейской пехоты не мог бы рассуждать так неприлично бестолково. И в этих руках Царство Польское в такую минуту! Я не понимаю, что с ним сделалось. Он был прежде умен и деловит, несмотря на многоразличные недостатки. В чьи руки попал он? Что делал он во все это время? [79]

17 августа. Утром в Царском для окончания вчерашнего доклада. Пред тем трехчасовая конференция у государя по делам польским. Вел. князь, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, ген. Милютин, Платонов и я. Вел. князь был еще жалче и бестолковее,

---

* Характер имеет большее значение, чем голова.

** Австрия начинает изумлять мир вместо того, чтобы ему досаждать.

чем вчера. Он до неприличия затруднял совещание детскими рассказами о подробностях своих полицейских распоряжений, обещал бездоказательно, что восстановит порядок, если ему прибавят войска, столь же бездоказательно объяснял невозможность достижения цели без этого и т. д. Государь прекратил совещание, объявив, что нас снова соберет в среду и сам напишет свои мысли о польском деле. Во время совещания кн. Горчаков высказал прямо вел. князю, что при его взглядах на дело, его сане и нынешнем положении края его присутствие там не может быть полезным. Вел. князь сначала погорячился, но потом присовокупил, что государь уже разрешил ему ехать в отпуск в Орианду. После совещания я отправился к е. высочеству по его требованию. Прием сухой. Потом нечто вроде выговора за цензуру, который меня рассердил. Я напомнил вел. князю о моей просьбе более 2-х лет тому назад насчет «очных ставок» и просил указать на те достоверные источники, из коих заимствованы сведения о запрещенных будто бы цензурою благонамеренных статьях насчет дел Царства. Вел. князь, забыв, что речь идет об очных ставках, сказал, что я его не должен выдавать, что это было бы неблагородно, и назвал Феоктистова и Корша. Le bout de l'oreille de Golovnin y a percé! * Потом его высочество прибавил, что все «показывавшие вид» преданности ему изменили, кроме Головнина, что он впредь будет посылать статьи чрез Головнина и чрез него поверять дело, что с тех пор как цензура перешла в Министерство внутренних дел, оно защищает только себя, Министерство государственных имуществ и «одно блаженное место Вильно» и что если я так держу весы, то хороша будет свобода печати. Я встал и сказал, что после этого мне остается только откланяться его высочеству и о его мнении насчет моих весов доложить государю. Позвольте я еще скажу Вам «третие» (какое третие?),— добавил вел. князь.— Я отвечал «имею честь доложить вашему высочеству, что с меня и этого будет» и вышел. Оттуда зашел к кн. Долгорукову, где нашел Чевкина. Оба заметили, что я был бледен. Я рассказал, что происходило, и оба отвечали, что я напрасно погорячился. Почему же напрасно? Я даже не погорячился, но рассердился и имел к тому полное основание.

18 августа. Ездил в Ораниенбаум после обедни. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Заезжал потом в Петергоф к гр. Апраксину. Вечером вернулся на дачу и в вагоне имел длинное объяснение с Чевкиным на разные современные темы. Он сказал государю, que c'était son devoir de souverain et de frère de rappeler le g. duc **.

---

* Рука Головнина почувствовалась в этом!

** что это было его долгом государя и брата отозвать вел. князя.

19 августа. Утром в городе. Заседание по земским учреждениям. Потом Кавказский и Сибирский комитеты.

20 августа. На даче. Заезжал к Рейтерну и к герцогу Монтебелло, который говорит, что по сведениям, получаемым от французского консула в Варшаве, восстание усиливается.

21 августа. Утром в Царском Селе. Совещание у государя, который прочитал написанные им самим краткие заметки, в которых значилось, что прежде всего надлежит восстановить в Царстве общественный порядок и уважение к власти и восстановить это военною диктатурой. Общее согласие, даже со стороны вел. князя, который за 1/2 часа пред тем сказал Платонову, что он на подобную систему согласиться не может и что она противна его убеждениям. Вел. князь едет завтра. Сегодня откланивалась государю его свита, всем членам коей вел. княгиня пред их отъездом из Варшавы отдельно и накрепко наказывала присматривать за ее супругом и не дать ему возможности согласиться на удаление от его поста. Гр. Берг под ее влиянием писал к кн. Долгорукову, что он без вел. князя оставаться не может.

22 августа. Утром в городе. Заседание по вопросу о земских учреждениях.

23 августа. В Царском Селе. Всеподданнейший доклад. Государь по поводу моей сцены с вел. князем сказал, что «с ним надобно быть снисходительным». Заходил к Горчакову для разговора на тему «cabinet». Обедал у государя с обоими Адлербергами, Перовским и Loeu. Перед обедом был в саду, где видел, как дамы подкарауливают его величество. Гр. Кушелева, Корсакова, Варпаховская e tutti quanti *.

24 августа. На даче. Много забот по предмету разных назначений.

25 августа. На даче. Утром у обедни. Был у Рейтерна.

26 августа. На даче.

27 августа. Утро довольно наполненное разными делами. Прием просителей и 4 заседания подряд — Западного комитета, Комитета министров, по земским учреждениям и Главного комитета.

28 августа. На даче, доклады. Был у меня кн. Долгоруков. Вел. кн. Константин Николаевич, уезжая из Варшавы, распустил значительную часть чинов управления, уволив их в отпуск с сохранением содержания. Берг в тем более затруднительном положении.

29 августа. Утром в Царском Селе. Совет министров по вопросу о приуготовительных мерах для судебной реформы. Замятнин играл жалкую, Бутков — неприличную роль. Резуль-

---

* и им подобные.

тат совещания — нуль. После Совета был в саду вместе с Горчаковым. Тот же tour du lac *, те же дамы, лодки, офицеры, как скучно, должно быть, это ежедневно.

30 августа. Утром в Александровской лавре. Потом на завтраке у митрополита, где я представлял государю самарского губернского предводителя Обухова. Затем criket-match ** на плацу 1-го кадетского корпуса с лордом и леди Нэпир. К обеду вернулся на дачу. Сегодня даны андреевские ленты ген. Муравьеву и Анненкову. Большие производства по военному ведомству.

31 августа. На даче. Есть работа, но не работается. Государь сегодня вечером отплыл в Финляндию. Его сопровождают кн. Горчаков, кн. Долгоруков, министр двора, военный министр и, кажется, морской министр.

1 сентября. Утром у обедни. Погода, необыкновенно мягкая и теплая во весь август месяц, окончательно перешла в обычную петербургскую форму. Темно, сыро, холодно. Под стать настроению мыслей, но от этого не легче.

2 сентября. Утром в Государственном совете заседание по земским учреждениям. Тяжело идет дело. Кн. Гагарин для облегчения суждений ежедневно затрудняет их неожиданными записками, перестановляющими и изменяющими вопросы. Он всячески старается направить дело на свой лад. Бахтин и другие в свою очередь стереотипно повторяют зады. Приходится одному выносить тяжесть прений. Впрочем, Панин иногда помогает. Потом краткое заседание Главного комитета. Вечером был у меня Платонов. Он получил письмо от гр. Берга, в котором сей последний сообщает, что вел. князь пред отъездом из Варшавы призывал к себе Эноха, Островского и Велопольского (сына), но Бергу не позволил присутствовать при свидании, затем сказал ему, что они, по его желанию, останутся на своих местах, но что это не помешало в тот же самый день всем трем просить увольнения, причем Островский отозвался, что, по словам его высочества, предстоит перемена системы управления и т. п.

3 сентября. Утром Комитет министров. Из Гельзингфорса уже есть известие о прибытии государя.

4 сентября. На даче. Работал. Нового нет.

5 сентября. Утром в городе. Заседание по земским учреждениям. Потом Комитет финансов, где решен вопрос о перемене вида наших кредитных билетов.

6 сентября. На даче. Целый день доклады. Вчера решился на увольнение Соловьева, давно имевшееся в виду.

7 сентября. Сегодня в газетах напечатана тронная речь

---

* прогулка вокруг озера.
** состязание в крикет.

государя при открытии сейма в Финляндии [247]. Странное впечатление производит она. Недаром писал я кн. Долгорукову в Гельзингфорс, что здесь слышится вопрос: «а мы?»

Целый день на даче. Работал.

8 сентября. Государь возвратился. Все очень довольны пребыванием в Гельзингфорсе. On a l'air de n'avoir pas tiré la morale de la fable *. Обедал у кн. Кочубей. Там были князь и княгиня Суццо. Приезд греческого короля, ожиданный завтра, их смущает. Суццо поторопился отречься от Оттона. Здесь ему этого не прощают. Пристать к новому королю не представляется удобной оказии.

9 сентября. Утром заседание по земским учреждениям. Потом обед в Царском Селе в честь греческого короля [248]. Министры и свита его величества. После обеда род défilé **, причем государь нас называл королю. Вечером бал, от которого я уехал. Король довольно благовидный и развязный юноша лет 17-ти. Если б он не был королем, его никто бы не заметил. Но будучи королем он имеет то достоинство, что в нем нет ничего shocking ***.

10 сентября. Утром ездил в Царское для всеподданнейшего доклада. Но благодаря длинной аудиенции, данной возвратившемуся из Варшавы ген. Кауфману, и другим делам, моя аудиенция отложена до завтра. Таким образом, я даром потерял все утро. Об аттентате на гр. Берга, о чем известие получено по телеграфу третьего дня, никаких новых подробностей нет. Кауфман, по-видимому, не совсем доволен Бергом. Он говорит, что около него нужны столбы или подпорки, если нет в виду другого «лада». Заезжал потом к кн. Долгорукову. Toujours la même placidité et la même «Halbheit» penchant généralement vers ce qu'il faut faire, mais comme empêché d'y atteindre par ce qu'il a eu l'habitude de faire jusqu'ici ****.

11 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. Простился с его величеством, который сегодня вечером уезжает в Крым. Кн. Долгоруков его сопровождает и будет там особенно нужен для противодействия Орианде. Вернулся на дачу к обеду.

12 сентября. Утром в городе. Заседание Западного комитета. Потом заседание по земским учреждениям. Потом другое заседание соединенных департаментов Государственного совета по проекту устава о народных училищах. Туго, раздражительно, но не безуспешно.

---

* Создается впечатление, что мораль басни не понята.

** парада.

*** шокирующего.

**** Все то же благодушие и та же половинчатость с разговорами о том, что нужно делать, но чему препятствуют привычки к тому, что он делал до сих пор.

13 сентября. На даче. Соловьев был у меня прощаться. Transit gloria mundi *.

14 сентября. Утром у обедни. Целый день на даче.

15 сентября. Утром у обедни. Разные посетители. Нового нет.

16 сентября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером был Н. А. Милютин, который собирается в Варшаву.

17 сентября. Утром Комитет министров. Принимал в городе разные доклады. Обедал у английского посла, с m. и m-me Moffott. Г. Моффот — член парламента, богат, глуп, тщеславен. Он беспрестанно рассказывал о своих разговорах с лордом Пальмерстоном, о том, как он с ним встретился или его проводил домой, или его о чем-то спросил и, будучи доволен оказываемым ему вниманием, принимает в отношении к России des airs de protection **. Смешно, но увы при настоящей нашей разладице небесполезно стараться пользоваться подобными личностями. Заезжал к французскому послу. Герцогиня Монтебелло опасно больна карбункулом. Вечером был у нас Массиньяк. Расположение французского посольства невоинственное.

18 сентября. Утром дома. Обедал у Штиглицов, после обеда пели Корчиков и Силуянов. У обоих прекрасные голоса. Видел m-me Osten, которая вернулась из-за границы на несколько дней. Постарела несколько, но зато несколько выросла. Каблуки выше.

19 сентября. Целый день на даче. Погода хорошая. Не хочется работать, а работа есть.

20 сентября. На даче. Нового нет, кроме писем от гр. Берга, который, по-видимому, действует с энергиею. Но как-то не верится, чтобы он был в уровень с выпавшею ему задачей. Quels misérables hommes d'état nous sommes! Qu'avons nous prévu, organisé, prévenu, accompli? Toujours aux expédients d'un jour à l'autre et jouant à une sorte de loterie avec l'espoir de gagner un gros lot ***.

21 сентября. На даче. Галахов вернулся из Варшавы. Ген. Трепов пишет, что положение дел отчаянное. После 8-месячной борьбы и сотни тысяч штыков! Галахов рассказать многого не мог. Мозг не слишком емок. Видно только, что в управлении Берга колебания. Вечером был Огарев, который читал мне проект своего отчета. Наивен.

---

* Проходит слава мира.

** покровительственный тон.

*** Какие же мы жалкие государственные деятели! Что мы предвидели, организовали, предупредили, выполнили? Изо дня в день всегда заняты текущими делами, играя как бы в лотерею в надежде на большой выигрыш.

22 сентября. На даче. Утром у обедни. Да благословит бог новое лето моей жизни.

23 сентября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Был у Н. А. Милютина. Вечером работал.

24 сентября. Утром Комитет министров. Потом комитет Западный. Был на пробе паровых пожарных труб на Введенской площади. Оттуда на дачу.

25 сентября. Целый день на даче. Разные доклады. Перед тем были у меня делегаты от министерств Военного и Юстиции и от Главного управления путей сообщения по вопросу о распределении высылаемых из Царства Польского арестантов.

Погода прекрасная. Тепло и ясно. Ходил по саду. Зелень держится, хотя испещрена всеми яркими оттенками осени. Думал об осени жизни. Сравнивал. Молился. Как цвет листьев, изменяются и испещряются взгляды на жизнь, мнения, стремления, желания. Прошлое не совсем забыто. Настоящее резко от него отделяется. Как поблекшие листья, отпадают желания и страсти. Путь ими усеян. Но над головою то же небо, то же солнце, хотя и менее высоко поднимающееся над горизонтом. То же ощущение беспредельного и вечного. Та же непроницаемая, спокойная, светлая лазоревая глубь.

26 сентября. На даче. Работал над запиской по вопросу о раскольниках.

27 сентября. На даче.

28 сентября. Переехали в город, с сожалением расставаясь с дачей, хотя сегодня погода осенняя. Обедал у Гернгроса. Нездоровится от сильной простуды.

29 сентября. Утром у обедни. Целый день дома.

30 сентября. Утром Государственный совет. Потом Комитет министров. Потом заседание Главного комитета.

1 октября. Утром у обедни. Целый день дома. У нас обедали Рудницкие, завтра отъезжающие за границу. Польский вопрос обратился для них в паспорт. Что будет далее с ними? Довлеет дневи злоба его.

2 октября. Дома. Работал. Кончил записку о расколе. Сегодня утром скончалась герцогиня Монтебелло.

3 октября. Утром в Государственном совете. Заседание по земским учреждениям. Вечером в Михайловском театре. Pièce impossible dont je n'ai pas pu attendre la fin *.

4 октября. Дома. Работал.

5 октября. Утром на похоронах герцогини Монтебелло. Были все sommités **, начиная с вел. кн. Николая Николаевича, с герц. Мекленбургского, прин. Ольденбургского и герц. Лейхтенбергского. Потом дома за работой.

* Невозможный спектакль, до конца которого я не мог досидеть.
** светила.

6 октября. Утром у обедни. Несколько визитов. Встретился с ген. Гильдебрантом, который уверяет, что «Голос» — единственная газета, которую можно читать. Он до того под влиянием своей виленской катастрофы, что почти готов идти в шайку. Жандармский генерал! Один из тех, которых мнение принималось как данное в высших слоях администрации. Хороша администрация!

7 октября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. По трем представлениям ген. Муравьева я был другого мнения [249]. Министр-матрос Зеленый при сем заявил со свойственным ему aplomb из мелочной лавки, что «у меня составляются соображения о наделении землею всех батраков, что непременно, хотя еще не знаю как, они все будут наделены» и пр. и пр. Я спросил, на каком основании, если каждого батрака обращать в хозяина и чрез то самое каждого хозяина в батрака, в земледельческом сословии, правительство может отказаться от наделения чем-нибудь батраков и бобылей других сословий? Ответа, конечно, не было. Вечером был лорд Нэпир. Он видит в отъезде Милютина и К⁰ в Варшаву зарю либеральной системы управления в Царстве. На сей раз многознающий лорд не узнал, в чем дело, и ошибается насчет людей.

8 октября. Утром Комитет министров. Вопрос об Охтинском раскольничьем кладбище. Высказал в главных чертах взгляд, выраженный в записке о расколе, отправленной к государю. Разногласие. Кн. Гагарин, Чевкин, гр. Адлерберг, Урусов (приглашенный в заседание) и Потапов, который воображает, что по званию полицейского консерватора он должен быть консерватором и в делах раскола, были одного мнения, 14 голосов — другого [249а].

9 октября. Утром дома. Доклады. Отправил кн. Долгорукову написанное вчера длинное письмо, в котором еще раз пытался высказать то, что лежит на сердце и гнетет мозг [80].

10 октября. Нового нет. Работал. Ходил пешком и сделал несколько визитов. Был, между прочим, у Чевкина и у графини Редерн.

11 октября. Утром опять несколько визитов. Был у Сухозанета и у Головнина. Работал.

12 октября. Утром Еврейский комитет [250]. Вечером получены бумаги с курьером из Ливадии. Впечатление неотрадное.

13 октября. Утром у обедни. Работал. Несколько визитов.

14 октября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета.

15 октября. Утром Комитет министров. Вечером совещание по делу о новом уставе книгопечатания [251] с Тройницким, Щербатовым и Оболенским.

16 октября. Утром доклады. Обедал у пр. Ольденбургского. Последнее отправление в Крым.

17 октября. Утром заседание по делу о земских учреждениях. Три с половиной часа прений без результата. Тяжкое испытание. Был у киевского митрополита и у Мещерских. Вечером совещание по делу о новом уставе книгопечатания. Военный министр сказал мне сегодня, что вел. князь окончательно уволен от польского наместничества.

18 октября. Утром в Новом адмиралтействе и на Галерном островке. Видел хорошие начинания. Делу дан толчок. Вечером заключительное заседание по делу об уставе книгопечатания с Щербининым, Оболенским, Тройницким и Туруновым.

19 октября. Утром доклады и прием просителей. Обедал в клубе, где, между прочим, встретил Эдмунда Гана, которого не видел с 1858 или даже с 1857 года.

20 октября. Утром у обедни. Несколько визитов. Дома. Работал.

21 октября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Потом заседание по земским учреждениям. Опять продолжительная и бесплодная борьба.

22 октября. Утром Комитет министров. Потом заседание соединенных департаментов законов и экономии по вопросу о канцелярских сборах для полиций. Сильное противодействие со стороны кн. Гагарина, Чевкина и Государственной канцелярии. Разные маневры, чтобы отсрочить дело. Наконец разногласия. Еще дело пойдет в Общее собрание.

23 октября. Доклады. Письма. Нового нет.

24 октября. Утром дома. Обедал с женою у Нэпиров. Вечером был у меня Катков. Разговор продолжительный, обнимавший почти все наши внутренние вопросы. В главном я с ним согласен. В частностях видно, что он не у дел и смотрит на дела с точки зрения человека, не имеющего дела с кн. Гагариным, кн. Горчаковым e tutti quanti *.

25 октября. Утром у кн. Горчакова. Совещание с бар. Корфом и министром финансов по вопросу о принятии в наше подданство иностранцев. Из Парижа получена депеша от Будберга о тронной речи Наполеона. Он предлагает конгресс и объявляет, что венские трактаты утратили свою силу. Вся речь, за исключением одного или двух мест, искусно и ловко задумана. Он сразу притупил жало оппозиции и неожиданностью конгрессного предложения озадачил Европу [252]. Кн. Горчаков, сообщая нам речь, сказал: c'est un secret entre ministres **. Но вслед за тем он сообщил этот секрет всем и каждому. Да и к чему секрет?

---

* и им подобными.

** это секрет между министрами.

Позже заседание Комитета финансов. Видел там кн. Меншикова, который говорит, что вывез из внутри России неблагоприятные впечатления: «La démocratie gagne du terrain partout» *.

Вечером опять был Катков. Он обедал у Горчакова, а часть утра провел у лорда Нэпира, который показал ему свои конфиденциальные депеши и депеши английского консула из Варшавы. Горчаковым Катков недоволен, он заметил, что Горчаков готов признать необходимость дать Польше учреждения европейского покроя, не давая их империи и стараясь здесь откупиться по возможности земскими учреждениями, которые он, т. е. Горчаков, простодушно называет «мирскими».

26 октября. Утром дома. Доклады. Катков заходил еще раз перед отъездом в Москву. Он снова виделся с Горчаковым и на сей раз, после долгой беседы наедине, полагает, что убедил его в необходимости «некоторого представительства». Говоря о преобразовании Государственного совета посредством введения в состав оного выборных членов, кн. Горчаков выразился так: «но тогда наши старички не могут устоять против свежего элемента...» statesmanship ** доморощенный. Будто дело в этих «старичках». Впрочем, я верю, что когда Катков сказал Горчакову, что его популярность не устоит при подобном направлении,— это подействовало. Если вице-канцлер убедится, что его тщеславие пострадает от неисполнения им своих настоящих обязанностей, то он, может быть, их и исполнит. Вечером у кн. Кочубей. Petite soirée diplomatique *** при герцоге Мекленбургском. Лорд Нэпир метко анализирует последствия наполеоновской речи и конгресса, буде оный состоится. Наполеон созывает и созывает в Париж конгресс государей, а не министров.

27 октября. Утром у обедни. Ходил пешком в Казанский собор, по обыкновению. Только туда иду я охотно, только там отрадно и только оттуда выхожу с чувством облегчения на сердце. В частной жизни, благодаря милости божией, все мирно, хотя не без забот и опасений, но в жизни общественной и тяжело, и тревожно, и даже как бы неловко. Мне хочется бежать людей. Я чувствую, что правительственное дело идет ошибочной колеею, идет под знаменем идей, утративших значение и силу, идет не к лучшему, а к кризису, которого исход неизвестен. Но я сам часть этого правительства. На меня ложится доля нравственной ответственности. Я принимаю на себя ношу солидарности с людьми, коих мнений не разделяю, коих пути — не мои пути, коих цели — не мои цели. Для чего же я с ними?

---

* Демократия повсюду завоевывает новые позиции.

** искусство управлять государством.

*** Небольшой дипломатический вечер.

Озираюсь, думаю, соображаю, и остаюсь, потому что нет явного признака, чтобы время к уходу наступило, а, напротив того, есть явные указания на то, что я еще должен оставаться.

28 октября. Вчера принялся после обедни за составление проекта преобразования Государственного совета, применяясь к моей давней о том мысли. Не знаю, пойдет ли впрок эта работа, но мне желается ее завершить на всякий случай, а там что бог даст. Сегодня утром не был в Государственном совете, где к слушанию назначены были пустые дела. Заходил к Милютину, у которого читал рескрипт, данный вел. кн. Константину Николаевичу при увольнении от наместничества. Длинен, неискренен и неверен. Напрасно говорится и о том, что благие намерения его величества отсрочены. Когда речь о конгрессе, и была речь о конференциях, то неловко возвещать отсрочку благих намерений на том основании, что «польский народ оказался недостойным» умиротворяющих стремлений его высочества. Жаль, что государь присваивает своему брату в деле, которое есть дело России, значение, которое ему не подобает. Рескрипт написан для его удовлетворения и отчасти написан, или исправлен, им самим, как видно из письма гр. Александра Адлерберга.

Между тем Берг, не дождавшись своего окончательного назначения, уже завел речь о деньгах и просил в письме к Платонову, чтобы ему сохранили все те оклады, которыми пользовался вел. князь.

Телеграф извещает, что в Англии предложение конгресса принято неблагоприятно. Lord Napier мне говорил еще третьего дня, что Англия любит stare super vias antiquas *. Не знаю, что окончательно скажет кн. Горчаков. Пока он говорит о конгрессе: «c'est mon idée» **.

Получено известие, что по вопросу об обязательном выкупе в Могилевской и Витебской губерниях государь утвердил мнение большинства, т. е. мнение, противное мнению министров внутренних дел и финансов [253]. Если бы не временная популярность Муравьева, то следовало бы на этом вопросе, как я первоначально предполагал, просить позволения tirer mon épingle du jeu ***. Но при этой популярности это было бы ошибкой. Лучше обождать того вопроса, где ничья популярность мне не испортит значения и последствий моего ухода [81].

29 октября. Дома за работой.

30 октября. Дома. Нового нет, кроме приближения банкового кризиса.

---

* стоять на древних путях.

** это моя мысль.

*** выйти из игры.

31 октября. Государя задержали отчасти дорога и время года, отчасти переправа у Серпухова. Он может прибыть только завтра утром.

1 ноября. Государь еще вчера дал мне знать по телеграфу из Москвы, что отлагает мой доклад до завтрашнего дня. Видел кн. Долгорукова. Semper idem *.

2 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь говорил про мои письма к кн. Долгорукову и упрекал меня в том, что я нервозно расстроен, начиная походить на кн. Суворова, и в том, что, пользуясь его доверием, я как будто готов отшатнуться. Его благодушная приветливость взяла свое, и я почти ничего не высказал из того многого, что высказать мог. Вечером Комитет финансов по вопросу о прекращении банком размена.

3 ноября. Утром у обедни. Ходил. Работал.

4 ноября. Болен. Вчера я себе ставил рожки [254]. Сегодня повторил и упал в легкий обморок. Вечером однако же работал, а утром был в Государственном совете.

5 ноября. Утром в Комитете министров. Потом совещание с кн. Долгоруковым, военным министром и товарищем министра финансов по вопросам об учреждении жандармских команд и о досмотре пассажирских вещей и товаров на железной дороге. Есть ограниченность взглядов, которые несносны. Слушаешь министра, слышишь канцеляриста. Обедал у прусского посланника. Вечером Комитет финансов. Заезжал к Мещерским.

6 ноября. Размен банком приостановлен [255]. Рейтерн до сего крепился, но делать было нечего. Когда я вчера повторил в заседании, что наш металлический фонд истощается не покнижному — банкирскими оборотами, а практически нашими absentus **, никто не противоречил. Я говорю это два года с половиною, и до сих пор все противоречили.

Вечером были у нас Нэпир, до ½ 2-го ночи говоривший о польских делах, и еще кое-кто.

7 ноября. Дома. Работал.

8 ноября. То же. Забыл отметить, что 6 числа был у вел. кн. Елены Павловны, вернувшейся из-за границы. Длинная беседа на политические темы. Much ado about nothing, as final result ***.

9 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Обедал у государя с кн. Долгоруковым, гр. Муравьевым-Амурским и вел. княгинями и князьями. Вечером у кн. Кочубей.

10 ноября. Утром у обедни. Несколько визитов. Работал.

---

* Вечно одно и то же.

** отсутствующими.

*** И, как окончательный итог, много шума из ничего.

Вечером в Преображенском соборе на свадьбе кн. Ал. Мещерского, женившегося на Рюминой.

11 ноября. Утром Государственный совет. Потом заседание соединенного присутствия по земским учреждениям. Tour de Babel *.

12 ноября. Комитет министров. Потом заседание Главного комитета. После этого заседания кн. Гагарин вступил с некоторыми членами в жаркий разговор по вопросу о предоставлении земским учреждениям заведования на время государственными земскими повинностями настолько, насколько оные в ведении нынешних особых присутствий по земским повинностям. Кн. Гагарин говорил, что он готов броситься в воду под лед (которого еще нет) и т. п. Наконец он сказал в присутствии всех чинов канцелярии: «после того остается созвать общую думу и тогда нас выгонят. Вас (обращаясь ко мне), может быть, выберут, но нас выгонят». Voilà le bout de l'oreille **.

13 ноября. Дома. Доклады. Работал. Сегодня императрица возвратилась из путешествия.

14 ноября. Утром заседание соединенного присутствия по делу о земских учреждениях. По вопросу о земских повинностях я говорил с горячностью и навредил своему делу. Есть люди, которых всякая горячность отталкивает. Toute vivacité les effarouche, toute véhémence leur suscite un malaise ***. Между тем состояние моего здоровья ежедневно делает для меня более и более затруднительным сохранять прежнее мое хладнокровие.

Все три струи моей жизни текут обычным током. Внутренняя — полная забот, но проясняемая упованием в милость божию, явная, официальная — среди усиленной работы и разных столкновений, и официальная, неявная, приносящая с собою заветные думы и соответствующие им труды. Сегодня кончил проект преобразования Государственного совета. Остается написать два приложения и составить краткую записку [256]. Сбудется ли что-либо из моих предположений? Не знаю. Но — in mangnis et valuisse satis est ****.

15 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом был у императрицы. Она, видать, поздоровела. В делах ничего замечательного. Датский вопрос [257] отвлекает часть европейского внимания от польского.

16 ноября. Утром доклады и работа дома. Вечером у кн. Кочубей.

---

* Вавилонская башня.

** Вот где проявился кончик (ослиного) уха.

*** Всякая горячность их пугает, всякий порыв вызывает у них чувство беспокойства.

**** достаточно иметь силу в главном.

17 ноября. Утром у обедни. Работал в честь воскресенья целый день.

18 ноября. Утром Комитет финансов для прекращения трассировок Банка. Потом Государственный совет. Потом комитеты Кавказский и Сибирский. Кончил вечером проект преобразования Государственного совета. Да будет с ним благословение свыше.

19 ноября. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Читал записку, предоставленную Н. Милютиным из Варшавы о поездке его, Арцимовича, Самарина и Черкасского по селам и весям Царства [257ª]. Написано Самариным литературно, хорошо, в деловом отношении наивно. Странно, что эти умные люди описывают свою поездку по Царству в тоне поездок по Египту или Бразилии и не замечают, какая в этом насмешка над правительством, полвека господствовавшим в Царстве, если ему подобные описания нужны, и над ними самими, если они не нужны.

20 ноября. Дома. Работал. Заезжал потом в Главное казначейство, чтобы благодарить управляющего Лишевича за содействие при введении * нового кассового порядка [82]. Вечером некоторые посетители.

21 ноября. Работал. Заходил к гр. Кутузовой, которой не видел столько лет. Видел du temps l'irréparable outrage **.

22 ноября. Утром в Царском. Доклад. Обедал у их и. величеств с гр. Строгановым, Рейтерном, гр. Протасовым и г. Альбединскою. Винберг назначен вместо Мартынова директором Департамента общих дел. Встретил там Арцимовича, назначенного вице-председателем совета в Царстве. Вечером был Мезенцов. Он, кажется, прочится на место Потапова.

23 ноября. Целое утро работал. Не выходил. После обеда и до поздней ночи снова за работой, за исключением 2-х часов, проведенных на музыкальном вечере у марк. Пеполи.

24 ноября. Утром по случаю екатерининского дня в Михайловском дворце. Потом заезжал к Мещерским. Вечером за работой.

25 ноября. Утром в Государственном совете. При обсуждении мерзкого уголовного дела о скотоложстве с кобылою совещание продолжалось $^3/_4$ часа. Бахтин и принц Ольденбургский настаивали на смягчении наказания, а принц дошел до того, что спросил, лучше ли соблазнять женщину, чем употреблять кобылу? Vix non credibile ***. [...] **** Потом заседание по вопросу

---

* *После* при введении *в скобках написано:* по Министерству в[нутренних] д[ел]. (Т. II, л. 55 об.).

** непоправимые удары времени.

*** Невероятно то, чему едва можно поверить.

**** *Слово не разобрано.*

о земских учреждениях. Беспутное и неприличное. Председатель употребил все усилия [258], даже недобросовестные, чтобы привлечь большинство на свою сторону по вопросу о числе гласных от разных сословий, но не успел в этом. Образовались четыре мнения [259]. Гернгрос был невозможен.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны.

26 ноября. Утром в Зимнем дворце. Выход по случаю кавалерского праздника св. Георгия. Ненавижу церемонии, но в этой есть по крайней мере нечто особенное, есть идея, есть нечто трогательное при виде стоящих под ружьем георгиевских кавалеров, молящихся набожно и искренно при возглашении вечной памяти их павшим сотоварищам. Был сегодня на этом выходе первый раз и был по желанию помолиться и призвать св. победоносца на помощь в моей брани, упорной и трудной, хотя и не кровопролитной. По возвращении кончил и подписал записку, составленную мною по делу о земских учреждениях, в которой я приурочиваю к ним вопрос о преобразовании Государственного совета. Записка служит как бы предисловием к составленному мною проекту [83]. Испытываю все пути, натягиваю все струны. Святый великомучниче и победоносче Георгии, моли бога о нас!

27 ноября. Утром дома. Доклады. Вечером некоторые посетители. Между прочими бар. Унгерн-Штернберг, сдержавший слово и построивший прошлым летом часть Одесско-Парканской железной дороги.

28 ноября. Утром заседание по делу о земских учреждениях. Последнее до внесения дела в Общее собрание. Передал там Долгорукову проект преобразования Государственного совета. Обедал у Головнина. Вечером был у меня Шернваль по вопросу о статьях финляндской и нашей пресс касательно отношений Финляндии к России.

29 ноября. Утром в Зимнем дворце. Всеподданнейший доклад. Государь сообщил мне депешу Будберга из Парижа. Вопрос о конгрессе еще не сошел со сцены. Государь предварил меня также, что в особых совещаниях, куда я назначаюсь, будут рассматриваться привезенный Милютиным из Варшавы проект устройства особого в Царстве военного управления и ожидаемые от него предположения по крестьянскому делу. Наделы! Слабая струна государя и тетива господ редакционистов! Давно знаю вас.

Заезжал к Паскевичу, к Ленскому (которого не видал), к Платонову и к Шернвалю. Ходил пешком. Встретил Нэпира, который сказал мне о слышанном от Горчакова объяснении между бар. Брунновым и лордом Росселем. Последний говорит, «qu'ils sont disposés à un rapprochement mais que l'opinion publique les gêne, qu'il faudrait faire quelque chose pour lui faire changer de

couleur» *. Кн. Горчаков будто присовокупил, «qu'il pense aussi qu'il est temps de faire quelque chose» **. Увы! Мы в заколдованном круге.

Шидловский вернулся после 5-тимесячных странствований. Сожалею о том, что не заметил его отсутствия в движении дел. Немного места занимает иногда в этом круге личность, которой кажется, что она его наполняет.

30 ноября. Утром Комитет финансов. Вопросы польские [260] и вопросы о сделке Штиглица с Ротшильдом для покрытия наших трассировок [261]. Оказывается, что кроме 30 млн., которых стоил недоносок размена, нужно еще 30 млн. для покрытия траты. Об этом Комитет финансов узнает внезапно! Вернулся для принятия доклада Земского отдела. Работал до поздней ночи.

1 декабря. Утром у обедни. День по обыкновению. Кух с женою и детьми прибыли сегодня утром.

2 декабря. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Работал.

3 декабря. Комитет министров. Вечером приехал Анненков из Киева и был у меня $1^1/_2$ часа. Честный, благородный, ограниченный и болтливый, как прежде, но физически ослабевший. Мало проку, мало надежды. Муравьев и Анненков! Неужели нет других? Фонарь Диогена в ходу. Потом был на музыкальном вечере у гр. Орловой-Давыдовой. Она писала ко мне пригласительную записку. Вероятно, у него есть до меня дело.

4 декабря. Утром за работой. Вечером несколько гостей и опять работа.

5 декабря. Заседание по земским учреждениям для просмотра и подписи журнала. Вернулся пешком. Заходил в Исаакьевский собор. Как темно! Как можно было построить храм божий для ночи. Вечером был, между прочим, гр. Орлов-Давыдов. Точно, было дело.

6 декабря. Утром малый выход. Baise-main ***. Потом заезжал к герц. Лейхтенбергскому. Был у Гернгроса и Зеленого. У сего последнего совещание по вопросу о выселении из Царства Польского колонистов с ним и Платоновым. Дела польские вообще мало подвигаются к развязке. Затишье или, точнее, даже полузатишье. Мы тешимся надеждами без основания. Мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и ее не находим. А одною материальной силой побороть нравственных

---

* что они расположены к сближению, но что им мешает общественное мнение и что надо было бы что-то сделать, чтобы дать ему другое направление.

** что он тоже думает, что пришло время что-то предпринять.

*** Обряд целования руки.

сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей — ни одной. В Западном крае и в Царстве повторяются теперь проскрипции древнего Рима времен Мария и Суллы. Это не идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Эти идеи для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их название неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном вел. кн. финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить себе хотя один поляк.

Намедни *, в понедельник, было совещание у военного министра, о котором я забыл упомянуть. Речь шла о новом устройстве полицейского управления в Царстве с ген.-полицмейстером Треповым и его помощником флиг.-ад. Анненковым, т. е. ministère de la police ** на время. Были оба Милютины, кн. Долгоруков, Платонов и я. Платонов на другой день приезжал ко мне советоваться по делам, лично до него касающимся. Ленскому дан consilium abeundi ***, форма для исполнения избираемая, годовой отпуск. Платонов считает себя оскорбленным постоянною ролью подъездка и хочет уйти. Он говорит: «C'est faire voir trop srûment qu'on neme garde que peur me faire faire un métier que je ne trouve pas de mon goût et pour me donner un coup de pied injuste ****». Предварил об этом в четверг кн. Долгорукова.

7 декабря. Утром работал, потом всеподданнейший доклад. Оставил у государя мою записку по вопросу о земских учреждениях. Государь говорил об Анненкове. Я сказал, что его недостатки были известны до его отправления в Киев. Государь отвечал: qui n'a pas de défauts *****. Дело в том, что недостатки Анненкова преимущественно заключаются в его ограниченности. Il y a du monde qui n'a pas ce défaut-là ******. Сказал государю, что разделяю мнение, изложенное в записке Зубова, переданной ему вел. кн. Николаем Николаевичем, и испросил разрешения передать ее в Главный комитет. Это будет случай, наконец, начать войну против безрассудных распоряжений ген. Муравьева. Сегодня в первый раз мне показалось, что государь начинает видеть его действия в их истинном свете.

---

* *После* намедни *в скобках написано:* 2-го (*Т. II, л. 57 об.*).

** Департамент полиции.

*** совет удалиться.

**** это означает показать слишком откровенно, что меня здесь держат только для того, чтобы я выполнял дело, которое мне не по вкусу и чтобы дать мне незаслуженный пинок.

***** кто без недостатков!

****** Есть люди, у которых нет этого недостатка.

Обедал в Английском клубе в честь нового почетного члена кн. Горчакова. 250 чел. за столом. Много речей. Слишком много. Почетный член также говорил не слишком мало и не слишком разборчиво. Он воздал должное государю, но публика, сильно ему аплодировавшая, когда он не забывал себя, приняла холодно напоминание о его величестве. Неблагоприятный признак. Отделять министров от государя в делах, которые восхваляются прежде, чем их отделит закон, значит, что закон отстал от времени. Поздно вечером был у Гернгроса. Передал лично министру государственных имуществ телеграфическое известие, что гр. Берг отправляет 1800 чел. 6-ю партиями в 300 чел. каждая на поселение в Самарской губ. в декабре месяце! У наших властей на западе будто сделалось хроническое головокружение. Они выселяют, переселяют, высылают массами, не тревожась ни географией, ни климатологией. Завтра будет доложено государю о необходимости приостановить подобные распоряжения.

8 декабря. Утром у обедни. Потом был у меня ген.-ад. Анненков 4 битых часа сряду! До изнеможения!

9 декабря. Утром Государственный совет. Вопрос о полицейских сборах. Бурное заседание. Чевкин и в особенности кн. Гагарин выходили из пределов приличий. Тем не менее на нашей стороне главные голоса в собрании и вообще, хотя меньшинство, но меньшинство значительное. 20 против 24-х. Обедал у Карамзиных.

10 декабря. Утром совещание у государя. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Зеленый, Платонов, Н. Милютин и я по вопросу о конфискации и секвестре в Царстве Польском. Потом Комитет министров. Потом Западный комитет. Потом соединенное присутствие Департамента законов и Главного комитета по делу посредника Климова. Наконец, Главный комитет. Всего вообще 6 часов сряду. Однако же в промежутке успел побывать в сельскохозяйственном музее и Эрмитаже, где видел прекраснейшую вазу, добытую в нынешнем году археографическим обществом в екатеринославских курганах.

Меткое замечание сделал в прошлом году кардинал Антонелли в разговоре с гр. Орловым-Давыдовым. «Pourquoi la nouvelle législation de votre empire est-elle si uniformément démocratique? Lequel des ministres exerce une influence dominante? — Aucun.— Tous les ministres sont sur un pied d'égalité dans le cabinet.— Alors je commence à comprendre. Pour une tendance aristocratique, il faut qu'un esprit domine et dirige la marche des affaires.— Pour une tendance démocratique il suffit d'un accord entre les sous-ordres» *.

---

* Почему новое законодательство вашей империи так односторонне демократично? Кто из министров имеет господствующее влияние? — Никто. Все министры на равной ноге в кабинете.— Тогда я начинаю по-

11 декабря. Утром доклады. Вечером заседание Духовного присутствия.

12 декабря. Утром дома за работой. Вечером на $^1/_2$ часа на бале у Родоконаки.

13 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь возвратил мне записку по вопросу о земских учреждениях. Он возвратил ее с сердцем без пометы и хотя ничего не сказал мне неприятного, но видно было, что записка ему была неприятна. Он забыл, что говорил в апреле насчет мысли о преобразовании Совета, и теперь сказал, что эту мысль с самого начала будто бы отвергнул. Одним словом, les Bourbons n'ont rien appris et rien oublié *. Я кратко объяснил поводы к представлению записки и затем, не входя в дальнейшие объяснения насчет апрельских и прежних бесед с е. величеством, продолжал доклад. Выходя, я посмотрел на икону в его предкабинете, поклонился Казанскому собору на пути домой и дома взглянул на другую икону. Господь бог да будет мне бездомному страннику покровителем и да укажет мне приют. Долго в этом доме я не останусь. Моя роль разыграна. Выждать следует некоторое время, чтобы не подумали, будто я хотел провести е. величество и ухожу с досады, что это не удалось. А уходить следует, потому что я, очевидно, чужой в здешней среде и чем далее, тем менее надежды сойтись.

14 декабря. Утром в Государственном совете. Дело о земских учреждениях. 5-часовое заседание при 19° теплоты в зале. Утомительно и бесполезно. Работал до ночи по обыкновению.

15 декабря. Утром у обедни. Несколько визитов. Тяжкие частные заботы. Вечером работал.

16 декабря. Утром в Государственном совете. В деле земских учреждений большинство решительно склонилось по всем разногласиям на мою сторону. Вечером за работой.

17 декабря. Утром Комитет министров. Обедал у английского посла, между прочим, с Милютиным, которого Нэпир после обеда исповедовал. Сомневаюсь, чтобы он был восхищен исповедью.

18 декабря. Утром дома. Разные доклады. Вечером в Министерстве. Совещание с разными горнозаводчиками.

19 декабря. Утром Государственный совет. Конец дела по земским учреждениям. Сегодня по вопросу об исключении государственных земских повинностей из временного ведения земских учреждений я произнес довольно длинную и, как сам чувствовал, безукоризненную речь. Результат был — не только

нимать. Для аристократического направления надо, чтобы один ум господствовал и руководил ходом дел. Для демократического достаточно согласия между подчиненными.

* Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли.

значительное большинство против меня, но и объявление кн. Горчаковым в конце совещания совершенного непонимания дела. Travaillez, après celà à l'Européenne *. Перед Государственным советом краткое заседание Западного комитета.

20 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь говорил о раскольничьем вопросе и при этом случае спросил, знаю ли я монаха Порфения. Я отвечал, что знаю и что он у меня был. Потом государь спросил: «А Карамзин не говорил об этом деле?» Я отвечал, что не только говорил, но и прислал ко мне Порфения. «Vous voyez que je suis bien informé» **,— заметил его величество и «les deux partis se donnent beaucoup de mouvement dans cette affaire» ***. Мне следовало бы сказать: l'un des partis, non les deux ****, но я этого не сказал. Все это через заднее крыльцо императрицы, через Тютчеву, Блудову и К^0 восходит сперва до ее, а потом и до его величества.

Заезжал к Нэпиру. Вечером у Moira.

21 декабря. Утром на совещании у Зеленого с Анненковым и Рейтерном по вопросу о пособиях русским помещикам и вообще русским уроженцам для приобретения имений в Западном крае. Вечером был у меня Анненков, который завтра едет обратно в Киев. Pauvre cervelle *****.

22 декабря. Утром у обедни. Потом несколько визитов. Вечером дома.

23 декабря. Утром Государственный совет. Потом комитеты Сибирский и Кавказский. В Государственном совете наскоро прочитан и подписан журнал по делу о земских учреждениях. К 1-му января, как сказано, дело поспеет. Вечером дома.

24 декабря. Утром у обедни. Потом Комитет министров. Вечером елка по обыкновению.

25 декабря. Утром у обедни. Целый день дома.

26 декабря. Дома. Разбирал бумаги и работал.

27 декабря. Утром всеподданнейший доклад; вечером в опере Rigoletto на $1^1/_2$ часа времени. Потом на $^1/_2$ часа на бале в дворянском собрании.

28 декабря. Утром совещание у государя по вопросу о милютинских проектах для Царства Польского, в особенности по проекту крестьянской реформы. Кн. Гагарин, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин, Зеленый, Чевкин, Рейтерн, Платонов и я. Печальное впечатление. Государю угодно, чтобы проект, еще ненапечатанный, еще нам не сообщенный, был облечен в форму закона, буде можно к 19-му февраля. Проект со-

---

* Вот попробуйте после этого работать по-европейски.

** Вы видите, что я хорошо осведомлен.

*** обе партии создают много шума в этом деле.

**** одна из партий, а не обе.

***** Глупый человек.

ставлен лицом, не знающим Польши, пробывшим там 6 недель и будет обсуживаться и обращаться в закон без участия хотя бы единого поляка! Совещания не было; было только чтение доклада Милютина и некоторые разглагольствования о том, что делалось и делается в Польше. Чевкин был себе верен, кн. Гагарин тоже. Сей последний говорит, что Польша, польская народность, стремление к восстановлению политической независимости и т. п.— только слова; на деле только социальная революция. Гр. Панин, осторожный и покорный гр. Панин, решился заметить, что никаким краем нельзя управлять без его уроженцев, подразумевалось — и для него писать законы. Это замечание прошло бесследно. Кн. Горчаков решился резервировать свое мнение с дипломатической точки зрения. Его резервация не приостановила суждений unisono со стороны говоривших. Я и Платонов молчали. Рейтерн также ничего не сказал, но, по-видимому, соглашался. Где мы? В Европе? — нет. В Азии? — Нет. Где-нибудь между обеими ими в полу-европе, в Белграде или Бухаресте [84]. Между тем к новому году во всех кассах налицо 4 мил. и министр финансов мне говорил сегодня: «Si l. Napier savait, qu'il lui suffit de froncer le sourcil encore pendant un an pour nous mettre à ses pieds!» * Это говорит министр финансов. Le président en herbe ** Государственного совета, кн. Гагарин, в тот же день утверждает, что нам нечего заботиться о том, что скажет Европа, что мы у себя хозяева, что можем делать в Польше, что и как нам угодно и пр. и пр. Cela s'appelle un gouvernement! ***

Перед совещанием был у вел. кн. Елены Павловны по случаю дня ее рождения. Вечером в Французском театре: Montjage. Отлично играно.

29 декабря. Утром у обедни. Заходил к Замятнину и к гр. Паниной. Вечером за работой.

30 декабря. Утром заезжал к кн. Долгорукову и гр. Гейдену. Переговоры с гр. Левашовым, который уклоняется от назначения в Житомир. Дома за работой остальную часть дня.

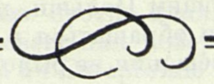
31 декабря. Утром в Министерстве. Обошел департаменты вместо приема у меня в Новый год, что мне противно. Затем дома. У всенощной. Потом работал. Тяжкие вести с Кавказа. Давно это горе мне сжимает сердце. Оно печально оттеняет и без того не светлый конец 1863 года.

---

* Если бы лорд Нэпир знал, что ему достаточно хмурить брови еще в течение года для того, чтобы подчинить нас себе.

** будущий председатель.

*** И это называется правительством!

1864 год

1 января 1864 года. Утром во дворце. Большой выход отказан. Говорят, по нездоровью императрицы, быть может по дипломатическим уважениям, потому что Нэпир слег в постель и, следовательно, не был бы во дворце. Малый выход состоялся. В Государственный совет посажен Гринвальд. На кн. Александра Федоровича Голицына надета андреевская лента. Милютин сделан ст.-секретарем. Замятнин утвержден министром юстиции. Корфу, Корнилову и еще кое-кому даны земли. Буткову аренда и пр. и пр. Положение о земских учреждениях утверждено, причем во многих важных вопросах государь принял мнение, противоположное моему мнению [262]. Если бы у меня сохранились некоторые иллюзии, то они бы теперь должны были рассеяться. Но они давно рассеивались понемногу и наконец окончательно улетучились. Остается выдержать характер и роль до известного момента. Судьбою еще не подан знак, но он будет подан. Даже по моему близорукому взгляду не настало к тому время. Но оно настанет. Зеленые деревья Аптекарского острова, золотые главы аптекарской церкви, стрижи, реющие около церкви, соловей в саду, зеркало серебристой Невы, бог пошлет вам другого соседа.

Заезжал утром к Тройницким, к Мухановым, к кн. Долгорукову и к гр. Панину. Довольно длинный разговор с сим последним. Один из тех разговоров, которые во мне возбуждают нечто похожее на внутренний ужас. Мы говорим одним языком и, несмотря на то, между нашими речами ничего нет общего, кроме звука. Мысли идут по совершенно различным направлениям. Гр. Панин этого не замечает. Я вижу различие, вижу, что оно резче, чем я мог ожидать, и перестаю говорить, чтобы высказывать свою мысль, а продолжаю, чтобы ее закрыть. Как эти люди верят в прочность порядка, который я считаю в основаниях своих потрясенным. Как мало места дают они в будущем

непредвиденному. Будто они предвидели то, что теперь ввиду их сбывается.

2 января. Утром доклад по назначению государя вместо завтрашнего дня. Заходил к кн. Кочубей. Работал. Писал письма.

3 января. Утром дома. Прошелся только пешком по левой стороне Невского, избегая людей, которые ходят по правой. Вечером на бале у Орловых-Давыдовых. Сказал Долгорукову, que bientôt ma position pourrait n'être plus tenable *. Он на сей раз не противоречил, что много значит.

4 января. Утром выезжал на короткое время. Потом работал. После обеда были у меня Пущин, Мартынов, Литвинов, Рибопьер и Чертков, который решился ехать в Юго-Западный край. Принимаю меры к составлению отчета и к снятию копий с некоторых бумаг, которые я передам моему преемнику.

5 января. Утром у обедни. Выходил. Вечером за работой.

6 января. Утром у обедни. Перед обедом у вел. кн. Елены Павловны по делу о проектированном Галаганом обществе поощрения народного образования в Юго-Западной России [263]. Вечером у Мещерских.

7 января. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Потом комитет Западный.

8 января. Утром в Государственном совете. Вечером несколько посетителей.

9 января. Утром первое совещание под председательством кн. Гагарина по милютинским проектам для Царства. На сей раз вопрос об устройстве гмин. Виделся там с Очкиным, которого не встречал с 1845 года. По одну сторону стола сидят кн. Гагарин, гр. Панин, Зеленый, Рейтерн (Чевкин болен), Платонов и я. Против нас — Очкин, Арцимович, Милютин, Самарин и Черкасский. Элементы разнородные. Черкасский хорошо и отчетливо говорит. Вечером на $^1/_2$ часа у Пеполи на музыкальном рауте.

10 января. Утром доклад. Видел во дворце весьма многих по случаю рождения в прошлую ночь вел. кн. Петра Николаевича. Обедал у Орловых-Давыдовых.

11 января. Утром Совет министров. Две слабые записки Толстого [263а]. Работал.

12 января. Утром несколько визитов после обедни. Вечером большой бал во дворце.

13 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Гр. Блудов болен, но продолжает воевать с кн. Гагариным, и на завтрашний день оба спорят насчет назначения заседаний. Один хочет собрать у себя Западный комитет. Другой собирает Польский. Корнилов fait la navette sans abou-

---

* что вскоре мое положение может стать невыносимым.

tir *. Перед Государственным советом совещание у кн. Горчакова по вопросу о вызове из-за границы «absentus» ** Царства Польского.

14 января. Утром Западный комитет у гр. Блудова. Старческая энергия гр. Блудова и кн. Гагарина и смешна, и прискорбна. Полтора часа рассуждали о «резолюции» и не кончили. Оттуда в заседании по польским проектам Милютина. Кн. Гагарин предлагает вместо выкупа дать землю крестьянам за вознаграждение «из общих налогов», т. е. в даровом виде. Я заметил, что, два раза завоевав Польшу мечом, мы теперь собираемся ее купить на чужие деньги у польских крестьян. Кн. Гагарин отрекся от мысли о «даре» и дал делу вид редакционного недоразумения. Заключили переделать редакцию и пересудить. Вечером дома.

15 января. Утром дома. Работал. Вечером несколько посетителей.

16 января. Утром заезжал к кн. Горчакову для объяснения по польскому делу. Shallow waters ***. Потом в заседании по этому делу. Когда я заметил, что р а з д а ч а земель безземельным крестьянам к а к б ы п о п р а в у ведет к раздаче домов бездомным мещанам, Милютин до того вышел из себя, что отвечал грубо, что считает лишним и бесполезным возражать, потому что подобное предположение было бы безумным. К счастью, я сохранил нужное хладнокровие и отвечал спокойно и без нарушения приличий. Уже опасаются Zeichen der Zeit ****. При теперешней обстановке с теперешним направлением мне делать здесь нечего. Вечером работал. Потом на $^1/_2$ часа у Гернгроса.

17 января. Утром всеподданнейший доклад. Был у гр. Блудова и у Очкина. Впечатление неудовлетворительное. Вечером на $^1/_2$ часа у португальского посланника.

18 января. Утром работал. Вечером тоже. Смутно.

19 января. Утром у обедни. В 2 часа заседание по польским проектам. Там нечего делать. Судьбы да свершаются. Вечером дома. Читал, чего давно не делал.

20 января. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

21 января. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет у гр. Блудова. Вечером бал во дворце. Получено известие о смерти ген.-ад. Тучкова. Государь говорил на бале о кандидатах на его место: кн. Меншиков — но стар и опустился умственно, Офросимов — но есть неудобства, Муравьев-Карский —

---

* безуспешно бегает туда и обратно.

** «отсутствующего».

*** пустой разговор.

**** знамений времени.

еще большие неудобства. Назимов, бывший на бале, ходил в раздумье. Хотелось бы, но надежды нет. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с лордом и леди Нэпир и супругами Пеполи.

22 января. Государь на охоте; на сей раз с ним ездил в числе прочих лорд Нэпир. Утром заседание по польским проектам. Потом обед у Смирновых. Вечером дома. Получено известие о первой стычке в Дании. Искра брошена. Раздуть пожар недолго [264].

23 января. Утром Западный комитет у гр. Блудова. Вечером бал у кн. Кочубей.

24 января. Утром всеподданнейший доклад. До обеда доклады департаментов. Обедал у Паскевича. Вечером за работой.

25 января. Утром заседание в особой комиссии под председательством кн. Гагарина по вопросу о конфискациях. Перед тем выход во дворце по случаю крестин вел. кн. Петра Николаевича. Вечером в итальянской опере «Faust». Моя нервическая система так расстроена, что я не могу выдерживать сценических впечатлений.

26 января. Утром после обедни заседание по польским проектам. Остальное время дня дома. Опасная болезнь Куха меня сильно тревожит.

27 января. Утром у кн. Горчакова. Совещание по вопросу об униатах в Царстве. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

28 января. Утром Комитет министров. Потом комитеты Западный и Сельского состояния. Первый из 4-х литовских вопросов. Беспутное совещание. Но дело решится только при последующих. Вечером за мною посылала вчера госпожа Этлингер, якобы по весьма нужному делу. Оказалось qu'elle pourrait être une des souris qui rongent les filets du lion; qu'une forte cabale est montée contre moi, que le ministre de la guerre travaille à mettre son frère à ma place * и прочая дребедень в этом роде. Сегодня явился ко мне гр. Орлов-Давыдов и ждал у меня до моего возвращения из комитета для сообщения того же самого, что мне сказала вчера Эдм. Этлингер. Странно, но мало этим озабочиваюсь. Эти господа воображают, что мне жаль было бы расстаться с Министерством и что меня нетрудно опрокинуть. Ошибаются в том и другом.

30 января. Утром в заседании по польским проектам. Вечером получено известие о пожаре в Петрозаводске. Литейное заведение для пушек объято пламенем [265]. Послал за губернатором, который здесь, и отправил его на место.

---

* что она может стать одной из тех мышей, которые грызут сеть, в которой пойман лев, что против меня начали вести крупную интригу; что военный министр делает все, чтобы на мое место поставить своего брата.

31 января. Утром всеподданнейший доклад. Потом выходил пешком, чего давно не случалось. Вечером дома.

1 февраля. Утром совещание у его величества по возбужденному ген. Муравьевым вопросу о восстановлении таможенной линии на границе Царства Польского. Кн. Горчаков, кн. Гагарин, кн. Долгоруков, военный министр, Н. Милютин, Чевкин, Платонов, Рейтерн и я. Чевкин, конечно, в пользу восстановления. «Превыше всего отделить западные губернии, сделать их русскими, а там увидим». Рейтерн, видно, подготовился согласиться и имел с собою какие-то справки. Но прочие члены конференции восстали, и государь с ними согласился, даже сам прежде их высказал свое мнение в этом смысле.

Перед конференцией Горчаков имел доклад и вышел из кабинета его величества весьма красный. Что-нибудь да не ладилось. Но что? Полагаю, что по польским делам он попытался проводить более английские, чем муравьевские, воззрения.

Несколько раскольников подали ген.-ад. Огареву, которого видели в Нижнем, всеподданнейшую просьбу о даровании им льгот гражданских и духовных. Просьба, вероятно, писалась в Москве. Здесь она исправлялась при содействии Мельникова и по его советам. Сектаторы просят почти того же, что я предлагал в моей записке. Огарев передал мне просьбу. Я довел о том до сведения государя и передал ему просьбу негласно, т. е. не объявляя о том просителям, чтобы ввиду суждений по моей записке попытаться удержать за правительством инициативу реформы. Государь, по крайней мере, решился назначить совещание по моей записке в будущий четверг.

Вечером вчера был у меня новый московский ген.-губернатор [266]. Сдается, человек хороший, спокойный, но Скалозуб, произведенный в полные генералы.

2 февраля. Утром у обедни. Потом на рысистых бегах при неприятнейшей и холодной погоде. Monde à part *, мало развития.

Вечером за работой. Нового нет. Старое не светлеет.

Quarterly Review, Jan. 1864 p.p. 62, 63.

We are acquainted with New Englanders in whom the Old Home feeling is at times inexpressibly strong. When their life has been more than usually moved dewn to the very roots of it under the influence of a great sorrow, it has seemed y as though they touched England at that depth, and they have experienced a «hlind pathetic tendency» to wander back to the old place once more. Having no wish to disparage their own country, they yet feel there is something in English air and the tender sweetness of the green grass, the lark, singing in the blue sky over head; our

---

* свой мир.

wild flowers which seem as the affectionate diminutives used by nature in her fondest speech; our field footpaths that wander and shady lanes that loiter along their lines of beauty; the homesteads that nestle in the heart of rural life, and the thatched cottages that peep on the wayfarer through their wreaths of honeysuckle and roses; our grand Gothic cathedrals, grey old Norman towers and village church-spires; the long rich grass that fattens round the old abbeys, which they cannot find in their own country. We have heard them say that the only real quiet life seems to be in England, and the only stillness sacred for the dead to rest in seems to lie under the mossy stone or daisied mound of an English country church-yard. Home is not easily extemporised on so vast a scale as is mapped out in America; and England alone, with her nestling nooks and old associations and brooding peace, satisfies the finest sense *.

3 февраля. Утром Государственный совет. Потом заседание Департамента экономии для рассмотрения моей сметы. Странное стремление тратить время на толки о графах для сотен, когда в прошлом году 25 мил. израсходовано вне всяких граф и без всяких кредитов. Государь по вопросу о конфискациях утвердил мнение кн. Гагарина. A bon entendeur salut **.

4 февраля. Утром Комитет министров. Дела западные отло-

---

* «Квартерли Ревью», январь 1864 г., стр. 62, 63.

Мы знакомы с жителями Новой Англии, в которых тоска по старой родине иногда невыразимо сильна. Когда их жизнь под влиянием какого-либо тяжелого переживания в большей степени, чем обычно, приближается к своим истокам, им кажется, что на этой глубине они как бы прикоснулись к Англии, и они испытывают «неосознанное трогательное стремление» побывать еще раз на своей прежней родине. Не имея желания унизить свою собственную страну, они тем не менее чувствуют, что есть что-то такое в воздухе Англии и в нежной прелести зеленой травы, в жаворонке, поющем в голубом небе, в наших полевых цветах, которые кажутся нежными, ласковыми словами, произнесенными Природой; в наших полевых дорожках, приветливо вьющихся среди полей, и в тенистых аллеях, медленно движущихся вдоль своих красивых оград; в усадьбах, уютно устроившихся в самом центре сельской жизни, и в крытых черепицей коттеджах, поглядывающих на путника сквозь свои обрамления из жимолости и роз; в наших величественных готических соборах, седых древних норманнских башнях и колокольнях деревенских церквей; в сочной траве, буйно растущей вокруг старых аббатств, чего они не могут найти в своей собственной стране. Мы слышали их слова о том, что подлинно спокойная жизнь может быть только в Англии, и тот священный покой, в котором пребывают мертвые, кажется, можно найти только под обросшим мхом камнем или покрытым маргаритками могильным холмом английского сельского кладбища. Не легко создать свой очаг заново на таких обширных пространствах, которые имеются в Америке; и только Англия с ее уютными уголками, старыми воспоминаниями и задумчивым спокойствием удовлетворяет людей, умеющих тонко чувствовать.

** Имеющий уши да слышит.

жены, потому что у Зеленого флюс. Время уходит, впрочем для меня лично все это уже мало имеет значения.

5 февраля. Бедный Кух умирает. Неисповедимы судьбы божии.

Целый день за работой. Вечером были у меня, между прочим, архиепископ Платон с запискою, поданною ему каким-то раскольником из Казани о реформе единоверия, и кн. Оболенский, который говорил о несостоятельности Новосельского на миллионы, частию казенные, частию частные.

6 февраля. Утром совещание у государя по вопросу о раскольниках. Кн. Долгоруков, бар. Корф, Ахматов, кн. Урусов и я. Несмотря на противодействие Ахматова и Урусова, комитет назначен под председательством гр. Панина, по случаю увольнения бар. Корфа в отпуск, за границу. Ахматов обнаружил при этом случае свое крепкое нерасположение к архиепископу Платону. Вместо одного духовного члена назначены трое. Другого предварительного совещания не будет. Потом Совет министров по пустому докладу бар. Корфа о замене для канцелярских чиновников производства в классный чин пожалованием в почетные граждане. И. М. Толстой справедливо заметил, что это значило бы сравнять писцов с знаменитыми художниками, которых награждают почетным гражданством. Дело упало в воду. Был потом у гр. Панина.

7 февраля. Бедный Кух скончался сегодня в $2^1/_2$ часа пополудни после длинной и трудной агонии.

Утром доклад у государя. Пред тем он призывал меня вместе с военным министром по делу об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства, учреждении нового Степного округа из киргизских степей и пограничных наших территорий и т. п. При докладе государь говорил, что он очень доволен разрешением вчерашнего вопроса о раскольниках.

8 февраля. Утром заседание по польским проектам. Последнее. Вечером по просьбе гр. Орлова-Давыдова в Обществе сельских хозяев [267], где он должен был произнести речь. Он и произнес ее весьма порядочно. Но собрание само по себе похоже на гимназистов, упражняющихся в парламентаризме.

9 февраля. Утром у обедни. Был на бегу, где полиция не узнала цесаревича и вел. кн. Александра Александровича и не впустила в беседку членов. Кн. Суворов написал мне сегодня две записки по поводу слухов о моем выходе из Министерства. Видно, молву разносят и раздувают.

10 февраля. Утром погребение бедного Куха. В первый раз был на Волковом кладбище. Впечатление тихое и мирное. Солнце, белый снежный саван на земле, безмолвные, безлиственные деревья кругом. Гроб опустили в землю, засыпали цветами и песком. Мир праху опередившего нас.

Оттуда в заседание соединенных комитетов Главного и Западного по литовским вопросам. Semper idem *, т. е. безнадежно.

11 февраля. Утром Комитет министров и соединенное заседание тех же комитетов, что и вчера. То же впечатление. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером за работой.

12 февраля. Утром работал. Обедал у Щербатовых. Вечером на оригинальном бале у американского посланника. Помещение тесное, но гостей много и все в хорошем настроении духа.

13 февраля. Утром совещание у государя по польским проектам, которые утверждены. Потом Совет министров, где читалась записка Татаринова о новой системе отчетности и ее результатах. Вечером бал во дворце, в концертном зале, где я 22 года не [бывал] ** и где 20 лет не было бала.

14 февраля. Утром доклад. Оттуда в соединенное заседание комитетов Главного и Западного по литовским вопросам. Продолжение той же песни. Вечером у Moira.

15 февраля. Утром работал. Обедал у Карамзиных. Вечером опять за работой. Тяжелая тоска давит грудь. Небо заволакивает со всех сторон. Из Ст. [268] грустные и тревожные вести. Ни минуты, где бы я вздохнул свободно.

16 февраля. Утром у обедни. Потом на бегу. Вечером у Хитровых на $^{1}/_{2}$ часа.

17 февраля. Утром Государственный совет. Обедал у Корсаковой. Vanity fair ***.

18 февраля. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Гр. Блудов по болезни не председательствует и уезжает за границу. Кн. Гагарин по этому случаю сказал гр. Панину: «Je vais présider pendant quelque temps et après moi vous présiderez pendant vingt ans» ****. Гр. Панин, передавая мне это, довольно кисло прибавил: «croit-il que je vivrai aussi longtemps» *****.

19 февраля. Сегодняшним днем помечены указы по крестьянскому делу в Царстве Польском [269]. Утром в соборе. Работал. Сегодня умер гр. Блудов без предсмертной борьбы, почти внезапно, хотя давно был умирающим. Мир его праху. Он был в свое время полезным, всегда добрым, честным, правдивым и почтенным деятелем.

20 февраля. Утром за работой. Вечером заседание духовного присутствия. Вопрос о братствах, потом на музыкальном рауте у английского посла.

21 февраля. Утром всеподданнейший доклад. Некоторое объ-

---

* Вечно одно и то же.

** *В тексте* не видал.

*** Ярмарка тщеславия.

**** Я буду председательствовать в течение некоторого времени, а после меня вы будете председательствовать двадцать лет.

***** «Неужели он думает, что я так долго проживу».

яснение с его величеством насчет трудностей моего положения вообще и в отношении к Вильно в особенности. Упомянул о том, что называют здесь излишнею с моей стороны уступчивостью. Возвратил государю письмо короля прусского, третьего дня им мне присланное. Оно относится к поверкам в Северо-Западном крае и писано в пользу тамошних помещиков, прусских князей Радзивиллов. Государь ничего не сказал об этом письме ни кн. Долгорукову, ни кн. Горчакову. Был потом у панихиды по гр. Блудову, потом у герц. Мекленбургского, который получил от королевы прусской такое же рекомендательное в пользу Радзивиллов письмо и советовался, как его представить государю и что по оному делать с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым и со мною. Вечером у вел. кн. Елены Павловны, которая прислала за мной, чтобы посоветовать мне предложить управление тюремною частью кн. Орлову вместо Абазы.

22 февраля. Утром на похоронах гр. Блудова в Невском. Потом работал. Вечером дома.

23 февраля. Утром у обедни. Был на бегу. Вечером бал в Эрмитаже. Заезжал оттуда к Гернгросу.

24 февраля. Утром Государственный совет. Совещание по предмету pseudo посмертной записки гр. Блудова об учреждении особого верховного совета или попечительства народных училищ под председательством высшего духовного лица, т. е. духовное министерство народного обучения рядом или в связи с Министерством народного просвещения [270]. Потом заседание Главного комитета. Вечером дома.

25 февраля. Утром в Невском. Потом Комитет министров. Дело по неприличной просьбе Новосельского, неприлично представленной государю министром юстиции. Некоторые члены было готовились ее поддержать, но, ввиду решительного отпора со стороны министра финансов, бар. Корфа, Чевкина и меня, не решились на это [271]. Потом заседание Западного комитета и Западного в соединении с Главным. Записка Радзивиллов. На сей раз мое заключение по вопросу о поверочных комиссиях принято [272]. Вечером составил и отправил к Ахматову проект правил о братствах.

26 февраля. Утром доклады. Ездил к кн. Гагарину, который третьего дня назначен председательствующим в Государственном совете и председателем Комитета министров. Заезжал к гр. Армфельту. Вечером в Михайловском театре. «Unruhige Zeiten» *.

27 февраля. Утром за работой. Вечером кн. Долгоруков сообщил мне о назначении бар. Корфа председателем Департамента законов, а гр. Панина главноуправляющим II-м отделением.

---

* Неспокойные времена.

28 февраля. Утром всеподданнейший доклад. Видел в Зимнем дворце бар. Корфа и гр. Панина. Первый довольно penaud *. Он опять оборвался на хитростях. Он просил или, по крайней мере, заявил желание быть председателем Департамента законов тотчас после смерти гр. Блудова. Ему, вероятно, хотелось соединить это председательство по бывшим примерам с управлением II-м отделением, а там он себе подготовил для сего Сольского. Теперь Сольский остается как бы на воздухе и все установленные бар. Корфом во II-м отделении порядки будут опрокинуты гр. Паниным. Из дворца заезжал к кн. Горчакову. Вечером в итальянской опере; «Othello». Известный ut dièse **. Тамберлик в полном блеске.

29 февраля. Утром прием разных посетителей. Потом в Мариинском театре. Pech-Schulze ***. Невыносимо глупо. Заезжал к маркизу Пеполи. Субботнее музыкальное утро. Обедал в Английском клубе.

1 марта. Утром у обедни. Потом целый день дома, за исключением кратковременной прогулки.

2 марта. Первый день великого поста. Дома работал.

3 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. В последний был приглашен гр. Бобринский, недавно вернувшийся из Киева и представивший государю рапорт, который слушался в Комитете.

4 марта. Обычные доклады. Нового нет.

5 марта. Заезжал утром к кн. Гагарину, потом к Э. Этлингер, по ее желанию. Ее решительно сводят с ума кн. Суворов и некоторые интриганы, которые с нею толкуют о государственных делах. Не знаю последних, но догадываюсь, что к ним принадлежит полковник II-ий и кое-кто из здешних поляков.

6 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь любезен. Заходил к гр. Шувалову, где был слишком gutmütig und offen ****. Работал.

7 марта. Работал.

8 марта. Утром у обедни. Потом ездил смотреть т. н. Суворовский квартал близ Галерной гавани. Оттуда на бег.

9 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

10 марта. Утром в Комитете министров. Потом Западный комитет. Вечером дома. Отправил к министру финансов мой банковый проект [273].

11 марта. Целый день за работой, дома.

---

* скучен.
** до диез.
*** Неудачник Шульце.
**** добродушен и откровенен.

12 марта. Утром работал. Ходил пешком при прекрасной погоде. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

13 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом Комитет финансов. Новый заем негоцируется Штиглицом с банкирами Берингом и Гопе. Он нужен для наших заграничных платежей. Вечером дома.

14 марта. Утром совещание у его величества по вопросу о письмах архиепископа Фелинского. Первое заседание нового Комитета по польским делам [274]. Потом у гр. Панина первое заседание комитета, учрежденного по вопросу о раскольниках. Я воспользовался им, чтобы резко обозначить свое положение к делу и опровергнуть возводимые на меня задними крыльцами обвинения в вредоносном равнодушии к интересам церкви и т. д. Должно быть, Ахматов ходит по этим крыльцам, потому что он принял эти объяснения на свой счет. Никто не отвечал, но после заседания Ахматов сказал мне: «que je le fais passer pour un intrigant...» *. Если он не интригует, почему думал он, что другие так подумают.

Обедал в Английском клубе. Вечером у кн. Кочубей. Познакомился только там с пр. Нассауским, которого уже давно здесь встречаю.

15 марта. Утром у обедни. Ходил по обыкновению в Казанский собор. Затем целый день за работой.

16 марта. Утром в Государственном совете. Решено, что 19 марта будет парад в воспоминание взятия Парижа. Вице-канцлер, военный министр и кн. Долгоруков просили государя, когда о том была речь дней 8 тому назад, не назначать парада, потому что именно в этот день подобная демонстрация оскорбительна для Франции. Государь, по-видимому, согласился с ними и назначил вместо парада обед. Теперь обед будет 18, а парад 19-го. Говорят, что гвардейские офицеры и вел. кн. Николай Николаевич это выпросили. Государь не сказал до сих пор ни слова ни Горчакову, ни военному министру, а отдал приказание министру двора и вел. князю. Ce sera la parade du «bon ami» **.

Обедал у кн. Кочубей. Вечером на рауте у кн. Горчакова.

17 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Получено известие, что датчане отбили три приступа к Дюппельну. Шведский посланник Ведель, которого я встретил на Невском, остановил меня, чтобы с торжеством передать эту весть. Геверс, которого я встретил после, уверяет que Wedell est beaucoup plus exalté que Plessen ***, что и правда. Пруссия не может остаться под впечатлением неудачи. Требуется новая кровь. Дела более и более запутываются.

---

* что я его выставляю интриганом.

** Это будет парад «доброго друга».

*** что Ведель гораздо более пылкий человек, чем Плессен.

Кн. Горчаков, с которым я вышел из Комитета, старается теперь легко отзываться о параде. «J'ai déjà dans ma tête un article tout fait et de bon goût, pour le cas où il faudra faire parler le «Journal de St Pétersbourg» *, сказал он мне, но прибавил: «il faut avouer qu'en fait de politique nous ne sommes pas des artistes. Nous ne sommes pas des peintres, mais des ** суздальские икономазы».

Вечером в Министерстве. Заседание комиссии для пересмотра штатов и нового распределения дел по департаментам.

18 марта. Утром дома. Доклады. Вечером у С. С. Бибиковой, называемой матушкой с точкой в честь ее дочки, которую никак пристроить не может.

19 марта. Утром работал. Парад. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером обычный концерт инвалидов, где я по обыкновению не был. Был у кн. Кочубей.

20 марта. Утром всеподданнейший доклад. Просил государя послать кого-нибудь от себя в Лифляндию, по случаю движения между тамошними православными крестьянами в пользу лютеранства [275]. Для меня этот вопрос важен по общей связи с вопросом о системе насильственных или принудительных мер по делам веры. Голос Министерства внутренних дел при известном влиянии в Зимнем дворце и при известной тактике Ахматова будет представляться или выставляться односторонним. Важен был выбор лица, которое бы не поддавалось здешним влияниям и не выезжало отсюда с готовым мнением. Из числа предложенных мною кандидатов государь выбрал гр. Бобринского.

Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

21 марта. Утром заседание раскольничьего комитета у гр. Панина. Годовой обед в Английском клубе. После обеда блистательный speech лорда Нэпира, слабый кн. Горчакова, весьма слабый гр. Орлова-Давыдова. Вечером Полонский читал у меня в присутствии нескольких лиц свои «Сцены не для сцены», в которых изображается во многом весьма удачно борьба между гуманитарным и патриотическим направлением, по случаю польских смут.

22 марта. Утром у обедни. Несколько визитов. Работал вечером.

23 марта. Утром Государственный совет, потом комитеты Главный, Сибирский и Кавказский. Вечером за работой.

24 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Вечером за работой.

---

* В моей голове статья уже готова, и хорошая статья, на случай, если надо будет предоставить слово «Journal de St. Pétersbourg».

** Надо признать, что в вопросах политики мы не мастера, мы не художники, а . . .

25 марта. Утром у обедни. Работал и писал запоздавшие письма. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером опять за работой.

26 марта. Утром Польский комитет. Потом разные доклады. Обедал с лордом и леди Нэпир у гр. Орлова-Давыдова quasi en famille *. Вечером за работой. Moniteur [276] косвенно заговорил о параде.

27 марта. Утром всеподданнейший доклад. Ходил. После обеда был у меня по указанию архиепископа Платона единоверец Петров из Казани, староста единоверческой церкви с проектом записки на мое имя и проектом всеподданнейшего прошения о средствах воссоединения старообрядцев, писанными священником здешней единоверческой церкви Верховским. Замечательные документы. Резко, дерзко и бойко в них предлагается создание особой старообрядческой иерархии и усваивается поповцам значение древней, а православным значение новой на греческий лад устроившейся церкви. Ненависть к нашим епископам дышит в каждом слове. Новейшие, а может быть, и старые понятия об отдельности государственной власти от церковной выражаются и проводятся с замечательною последовательностью. Я знал уже о 16 пунктах предположений, заключающихся в прошении, но не подавая вида, что знал об них, и предусматривая, что принять окончательно подобные бумаги будет невозможно, я сказал Петрову, что оставлю их у себя для прочтения. Сущность предположений была сообщена Петровым архиепископу Платону, который против некоторых из них сделал собственноручные одобрительные заметки. Я послал все эти бумаги к кн. Долгорукову, который завтра будет у государя.

28 марта. Утром на похоронной литургии в Екатерининской церкви по умершей 13-летней дочери прусского посланника гр. Редерна. Потом раскольничий комитет у гр. Панина [277]. Вопросы о браках и правах по имуществу. Потом особое совещание по высочайшему повелению, переданному кн. Долгоруковым, между членами того же Комитета без духовных Сольского и Корнилова, по вопросу о том, что мне отвечать Петрову на поданные им бумаги. Я полагал их возвратить с присовокуплением, что они по форме и содержанию непригодны и что я отклоняю от себя участие в деле. (Это не слова, по смысл ответа). Члены совещания его одобрили и вечером я изложил оный на бумаге, чтобы кн. Долгоруков, который завтра снова увидит государя, мог показать это изложение его величеству. Во время совещания Ахматов и Урусов, а во время заседания Комитета они и духовные члены следовали обычной системе недобросовестной лавировки. Когда я напомнил Ахматову после совеща-

* почти по-семейному.

ния, что соборное начало — догмат церкви и что некоторые епископы весьма склонны его поддерживать, он старался дать этому стремлению политический смысл и сказал: моя вера не православная, а русская вера (т. е. самодержавие и в церкви). Но о самодержавии и речи не было, а мы вообще таковы, как скоро какой-либо вопрос нас тревожит vite donner le change et chercher en haut lieu une corde sensible *. Когда речь о смешанных браках, о лютеранах и т. п., мы православные и об интересе государства нет речи. Когда же дело касается внутреннего быта церкви, мы русские и догматы православия на заднем плане.

29 марта. Утром у обедни. Выезжал утром. Послал государю, по его требованию, подлинные заметки Платона на записке Петрова. Вечером был у меня Ламанский. Наше финансовое положение весьма затруднительно и исхода не видно.

30 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

31 марта. Утром Комитет министров и Западный комитет. Вечер по обыкновению.

1 апреля. Целый день дома за работой. На $^1/_4$ часа прогулка пешком перед обедом. Был у меня гр. Сакен из Варшавы.

2 апреля. Утром за работой. Обедал у гр. Хрептович. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

3 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Обедал у и. и. величеств. Вечером у лорда Нэпира.

4 апреля. Утром раскольничий комитет у гр. Панина. Заходил к гр. Петру Шувалову. Вечером у кн. Одоевской. Вел. княгиня, обыкновенно бывающая на ее вечерах, сегодня не сходила по нездоровью и приказала просить меня к себе. Разговор около часа на разные темы. Вел. княгиня говорит, что вел. кн. Константин Николаевич намерен был пробыть здесь не более двух недель, но что государь намерен его задержать до отъезда и. и. величеств за границу, т. е. до конца мая. Из Михайловского дворца поехал к кн. Кочубей, где пробыл до 1 час. ночи.

5 апреля. Утром у обедни. Прогулка пешком. Потом дома. Был гр. Андрей Шувалов по пермским делам [278]. На днях арестовали около Зимнего дворца двух молодых людей, которые подходили с назойливостью к трем разным часовым и у одного из них пытались отнять ружье. Оказалось, что они прежде заходили в комнату арапов и там расспрашивали о расположении караулов. Оба студенты, один из них под полицейским надзором и замешан был в дело разбрасывания возмутительных воззваний [279]. Следствие делается полицией. Вообще дело неясно. Ни кн. Долгоруков, ни об.-гофмейстер гр. Шувалов не могли мне дать точных ответов на мои вопросы.

---

* быстро переменить тему и искать в высших сферах чувствительные струны.

6 апреля. Утром Государственный совет и Главный комитет. Вечером заседание в Александро-Невской лавре по вопросу о братствах. Потом на вечере у Нелидовой accordéon * г. Толмачева и цитра. Оттуда на раут к кн. Горчакову.

7 апреля. Комитет министров. Потом Западный комитет. Сегодня напечатан в газетах указ о новом займе [280]. Штиглиц вернулся вчера из-за границы. Вчера же получено известие о взятии пруссаками Дюппельнских укреплений [281].

8 апреля. Утром за работой. Вечером у гр. Хрептович. Вел. кн. Константин Николаевич приехал вечером в 9 час. Большой прием на станции железной дороги. Он остановился в Зимнем дворце. Герцог Мекленбургский уговаривал меня у гр. Хрептович постараться сблизиться с его высочеством.

Здесь теперь находится депутация от крестьян Царства Польского. Человек 60. Они были вчера у государя и выслушали его allocution ** на коленях. Их возят по городу в линейках. Есть что-то смешное в этом, но вообще дело полезное. Они возвратятся домой и от них пойдут в разные стороны толки, противоречащие разглашениям революционной пропаганды. Уже здесь они изъявили удивление, когда были в церкви св. Екатерины, после всего, что им рассказывалось насчет преследования римско-католической церкви в России.

9 апреля. Утром ездил к вел. князю [282]. Он не принимал и я записался. Потом Польский комитет. Обедал у Веневитиновых. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Видел там вел. князя, который подошел ко мне, подал руку и говорил несколько минут как будто ничего между нами не происходило.

10 апреля. Утром доклад у государя. Вечером музыкальная soirée *** в Зимнем дворце.

11 апреля. Утром Совет министров по вопросу о проекте Морского министерства устроить образцовую тюрьму в башне на Новой Голландии [283]. Проект незрело обдуманный и односторонне представленный на высочайшее утверждение. Я не желал прямо атаковать Краббе и ограничился безличным доказанием, что его проект составлен без справки с общим делом о тюрьмах в империи и что он не применим к другим ведомствам. Военный министр и министр финансов сделали другие замечания, и последний протестовал против предположенных расходов. Проект повелено пересмотреть в особом отделе совета.

Затем был в Думе, где обедали польские крестьяне и наши волостные старшины, qui étaient sensés leur donner à dîner ****.

---

* аккордеон.

** краткую речь.

*** вечер.

**** которые догадались дать им обед.

Были государь, великие князья, министры военный, государственных имуществ и я, Платонов, ген.-губернатор, губернатор и члены Думы, как хозяева. На хорах много beau monde. Вообще сцена довольно удачная. Один старшина провозгласил тост за здравие государя. Потом е. величество за обедавших и «за неразрывную связь России с Польшей». Потом один из поляков, по-русски, за здравие императрицы. Потом старшина за здравие цесаревича. Наконец его величество за здравие Константина Николаевича. Августейшие братья обнялись и у обоих были слезы на глазах.

Обедал у Штиглица (Н. Б.). Вечером дома.

12 апреля. У обедни. Выезжал утром. Потом целый день дома.

13 апреля. Дома.

14 апреля. То же.

15 апреля. То же. Третьего дня был у меня вернувшийся из Лифляндии гр. Бобринский. По его мнению, латыши и эсты не отпадают от православия, а никогда к нему не принадлежали.

16 апреля. Удостоился святого причащения.

17 апреля. Утром всеподданейший доклад, по случаю совпадения 17-го с великою пятницей, разные недоразумения относительно формы поздравлений и т. п. Вчера приехал из Риги и был у меня бар. Ливен. Вопрос о мнимо православной пастве [284] в Лифляндии должен на днях быть рассмотрен в особом совещании в высочайшем присутствии.

18 апреля. Утром на похоронах гр. Баранова, некогда тверского губернатора. Днем дома.

19 апреля. Пасха. Ночью во дворце по обыкновению. Потом в нашей домовой церкви. Потом на $^3/_4$ часа у кн. Кочубей. Утром ходил пешком к Тройницкому, кн. Долгорукову и гр. Панину. Кн. Горчакову и гр. Бергу дан портрет ее величества (странное отличие, которое могло иметь смысл только в царствование императриц), военному министру — алмазные знаки Александра Невского, несколько других лент и аксельбантов. Приказ по военному ведомству огромный.

Сегодня скончался гр. Петр Пален, ветеран наших генералов, полвека с непомраченною честью носивший на себе отблеск славы 1812, 1813 и 1814 годов. Он долго умирал и много страдал перед смертью.

20 апреля. Утром у обедни. Был у фрейлин Эйлер, чтобы познакомиться с архимандритом Порфирием. Замечательная и небезопасная личность.

21 апреля. Выезжал утром. Работал.

22 апреля. Утром у государя. Совещание по вопросу о волнении между псевдоправославными лифляндскими крестьянами. Архиепископ Платон, кн. Суворов, кн. Долгоруков, бар. Ливен,

гр. Панин, Ахматов, Зеленый, гр. Бобринский и я. Кн. Суворов преимущественно был занят доказательством того, что при нем все было ладно, а при Ливене испорчено. Зеленый по германофобному принципу не желал никаких мер, архиепископ Платон предложил объехать свою епархию и донести государю о результате своих наблюдений. Ввиду этого предложения я счел неудобным настаивать на постановлении какого-либо в настоящее время решения и предложил впредь до результатов поездки ограничиться объявлением высочайшего повеления о прекращении всяких понудительных полицейских мер. Даже этого нельзя было достигнуть. Ограничились поручением архиепископу Платону дать знать от себя подведомым ему священникам, чтобы они не вчинали никаких дел об уклонении латышей и эстов от православия. Я не настаивал. Быть может, напрасно. Впрочем, кажется, что момент был неудобный, и что предложения Платона нельзя было не принять. Из Зимнего дворца в Комитет финансов. Председательствовал вел. кн. Константин Николаевич. Речь шла о бюджете на 1864 год. Des jérémiades et de l'eau claire *. Вечером лорд Нэпир, гр. Рибопьер, и еще кое-кто.

23 апреля. Утром заходил к гр. Панину и кн. Долгорукову, чтобы условиться с ними по вопросу о смешанных браках. Решился предложить государю обратить дело на совокупное рассмотрение Министерства внутренних дел и II-го отделения [285]. Оттуда в Комитет финансов. Остальная часть дня за работой дома.

24 апреля. Утром на похоронах гр. Палена. Потом всеподданнейший доклад. Государь одобрил предположение о смешанных браках и говорил, что он недоволен совещанием 22 числа и его результатом, но, что после предложения архиепископа ехать по епархии, нельзя было сделать другого. В разговоре государь неоднократно высказал убеждение, что принуждение совести неправильно и несправедливо и не соответствует достоинству церкви. День дома.

25 апреля. Утром у вел. кн. Константина Николаевича, по его желанию. Аудиенция в $1^1/_2$ часа без всяких личных объяснений о прошлом. Вел. князь расспрашивал меня о крестьянском деле, о земских учреждениях и о делах литовских. О сих последних и о ген. Муравьеве он отзывается по-нашему. Вообще я нашел его в довольно умеренном и благоразумном настроении, хотя прежние привычки и замашки сохранились вполне.

Вечером у кн. Кочубей. Аллокуция папы [286] возбуждает много толков. Вчера уже мне о ней говорил государь, неприятное и неблагоприятное столкновение. К сожалению, при всей безрассудной несдержанности папской речи есть к ней некото-

---

* жалобы и пустые слова.

рый повод. Меры строгости по высочайшему повелению всегда имеют характер произвола самого явного.

26 апреля. Утром у обедни. Выходил пешком. Погода круто свернула с зимы на лето. Был в нашей церкви на свадьбе М. Зарудного.

После обеда, т. е. в шестом часу, прибыл в Петербург ген. Муравьев. Он нездоров или притворяется нездоровым. Его несли на креслах от вагона до кареты.

27 апреля. Утром ездил в исправительную тюрьму, где видел некоторых политических арестантов, девиц Рык, Марию Карпович и Элену Schaff (мариенгаузенское дело) и гр. Роникёра. Хотел иметь de visu понятие об этих личностях. Для того, чтобы с большею уверенностью содействовать к оказанию им некоторых облегчений. Работал. Сегодня парад. Я на нем не был, потому что был в прошлом году и тогда видел сына, который теперь далеко.

28 апреля. Утром Комитет министров. Вечером дома.

29 апреля. Был утром у Потемкиной. Работал. Вечером заседание у гр. Панина по раскольничьему делу.

30 апреля. Утром в Государственном совете, заседание по вопросу о правилах для введения в действие земских учреждений. Вечером дома. Небо заволакивает.

1 мая. Утром всеподданнейший доклад. Потом Государственный совет по делу о государственной смете на 1864 г. Заседание было рядом поражений для Департамента экономии. День дома за работой. Государь говорил мне сегодня об отъезде своем за границу и о том, что на время его отсутствия назначается особое высшее правление по бывшим примерам, из вел. кн. Николая Николаевича, кн. Гагарина, гр. Панина, военного министра и меня. Он говорил также о своем свидании с Муравьевым, который жаловался ему на противодействия центральных властей. Государь сказал ему, что это слова и что если противодействие будет указано и доказано, то его дело будет оное устранить.

2 мая. Утром комитет раскольничий у гр. Панина. Прошли вопросы о молельнях и уставщиках. Главное сделано. Архиепископ Платон, на днях заезжавший ко мне, чтобы сказать, что он желал бы быть назначенным постоянным членом Синода и оставить свою епархию, сегодня открыто отделился от других духовных членов. Ахматов и Урусов сердятся, но делать нечего, покоряются. Вечером совет Общества попечительства о тюрьмах. Здешний губернский предводитель кн. Щербатов совершенно непригоден к делам. Он сегодня ничего не говорил, кроме пустых рекриминаций, относящихся ко времени его заведования здешним тюремным комитетом. Заходил к Н. А. Милютину, но его не застал.

3 мая. Утром у обедни. Ходил. День после того провел дома. М. П. Позен прислал государю через кн. Долгорукова книгу, изданную им за границею о его участии в деле Редакционных комиссий [287]. Государь поручил кн. Долгорукову сказать ему свое и мое мнение насчет книги. В ней факты изложены верно. Комплименты Ростовцеву, captatio benevolentiae * его величества, но распространять книгу здесь теперь незачем. История еще не наступила, современность и своевременность миновались.

4 мая. Утром особое совещание у государя. На время отсутствия его величества назначается особая правительственная секретная комиссия под председательством вел. кн. Николая Николаевича из кн. Гагарина, гр. Панина, ген.-ад. Милютина и меня. Министру финансов, управляющему Морским министерством и начальнику III отделения предоставляется быть в оную приглашенными по мере надобности.

Потом Государственный совет. Потом особое совещание под председательством кн. Гагарина по вопросу о корреспонденции политических ссыльно-каторжных. Защищал и провел мысль, что им должна быть дозволена в некоторой мере переписка чрез коменданта. Затем дома. Работал.

5 мая. Утром у государя. Совещание по вопросу об упразднении римско-католических монастырей. (Кн. Горчаков, Милютин, Платонов и я). Потом в Смольном монастыре на столетнем юбилее. В первый раз был в этом прекрасном храме. Потом Комитеты министров и Западный. Вечером дома.

6 мая. Утром работал. Обедал у Штиглица. Потом заседание Комитета о раскольниках у гр. Панина. Герц. Мекленбургский был у меня по делу кн. Радзивилл.

7 мая. Утром заседание Польского комитета. Вчера видел ген. Трепова. Из его слов явно, что Берг и Милютин плохо ладят. Погода ноябрьская. Задерживает переезд двора в Царское. Сегодня была во дворце вторая партия депутатов от польских крестьян.

8 мая. Утром всеподданнейший доклад. Государь выразил желание, чтобы я был у ген. Муравьева, который, по мнению его величества, действительно болен. Я поехал туда прямо из дворца, побывав на пути у герц. Мекленбургского. Виделся с виленским героем, который мне не показался очень болезненным. Все тот же Михаил Николаевич, который здесь описан в 1859 и 1860 годах. Только как бы «в случае», так сказать, с педалью. Вечер дома.

9 мая. Утром заседание раскольничьего комитета у гр. Панина. Вечером был у меня Н. Милютин. Речь о предполагаемом упразднении монастырей и т. д. по Царству Польскому. Впро-

* снискание благоволения.

чем, разговор неутомительный, потому что Милютин привык говорить один.

10 мая. Утром у обедни. Был у ген. Муравьева, по его желанию, Semper idem *. Говорят, что после первого моего посещения 8-го числа он сказал: «у министра внутренних дел прорвался нарыв». Он, впрочем, вправе так выражаться, и это право ему даровано высочайше. Заезжал к фрейлин Эйлер, которая едет на Кавказ или за Кавказ исправлять должность гофмейстерины вел. кн. Ольги Федоровны. Вечером дома.

11 мая. Утром Государственный совет. Потом особое совещание по поводу высочайших указов на случай отъезда его величества. Потом Главный комитет. Обедал у вел. кн. Елены Павловны, которая отъезжает на днях за границу.

12 мая. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет.

Мысль об уходе от настоящей должности и выход из службы меня преследует постоянно. Нет дня, в котором я бы не останавливался на ней по нескольку раз. Кто из тех, которые меня ежедневно видят и со мною имеют дело, знают, что у меня происходит в уме и лежит на сердце. Хожу по своему кабинету и громко говорю сам с собою. Быть может, давно следовало уйти. Быть может, слабостью было оставаться доселе. Быть может, я слишком много думал о тех, на ком тяжело должна отразиться перемена во внешних условиях моей жизни. Но я жду того знака, который мне мог бы дан быть всеблагим промыслом. Он мог бы быть подан. Следовательно, он будет подан. Отчет мною не представлен. Несколько важных дел не закончены. Недоумеваю, колеблюсь, молюсь, уповаю и жду.

13 мая. Утром дома. Доклады. Вечером заседание по раскольничьему вопросу у гр. Панина. Последние вопросы пройдены.

14 мая. Утром был с женою в Императорской публичной библиотеке. Вечером дома.

15 мая. Всеподданнейший доклад в Зимнем дворце, куда государь приехал из Царского для смотра. Встретил там ген. Муравьева. Государь говорил о полученной от него записке [287а], которую назначено рассмотреть в его присутствии в Западном комитете. Государь явно тяготится Муравьевым и, несмотря на то, считает его необходимым.

Вечером дома.

16 мая. Утром заседание в Департаменте экономии по вопросу о петербургском бюджете. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны, между прочим с Киселевыми. Вечером читал записку Муравьева, которую государь приказал сообщить кн. Долгорукову и мне до заседания, назначенного на завтра. Записка —

---

* вечно одно и то же.

factum *, достойный автора. Сообщил мои впечатления кн. Долгорукову, по его желанию, и послал копию с моих заметок кн. Горчакову.

17 мая. Утром у обедни. Потом с 1 час. до 6 заседание Западного комитета. Кроме членов и ген. Муравьева, присутствовал Н. Милютин, говорящий и действующий заодно с Муравьевым. Держал себя по возможности на втором плане. Накануне отъезда государя всякий éclat ** неуместен и несвоевременен. Нужно довольствоваться спасением важнейших начал и выигрывать время. Кн. Гагарин, к крайнему моему удивлению, держал себя отлично. Кроме военного министра, его брата и клеврета Зеленого, никто не был поклонником виленских теорий [288]. Вечером дома.

18 мая. Утром Государственный совет. Потом комитеты Сибирский, Кавказский и Остзейский. В последнем председательствовал в первый раз Гринвальд и сам откровенно объяснил, что если бы дело шло о лошадях или было с лошадьми, то он бы с ним управился лучше. Вечером был Потапов для конфиденциального сообщения, что ген. Муравьев его себе просит помощником в Вильно.

19 мая. Утром у гр. Панина. Последнее заседание по вопросу о раскольниках. Потом Комитет министров. Потом комитеты Западный и Польский. Всего вообще 7 час. сряду с 11 до $6^1/_4$. Невыносимо. Сегодня я опять избегал прямого участия в прениях. Зеленый и оба Милютины дружно вторят Муравьеву.

20 мая. Утром дома. Разные доклады. После обеда прогулка пешком. Вечером некоторые посетители.

21 мая. Утром заседание Западного и Главного комитетов. Потом обед у Грейга в честь именин вел. кн. Константина Николаевича. Вечером дома.

22 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Простился с государем. Потом был у ее величества ради объяснения насчет частей моей деятельности, которых она не одобряет. Впрочем, весьма благосклонное объяснение и прощание. Обедал и вечером дома. Нездоровится. Я устал.

23 мая. Утром работал. Заезжал к Муравьеву, который завтра отправляется в Вильно, но не застал. Вечером за работой.

24 мая. Утром начал пить мариенбадскую воду. Скучная ходьба по улицам. Был у обедни. Затем целый день дома.

25 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечер дома.

26 мая. Утром Комитет министров. Потом Польский комитет по вопросу о монастырях. Обедал в Английском клубе. Вечером

---

* дело.

** нескромность.

переехал на дачу. Кн. Горчаков провожал ген. Муравьева в воскресенье на станции железной дороги. И. и. величества сегодня уехали за границу.

27 мая *. Целый день на даче. Читаю записки гр. Моллиена (Mém. d'un ministre du trésor **) [288а]. Замечательная книга. Она производит на меня впечатление, однородное с книгою Токвиля «L'ancien régime et la révolution» *** [289]. Целые страницы как будто для нас написаны.

28 мая. На даче. Заезжал к Рейтерну и к кн. Кочубей. Утром у обедни.

29 мая. Утром в городе заседание регентства — комиссии. Между прочими важными делами мы разрешили военному министру отпуск для 4-х лошадей какого-то саперного батальона сухого фуража вместо подножного корма!!

30 мая. На даче. Погода ясная. Плохо работается. Сегодня наконец наведен Троицкий мост. Замечательный пример пренебрежения к публике и самоуправной оплошности отдельного правительственного ведомства.

Панин говорил мне вчера, что работа нашего раскольничьего комитета повезена Ахматовым в Москву к Филарету с высочайшего разрешения. Мне государь об этом не сказал ни слова. Не изумляюсь, но жаль, что это может не изумлять.

31 мая. Утром у обедни. После обеда заезжал к Скарятину. Видел у него несколько новгородцев. Введение земских учреждений, по-видимому, и там будет делом нелегким.

1 июня. Утром Государственный совет. Дело об учреждении попечительства по делам о народных училищах на основании полуапокрифной посмертной записки гр. Блудова. 18 голосов против, 16 — за [289 а]. Потом заседание Польского комитета с Западным. Потом один Польский по весьма опрометчивому предложению гр. Берга изменить высочайшим указом статуты железных дорог в Царстве. В заседание был приглашен один из директоров железных дорог бар. Мухвиц, приехавший из Варшавы. Вечером на даче.

2 июня. Утром в городе. Комитет министров. Потом Западный. Потом Польский с Западным. Потом Польский (я ошибся, приписывая эти заседания вчерашнему числу. Вчера было заседание регентства). Вечером на даче.

3 июня. Утром в городе. Совещание у меня по пермскому делу. Министр финансов с приглашенными, по его желанию, Домантовичем, Арапетовым и Антиповым, гр. Стенбок удельный, несколько пермских землевладельцев (гр. Строганов,

---

* *После* 27 мая *следует:* на Аптекарском острове. *(Т. II, л. 92 об.).*

** Записки министра казначейства.

*** «Старый порядок и революция».

гр. Шувалов, Муханов и гр. А. Стенбок) и я. Почти безрезультатное совещание. Затем на даче.

4 июня. На даче. Работал.

5 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Обедал на Каменном острове у принца Ольденбургского. Dîner décousu *. Состав общества довольно разношерстный. Вел. кн. Екатерина Михайловна и Краббе, M-me Kisseloff и Бутков.

6 июня. На даче. Вечером заседание у меня под председательством Панина по делу о проекте морской тюрьмы. В военном министре неприятная черта. Он не любит, чтобы кто-либо мог сделать что-нибудь прежде его, могущее обратить на себя внимание государя.

Получил по телеграфу от Тимашева уведомление, что сегодня расстреляны в Казани 4 главные деятеля тамошнего прошлогоднего заговора, Иваницкий, Мрочек, Станкевич и Кеневич.

Вчера и сегодня писал много писем, между прочим, к кн. Долгорукову, к Тимашеву и Ливену.

7 июня. Утром у обедни. Целый день дома. Pfingsten, der herrliche Tag, mal gekommen **. Кабы легче было на сердце и в мысли!

Вечером неожиданно прибыли наши Голицыны.

8 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Вечером на даче.

9 июня. Утром Комитеты министров. Главный с Департаментом экономии и Главный. Затем дома. Вечером у кн. Кочубей.

10 июня. Целый день на даче. Новые заботы насчет здоровья дочери и устройства ее поездки за границу.

11 июня. На даче. Работал.

12 июня. Утром заседание регентства. Потом Польский комитет, где по вопросу о займе Польского банка Н. Милютин и Чевкин по обыкновению противодействовали предположениям гр. Берга, первый с особою настойчивостью и желчью. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны.

13 июня. Утром в городе. Заседание Департамента экономии по делам о новых правилах для Нижегородской ярмарки и о передаче строительной части в ведомство Министерства внутренних дел.

14 июня. Утром у обедни, заезжал к гр. Борх. Затем дома. Написал по киевским делам [290] длинное письмо Галагану.

15 июня. Утром Государственный совет. Потом заседание регентства без вел. князя, который нездоров. Потом заседание до 6 часов в Департаменте экономии, по тем же делам, как и

---

* Неудавшийся обед.

** Чудесный день Троицы, наконец, наступил.

третьего дня. То и другое проведены, но Чевкин невозможен. Это воплощенная задвижка. Татаринов по своей односторонности также до крайности утомителен. С ними иметь дело походит на пытку.

16 июня. На даче. Сегодня около 3-х часов послышалось мне несколько выстрелов как будто из пушек приближающегося парохода. При двух последних зазвенели окна. Оказалось, что это были взрывы на Охтинском пороховом заводе. Выйдя на берег Невы, я увидел над Выборгскою стороною поднимающееся столбом к небу густое белое облако дыма. Подробностей еще не знаю [291].

17 июня. На даче. Нового нет.

18 июня. Утром в городе. Провожал Голицыных на станцию железной дороги. Потом на даче.

19 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Вечером у гр. Борх.

20 июня. Утром работал. Вечером у кн. Кочубей.

21 июня. Утром у обедни. Целый день на даче.

22 июня. Утром Государственный совет, где 2 часа спорили о humaniores в гимназиях. Чевкин и Панин настаивали на изгнании латинского языка из половины гимназий. К ним присоединились гр. Адлерберг, Павел Муханов и Метлин. 23 других члена остались при противуположном мнении [291 [a]]. Потом заседание регентства. Бутков и кн. Гагарин сообщили мне, incredibile dictu *, что считают нужным упразднить Главный комитет. Я имел в виду то же самое на то время, когда поставлю вопрос о моем выходе из Министерства. Но теперь, признаюсь, не ожидал встретиться с кн. Гагариным и Бутковым на пути к одной цели. Впрочем, вскоре объяснились, по каким тропинкам они вышли на этот путь. Вел. кн. Константин Николаевич оставил за собой титул председателя в этом Комитете. Предвидится его возвращение. Дело в том, чтобы ему не председательствовать, а, следовательно, упразднить комитеты.

23 июня. Утром Комитет министров. Потом Главный комитет. Обедал у Нэпира. Вечером дома.

24 июня. На даче. Работал целый день, что весьма утомительно при водопитии. Погода целый месяц стоит прекрасная.

25 июня. Ездил в Кронштадт с кн. Гагариным, Зеленым, Потаповым и несколькими другими лицами на пароходе «Нева». Краббе показывал нам батарею «Первенец», одеваемый бронею фрегат «Севастополь», пароходный завод и т. д. Вернулся в 7-м часу вечера. Многое сделано в последнее время по морскому ведомству и по части укрепления Кронштадта. Северный фарватер теперь защищается вполне надежно.

---

* невероятную вещь.

26 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Ничего важного. Но вне регентства важно сильное распространение сибирской язвы в Новгородской, С.-Петербургской и Олонецкой губерниях. Обедал у гр. Борх. Вечером дома.

27 июня. На даче.

28 июня. Утром у обедни. Заезжал к кн. Кочубей и к ее дочери Трубецкой — неприятная жеманность.

29 июня. Утром у обедни. Потом в городе. Заседание регентства. Затем дома.

30 июня. Утром в городе. Прием просителей. Потом Комитет министров. Потом Западный. Вечером дома.

1 июля. На даче. Работал. Получены бумаги из Киссингена [292]. Государь утвердил мое мнение по возбужденному ген. Муравьевым вопросу о распространении действий поверочных комиссий на некоторые поземельные участки ковенских крестьян в пределах Ковенской губернии [85].

2 июля. На даче. Сегодня утром уехала Ольга [293] после 6-месячного жительства в нашем доме.

3 июля. Утром в городе, заседание регентства. Обедал у кн. Кочубей.

4 июля. Утром в городе. Потом ездил обедать в Ораниенбаум к вел. кн. Екатерине Михайловне. Вернулся на ночь.

5 июля. Утром у обедни. Потом был у Краббе просить фельдшеров морского ведомства, по случаю распространения сибирской язвы.

6 июля. Утром заседание регентства. Потом Государственный совет. Потом заседание Главного комитета и Департамента экономии.

7 июля. Утром в Комитете министров. Потом заседание Западного комитета.

8 июля. На даче. Нездоровье и доклады.

9 июля. Утром в городе. Последнее заседание регентства. Потом комитет по вопросу о морской тюрьме под председательством Панина. Панин положительно нездоров головой. У него есть какие-то особые приемы в некоторых случаях и какая-то внезапно появляющаяся спокойно-наивно-упорная тупость, которая невозможна при здоровом состоянии мозга. Я бы себя самого считал больным, если бы один так видел, но не я, а многие это наблюдают и видят. После панинского комитета — Главный комитет. Вечером по обыкновению дома.

10 июля. Государь приехал в Царское Село в 6 час. утра. Был в Царском с докладом, конечно, весьма кратким. Его величество в духе и добром здоровьи. Сегодня же он едет в Красное Село или, если не сегодня, то завтра на несколько недель. Около 10-го августа предстоит поездка в Москву, а в конце августа снова отъезд за границу. Видел на столе его величества новый

знак отличия, учрежденный для служивших на Кавказе. Видел гр. Ал. Адлерберга, который болен.

Вернулся на дачу к обеду, свободно вздохнул, войдя в сад, и призадумался над тем, что я видел и слышал. Есть над чем призадуматься.

11 июля. Дома. Работал. Погода прекрасная. Наслаждаюсь ею, солнцем, зеленью, голубым небом, теплым и тихим покоем вечера и ночи. Когда обращаюсь к ним, во мне все мирно и ясно. Мысль сама собой делается молитвой. Когда обращаюсь к кругу моей деятельности, во мне поднимается буря, кровь вскипает и тревожные мысли и намерения быстро сменяются одни другими.

12 июля. Утром у обедни. Благодарственный молебен, по случаю окончания Кавказской войны. Сегодня по этому случаю радость в Красном Селе. Как я рад, что меня там нет. Обедал у Скарятина. Вечером дома. Занимаюсь отчетом.

13 июля. На даче. Работал.

14 июля. Также на даче. В городе не было заседания Комитета министров.

15 июля. На даче. Разные доклады. Обедал у Скарятина. Вечером был Нэпир.

16 июля. На даче.

17 июля. Утром в Красном Селе. Доклад его величеству. Il y a du froid *. Видел кн. Долгорукова. Semper idem **. Государь сказал мне, что он желает, чтобы я побывал в Киеве, чтобы лично посмотреть, что там делается. Его беспокоят тамошние несогласия между ген.-губернатором и Галаганом и разные толки о действиях тамошних мировых. Полагаю, что его величество еще более озабочивают толки о хохломанах, чем о хлопоманах. Мне не очень подстать это поручение. Я имел в виду проситься прочь после представления отчета. Колеблюсь. Сказал государю, что прошу позволения подумать и доложить в будущий раз. Вернулся на дачу к обеду.

18 июля. Утром в городе. Заседание Государственного совета и Главного комитета с Департаментами экономии. Потом заседание Главного комитета. Вакинское дело [294] гр. Толстого.

19 июля. Утром у обедни. Потом на гонке судов речного яхт-клуба, куда на $^{1}/_{2}$ часа приезжал государь, бывший на Елагине по случаю похорон гр. Барановой. Сегодня Потапов уезжает в Вильно на новое подвоеводство [295].

20 июля. На даче. Работал.

21 июля. Утром Комитет министров. Заезжал к Тимашеву, который был у меня вчера по возвращении из Перми.

22 июля. На даче. Работал над отчетом.

---

* Сквозит холодное отношение.

** Все одно и то же.

23 июля. На даче. Работал. Вчера был бал в Красном Селе soit disant * данный государю офицерами расположенных в лагере войск. Всегдашнее наше неумение. 2 тыс. офицеров ожидали, встречали и провожали государя и ни один не крикнул «ура!» На дороге от Красного Села к лагерю приказано было «кучкам солдат прогуливаться и веселиться».

Получил от Панина мнение митрополита Филарета по раскольничьему вопросу и от кн. Долгорукова чрез Урусова письмо Платона архиепископа рижского и митавского, достойное подписи полуграмотного дьячка. О, Русь!

24 июля. На даче. Государь отложил доклад до завтра. Тем более тому рад, что вместо Красного Села придется ехать в Царское.

Вечером заезжал кн. Долгоруков. Я был на кеглях и вошел к нему на несколько минут в карету, сказал, что поездка в Киев мешает мне исполнить вовремя предположение о подаче в отставку вслед за представлением отчета. Он не понимает, почему и для чего мне уходить. La position est difficile; mais il faut résister. L'Empereur est dans l'embarres, etc. etc. ** Кн. Долгоруков не понимает, что можно опасаться себя дискредитировать и что дискредитированный министр государю не может быть полезен.

25 июля. Доклад его величеству в Царском. Моя поездка решена и государь одобрил мою программу, в которой определительно мною был изложен мой взгляд на дело. Обедал у его величества с Рейтерном, Головниным и И. М. Толстым. Die vorhandenen oder noch nicht abgespeisten Ministers wurden allergünstigst abgespeißt ***. Вечером наконец продолжительное и, конечно, бесплодное совещание с кн. Долгоруковым, Тимашевым и Мезенцовым по неразрешенному вопросу о польских internés et déportés **** и пр. Боятся их влияния у нас. Тютчев уже сказал, que s'est un poison que l'on avale pour s'en débarrasser *****. Стараются изыскать меры, чтобы их сделать безвредными и, конечно, не находят. При тех условиях и формах высылки, которые приняты, в особенности ген. Муравьевым, можно только размещать высланных, как можно удобнее и обходиться с ними снисходительно. Это Министерство внутренних дел постоянно и делает. По временам пытаются придумать еще что-нибудь и, конечно, находят только то, что нужно положить предел высылкам. Но и об этом Министерство внутренних дел

---

* якобы.

** Положение сложное, но надо держаться. Император в затруднении и т. д.

*** Присутствующие, или еще не откушавшие министры прекрасно отобедали.

**** заключенных и сосланных.

***** это яд, который мы принимаем, чтобы от него избавиться.

говорит, пишет и твердит около года. Donc rien de neuf et il ne s'agit plus que de recommencer à s'en convaincre *.

26 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

27 и 28 июля. Утром на даче. Работал. Вечером отправился с последним поездом на бал в Петергоф. Приехал к ужину. Государь сказал мне: Vaut mieux tard que jamais. Je ne vous ai pas vu de la soirée **. Я не объяснил почему, потому что вместо 9 пожаловал в $11^1/_2$. Видел на балу Mme et Mlle Gerstenzweig. О, время! Сколько язв ты прикрываешь, если не излечиваешь. Два года тому назад Герштенцвейг уезжал в Варшаву. А потом... какой конец и какая память семейству. Ночевал в Петергофе. Видел Горчакова, который начинает шибко стареть, он пришел ко мне утром и говорил, между прочим, que «l'on me secoue fort» ***, но что он думает, что это безуспешно.— Je ne demande pas mieux que d'être secoué pour un temps ****. Видел и Долгорукова. Кажется, «il baisse intellectuellement. La fatigue et le temps parlent sur le cerveau» *****.

Вернулся в город и был в Комитете министров. Потом в Главном комитете в соединении с Департаментом экономии. Дело о банке Malinori-Baberti. Из 9 или 10 членов собрания только трое, по-видимому, знали азбуку дела. Странное впечатление. И Россия стоит при таких коллегиях!

29 июля. Утром в городе. Заседание Польского комитета. Вопрос об училищной части.

30 июля. Не бывав 16 лет на охоте, охотился сегодня на préféré'ax ****** Когуна с 8 час. утра до 5-го. Потом у него обедал. Ездил туда с Скарятиным. Нужно было большое усилие, чтобы выдержать до конца утомительную ходьбу по кочкам и болоту. Прежде было не так. Прежнего не воротить.

31 июля. На даче. Доклады. Вечером был Тимашев.

1 августа. На даче.

2 августа. То же. Утром у обедни. Полправительства на маневрах. Дела дремлют. Впрочем, кстати. Погода снова установилась прекрасная, но уже есть осенняя печать на всем, даже на лучах солнца.

3 августа. Утром в городе. Заседание Польского комитета. Потом дома.

4 августа. Утром в городе. Комитет министров и Западный. Потом заседание Главного комитета. К обеду на даче.

---

* Следовательно, ничего нового, и остается только вновь начать себя в этом убеждать.

** Лучше поздно, чем никогда. Я не видел вас весь вечер.

*** что меня сильно встряхивают.

**** мне бы хотелось на время встряхнуться.

***** в умственном отношении он сдает. Усталость и время сказываются на его мышлении.

****** излюбленных.

5 августа. На даче. Доклады.

6 августа. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал над отчетом.

7 августа. Утром в Красном Селе. Доклад. Государь говорил про Западный край и прибалтийские губернии, упомянул о неприятном впечатлении, произведенном на него крайним направлением, обнаруженным здесь ген.-м. Чертковым (который, кажется, думает этим путем попасть в киевские ген.-губернаторы), и вообще выражался так, как всероссийскому императору, а не московскому царю подобало. Возвратясь на дачу, я послал его величеству некоторые статистические сведения о народонаселении западных губерний в подкрепление высказанных мною по сему предмету мыслей и при записке [295а], в которой выражались некоторые другие мысли того же свойства.

8 августа. На даче. Работал. Вечером у кн. Кочубей.

9 августа. Утром у обедни. Днем дома.

10 августа. Утром в городе. Комитеты Польский и Главный. Особое совещание о преобразовании Оренбургского ген.-губернаторства, происходившее по высочайшему повелению между военным министром, ген.-губернатором Безаком, ген.-ад. Тимашевым, Бутковым и мною. Дело в том, что еще зимою здесь составлялся план образования степного ген.-губернаторства в Оренбургской и Заоренбургской степи. Туда предполагался ген.-ад. Игнатьев, который и был главным сочинителем плана. Бутков, не жалующий Безака, ему содействовал. Между тем Игнатьев назначен в Константинополь. Тогда вместо его предположено назначить Тимашева, которому было подстать принять собственно Оренбургское, а не Заоренбургское ген.-губернаторство, потому что его имение недалеко от Оренбурга, требует его присмотра. Тимашев подал государю записку, которая в ожидании приезда ген. Безака и в предвидении нежелания с его стороны остаться на нынешнем месте была предварительно одобрена. Но Безак, приехавши, вовсе не обнаружил желания оставить свое воеводство. Inde * сегодняшнее совещание, которое, конечно, не привело ни к каким положительным результатам.

Государь возвратил мне мою записку от 7-го чрез кн. Долгорукова, написав на ней: «все это справедливо и доказывает мне еще раз, что наши взгляды совершенно одинаковы; желал бы, чтобы другие органы правительства их разделяли». Долгоруков, которому, по-видимому, записка была передана для прочтения, сказал мне: «c'est très flatteur; mais en attendant on laisse chacun agir à sa guise» ** [86].

* Затем.

** это очень лестно, но пока что позволяют действовать каждому по его усмотрению.

Вечером дома.

11 августа. Утром в городе. Комитет министров, куда я приехал к самому концу и где, впрочем, не было надобности мне быть ранее. Оттуда на дачу. Работал.

12 августа. Утром в Царском Селе. Совет министров. Вопрос о раскольниках. Мнение митрополита Филарета оказалось как бы «non avenu» *. Дело прошло целиком в том виде, в каком вышло из Комитета под председательством гр. Панина и прошло легче и глаже, чем я ожидал. Кн. Гагарин пытался переманеврировать дело в Государственную канцелярию, но без успеха, он также предлагал, неизвестно почему, подчинить раскольников контролю земства и т. п. Все это осталось втуне. Кн. Урусов держал себя очень хорошо **.

Вечером дома. Massignac и более никого. Он уверяет, что лорд Нэпир сюда не вернется.

В Царском Селе виделся и прошелся по саду с кн. Горчаковым. Он едет в отпуск, за границу. Говорит, что устал, что свое дело кончил и т. п. Полагаю, что он недоволен тем, что государь не берет его за границу с собой и едет туда на свою руку, чтобы быть под рукою. Кроме того, особое расположение, которое императрица оказывала в Киссингене бар. Будбергу, ему было неприятно.

13 августа. Утром в Царском Селе. Доклад у государя. Он благодарил за раскольничье дело и вообще был очень любезен. Едет завтра в Москву и возвращается 20-го [87].

Вечером дома

14 августа. На даче. Доклады.

15 августа. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал над отчетом.

16 августа. На даче. Продолжал работу над отчетом, который приводится к концу.

17 августа. Утром в городе. Комитет финансов. Потом на даче. Я получил 14-го числа вечером прискорбные вести из Киева. Сын опасно болен грудью [296]. Ему нужно немедленно отправиться за границу. В тот же день телеграфировал Анненкову в Киев и ген. Забудскому в Ставрополь, прося уволить в отпуск другого сына для сопровождения брата. Писал к Долгорукову, который в Москве с государем и военным министром, об увольнении сыновей за границу. Сегодня утром получил ответ о последовавшем на то разрешении. Из Киева ответа еще нет.

18 августа. Утром в городе. Комитет министров, потом Польский. Потом на даче.

---

* недействительно.

** *Фраза написана на полях.*

19 августа. Утром на даче. Обедал в городе у Головнина с Орловыми. Вечером дома.

20 августа. Утром в Царском Селе. Совещание у его величества по польским делам. Вернулся к обеду.

21 августа. Утром в Царском. Доклад у его величества. Был потом на скачках. Maigre spectacle *. По случаю непрерывного ряда пожаров в Симбирске, туда командируется ген.-ад. бар. Врангель. Он сегодня уехал. За ним последует завтра флиг.-ад. Эссен. Простился с государем, который завтра уезжает снова за границу.

22 августа. На даче. Симбирск окончательно выжжен [297]. Подозревают поляков в войсках. Народ убил одного офицера Самарского полка. Отправляю туда сегодня ген. Галлера и двух других чиновников от Министерства.

23 августа. Утром у обедни. Работал. На днях несколько раз виделся с приехавшим из Киева гр. Бобринским. Il est monté par ce qui se passe là bas; c'est un loyal gentilhomme; mais pourquoi parle-t-il beaucoup lui-même de sa loyauté? **

24 августа. Утром в городе. Заседание Главного комитета по пермскому делу [298]. Прежняя отвратительная замашка подозреньями и намеками искажать дело, обвинять каждого помещика, говорить об одних крестьянах и выбрасывать с легкой руки за окно всякое понятие о праве и справедливости. К крайнему моему удивлению, Тимашев, присутствовавший в заседании, спасовал, как говорится, совершенно. Он сказал только несколько слов и то по моему вызову и притом без всякой положительности и решимости. Заключения не постановлено. Оно отложено до другого раза. После было совещание по киевскому делу при гр. Бобринском [299]. Здесь он играл довольно жалкую роль. Невольно думается, за ним должен быть какой-нибудь небольшой грех по составлению его уставных грамот. Он не имеет духа в том сознаться и, чтобы скрыть его, бьет только на перемену или точнее отмену правил о пересмотре грамот. Вечером, как всегда, дома.

25 августа. Утром в городе. Комитет министров и потом Польский. Вечером дома.

26 августа. На даче. Доклады. Нового мало или нет.

27 августа. На даче. Кончил работу по отчету [88].

28 августа. Утром в городе. Заседание регентства. Потом Кавказский комитет по вопросу о Закавказской железной дороге [300]. Толчение воды et sans grâce ***. Обедал у кн. Кочубей.

---

* Жалкое зрелище.

** Он возмущен тем, что там происходит. Это лояльный дворянин, но почему он много говорит сам о своей лояльности.

*** беспощадно.

29 августа. На даче. Работал. Нездоровится.

30 августа. Не поехал в Лавру. Чувство нездоровья продолжается. Притом, кажется, там нечего было делать. Молебен был cavalièrement * назначен к отслужению до обедни.

Осень. Желтые листья не только испещрили деревья, но и начинают застилать дорожки в саду. Все как-то дышит прощаньем. Мне предстоит далекий путь. Мои сыновья также далеко и воспоминание о них часто жжет душу. Мягко и грустно на сердце. Чувствуешь, что слезы недалеко, просятся в глаза. Вздыхаешь и чтобы не пустить их туда, обращаешь себя насильно к чему-либо менее близкому.

1 сентября. Утром в городе. Был у вел. кн. Николая Николаевича откланиваться. Довольно продолжительный разговор на киевские, виленские и общие темы. С его стороны, как всегда, много здравого смысла. Потом заседание регентства.

2 сентября. На даче. Разбирал бумаги и укладывался.

3 сентября. На даче. Подписал отчет [300 [а]]. Продолжаю сборы к дороге.

4 сентября. Утром в городе. Заседание регентства. Потом Главный комитет по пермскому делу. Ген. Тимашев, по-видимому, удовольствованный полученным 30 августа Белым орлом, не дождался совещания по делу, по которому он два раза был в Перми, и в котором ему надлежит принять на себя порядочную долю ответственности. Он уехал к себе в деревню, даже меня не предуведомив. Остался Лашкарев без дара логики и слова. Панин один поддерживал мое представление. Я молчал до конца и потом ограничился указаньем на односторонность суждений и прямым упреком министру финансов в несправедливости. Кн. Гагарин, имевший по обыкновению записку в запасе, предложил передать на обсуждение Рейтерна и мои постановляемые в ней вопросы. Я, конечно, согласился. Таким образом, дело обеспечено до моего возвращения [89]. Вечером дома.

5 сентября. Выезжаю сегодня. Да благословит бог мой путь.

В городе 8 октября. Возвратился сегодня утром. Между тем я лишился сына. Бедный Саша скончался 24 сентября в Бадене. Один из наших с нами расстался. Оторвалось что-то от сердца и перенеслось за рубеж, который и мы перейдем в свое время. Одной любовью, одним сожаленьем, одною надеждой для меня менее. Предметов любви и сожаления немного. Надежд еще менее.

Что касается до пути, то благодарю бога. Он, по-видимому, благословил его. Поездка совершена быстро, при благоприятных условиях, кажется, не без пользы. Что я видел — неутеши-

---

* ловко.

тельно с точки зрения администрации. Что нахожу здесь, еще менее утешительно.

9 октября. Заходил в Казанский собор. Впрочем, целый день дома.

10 октября. Утром заезжал к принцу Ольденбургскому и ездил представляться вел. князю [301], который много говорил об incident Schédo-Ferroti [302] и о пожарах. Регентство очень расходилось по тому и другому поводу. Головнин писал к государю, который будто бы сказал, что он, т. е. Головнин, оказал вел. кн. Константину Николаевичу медвежью услугу. По части пожаров после безуспешной поездки Врангеля поручено было съездить в Симбирск из Казани Кноррингу. Это не администрация, а игра в генералы. Теперь следствие снова начинает Жданов на правах ревизующего сенатора [303]. Жданов сделался не только сенатором, но и необходимым и единственным!

11 октября. Утром у обедни. Заходил к товарищу [304], который болен. Вследствие этого я вынужден вступить в управление Министерством ранее, чем я предполагал.

Для рассмотрения моего отчета назначена комиссия под председательством гр. Панина из кн. Долгорукова, кн. Суворова, Бахтина и Муханова. Но государь, по-видимому, не читал отчета. На первый взгляд казалось бы, что мой труд был напрасным. Но отчет писан не для одного высочайшего прочтения. Он должен был быть документом в память и очистку моего управления и этот документ не утратит своего значения. Что же касается до несколько неприятного ощущения, производимого нечтением подобной работы, то я к ощущениям этого рода привык и достаточно равнодушен.

Гр. Панин был у меня вчера. Quel abîme de petites choses que tous ces gens là *. Сегодня был пр. Ольденбургский. Он находит, что молодое женское поколение потеряно для правительства, потому что государыня императрица не согласилась принять женских гимназий в свое ведение, сиречь в ведение IV отделения. Chez nous, au moins, говорил принц, les sentiments pour l'empereur et l'impératrice sont conservés **. Здесь также есть над чем призадуматься. Принц верует в лаборатории верноподданнических чувств [90]. Он готов дойти, сам того не замечая, до предположения, что 70 мил. людей воспитываются, живут и умирают pour l'empereur et l'impératrice ***.

12 октября. Дома работал.

13 октября. То же.

---

* Какая бездна мелочей — все эти людишки!

** У нас, по крайней мере,— говорил принц,— чувства к императору и императрице сохранились.

*** за императора и императрицу.

14 октября. Принимал доклады по-прежнему. Болезнь моего товарища заставляет снова нести весь труд управления Министерством.

15 октября. Дома. Работал. Много толков в городе о моем выходе из Министерства. Милютинская партия говорит, au dire du P-ce Souvoroff que j'en ai pour 15 jours *. Другие утверждают, что меня назначают в Париж; третьи прочат на место кн. Горчакова. Между тем я полагаю просто уйти на время от невозможного положения дел и писал Менгдену в Франкфурт, прося осведомиться насчет квартиры в Висбадене [91].

16 октября. Утром регентство. Заседание прошло без особых эпизодов. При мне как-то менее размашисты кн. Гагарин и Бутков.

17 октября. Работал.

18 октября. Утром у обедни. Видел у гр. Орлова-Давыдова прекрасный картон Овербека: Sacramentum penitentiae **, заказанный графом для Московского музея.

19 октября. На днях гр. Адлерберг сообщил мне телеграфически приказание государя известить кн. Горчакова и меня, что его величество прибудет в Царское Село 20-го утром. Следовательно, нужно там быть.

Сегодня Государственный совет. Вопрос о классах и штатах по судебному ведомству, один предмет реформы, которого не успели провести на почтовых во время моего отсутствия. Несмотря на неприличную попытку Буткова эскаматировать статью о классах, я задержал обе. Председатель согласился возвратить дело в департаменты.

20 октября. Прием посетителей. Комитет министров, Западный и Польский.

Сегодня возвратились из-за границы Голицыны и сын мой Петр; они привезли с собою тело покойного Саши. Мы ездили с женою встречать его в Александро-Невском монастыре, где оно поставлено в холодной церкви впредь до предания земле.

21 октября. Заседание соединенных департаментов по вопросу о штатах и классах судебного ведомства.

22 октября. Утром в Невском. Отдали последний долг покойному. Он похоронен недалеко от матери. Я никого не приглашал и не оповещал. Были весьма немногие. Человека три из его товарищей по батальону и один по кавалергардскому полку. В том месте, где я случайно стоял в церкви, была прибита к стене доска с надписью: «Упокой, господи, душу раба твоего Александра». Как будто для него.

---

* по словам кн. Суворова, что мне осталось [пробыть] еще две недели.

** Таинство покаяния.

23 октября. Приезд государя еще отложен. Он будет 26-го. Король прусский задержал его для охоты. Но это не мешает делам. Сегодня уже получено приказание приготовить парад на среду, 28-е.

Утром заседание регентства, последнее. Потом Главного комитета.

24 октября. Утром работал. Потом был у великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны. Первую не застал, вторую видел. Разговор довольно продолжительный касался большею частью заграничных дел и брошюры Шедо-Ферроти.

25 октября. Утром у обедни. Выезжал перед обедом. Работал.

26 октября. Утром в Царском Селе. Приезд государя. Он опоздал тремя часами и приехал в ½ 4-го. Обычная при этом суета. Видел его величество на несколько минут и получил приказание вернуться завтра. С государем возвратился и вел. кн. Константин Николаевич. Вернулся в город в 6-м часу.

27 октября. Утром в Царском. Род краткого доклада. Некоторое объяснение по моей поездке на юг. Остальное отложено до пятницы.

28 октября. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Довольно продолжительная и довольно миролюбная аудиенция. Оттуда отправился в Правительствующий сенат, где я заседал в первый раз на основании новых правил. Мне осталось от него благоприятное впечатление. Сенат, хотя я его видел в будничной форме, благоприятнее Государственного совета в праздничной. В первом есть традиции. Их следы видны. В последнем всего виднее канцелярия [92].

29 октября. Утром разные доклады. Ко мне приезжали Огарев с обычным сумбуром в голове насчет нижегородских дел и кн. Долгоруков. Говорил ему о моем намерении очистить место для другого и о поводах к тому. Он, конечно, опровергал мой тезис, но присовокупил, что о моем взгляде на дело он, однако же, скажет государю.

30 октября. Утром в Царском. Доклад. Остался там обедать. Es wurden zwei Minister abgespeist * — Рейтерн и я. Кн. Гагарин был третьим.

31 октября. Нездоров. Однако же был в Министерстве. В городе, где недавно говорили о моем увольнении, теперь говорят, что у меня было объяснение с государем, что мы будто поцеловались и что я «rayonnant» **. Нечего сказать, il y a de quoi rayonner ***.

---

* Wurden *написано дважды.* Обедали два министра.

** сиял.

*** есть отчего сиять.

1 ноября. Утром у обедни. Заезжал к лорду Нэпиру, который вчера был у меня, прощаться. Потом по обыкновению дома.

2 ноября. Утром Государственный совет. Затем Главный комитет до 6 часов вечера. Кн. Долгоруков сказал мне, что государь отозвался с сожалением о том, что я могу предполагать какую-либо перемену с его стороны. Посмотрим.

3 ноября. Комитет министров. Обедал у кн. Трубецкой (Белосельской). Между прочим, с новым французским послом бар. Талейраном.

4 ноября. Дома. Разные доклады.

5 ноября. Утром на похоронах гр. Юлии Строгановой. Потом Совет министров в городе. Записка кн. Гагарина о порядке приведения в исполнение судебной реформы, это была новая попытка выхватить высочайшую отметку, которую потом можно было бы противупоставлять как высочайшую волю всякому возражению. Попытка не удалась. Государь приказал записку внести в Совет министров [305]. Там ее разбить было нетрудно. После этого разбития государь обратился к Совету с аллокуцией, в которой, указывая на отсутствие согласия между министрами и единства в направлении их действий, напомнил им об обязанности признавать себя солидарными по общим делам администрации и, между прочим, сказал, что каждый из них занимает свое место по его доверию и что если они друг другу не оказывают уважения, то, по крайней мере, обязаны оказывать это уважение его доверию. Выходя из кабинета, все спрашивали: до кого должно относиться то, что мы слышали? Никто не узнавал себя в картине. Кн. Долгоруков, Панин и я не делали этого вопроса, потому что знали, что до нас это не могло относиться. Бутков, ожесточенный разбитием гагаринской записки, им сочиненной, еще более был ожесточен речью государя. Он чувствовал, что по его проискам против меня оно могло и к нему относиться. Кн. Гагарин был смущен. Милютин обратился с вопросом ко мне, потому что знал, что и он не без упрека именно в отношении ко мне. После Совета тяжелое и длинное заседание Польского комитета.

6 ноября. Утром в Царском. Доклад. Государь сказал мне, что просит не сетовать на него за то, что вчера им сказано, и удостоверил меня в продолжении ко мне своего доверия. Но форма его объяснения, как нередко случается, была довольно странная. Например, он рассказал мне, что Рейтерн, по случаю разных о нем толков, отозвался, что он не обращает на них внимания, потому что знает, что если его величество перестанет иметь к нему доверие, то его «п р о г о н и т». Государь с похвалою говорил об этом отзыве. Таким образом, министры должны быть покойны, пока они не прогнаны. Я тихо сказал государю, что есть и другой способ ухода, а именно, сознание перед ним

в бессилии продолжать исполнение своих обязанностей при известных обстоятельствах и условиях. Мысль государя была, очевидно, та, что, в случае перемены расположения к министру, сей последний узнает о том прежде всего от самого государя, а не от других. Это гораздо лучше прогнания, но и здесь кроется некоторая ошибочность воззрений. Государь не предполагает, что и при его доверии ноша может быть слишком тяжелой и что выход из Министерства не всегда кажется бедою в глазах выходящего. Дело в том, что доверие нужно не только к лицу, но и ко взгляду, а так как взгляд должен быть один, то нужно преимущественное доверие по вопросам общим ко взгляду одного из министров. Государь решает разногласия по своему усмотрению. Но, таким образом, все управление для него становится рядом обрубков, если он сам не принимает на себя обязанности непрерывно связующей и руководящей мысли. Это значит быть самому первенствующим министром. Государь тем и хочет быть, но, к сожалению, это невозможно. В наше время нельзя быть и военным царем и гражданским первым мужем Совета. Inde * все наши затруднения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны.

7 ноября. Утром снова в Царском. Особое совещание у государя, кн. Долгоруков проводил мысль d'un conseil resereint **, высказанную им еще в марте месяце этого года. По дознанной непригодности многоголового и многоязычного Совета министров к направлению дел кн. Долгоруков желает, чтобы по важнейшим вопросам государь выслушивал предварительно несколько особо доверенных лиц, которым, таким образом, было бы предоставлено главное совещательное в делах участие и которым впоследствии должны были бы подчиняться другие. На первый раз поводом к совещанию послужила весьма незрелая и поверхностная записка полк. Мезенцова об общем положении дел в империи. В ней были затронуты вопросы польский, прибалтийский, финансовый и вопрос о революционной пропаганде в Приволжском крае. Призваны были к государю кн. Долгоруков, кн. Гагарин, гр. Панин и я. Кн. Горчаков и военный министр, в то же самое утро бывшие у государя с докладом, не были приглашены. Государь еще раз, и на этот раз гораздо правильнее, развивал тему своей аллокуции. Он признал право уходить, в случае несогласия своих воззрений с взглядом его величества, но настаивал на солидарности и согласии действий тех министров, которые не уходят. Затем он сказал кн. Гагарину весьма мягко, но положительно, что Государственная канцелярия вышла из своей роли и присвоила себе значение и положение, ей не при-

---

* отсюда.

** об малом совете.

надлежащее. При совещании затронуты вопросы о перемене главных начальников в юго-западных и прибалтийских губерниях. Вообще, хотя особых результатов это совещание не имело, оно должно быть признано удовлетворительным, потому что ни один вопрос не предрешен опрометчиво и не постановлен косо. Мы все остались в Царском к обеду. Кроме нас, обедали вел. князья, гр. Адлерберг старший и кн. Горчаков. Последний в ненормальном положении. Он явно и даже неловко раздражен à l'article de la France et du bar. Budberg *. Его значение, видимо, слабеет и досада, с которою он старается его за собою удержать, приносит ему мало пользы [93]. Мне кажется, что он сохранит свой пост до лета. Пока императрица в пределах Франции и государь, вероятно, располагает быть в Париже, Будберг там нужен. Когда он перестанет быть там нужным, Горчаков будет здесь ненужен. В то время многие так думали. Но государь не легко меняет людей, к которым он привык, и скоро назначение бар. Будберга сделалось невозможным, потому что он немец, а кн. Горчаков сделался и отчасти постарался сделаться в глазах нашей прессы представителем русского элемента.

8 ноября. У обедни. Несколько визитов. Между прочим, был у Геверса, который вместе с нами и многими другими крепко жалеет об отъезде Нэпира.

Вечером был у меня царскосельский уездный предводитель Платонов по приглашению моему вследствие возникших по случаю одного из моих циркуляров недоразумений — Je l'ai trouvé plus facile à manier que je ne l'aurais pensé **.

9 ноября. Утром Государственный совет. Потом заседание Польского комитета. Потом по обыкновению дома за работой.

10 ноября. Не ездил в Комитет министров, но был в Министерстве. Допрашивал эстляндских или, точнее, эстонских крестьян из Лифляндской губ., которые подали просьбу государю. В тамошнем сельском населении есть движение и между ним есть коноводы, заслуживающие внимания. Обедал у Головнина с вел. кн. Константином Николаевичем. Je crois qu'il avait voulu me compromettre ***.

11 ноября. Утром на станции Варшавской железной дороги. Провожал сына, уехавшего за границу. Да благословит бог его путь. Позже заседание Комитета финансов. Дело о внутреннем займе.

12 ноября. Совет министров в городе. Мой доклад по возникшему вопросу о применении судебной реформы к Прибалтийскому краю [305[а]]. Комиссия, учрежденная ген.-губернатором,

---

* в отношении Франции и бар. Будберга.

** Оказалось, что он поддается влиянию гораздо легче, чем я думал.

*** Я думаю, что он хотел меня скомпрометировать.

оставлена в силе, и ему дана просимая им отсрочка. Кн. Гагарин и Бутков всячески интриговали в противном смысле, хотя сам Бутков всему imbroglio * причиной. Кроме того, Бутков был в высшей степени неприличен в заседании. Кончилось по-моему, но злоба этих господ еще выросла против прежнего [94]. Видел ген. Коцебу, приехавшего из Одессы.

13 ноября. Утром в Царском. Доклад. Вернулся в 3 часа и успел сделать несколько необходимых визитов. Вечером дома. Утомлен работой и, главное, безнадежьем. При несостоятельной системе, которою мы руководствуемся, или которой следовать мы должны, окончательный успех невозможен. Мы только отсрочиваем кризис.

14 ноября. Целый день дома. 20° мороза. Чернила не замерзают.

15 ноября. Утром у обедни. Затем дома.

16 ноября. Не поехал в Государственный совет, где не было ни одного важного дела. Обедал у Геверса. Скучно, пусто, бесцветно.

17 ноября. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Кн. Гагарин и Чевкин бессовестно настаивают на назначении губернатором сына первого, только что спасенного от суда во внимание к отцу за прежние вице-губернаторские грехи.

18 ноября. Утром в Сенате. Работал. Из Одессы прибыл кн. Воронцов вести здесь глупую тяжбу с ген. Коцебу.

19 ноября. Утром заезжал к Коцебу и Тройницкому. Доклады. Были у меня кн. Долгоруков с мелкими делами и Зеленый, которому государь передал записку об учреждении в союзе с Министерством государственных имуществ Министерства земледелия, Внутренней торговли и т. п. Государь приказал записку сообщить Рейтерну и мне.

20 ноября. Утром всеподданнейший доклад в Царском. Государь говорил о вышеупомянутой записке Рейтерну и мне. Ему нравится мысль о создании чего-то вроде Министерства земледелия и торговли, но он весьма неясно представляет себе совокупность условий исполнения. Зеленому, Рейтерну и мне поручено рассмотреть этот вопрос во всей подробности.

Получено известие об исполнении меры закрытия нескольких монастырей в Царстве Польском. Все обошлось гладко. Часть монахов застали пьяными. Другие сожалели о том, что их поили плохим вином, а хорошее осталось в их погребах. Никто или почти никто не изъявил сожаления монашеского. Руководили исполнением гвардейские офицеры, и государь отзывался о их действиях с особой похвалою как прежний командир гвардейского корпуса.

---

* путанице.

Сегодня же подписан указ о судебной реформе. Государь сказал мне, что он выбрал для сего нынешнюю годовщину для подписания рескриптов по крестьянскому делу в 1857 году. Я заметил, что между двумя подписями 7 лет, кабалистическое число. Государь упомянул даже о том, что оба указа подписаны на одном и том же столе.

Обедал в Царском у его величества с вел. кн. Александром Александровичем, двумя Адлербергами и Рейтерном.

21 ноября. Утром у обедни. Потом заседание Департамента экономии по нашей дополнительной смете.

22 ноября. Утром у обедни. Выходил пешком. Более 15° мороза.

23 ноября. Дома. Сказываюсь больным, чтобы не быть в разных комиссиях и успеть доделать начатую записку по делам Западного края.

24 ноября. То же.

25 ноября. Утром дома. Обедал у кн. Кочубей.

26 ноября. Ничего нового. На георгиевский выход не ездил.

27 ноября. Утром всеподданнейший доклад. Обедал в Царском с гр. Евдокимовым, Ахматовым и Рейтерном. Государь завтра переезжает в город.

28 ноября. Дома. Доклады. Работа.

29 ноября. Утром у обедни. Был на опыте тушения пожара по способу Ляпунова. Читал, что редко удается. Между прочим, в «Times» выписки из перевода Иллиады, лорда Дерби. Какие люди и какое воспитание, какие нравы, какая подготовка для государственной деятельности!

30 ноября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером дома.

1 декабря. Утром Комитет министров. Потом Западный. Потом Польский. Вечером на официальном приеме у английского посла.

2 декабря. Утром за работой. Обедал у пр. Ольденбургского.

3 декабря. Утром частное совещание у государя (кн. Долгоруков, кн. Гагарин, военный министр и я) по вопросам о смертной казни и конфискациях в Западном крае. Потом Совет министров по двум пустым записками министра юстиции. Потом государь снова позвал в кабинет четырех вышепоименованных лиц и объявил, что к 1 января он намерен вместе с изданием указа о медали за усмирение мятежа пожаловать бриллиантовую шпагу гр. Бергу и алмазные знаки ордена святого Андрея ген. Муравьеву. Заезжал к Коцебу и к Гернгросу. Вечером дома.

Н. Милютину дана лента Белого орла, и он назначен членом Главного комитета (?).

4 декабря. Утром доклад у его величества. Получил приказание пригласить к особому совещанию по остзейским делам

на понедельник * кн. Гагарина, кн. Долгорукова, кн. Суворова, Ахматова, кн. Урусова и Зеленого. Заезжал к кн. Воронцову.

5 декабря. Из Киева приехал ген. Анненков. Из Омска Дюгамель. Теперь 4 ген.-губернатора налицо, ожидается пятый Корсаков из Иркутска. Они убивают много времени у меня и других министров.

6 декабря. Утром малый выход. Заезжал потом к киевскому митрополиту и к гр. Борх. Государь принимал в Зимнем дворце депутацию московских единоверцев. Дело устроено митрополитом Филаретом и об.-прокурором Ахматовым. Речь была о снятии при участии восточных патриархов никоновского проклятия, с другой стороны, ввиду современных просьб других единоверцев об устройстве у них особой иерархии, демонстрация московских, признающих нашу, составляет противувесие, быть может, полезное [95].

7 декабря. Утром совещание у государя по остзейским делам. Вопросы не предрешены, что особенно было предметом моего старания, хотя и постановлены не совсем верно. У нас господствует теперь особый ветер, который все гнет на одну сторону. Потом Государственный совет. Сегодня в Комитете железных дорог обсуживался вопрос о направлении линии Южной железной дороги на Киев или Харьков и Кременчуг. Тот же вопрос обсуживался вечером в Географическом обществе дилетантами слов и дел. В Москве начинается открытая война между «Московскими ведомостями» и цензурою [306].

8 декабря. Утром Комитет министров. Потом Западный. Потом совещание по остзейским делам. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

9 декабря. Утром в Сенате. Потом дома.

10 декабря. Доклады. Дома. Вечером Комитет финансов.

11 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь сказал Ливену на охоте, что ему следует просить об увольнении от должности. Ливен был потом у меня и довольно наивно сообщил свой разговор с его величеством. J'ai ri jaune **,— говорил он добродушно,— pendant le reste du temps que nous avons passé à la chasse; mais nous avons ri comme des fous ***. Его преемником будет, вероятно, гр. Шувалов, но вопрос еще не решен окончательно.

12 декабря. Утром в Министерстве. Потом за работой. Сегодня окончена подписка по займу. Начинаю сомневаться в успехе.

---

* *Вместо* понедельник *в скобках написано:* на 7-е. *(Т. II, л. 112).*

** Я принужденно смеялся.

*** в течение остального времени, проведенного нами на охоте, и смеялись мы, как сумасшедшие.

13 декабря. Утром у обедни. Недаром я сомневался. Всего подписок на 115 милл. В том числе Штиглиц подписался на 30 милл. Очевидно, что это маневр самого Министерства финансов. Иначе не состоялось бы полной суммы и иностранные капиталисты не взяли и тех 20 милл., которые пошли на их долю. Смотрю на это, как на тяжелый удар нашему кредиту и на вещий признак нашего положения вообще. Кажется, этого не замечают другие.

14 декабря. Утром Государственный совет. Государственная роспись на 1865 год. Спор о 22 тыс. в продолжение $1\frac{1}{4}$ часа (по Министерству народного просвещения на посылку преподавателей, готовящихся в профессоры, за границу), потом, в 10 минут, решено списать около 8 милл. со сметы Военного министерства, потому что заметили, что она выше прошлогодней, потом подписали меморию in blâmo *, не зная окончательной цифры! Это называется рассматривать роспись в Государственном совете.

Потом Главный комитет. Потом совещание по остзейским делам и предложениям архиепископа Платона в особенности ** [307]. Ахматов, Урусов и Зеленый в пользу строгих мер. Кн. Долгоруков склоняется фактически к тому же, чтобы не отступать от status quo. Кн. Гагарин лавирует, чтобы не изложить категорического мнения. Кн. Суворов хочет разрешать родителям крестить детей в том вероисповедании, в каком пожелают. Я настаивал на том, что если мы не решимся смело признать свободу совести, то, по крайней мере, ее следует допустить на деле, не преследуя отпадений от православия в крае, где это поддерживается только силою.

15 декабря. Утром у государя. Совещание о ген.-губернаторских назначениях. Кн. Долгоруков, военный министр и я. Решено завтра назначить гр. Шувалова в Ригу. В Киев предполагается Безак, которого вызывают по телеграфу. На Дон — гр. Муравьев-Амурский, которого также вызывают. Потом был у вел. кн. Константина Николаевича, по его званию, председателя Комитета финансов. Заявил ему, что подпишу вопрос о вчерашнем способе изменения росписи на 7 или 8 милл. во столько же минут. Потом Комитет министров, где я узнал, что без нас после заседания министры финансов и военный решили ничего не изменять. Потом комитет Западный, где читался отчет Анненкова в его присутствии и где он был невозможен по ограниченности и бессвязности своих объяснений и мнений. Вечером на $\frac{1}{2}$ часа у английского посла.

---

* в порицание *(латинизированная форма фр. глагола blâmer).*

** *После* в особенности *в скобках написано:* касательно отпадения латышей и эстов от православия. *(Т. II, л. 113).*

16 декабря. Утром доклады. Потом заседание Польского комитета до 5 час. Утомительно и бесполезно. Дела делаются заранее Милютиным, а в заседании Чевкин толкует о мелочах. Сегодня оказалось, что управление по крестьянскому делу стоит в Царстве 800 тыс. руб. Патриоты наши не дешевы. Сам Милютин заметил, что нынешнее управление самое дорогое и не может не быть самым дорогим.

17 декабря. Вчера вечером был у меня гр. Шувалов. При этом первом с ним в звании ген.-губернатора объяснении, конечно, немного и могло обозначиться. То же и сегодня, когда я был у него. Бедный Ливен все еще затрудняется понять причину своего увольнения.

18 декабря. Утром доклад у его величества. Обедал там же. Нового немного.

19 декабря. Утром доклады. Видел картины Айвазовского «Хаос», потом и несколько ландшафтных эффектов, заезжал к кн. Суворову, который болен. Вечером Комитет финансов.

20 декабря. Утром у обедни. Обедал у гр. Орлова-Давыдова.

21 декабря. Утром Государственный совет. Потом комитеты финансовый, Главный и Польский.

22 декабря. Комитет министров. Потом Западный. Потом совещание у министра государственных имуществ с ним и министром финансов по вопросу об образовании нового министерства промышленности и торговли. Res indigesta *. Вечером Комитет финансов у вел. кн. Константина Николаевича. Вопрос о поземельном кредите. После заседания он просил меня к себе для объяснений по делу о железных дорогах и при прощании сообщил, что он назначается председателем Государственного совета и что государственным секретарем ему даваемым ** будет кн. Урусов.

23 декабря. Утром дома. Доклады. Были ген-ад. Анненков, который сообщил, что ему уже объявлено государем вчера о замещении его ген. Безаком и который крепко заботится теперь о денежном обеспечении, ген.-ад. Коцебу и кн. Долгоруков, который добивается окончательной формулировки наших предположений об управлении Западным краем [96]. Вечером за работой.

24 декабря. Утром заезжал к Анненкову. Вечером обыкновенная елка.

25 декабря. Утром у обедни. Потом доклад у его величества. Его мнение склоняется по вопросу о железных дорогах к Кременчугу.

---

* Беспорядочные дела.

** *После* даваемым *в скобках написано:* он желал ст. секр. Ждановского. *(Т. II, л. 114).*

26 декабря. Совет министров по делу о Южной железной дороге [308]. К совещанию был приглашен гр. А. А. Бобринский. Были жаркие прения. Чевкин с замечательным упорством и отсутствием логики отстаивал Киев, à grand renfort de détails sur la «Сандормирка», le blé tendu, etc. * Гр. Бобринский предлагал свою сеть и вообще доказал совершенную запутанность своих мыслей.

Кн. Гагарин и ген. Зеленый с патриотическим жаром также защищали направление на Киев. Министр финансов, сказавший при самом начале заседания превосходную речь, кн. Долгоруков, кн. Горчаков и я были за Харьков. Военный министр назло всем соображениям министра финансов и всем экономическим законам требовал приостановления всех работ на юге и сосредоточения их на внутренних линиях от Москвы к Курску и Харькову. Наконец последовала подача голосов. Оказалось, в пользу Киева — 9 (кн. Гагарин, Чевкин, Мельников, Зеленый, гр. Адлерберг, Замятнин, Татаринов, Анненков и, кажется, Бобринский), в пользу Харькова — 12 (2 вел. князя, пр. Ольденбургский, кн. Долгоруков, кн. Горчаков, кн. Урусов, Краббе, Головнин, Коцебу, Рейтерн, кажется, Толстой и я). Государь согласился с большинством. При сем постановлено, однако же, не исключать Киева, но вести к нему дорогу из Курска, а, между тем, из Балты идти на Харьков.

Из Москвы приехал Катков. Он был у кн. Горчакова, который старался завести об нем разговор со мною перед Советом.

27 декабря. Утром у обедни. Обычная воскресная поездка. Потом дома. Я забыл отметить, что 24 числа решено назначение Скарятина гофмаршалом цесаревича. Очень хороший выбор.

28 декабря. Утром у вел. кн. Елены Павловны по случаю дня ее рождения. День за работой. Катков был у меня вчера и сегодня. У него нечто вроде idée fixe насчет необходимости исключительного положения для «Московских ведомостей». При этом большая запутанность слова при большой сбивчивости мысли и сомнительной искренности. Он был у Горчакова и Долгорукова. Явно, что он приехал сюда в надежде отделаться от меня при чужой помощи, и что, приехав и осмотревшись, он нашел эту помощь ненадежною. Я выдержал в оба раза 3 часа утомительного фехтования словами.

В Москве, здесь и инде были распространены разные нелепости насчет притеснений, будто бы претерпеваемых Катковым.

---

* с помощью большого количества деталей о «Сандомирке», собранного хлеба и т. д.

Он будто приехал, чтобы условиться насчет прекращения своих отношений к газете, и повторял, что более издавать ее не может, не в силах и т. п. Ввиду распущенных небылиц, разладицы между министрами и предстоящих московских выборов, желательно было предупредить всякий éclat. Donc j'ai eu la patience de faire patte de velours pendant trois heures *. Кажется, что не безуспешно. Великий публицист отбыл восвояси сегодня утром, не сделав никакого éclat [97].

29 декабря. Утром работал и выходил пешком, чего не было почти целый месяц. Такова жизнь, которую веду. Обедал случайно у Гернгроса.

30 декабря. Утром доклады. Заезжал к Масиньяку. Вечером на большом вечере у вел. кн. Елены Павловны с разными сюрпризами, масками и т. п. Между прочим, неизвестно, почему вел. княгине подносился адрес депутацией насекомых. Оратором был Катакази, прочитавший наидлиннейшую речь, в которой были комплименты государю и кн. Горчакову (о служба! Это ты!), и где по поводу отмены крепостного права говорилось, что государь освободил 20 millions de pauvres petites chevilles **. Потом был длинный трактат о «puces qui vont chercher leur pâture jusque dans des régions interdites». Tout cela était d'un goût plus qu'équivoque ***.

Вернувшись, я нашел телеграмму от Каткова, который извещал, что объяснения его с Щербининым не соответствовали объяснениям со мною и что вследствие сего в «Московских ведомостях» заявится в сегодняшнем № **** о предстоящем переходе редакции в другие руки. Все это неправдивые стремления к пользе общей, неправильное сознание своего достоинства, а просто, как я выразился в записке к гр. Перовскому, кружение головы и доморощенные приемы.

31 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Говорил его величеству о деле Каткова и о несносно меня преследующих кривотолках насчет мнимого жертвоприношения Каткова моему примирению с вел. князем и т. п. Государь сказал мне при этом случае, что в секретно доставленных ему сведениях заключалось, между прочим, письмо, будто бы написанное к Каткову по поручению кн. Горчакова, в видах самого резкого и неуместного поощрения его к прямому сопротивлению цензуре. Государь меня благодарил, обнял и т. п. [98] Я ему высказал, что мне досадно слышать толки о моем мнимом маневрировании, когда

---

* взрыв. Итак, у меня хватило терпения мягко стелить в течение трех часов.

** 20 миллионов бедных винтиков.

*** «блохах, которые ищут себе пищу вплоть до запрещенных мест». Все это было более, чем двусмысленно.

**** *После № в скобках написано:* т. е. на 31 число. *(Т. II, л. 117 об.).*

ему очень хорошо известно, что я вовсе не маневрирую, чтобы сохранить за собою звание, которое на меня возложено не ради меня, но, вероятно, потому, что его величеству кажется, будто я в настоящее время более другого к нему пригоден. Заходил к Тройницкому, обедал у Сабурова. Вечером дома. Завершился 1864-й тяжелый, глубокой скорбью оттененный год. Да будет милость божия с нами в наступившем 1865.

Примечания П. А. Валуева

Примечание 1. Когда в моих заметках этого времени говорится просто о комитете, то разумеется Комитет министров, а о Министерстве, то Министерство государственных имуществ. Поездки к разным министрам и представление государю и вел. князю (2-го числа) были последствием моего назначения управляющим делами Комитета министров. По ученому комитету Министерства государственных имуществ я сохранял связь с этим Министерством.

Кн. Орлов в то время еще считался председателем Государственного совета и Комитета министров, но по болезненному состоянию в них не бывал. Я видел его 3 января 1861 г. в последний раз. Умственные и физические силы вскоре стали упадать еще быстрее. Он по временам находился в состоянии, которое можно назвать животным в полном значении слова. Он молчал, ползал на четвереньках по полу и ел из поставленной на полу чашки, как собака. Так видел его бар. Велио, приехавший к нему по поручению его сына и передавший мне эти подробности. (С.-Петербург, 26 апреля 1868). *См. т. I, л. 6.*

Примечание 2. I. Сведения о воскресных школах были в то время весьма неполные и на дело смотрели поверхностно. Полиция мало знала, что делалось, как и теперь, впрочем, большею частью бывает. В 1862 году оказалось, что ген. Игнатьев вообще был прав.

II. Спиритизм был в то время в ходу во многих домах. Он и теперь держится. К числу усердных спиритов принадлежит, говорят, Д. Г. Бибиков, прежний министр внутренних дел. Он беседует с покойным сыном, умершим в Дрездене.

III. Я уже в то время по польским делам держался того взгляда, который руководил меня впоследствии. Точных и даже подробных сведений о происходившем в Царстве я не имел. Мои понятия и стремления не сложились в определенных чертах; но я вообще держался мысли, что польский вопрос не разрешим без развития в Польше центростремительных сил в отношении к России, что исключительное употребление мер строгости только развивает центробежные силы и что без каких бы то

ни было представительных учреждений тяготение окраин к центру невозможно. (С.-Петербург. 27 апреля 1868). *См. т. I, л. 7.*

Примечание 3. Не знаю, будет ли когда-нибудь написана подробная и правдивая история крестьянской реформы. Это тем более желательно, что не только во время ее подготовления и осуществления, но и до сих пор на ее счет были и остаются в ходу весьма ошибочные понятия.

Из моего дневника за 1860 год видно, что я принимал косвенное участие в деле по занятиям, которые на меня возлагал мой прямой начальник, министр государственных имуществ, и в особенности как редактор особого мнения или проекта трех членов Главного комитета: кн. Долгорукова, ген. Муравьева и Княжевича. Этот проект, носивший наименование п р о е к т а т р е х ч л е н о в, отличался от проекта большинства преимущественно в отношении к норме наделов и повинностей (для точного определения которых предполагалось воспользоваться содействием губернских присутствий) и к учреждению волостных попечительств. Третьим видом мнений в Главном комитете были предположения кн. Гагарина, более радикально уклонявшиеся от проекта большинства. В публике мало верили в успех этих предположений. Приведение [в исполнение] мнения 3-х членов многие признавали не невозможным, потому что кн. Долгоруков был человеком, особенно близким к государю. Но сторонники проекта большинства с громкой и непоколебимой уверенностью предсказывали, что он будет утвержден без всяких существенных изменений.

Не участвовав в работах Редакционных комиссий и не участвуя в делах Главного комитета, я знал о происходившем в нем и мог судить о большей или меньшей вероподобности того или другого исхода дела только по городским толкам и по ежедневно сообщаемым кн. Долгоруковым и ген. Муравьевым сведениям. Городским толкам я никогда не доверял; ген. Муравьеву я верил очень мало, потому что его знал хорошо; кн. Долгорукову я верил более, и видя его стойкость, считал по крайней мере возможным предполагать, что государь не высказался окончательно и что сам кн. Долгоруков надеется на успех. При составлении проекта 3-х членов работа лежала на мне. Разрешение возникавших вопросов и установление главных начал окончательно принадлежали кн. Долгорукову. Ген. Муравьев много говорил, но безусловно и даже низкопоклонно ему подчинялся. А. М. Княжевич был третьим для счета. Я не видел его ни одного раза, и с ним переговаривал ген. Муравьев. Мысль о возложении на меня совершенно напрасного труда пересоставления проекта Манифеста также была подана ген. Муравьевым. С моей стороны я считал вопрос по существу решенным. Меня озабочивали преимущественно два опасения: упадок производительности от излишней величины наделов, затруднявшей договорные съемки земель у помещиков, или договорное производство работ по их хозяйствам, тогда как вообще желательно было для установления правильных между обеими сторонами отношений и распространения гражданственности в умах народа открывать широкие пути всякого рода договорным

сделкам; и совершенное улетучение прежних территориальных делений, утрата понятия об имении как о территориальной единице, установление повсеместной административной чересполосицы и даже установление параллельных полицейских властей в отношении к делам общественного благоустройства, на землях крестьян и на землях помещичьих. Эти опасения побуждали меня сочувствовать мнению 3-х членов в отношении к порядку определения надельных норм и подали мне мысль предложить учреждение «волостелей» или волостных попечителей, мысль, к которой я возвратился впоследствии, бывши министром, но до сих пор без большого успеха.

Положения 19 февраля имеют важные недостатки; они составлялись и облекались в законодательную форму под влиянием разных страстей и предубеждений; они вообще имели некоторые свойства односторонности, в правительственном смысле неправильной и вредной; величайшей в летописях мира поземельной реформе предпослано было самим правительством уничтожение давних форм поземельного кредита; к восстановлению этого кредита в других формах не приложено должной заботливости; вообще обнаружено немного попечения о хозяйственном быте помещиков и политические последствия избранного способа реформы весьма поверхностно взвешены. Но главными виновниками этих ошибок были те самые, которые наиболее на них сетовали и в них обвиняли Редакционные комиссии, ген. Ростовцева, гр. Панина и самого государя. Все сбылось, так как сбылось только потому, что государь не нашел помощи там, где он ее первоначально искал и должен бы был найти. Именно те, которые должны были оказать эту помощь и совершить дело, дали ему ускользнуть из их рук. Они не только ничего не сделали лучше, чем Редакционные комиссии, но вообще ничего не сумели и только противоречили, перечили и тормозили. Кн. Орлов оказался несостоятельным; ген. Муравьев думал о себе и воображал, что без него не обойдутся; другие министры были не способны вести дело. Один Ланской вполне предался исполнению государевой мысли, но Ланской, сам по себе, был не в силах ее осуществить. Он опирался на своих подчиненных и открыл второстепенным деятелям пути к прямому влиянию на движение и направление дела. Эти деятели, второстепенные по служебному положению, были, наоборот, по уму и уменью выше своих начальников и не замедлили воспользоваться своим превосходством. После продолжительных колебаний государь вверил дело ген. Ростовцеву. В этом назначении, в самом выборе для установления оснований крестьянской реформы начальника военно-учебных заведений заключались доказательства недоверия государя к стоявшим ближе к той реформе сановникам и сознание необходимости обратиться к лицу, на волю которого можно было надеяться, хотя и следовало сомневаться в его способностях. Когда смерть скосила Ростовцева, государь обратился к гр. Панину, и также обратился к нему не по убеждению, что он способен, а по уверенности, что он покорен и захочет исполнять то, что ему будет приказано. Со дня учреждения Редакционных комиссий вопрос был решен по существу

и дело всех близоруких или двоедушных сановных чиновных и сословных кунктаторов было проиграно. Оставалось направить все старания к тому, чтобы обеспечить, по возможности, правильное разрешение разных частных, но тем не менее важных вопросов. Надлежало в особенности доказать государю, что оппозиционные толки и стремления относились не к существу реформы, а к частностям принятой для нее системы и к ошибочным приемам лиц, проводивших эту систему. Но и этого не сумели сделать. Главные представители дворянских и так называемых аристократических интересов жаловались, кричали, старались испугать государя, и только успели усилить его доверие к их противникам. Между тем члены Редакционных комиссий озлоблялись направляемыми на них частью заслуженными, частью незаслуженными и неосновательными нареканиями. Их трудом, во всяком случае весьма замечательным по объему, последовательности и непривычному у нас прилежанию, не отдавалось должной справедливости. Их упрекали в самоуверенности и заносчивости, но та и другая еще более упрочивались и усиливались противупоставляемым им неловким и полуребяческим противодействием. Так дело шло до самого конца. Государь выказал твердость, стойкость, решимость и вместе с тем сдержанность, которым мало подобных в истории. Он мало знал частности дела и в этом отношении полагался на тех, кому он его вверил. Он только непреклонно настаивал на осуществлении реформы и на ее осуществлении в форме освобождения крестьян с поземельной оседлостью. В смысле правительственной меры проведение нового закона есть вполне и исключительно его дело, его личный подвиг, результаты его непоколебимого произволения. В развитии общей мысли государя и во всех частностях и подробностях Положения 19 февраля — дело Редакционных комиссий, в особенности двух их членов Ник. Милютина и кн. Черкасского, председательствовавшего в Главном комитете вел. кн. Константина Николаевича и влиявшего на него члена комитета ген. Чевкина. Канцеляризмом заведовал в Главном комитете и Государственном совете государственный секретарь Бутков. (С.-Петербург, 29 апреля 1868). *См. т. I, лл. 9 об.— 12.*

Примечание 4. Опыт показал, что и при системе Положений 19 февраля, т. е. при окончательном определении норм надела и при улетучении территориальных единиц, не произошло вредных замешательств и потрясений. Но быть может, что некоторые вредные последствия этой системы смягчены, сглажены или предупреждены при введении в действие и применении нового закона, чего тогда нельзя было предвидеть. Быть может, кроме того, что некоторые другие последствия только со временем яснее обнаружатся. Идея составителей Положений, чтобы реформа всецело произошла от престола, проведена. Но тем резче обозначились две прикосновенные к делу стороны, и тем более им усвоен вид сторон противуположных. (Карлсбад, 22 мая/3 июня 1868). *См. т. I, л. 16.*

Примечание 5. Впоследствии, будучи министром внутренних дел, я сам пользовался постановленным по предложению кн. Гагарина

правилом и весьма ценил его пользу. Конечно, оно не вязалось логично с основными началами, мне представлявшимися правильными. Но дело было не в достижении невозможного, а в исправлении, по возможности, явных недостатков закона, высочайшее утверждение которого было предрешено и несомненно. Один из этих недостатков заключался в излишнем размере наделов, предотвращавшем добровольные сделки между помещиками и крестьянами. Кн. Гагарин открывал новый путь к уменьшению этих наделов. От расчета помещиков зависело идти или не идти по этому пути.

Но если начала гражданственности не разовьются и не распространятся, то в случае возвышения цен на землю могут произойти важные неудобства (Карлсбад, 23 мая/4 июня 1868). *См. т. I, лл. 17 об.— 18.*

Примечание 6. Тогдашние варшавские события оказались как бы совершенно неожиданными для правительства. Никто не имел и даже не получал сведений достаточно полных и точных, чтобы оценить эти события как следовало и с твердостью определить путь, по которому надлежало идти правительству. Многое в моих тогдашних заметках требует пояснений. Надеюсь изложить их в другом месте, когда при дальнейшем развитии польского дела будет речь о наместничестве вел. кн. Константина Николаевича. Равным образом требуют пояснений и другие заметки, относящиеся до действий разных высших правительственных лиц. Нужна некоторая характеристика этих лиц и не бесполезен общий анализ тех правил и понятий, которыми в то время руководствовались более или менее все так называемые государственные люди. Надеюсь и этот пробел пополнить впоследствии, при удобном к тому случае. (Карлсбад, 26 мая/7 июня 1868). *См. т. I, л. 23.*

Примечание 7. Впоследствии я сам слышал в одном из заседаний Совета министров, как гр. Блудов сказал то же самое нынешнему государю, употребив только вместо выражения: «повиноваться закону»,— выражение «соблюдать» закон (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). *См. т. I, л. 24 об.*

Примечание 8. Пропускаю все это теперь без пояснений и дополнений. Пью карлсбадские воды и кроме того принужден беречь глаза. Работаю урывками и должен избегать напряжения мысли и чувства. Впоследствии представится случай высказаться насчет польского вопроса с надлежащей полнотой. (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). *См. т. I, л. 26 об.*

Примечание 10 *. Будучи управляющим делами Комитета, а с тем и Совета министров, я не участвовал в совещаниях, а только присутствовал и, следовательно, имел досуг во время заседаний делать заметки, по которым обозначал содержание и даже ход прений в моем дневнике. Притом первые заседания на меня производили впечатление дела нового и более важного, чем оно казалось мне впоследствии, когда я к нему,

---

* *Примечание 9 в авторском тексте отсутствует.*

так сказать, пригляделся. Следы этой впечатлительности достаточно ясны и в предшедшем очерке заседания 13 марта.

Ввиду позднейших событий это заседание во многом может казаться странным, но оно хорошо характеризует тогдашнее настроение высших правительственных лиц. Начиная с государя, все члены Совета, кроме гр. Строганова, находили нужным что-нибудь сделать для успокоения и даже удовлетворения умов Польши. Один член, оговоривший мимоходом интересы империи, т. е. России, был немец — бар. Мейендорф. Военный министр (тогда ген. Сухозанет) молчал. Министр внутренних дел Ланской — почти молчал. Ген. Муравьев, впоследствии покоритель мятежа в Северо-Западном крае и всемогущий виленский проконсул, предлагавший заселять поляками Туруханские тундры, сказал только два слова, и те в пользу польских вольных слушателей в учебных заведениях. Кн. Долгоруков ближе всех роднился с моими собственными ощущениями и мыслями, что и продолжалось до его кончины, но большею частью держал себя на втором плане и высказывался неохотно и нерешительно. Наконец, кн. Горчаков (faisait la phrase) * и в то же время, как здесь по вопросу об Университете, смелее других смотрел делу в лицо и называл его по имени. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, лл. 34—35.*

Примечание 11. Эту роль кн. Горчаков играл не столько по личному влиянию или по званию министра иностранных дел, сколько по свойству двоюродного брата наместника кн. М. Д. Горчакова. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, л. 35 об.*

Примечание 12. В предшедших заметках за 13 и 14 апреля многое может показаться излишним, как относящееся более к моим собственным взглядам и тогдашним суждениям, чем к событиям, которых я был свидетелем. Я оставил эти заметки в том виде, в каком они занесены в мой дневник, преимущественно по тому соображению, что со временем может быть небесполезным знать, как думали в то время некоторые лица, подобно мне стоявшие в рядах правительства и довольно близко к его центру. (Карлсбад, 5/17 июня 1868). *См. т. I, л. 46 об.*

[Примечание 12а **]. Это дело с. Бездны. На местах был флиг.-ад гр. Апраксин. Ген. Бибиков ничего не сделал, ничего не разъяснил, и даже не представил никакого донесения. Государь был очень недоволен и приказал ему это поставить на вид. (Карлсбад. 5/17 июня 1868). *См. т. I, л. 47.*

Примечание 13. К сожалению, кроме разрозненных бумаг, большею частью не приведенных в порядок, и частной переписки, у меня не сохранилось следов первых четырех месяцев моего управления Министерством. В дневнике, за исключением заметки 7 мая, пробел с 25 апреля по 15 августа. В моей памяти изгладились или слились с другими

---

* разглагольствовал.

** Данное примечание в тексте «Отрывков из Дневника» дано под строкой.

воспоминаниями все подробности моих первых начинаний, затруднений, испытаний и опытов. Помню однако же ряд тяжелых впечатлений, которые вызывались встречею с неотразимою действительностью, противоречившею руководившим мною отвлеченным началом. Помню те неблагоприятные особенности моего положения, о которых будет ниже пространнее упомянуто. Помню также, что я взялся за управление Министерством и занял свое место в высших коллегиях без соблюдения даже самых обиходных обрядных формальностей. Таким образом, я был с первого раза в Государственном совете в обычной форме, без ленты. При мне не читался указ о моем назначении и со мною не раскланивались по этому поводу члены Совета. (Карлсбад, 6/18 июня, 1868). *См. т. I, л. 50.*

Примечание 14. Я управлял Министерством внутренних дел семь лет. Меня часто упрекали в колебаниях, нерешительности, недостатке энергии и стойкости. Выписки из моего дневника могут отчасти облегчить суждение о том, насколько эти упреки были основательны или неосновательны, и насколько в течение семи лет я был верен или не верен нескольким коренным началам, последователен, или непоследователен. Здесь я не имею в виду ни опровергать, ни оправдываться, но считаю не лишним оговорить, что никогда никто не сознавал более меня самого недостатка моего влияния и шаткости моего положения. Всем моим товарищам и ближайшим сослуживцам известно, что я признавал и называл себя не министром внутренних дел, а «докладчиком» по Министерству и управляющим делами Министерства; что я никогда, кроме скрепы или контрассигнировки указов, не подписывался собственноручно «Министром внутренних дел», а писал только «статс-секретарь N. N.», что у меня даже не было, до поездки за границу в 1867 году, визитных карточек с обозначением звания министра; наконец, что я никогда не считал себя прочным или долговечным министром и уже с 1863 года постоянно предусматривал перемену или ее ожидал, или об ней думал. Если, несмотря на то, проходили годы и перемены не было, то главною тому причиною едва ли не было то обстоятельство, что в это время, при данной обстановке, никто не мог быть министром внутренних дел в полном смысле слова, т. е. министром, пользующимся преобладающим и прочным на все внутренние дела влиянием, кроме, быть может, людей крайних, и притом крайних в направлении, противоположном моим общим взглядам и моему общему направлению. Влияние Главного комитета по делам крестьянским и влияние Милютина и других по делам западным служат тому подтверждением и пояснением. Рядом с вопросом, оставаться ли, при данных условиях, или не оставаться, постоянно становился вопрос: какие последствия будет иметь мой уход? Следы постановления и сопоставления этих вопросов далее будут встречаться достаточно часто и ясно.

Направление крестьянского дела представляло на первых порах особые затруднения. Я считался человеком новым. Главный комитет, напротив того, состоял большею частью из лиц, непосредственно участ-

вовавших в составлении законоположений 19 февраля и признававших себя не только специалистами в отношении к подробностям дела, но и главными, почти исключительными представителями его основных начал. Притязания руководить Министерством внутренних дел обнаруживались нередко. Надлежало уклониться от этого руководства, но без раздражительных объяснений и явного разлада, внося в Комитет только дела законодательного или общего свойства и распоряжаясь самостоятельно по всем прочим. Надлежало, кроме того, не спешить переменами в личном составе. Вел. кн. ген.-адмирал постоянно восхвалял тех именно губернаторов, которых я считал вредными по их односторонности или неправильным канцелярским связям с Главным комитетом, например, калужского — Арцимовича и нижегородского — Муравьева. Начальник Земского отдела Соловьев также признавался отменно полезным и даже необходимым. Они все впоследствии сошли со сцены, но на первое время я должен был их сохранить. Новый закон был уже повсеместно обнародован. Везде начали вводить его в действие. Между тем на местах недоставало одной из главных к тому призванных властей. Составители крестьянских Положений не приняли или не хотели принять во внимание, что процедура утверждения мировых посредников Правительствующим сенатом при наших канцелярских порядках требовала немало времени и что последствием всякой в этом отношении проволочки при упразднении в силу нового закона помещичьей власти и ослаблении власти полицейской было междувластие или даже отсутствие всякой ближайшей власти в местах, где вводился в действие этот закон. Устранение этого важного неудобства было первой моей заботой. Я немедленно испросил через Главный комитет высочайшего разрешения допускать лиц, избранных в мировые посредники, к отправлению их обязанностей, не ожидая утверждения их Сенатом. Это разрешение объявлено всем губернаторам по телеграфу. Вскоре дело везде приняло не только более или менее правильный оборот, но и ход более спокойный, чем сначала можно было ожидать. Добрые свойства народа и не утратившаяся в нем разом привычка повиноваться облегчали достижение этого результата. Благодаря распорядительности начальников губерний деятельность дворянских предводителей и уездных полиций, а затем и мировых посредников, по мере их вступления в должность, закон в одно и то же время вводился в действие, разъяснялся народу и охранялся от произвольных нарушений, как с одной, так и с другой из прикосновенных к делу сторон. Решительное прекращение беспорядков там, где они возникали, и подавление всякого упорного сопротивления в местах, где они обнаруживались, производили полезное нравственное впечатление на соседние местности. Первая пора замешательств и волнений, не без основания возбуждавшая сильные опасения, миновалась. При всем том повсеместно встречались беспрерывные и разнообразные сомнения и затруднения. В некоторых губерниях, как именно в Калужской, распоряжения самих губернаторов не соответствовали их скорому устранению. Сетования и жалобы слышались со всех сторон и

свойственная человеческой природе наклонность преувеличивать всякое зло и уменьшать значение всякого постороннего успеха обнаруживалась в обычных формах и размерах. Кн. Долгоруков писал мне из Москвы 9-го августа: «Ici on voit l'avenir sous un aspect excessivement noir. On se plaint d'un manque complet d'autorités réelles dans le fond des provinces et on craint que l'anarchie ne s'établisse partout. Si se basant sur ce qu'il n'y a pas dans certaines localités de désordres palpables on habitue les masses à ne faire que ce qui leur plait. Je console les pessimistes en promettant que les «мировые посредники» servent d'un grand secours: mais il est certain que pour cela ils doivent être bien intentionnées actifs et forts. Voilà, cher П. A. à quoi nous devons travailler avec ardeur» *.

Дела Царства Польского и западных губерний также представляли ряд постоянно возникавших или возобновлявшихся затруднений. Назначение гр. Ламберта наместником в Царстве состоялось после нескольких колебаний в надежде на его ум, приятные формы, ловкость и предполагавшуюся твердость. Он вообще считался лицом, близким к государю или по крайней мере пользующимся особым его расположением. Это предположение не было вполне основательным, но оно поддерживалось в глазах публики близкими отношениями гр. Ламберта к гр. А. Адлербергу и к гр. Ф. Т. Баранову. Сначала был решен один вопрос о наместничестве, другой — о назначении главнокомандующим армией в Царстве — обсуживался в присутствии государя, в его кабинете в Петергофе. В совещании участвовали кн. Горчаков, кн. Долгоруков, ген.-ад. Милютин, сам гр. Ламберт и я. Дело шло об отделении или неотделении военной части от высшего гражданского управления. В пользу отделения высказывались кн. Горчаков, кн. Долгоруков и я, причем я ссылался на пример Англии, которая в Ирландии и Индии даже в критические эпохи не соединяла в одних руках двух высших вл стей, военной и гражданской. Милютин настаивал на их соединении, утверждая, что без соблюдения этого условия не может быть единства направления и даже согласия действий по гражданской и военной частям. Гр. Ламберт молчал. Государь колебался. Наконец, он обратился к гр. Ламберту с вопросом о его мнении, присовокупив, что так как ему придется управлять Царством, то и его взгляд на дело желательно знать. Гр. Ламберт высказался в пользу соединения властей и затем вопрос был решен в этом смысле без дальнейших рассуждений. Гр. Ламберт, один

* «Здесь видят будущее в очень черном свете. Жалуются на полное отсутствие реальной власти в глуши провинций и боятся, как бы анархия не водворилась повсюду. Основываясь на том, что в некоторых местностях нет явных беспорядков, позволяют массам делать только то, что им захочется. Я успокаиваю пессимистов, обещая, что «мировые посредники» могут, конечно, оказать большую помощь, для этого они должны иметь хорошие намерения, действенные и сильные.

Вот, дорогой П. А., над чем мы должны с жаром трудиться»

из младших ген.-лейтенантов, дотоле ничем не командовавший, кроме л.-гв. конного полка, и ничем не управлявший, кроме южных военных — поселений, был произведен в полные генералы и назначен как наместником, так и главнокомандующим в Царстве.

По делам Западных губерний почти единственным и притом постоянным моим союзником в высших правительственных сферах был кн. Долгоруков. Отношения к нему были всегда ровны и приятны. Мы переписывались почти ежедневно, иногда по нескольку раз в день, и я этим пользовался для доведения до государя сведений и мыслей, которые в междудокладные дни мне представлялось неудобным доводить до него письменно. Кн. Долгоруков видел его часто и докладывал мои записки.

Образчиком такой переписки и примером доверия, которое мне оказывал кн. Долгоруков, может служить прилагаемая записка от 12 июля из Красного Села (Приложение 1) *. Она относится до моих предположений об учреждении полицейских судов для разбора дел о политических манифестациях, и в ней кн. Долгоруков говорит: «Moi, de mon côtéje vous passe mes pleins pouvoirs sans condition aucune tant sur la conclusion que sur la rédaction définitive de la note» **.

Государь предпринял поездку в Крым 6-го или 7-го августа. В записке от 6-го, написанной перед выездом из Петербурга, кн. Долгоруков следующим образом выражается об особом негласном совете, который на время отсутствия его величества учреждался под председательством вел. кн. Михаила Николаевича: «Je ne sais si l'empereur vous a dit de causer quelquefois avec... le gr. duc Michel sur ce qui pourra demander une espèce de consultation, quant à la fermetation qui règne en général dans toutes les classes. Schouvaloff, Путятин et Милютин ont reçu des ordres de s. m. là dessus. Ce ne seraient que des causeries entre vous cinq *** dons Schouvaloff me fera connaître le sujet et pour lesquelles s. a. i. vous invitera problement» ****.

Таким образом, когда первый раз был учрежден подобный негласный высший Совет на время продолжительного отсутствия государя из столицы, предметом его ведения должны были быть исключительно дела политического свойства и Совету усваивалось по преимуществу совеща-

---

* *(См. «Отрывки из дневника», т. I, л, 85).*

** «Я, с своей стороны, передаю Вам без всяких условий свои неограниченные полномочия, как по заключению, так и по окончательной редакции записки».

*** Впоследствии, по крайней мере для некоторых дел, к нам был присоединен ген. Чевкин. *(См. выше. Прим. автора).*

**** «Я не знаю, говорил ли вам император, что нужно изредка беседовать с вел. кн. Михаилом о том, что может потребовать консультации в отношении брожения, которое царит в общем во всех классах. Шувалов, Путятин и Милютин получили приказ его величества по этому поводу. Это будут всего лишь неофициальные беседы между вами пятью; с содержанием бесед меня познакомит Шувалов и на них е. и. высочество, очевидно, пригласит вас.

тельное значение. О результате его совещаний начальник III отделения и жандармского штаба должен был извещать шефа жандармов. Впоследствии таким Советам предоставлялось право решать известные дела высочайшим именем и о его совещаниях представлялись государю председательствовавшим в нем вел. князем и заведовавшим его делопроизводством государственным секретарем особые мемории.

Назначение адмирала гр. Путятина министром народного просвещения состоялось, кажется, в июне 1861 года. Я помню то заседание Совета министров в Царском Селе (по делу ведомства Министерства народного просвещения), в котором гр. Путятин неожиданно для большинства членов Совета оказался в числе присутствовавших. О нем уже говорили в городе, как о кандидате на эту должность, но почти никто не считал вопроса о том решенным или даже близким к разрешению. Поводом к выбору гр. Путятина было состояние наших учебных заведений и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения. Гр. Путятин был известен за человека набожного, даже склонного к религиозному ригоризму, и слыл человеком с твердым характером и железной волей. Вся его внешность имела аскетический оттенок и я помню впечатление, им оставленное во мне после вышесказанного заседания Совета. Мысли о религиозном направлении образования юношества я вполне сочувствовал. Всматриваясь в резкие, бледные, почти изможденные черты лица гр. Путятина, замечая неподвижность выражения этого лица и припоминая рассказы о твердости и сосредоточенности в самом себе, обнаруженных им во время его экспедиции в Японию, я думал, что Министерство народного просвещения передается в сильные и даже жесткие руки. Гр. Путятин в генерал-адъютантском мундире как-то и почему-то напоминал мне латинских кардиналов времен Филиппа II-го, и я конечно не предугадывал, что не далее как через три месяца при первой вспышке беспорядков в Санкт-Петербургском университете этот непреклонный аскет, кардинал, адмирал и генерал-адъютант, окажется нерешительным, ненаходчивым, нестойким — одним словом несостоятельным в кругу тех обязанностей, которые были на него возложены. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). *См. т. I, лл. 53—58.*

Примечание 15. Я уже тогда имел в виду для наложения узды на польских помещиков в западных губерниях принятие мер, которые были бы для них ощутительны в денежном отношении. Но я предлагал их в регулярной форме, с известными ограничениями и для известных случаев. На том же самом основании я предлагал в следующем году установление особого денежного сбора. Я говорил, что если преступные заявления и стремления местного дворянства и других обывателей края вынуждают правительство принимать чрезвычайные военные меры для охранения общественного порядка, то часть требовавшихся на то издержек по всей справедливости могла быть обращена на тех, которые вынуждали правительство к принятию таких мер. Мои предположения

постоянно отклонялись, но когда мятеж вспыхнул, то пошли гораздо далее этих предположений и ввели в действие под наименованиями процентных сборов, штрафов, сборов для вознаграждения разных убытков и т. п. систему полного произвола местных начальств в отношении к имуществу местных жителей. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). *См. т. I, л. 59.*

Примечание 16. Этот Тышкевич (Фаддей) мне был рекомендован Назимовым и принят мною на службу. Я пытался употреблять его для приобретения сведений о том, что думалось и делалось между поляками. Он, с своей стороны, по-видимому, предполагал играть двойную роль, поместившись в правительственной сфере и сохранив связи со сферой польского движения. Так как я соблюдал надлежащую с ним осторожность, он скоро вынужден был для приобретения или сохранения какого-нибудь значения в среде агитаторов прибегать к разным вымыслам насчет получаемых будто бы от меня поручений или извещений. В Вильно было обнаружено, что он рассказывал о мнимой, от меня полученной телеграмме, и Тышкевич тогда бежал за границу. Впоследствии им там издана книга, в которой говорится о моих к нему отношениях, но где нет почти ни одного слова правды. Считаю его впрочем более сумасбродом, взявшимся за роль, которая ему была не по силам, чем злонамеренным интриганом. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. I, лл. 59 об.— 60.*

Примечание 17. Губернатором в Гродно был один из клевретов ген. Назимова действ. ст. сов. Шпейер. Он был немедленно уволен и замещен другим, но ген. Назимов сильно и долго на меня сетовал за это распоряжение. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. I, лл. 60 об.— 61.*

Примечание 18. Западные ген.-губернаторы постоянно стремились не только к относительной самостоятельности, но к полной независимости от Министерства. Только по представлениям о наградах, и то только в случае невозможности воспользоваться для прямого исходатайствования их приездом государя или в случае его несогласия немедленно удовлетворять такие ходатайства, ген.-губернаторы признавали министров высшею в отношении к себе инстанциею. То же стремление отличало и столичных ген.-губернаторов, но мотивы или исходные побуждения были другие В столицах главные начальники имели преувеличенное понятие о своем призвании и личном значении. В Западных губерниях они считали полное самовластие коренным условием исполнения возложенных на них обязанностей. Они воображали, что спасение если не всей России, то по крайней мере общих государственных интересов ее во вверенном им крае постоянно и исключительно зависело от них одних, от их соображений, их изобретательности в отношении к способам действия и их полновластных распоряжений. Их не останавливал и даже не заботил простой вопрос, каким образом можно было при таком просторе и таком значении ген.-губернаторской власти не только согласовать и приводить в систему действия двух друг за другом следующих ген.-губернаторов, но и согласовать действия двух ген.-губернаторов современных, из которых один полновластвовал в Киеве, а другой

в Вильно? Каждый из них мог иметь свой взгляд, изобретать свои средства, применять к делу свою систему. Министерство внутренних дел более всех других страдало от этих превратных понятий и от их разнообразных последствий. Отношения к ген.-губернаторам были щекотливы, натянуты, часто неприятны. Нравственная ответственность за общие мероприятия на местах ложилась на министра, но от него большею частью не зависело допущение или недопущение этих мероприятий. Он был, по необходимости, представителем главных местных начальников в высших правительственных коллегиях, но он часто не мог быть там представителем их мнений. Между тем его разномыслие с ними казалось в этих коллегиях как будто безосновательною и безответственною операцией. Ему возражали, что подробности и даже существенные условия дела ближе видны на местах; ему противопоставляли ближайшую прямую, хотя на деле всегда мнимую, ответственность ген.-губернаторов; ему твердили, что в трудные времена нужны самостоятельные и сильные местные власти, как будто самостоятельность, сила и произвол тождественные понятия и сила может проявляться не иначе, как в неправильных и непоследовательных формах. Вся эта неурядица проистекала преимущественно от двух обстоятельств: от тех прямых, личных отношений, в которые ген.-губернаторы были поставлены к государю их военным званием и его личным их выбором; и от той самой мысли о необходимости соединения в одних руках военной и гражданской властей, которая была проведена ген.-ад. Милютиным, и от которой до сих пор государь император не соглашается отступать. Пример западных ген.-губернаторов действовал и на других, хотя они вообще более соблюдали установленные законом отношения к министрам и менее обнаруживали неуместных притязаний на создание государства в государстве. Таким образом, во все продолжение моего семилетнего управления Министерством внутренних дел его законное и правильное влияние постоянно парализовалось действиями подведомых ему главных местных начальств, и вместо того, чтобы иметь возможность настоять на соблюдении ген.-губернаторами моих указаний, я только мог иногда воспрепятствовать им исполнять их собственную волю.

Министерство внутренних дел, соприкасаясь с предметами ведомства всех других министерств, вообще встречает у нас постоянные и самые разнообразные затруднения при исполнении лежащих на нем обязанностей. Оно имеет такие обязанности и считается ответственным по взысканию государственных податей, по отправлению воинских повинностей, по охранению полицейского порядка и общественной безопасности и по множеству других предметов правительственной деятельности, по которым другие министерства в то же самое время признают себя полными хозяевами вверенных им отдельных частей и весьма мало озабочиваются соблюдением условий, без которых содействие Министерства внутренних дел им не может быть оказываемо, или по крайней мере не может быть оказываемо с надлежащим успехом. Даже по частным, в существе простым и сомнению не подлежащим вопросам я иногда

должен был употреблять особого рода приемы и некоторую настойчивость, чтобы достигнуть некоторых результатов. Таким образом, в прежнее время не сообщалось во всеобщее сведение никаких известий о высочайших путешествиях, кроме сухого перечня часов выезда и приезда и произведенных тем или другим полком, батальоном или батареей смотров или учений. Я исходатайствовал разрешение сообщать и другие сведения, печатать слова, где-либо с особой целью произнесенные государем, оглашать имена губернаторов и предводителей, удостоенных им аудиенции, и т. п. Но все это, особливо сначала, возбуждало разные сомнения и недоумения.

Прилагаю в виде пояснительных образчиков переписки, в это время происходившей между кн. Долгоруковым и мною, выписки из трех его писем (Приложение II *). (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. I, лл. 61 об.— 64.*

Примечание 19. Командирование г. Жеребцова в мое распоряжение осталось безрезультатным. Оно было одной из частных моих попыток организовать правительственную или, по крайней мере, так называемую «инспирированную», или «инспирируемую» прессу. С одной стороны, почти всегда оказывалось, что «инспирации» было недостаточно. Надлежало самому редактировать или переделывать редакцию. С другой стороны, отсутствие согласия между министрами делало самую «инспирацию» весьма затруднительной.

Дело московских студентов Заичневского и Аргиропуло с сотоварищами относилось до разных противоправительственных замыслов тогдашней молодежи, до пропаганды вредных политических и общественных теорий и т. п. Оно получило судебный ход и с этою целию передавалось из жандармского управления в Министерство внутренних дел. Впрочем, справок о том под рукою не имею. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. I, л. 64.*

Примечание 20. Сенатор Капгер должен был ревизовать Калужскую губернию. Я избрал этот способ при явном предубеждении вел. кн. в пользу губернатора Арцимовича для наложения узды на его действия по крестьянскому делу. Сенатор Капгер был выбран по рекомендации фельдмаршала кн. Барятинского. Результат не соответствовал моим ожиданиям. Губернатор был умнее сенатора и при содействии двух пружин, жажды популярности и некоторой веры в силу вел. князя и Главного комитета, обернул ген. Капгера кругом пальцев. Единственным полезным последствием было то, что Капгер s'est coulé ** и что с тех пор он не всплывал.

Собещанскому (чиновнику особых поручений при мне) было поручено дело студентов в Москве. И он попытался лавировать и с тех пор был мало употребляем. (Карлсбад, 13/25 июня 1868). *См. т. I, лл. 66 об.— 67.*

---

* *См. т. I* «Отрывков из Дневника», лл. 85 об.— 87.

** Сам себя потопил

Примечание 21. Этот самый гр. Старжинский играл в событиях 1863 г. весьма предосудительную роль, был судим и приговорен к смерти (чего, впрочем, он не заслуживал и к чему не был бы приговорен, если бы в муравьевскую эпоху не преследовались особо все поляки, имевшие личные со мною сношения), потом сослан под надзор полиции в Воронеж (частью во внимание к заграничным ходатайствам, частью потому, что сам Муравьев едва бы решился конфирмовать смертный приговор), наконец, возвращен оттуда с дозволением жительствовать в Царстве Польском. Но до этих событий он еще играл довольно видную роль в Москве в конце 1862 г. во время съезда предводителей из разных губерний по случаю пребывания в Москве государя и императрицы. Тогда им была представлена государю записка, копия с которой имеется в моих бумагах и которая по своему содержанию близко подходит к письму гр. Старжинского ко мне, бывшему поводом к его вызову в Петербург в сентябре 1861 года. Упоминаю об этом здесь потому, что подача такой записки в 1862 году характеризует взгляды на польский и западный вопросы, долго сохранявшиеся в высшей правительственной сфере. Гр. Старжинский прежде служил на Кавказе и носил серебряный Георгиевский крест. Он мне был рекомендован г. Калерджи как человек дельный и умеренный. Его мечтой было, кажется, сделаться литовским Велопольским. (Карлсбад, 15/27 июня 1868). *См. т. I, лл. 67 об.— 68.*

Примечание 22. При составлении этого очерка я имел в виду разные цели. Во-первых, надлежало действительно представить государю то, о чем говорило заглавие, т. е. краткое обозрение дела в данный момент, когда со времени издания и обнародования нового закона протекло уже целое полугодие и вместе с тем краткий отчет в том, что в течение этого времени было сделано по ведомству Министерства внутренних дел. Во-вторых, следовало, по возможности, воспользоваться этим случаем для противодействия разным односторонним толкам, доходившим до государя. В-третьих, нужно было обратить его внимание на те вопросы или те стороны дела, которых не касались большею частью ни высшие государственные деятели, ни та канцелярская среда, которая так влияла на крестьянскую реформу. Здесь я коснулся, между прочим, вопроса о необходимости какого-нибудь поземельного кредита, который существовал у нас, но был уничтожен самим правительством накануне разрешения крестьянского вопроса. Наконец, я имел в виду и другие предметы внутреннего управления государства. Всегда сознавая взаимную связь и даже солидарность разных частей этого управления, я уже в этой первой, лично от меня к государю поступающей записке искал случая коснуться и другого более общего вопроса о коренных условиях и формах государственного управления. Еще нельзя было с какою бы то ни было надеждою на успех высказаться насчет допущения некоторого участия в делах правительственных новых элементов выборного или призывного представительства. Первым шагом могло быть, как мне казалось, только указание на существующие, так сказать, уже данные пределы самодержавного полновластия. Они были даны в экономической сфере и я вы-

разился о них следующим образом: «Одного почерка пера вашего величества достаточно, чтобы отменить весь Свод законов Русской империи, но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных кредитных бумаг на С.-Петербургской бирже». Цитирую на память, но не сомневаюсь в верности цитаты.

Моя записка была весьма благосклонно принята государем. Из прилагаемой выписки из письма кн. Долгорукова от 29 сентября (Приложение III *) усматриваются как это обстоятельство, так и некоторые опасения его, кн. Долгорукова, насчет моей заботливости об ограждении справедливых интересов и законных прав дворянства. Текст моей записки доказывает неосновательность этих опасений. Копия с нее подобно копиям с других, в разное время мною представленных государю записок, имеется между моими бумагами. Все эти бумаги перейдут в распоряжение того, к кому поступят настоящие отрывки из моего дневника. (Карлсбад, 16/28 июня 1868). *См. т. I, лл. 69 об.— 71.*

Примечание 23. Все такие записки писаны мною набело, своеручно, и урывками среди другого дела. Иначе работать я не имел досуга. Моя жизнь была такого свойства, что мне нередко случалось писать две записки или два письма разом, переходя от одного к другому по мере того как одна страница была дописана и вместо засыпки песком ей надлежало дать отсохнуть, и в то же время объясняться с правителем канцелярии и давать указания по какому-нибудь спешному делу. Эта вечная гонка, этот постоянный недосуг и неизбежное совпадение разнопредметных занятий были до крайности утомительны. Я занемог началом нервической горячки в ночь с 25 на 26 сентября, по всей вероятности, не от одной простуды, но и от усилия, которого потребовало составление при вышеупомянутых условиях отправленных мною к государю записок. Содержание первой из них было вторым шагом на том пути, на который я вступил в записке от 15 сентября. (Карлсбад, 17/29 июня 1868). *См. т. I, лл. 72 об.— 73.*

Примечание 24. Эта заметка по происшествиям 25 числа неполна. Я не успел дописать то, что записать следовало, занемог в ночь и, возобновив свои дневные заметки только 5 октября, не пополнил пробела. Следовало досказать, что в Колокольном переулке почти произошло, сколько помню, столкновение между войском и студентами. Гр. Шувалов в порыве горячности остановил проходивший вблизи взвод стрелков и повел его в переулок, где он был остановлен и где вид войска в строю еще более экзальтировал студентов. После Государственного совета мы собрались у вел. князя, куда приехал и гр. Шувалов с известием о происходившем в Колокольном переулке. Ген.-губернатор был в Университете, а кн. Горчаков и, помнится, гр. Панин были приглашены вел. князем участвовать в нашем совещании. Я помню, как мимо окон по тротуару Дворцовой набережной проходили во время нашего заседания то по нескольку человек вместе, то поодиночке студенты Медико-хирурги-

---

* *См. т. I* «Отрывков из Дневника», л. 87.

ческой академии, спешившие в Университет, а иногда между ними и университетские студенты или такие лица, в которых можно было предполагать по наружному виду университетских вольных слушателей. Большая часть этой молодежи отличалась длинными волосами и беспорядочной одеждой. Некоторые были вооружены толстыми палками. Я предложил немедленное закрытие Университета с тем, чтобы на сие было испрошено, если будет признано нужным, высочайшее разрешение по телеграфу. Я указывал при этом на опасные последствия примера безнаказанности уличных беспорядков. Вел. князь, видимо, сочувствовал моей мысли, но она встретила сопротивление со стороны некоторых членов нашей импровизированной коллегии, в особенности, к сожалению, со стороны гр. Панина и кн. Горчакова, у которых сыновья были в последнем курсе. Мы разошлись, ничего не решив. (Карлсбад, 17/29 июня 1868). *См. т. I, л. 74.*

Примечание 25. Самоубийство ген. Герштенцвейга до сих пор вполне не объяснено. Кажется, однако же, достоверным, что между ним и гр. Ламбертом произошел, вероятно, по случаю очищения церквей от народа вооруженною силою, разрыв до того сильный, что они сочли нужным покончить его поединком и ввиду своего официального положения избрали способ жребия, т. е. «à la courte paille» *. Живо помню впечатление, произведенное внезапным известием о трагической смерти ген. Герштенцвейга и мыслью о его семействе, которое я видел накануне отъезда в Варшаву. Помню также и другое впечатление, вызванное во мне несколько лет спустя, первой встречей с этим семейством, т. е. вдовою и дочерью покойного в Петербурге. Всепожирающее время уносит радости и как будто сносит и горе. Внешний траур слагается и с ним как будто ослабевает и внутренний. Я часто видел г-жу Герштенцвейг и фр. Герштенцвейг во дворце, на выходах или в свете, на бальных вечерах. Но никогда я не видал их без этой мысли о разрушающей силе времени и без воспоминания о страшных минутах, пережитых тою и другою в Варшаве. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). *См. т. I, лл. 75 об.— 76.*

Примечание 26. Опыт, однако же, доказал, что затруднения не только 1861, но и 1862 годов были преодолены и преодолены если не одним, «опирающимся на войско самовластием», то и не теми способами, которые я вместе с некоторыми другими считал необходимыми. Правда, что коренной вопрос будущности остался неразрешенным и что улучшению нашего внутреннего положения именно способствовали события 1862 года, отрезвившие многих, а затем события 1863 и 1864 гг., заменившие внутреннее волнение патриотическим напряжением против внешних врагов. Правда и то, что некоторые из нас, быть может, оказали при этом немалые личные заслуги. Правда, в особенности, что государь никогда не упадал духом и не подчинялся влиянию крайних опасений. Как бы то ни было, с октября 1861 года протекло без малого семь лет, и хотя на русском небе еще много туч, общий вид его далеко не

---

* бросать жребий.

столь мрачен, каким он казался в то время. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). *См. т. 1, лл. 78 об.*

Примечание 27. Отъезд гр. Шувалова — характеристическая черта и лица и влияния известных отношений и условий. Гр. Шувалов был начальником штаба жандармов и управляющим III отделением немного более полугода. Он внезапно оставлял свой пост, на другой день после возвращения государя в столицу, не дожидаясь окончания студентского дела, в котором он был прямым участником, оставлял сго вопреки прямо выраженному ему по этому поводу мнению вел. кн. Михаила Николаевича, кн. Горчакова, ген. Милютина и моему (за обедом у вел. князя 15 числа), оставлял его, чтобы ехать для лечения в Париж, уезжал с весьма необычною торопливостью и, несмотря на все это, не вредил своему официальному положению и рассчитывал верно. Но другой, без тех условий и отношений, которые обеспечивала верность расчета, не мог бы так рассчитывать.

Под заглавием «Великорусс» периодически распространялись в то время разные противоправительственные воззвания. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). *См. т. I, лл. 80 об.— 81.*

Примечание 28. Заметки насчет кн. Долгорукова, подобные вышепрописанной, встречаются часто в моем Дневнике. Они большею частью отблеск мгновенного впечатления, которое производилось всегда равными, сдержанными, часто нерешительными и как будто безучастными приемами кн. Долгорукова. Он постоянно опасался всякого жара, всякого порыва и при соприкосновении с ним, действительно, всякий порыв вскоре притуплялся и всякий жар остывал. Но другие его добрые и благородные свойства столь же скоро вновь к нему привлекали, возбуждали и поддерживали к нему доверие и вызывали новые порывы и новые проявления большею частию бесполезного жара. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). *См. т. I, л. 81.*

Примечание 29. Представление назимовских бумаг государю кн. Долгоруковым также его характеризует. Несмотря на свои отношения ко мне, несмотря на то, что он не разделял мнения ген. Назимова, он счел долгом представить государю полученный на меня извет и представить оный, не предупредив о том меня, потому только, что Назимов к нему обратился для доведения о том до сведения государя и что кн. Долгоруков не признавал себя вправе, в таких случаях, не исполнять, purement et simplement *, обращаемых к нему ходатайств. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). *См. т. I, л. 83.*

[Примечание 29а **]. Общее впечатление было то, что если бы преклонные лета не мешали митрополиту самому занять место в Совете, возражения устранились бы, о чем я и доложил государю по возвращении. (Тегернзее, 28 июня/10 июля 1868). *См. т. I, л. 91 об.*

Примечание 30. Подобные отметки, не заключающие в себе ничего

---

* без [исключений] условий и оговорок.

** *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

кроме указания или перечисления заседаний разных правительственных комиссий, в которых я участвовал, помещаю только в «Отрывках» за 1861 год. Считаю это на первый раз не лишним, чтобы дать более точное понятие о совокупности служебных условий жизни министра внутренних дел в мое время и о невозможности при этих условиях когда-либо пользоваться каким бы то ни было досугом и завершать какую бы то ни было работу без перерывов. (Тегернзее, 30 июня/12 июля 1868). *См. т. I, л. 95.*

Примечание 31. Мои рауты вообще не удались. Я начал их слишком рано и напрасно участил их, сделав воскресными, т. е. еженедельными, что уменьшало наличное число посетителей в каждый из этих вечеров, потому что, конечно, весьма немногие могли быть у меня через каждые 7 или даже 14 дней. Но основную мысль я считаю до сих пор верною. Я желал дать этим приемам совершенно официальное свойство, у нас новое, потому что наши официальные лица вообще принимают, наравне с неофициальными, только один и тот же круг знакомых, более или менее обширный и разнообразный по личностям, но не по элементам. Я желал, во-первых, открыть салон, в котором приезжие из губерний могли бы встречаться с петербургским светом всех подлежавших категорий; во-вторых, я желал совместить в этом салоне наш т. н. beau monde с представителями наук, художеств и литературы; наконец, в-третьих, я желал ввести в салонные круги общежития духовенство всех христианских исповеданий, чему приличествующая форма «раута» давала возможность. Все эти желания были исполнены, и следовательно возможность их более полного и прочного исполнения доказана, несмотря на неудачу моих вечеров в их совокупности. Я видел у себя в одно и то же время членов Государственного совета и мировых посредников, министров и уездных предводителей, кн. Кочубей и протопресвитера Бажанова, лютеранского епископа Ульмана и римско-католического митрополита Жилинского рядом с протоиереем Рождественским, лорда Нэпира и академика Бэра, литераторов, художников, департаментских вице-директоров и т. д. Думаю, что моя мысль заслуживала и поощрения и подражания. Поощрения ей оказано мало, подражания не было вовсе. (Тегернзее, 30 июня/12 июля 1868). *См. т. I, лл. 97 об.— 98.*

Примечание 32. В предшедших «Отрывках» за 1861 год мною выписано все существенное и даже многое несущественное из моего Дневника. Повторяю, что я прежде всего имел в виду сохранить этим отрывкам свойства современной подлинности. Весьма многое в них не досказано. Таким образом, почти не упоминается о текущих делах моего министерства и, между прочим, о ходе крестьянского дела, имевшего в то время столь важное и обширное значение. Это происходит оттого, что по всем делам, более или менее непосредственно от меня зависевшим, я всегда встречал менее затруднений, чем по делам, приводившим меня в совещательное соприкосновение с другими министрами и с высшими правительственными коллегиями.

Казалось, что мое официальное положение было обставлено благоприятными условиями и обеспечивало мне должную меру влияния на дела. Меня отмечали, мне оказывали блатоволение и доверие, моя инициатива обнаруживалась в делах других ведомств, например, по вопросам о пересмотре и изменении цензурных постановлений и о возвышении некоторых статей государственных доходов. Но при всем том я инстинктивно чувствовал шаткость моего мнимого значения. Я уже знал, что у нас часто желают достижения цели, не желая необходимых для ее достижения средств. Я постепенно познавал, что от новых лиц ожидают прежде всего такой изобретательности, которая устраняла бы все правительственные затруднения новыми внешними приемами, а не привитием или применением новых внутренних сил. Я в особенности чувствовал и сознавал свое одиночество. Я знал, что смотрю, думаю и ставлю себе цели несколько иначе, чем все мои сотоварищи. Я знал также, что не могу вполне сойтись ни с одним из них, сомневался, чтобы кто-либо из них скоро мог вполне сойтись со мною, и недоумевал, в какой мере или до какого предела, рано или поздно, мои мысли и убеждения могут быть окончательно и прочно одобрены государем. При таких условиях я должен был действовать осмотрительно, рассчитывать на время и стараться не портить опрометчивою или преждевременною настойчивостью в настоящем возможного успеха в будущем. Это не могло не давать моим действиям некоторого вида нерешительности, быть может даже шаткости. В одной из не выписанных мною дневных заметок, не выписанной в своем месте (28 декабря), потому что я имел в виду упомянуть о ней здесь, значится, что при моей непринадлежности к разным кружкам, которые меня считают полусвоим, «трудно избегать некоторой двуличности, а между тем нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется и попытка торопливо устранить ее колебания могла бы испортить дело». Я был вправе надеяться, что эта воля окончательно склонится на мою сторону. Между тем я мог находить себе временных союзников и сам мог быть временным или случайным союзником. Я был слугою и защитником самодержавных прав верховной власти вместе с кн. Гагариным и гр. Паниным, но разумел самодержавие иначе, чем кн. Гагарин и гр. Панин. Я оберегал все коренные права правительства вместе с ген. Чевкиным, но разумел иначе, чем он, и круг этих прав и достоинства правительства. Я соглашался с Головниным насчет необходимости некоторой свободы печати, но не разумел под этою свободой полного простора для развития материализма и демократической пропаганды. Я защищал вместе с кн. Суворовым некоторые учредительные особенности Прибалтийского края, но всегда подчинял их общим условиям государственного единства России и круто отвергал любимые ссылки кн. Суворова на рижскую капитуляцию и Ништадтский трактат. Я был с вел. кн. ген.-адмиралом, когда обнаруживались попытки нарушить коренные начала Положений 19 февраля, и против вел. князя, когда он и Главный комитет гнули закон в одну сторону, всегда защищая

притязания крестьян и оказывая оскорбительное пренебрежение к всякому праву помещиков. Я был с гр. Блудовым по делам еврейским и не с ним по делам раскола. Я делал улучшения быта православного духовенства и ограждения достоинства православной церкви, но, стремясь к предоставлению ей большей независимости от гражданской власти, я в то же время желал и ограждения прав других вероисповеданий и предоставления всем русским подданным полной свободы совести. Наконец, по делам Царства Польского и Западного края я искал вместе с многими другими нового исхода, новых путей, но постоянно сознавал внутреннюю связь этих дел с делами империи и уже в 1861 году говорил, что польский вопрос разрешим не в Варшаве, а в Москве и Петербурге. Подтверждением всему этому служит не только то, что мною было сделано, написано или сказано, но и ряд разнообразных упреков, которым я с разных сторон подвергался.

Мое министерское семилетие заключает в себе два периода: первый, который я назову наступательным, в котором я надеялся, задумывал, предпринимал, не ограничивая своих начинаний, или вчинаний ближайшим кругом предметов прямого ведения Министерства внутренних дел; и второй, который надлежит назвать оборонительным, в котором я не отчаивался, продолжал или довершал начатое, отстаивал сделанное и старался сдерживать или ограничивать успехи начал и стремлений, противоположных моим началам и моим стремлениям. Первый период обнимает время с моего вступления в управление Министерством до конца 1863 года; второй простирается до сдачи Министерства ген.-ад. Тимашеву. Бо́льшая часть того, что мною вообще сделано, предпринято, начато, или подготовлено, относится к первому году моего управления. В нем написаны первые записки, имевшие целью обратить внимание государя на неизбежность коренных перемен в нашем государственном строе, сделаны попытки к более правильному устройству делопроизводства Комитета министров и Совета министров, направлены подготовительные работы по вопросу о земских учреждениях, обращено внимание на недостатки медицинского управления, приступлено к преобразованию городских учреждений, дано новое направление делам о раскольниках, положено начало новому порядку и направлению делопроизводства в Министерстве внутренних дел и подняты вопросы об улучшении внутреннего быта православной церкви и внешнего быта православного духовенства, об отношениях православной церкви к другим христианским вероисповеданиям и общих началах свободы совести, о преобразовании университетов, об устройстве правительственной прессы и о новом законодательстве по делам печати. (Тегернзее, 3/15 июля 1868). *См. т. I, лл. 101 об.— 104.*

[Примечание 32а] *. Это относилось к выраженной мною однажды надежде, что к весне предстоявшего года окажется возможным несколько

---

* *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

упростить и децентрализовать делопроизводство Министерства. (Тегернзее, 3/15 июля 1868). *См. т. I, л. 106.*

Примечание 33. Под делом о государственных имуществах разумеется здесь ряд учредительных предположений о поземельном устройстве государственных крестьян. Новая система оценок или полукадастрового определения поземельной платы была моим делом. Я провел это дело в Министерстве государственных имуществ и впоследствии способствовал и к проведению его законодательным порядком. В отношении к правам отказа от земель и к наделу землями также были приняты мои предположения. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). *См. т. I, 106 об.*

Примечание 34. Все эти совещания по вопросу «о выборах» были собственно совещаниями о мерах к предупреждению со стороны дворянских собраний неудобных для правительства заявлений или ходатайств и о мерах, которые надлежало принять, или отзывах, которые надлежало дать в этих случаях, когда такие заявления или ходатайства состоялись. Во всех этих случаях гр. Панин предлагал общие внушения или разъяснения, исходя от мысли, что всякое неудобное или неуместное постановление сословных собраний есть как бы результат недоразумения, незнания того, что государю благоугодно или неблагоугодно, или же последствие расчета на слабость и нерешительность правительства, между тем как надлежащее со стороны его внушение немедленно обнаружит ошибочность такого расчета.

Кн. Долгоруков в свою очередь постоянно возвращался к толкованию того, что закон разумеет под выражениями «ходатайства о пользах и нуждах», и старался изыскать доказательства неприменимости этих выражений к тем заявлениям и ходатайствам, которые правительство находило неудобными или неуместными. Между тем в среде дворянских собраний кипело раздражение, вызванное Положениями 19 февраля и разными обстоятельствами, сопровождавшими составление этих Положений. Оппозиционные или демонстрационные в отношении к правительству постановления предлагались и принимались вовсе не по недоразумению, а с полным сознанием вызываемых ими впечатлений. Одно время при сдержанном и умеренном употреблении репрессивных мер могло изменить это настроение собраний. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). *См. т. 1, л. 108.*

Примечание 35. Выписываю это в виде образчика иногда употреблявшихся мною приемов для того, чтобы не обнаруживать раздражительности со стороны правительства и вместе с тем не давать мелодраматического значения некоторым недоразумениям с сословиями. В настоящем случае я мог воспользоваться личными приязненными отношениями к гр. Шувалову и incident моего циркуляра не имел других последствий. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). *См. т. 1, л. 109.*

Примечание 36. Продолжаю отмечать случаи совещаний в присутствии государя и все обеды и вечера в разных дворцах. Эти отметки составляют своего рода статистику, имеющую в разных отношениях некоторое значение. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). *См. т. I, л. 109 об.*

Примечание 37. Для уразумения этого «incident» надлежит иметь в виду как прежний порядок отдельного восхождения до государя польских дел, так и порядок, только что установленный новыми указами о высших учреждениях в Царстве Польском. Велопольский находил, и с формальной стороны не без основания, что учреждение нашего Комитета без всякого ограничения его компетенций было отступлением от порядка, установленного тою же высочайшею властью, которая учредила Комитет. С точки зрения членов Комитета, не существовало никакого затруднения, потому что всякое проявление высочайшей самодержавной воли есть сама по себе и «ratio» и «ultima ratio» *. (Тегернзее, 5/17 июля 1868). *См. т. I, л. 112.*

Примечание 38. Далее окажется, что гр. Панин не только оттянул, но и похоронил дело. Несмотря на повторенное ему впоследствии через меня же высочайшее поручение, он нас не собрал, и моя мысль о состязательном совещании «политических» министров вне присутствия государя осталась неосуществленною. Считаю то, что я не настоял на ее осуществлении, одною из моих важнейших ошибок. Мне следовало настоять, взять верх или сойти со сцены. Меня часто упрекали в недостатке стойкости. В настоящем случае меня в ней не обвинили, но могли и должны были обвинить с гораздо большим основанием, чем в других. Я сознательно просил и желал вышесказанного совещания. Я желал его, чтобы исчерпать всю чашу радикальных разномыслий между теми именно министрами, которых голос имел значение для государя и которые обыкновенно высказывались по делам внутреннего управления государством. Я желал совещания между нами, а не в присутствии государя потому, во-первых, что между нами можно было говорить прямее и резче, без ораторских предосторожностей, и, во-вторых, потому, что я уже испытал неудобства совещаний под высочайшим председательством. Государь вообще не имеет дара председательства. Он терпелив, равен и внимателен только сначала, до наступления первых ощущений досады или утомления. По наступлении этих ощущений он видимо изменяется и вдруг, переходя от слушания к приказанию, нередко прекращает совещательные суждения порывистым объявлением своей воли, установившейся не только как окончательное последствие всего услышанного и взвешенного, но иногда и как результат мгновенного впечатления. При этих условиях некоторые члены Совета министров, присвоившие себе права говорить больше всех и по нескольку раз, как гр. Панин и ген. Чевкин, могли иметь особое влияние на ход и исход совещания. Другие члены, как кн. Долгоруков, вообще говорившие ма́ло и неохотно, не могли иметь никакого влияния. Наконец, все те, которые не избегали возбуждения в государе чувств раздражения и гнева против отдельных лиц или целых сословий, имели перед собою как бы более простора и более способов убеждения, чем другие.

Почему именно гр. Панин воспротивился осуществлению моей мысли и каким образом он дал в том отчет государю, мне осталось неизвестным.

---

* «довод» и «последний довод».

Думаю, что гр. Панин опасался столкновения, которое могло бы затруднить государя, и в особенности опасался, быть может, даже из личного ко мне участия, возбуждения вопроса о допущении, с какими бы то ни было ограничениями, совещательного представительства сословий в делах общего государственного управления. Думаю также, что эти именно соображения были им представлены государю и способствовали, вместе с разными другими обстоятельствами, возбуждению или укоренению в его уме понятия о моем «конституционном» направлении. Государь никогда не обнаруживал прямо этого понятия, но иногда им как-то от него веяло. (Тегернзее, 5/17 июля 1868). *См. т. I, лл. 113—114.*

Примечание 39. В заседании Совета министров Рейтерн неожиданно заявил, что вследствие неразрешения вопроса о губернских земских учреждениях останавливается будто бы подготовленная уже реформа податной системы. Эта полуопрометчивость, полунедобросовестность, к сожалению, ему почти всегда свойственны в полемическом пылу совещаний, особенно в присутствии государя. Далее окажется, что проект главных начал устройства земских учреждений был мною окончен через три дня, доложен Совету министров на следующей же неделе и обратился в закон с 1 января 1864 года, а податная реформа до сих пор не только не осуществлена, но даже и не проектирована. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). *См. т. I, л. 121.*

Примечание 40. Полуполитические «митинги» под видом лекций в разных помещениях и большею частью с благотворительными ярлыками в то время вошли в обычай. К числу любимейших ярлыков принадлежали недостаточная учащаяся молодежь и литераторы. Дезорганизация и деморализация СПб. университета способствовали водворению этого обычая. Они были последствием не только всего прежнего «régime», но и неспособности разных глав Министерства народного просвещения и эксцентричных взглядов бывшего попечителя кн. Щербатова. При нем завелись сходки студентов, внутренняя организация pseudo-благотворительных кружков и тот ряд превратных понятий, который обращал недоучившихся студентов в литературных и даже политических деятелей. Кн. Щербатов при ограниченном уме и неограниченном самолюбии, вероятно, сам не давал себе отчета в последствиях своей системы. Он приобретал ею значительное личное влияние на студентов и считал это влияние правильною и прочною властию, а полудисциплину подчинявшихся ему студентских кружков — прочным университетским порядком. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). *См. т. I, л. 121.*

Примечание 41. Вопрос о непринадлежности государственным крестьянам казенных земель действительно решен впоследствии в моем смысле и, могу сказать, единственно по моему настоянию. В этом деле я был вынужден принять на себя и до конца выдержать роль министра государственных имуществ. Стремление извращать всякое понятие о праве собственности и жертвовать, без всякой надобности, государственным достоянием составляет характеристическую черту этого времени и некоторых лиц, принимавших руководящее участие в составлении

Положений 19-го февраля. Их заветною мыслью, однажды высказанною Николаем Милютиным, было уничтожить со временем последствия своего собственного выкупного закона, признать и выкупные помещичьи земли крестьянскою собственностью и разверстать выкупные платежи на всех вообще сельских обывателей под видом поземельного налога. Для этого им нужно было воспрепятствовать всякому возвышению поземельных платежей, взимаемых с крестьян государственных. Если бы наш бюджет вместо постоянных и значительных дефицитов представлял постоянные и значительные избытки доходов и если бы во главе правительства находились одни представители крестьянского сословия, то нельзя было бы придумать более соответствующего тому и другому условию одностороннего направления. Рядом с ним, и с тем же самым постоянством, обнаруживалось равнодушие и даже какое-то враждебное настроение в отношении к интересам, нуждам и правам частной, т. е. некрестьянской, поземельной собственности. Одни крестьяне признавались солидарными с Русскою империей. Помещики как будто обратились в неприязненную государственную стихию. Преуспеяние или упадок их хозяйства утратили должное значение даже в глазах министра финансов. Правительство совершило всю крестьянскую реформу исключительно на их счет, не сделало для них ничего, кроме назначения пособий мелкопоместным, т. е. тем, которые почти вовсе не были помещиками, и несмотря на то, когда я поднял вопрос о распространении начал обязательного выкупа на издельные имения, я встретил всеобщее сопротивление, должен был вынести этот вопрос, так сказать, на своих плечах и мог его вынести только потому, что государь на этот раз стал решительно на моей стороне, против своего брата и моих сотоварищей. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). *См. т. I, лл. 121 об.— 122.*

Примечание 42. Здесь опять видна одна из особенностей системы Рейтерна и некоторых других министров при делах с государем. К чему вдруг явились 9 марта 1862 сметные соображения на 1863 год? Как установилась при шаткости разных элементов нашего финансового положения дифицитная цифра 36 миллионов? Дело было в том, чтобы поколебать государя при разрешении вопроса, заключавшегося в журнале финансового комитета. Аргументация моего мнения была здоровее и рельефнее, чем аргументация большинства. Министр финансов чувствовал это. Предубедить государя было нельзя. Оставалось, буде возможно, его встревожить и напугать. Тот же самый маневр я видел не раз, а десятки раз.

Не раз также, а десятки раз я был вынужден совершать «тур-дефорсы»*— не знаю как их назвать по-русски — вроде пересоставления законодательного проекта земскохозяйственных учреждений и проведения его через многочленную комиссию в течение двух или трех суток. Я говорю «вроде» этого дела, потому что, конечно, подобные работы могли относиться только в виде редкого исключения к проектам каких бы то ни было законоположений. Но два условия — прямой личный труд и крайняя спешность этого труда — мне часто навязывались обстоятель-

---

* ухищрения

ствами. В настоящем случае, никогда не прибегая к заочным опровержениям и всегда избегая пререканий в присутствии государя, я не имел другого средства рельефно обнаружить перед ним несостоятельность показания министра финансов, будто бы податная реформа замедляется Министерством внутренних дел. В других случаях я не мог или полагал, что не мог, иначе озадачить моих противников, или предупредить, или устранить последствия тех коллегиальных, частных или канцелярских маневров, которым я сам всегда оставался чуждым. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). *См. т. I, л. 123.*

Примечание 43. В отметке: «отчасти — правда» нахожу след сознания моих колебаний. Быть может, я ошибался, выжидая более благоприятных обстоятельств. Моими заветными мыслями были дела церкви и преобразование Государственного совета. В том и другом отношении я чувствовал, что нельзя еще было рассчитывать на решительную опору как со стороны государя, так и со стороны императрицы. (Тегернзее, 8/20 июля 1868). *См. т. I, л. 125.*

Примечание 44. Эта уступчивость может оказаться странною, но при известных обстоятельствах и данной обстановке она была необходима. Я знал, что мысль о подоходном налоге нельзя провести разом и вообще нельзя провести скоро. Я знал, что во всякое время могу ее поднять снова (что и сделал два раза, но безуспешно), хотя гораздо желательнее было, чтобы ее принял и затем поднял министр финансов. Между тем всякая настойчивость с моей стороны в настоящем случае не только имела бы в глазах членов Комитета вид самолюбивого упорства, но и раздражила бы министра финансов, с которым в это время мне нужно было достигнуть соглашения по выкупному вопросу. (Тегернзее, 8/20 июля 1868). *См. т. I, л. 126.*

Примечание 45. Мерами отрицательными я постоянно называл все безрезультатные или малорезультатные толки о невозможных сокращениях неизбежных или необходимых расходов. Мерами положительными — все то, что могло усилить доходы и в особенности способствовать развитию производительных сил государства. Сюда я относил улучшение путей сообщения и устройства железных дорог, устройство поземельного кредита, одобрение частной предприимчивости, успокоение встревоженных прав собственности, уменьшение заграничных платежей развитием у нас тех производств (рельсового, машинного и вагонного), в котором нуждались железные дороги, обложение усиленным подоходным налогом наших заграничных «absentus» (в особенности проживальщиков, а не ездоков), уменьшение непроизводительных расходов, сопряженных с ненормальною системою управления в Царстве Польском и Западном крае, ограничение порывов к устройству даровой юстиции и дарового учебного образования и т. п. Вообще, по странному влиянию привычек и обстоятельств я почти всегда один держался на почве финансовой. Комитет стоял на почве казначейской. Он был не Комитетом финансов, а Комитетом государственного казначейства, как и сам министр финансов большею частью довольствовался ролью министра казначейства. Главною

задачей было уравновешение бюджета казначейским приемом сбавок. Но эта задача почти всегда оказывалась неразрешимою или потому, что нельзя было сделать нужных сбавок, или потому, что влияние сбавок уничтожалось дополнительными сверхсметными кредитами, неизбежными тем более и тем в больших размерах, чем менее рациональны были предположенные сбавки.

Все вышеупомянутые заседания Комитета финансов происходили в усиленном составе, т. е. с присоединением к нему министров военного, морского, иностранных дел, юстиции и государственных имуществ, потому что целью совещаний были пересмотр и сокращение сметных требований разных министерств. (Тегернзее, 9/21 июля 1868). *См. т. I, л. 127 об.*

Примечание 46. Старание опутывать членов коллегий редакционными оборотами журналов, говорить в журнале о том, о чем в заседании не упоминалось, умалчивать о том, о чем было говорено, искажать смысл представленных соображений и выводить заключения, никем из членов коллегии не выведенных,— все это давно вошло не только в обычай, но и в систему наших высших канцелярий. Я иногда мешал им, но по недосугу не довольно часто. Некоторые из членов высших правительственных коллегий, в том числе кн. Гагарин и ген. Чевкин, а впоследствии Н. Милютин, не только не противились этим канцелярским маневрам, но ими пользовались и порою даже руководили. (Тегернзее, 6/18 июля 1868). *См. т. I, л. 129.*

Примечание 47. К сожалению, не одно безмолвие некоторых членов и не одна подача голоса без заявления оснований своего мнения характеризуют совещания Государственного совета. Есть две другие черты, еще более неудобные, которые свойственны большинству его членов. Первая заключается в отсутствии привычки подводить встречающиеся частные случаи под известные общие начала и в проистекающей от того непоследовательности. Нынешнее мнение не согласуется с вчерашним, а завтрашнее не будет согласоваться с нынешним. На первый взгляд противоречие не всегда заметно, но при малейшем анализе оно обнаруживается. Иногда кажется, как будто наши сановники только один раз в жизни призываются к подаче своего голоса. Прошлого для них не было, грядущего не будет. Настоящее имеет вид отрывочного случая. Ген. Чевкину принадлежит даже честь возведения непоследовательности в систему. Он однажды сказал мне просто, в ответ на замечание, что заявляемое им мнение противоречит его же собственному вчерашнему мнению: «вчера мы рассуждали как члены Главного комитета, сегодня мы рассматриваем дела как члены Комитета финансов». Другая черта состоит в неимоверной готовности пожертвовать всяким основным началом ввиду мгновенного или частного удобства. Иногда даже и самое удобство принимается на веру, например, по делам, имеющим какое-нибудь отношение к церкви,— на основании двух-трех слов синодального об.-прокурора, по делам финансовым — на основании двух-трех слов министра финансов. Ход внутреннего мышления в таких случаях прибли-

зительно следующий: «Дело мне представляется так... Противное тому несправедливо или вредно... Но об.-прокурор Синода или министр финансов сказал то и то... Нам следует поддерживать православие или финансы. Мне это,— или другое,— приличествует. Ergo — с об.-прокурором или с министром финансов». (Тегернзее, 11/23 июля 1868). *См. т. I, л. 133.*

Примечание 48. Объяснение между государем и вел. князьями было весьма непродолжительно. Я помню, что еще не успел уехать из дворца, когда вел. кн. Константин Николаевич вышел в приемную, перед комнатой, где заседает Совет министров, и объявил сам о своем новом назначении. Таким образом, решился долго и медленно назревавший вопрос о новом переустройстве управления в Царстве Польском и наступил злополучный, но необходимый опыт наместничества вел, князя при наперстничестве маркиза Велопольского.

Далее окажется, почему преимущественно этот опыт был злополучным. Здесь надлежит прежде всего объяснить, почему он был необходим.

Гнилое управление наместника кн. Горчакова рушилось в самом себе при звуке первого залпа, огласившего варшавские улицы по приказанию ген. Заболоцкого. Оно не могло безнаказанно дать одного залпа, потому что не имело духа дать его сознательно, и давши его, не имело духа дать второй, третий, и в случае надобности, десятый. Оно было гнило и по наследию от управления фельдмаршала кн. Варшавского, и по внутреннему составу, и по началам, на которые оно опиралось, или которыми оно руководствовалось, и по свойству его отношений к центральной и высшей государственной власти. При первом явном столкновении русского правительства с польским революционным движением нравственное превосходство осталось за сим последним, и оно сохранилось за ним вполне до назначения вел. князя наместником и до покушений на жизнь ген. Лидерса и самого вел. князя, и отчасти до мятежа 1863 года, когда неистовства революционеров, демагогический характер восстания, выступление русских войск на первый план и отодвинутие гражданского неспособного управления на второй, и наконец, обаяние успеха возвратили нам нравственный перевес.

С того дня, как кн. Горчаков, столько раз блистательно храбрый под неприятельским огнем и рыцарски благородный в делах служебных и частных, но давно уже нравственно сокрушенный и умственно увядший под гнетом самовластия кн. Варшавского, оробел перед польскими агитаторами, свил русское знамя перед значками уличных демонстраций, свел с площади русское войско и передал вверенную ему законную власть, хотя и временно, для мнимого охранения этою самою передачей окончательно ниспровергнутого порядка самозванным варшавским начальствам и делегатам, с этого самого дня он в сущности перестал быть наместником. Его следовало немедленно отозвать и назначить ему преемника, на решительность действий которого можно было бы положиться. Следовало также безотлагательно усилить наши военные силы в Царстве. Ни того, ни другого не сделано. Кн. Горчаков остался наместником, хотя государь ни в чем не одобрял его распоряжений. отчасти потому, что

его поддержал другой кн. Горчаков, министр иностранных дел, отчасти потому, что у нас вообще туго меняются высшие правительственные лица в те именно критические времена, когда их смена вместо предполагаемого ослабления правительственного авторитета прямо способствует его восстановлению. Что же касается военных мер предосторожности, то в начале 1863 года ясно обнаружилось, как мало мы к ним были склонны. Вообще гражданские чины правительства оставались или были оставляемы в этом отношении в совершенном неведении.

Весь ряд правительственных распоряжений по делам Царства с февраля 1862 года до назначения вел. кн. ген.-адмирала наместником и Велопольского начальником Гражданского управления был в сущности не чем иным, как рядом уступок и рядом безуспешных попыток выйти из затруднительного и не соответствующего достоинству империи положения в отношении к Царству. Первый момент для подавления всякого сопротивления силою был пропущен кн. Горчаковым. Пролитие крови в этих видах становилось более и более затруднительным, потому что оно более и более принимало свойства меры, направленной к позднему исправлению правительственных ошибок, а не вызванной внезапною и повелительною необходимостью. Вообще первая пора внезапности миновалась. Польский вопрос успел воскреснуть и ввиду его осветилось воспоминание о том, что мы делали и сделали в Польше с тридцатых годов. И система, и результаты нашего управления в этой сатрапии не могли никого ослепить своим блеском. В Европе заговорили о Польше и поляках с обновленною силою. Проведение иностранного вмешательства в наши дела поднялось на Западе. Между тем внутренние дела империи, где крестьянский вопрос только что разрешился в законодательной форме, и должен был начинать разрешаться в форме практической, требовали и внешнего и внутреннего спокойствия. Органический статут 1832 года был вызван из архивного забытия. Состоялись мартовские узаконения. Они развивались или дополнялись. Гр. Ламберт, ген. Сухозанет и ген. Лидерс попеременно были призваны к управлению Царством. Но нигде и ни в чем успех не соответствовал ожиданиям. Напротив того, волнение охватывало западную окраину империи. Надлежало выйти, наконец, из заколдованного круга законодательных и распорядительных неудач.

У поляков, по выражению ген. Крыжановского, была идея; у нас ее не было. Мы противупоставляли нравственным силам одну материальную силу. Безусловное господство России над Польшей может быть фактом в Польше, но не идеей. Оно может быть идеей у нас, но и у нас до мятежа 1863 года не только не обнаруживалось влияния этой идеи, но напротив того, заметно было то «поразительное отсутствие патриотизма» ввиду польских крамол, о котором я впоследствии упомянул в одной из представленных мною государю записок. Другое обстоятельство, для нас весьма затруднительное, заключалось в единодушии польского движения. Все классы населения в нем участвовали. Духовные интересы веры казались в тесном союзе с политическими интересами края и с

гражданскими интересами разных сословий. Это единодушие, эта всеобщность движения придавали нашему владычеству и всем нашим требованиям еще более исключительное свойство грубого насилия. Нужно было во что бы ни стало противупоставить идеям идею и поколебать единодушие поляков. Такою идеей могло быть изменение прежнего правительственного порядка на основании начал, соответствовавших некоторым из выраженных поляками желаний, и могущих со временем получить еще более обширное развитие. Способом к образованию в Польше правительственной партии могло быть призвание поляка к участию в высшем управлении делами Царства. Один маркиз Велопольский изъявлял готовность оказать в этом деле желаемое правительством содействие. Решимость и твердость, с которыми он с самого начала движения отдалился от своих соотчичей, позволяли надеяться на его стойкость. При его уме, знании местных нужд и влиянии предоставляемых ему средств надлежало ожидать, что он привлечет к себе других. Во всяком случае самый факт, что именитый поляк становился в ряды правительства и что правительство ему оказывало доверие, уже имел неоспоримое значение. Но его крутой нрав был испытан, его неприязненные отношения к местным властям были известны. Надлежало назначить над ними и над ним власть высшую, в лице наместника, перед кем естественно сглаживались бы мелкие затруднения личных самолюбий и естественно склонялся бы сам Велопольский. Таковы были уважения, которые постепенно установили колебавшуюся мысль государя на комбинации 10-го мая и привели к этой комбинации мнения почти всех главных его советников.

Некоторые из этих советников не льстили себя слепою надеждою на полный, и в особенности на скорый успех. Но они думали, что при данном положении внутренних дел России прежде всего нужно было выиграть время и предупредить возведение польского вопроса на степень вопроса европейского. Они, кроме того, предусматривали необходимость мер решительных и строгих для восстановления в Царстве достоинства коронной власти и находили полезным, чтобы эти меры были приняты при прямом и явном участии поляка Велопольского. Характеристичны обороты речи, постоянно употреблявшиеся одними и теми же лицами при совещаниях в присутствии государя, в течение апреля и мая месяцев. Бар. Мейендорф указывал на необходимость системы «de conciliation et de mesures modérées pour prévenir des complications européennes» *. Кн. Горчаков, охотно употребляющий рельефные выражения, находил «qu'il faut un bain de sang pour rétablir le prestige de l'autorité **. Я говорил: «il faudra sévir; et il vaut mieux que ce soit un Polonais qui sévisse» ***. Эта мысль, что Велопольский призывался к делам

* примирения и умеренных мер в целях предотвращения осложнений в Европе.

** что необходимы потоки крови для восстановления престижа власти.

*** необходимо свирепствовать; и лучше чтобы свирепствовал поляк.

именно в видах решительного и строгого восстановления правительственной власти, в такой мере была на первом плане и как ему самому так и ближайшим его клевретам известна, что ст.-секретарь Энох при мне говорил: «le marquis est l'homme de la mitraille» *.

Последовавшие события обнаружили, в какой мере Велопольский был намерен или способен исполнить данную ему программу и в какой мере сам наместник себе усвоил ее истинное значение. Уровень государственных способностей вел. князя определился с надлежащею точностью во время его наместничества, и последствия этого наместничества до сих пор не менее ощутительны в России, чем в Царстве Польском. Мы ему обязаны поворотом назад в правительственных правилах и приемах. Система исключительного употребления материальной силы как будто приобрела санкцию нового опыта. Между тем результаты этого опыта далеко не суть результаты окончательные, и польский вопрос остается неразрешенным. Если для его разрешения нужно было выиграть время и если для выиграния времени нужны были назначения вел. князя и Велопольского, то целью выигрывания этого времени не могло быть одно предупреждение вмешательства иностранных держав. Надлежало дать возникнуть и развиться в самой России той притягательной и соединительной силе, которая должна и которая одна может покончить с делом. Польский вопрос давно предрешен соотношением масс, но он не может быть разрешен одним разом вследствие различия элементов этих масс. Чтобы никогда не было независимой Польши, России достаточно продолжать жить. Но чтобы Польша окончательно влилась в Россию и с нею сроднилась, нужно чтобы русскому народу была дарована политическая жизнь. Народ, которого политические права ограничиваются правом платить подати, правом ставить рекрут и правом кричать ура! еще не имеет ассимиляционных сил. Воображать, что Комитеты, где председательствуют князья Гагарины и где заправляют делопроизводством статс-секретари Жуковские, могут отменить действие общих исторических законов — значит пребывать в Пекине и рассуждать мандаринским рассудком. Мы постоянно забываем, что кроме усложнения польского вопроса различием вероисповеданий он затруднен различием степеней гражданской цивилизации и памятью прошедшего. Наши славы и наши страдания принадлежат к разным эпохам и отчасти друг другу противуположны. Требовать, чтобы поляки забыли Стефана Батория и Яна Собесского, чтобы помнить Иоанна Грозного, и забыли Мицкевича, чтобы читать Пушкина и Карамзина, очевидно невозможно. Но мы должны требовать, чтобы они примирили воспоминания о Собесском и Батории с памятью о Иоанне III, собирателе Русской земли, о Грозном, о Петре Великом, о Екатерине, Александре I и императоре Николае, и примирили чтение Мицкевича с чтением Пушкина и Карамзина. Это примирение, или начало этого примирения,— одна из исторических задач царствования императора Александра II-го. Но для совершения, или даже для начатия примирения, нужно даровать что-нибудь

* Маркиз — человек картечи.

полякам, а чтобы даровать что-нибудь им, нужно даровать и русским, если не более, то по крайней мере то же самое. Выигрывание времени нам было нужным и нам остается нужным именно для дарования этого нечто. Но это нечто не будет даровано пока, как я выразился в присутствии государя 15 апреля 1863 г., мы признаемся «зрелыми и самостоятельными, когда нужны жертвы, преданность, умственный труд, или кровь, и обращаемся в несовершеннолетних, когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности».

Процесс ассимиляции есть вообще процесс медленный. Выделение из массы польских мятежных элементов сперва одной части, потом другой и потом еще других может происходить только постепенно и тем безостановочнее, чем менее мы будем нарушать естественный ход этой постепенности нерассудительными порывами законодательного гнева и попытками насиловать то, что по существу своему ускользает от насилия. Мы должны помнить, что кроме естественных трудностей дела, мы встречаем в нем еще добавочные, посторонние затруднения. Польша составляет пограничную область, смежную с другими частями прежней Польши, перешедшими под владычество других держав. Между всеми этими частями сохранились нравственные связи. Кроме того, иностранные государства находят выгоду в том, чтобы не дать умирать польскому вопросу. Поляки, естественно, могут надеяться, рано или поздно, на иноплеменную помощь. Наконец, они мало верят нашему уменью и, зная наши слабые стороны, испытав столько раз наши ошибки, не только нас не любят, но и мало уважают. Без надежды на Париж не было бы восстания 1863 г., без пренебрежения к петербургской правительственной сфере Велопольский иначе приступил бы в 1862-м к исполнению вверенных ему обязанностей.

Никогда и нигде современный польский вопрос не был разъяснен так полно и так отчетливо, как в статье «Русского Вестника» под заглавием: «Что нам делать с Польшей?» (в мартовской книжке 1863 г., вышедшей в мае). Замечательно, что содержание этой статьи как будто забыто впоследствии не только теми, кто ее читали, но и тем, кто ее написал, или по крайней мере издал. Я пытался в 1867 году обратить на нее внимание гр. Шувалова, но он даже не удосужился прочитать эту статью, хотя возвратил мне не ранее как через 6 или 7 месяцев. В ней сказано, между прочим, следующее: «...неизбежное зло нашей истории состоит в том, что доверие, соединявшее народ с верховною властью в неразрывное целое, и создавшее Русскую землю, не было совершенно обоюдным и взаимным... В развитии взаимного доверия между верховною властью и народом должно заключаться все наше политическое развитие... Представительство в этом смысле может быть не чем иным, как правильно организованною силой общественного мнения. Общественное мнение есть великая сила нашего времени. Но сила эта может хорошо действовать только тогда, когда она группируется вокруг какой-нибудь правильной и законной организации... Коль скоро общественное мнение в этой организации будет оставаться только мнением, то нет

причины стеснять сферу предметов, которых оно может касаться... Напрасно стали бы мы думать, что люди будут судить о деле лучше и полезнее, когда мы ограничим сферу их занятий и дадим им лишь то, что менее значительно... Польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом только посредством полного соединения Польши с Россией в государственном отношении... Польша должна быть крепкою частью России в политическом отношении. Что же касается до политического представительства, то в соединении с Россией Польша может иметь его не иначе как в том духе и смысле, которые выработаны историей России, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской истории» (стр. 497, 498, 505 и 506).

Это представительство, или по крайней мере начала этого представительства «в духе и смысле выработанных историей России» я имел в виду, когда я испрашивал 9 февраля 1862 года высочайшее повеление на особое совещание между министрами и когда вслед за тем 23-го числа того же месяца я в первый раз заявил государю мысль о преобразовании Государственного совета с допущением в него временных выборных членов от губерний. Далее окажется, что я оставался верным своему взгляду на дело и что я, согласно с этим взглядом, повторял, что польский, западный, прибалтийский и быть может другие грядущие вопросы этого рода разрешимы не в Варшаве, Вильно, Риге, Тифлисе или Иркутске, а в С. Петербурге и Москве. (Тегернзее, 12/24 июля 1868). *См. т. I, лл. 137—144.*

Примечание 49. Экземпляры почти всех возмутительных листков того времени сохранились между моими бумагами. Здесь я не имею под руками никаких вспомогательных материалов, кроме некоторых писем, и вынужден ограничиваться, в дополнение к моему дневнику, тем, что сохранилось в моей памяти. От этого может происходить, во-первых, отсутствие некоторых приложений, не лишенных интереса и значения, во-вторых, некоторая неполнота в тексте моих примечаний. Кроме того, я начинаю пользоваться для выиграния времени другою рукою для выписок из дневника, продолжая сам писать все примечания. Так как при этом мне случается писать майское примечание прежде апрельского и т. п., то легко могла бы произойти некоторая сбивчивость (до сих пор, впрочем, мною еще не замечаемая) в приурочении этих примечаний. (Тегернзее, 13/25 июля 1868). *См. т. I, л. 146 об.*

Примечание 50. Подробности пожара описаны в современных газетах, а его последствия для здания и для Министерства — в моем отчете. Ни тогда, ни после действия Министерства в этом случае не были оценены по достоинству. Утром 29-го числа несколько десятков тысяч дел и разрозненных бумаг, выброшенных в окна и кое-как подобранных и связанных в разные места, представлялись в виде хаотических масс, сложенных грудами там, куда их успели доставить. Прежние помещения обратились в дымящиеся развалины. Весь канцелярский инвентарь уничтожен. Несмотря на то, действия Министерства не прекращались ни на одно мгновение, потому что канцелярия министра уцелела, а через

два дня и все департаменты были кое-как устроены на новых местах и возобновили свою деятельность. Готовность, распорядительность и дружная взаимная помощь всех чинов Министерства позволили достигнуть этого результата и были превыше всякой похвалы. (Тегернзее, 14/26 июля 1868). *См. т. I, л. 150 об.— 151.*

[Примечание 50а] *. Литературный кружок, весьма мало занимавшийся шахматною игрою. (Тегернзее, 9/21 июля 1868). *См. т. I, л. 152.*

Примечание 51. Таким образом, в течение июня месяца прошли почти незаметно среди других дел три важных вопроса: выкупной (для отдельных имений) — в Государственном совете; основные положения земских учреждений и учреждение особого совещательного присутствия по делам о духовенстве — в Совете министров. Об этом последнем деле я не упоминал в дневных заметках, вероятно потому, что оно двигалось медленно и без особых колебаний. Мысль о председательстве вел. кн. ген.-адмирала была мною оставлена, коль скоро я заметил, что он мало сочувствует делу. Вместо его председательство возложено на санкт-петербургского митрополита. (Тегернзее, 15/27 июля 1868). *См. т. I, л. 158.*

Примечание 52. Исход, придуманный мною для дела о лифляндских церковных повинностях, привел к тому результату, что государь не утвердил ни одного из состоявшихся в Государственном совете двух мнений, из коих одно — большинства — было неправильно и неудобно, но казалось православным, а другое — меньшинства — было удобно и правильно, но казалось не православным, т. е. не синодальным. Дело осталось неразрешенным и пребывает таковым по настоящее время, оставляя в силе status quo, соответствующий мнению меньшинства Государственного совета. (Тегернзее, 15/27 июля 1868). *См. т. I, л. 158 об.*

Примечание 53. Предложения о новом определении прав и обязанностей ген.-губернаторов остались без последствий. События 1863 года привели к тому, что вместо более точного определения их круга действий западным ген.-губернаторам дана была почти безграничная власть. О других не было достаточного повода законодательствовать отдельно. Таким образом, вопрос отсрочен или отложен sine die **. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). *См. т. I, л. 163 об.*

Примечание 54. В моем дневнике пробел до 1-го сентября. Я провел 3 недели в Дуббельне и вернулся 29 августа. Под 1 сентября записано, что я был 31 августа в Царском Селе для доклада государю, обедал у и. и. величеств и видел фельдмаршала кн. Барятинского, который почти выздоровел, и что во время моего отсутствия государь ездил в Тверь и Москву. В Твери был блистательный прием со стороны офицеров; дворянство же brillé par son absence *** и губернатор гр. Баранов

---

* *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

** без указания срока.

*** блистало своим отсутствием.

n'a pas su dissimuler le fait *. В Москве восторженный прием со стороны народа. От дворянства были, по крайней мере, все предводители. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). *См. т. I, л. 163 об.*

Примечание 55. Эти совещания относились к «основным началам» новых судебных уставов и учреждений. Развитие этих начал под известным углом зрения развивателей принадлежит позднейшему времени. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). *См. т. I, л. 164 об.*

Примечание 56. Таким образом, я снова обнаружил ту наивность, от которой никакой опыт, по-видимому, меня не излечивает. Я предполагал, и до сих пор иногда предполагаю, что люди способны думать о деле, заниматься делом и делать дело. Я считал 20 сентября восстановление Западного комитета для себя выгодным, как средство справляться с ген.-губернаторами. Я имел добродушие 25-го сентября обратиться к членам Комитета с просьбою высказать свои мысли о западных делах. Они благоволили канцелярски отозваться, что обождут, пока я им представлю канцелярскую ткань мышления, как будто им недостаточно было известно, что происходило в Западном крае и что такое этот Западный край. Впоследствии, когда «очерк», которого они ожидали, был составлен и представлен, и когда дальнейшее развитие событий мне дало еще большее право на помощь Комитета, он ни одного раза мне не оказал этой помощи. Он только был, как и другие комитеты, новою занозой, новою веригой, новым орудием пытки и новым способом бесплодного умерщвления времени. Наконец он умер комитетскою смертью, т. е. закрыт, с передачею его дел и компетенций Комитету министров, и после него не осталось от него ни одного полезного дела. Приглашаю всякого, кто в этом усомнится, справиться с подлинным его делопроизводством, с печатными тетрадями разных записок, благоприлично переплетенных или брошюрованных под зеленый корешок, и с его журналами, на которых сохраняется для потомства подпись всех его членов. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). *См. т. I, лл. 166 об.— 167.*

Примечание 57. Я сказал государю, что вообще считаю неудобным назначать членов императорского дома в административные должности. Кроме того, я вообще избегал назначений, которые могли дать ход немецкому элементу. Раздражение против него, во многом весьма нерациональное, но тем не менее существующее, еще более было бы возбуждаемо. В особенности я держался этого правила для пограничных местностей, но часто без успеха. Государь от себя назначил в Ригу бар. Ливена, в Лифляндию — Эттингена, в Одессу, впоследствии,— ген. Коцебу, в Финляндию, еще позже,— гр. Ник. Адлерберга. Последний, впрочем, не может вполне считаться немцем. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). *См. т. I, лл. 168 об.— 169.*

Примечание 58. Барановский был в то время саратовским губернатором. Я перевел его туда, помнится, из Оренбурга, и долго напрасно берег его, помня, что когда он был правителем канцелярии кн. Суво-

---

* не сумел скрыть факта.

рова в Риге, я с ним вынужден был служебно поссориться и не желая чтобы он вообразил, что я это помню слишком упорно. Он, наконец, сделался невозможным и был уволен. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). *См. т. I, л. 169 об.*

Примечание 59. За остальные дни октября месяца в дневнике нет заметок. Я выехал 20-го в Москву, Владимир и Нижний. Вернулся 1 ноября.

(См. дополнение Б) *. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). *См. т. I, л. 170.*

Примечание 60. Сведения о пребывании и. и. величеств в Москве, заимствованные из моей переписки, заключаются в дополнении В. Целью этого пребывания было, как уже выше сказано, демонстративное сближение с дворянством, нечто вроде предания забвению разных недоразумений и неудовольствий по случаю крестьянской реформы Надлежало, с одной стороны, дать обнаружиться некоторому «empressement» ** дворянских представителей собраться в Москве, вокруг императорской четы, с другой — дать государю случай высказаться в благосклонном, успокоительном и сочувственном смысле, а императрице — случай быть любезною. Я сделал, что мог. Представители разных дворянств были в Москве, даже гр. Старжинский (гродненский), из Западного края. Все обошлось довольно удовлетворительно и кн. Долгоруков писал ко мне 25 ноября по этому поводу перед моим выездом в Петербург следующее: «Je vous félicite sincèrement de tout ce que vous avez fait pour le succès du séjour impérial à Moscou. Il était difficile de le préparer d'une manière plus complète» ***. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). *См. т. I, лл. 172 об.— 173.*

Примечание 61. К сожалению, гр. Бобринский имел особый повод хвалить министра финансов, помимо его бесспорных достоинств. Гр. Бобринскому, как сахароварному заводчику, дана ссуда в 3 милл. Ее следовало дать для поддержания заводов, но не всегда делается, что следовало. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). *См. т. I, л. 174.*

Примечание 62. Во время моей бытности в Москве я написал и представил государю по его желанию особую и довольно пространную записку по западному вопросу. Затем, по его же желанию, часть этой записки обращена в форму дополнительных к моему очерку для Западного края предположений. Отметки государя на моей записке заслуживают особого внимания, как определительно обозначающие его собственный взгляд в это время. Кроме того, гр. Старжинским была представлена также в Москве записка, на которой равным образом состоялись, сколько могу припомнить, характеристичные отметки государя. Эти документы имеются в моих бумагах. Они необходимы для

---

* Дополнение Б *в* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

** услужливой готовности.

*** Я вас искренне поздравляю за все, что вы сделали для успешного пребывания императора в Москве. Трудно было бы его подготовить с бо́льшим совершенством.

точного уразумения тогдашнего положения дел. Записка гр. Старжинского осталась неизвестною высшим чинам правительства, кроме кн. Долгорукова, меня и, кажется, кн. Горчакова. Мои предположения, внесенные в Западный комитет, не привели ни к каким результатам. Комитет выждал, среди разных канцелярских упражнений, мятежа 1863 года, и тогда, ввиду теснивших его событий, перебросил принадлежавшую ему инициативу в руки ген.-губернаторов, оставаясь в этом верным общей тактике наших комитетов, которая состоит в том, чтобы никогда не поддерживать министров и предпочитать их инициативе и своей собственной всякую другую инициативу. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). *См. т. I, лл. 174—175.*

Примечание 63. Из предшедшего видно, как мало предусматривались при наступлении 1863 года события, которые должны были ознаменовать самый первый месяц этого года. Из Царства Польского не получалось никаких предуведомлений о готовившихся смутах. Даже не было вообще подробных известий о том, что делало, предполагало или думало местное управление. Киевский ген.-губернатор помышлял о «масляничных ветках». Виленский после проектированного им гарибальдийского манифеста довольствовался перепискою на общеизвестные темы народных училищ, положения православной церкви, пропаганды латинских ксендзов, соотношения разных элементов населения и т. п., как будто все это только что было вновь изобретено или открыто в Западном крае. Наша полиция знала по обыкновению мало и выведывала плохо. Как будто настало вообще обычное перед бурей затишье. Буря была близко.

Меня нередко обвиняли в том, что я принял от Головнина цензурную часть. Фельдмаршал кн. Барятинский мне однажды сказал, что «Golovnine m'avait dupé!» *. Но я принял эту часть вовсе не бессознательно насчет ее неудобств, и Головнин в этом отношении нисколько не старался ввести меня в заблуждение. Я вынужден был принять или даже взять дела печати потому, что при характере и системе действий Головнина нельзя было их оставить в его ведении. Кроме того, я руководствовался мыслию, что по самому существу своему эти дела должны подлежать ведению министра внутренних дел. Это ведение есть источник затруднений и неудобств, мною вполне испытанных; но оно, с другой стороны, может и даже должно быть средством влияния и элементом власти. Это влияние и эту добавочную власть я желал завещать моим преемникам. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). *См. т. I, лл. 175 об.— 176.*

Примечание 64. Поводом к совещанию было истечение 2-годового срока, определенного в отношении к дворовым людям. Пророчили разные затруднения, которым я не верил. Нужно было дать потолковать и убаюкаться. (Тегернзее, 19/31 июля 1868). *См. т. II, л. 2.*

Примечание 65. Факт, что шайки появились 3 и 4 января, войско послано против них 5-го, а первое известие о мятеже дошло до Петер-

---

* Головнин меня обманул.

бурга только 12-го, заслуживает особого внимания. Он доказывал, что за Царством и за его управлением следовало смотреть, как говорится, в оба глаза, и что надлежало в самом Петербурге, не выжидая варшавских инициатив, озаботиться подготовлением средств для безотлагательного подавления мятежа. Между тем мы за это принимались как будто неохотно из опасения преувеличить значение движения и сделать лишнее для достижения цели. Таким образом, на мою долю постоянно выпадала инициатива предположений или предложений, которые собственно должны были бы исходить от польского статс-секретариата, или военного ведомства, или ведомства путей сообщения и телеграфов. Я продолжал пользоваться в таких случаях содействием или посредничеством кн. Долгорукова. Привожу в виде примера записку к нему и особую памятную записку, писанные 15 или 16 января. (Приложение II, 1 и 2) *. И та и другая им мне возвращены для дальнейших соображений после совещания у государя и затем остались при моих бумагах. (Тегернзее, 30 июля/11 августа 1868). *См. т. II, л. 4.*

Примечание 66. Роли Ростовцева я по западным делам не выполнил, и вообще не имел на эти дела руководящего влияния. Спрашиваю себя теперь, насколько тому препятствовали обстоятельства, или я сам был в том виновен и, к сожалению, уже затрудняюсь в настоящее время дать на этот вопрос определительный и правдивый ответ. В моем Дневнике не сохранилось достаточных указаний на разные частности моей постоянной борьбы с формами, привычками и самыми составными элементами Комитета. При том существо дела было другое. Ген. Ростовцеву была вверена законодательная задача, и он стоял во главе дела не только по существу, но и по форме, как председатель Редакционных комиссий. Ему не могли мешать текущие соотношения к разным ведомствам. Телеграф не передавал ежедневно известий, вследствие которых делались не терпевшие отлагательства распоряжения и вопрос о полновластии ген.-губернаторов не становился на каждом шагу поперечь дороги. При всем том я думаю, что я недостаточно воспользовался данным мне случаем и выраженным, хотя и под влиянием мимоходных впечатлений, доверием ко мне государя. Я думаю, что я мог бы сделать более, чем я сделал; что я слишком легкомысленно понадеялся на продолжение вышеупомянутого доверия без принятия к тому разных канцелярских предосторожностей и что, если бы в противность моим правилам и привычкам, я немедленно создал для западных дел какой-нибудь новый комитет или комиссию, или бы начал испрашивать высочайшие повеления помимо моих товарищей, и вообще более занялся громкими фразами насчет прошедшего и будущего, чем сущностью ежедневно видоизменявшегося дела, то я достиг бы других результатов и не дал бы направлению бр. Милютиных и ген. Зеленого того простора, которым они впоследствии воспользовались. (Тегернзее, 30 июля/11 августа 1868). *См. т. II, лл. 9—10.*

---

* *Не публикуются. См. т. II, лл. 64—66.*

Примечание 67. Эти 19 страниц были одною из тех работ, которые я предпринимал по временам с сложною целью попытаться подвинуть дело, закрепить на бумаге заявленные мною взгляды и, наконец, пристыдить моих сотоварищей или противников. Сколько могу припомнить, все труды духовного присутствия в продолжение 6-ти лет едва ли превзошли своим содержанием содержание выше реченных 19 страниц. К сожалению, я их не имею под рукой. Следовало бы их приложить в виде pièce justificative *. Насчет моего отзыва о содержании 6-тилетних трудов Присутствия приглашаю справиться с его журналами и делами. (Тегернзее, 31 июля/12 августа 1868). *См. т. II, л. 14.*

Примечание 68. Этот адрес был первым заявлением русского патриотизма в тогдашнее время, первым проявлением нравственной силы, на которую впоследствии правительство могло опереться при переговорах с Европою. Первый толчок привел в движение инертную дотоле массу. Голос петербургского дворянства везде нашел сочувственные отголоски. И вслед за ним заговорила вся Россия. Впоследствии возбуждение патриотических чувств нередко приписывалось «Московским ведомостям» и Каткову. Это совершенно неверно. Катков умел только дать этим чувствам, разными сословиями уже заявленным, дальнейшее непрерывное выражение в своей газете. В канцелярии Министерства внутренних дел должна иметься справка, составленная по моему распоряжению в начале сего 1868 г. на основании всех передовых статей «Московских ведомостей» с 1 января по 1 апреля или даже по 1 мая 1863-го. Она вполне подтверждает мною сказанное. Честь первого общественного патриотического слова, в то время высказанного, принадлежит петербургскому дворянству. Главными представителями и двигателями мысли об адресе были Безобразов, губернский предводитель гр. Шувалов, ген.-ад. кн. Паскевич и фл.-ад. гр. Шувалов, брат губернского предводителя. Первый умер, второй теперь не у дел, третий в отставке и в нерассудительной оппозиции, четвертый в полуизгнании, т. е. под запрещением до времени возвращаться в Россию. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). *См. т. II, л. 16.*

Примечание 69. Во время происходивших в ожидании действий иностранных держав совещаний по польскому вопросу этот вопрос естественно совпадал с другим вопросом: уступим ли мы или не уступим требованиям Европы? Если мы вышли из дела благополучно без уступок и без допущения чужестранного вмешательства, то мы обязаны этим преимущественно проницательности и хладнокровию кн. Горчакова, умевшего выигрывать время и заметившего, что за словами иностранных правительств еще не было готовых действий, и в особенности твердости и решимости государя, который с жаром отвергал возможность уступок, и в заседании 28 марта назвал даже мир 1856 г. «un acte de pusillanimité» **. Наименее стойки были те министры, которые заведо-

* оправдательного документа.

** проявлением малодушия.

вали оборонительными силами государства. Некоторые другие искали особого пути для выхода из нашего затруднительного положения. Прочие высказывались просто в пользу выжидания событий. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). *См. т. II, лл. 17 об.— 18.*

Примечание 70. Цель моих предположений по делам о собственных землях крестьян заключалась в установлении особого порядка разбирательства этих дел помимо Главного комитета. Одностороннее настроение Комитета не представляло никакого обеспечения в отношении к правильному разбору и решению дел. Кроме того, я всегда находил неудобным, чтобы поземельные споры между крестьянами и помещиками решались с высочайшего утверждения комитетских решений и, таким образом, имя и лицо государя вовлекались в дело. Установленный порядок возбуждал сильные жалобы, и мои предположения были вызваны этими жалобами и составлены по предварительном соглашении с многими губернскими дворянскими предводителями. Большинство голосов в Государственном совете составилось частию из лиц, не желавших перемены, потому что они считали ее невыгодною для крестьян, частию из лиц, опасавшихся всякой перемены по неясному пониманию ее последствий, или находивших род удовольствия в отрицании по всем вопросам, возникавшим из законоположений 19-го февраля. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). *См. т. II, лл. 20 об.— 21.*

Примечание 71. Из всего вышеизложенного видно, как близко было осуществление моей заветной мысли. Кн. Долгоруков был слишком осторожен, чтобы без надлежащего основания говорить о предварительном согласии государя. Вся обстановка дела казалась благоприятною. В моей записке вопрос о преобразовании Государственного совета был связан и до сих пор, думаю, верно и удачно связан с польским вопросом. 17-е апреля — урочный день для милостей и льгот — было близко. Можно было льстить себя надеждой, что этот день ознаменуется дарованием, или по крайней мере обещанием такой льготы, которая навсегда сохранилась бы в благодарной памяти русского народа. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). *См. т. II, л. 22.*

Примечание 72. Совещание 15 апреля осталось для всех тайною. Никто из лиц, в нем участвовавших, впоследствии о нем не упоминал и даже в тот же самый день, когда мы снова встретились в Государственном совете, никто, кроме кн. Долгорукова, не сказал мне ни одного слова о моих предположениях. Предмет всякого совещания и даже большею частью все то, что в нем происходит, делается у нас известным обыкновенно в течение суток. На этот раз ни кн. Горчаков, ни кн. Гагарин, ни др. члены созванного государем Совета не сочли удобным разверзать своих уст насчет происходившего в Совете. Они чувствовали, что всякое разглашение было для них невыгодно, и потому молчали. (Тегернзее, 2/14 августа 1868). *См. т. II, л. 24.*

Примечание 73. Меня часто упрекали в излишней снисходительности к полякам, в неверной оценке угрожавшей от них России опасности и т. п. Предшедшая заметка принадлежит к числу доказательств того,

что мой взгляд на дело был чужд всякой односторонности. В то время, когда в инфляндских уездах разоряли усадьбы польских помещиков, в числе коих я многих знал лично и к многим находился в давнишних приязненных отношениях, я думал не о них, а о подавлении мятежа, между тем как кн. Долгоруков и гр. Шувалов преимущественно озабочивались прекращением того содействия, конечно беспорядочного, но полезного, которое крестьяне оказывали в этом деле правительству. Я до сих пор помню, как в приемной у государя гр. Шувалов меня уверял, что все опасения насчет распространения мятежа преувеличены, что скоро все шайки будут уничтожены и т. п., и как я ему отвечал, «que l'incendie s'étendrait, que les signes d'un vaste plan étaient manifestes, et que ce qu'il fallait se préparer à briser était un grand effort de la nation polonaise qui ne se répéterait pas de trente ans ou d'un demi siècle» *.

Прошло несколько дней, и мятеж вспыхнул в Могилевской губернии, несостоятельность ген. Назимова была наконец сознана и на его место назначен ген. Муравьев. (Тегернзее, 2/14 августа 1868). *См. т. II, лл. 25—26.*

Примечание 74. Впоследствии объяснено, что вел. князь пересылал или разрешил пересылать чрез фельдъегерей деньги банкира Френкеля. Возбужденные этою пересылкою сомнения характеристичны как признак того недоверия, которое вообще ощущалось в отношении ко всему управлению в Царстве. Нельзя не признать, что оно вполне оправдывалось неполнотою и неточностью получавшихся из Царства сведений. Систематическая утайка некоторых местных дел и распоряжений превосходила всякое вероятие. Кто поверит, например, что всюду было приостановлено взимание податей, но в Петербурге о том не знали в продолжение нескольких месяцев? Мне сообщил об этом Платонов, до которого почти случайно дошло это сведение. (Тегернзее, 3/15 августа 1868). *См. т. II, л. 33.*

Примечание 75. Сначала, как выше было упомянуто, число членов экспертов предполагалось более значительным. Оно было сокращено до четырех и ограничено губернскими предводителями столичных губерний и головами столичных городов по настоянию кн. Гагарина и некоторых других членов происходившего о том 25 мая совещания. (Тегернзее, 4/16 августа 1868). *См. т. II, л. 38 об.*

Примечание 76. Контр-адмирал Унковский уклонился от этого поручения. Оно принято и блистательно исполнено в отношении к быстрому и незамеченному переходу нашей эскадры в Америку контр-адм. Лисянским. (Тегернзее, 4/16 августа 1868). *См. т. II, л. 39.*

Примечание 77. Записка кн. Долгорукова находится в числе приложений. См. далее. (Тегернзее, 5/17 августа 1868). *См. т. II, л. 40 об.*

---

* что пожар распространится, что признаки широкого плана были явными и что надо было готовиться разбить большое напряжение сил польской нации, которое, возможно, не повторится в течение 30 лет или полувека.

Примечание 78. Предложение было сделано с высочайшего соизволения и по желанию ген. Муравьева, который находил необходимым назначение ему помощника, который со временем мог бы быть его преемником. Он сначала указывал на ген. Крыжановского и гр. Муравьева-Амурского. Впоследствии, не желая ни того, ни другого, он просил ген.-ад. Тимашева и, наконец, ген. Потапова. (Тегернзее, 6/18 августа 1868). *См. т. II, л. 44 об.*

Примечание 79. Когда совещание кончилось, вел. князь остался в кабинете государя. Послышался разговор, становившийся более и более громким. Всем бывшим в Красном Селе известно расположение и свойство комнат, занимаемых государем. В приемной перед кабинетом слышно почти все, что говорится в кабинете. Мы, т. е. кн. Долгоруков, ген. Милютин и я, ушли на балкон, чтобы невольно не расслышать разговора между государем и вел. князем. Впоследствии мне рассказал кн. Долгоруков, вероятно, слышавший это от государя, что вел. князь на коленях просил оставить его в Польше, но государь отказал. Когда вел. князь вышел из кабинета, он был видимо взволнован. Я вошел. Во время краткого доклада государь не сказал ни слова ни о предшедшем совещании, ни о разговоре с вел. князем. (Тегернзее, 6/18 августа 1868). *См. т. II, л. 45 об.*

Примечание 80. Несколько писем и выписок из писем кн. Долгорукова, в том числе и ответного письма на вышеупомянутое мое письмо, здесь прилагается. (Прил. II. 5) *. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). *См. т. II, л. 50 об.*

Примечание 81. По мере возрастания популярности ген. Муравьева отношения к нему становились более затруднительными, и его стремление к мерам крайним, произвольным, насильственным приобретало большую силу. Пока он подавлял мятеж, он действовал правильно и ему можно было охотно содействовать. Когда он с мятежом справился и начал пересоздавать край, законодательствуя и распоряжаясь по своему благоусмотрению, соглашение с ним и содействие ему сделались большею частью невозможными. Наши отношения, сначала благоприятные, помрачились. В то время говорили, или по крайней мере находили удобным говорить, что я мешал ген. Муравьеву справиться с мятежом. Опровержением могут служить прилагаемые письма его и выписки из его писем. (Прил. III. 1) **. Таким же опровержением в отношении к разным толкам о моих отношениях к Каткову могут служить сохранившиеся у меня его письма. Отрывки из них за 1863 г. равным образом прилагаю. (Прил. III. 2) ***. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). *См. т. II, л. 52 об.*

Примечание 82. Единство кассы и правильный учет были главными и правильными чертами предпринятых контрольных реформ. Я ратовал

---

* *Не публикуется. См. т. II, лл. 66—71.*

** *Не публикуется. См. т. II, лл. 72—77.*

*** *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствуют.*

против неуместных, по моему мнению, притязаний гос. контроля на предварительное обсуждение кредитов по разным ведомствам, но в то же время старался содействовать ему во всем, что представлялось не только уместным, но и полезным. Я предложил по моему ведомству первый опыт применения начал кассового единства, и в 1863 г. новый кассовый порядок был введен в действие в центральных учреждениях Министерства внутренних дел. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). *См. т. II, л. 55 об.*

Примечание 83. О судьбе этой записки будет упомянуто ниже. Она известна нескольким лицам, в том числе нынешнему государственному секретарю Сольскому. Самый проект преобразования Государственного совета был сообщен мною только моему тогдашнему товарищу тайному советнику Тройницкому, нынешнему министру юстиции гр. Палену, доставившему мне нужные сведения по делопроизводству Государственного совета, где он прежде состоял на службе, кн. Долгорукову и впоследствии по особому поводу кн. Урусову. До него относится его записка, помещенная в числе приложений II, 5, под № XV *. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). *См. т. II, л. 56.*

Примечание 84. По мере написания этих отрывков я их читаю, или по крайней мере читаю часть их, домашней аудитории из двух или трех лиц, которым могу вполне доверяться. Одно из этих лиц заметило, что если эти отрывки когда-нибудь найдут читателей, то читатели призадумаются над тем, что я почти всегда, почти все и почти всех порицаю. Действительно, общий тон моих заметок есть тон порицания. Я почти всегда и почти всем кажусь недовольным. Я почти никогда и никому не воздаю похвал. Спрашиваю сам себя: насколько я в этом прав или неправ и насколько общий оттенок моих воспоминаний может или не может поколебать доверие к сущности этих воспоминаний и к правильности моего взгляда?

Я не пишу истории. Я не излагаю событий в общей их совокупности и последовательности и не предпринимаю окончательной оценки заслуг и ошибок моих современников. Я изготовляю материал для будущих историков и для тех, быть может, читателей, которые пожелают путем сравнения этого материала с другими историческими материалами составить себе самостоятельное мнение о событиях и людях моего времени. Достоинство этого материала заключается в его почти непрерывной современности, в положении составителя или собирателя, дозволявшем ему узнавать прямо, а не чрез посредников и повествовать большею частью им самим виденное и слышанное, а не переданное ему другими и, наконец, в точности приводимых им фактов или излагаемых им сведений. Способы поверки под рукою, и я сам на них ссылаюсь и указываю. Когда я говорю о каком-нибудь заседании, стоит только справиться с журналом того заседания, а если речь о совещаниях в присутствии государя, по которым не составлялось журналов, то с официаль-

* *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

ною перепискою подлежащих ведомств, коих представители участвовали в совещаниях и действовали на основании состоявшихся там повелений. Когда я упоминаю о своих официальных записках — они налицо, чтобы оправдать и подтвердить мои на них ссылки. Когда я передаю чьи-либо слова или мнения, то очевидно, что в отношении к слышанному мною в тот же самый день или накануне я не могу впадать в существенные погрешности. Мои личные отзывы, выводы, замечания и суждения, конечно, имеют совершенно другое свойство. От усмотрения всякого зависит придавать им большее или меньшее значение и признавать их правильными или неправильными. Они записывались под впечатлением и влиянием дня и потому вообще не могут отличаться признаками зрелой обдуманности. Я тем не менее не исключил их из настоящих отрывков, потому что считал не лишним обнаружить, под влиянием каких впечатлений и при каком настроении духа я сам действовал. Естественно, что в мой дневник преимущественно заносилось то, что меня огорчало и заботило. Этим объясняется большею частью и раздраженность моей речи. Я вел почти постоянную и во многом безуспешную борьбу. Трудно было вскипавшей крови или накипавшей желчи иногда не вливаться в мои чернила. За что и против чего я ратовал, известно и документировано. Как в журналах разноименных коллегий обозначено, в пользу чего и против чего я подавал мой голос, так в моих многочисленных записках и в делах Министерства внутренних дел сохранился след мыслей, которых я старался быть проводником или защитником. Время вообще сглаживает и успокаивает, но до сих пор я не могу хладнокровно припоминать многого, что я должен был вытерпеть и многого, чему я был свидетелем. Меня в особенности раздражала та беззастенчивость, с которою те именно из моих официальных сотоварищей, которые считались записными противниками католицизма и иезуитов, прилагали к делу иезуитское правило, что цель искупает средства. Право собственности было или не было правом, свобода вероисповедания была или не была руководящим началом, личность людей и участь сотен и тысяч семейств принимались или не принимались во внимание смотря по обстоятельствам, по местности или племени, до которого касалось дело, и по большей или меньшей вероподобности временной пользы той или другой меры. На словах произносились дифирамбы в честь благодушия и милосердия государя, на деле постоянно возбуждалось в нем чувство гнева и результатом было проявление этого гнева не только в области администрации, но и в сфере законодательства. Идея правительства совмещает в себе два ряда понятий: его права́ и его обязанности. Я постоянно встречал сознание прав и почти никогда не встречался с сознанием обязанностей. Я знаю, что нет правил без исключений и что в делах государственных исключения необходимы гораздо чаще, чем в кругу частных отношений, но мне нужно, чтобы в таких случаях положительно выражалось сознание необходимости и чтобы, проходя мимо уважительного начала, если позволительно так выразиться, по крайней мере с ним раскланивались. Всякий цинизм мне противен и

я не думаю, чтобы истинное государственное умение могло быть циническим. Наконец, меня раздражало и то чувство постоянного одиночества, о котором я уже имел случай упомянуть. Никто из моих сотоварищей не разделял всех моих главных воззрений или убеждений. Тот из них, кто шел со мною в Главном комитете, шел против меня в Западном, кто был со мною по вопросу о раскольниках, был против меня по вопросу о римско-католиках. Даже кн. Долгоруков не всегда обнаруживал то сочувствие и не всегда оказывал то содействие, на которые по общему направлению наших взглядов я имел некоторое право рассчитывать. Таким образом, я подвергался непрерывному ряду огорчений, тем более чувствительных, чем более я сознавал недостаточность моих собственных сил и необходимость посторонней помощи. Эти огорчения отражались в моем Дневнике. Позволяю себе надеяться, что если их выражение покажется слишком учащенным и слишком резким, то по крайней мере их источник будет признан уважительным. (Тегернзее, 11/23 августа 1868). *См. т. II, лл. 60—62.*

Примечание 85. В этом заключалась попытка распространить с[еверо]-з[ападную] систему на прилегающий Прибалтийский край. Попытка была сделана, несмотря на очевидную несостоятельность начала, по которому поземельное законодательство зависело бы в своем приложении не от местности, где находится владеемое, а от лица владельца. (Тегернзее, 11/23 августа 1868). *См. т. II, л. 94.*

Примечание 86. Моя записка для ближайшего пояснения государевой отметки при сем прилагается. (Прил. II. 2) *. Самая отметка в высшей степени характеристична. Она в значительной мере может способствовать и к объяснению особенностей моего положения, моих непрерывных колебаний, моего полуболезненного раздражения, моих постоянно возобновляющихся намерений просить увольнения от должности и моей уступчивости или податливости при первом приветливом, ободрительном или добродушном слове государя. Я чувствовал, что по естественному склону ощущений и мысли, так сказать, по духу, я стоял ближе к государю, чем все мои сотоварищи. Несмотря на то, я имел на окончательный исход разных дел меньшее влияние, чем многие из них. Я объяснял себе это явление тем, что я постоянно обращался к лучшим и возвышенным струнам в характере государя, а другие предпочтительно к слабейшим и низшим, и что по общим законам человеческой природы они в этом имели передо мною важное преимущество, но всякий раз, когда после некоторых огорчительных опытов я находил прежнюю чувствительность и правильность звука в тех струнах, которые позволю себе назвать моими, во мне оживали и укреплялись прежние надежды. Таким образом, я переходил от одного настроения к другому, хотя в моем Дневнике естественно отражались по преимуществу отрицательные периоды этого настроения. Я испытывал целый ряд противуположных чувств от влечения глубокой сочувственной преданности и веры

---

* *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

в конечный успех до совершенного безнадежья и почти до чувства ожесточения. Я вообще трудно мирюсь с противоречиями. Мне, кроме того, казалось, что опыт рано или поздно должен был стать на мою сторону и дать мне перевес. Я надеялся на порывы или взрывы благородных и возвышенных чувств государя. Тот самый ревнивый к своему самовластию самодержец, который заявлял «совершенную одинаковость» своих взглядов с моими взглядами и выражал желание, чтобы «другие органы правительства их разделили», мог когда-нибудь обратить желание в требование и настоять на требовании. Но та самая рука, которая начертала выражение той одинаковости и того желания, утвердила законоположения 6 декабря 1865 года. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). *См. т. II, л. 98.*

Примечание 87. Прошло четыре года и, несмотря на высказанную государем благодарность, высочайше утвержденное положение Совета министров по вопросу о раскольниках остается мертвою буквою. Я считаю это дело одною из моих несомненных заслуг. Я не только его своевременно поднял, но и провел и завершил, насколько от меня зависело. Я достиг в Комитете под председательством гр. Панина результата, для меня самого неожиданного. Заключение Комитета было единогласное по всем пунктам, кроме одного, второстепенного, о раскольничьих училищах, и даже по этому одному вопросу архиепископ Платон отделился от прочих синодальных членов. Привести к одному окончательному заключению по такому делу Комитет, в котором заседали три члена Святейшего синода, об.-прокурор Ахматов, кн. Урусов, гр. Панин, кн. Долгоруков, ген. Зеленый, министр юстиции и я, было подвигом, заслуживавшим других последствий. Основания принятой мною системы остались непоколебленными. Они так просты и прочны, что и впредь поколеблены быть не могут, если Министерство внутренних дел исполнит лежащую на нем обязанность их охранения. Они заключаются в том, что сектаторам, не враждебным основным началам государственного строя и общественного порядка, предоставляются гражданские права и права общественных молитвословий, что такими сектаторами признаются все обнаруживающие невраждебность свою государственному порядку молитвою за царя, а порядку гражданскому или общественному — признанием брака, что самим сектаторам предоставляется заявлять об удовлетворении этим условиям с запискою в особые книги, что эти книги и выписки из них приобретают силу актов состояния, что право общественных молитвословий ограничивается внутренностью молитвенных помещений без наружных и публичных оказательств раскола и, наконец, что в отношении ко всем сектаторам, не подходящим под выше изъясненные условия, прежние постановления сохраняют свою силу. В продолжение четырех лет дело тормозилось только канцелярскими приемами. Речь шла о порядке издания новых правил о том, что должно было пройти чрез Государственный совет или мимо Государственного совета, что должно было найти себе место в Своде Законов, или не найти этого места, о второстепенных частностях исполнения

и т. п. Департамент законов и II отделение попеременно затрудняли исход. Наконец, перед моим выходом из Министерства II отделение встретило сомнения в отношении к своевременности и даже к существу предположенной меры и готовилось изложить эти сомнения в пространном отзыве, которого однако же я не получил и который, вероятно, сообщен моему преемнику. При моем последнем докладе в присутствии ген. Тимашева в начале марта этого года я привел все это на память государю и при нем просил ген. Тимашева озаботиться завершением дела. Последствия мне неизвестны. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). *См. т. II, лл. 99—100.*

Примечание 88. Отчет за 3 с лишком года управления вверенным мне Министерством составлен не только по моему распоряжению, как обыкновенно водится, но по моим непосредственным указаниям и некоторые части мною самим написаны от первой строки до последней. О его судьбах будет далее упомянуто. Здесь желаю только остановить снисходительный взгляд читателя на том усилии, которое требовалось для исполнения этого труда в короткое время при разных моих других занятиях и заботах и с целию вслед за представлением или рассмотрением отчета просить увольнения от должности. Это чрезмерное напряжение моих умственных и физических сил должно было влиять на весь мой организм и составляет одну из «circonstances atténuantes» * в отношении к моей раздражительной впечатлительности и к проистекавшим от нее колебаниям и ошибкам. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). *См. т. II, л. 101.*

Примечание 89. Выехав из С.-Петербурга 5 сентября, я возвратился 8 октября. Некоторые сведения за это время заключаются в дополнении лит. Г**. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). *См. т. II, л. 102 об.*

Примечание 90. Мой отчет действительно не был читан государем. Это случилось в семь лет только с отчетом министра внутренних дел, и если не ошибаюсь, с одним из отчетов государственного контролера, но это не случилось бы, если бы я не послал моего отчета к государю за границу. Там ему было недосужно. Мне следовало обождать его возвращения. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). *См. т. II, лл. 103 об.— 104.*

Примечание 91. В настоящее время я сам затрудняюсь объяснить в подробности побуждавшие меня к уходу поводы. Общее положение как-то становилось нестерпимо. Мое раздраженное настроение обнаруживается в заметках за 1864 год еще чаще, чем в других частях Дневника, и я пропускаю в этом году более частных выражений этого настроения, чем до сих пор делал. Без ближайших указаний на современные события они имели бы для читателя только утомительное свойство однообразия. (Тегернзее, 13/25 августа 1868). *См. т. II, л. 104.*

Примечание 92. Кто-то говорил про наш Государственный совет, что в нем члены ничто, председатель — кое-что, государственный секре-

---

* смягчающих обстоятельств.

** *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

тарь — все. Самое учреждение Совета, по мысли Сперанского, который был первым государственным секретарем, открывает разные пути к неправильному и неудобному влиянию канцелярской стихии, коей высший представитель есть именно государственный секретарь. Другой источник этого влияния заключается в том обстоятельстве, что целый ряд председателей Совета и вообще высших сановников, по-видимому, руководивших нашими делами, состоял из лиц, которые не могли по неспособности, неумению, или ослабевавшим силам сдавить в надлежащей мере механизм делопроизводства и удержать в своих руках полное господство над этим механизмом. Все канцелярии и все департаменты более или менее приобрели лишний вес. Канцелярские наперсники стали часто обращаться в канцелярских пестунов. Главными двигателями дел были уже не лица, по указаниям календарей и памятных книжек стоявшие во главе разных управлений, а лица второстепенные, стоявшие позади первых и действовавшие из-за них иногда их языком, но большею частью их подписью. В то же время установилось то анормальное значение и определилась та странная роль, которые ныне принадлежат слову «редакция». В смысле воспроизведения, т. е. в смысле изображения совещаний наших высших коллегий и состоявшихся в них заключений это слово нередко означает не изложение того, что действительно происходило или было постановлено, а такое стушевание обнаружившихся оттенков мысли и воли и такое приискание более или менее пропорциональной средины между разными противоречиями, которые предоставили бы членам коллегии возможность подписать журнал. В смысле исполнительном, т. е. в смысле изложения и приличествующего обстоятельствам развития мысли начальника, это же слово может означать такие видоизменения этой мысли и такие к ней дополнения, которые в сущности перемещают далее влияние на дело двух участвующих в нем лиц без перемещения однако же их подписей. В трудах обширных, каковы большею частью труды законодательные, перевес естественно сосредоточивается при таких условиях в руках второстепенных, в иерархическом порядке, участников. Все дело в том, чтобы между ними установилось нужное соглашение и чтобы результат этого соглашения выразился в известной канцелярской форме. Остается приобрести для их труда окончательную законодательную санкцию, а этому способствуют в свою очередь стесненные формы деятельности высшей законодательной инстанции. Сами председатели Государственного совета мало озабочиваются, по-видимому, охранением его достоинства и выполнением его призвания. Дела не столько ему предлагаются, сколько через него проводятся При этом «проведении» даже не всегда соблюдается внешнее приличие некоторой степенности в движении дела. Все судебные уставы прошли чрез общее собрание Совета в четыре заседания и в эти заседания всякое возражение или замечание отдельных членов Совета встречало сопротивление со стороны председателя, потому что этот председатель (кн. Гагарин), мнимо руководивший трудами комиссий, которые составляли проекты новых уставов, в то время «проводил»

их чрез Государственный совет. (Тегернзее, 13/25 августа 1868). *См. т. II, лл. 105—106.*

Примечание 93. Совещание 7 ноября, между прочим, доказывает, что государь несколько раз пытался смиренно и даже правильно установить некоторое единство в высшем государственном управлении. Попытки были безуспешны, потому что государь не решился вывести окончательного вывода из своих собственных посылок. Он сознавал потребность объединения. Он приказывал быть единству. Но он сам не настаивал на исполнении приказания. В этом отношении к нему действительно применимы слова Мазада en Revue des deux Mondes (1868), о его «volontés intermittentes» *. Перемежаемость его воли обнаруживается не столько в переменах ее направления, сколько в изменении степеней ее настойчивости или решительности. Государь вообще всегда сочувствует одним и тем же началам, но он их не только не всегда проводит или применяет, но допускает в виде изъятий и временных отступлений применение начал противуположных. В непоколебимости его воли, когда он на что-нибудь окончательно решился, ключ к проведению крестьянской реформы; в числе и степени допускаемых им уклонений от его общих правил ключ к большинству других военных дел его царствования. (Тегернзее, 14/26 августа 1868). *См. т. II, л. 109.*

Примечание 94. В моем Дневнике весьма редко упоминается о прибалтийских делах. Вопрос о судебной реформе в том крае был поднят, так сказать, канцелярским порядком в Петербурге и встретил на местах не только канцелярское, но и сословное противодействие. Ген.-губернатор бар. Ливен распорядился неправильно и неловко. Он сносился с государственным секретарем без испрошения указаний Министерства внутренних дел и разрешил учреждение местной комиссии, которой учреждать не следовало. Впоследствии, когда из сего возникли затруднения в дальнейшем направлении дела, я был вынужден признать это распоряжение совершившимся фактом и исходатайствовать просимую ген.-губернатором отсрочку для окончания трудов комиссии. Вообще при управлении бар. Ливена прибалтийские дела принимали более и более неблагоприятный оборот. Значение и влияние правительственной власти, даже при кн. Суворове весьма шаткие, еще более ослабли в руках его преемника. Вспышки провинциального обособления и даже антагонизма в отношении к империи стали проявляться чаще и смелее. В мае месяце ген.-суперинтенданту Вольтеру было приказано выйти в отставку за произнесенную им при открытии ландтага неуместную речь. Но ни эта мера, ни другие мои настояния не могли придать бар. Ливену свойств, которые ему были столько же чужды, сколько нужны в его положении. Мое постоянное старание сдерживать движение общего прибалтийского вопроса в его совокупности и не допускать по возможности возбуждения частных прибалтийских вопросов встречало с разных

---

* «неустойчивой воле»

сторон столь же постоянно возраставшие затруднения. Далее я возвращусь к этим затруднениям и не премину пояснить, почему именно я считал нужным сдерживать движение общего прибалтийского вопроса и противиться возбуждению частных. (Тегернзее, 14/26 августа 1868). *См. т. II, лл. 109 об.— 110.*

Примечание 95. Демонстрация не имела практических последствий. Вообще направление таких дел требует единства и последовательности, которые невозможны при допущении разрозненных распоряжений правительственных властей. Митрополит Филарет и синодальный об.-прокурор действовали не только без соглашения, но и без предварительного сношения с Министерством внутренних дел. (Тегернзее, 15/27 августа 1868). *См. т. II, л. 112 об.*

Примечание 96. Предположения были мною и формулированы и большею частью, по желанию кн. Долгорукова, сочинены. Они остались, как многие подобные работы, без практических последствий. (Тегернзее, 15/27 августа 1868). *См. т. II, л. 114.*

Примечание 97. Оказалось, что я ошибался и что если Катков слушал, что я ему говорил, между прочим, в присутствии случившегося у меня при вторичном с ним объяснении гр. Перовского, то он слышал только то, что ему казалось пригодным. Вопрос в сущности был весьма не сложен и обоюдное положение совершенно ясно и определительно обозначено. Катков требовал фактического изъятия его газеты от цензуры. Он не подчинялся Московскому цензурному комитету, печатал статьи, Комитетом и его председателем, тайн. сов. Щербининым приостановленные, и утверждал, что во внимание к несомненной его, Каткова, благонамеренности и добросовестности надлежало предоставить ему самому роль цензора и дозволить печатать все, что он заблагорассудит, в противном же случае он не мог продолжать издания газеты. На это Щербинин в Москве и я в Петербурге отвечали, что мы не вправе самовластно нарушать закон и создавать для «Московских ведомостей» положение вне этого закона, что ответственность за каждую статью в этой газете, как и во всех других, лежала на нас, а не на издателях, что впредь до издания новых законоположений по делам печати, в то время уже предполагавшихся близкими, мы могли только оказывать Каткову и его сотоварищам то внимание и доверие, которые в пределах закона им могли быть оказаны, что мы делали это ежедневно почти на каждом шагу и что если действительно встречались некоторые недоразумения, на которые издатели «Московских ведомостей» имели повод сетовать, то подобные случаи вовсе не имели той важности, которая им приписывалась, и притом встречались не так часто, как утверждали издатели. Ко всему этому я лично присовокуплял, что в случае разномыслия между Катковым и московскими цензурными властями я готов всякий раз принимать на себя разрешение дела. Я ссылался притом на многие случаи, в которых уже было мною лично дозволено напечатание ста-

тей, приостановленных цензурою. Очевидно, что я не мог идти далее, и что сам Катков, которому были известны нарекания, которым я подвергался с разных сторон за оказываемую в отношении к «Московским ведомостям» весьма широкую терпимость, не имел основания более требовать. При двукратном с ним объяснении я не отступал от вышеизложенных общих начал и только мог обещать еще большую, буде возможности, меру внимания и терпимости со стороны московской цензуры. Я и написал в этом смысле тайн. сов. Щербинину, приглашая его всячески стараться избегать столкновений с Катковым и настаивая только на том, чтобы закон оставался законом. Возвратясь в Москву, Катков заявил, что ему будто бы обещано было другое и что продолжение издания «Московских ведомостей» на тех основаниях, которые мною указаны тайн. сов. Щербинину, невозможно. Все дело в том, что, с одной стороны, гул популярности и фимиам похвал, которые расточались «Московским ведомостям» не только в публике, но и в высших административных сферах, более или менее вскружили голову их издателям; и что, с другой стороны, сам Катков слепо увлекся своею ненавистью к Головнину и предположением, что в самом средоточии правительства были изменники и предатели, которые как-то успели затмить рассудок других членов правительства и что один он, Катков, ясно прозревал козни этих изменников и предателей и был призван к тому, чтобы их разоблачать. Всякое цензурное затруднение принимало в его глазах вид препятствия к свершению этого патриотического подвига, а его самолюбие и самоуверенность не позволяли ему оценивать те соображения, которыми руководствовалось и в разных случаях должно было руководствоваться цензурное ведомство. Это настроение Каткова уже обнаружилось при моем свидании с ним в октябре месяце этого года во время проезда чрез Москву на обратном пути из Крыма и продолжало выражаться в моей с ним переписке. Примером может служить письмо его от 29 октября, помещаемое мною в числе приложений. (Прилож. IV. 3) *. Я счел не лишним ввиду дальнейших последствий моего разрыва с Катковым пояснить с некоторою подробностью причины этого разрыва. (Тегернзее, 16/28 августа 1868). *См. т. II, лл. 115 об.— 117.*

Примечание 98. Считаю не лишним и за 1864 г. приложить несколько отрывков из переписки кн. Долгорукова со мною по разным современным делам. (Прил. IV. 4) **. В них упоминается, между прочим, и о делах прессы. (Тегернзее, 16/28 августа 1868). *См. т. II, л. 118.*

---

* *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

** *Не публикуется. См. т. II, лл. 120—122.*

Комментарии

1. По этому проекту губернским по крестьянским делам присутствиям предоставлялось право самостоятельно определять размеры наделов и повинностей. В соответствии с этим предполагалось отменить намеченные Редакционными комиссиями нормы земельных наделов и повинностей, установленные для различных экономических районов. Проект создавал широкие возможности для произвола помещиков на местах. Предложение кн. В. А. Долгорукова и М. Н. Муравьева, к которому присоединился министр финансов А. М. Княжевич, получило наименование «проекта трех членов». По поручению М. Н. Муравьева его составил П. А. Валуев.

Указанный проект был отвергнут большинством членов Главного комитета.— См. «Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», т. 2, Пг., 1915, стр. 130—139; П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.), т. 4. Пг., 1916, стр. 288—289; «Дневник гр. П. А. Валуева за 1859—1860 гг.» — «Русская старина», 1891, т. 82, № 10, 11.

2. Речь идет об уходе П. А. Валуева с поста директора второго и третьего департаментов Министерства государственных имуществ в связи с назначением его управляющим делами Комитета министров.

3. Министр государственных имуществ Михаил Николаевич Муравьев.

4. По-видимому, имеется в виду записка шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова, представленная императору 18 декабря 1860 г., по вопросу о воскресных школах. В ней предлагалось, не препятствуя распространению этих школ, подчинить их государственным органам, «дабы предупредить всякую возможность уклонения к вредным началам».

В. А. Долгоруков выступал за ограничение программы воскресных школ изучением закона божьего, умением читать, писать и знанием счета, «не допуская чтения книг, не назначенных к тому специально учебным ведомством, и воспретив объяснение отвлеченных предметов». Александр II, одобрив записку, предложил передать ее министру народного просвещения с тем, чтобы последний внес ее на рассмотрение Совета министров со своим собственным заключением.— См. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 403—406; «Колокол», 1 февраля 1861 г., л. 91, «Злодейство Долгорукова».— А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 15, М., 1958, стр. 25.

5. Материалов, касающихся злоупотреблений, связанных с отчуждением казенных лесов в Виленской, Ковенской и Гродненской губ.,

в ЦГИАЛ, ф. Совета министров, а также ф. канцелярии Министерства государственных имуществ, не обнаружено.

6. Sella curulis — курульное кресло, украшенное слоновой костью. В древнем Риме — почетное кресло, предназначенное лишь для трех курульных должностных лиц — консула, претора, эдила, а также для цензора и диктатора.

7. Должность генерал-адмирала занимал вел. кн. Константин Николаевич.

8. Эмфазис (emphasis) — эмоциональная выразительность речи.

9. 2 апреля 1854 г. был создан Секретный комитет под председательством наследника престола вел. кн. Александра Николаевича. Членами комитета являлись А. И. Чернышев, А. Ф. Орлов, П. Д. Киселев, Л. А. Перовский и Д. Г. Бибиков. Комитету было поручено пересмотреть инвентарные правила 1852 г., вызвавшие недовольство дворян и «преждевременные и несбыточные надежды» крестьян. Комитет высказался за изменение положения крестьян, которое следует осуществлять «без потрясений и постепенно», а также за пересмотр инвентарей, хотя и отметил несвоевременность введения новых инвентарных правил в военное время. 15 апреля 1854 г. Комитет издал указ о пересмотре инвентарных правил 1852 г.— См. рукопись кандидатской диссертации Н. Н. Улащика «Подготовка крестьянской реформы 1861 года в губерниях Виленской, Гродненской и Ковенской», М., 1947, стр. 225—233.

10. В конце 1860 г. сенатор А. В. Веневитинов написал записку по крестьянскому вопросу. Отмена крепостного права сводилась автором лишь к личному освобождению крестьян. Размеры земельных наделов должны были устанавливаться на основе добровольного соглашения крестьян с помещиками. В записке высказывалась мысль о возможности крестьянских выступлений и указывалось на необходимость сохранения в России неограниченного самодержавия.— См. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. 3, Берлин, 1862, стр. 143—145.

11. Речь идет о Комитете призрения заслуженных гражданских чиновников, образованном 21 февраля 1823 г. Первоначально он находился в ведении Военного министерства, а позднее, в 1859 г., был передан в I отделение собственной е. и. в. канцелярии. Комитет обладал капиталом в 1 млн. руб. Архивные фонды не обнаружены.

12. Гр. А. И. Рибопьер 15 января 1861 г. представил записку, в которой отмечал, что отмена крепостного права повлечет за собою упадок хлебной торговли России на мировом рынке, вследствие чего она перестанет представлять собою житницу всей Европы. Автор аргументировал свою точку зрения тем, что с наделением крестьян землей помещичьи земли останутся невозделанными, а наемный труд будет способствовать удорожанию сельскохозяйственных продуктов, что в свою очередь приведет к падению спроса на русский хлеб.— См. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета по крестьянскому делу 1180, оп. т. 15, д. 112, лл. 348—352.

13. Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев ввел в 1859 г. новые кадастровые правила, согласно которым вместо оброчной подати, взимавшейся с ревизской души, была установлена оброчная плата за землю. При этом общая сумма налога была повышена. Кадастровые правила были введены в девяти губерниях.— См. «Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887», ч. I, СПб., 1888, стр. 73—74.

14. По-видимому, речь идет о главах из романа «Обрыв», который был начат И. А. Гончаровым в начале 60-х годов.— См. С. А. Венгеров, Дружинин, Гончаров, Писемский, т. 5. СПб., 1911, стр. 61—96.

15. См. биографический очерк «Д. А. Милютин» в «Дневнике Д. А. Милютина», т. I (1873—1875), М., 1947, стр. 5—72.

16. Изложение точки зрения кн. П. П. Гагарина при обсуждении в Главном комитете по крестьянскому делу законопроекта Редакционных комиссий.— См. «Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», т. 2.

17. Речь Александра II, а также ход обсуждения проекта реформы в Государственном совете опубликованы в «Журналах и мемориях Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, Пг., 1915, стр. 181—213. Черновой автограф речи хранится в ЦГИАМ, ф. коллекции библиотеки Зимнего дворца 728, д. 2664. Имеются разночтения с опубликованным текстом.

18. П. А. Валуев допускает некоторую неточность. При рассмотрении вопроса в Общем собрании Государственного совета 16 членов (гр. Ф. П. Пален, гр. А. И. Рибопьер, кн. А. С. Меншиков, гр. П. А. Клейнмихель, кн. П. Д. Горчаков 2-й, гр. С. П. Сумароков, кн. П. П. Гагарин, А. С. Танеев, бар. М. А. Корф 2-й, Ф. П. Литке, А. С. Норов, кн. А. М.Горчаков 3-й, бар. Ф. П. Врангель, Н. Н. Анненков, бар. П. И. Рокасовский и Л. Г. Сенявин) высказались за добровольное соглашение помещиков с крестьянами о размерах наделов и повинностей, а 29 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. К. В. Нессельроде, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, С. С. Ланской, бар. Н. И. Корф 1-й, гр. А. Г. Строганов, Н. О. Сухозанет, Г. Х. Гасфорт, бар. П. К. Мейендорф, В. И. Мелихов, гр. В. Н. Панин, кн. В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, Ф. И. Прянишников, Н. И. Бахтин, гр. А. Г. Армфельт, К. В. Чевкин, П. Ф. Брок, Е. П. Ковалевский, А. М. Княжевич, П. Н. Игнатьев, И. И. Тымовский) считали необходимым назначение самим правительством размеров надела и повинностей крестьян для разных местностей.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, Пг., 1915, стр. 7—11.

19. В действительности же 19 членов (гр. К. В. Нессельроде, гр. Ф. П. Пален, гр. А. И. Рибопьер, кн. А. С. Меншиков, гр. П. А. Клейнмихель, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, Н. О. Сухозанет, А. С. Танеев, М. Н. Муравьев, бар. П. К. Мейендорф, В. И. Мелихов, кн. В. А. Долгоруков, Ф. И. Прянишников, кн. А. М. Горчаков 3-й, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, А. М. Княжевич, П. Н. Игнатьев) считали необходимым поручить губернским присутствиям по каждой губернии составить для утверждения правительства предположения о разделении губерний на местности и о размерах надела и повинностей по каждой местности, а 17 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, С. С. Ланской, бар. Н. И. Корф I, гр. А. Г. Строганов, Г. Х. Гасфорт, гр. В. Н. Панин, Н. И. Бахтин, гр. А. Г. Армфельт, К. В. Чевкин, Е. П. Ковалевский, И. И. Тымовский) утверждали, что в этом случае «едва ли можно будет отвечать за повсеместное сохранение тишины и мирных отношений крестьян к помещикам» и предложили разрешить вопрос в самих местных положениях.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 11—16.

20. По-видимому, в тексте описка, за создание волостей голосовало 25 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. А. И. Рибопьер, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, С. С. Ланской, Г. Х. Гасфорт, гр. А. Г. Строганов, бар. П. К. Мейендорф, Ф. П. Литке, гр. В. Н. Панин, кн. В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, Н. И. Бахтин, К. В. Чевкин, П. Ф. Брок, Е. П. Ковалевский, А. М. Княжевич, бар. П. И. Рокасовский, И. И. Тымовский); 20 членов (гр. К. В. Нессельроде, гр. Ф. П. Пален, кн. А. С. Меншиков, гр. П. А. Клейнмихель, кн. П. П. Гагарин, кн. П. Д. Горчаков

2-й, бар Н. И. Корф 1-й, гр. С. П. Сумароков, Н. О. Сухозанет, А. С. Танеев, бар. М. А. Корф 2-й, В. И. Мелихов, Ф. И. Прянишников, А. С. Норов, гр. А. Г. Армфельт, кн. А. М. Горчаков 3-й, бар. Ф. П. Врангель, Н. Н. Анненков, П. Н. Игнатьев, Л. Г. Сенявин) предлагали не учреждать волостей, а признать каждое сельское общество за хозяйственную и административную единицу.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 17—22

21. Проект учреждения волостных попечителей был выдвинут в Главном комитете М. Н. Муравьевым и поддержан министром императорского двора гр. В. Ф. Адлербергом и В. А. Долгоруковым. По проекту, волостному попечителю вверялась вся полнота административной власти на территории укрупненной волости. Волостной попечитель должен был избираться из числа дворян-помещиков, имеющих не менее 500 десятин земли. Выборы должны были производиться местными помещиками под председательством уездного предводителя дворянства.— «Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», т. 2, стр. 88—93.

22. При обсуждении 18 ст. положений об управлении сельскими обществами и волостями произошло разногласие по вопросу о том, следует ли для надзора за волостными и сельскими управлениями учредить волостных попечителей. За это выступали 15 членов (гр. А. И. Рибопьер, кн. А. С. Меншиков, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, гр. С. П. Сумароков, Н. О. Сухозанет, А. С. Танеев, бар. П. К. Мейендорф, В. И. Мелихов, Ф. П. Литке, кн. В. А. Долгоруков, Н. Н. Муравьев 2-й, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, П. Н. Игнатьев), указывая на «опасность независимого крестьянского управления». 30 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. К. В. Нессельроде, гр. П. П. Пален, гр. П. А. Клейнмихель, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, кн. П. П. Гагарин, кн. П. Д. Горчаков 2-й, С. С. Ланской, бар. Н. И. Корф 1-й, Г. Х. Гасфорт, гр. А. Г. Строганов 1-й, бар. М. А. Корф 2-й, гр. В. Н. Панин, Ф. И. Прянишников, Н. И. Бахтин, А. С. Норов, гр. А. Г. Армфельт, К. В. Чевкин, кн. А. М. Горчаков, бар. Ф. П. Врангель, Е. П. Ковалевский, А. М. Княжевич, бар. П. И. Рокасовский, И. И. Тымовский, Л. Г. Сенявин) находили, что учреждение волостных попечителей вызовет, напротив, ослабление власти «по невозможности избежать при сем смешения и столкновения разных властей».— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 22—27.

23. Об инциденте с покупкой дома М. В. Шишмарева в связи с проектом учреждения цензуры вне Министерства народного просвещения во главе с бар. М. А. Корфом см. «Колокол», 1 июня 1860 г., л. 72, статья «Souvenirs modestes о мертворожденной цензуре Корфа».— А. И. Герцен. Полн. собр. соч. т. XIV, М., 1958, стр. 445—447.

24. Имеется в виду проект о введении волостных попечителей.— См. комментарий 21.

25. Речь идет о проекте Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских.

26. 7 февраля 1861 г. при обсуждении вопроса о размере душевого крестьянского надела по Великороссийскому положению 27 членов (принц П. Г. Ольденбургский, гр. К. В. Нессельроде, гр. П. П. Пален, гр. А. И. Рибопьер, гр. П. А. Клейнмихель, кн. П. П. Гагарин, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, бар. Н. И. Корф 1-й, гр. С. П. Сумароков, Н. О. Сухозанет, А. С. Танеев, бар. М. А. Корф 2-й, бар. П. К. Мейендорф, кн. В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, Ф. И. Прянишников, А. С. Норов, гр. А. Г. Армфельт, кн. А. М. Горчаков 3-й, бар. Ф. П. Врангель, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, А. М. Княжевич, П. Н. Игнатьев, бар. П. И. Рокасовский, Л. Г.

Сенявин) высказались за уменьшение крестьянских наделов, приблизив эти цифры к нормам, предусмотренным губернскими комитетами. 16 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, С. С. Ланской, гр. А. Г. Строганов, Г. Х. Гасфорт, В. И. Мелихов, Ф. П. Литке, гр. В. Н. Панин, Н. И. Бахтин, К. В. Чевкин, Е. П. Ковалевский, И. И. Тымовский) настаивали на сохранении с небольшими изменениями предусмотренных проектом норм крестьянских наделов. То же разногласие имело место и при рассмотрении Местного положения для Черниговской, Полтавской и части Харьковской губ., происходившем также 7 февраля. За уменьшение наделов высказалось 20 членов против 28.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 99—116.

27. Речь идет о крестьянских усадьбах, расположенных на землях помещиков, арендовавшихся крестьянами и не значившихся в инвентарях. Общее собрание приняло решение оставить их за крестьянами на девять лет.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 128—130.

28. Инфляндскими уездами именовались Динабургский, Дризенский, Люцинский и Режицкий уезды Витебской губ., населенные преимущественно латышами.

29. Государственный совет в Общем собрании 8 февраля 1861 г. рассматривал проект «Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях Виленской, Ковенской, Минской и части Витебской». По вопросу об определении надела и повинностей крестьян четырех уездов Витебской губ. (Динабургского, Дризенского, Люцинского, Режицкого) возникло разногласие. 30 членов (вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, гр. К. В. Нессельроде, гр. Ф. П. Пален, гр. П. А. Клейнмихель, гр. Ф. Ф. Берг, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, бар. Н. И. Корф, гр. С. П. Сумароков, гр. А. Г. Строганов, А. С. Танеев, Г. Х. Гасфорт, бар. М. А. Корф, бар. П. К. Мейендорф, П. К. Литке, гр. В. Н. Панин, кн. В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, Ф. И. Прянишников, А. С. Норов, гр. А. Г. Армфельт, кн. А. М. Горчаков 3, бар. Ф. П. Врангель, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, А. М. Княжевич, П. Н. Игнатьев, бар. П. И. Рокасовский, Л. Г. Сенявин) находили, что необходимо поручить Витебскому губернскому присутствию представить на утверждение правительства в шестимесячный срок предположения о размерах подесятинной повинности, барщинной и денежной, в разных частях четырех уездов. 11 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. В. Ф. Адлерберг, кн. П. П. Гагарин, С. С. Ланской, В. И. Мелихов, Н. И. Бахтин, К. В. Чевкин, Е. П. Ковалевский, И. И. Тымовский) не видели надобности делать исключение для четырех уездов Витебской губ. из общего правила об определении наделов и повинностей в самих Положениях.— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 133—136.

30. Поверочные комиссии предполагалось создать в северо-западных губерниях для определения соразмерности повинности с количеством крестьянской земли. Это предложение, принятое Государственным советом, было включено в местное положение в следующей редакции, ст. 220: «Поверочные комиссии обязаны, в особом по каждому имению поверочном акте, определить размер оброка и барщины, следующих помещику с каждого участка; при этом они должны принимать в соображение пространство и качество земель, производительность почвы и выгоды местоположения. Но им ни в каком случае не дозволяется возвышать ни отбываемые ныне крестьянами повинности, денежные или барщинские, ни определенный настоящим Положением на десятину размер как де-

нежной, так и натуральной повинности Поверочные акты, составленные поверочными комиссиями, приводятся в действие не прежде, как по утверждении их высшим начальством».— См. ПСЗ, 2 собр., 1861 г., т. XXXVI, отд. 1, № 36665.

31. По вопросу о поверочных комиссиях 15 членов (гр. Д. Н. Блудов, вел. кн. Константин Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, гр. Ф. Ф. Берг, гр. В. Ф. Адлерберг, С. С. Ланской, Г. Х. Гасфорт, В. И. Мелихов, гр. Г. В. Панин, Ф. И. Прянишников, Н. И. Бахтин, К. В. Чевкин, кн. А. М. Горчаков 3-й, Е. П. Ковалевский, И. И. Тымовский) считали необходимым сохранение ст. 13 проекта Местного положения, предусматривавшее создание этих комиссий, а 26 членов (вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, гр. К. В. Нессельроде, гр. Ф. П. Пален, гр. П. А. Клейнмихель, кн. П. П. Гагарин, А. В. Кочубей, гр. А. П. Шувалов, бар. Н. И. Корф, гр. А. Г. Строганов, гр. С. П. Сумароков, А. С. Танеев, бар. М. А. Корф, бар. П. К. Мейендорф, Ф. П. Литке, кн. В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, А. С. Норов, гр. А. Г. Армфельт, бар. Ф. П. Врангель, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, А. М. Княжевич, П. Н. Игнатьев, бар. П. И. Рокасовский, Л. Г. Сенявин) выступали за создание поверочных комиссий лишь там, где это сочтет нужным местная администрация (генерал-губернатор для Виленской, Гродненской и Ковенской губерний и губернаторы для Минской и Витебской).— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 130—133.

32. 11 февраля в Общем собрании Государственного совета по предложению кн. П. П. Гагарина было решено включить в Местное положение для губерний великороссийских, новороссийских и белорусских, а также Черниговской, Полтавской и частью Харьковской следующие правила: «В случае, если помещик по добровольному соглашению с крестьянами, утвержденному установленным порядком, подарит обществу крестьян часть их надела и если сия часть, заключая в себе усадебную оседлость крестьян, составляет со включением оной не менее на каждую ревизскую душу одной четверти высшего, в степной же полосе указного размера надела, установленного для той местности, в коей находится имение, то крестьяне, получившие такой дар от помещика, могут отказаться от обязательного пользования остальною частью своего надела, которая и поступает затем в полное распоряжение помещика».— См. «Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу», т. 3, стр. 170. Дарственные сделки получили распространение в тех губерниях, где сумма установленного Положением оброка, следовательно и выкупная цена на землю, значительно превышала существующие арендные и продажные цены. Общее количество крестьян, получивших дарственный надел, составляло около 500 тыс. Наибольшее количество дарственников было в Саратовской губ. (107 920 человек).

Несмотря на то что крестьяне требовали предоставления дарственного надела, а большинство помещиков этому сопротивлялось, желая получить выкупные платежи, в конечном счете эти сделки были выгодны помещикам.

Большинство крестьян-дарственников оказалось наиболее обездоленной частью крестьянства, так как арендные и продажные цены на землю непрерывно росли. Только незначительная часть дарственников, сумевших купить землю по дешевым ценам, оказалась в более выгодном положении.— См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 294—300.

33. По-видимому, совещание это носило полуофициальный характер, так как не нашло своего отражения в журналах Главного комитета по крестьянскому делу.

34. 9 февраля 1861 г. в Общем собрании Государственного совета рассматривался проект Положения о выкупе. По-видимому, предложение о необходимости согласия помещика на брак крестьян возникло при обсуждении 3-го раздела положения «О правах и обязанностях собственников». Однако в журнале Государственного совета это не нашло своего отражения.

35. Речь идет о Михаиле Николаевиче Муравьеве, министре государственных имуществ.

36. 13/25 февраля 1861 г. в Варшаве состоялась массовая демонстрация в память сражения при Грохове (близ Варшавы), происшедшего 13 февраля 1831 г. между польскими и правительственными войсками. В демонстрации приняли участие несколько десятков тысяч человек. Два дня спустя (15/27 февраля) войсками был дан залп по толпе на Замковой площади, в результате чего было убито пять человек.— См. «Колокол», 15 марта 1861 г., л. 94 «Vivat Polonia».

37. Адрес опубликован в «Journal de St-Pétersbourg» 2(14) марта 1861 г., под ним 153 подписи. В ответ на этот адрес Александром II был дан рескрипт на имя кн. М. Д. Горчакова, в котором отвергались требования, изложенные в адресе. Текст рескрипта см. «Journal de St-Pétersbourg» 2(14) марта 1861 г.

38. Имеется в виду обсуждение в Государственном совете условий отмены крепостного права, касающихся горнозаводских рабочих. Об этих условиях говорится в двух документах, содержащихся в Положениях 19 февраля: в Дополнительных правилах о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов и в Дополнительных правилах о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах.— См. ПСЗ, 2 собр., т. 36, № 366.

39. Гр. Сергей Григорьевич Строганов был главным воспитателем вел. кн. Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

40. Справедливость этого подтверждается также и рассказом вел. кн. Константина Николаевича, записанным М. И. Семевским с его слов в 1884 г.: «Кн. Василий Андреевич Долгоруков, тогдашний шеф жандармов,— рассказывает вел. кн. Константин Николаевич,— провел.. всю ночь на 19 февраля в Зимнем дворце, дежуря в покоях моего брата». (Архив Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. М. И. Семевского, оп. I, д. 16, л. 595).

41. Органический статут 1832 г. определял управление Царством Польским после подавления восстания 1831 г.— См. «История Польши», т. I. М., 1956, стр. 566.

42. Имеются в виду король Обеих Сицилий Франциск II Мария Леопольд и королева Мария-София-Амелия.

43. Александро-Невская лавра.

44. В 1860—1865 гг. в Париже было издано Полное собрание сочинений Токвиля в девяти томах.

45. Речь идет о Главном комитете об устройстве сельского состояния, существовавшем с 19 февраля 1861 по 1882 г. Комитет наблюдал за проведением в жизнь Положений 19 февраля 1861 г. и занимался разработкой законопроектов, касавшихся удельных, государственных крестьян, а также крестьянской реформы на Кавказе и в Закавказье. Бессменным председателем его являлся вел. кн. Константин Николаевич.— См. «Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния», т. I, Пг., 1918; «Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1870 г.», СПб., 1870.

46. В фондах Министерства государственных имуществ (ЦГИАЛ) материалов указанного комитета не обнаружено.

47. Статья М. П. Погодина помещена в газ. «Северная пчела», 28 февраля 1861 г.

48. См. комментарий 37.

49. 2 марта 1861 г. Академия наук праздновала 50-летие литературной деятельности кн. Петра Андреевича Вяземского. Описание юбилея см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 18. СПб., 1904, стр. 292—321.

50. В архиве П. А. Валуева этих заметок не сохранилось.

51. Вероятно, имеется в виду записка обер-прокурора общего собрания варшавских департаментов Сената Ю. Я. Эноха, заключавшая в себе программу необходимых преобразований. В записке предлагалось привлечь на сторону правительства партию «белых» «мудрыми и умеренными преобразованиями».

Записка Ю. Я. Эноха предполагала восстановление в Царстве Польском в полном объеме кодекса Наполеона 1808 г., создание Государственного совета, учреждение ряда высших учебных заведений и технических училищ, независимых от Министерства народного просвещения, и другие меры. Автор считал, что все это должно обеспечить сохранение спокойствия в Царстве Польском. Записка Ю. Я. Эноха была передана наместнику кн. М. Д. Горчакову, который представил ее Александру II.

Записка Ю. Я. Эноха напечатана в книге H. Lisicki. Marquis Wielopolski, sa vie et son temps, т. II, Вена, 1880, стр. 151—155. Изложение содержания записки на русском языке см. в книге С. С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование», т. I, СПб., 1903, стр. 428—429.

52. Имеется в виду Политико-экономический комитет, образованный при отделении статистики Русского географического общества весной 1859 г. В 1862 г. под давлением Министерства внутренних дел Комитет был закрыт. Причина упразднения, как указывалось в решении комитета, заключалась в том, что «обстоятельства времени, выдвигающего то одни, то другие экономические вопросы, и задача самой науки, обязанной искать проявления своих начал то в одних, то в других обстоятельствах промышленной жизни народа, могут вывести занятия Комитета из круга вопросов, обозначенных в его программе, а такие нарушения программы могли бы возбудить прискорбные недоразумения не только в среде Комитета, но и в среде императорского Русского географического общества».— См. П. П. Семенов. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, стр. 173; см. также Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.— Л., 1946, стр. 178—183.

53. В «Колоколе» за 1 марта 1861 г. (л. 93) в статье «Освобождение крестьян» описывалось заседание Совета министров совместно с Главным комитетом по крестьянскому делу, происходившее 26 января 1861 г., а также заседание Государственного совета 28 января 1861 г. с изложением речи Александра II.

54. Записка гр. Строганова в фондах Министерства народного просвещения не обнаружена.

55. 14 марта 1861 г. были опубликованы указы о восстановлении Государственного совета Царства Польского как высшего совещательного органа при наместнике, об учреждении выборных губернских и уездных советов, а также муниципалитетов в Варшаве и ряде крупных городов, об образовании комиссии просвещения и духовных дел во главе с маркизом А. Велепольским. Однако эти уступки не удовлетворили даже Земледельческое общество.— См. С. С. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 434—435.

56. Речь идет о создании Петровско-Разумовской Академии.

56а. Речь идет о газете «С.-Петербургские ведомости», издававшейся с 1728 по 1876 г. при Академии наук.

57. Предположение П. А. Валуева об отношении Н. А. Милютина к «Материалам для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» не лишено оснований. Так, на корешке экземпляра первого тома «Материалов...», хранящегося в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета под № 126402, имеется следующая запись: «По словам сенатора Ник[олая] Петр[овича] Семенова, это сочинение, приписываемое сенатору Хрущову, бывш[ему] тов[арищу] мин[истра] госуд[арственных] имущ[еств].— коллективное. Главная редакция его сделана кн. Черкасским, с негласным участием Ник[олая] Милютина». «NB Хрущов тоже участвовал в составлении». Подпись неразборчива. Судя по слогу, а также по начертанию букв, запись сделана вскоре после издания книги.

58. В телеграмме наместника кн. М. Д. Горчакова Александру II 28 марта 1861 г. сообщалось: «Вчера снова против Замка собралось скопище. Оно разогнано оружием и бой несколько раз возобновлялся. Жителей убито около десяти, раненых столько же. Взято упорных до 45 человек. Наших убито пять человек».— См. С. С. Т а т и щ е в. Указ. соч., т. I, стр. 437.

59. В «Journal de St-Pétersbourg», 29 марта (10 апреля) 1864 г. помещены две телеграммы из Варшавы. В первой, от 27 марта, сообщалось об огромной манифестации в Варшаве по поводу закрытия Земледельческого общества. Толпа демонстрантов была рассеяна. Во второй, от 28 марта, дополнительно сообщалось, что толпы народа были разогнаны с помощью военной силы. Было пять человек убитых.

60. Вероятно, имеется в виду «Neinesis divina» Карла Линнея, представляющее собой как бы духовное завещание сыну. Это сочинение, состоящее из отрывочных изречений, примеров, наблюдений, которыми автор пытался объяснить сыну законы устройства вселенной, было найдено в Кольмаре много лет спустя после смерти К. Линнея.— См. гр. Л. Э н г е ш т р э м. Карл Линней. СПб., 1876, стр. 115—120.

61. Вероятно, имеется в виду студент Московского университета Петр Петров, подавший 20 ноября 1831 г. донос на преподавателя французского языка Декампа и трех студентов, в котором сообщал об их попытке создать тайное общество. По словам Петрова, один из членов его, Иван Оболенский, «худо отзывался об государе, не желавшем объявить всех крепостных людей вольными, и предложил свое мнение, состоящее в том, чтоб перерезать всех господ и посягнуть на жизнь государя» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 709 за 1831 г. «По доносу студента Московского университета Петрова (оказавшегося помешанным в уме) на лектора Декампа и студентов Лебедева, Оболенского и Панченко, о заговоре их будто бы против правительства», л. 19).

62. Речь идет о второй «Грамотке» М. П. Погодина, написанной в апреле 1861 г. по поводу освобождения крестьянства от крепостной зависимости.— См. Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 18, СПб., 1904, стр. 47—61.

63. Имеется в виду Антонина Дмитриевна Блудова.

63а. 4 апреля 1861 г. в Комитете министров слушалось прошение откупщиков Курского винного откупа В. А. Кокорева и Мамонтова о предоставлении им льготы в связи с тем, что работы по сооружению Московско-Феодосийской железной дороги в районе Курской губ. еще не начаты, вследствие чего продажа вина идет неудовлетворительно (еще ранее в 1859 г. с соответствующей просьбой о льготах обращались два других компаньона Курского винного откупа, которая и была удовлетворена). Министр финансов А. М. Княжевич рекомендовал удовлетворить просьбу

Кокорева и Мамонтова, снизив платеж на 586 560 руб. Председатель Комитета министров и 14 членов возражали против этой льготы, полагая, что придется ее оказывать и откупщикам других губерний. «При всем этом,— говорилось в журнале,— председательствующий и 14 членов не могут не принять во внимание, что в случае неисправности содержателей Курского откупа, откуп сей должен поступить в казну и что ...убытки казны будут неминуемы... Посему председательствующий и 14 членов считают возможным оказать содержателям Курского откупа такую льготу, которая, предохраняя их от неисправности, распространялась бы однако же ... только на неистекшую часть четырехлетнего периода, а не на весь период...» (ЦГИАЛ ф. Комитета министров 1263, д. 2893, «Журнал заседания 4 IV 1861 г.» ст. 297, лл. 71—72).

С этой целью они предлагали уменьшить платежи по откупу, начиная с 1 февраля 1861 г. по 100 тыс. руб. в год, имея в виду, что контракт истекает в декабре 1862 г. По-видимому, Блудов настаивал на предоставлении данной льготы, хотя в журнале заседания это не нашло своего отражения.

64. По-видимому, речь идет о записке кн. К. И. Васильчикова, являвшегося председателем комиссии для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий. В фонде коллекции военноученого архива (ВУА ЦГВИА) данной записки не обнаружено.

65. Записка Е. П. Ковалевского касалась способов прекращения волнений в университетах. Для рассмотрения ее была создана комиссия в составе В. И. Панина, С. Т. Строганова и В. А. Долгорукова.

Этот комитет или комиссия, по словам Герцена,— «второе третье отделение, назначенное исключительно против университетов и просвещения».— См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. II, стр. 118; о работе комиссии см. также Н. Родзевич. Отставка Е. П. Ковалевского.— «Исторический вестник», СПб., 1905, январь, т. XCIX, стр. 98—129.

65а. Речь идет о восстании крестьян в селах Кандеевке и Черногай Чембарского и Керенского уездов Пензенской губ.— См. сб. «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права». М.— Л., 1949, стр. 142 - 157; М. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 85—98.

66. В ЦГИАМ, ф. Секретного архива III отд. 109, оп. 3, д. 1975 имеется письмо министра финансов А. М. Княжевича от 9 апреля 1861 г. следующего содержания: «Полученное мною сегодня, по городской почте, безымянное письмо считаю долгом препроводить на благоусмотрение вашего сиятельства» (л. 1). К письму приложен «Манифест». Перед текстом «Манифеста» помещено следующее обращение к адресату: «На другой день Манифеста 19 февраля был государем императором подписан другой, но по неизвестной причине не был обнародован доселе. Копию с сего манифеста сообщаем при сем Вашему Высокопревосходительству» (л. 2). Текст манифеста опубликован Б. П. Козьминым в журнале «Красный архив», 1933, т. 1 (56), стр. 142—143. В вводной статье к публикации указывается, что III отделение заподозрило в распространении этого манифеста Н. Г. Чернышевского. Два других экземпляра, посланных кн. Е. П. Кочубею и М. Н. Муравьеву, находятся также в ф. III отд., 1 эксп., д. 125 за 1861 г. Как справедливо утверждает Б. П. Козьмин, манифест вышел из кругов консервативного дворянства, стремившегося к ограничению императорской власти.

67. Имеется в виду «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым». Лондон, 3 выпуска — 1860, 1861, 1862.

68. В опубликованной записке И. П. Липранди (1853 г.) «Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в рели-

гиозном, так и в политическом их значении с некоторыми по сему предмету примечаниями» о наполеоновщине говорится, что секта поклонников Наполеона возникла в 1820 г. в Белостоке и в Пскове. В 1844 г. эта секта появляется в Москве в среде хлыстов и некоторых толков беспоповщины. Поклонники Наполеона в Москве собирались тайно для совершения некоторых обрядов и пророчеств и для поклонения бюсту Наполеона как божеству.— См. «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым», Лондон, 1861 стр. 135—136.

69. Увольнение С. С. Ланского, а также Н. А. Милютина, бывшего товарищем министра внутренних дел, явилось результатом определенной уступки консервативным слоям дворянства, недовольным Положениями 19 февраля. Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» рассказывает по этому поводу следующее: «Удаление Ланского и в особенности моего брата было неизбежным последствием той непрерывной интриги, которая велась противниками освобождения крестьян. Государь удерживался против течения, пока эти личности были необходимы для доведения крестьянского дела до конца; но раз, что цель была достигнута и новое положение вошло в силу, государь, по свойству своего характера, счел нужным смягчить неудовольствие, которое совершившаяся великая реформа произвела на помещичье сословие, и примирить сколько возможно с новым Положением те личности, интересы которых были затронуты принятою государственною мерою. Для этого самое приведение в исполнение нового закона должно было быть вырвано из рук тех, которые навлекли на себя ненависть помещичьего сословия, и вверено таким личностям, которых нельзя было ни в каком случае заподозрить во враждебности к дворянству. В этих-то видах преемником Ланского назначен был статс-секретарь Петр Александрович Валуев».— Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина 169, п. 9, д. 17, лл. 120—121. «Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг.».

70. Имеется в виду рапорт гр. А. С. Апраксина Александру II от 15 апреля 1861 г. № 1 о событиях в селе Бездне Спасского у. Казанской губ. Опубликован в журнале «Красный архив», 1929, т. 4(35), стр. 180—184 и в сб. «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I. М.— Л., 1949, стр. 66—69.

71. Полицейские суды создавались в западных губерниях (в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине) в связи с распространением польского национально-освободительного движения на эти районы. Задача полицейских судов заключалась в том, чтобы «подчинить проступки, обнаруживающие недоброжелательство к правительству, и нарушение общественного спокойствия разбирательству в судебно-полицейском порядке, который в пределах строгой законности может соединять в себе быстроту и несложность форм делопроизводства». Первая инстанция («степень») этих судов создавалась в губернских городах при находящемся в губернском городе уездном суде, вторая инстанция — апелляционные полицейские суды учреждались в Вильно и Киеве. Решения апелляционной инстанции были окончательны и могли быть отменены лишь императором.— ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, отд. 2, № 37327.

72. Речь идет о студентах П. Г. Заичневском и П. Э. Аргиропуло, арестованных за революционную деятельность 22 июля 1861 г.— См. ЦГИАМ, ф. 109 «Всеподданнейшие отчеты III отд. с. е. и. в. к. и корпуса жандармов за 1861 год», лл. 60—63; М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.— Пг., 1923, стр. 3—54; Б. П. Козьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932.

73. Речь идет о губернских дворянских собраниях.

74. 16 апреля 1859 г. был издан закон, приостанавливающий выдачу ссуд из Государственного заемного банка, сохранных касс, опекунских

советов и приказов общественного призрения (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIV, отд. 1, № 34379). В связи с этим в целях поддержания дворянского землевладения летом 1859 г. была образована комиссия для выработки проекта земских банков. Комиссия положила в основу ипотечного кредита систему частных банков. За время работы (21 августа 1859—13 февраля 1860 г.) она не достигла никаких практических результатов и была закрыта.— См. «Труды комиссии для устройства земских банков», т. 1—2, СПб., 1859—1860.

75. П. А. Валуев допускает некоторую неточность. Этот вопрос если и обсуждался в Комитете министров, то не в официальном заседании, а в частном совещании. Вообще, по данным журнала Комитета министров, вопрос о 16 западных фирмах в 1861 г. не рассматривался.— См. ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, Журналы заседаний за 1861 г.

76. О привлеченных по делу П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 212 за 1861 г. «Об издании и распространении злоумышленных сочинений и о лицах, участвующих в оном, студентах Московского университета Аргиропуло, Заичневском, Ященко и отставном корнете Костомарове»; а также М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов, стр. 46—50.

77. Имеется в виду прокламация «К молодому поколению», написанная М. И. Михайловым совместно с Н. В. Шелгуновым. См. «Прокламации шестидесятых годов», М.— Л., 1926, стр. 41—58.

78. Речь идет об общественном оживлении в Финляндии, вызванном борьбой за восстановление конституции. Диктаторские действия генерал-губернатора гр. Ф. Ф. Берга вызывали недовольство широких слоев финского общества. В конце 1861 г. вместо Ф. Ф. Берга генерал-губернатором был назначен бар. П. И. Рокасовский.— См. М. Бородкин. История Финляндии — время императора Александра II. СПб., 1908, стр. 91—115.

79. Речь идет, по-видимому, об инструкции, составленной П. А. Валуевым виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову, в которой были намечены меры по борьбе с польским национально-освободительным движением. В архивных фондах Министерства внутренних дел отпуска этой инструкции не обнаружено.

80. С 1861 г. орган Военного министерства газета «Русский инвалид» стала издаваться как газета «военная, политическая, литературная и ученая». В ней освещалась не только военная жизнь; большое место отводилось подготовляемым реформам. По своей политической направленности газета занимала умеренно-либеральную позицию, выражая сочувствие осуществляемым преобразованиям. Редактором ее был назначен Н. Писаревский.

80а. Вероятно, имеется в виду распространение первого и второго номеров «Великорусса», а также прокламаций «К молодому поколению».— См. комментарии 77, 91а.

81. Имеется в виду доклад министра внутренних дел П. А. Валуева от 15 сентября 1861 г.— ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел Министерства внутренних дел 1284, оп. 241, д. 185, лл. 1—49.

82. См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, I эксп., д. 274 за 1861 г. «О розыскании виновных в распространении между народом и войском возмутительного воззвания под названием „К молодому поколению“»; см. также М. К. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского, стр. 12—25.

83. Gouv[ernement] provisoire — так называемый регентский совет, неофициально создававшийся во время отъезда Александра II из столицы.

84. Отставной чиновник Э. П. Перцов обвинялся «в составлении и хранении преступных бумаг» и подозревался в сношениях с А. И. Герценом. В действительности он был его корреспондентом. В августе 1861 г.

III отделением было перлюстрировано письмо на имя Э. П. Перцова из Казани, в котором находились материалы о событиях в селе Бездне, в частности копия рапорта гр. А. С. Апраксина 15 апреля 1861 г. При аресте у Перцова было обнаружено большое количество различных рукописей. В некоторых из них содержится описание событий, связанных с опубликованием Положений 19 февраля. III отделение предложило подвергнуть его заключению в крепость на 1 год. На основе резолюции Александра II Э. П. Перцов был заключен в крепость на шесть месяцев, а затем был выслан в Новгород под надзор полиции. Записки Э. П. Перцова о крестьянской реформе опубликованы в журнале «Красный архив», 1926, т. 3(16), стр. 118—162. Дело по обвинению Э. П. Перцова см. в ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 237 за 1860 г.

85. Поводом к волнениям в Университете послужило введение матрикул, предусматривавших ряд стеснительных мер в отношении студентов и их общественных организаций. В частности, были запрещены сходки.

В результате происшедших волнений 24 сентября Университет был закрыт. О событиях в Университете см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 277 за 1861 г.; Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 244—248; М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 468—479; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-х годах XIX в. М., 1958, стр. 177—180.

85а. Указанных записок в фонде Александра II не сохранилось. Черновых экземпляров нет также и в фонде П. А. Валуева.

86. См. комментарий 85.

87. В результате этих переговоров «Наше время» превратилось в официозное издание, получающее субсидии от правительства. Редактором его был Н. Ф. Павлов.

87а. Указанных записок в фонде П. А. Валуева нет (ЦГИАЛ, ф. 908).

88. 12 октября 1861 г. в связи с волнениями студентов Петербургского университета было арестовано 280 человек. Кроме студентов, в числе арестованных были и лица «разных званий». Список арестованных см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 277, ч. 3 за 1861 г., лл. 69—83.

89. О волнениях студентов Московского университета, см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 375, ч. 1 за 1861 г.; «Колокол», 22 ноября 1861 г., л. 113 «Московская бойня студентов»; И. А. Худяков. Записки каракозовца, М.— Л., 1930, стр. 54—61; С. Ашевский. Русское студенчество в эпоху 60-х годов (1855—1863 г.).— «Современный мир», 1907, т. 10, стр. 48—62; «История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 249—454; П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958, стр. 94—121.

90. Эта фраза действительно содержится в записке П. А. Валуева от 15 сентября 1861 г. о ходе крестьянского дела (ЦГИАЛ, ф. департамента общих дел Министерства внутренних дел 1284, оп. 241, д. 185, лл. 28—29).

91. А. Велепольский выступал против репрессивных мер, предпринимавшихся наместниками, в частности против объявления Царства Польского на военном положении. В знак протеста 10 октября он подал в отставку, которая была отклонена. После донесения об этом наместника генерала Н. О. Сухозанета Александру II последний 19 октября послал в Варшаву следующую телеграмму: «Велепольский не может быть долее терпим в Варшаве, и потому объявите ему мое приказание о немедленном отправлении сюда. Если он осмелится ослушаться, то арестовать в цитадели и донести» (С. С. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 446).

91а. В 1861 г. группа демократически настроенной молодежи: В. А. Обручев, В. Ф. Лугинин, П. И. Боков и др. издала нелегально три номера листка «Великорусс». В нем содержалась резкая критика крестьянской реформы и выдвигалось требование передачи крестьянам всей земли, которой они ранее пользовались, и выкупа ее «на счет всей на-

ции». Здесь же ставился вопрос о проведении ряда буржуазных преобразований и разработки демократической конституции. Обращаясь к «образованным классам», «Великорусс» предлагал организовать кампанию для подачи адреса императору, в котором содержалось бы требование созыва народных представителей для осуществления намеченной политической программы. В случае если «образованные классы» не решатся действовать, «Великорусс» полагал необходимым обратиться к «простому народу», «с ним будем принуждены говорить уже не таким языком и не о таких вещах».

Текст номеров «Великорусса» опубликован в сб. «Прокламации 60-х гг.», М.— Л., 1926, стр. 27—38. См. также М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 357—398.

92. Совет министров был образован в ноябре 1857 г. Однако создание его было юридически оформлено лишь 12 ноября 1861 г. (ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, отд. 2, № 37619). Совет должен был объединять и координировать действия министерств, особенно в связи с подготовляемыми реформами. С конца 60-х годов деятельность Совета министров стала ослабевать, а с начала 80-х вовсе прекратилась. хотя юридически он не был ликвидирован. Председателем Совета министров был император.— См. ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275.

93. Имеется в виду Главный комитет об устройстве сельского состояния.

94. Речь идет о книгах бар. М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», т. 1—2, СПб., 1861 и «Восшествие на престол императора Николая 1-го». СПб., 1857.

95. Имеется в виду газета «Северная почта», редактором которой первоначально был А. В. Никитенко.

96. Имеется в виду записка П. А. Валуева, содержащая «Дополнительные правила о внесении дел в Совет министров и о порядке рассмотрения этих дел в Совете». На заседании Совета министров 2 ноября она была прочтена и одобрена Александром II. На основе записки государственному секретарю В. П. Буткову и Ф. П. Корнилову было поручено составить проект «высочайшего» повеления о правилах для руководства Совета министров.— См. ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, оп. 1, д. 1, лл. 31—34.

97. Н. О. Сухозанет, действительно, был человеком весьма ограниченным и невежественным. Об этом свидетельствует собственноручная деловая записка Н. О. Сухозанета, хранящаяся в архиве Д. А. Милютина: «Были ли бумаги сии как ето по постановлению следует разсмотрены товарищем моим, и он ли уже сам признал нужным дабы доклад о сих делах был зделан прямо мой директором департамента, в таком разе. при присутствии товарища предъявить мне оное по окончании заседания Военного совета в канцелярии Воен[ного] министерства 12 апреля 1861».— См. Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина 169, к. 75, д. 85, л. 12.

98. О содержании переговоров П. А. Валуева с митрополитом Московским Филаретом по поводу привлечения членов Синода к работе Государственного совета см. доклад 16 ноября 1861 г.— ЦГИАМ, ф. П. А. Валуева, 544, оп. 1, д. 12, лл. 18—21.

Митрополит Филарет возражал против постоянного участия духовных лиц в деятельности Государственного совета, предпочитая «их в конференции между Синодом и Сенатом, или же приглашения в известных случаях делегации Св. синода в Государственный Совет» (л. 21).

99. Эта фраза содержится в частном письме М. М. Сперанского управляющему Министерством внутренних дел гр. В. П. Кочубею 20 мая 1820 г.— См. М. А. Корф. Жизнь графа Сперанского т. 2, СПб., 1861, стр. 249.

100. Имена указанных «литераторов» установить не удалось.

101. Имеется в виду газета «Северная почта», издававшаяся вместо «Журнала Министерства внутренних дел». А. В. Никитенко пробыл редактором недолго.

102. Очевидно, имеется в виду доклад П. А. Валуева от 30 ноября 1861 г. о создании особого комитета под председательством вел. кн. Константина Николаевича для рассмотрения вопроса о положении православного духовенства в Западном крае.— ЦГИАМ, ф. П. А. Валуева 544, оп. 1, д. 12, лл. 22—23.

103. Речь идет о предложении кн. П. П. Гагарина, внесенном им в Государственный совет 10 февраля 1861 г. при обсуждении Положений 19 февраля. В дальнейшем оно рассматривалось в особой междуведомственной комиссии.

Суть его заключалась в том, что крестьянам предоставлялось право принять на себя по добровольному соглашению долг помещика кредитным учреждениям, а помещику — наделить крестьян таким количеством земли, стоимость которой при оценке равнялась бы сумме долга.— См. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета по крестьянскому делу 1180, оп. т. 15, д. 67 за 1861 г., лл. 205—212.

104. В декабре 1861 г. на очередном губернском дворянском собрании группа депутатов во главе с губернским предводителем дворянства В. П. Мининым внесла предложение обратиться с адресом к императору. «Положение о временнообязанных крестьянах и дворовых людях,— говорилось в адресе,— до сего времени оказывается неудовлетворительным; проистекающие из того затруднения и столкновения интересов расстраивают хозяйство, сеют гибельный раздор между крестьянами и помещиками, причиняют неисчислимый вред земледелию... Дворянство, лишаясь более половины принадлежащей ему земли за оброк, не соответствующий ценности ее, не имеет возможности получить доход и с той земли, которая остается в его владении потому, что обязательный труд людей свободных немыслим, а при избыточном наделе их землей, вольнонаемный убыточен». (Государственный архив Тульской обл., ф. канц. губернатора 90, д. 26303, л. 6). Для облегчения положения помещиков тульские дворяне ходатайствовали: а) разрешить переводить крестьян с барщины на оброк «независимо от их согласия, с обеспечением этого оброка правительством», б) разрешить помещикам производить немедленное разверстание угодий, в) в случае нежелания крестьян переходить на выкуп, разрешить помещикам передать в казну крестьянские наделы, г) ускорить выдачу мелкопоместным дворянам предусмотренных Положениями денежных пособий, а также реализацию других льгот.

В заключение предлагалось создать комиссию из представителей дворян всех губерний «для составления проектов новых законоположений» (там же, л. 8). Адрес был подписан меньшинством съезда (94 из 467).

В январе 1862 г. П. А. Валуев сообщил губернатору, что «Предметы ходатайства, в 4 пунктах всеподданнейшего прошения изложенные, касаются вопросов, которые уже имеются в виду правительства и получат разрешение сообразно с общими потребностями и пользами государства. Особое ходатайство об учреждении из членов от разных губерний комиссии для составления проектов по различным отраслям государственного преобразования, как выходящее из круга тех суждений, кои по закону представлены дворянским собраниям, оставлено без последствий, как неосновательное и неуместное» (там же, л. 18). Бывшему губернскому предводителю дворянства В. П. Минину было поставлено на вид, и он не был утвержден в должности. Об этих событиях рассказывается в письме кн. В. А. Черкасского А. И. Васильчикову (см. О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса, т. I, кн. 2, М., 1904, стр. 320—322).

105. 22 декабря 1861 г. в заседании соединенного присутствия департаментов Государственного совета рассматривались два проекта общественного управления Москвы. Первый —«Проект учреждения Московского городового управления», принадлежавший Комитету для составления предположений об улучшении в Москве городского общественного управления во главе с генерал-губернатором П. А. Тучковым, и второй — «Проект положения об общественном управлении г. Москвы», составленный в Министерстве внутренних дел.

Проекты эти отличались друг от друга в вопросе о составе общей городской думы. В Общем собрании Государственного совета 29 января 1862 г. за проект министерства было подано 23 голоса, за московский — 22. Александр II поддержал мнение большинства.— См. ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета 1149, оп. т. V, д. 90 за 1861 г., лл. 335—344; Б. В. Златоустовский. Московское городское самоуправление в период буржуазных реформ 60-х годов XIX в., рукоп. канд. диссертации. М., 1953; «История Москвы», т. 4, М., 1954, стр. 461—515.

106. По-видимому, речь идет о статье «Областные земские собрания и советы», помещенной в «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», т. I, СПб., 1862, стр. 3—48.

Анализ этой статьи дает основание полагать, что она принадлежит перу А. П. Щапова. В ней развиваются идеи областной автономии, а также идеализируется древнерусский земский строй, который должен служить образцом при проведении намечаемых реформ местных учреждений. «Провинциальные земские собрания и советы,— указывалось в конце статьи,— зачатки которых были и в древней народной России, представляют лучший способ для преобразования губернских учреждений и лучшую, самую естественную замену их» (стр. 48).

107. Газета «День» умеренно-либерального, славянофильского направления издавалась с перерывами в Москве И. С. Аксаковым с октября 1861 г. по 1865 г. Большое внимание в газете уделялось проведению в жизнь крестьянской реформы 1861 г.

108. По-видимому, речь идет о деятельности проф. Н. И. Костомарова по поводу открытия систематического курса публичных лекций, получившего затем наименование «вольного университета».

Эпизодически публичные лекции читались рядом профессоров, в том числе и Н. И. Костомаровым с 1859 г. Однако, когда был закрыт университет, возник вопрос о необходимости чтения университетских курсов. В своей автобиографии Н. И. Костомаров писал: «...я начал писать в газетах об открытии вольного университета и вместе с другими хлопотал о разрешении публичных лекций, которые начались в Думе в январе 1862 г.» (Автобиография Н. И. Костомарова, «Русская мысль», 1885, кн. 6, стр. 38). Среди читавших курсы были такие профессора и преподаватели Петербургского университета, как Кавелин — по гражданскому праву, Спасович — по уголовному праву, Утин — по сравнительному законодательству, Андреевский — по полицейскому праву и по истории философии права, Костомаров — по русской истории, Стасюлевич — по всеобщей истории (средние века), Менделеев — по химии, Фаминцын — по ботанике, Горлов — по политической экономии, Благовещенский — по римской литературе, Павлов — по всеобщей истории, Калиновский — по финансовому праву. А. Н. Островскому было разрешено прочесть драму «Кузьма Минин» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 57 за 1862 г. «О разрешении некоторым учителям и профессорам открыть в С.-Петербурге курс публичных лекций по утвержденному Министерством народного просвещения положению», л. 9). В этом деле имеются агентурные данные, содержащие характеристику лекций, а также реакцию слушателей. Больше всего осуждалось направление лекций Н. И. Костомарова. Так,

в отзыве о лекции 6 февраля «Характеристика единодержавия в XVI в.» агент III отделения писал: «...жалею, что профессор дал драгоценному для всех русских слову государь значение, его недостойное, язвительное и, думаю, неверное (там же, л. 20).— См. также М. К. Лемке. Дело о «публичных лекциях» в 1860-х годах (по неопубликованным документам). Материалы к истории русской общественности (оттиск из «Историко-литературного сборника», посвященного И. И. Срезневскому (1891—1916 гг.), Л., 1924, стр. 35—46).

109. За январь и февраль 1862 г. никаких заметок по поводу статей И. С. Аксакова в газете «День» в «Северной почте» не находим. В № 50 газеты за 6 марта 1862 г. в неофициальном отделе был напечатан, по-видимому, инспирированный отзыв о газете «День» одной из варшавских газет. В заметке говорилось: «„День“, как и все ярые славянофилы, считает, кажется, славянское племя чем-то особенным, едва ли не исключенным из общих законов человечества. Славянизм должен пойти руку в руку с Западом и западными идеями, что не препятствует ему сохранить свой отличительный характер и свои собственные силы. Таким образом в России понимал эту великую задачу Петр I».

110. 11 января 1862 г. один из лидеров дворянской оппозиции Н. А. Безобразов выступил с предложением поставить вопрос о необходимости изменения Положений 19 февраля 1861 г.

Предложения Н. А. Безобразова были изложены в его записке «О дальнейшем приведении в действие нового положения о поместных крестьянах». Эти предложения содержали 12 пунктов. В первом пункте предлагалось «исправить новое положение о поместных крестьянах как в его подробностях, так и в видах соглашения оного с непоколебимыми основаниями, преподанными в жалованной дворянству грамоте» (подчеркнуто автором.— *П. З.*). В целях этого предлагалось избрать от каждой губернии по два дворянина. Далее указывалось на необходимость издания особого указа, с тем чтобы крестьяне «не питали суетной надежды о получении каких-либо новых льгот». Н. А. Безобразов настаивал на сохранении за помещиком права отменять мирские выборы и решения сходов, а также удаления из поместья «всякого непокорного помещичьего крестьянина». Н. А. Безобразов выдвигал требование о замене двухлетнего срока, установленного для введения в действие Положений 19 февраля 1861 г. 12-летним. Мировые посредники, по мысли Н. А. Безобразова, должны были избираться дворянством. Материалы о выступлении Н. А. Безобразова и событиях, происшедших на съезде, см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 33, ч. 1 за 1862 г.; см. также ЦГИАМ, ф. Александра II 678, оп. 1, д. 609. Речь и записка Безобразова были опубликованы в книге «Предложения дворянству», Берлин, 1862, стр. 5—40.

111. Статья помещена в «Северной почте» 17 января 1862 г. В этой статье дворянство призывалось быть «первым сотрудником правительства на поприще совершаемых им преобразований и преимущественно на пути окончательного разрешения крестьянского вопроса и постепенного установления нового порядка администрации, представляющего больший простор в делах местного управления». Далее указывалось, что «если материальные интересы дворянства стеснены или нарушены неизбежными последствиями крестьянской реформы, то, с другой стороны, правительство не уклоняется от оказания ему надлежащей помощи». Статья являлась ответом на оппозиционные выпады, происходившие на дворянских съездах.

112. Имеется в виду циркулярное письмо министра внутренних дел П. А. Валуева губернским предводителям дворянства 16 января 1862 г. Текст письма опубликован в статье П. Зеленого «Херсонское дворянство и херсонская губерния в 1862 году» в журнале «Северный вестник» 1889.

№ 8. В письме указывалось, что решения дворянских собраний «заключают в себе начала, противоречащие коренным основаниям Полож[ений] 19 февраля, изображают в преувеличенном виде нынешние затруднения и нужды землевладельцев и направлены частью к исходатайствованию существенных изменений в вышеозначенных положениях». П. А. Валуев отметил также, что «другие предположения совершенно выходят из определенного законами круга предметов, подлежащих обсуждению дворянских собраний».

Содержание письма излагается и частично приводится Б. Б. Веселовским в его работе «История земства за 40 лет», т. 3, СПб., 1911, стр. 10.

112а. Т. е. от вел. кн. Константина Николаевича.

113. Речь идет о «всеподданнейшем» докладе военного министра 15 января 1862 г., содержащем план военных реформ. Напечатан в кн. «Столетие Военного министерства» в приложении к историческому очерку военного управления в России, т. I, СПб., 1902.

Изложение доклада приводится в книге П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870-х годов. М., 1952, стр. 41—67.

114. Сооружение дворца (ныне дворец Труда) по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера начато было в 1853 г. и окончено в 1861 г.— См. «Памятники архитектуры Ленинграда», Л., 1958, стр. 308.

115. Комиссия о губернских и уездных учреждениях была образована 27 марта 1859 г. для предварительной разработки земской реформы и общего преобразования полиции. Архив Комиссии о губернских и уездных учреждениях (ф. 1316) находится в ЦГИАЛ; см. также «Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях», СПб., 1861—1863.

116. На дворянском собрании С.-Петербургской губернии царскосельский уездный предводитель дворянства А. П. Платонов внес предложение ходатайствовать об учреждении «общего в империи народного представительства, т. е. соединение в одну Государственную земскую думу представителей или выборных людей от всех частей государства, как для представления верховному правительству нужд народных, так и для совокупного обсуждения изготовляемых законоположений и важных мер правительственных прежде утверждения их верховной властью» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 33, ч. 4 за 1862 г. «О дворянских выборах по С.-Петербургской губернии», л. 18). В своей речи он ссылался на пример сословного представительства в древних земских соборах. Текст речи А. П. Платонова см. то же дело, лл. 15—24.

По предложению гр. А. П. Шувалова дворянское собрание отложило рассмотрение заявления А. П. Платонова на год.— См. там же, а также «Письмо к редактору» в «Сборнике статей, не дозволенных цензурой в 1862 г.», т. 1, СПб., 1862, стр. 338—342.

116а. Речь идет о виньетке в сатирическом журнале «Гудок», издававшемся в 1862—1863 гг. еженедельно как приложение к журналу «Русский мир», а также самостоятельно. Редактором журнала был поэт Д. Д. Минаев. Виньетка, о которой идет речь, была написана художником А. Богдановым. На виньетке был изображен также Герцен, помещена она была только в первых четырех номерах.

117. Под псевдонимом Д. К. Schédo-Ferroti скрывался бар. Ф. И. Фиркс, чиновник особых поручений Министерства финансов в Лондоне. В августе 1861 г. он выпустил на французском языке брошюру «Lettre à monsieur Herzen», в которой давалась общая характеристика деятельности А. И. Герцена с правительственных позиций. В декабре 1861 г. появилась вторая брошюра «Lettre de m-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une replique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti» («Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти»). Она была напечатана на русском и французском языках по поводу известного открытого

письма А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне бар. Ф. И. Бруннову «Бруты и Кассии III отделения» («Колокол», 15 октября 1861 г., л. 109). В течение 1862 г. вторая брошюра издавалась четыре раза.— См. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 142—150; Ч.— Ветринский. Герцен, СПб., 1908, стр. 366.

В ответ на брошюру Шедо-Ферроти была написана Д. И. Писаревым статья, послужившая причиной его ареста. Она оканчивалась словами, что самодержавие «не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы». См. М. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, стр. 122—130.

118. Подразумевается креатура вел. кн. Константина Николаевича.

119. Дворец вел. кн. Михаила Николаевича или Новомихайловский дворец (Дворцовая набережная, дом № 18) построен в XVIII в. и первоначально принадлежал гр. Шереметевым; в начале XIX в. перестроен А. Н. Воронихиным. В 1857—1861 гг. вновь перестроен архитектором А. И. Штакеншнейдером. См. «Памятники архитектуры Ленинграда», Л., 1958, стр. 310.

120. На московском дворянском съезде обсуждался и был принят проект «всеподданнейшего» адреса. Текст его см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп. д. 33, ч. 1 за 1862 г. «О дворянских выборах в Московской губернии», лл. 35—37. В адресе предлагались «меры, могущие вывести наше отечество из затруднительного положения» (то же дело, л. 36). К этим мерам относились «возможно большее расширение выборного начала в государственной службе и больший простор, данный местному самоуправлению, а также «строгая отчетность и ответственность пред законом всех и каждого» (там же, л. 36). Вторым требованием было «ограждение прав личных и имущественных всех граждан государства» (там же, л. 36).

«Прекращение враждебных отношений между дворянством и крестьянством» в адресе предлагалось разрешить «посредством обязательного разверстания угодий». Кроме того, указывалось на необходимость «обнародования государственных долгов и смет государственного бюджета», а также «гласного обсуждения в печати вопросов, касающихся преобразований во всех отраслях» (там же, л. 36).

121. 1—3 февраля 1862 г. на чрезвычайном губернском дворянском собрании тверское дворянство выступило с критикой Положений 19 февраля и требованием установления обязательного выкупа и проведения ряда буржуазных реформ. В соответствии с этим был направлен на имя Александра I адрес, подписанный губернским предводителем дворянства, 9 уездными предводителями и 103 депутатами.

В адресе критиковались Положения 19 февраля с либеральных позиций: «Манифест 19 февраля, объявивший волю народу,— указывалось в адресе,— улучшив несколько материальное положение крестьян, не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом. Здравый смысл народа не может согласить объявленной В[ашим] В[еличеством] воли с существующими обязательными отношениями к помещикам и с искусственным разделением сословий». Далее говорилось о необходимости немедленной ликвидации временнообязанных отношений и перевода крестьян на обязательный выкуп. При этом выкупные платежи рекомендовалось погасить «общими силами государства», не возлагая тягот их на одних только крестьян: «Дворянство, в силу сословных преимуществ, избавлялось до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь! Мы считаем кровным грехом пользоваться благами общественного порядка за

счет других сословий». Тверское дворянство просило разрешить ему уплату государственных податей в соответствии с состоянием каждого и указывало на необходимость отмены других дворянских привилегий. В заключение рекомендовалось созвать Собрание выборных «всей земли русской» для разрешения всех этих вопросов. Текст адреса см. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 447—449.

121а. По-видимому, речь идет о родственниках второй жены П. А. Валуева.

122. 27 мая (8 июня) 1862 г. был издан указ по Царству Польскому с целью согласовать управление с новыми учреждениями, а также «точнее определить власть наместника». В ст. 5 указа, в частности, заявлялось: «Непосредственное заведование гражданскою частью в Царстве принадлежит начальнику гражданского управления. Он председательствует в Совете управления... состоит членом Государственного совета, в котором занимает первое место между членами Совета управления, и есть непосредственный начальник правительственных комиссий и равных им гражданских управлений в Царстве» (стр. 8—10). Текст указа см. «Dziennik praw», т. 60, № 180, стр. 4—16.

123. 12 декабря 1861 г. на губернском съезде мировых посредников в Твери были подвергнуты критике Положения 19 февраля. Мировые посредники указывали на необходимость введения обязательного выкупа и осуществления ряда реформ. 5 февраля 1862 г. они заявили о том, что будут руководствоваться в своей деятельности постановлением губернского дворянского собрания 1—3 февраля.

«Мы считаем долгом,— писали они,— принять это убеждение за единственное руководство в нашей деятельности и заявляем, что всякий образ действий, противный этим убеждениям, признаем враждебным обществу» (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, стр. 74). Это заявление было подписано членом губернского присутствия Н. А. Бакуниным, председателем новоторжского уездного съезда, предводителем дворянства этого уезда А. А. Бакуниным, председателем Корчевского мирового съезда С. Балкашиным и мировыми посредниками Вышневолоцкого уезда П. Глазенапом, Н. Харламовым, А. Широкобоковым, Тверского — М. Лазаревым, Бежецкого — А. Демьяновым, А. Неведомским, Зубцовского — Б. Лихачевым, Корчевского — А. Кислинским, Новоторжского уезда — В. Кудрявцевым, Н. Полторацким.

21 февраля в «Северной почте» было сообщено об аресте мировых посредников и предании их суду.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 123 за 1862 г.; ф. Особого присутствия Сената 112, оп. 1, д. 4; «Колокол», 22 марта 1862 г., л. 126. Материалы по тверскому делу опубликованы в журнале «Освобождение» под ред. П. Струве, кн. I, Штутгарт, 1903, стр. 17—23.

124. 25 января, 1, 8, 22 февраля и 1 марта 1862 г. в Совете министров рассматривался доклад военного министра Д. А. Милютина от 15 января 1862 г., представляющий собой план военных преобразований.— ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, оп. 1, д. 27; см. комментарий 113.

125. См. комментарий 220.

126. Чрезвычайное дворянское собрание Рязанской губ. происходило с 26 февраля по 4 марта 1862 г. На собрании предводитель дворянства Ранненбургского уезда кн. С. В. Волконский в связи с обсуждением вопроса о поземельном кредите выступил со следующим заявлением от имени дворян уезда: «...дворянство видит, что шаткость кредитного рубля, спутанность поземельных отношений помещиков и крестьян и неудовлетворительность судов и администрации привели страну в затруднительное положение. В подобных обстоятельствах для обсуждения положения страны всегда созывались выборные от всех сословий, и

страна с успехом выходила из затруднений. Дворянство, оставаясь верным историческому развитию государства, находит необходимым и в настоящее время созвание выборных от всех сословий... и предлагает повергнуть на высочайшее воззрение государя императора всеподданнейшее прошение о следующих своих нуждах: 1 О разрешении немедленного разверстания угодий. 2. О выкупе крестьянских наделов государством. 3. О созвании выборных от всех сословий» (Государственный архив Рязанской области, ф. губернского предводителя дворянства 99, оп. 44, св. 37, д. 42, лл. 40—41). Заявление было подписано 12 дворянами уезда. Оно было поддержано дворянством Пронского, Сапожковского, Скопинского, Зарайского, Данковского и Касимовского уездов, которое считало необходимым разрешить следующие вопросы: 1. «Немедленное и окончательное разрешение крестьянского вопроса». 2. «Допущение разверстания угодий ныне же...» 3. «Обязательный выкуп крестьянских наделов рубль за рубль при содействии и обеспечении всего государства». Кроме того, они требовали «восстановления ценности кредитного рубля», безотлагательное «введение ипотечной системы», «устройство гласного и устного судопроизводства и самостоятельность суда», «преобразование полиции и администрации с полной ответственностью каждого лица за свои действия пред судом».

Одним из самых важных вопросов они считали обсуждение всех проектов законоположений при участии выборных от всех местностей, от всех сословий. «Дворянство упомянутых уездов признает необходимым созвание выборных от всех сословий, почему и полагает на основании 113 п. 135 ст. IX т. Свода законов обратиться о сем со всеподданнейшей просьбой к государю императору» (там же, л. 87).

1 марта 1862 г. на заседании съезда С. В. Волконский предложил произвести баллотировку по вопросу о созыве выборных от всех сословий. С этой целью была составлена комиссия, которая представила проект, несколько отличавшийся от первоначального. Так, в новой редакции проекта указывалось, что «для обсуждения и изыскания мер к удовлетворению крайних нужд дворянства и прочих сословий дворянство семи уездов признает необходимым созвание выборных от всех сословий на том основании, чтобы одно сословие не преобладало над другим и чтобы образование и имущественные интересы не были подавлены численностью массы» (там же, л. 102).

Таким образом, здесь содержалось требование обеспечить преобладание представителей дворянства среди выборных. За эту редакцию голосовало 114, против — 60. Надо сказать, что предводители дворянства пяти уездов из семи возбудивших первоначально вопрос о созыве выборных от всех сословий голосовали против новой редакции и демонстративно покинули собрание. После ухода предводителей и дворян указанных уездов был принят текст «всеподданнейшего» адреса, уже вовсе не ставивший вопроса о созыве выборных от всех сословий. Новый адрес заключал в себе следующие пункты: «допущение обязательного разверстания угодий немедленно», обязательная «замена барщины оброком», «обязательный для крестьян выкуп наделов, введение ипотечной системы, отмена описи имущества и продажи с аукциона за недоимки, ответственность полиции пред гласным и независимым судом», определение более действенных мер взысканий за потраву полей и лугов и за порубку лесов за круговой ответственностью сельских обществ и возложение на мировых посредников разбирательства и решения этого рода дел без ограничения цены иска. Последний пункт гласил об учреждении в уездах и губерниях особых землевладельческих собраний из всех сословий для обсуждения вопросов, «до интересов всего земства относящихся, независимо от уездных и губернских собраний дворянства» (там же, лл. 209—210).

Адрес рассматривался в Совете министров. Губернатору было указано довести до сведения дворян губернии, что некоторым мерам, перечисленным в адресе, «уже дается должное направление в Министерстве внутренних дел и из них оставляются без последствий только те, кои касаются предметов, не подлежащих обсуждению или возбуждению со стороны собраний».

127. По-видимому, заседание носило неофициальный характер, так как журнала за 6 марта 1862 г. не имеется.

128. 2 марта 1862 г. на литературном вечере профессор Петербургского университета П. В. Павлов произнес речь по поводу 1000-летия России. В этой речи П. В. Павлов ставил вопрос, правда, в завуалированной форме, о необходимости серьезных социальных преобразований.

Текст речи см. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 10—12. См. также «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», приложение 2 к сб. «Государственные преступления в России» под ред. Б. Базилевского, Париж, 1905, стр. 72—74. О проф. П. В. Павлове см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 133 за 1862 г.

129. После ссылки 5 марта 1862 г. П. В. Павлова профессора, систематически читавшие лекции в залах Думы, решили прекратить их, выразив тем самым протест правительству. Некоторые же, в том числе и Н. И. Костомаров, не согласились с этим. 8 марта собравшаяся на лекцию молодежь на заявление Н. И. Костомарова о продолжении курса ответила возмущением, устроив ему обструкцию.

За лицами, принимавшими участие в демонстрации против Н. И. Костомарова, был установлен секретный надзор. Так, в письме министра народного просвещения А. В. Головнина шефу жандармов В. А. Долгорукову от 14 марта 1862 г. говорилось, что Александр II приказал «учредить неотлагательно секретный надзор за теми лицами, участие коих в беспорядке следует предполагать по секретным сведениям» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 57 за 1862 г., л. 77).

В марте 1862 г. Н. И. Костомаров прекратил чтение лекций и вышел из состава профессоров университета. См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.— Л., 1934, стр. 197—210; см. также автобиографию Н. И. Костомарова.— «Русская мысль», 1885, № 5—6.

130. Речь идет об обсуждении в Совете министров проекта Министра государственных имуществ «Предположения о применении главных начал высочайше утвержденного в день 19 февраля 1861 г. Положения о вышедших из крепостной зависимости крестьянах к крестьянам государственным Великороссийских, Малороссийских, Новороссийских губ. и Бессарабской обл.» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181 оп. т. 15, д. 4, ч. 1 за 1861 г.). Проект реформы государственных крестьян вызвал возражения со стороны ряда членов Главного комитета и Совета министров.

В вопросе о выкупе земли Н. И. Бахтин считал необходимым «принадлежащие ныне к селениям государственных крестьян земли признать общественным их имуществом с тем, чтобы общества располагали ими по своему усмотрению, но не могли бы продавать их в посторонние руки». Это положение отражало точку зрения председателя Главного комитета вел. кн. Константина Николаевича, также выступавшего против выкупа. См. П. А. Зайончковский. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах.— «История СССР», 1958, № 4, стр. 105—113.

131. Имеется в виду комиссия для пересмотра системы податей и сборов при Министерстве финансов, работавшая с 1856 по 1882 г. Материалы комиссии хранятся в ЦГИАЛ, ф. 572.

132. См. комментарий 130.

132а. См. комментарий 194.

133. Сущность вормсского дела, по данным сохранившейся в фонде П. А. Валуева записки, заключается в следующем: крестьяне-шведы ряда островов Эстляндской губ. пользовались помещичьими землями за установленные еще в 1650 г. шведской королевой Христиной повинности. Все помещики заключили со шведскими крестьянами соответствующие договоры о размерах повинностей согласно нормам, установленным королевой Христиной. Однако помещик о. Вормса бар. Штакельберг не сделал этого, продолжая требовать с крестьян завышенные против указанных норм повинности.

Местная администрация в 1859 г., приняв сторону владельца, объявила крестьянам, что требования помещика законны. Это вызвало волнение крестьян, «которое, как указывается в записке, не могло быть укрощено даже при содействии военной команды» (ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 45, л. 22).

Вормские крестьяне послали депутацию к шведскому королю о заступничестве перед Александром II. Прибалтийский генерал-губернатор бар. В. К. Ливен обратился в Петербург, «испрашивая высочайшего соизволения» на отмену действия грамоты королевы Христины и на подчинение шведских крестьян общим правилам эстляндского положения. Вопрос о вормсских крестьянах обсуждался в Остзейском комитете. Фонд этого комитета не обнаружен

134. Никс — сын П. А. Валуева, Николай Петрович Валуев.

135. Как указывается в журнале заседания Комитета финансов от 28 марта 1862 г., бар. А. Л. Штиглицу были даны полномочия на переговоры с иностранными банкирскими домами о займе с целью установления нормального денежного курса.

На заседании министр финансов информировал Комитет финансов о ходе переговоров с Ротшильдом, который соглашался предоставить заем в размере от 10 до 20 млн. ф. ст. из расчета 5%. Комитет в своем постановлении еще раз подчеркнул, что получение займа может быть допущено только в целях улучшения денежного курса, «всякое же другое назначение нового займа послужило бы только к окончательному разорению финансов России» (ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 155, лл. 1—2).

135а. Имеются в виду записки Карла Августа Фарнгагена Varnhagen). «Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften», Baden, 1859.

136. См. комментарий 166.

137. П. А. Валуев предлагал распространить выкуп на «издельные имения», т. е. на крестьян, находившихся на барщине. Свое мнение он обосновывал тем, что следует указать, каким образом «принудительное отбывание издельной повинности, на основании Положений 19 февраля, может быть согласовано с охранением внутреннего спокойствия и с успешным движением сельского хозяйства и торговли» (ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 153, лл. 45—51).

138. Вероятно, имеется в виду прокламация «К офицерам», распространенная в Петербурге в начале апреля 1862 г. Прокламация исходила из либеральных кругов, в ней выдвигалось требование ряда реформ. «Каждый русский знает,— указывалось в ней,— что для блага его родины необходимо: освободить крестьян с землей, выдав помещикам вознаграждение, освободить народ от чиновников, от плетей и розог, дать обществу свободу самому распоряжаться своими делами, устроить суд гласный и дать право каждому свободно высказывать свои мысли». Прокламация опубликована в «Материалах для истории революционного движения в России 60-х гг.», приложение 2 к сб. «Государственные преступления в России».

139. Согласно статуту «Императорского ордена св. Равноапостольного

кн. Владимира», награждавшиеся этим орденом обязаны были сделать единовременный взнос «на дела богоугодные» в следующем количестве: 1-й степени — 180 руб., 2-й — 60 руб., 3-й — 30 руб., 4-й — 15 руб.— См. «Свод законов Российской империи», т. 1, 1857, ст. 546.

Впоследствии сумма единовременного взноса была увеличена: для 1-й степени — 450 руб; для 2-й — 225, для 3-й — 45, для 4-й — 40. От уплаты освобождались лица, награждавшиеся орденом 4-й степени за долголетнюю службу.— См. «Свод законов Российской империи, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг.», т. I, СПб., 1913, ст. 438.

140. Очевидно подразумевается известие о болезни сына, Александра Петровича Валуева.

141. Вероятно, имеются в виду всеподданнейшие записки кн. В. А. Долгорукова, датированные 27 апреля 1862 г. В первой из них автор указывал на «шаткость нашего общественного положения... смелость революционных происков, которая в особенности проявляется в среде литераторов, ученых и учащейся молодежи, зараженных идеями социализма» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 1 за 1862 г., л. 23). Перечислив факты революционного движения, автор заканчивал «Очерк политического состояния империи» изложением государственной программы, согласно которой в первую очередь следовало «употребить все возможные средства административные и финансовые к скорейшему решению крестьянского вопроса» (там же, л. 34). Кроме того, Долгоруков предлагал установить «ограничение свободы журналистики законом карательным и ответственностью редакторов» (там же, л. 35). Александр II наложил резолюцию: «С главными мерами, изложенными в шести пунктах, я совершенно согласен». Вторая записка от 27 апреля 1862 г. озаглавлена «О полицейских мерах». Указав на то, что в революционном движении проявляется «посягательство на изменение существующего образа правления и стремление к государственному перевороту» автор признает недостаточность «при настоящих обстоятельствах наблюдения со стороны III отделения». В. А. Долгоруков предложил «преобразовать исполнительные полиции обеих столиц соответственно потребностям настоящего времени», объединить деятельность полиции исполнительной и наблюдательной. При канцеляриях петербургского и московского оберполицмейстеров учредить секретные отделения, усилить полицию в губернских городах и т. д. (там же, лл. 36—38). Все эти меры должна была разработать особая комиссия по соглашению шефа жандармов с Министерством внутренних дел и петербургским генерал-губернатором. На этой записке рукою Александра II было написано: «По должном совещании с Мин. внутр. д. и кн. Суворовым приступить немедленно к исполнению предполагаемой Комиссии». Третья записка «О чрезвычайных мерах», также «высочайше» одобренная, заключала в себе предположение о производстве обысков у «сомнительных лиц». К этой записке в деле приложен «Список лицам, у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск», в котором называются Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, Н. Н. Обручев, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи и другие, всего 50 человек (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 1 за 1862 г., лл. 47—53).

142. Ст. 123 Местного великороссийского положения, так же как и 116 малороссийского (распространявшегося на Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую губ.), давала право помещику на основе добровольного соглашения с крестьянами предоставлять в дар четверть высшего размера надела при условии отказа от остальной находившейся в пользовании крестьян земли, поступавшей в полное распоряжение помещика. См. комментарий 32.

143. Вероятно, имеется в виду Григорий Григорьевич Перетц, яв-

лявшийся агентом III отд. по наблюдению за русской эмиграцией. Косвенные данные о том, что Г. Г. Перетц был послан в 1862 г. к А. И. Герцену, содержатся в статье Н. Г. Розенблюм «Г. Г. Перетц — агент III отделения».— См. «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 685—697.

144. 20 июля 1837 г. была образована компания по добыче золота в Восточной Сибири, возглавляемая купцом 2-й гильдии Титом Зотовым. Часть паев этой компании принадлежала коллежскому асессору Ивану Рышкину. Компания производила разработку приисков по рекам Диби и Оне. Позднее лично Т. Зотовым начали эксплуатироваться прииски в районе Енисея. В 1847 г. И. Рышкин подал в Екатеринбургский уездный суд иск на 521 256 руб. серебром, требуя признания его прав на все прииски, разрабатываемые Зотовым. Дело тянулось 15 лет и рассматривалось в различных департаментах Сената. В 1862 г. оно было передано на рассмотрение в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета, а затем обсуждалось в общем собрании. Большинство членов (30) высказалось в пользу И. Рышкина, предложив Пермской палате уголовного и гражданского суда составить расчет суммы, которая подлежала выдаче И. Рышкину.

Однако Александр II не утвердил мнений ни большинства, ни меньшинства и предложил передать разрешение вопроса третейскому суду. (См. ЦГИАЛ, ф. Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета 1151, оп. т. V, д. 28 за 1862 г., отделение гражданских дел). По-видимому, А. В. Паткуль, Н. А. Огарев, В. Ф. Адлерберг оказывали содействие одной из сторон.

144а. 27 апреля П. А. Валуев представил в Комитет министров записку «О надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями» (ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, «Журнал Комитета министров за май 1862 г.», ст. 321, лл. 12—33).

В записке Валуев указывал на распространение «возмутительных сочинений и воззваний», которые печатались не только за границей, но и в России. «Рассматривая ближе причину безуспешности полицейских розысканий и таможенных преград,— писал он,— нельзя не убедиться, что она лежит в неполноте и неудобоприменимости существующих постановлений по части надзора за произведениями печати и за теми заведениями, где оные в разных видах и при разных условиях предаются тиснению» (л. 12). Далее Валуев отмечал неудовлетворительность существующего законодательства и необходимость усилить надзор за типографиями. «Министерство внутренних дел,— писал он,— считает, что необходимо ввести, хотя временно, некоторые правила, которые, не изменяя существующего законодательства, облегчили бы его практическое применение» (л. 13).

Руководствуясь этим, он предлагал утвердить разработанные им меры. Наиболее важные из них заключались в следующем. Во-первых, предлагалось запретить продажу типографских машин и других принадлежностей без разрешения полиции. Во-вторых, предписывалось всем лицам, имевшим печатные и литографические станки, зарегистрировать их в полиции и получить соответствующее разрешение. В-третьих, владельцы типографии обязывались точно регистрировать все печатаемые ими рукописи в особой книге.

За нарушение всех этих правил устанавливалась система штрафов. Наблюдение за типографиями и литографиями в столичных полицейских управлениях поручалось особому чиновнику.

8 мая 1862 г. Комитет министров рассмотрел представленный проект и единогласно утвердил, внеся лишь ряд мелких изменений, преимущественно редакционного характера.

145. Имеются в виду Временные правила по цензуре, утвержденные 12 мая 1862 г.— См. ПСЗ, 2 собр., т. XXXVII, отд. 1, № 38270; см. также М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг., стр. 166—179.

На основе этих правил уже 19 июня «Современник» и «Русское слово» были приостановлены на 8 месяцев. В этом же месяце было приостановлено издание газеты «День» и редактор ее И. С. Аксаков был отстранен.

146. Студент Академии художеств Михаил Карамышев, происходивший из удельных крестьян Архангельской губ., 6 мая 1862 г., встретясь с седельным учеником Кавалергардского полка Рудольфом Вагнером в трактире, вступил с ним в разговор и стал читать ему «выписки и воззвания из «Колокола», возмутительные стихи и чрезвычайно дерзко выражался о священной особе государя императора» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 5 за 1862 г., л. 1). Как сообщалось в полицейском донесении, М. Карамышев просил Вагнера передать его товарищам, «чтобы они шли против своего начальства и старались, чтобы была республика и если бы что случилось, то не стреляли бы в них (указывая на себя), а в свое начальство; упоминал также о несправедливости против Михайлова (ссыльного); отзывался дурно о государе и затем начал читать рукописи» (л. 3). При обыске у него были найдены несколько прокламаций и «разных выписок преступного содержания» (л. 2). По «высочайшему» повелению М. Карамышев был сослан под надзор полиции в Архангельскую губ.

147. Студент второго курса Петербургского университета А. А. Яковлев был арестован 10 мая по доносу фельдфебеля Миниха за распространение среди солдат лейб-гвардии саперного батальона прокламаций революционного содержания и «Колокола». А. А. Яковлев незадолго до этого, в конце 1861 г., был подвергнут аресту в связи с событиями в Университете. Как сообщалось в материалах обвинительного заключения, А. А. Яковлев в разговоре с Минихом говорил, что «все войска, кроме генералов и полковых командиров, готовы к восстанию» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, д. 230, ч. 7 за 1862 г., л. 5). А. А. Яковлев был приговорен военным судом к смертной казни, а затем 1 декабря 1862 г. по «высочайшей конфирмации» смертная казнь была заменена лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу в рудники на шесть лет «за распространение между нижними чинами возмутительных сочинений и преступных мыслей об ограничении прав верховной власти и изменение существующего порядка правления» (там же, л. 28).

148. 8 мая 1862 г. поручик 1-го гренадерского стрелкового батальона, прикомандированный к Михайловской артиллерийской академии, И. Аверкиев был арестован за распространение воззваний и «вредных идей». Поводом к аресту послужил донос отставного полковника Вахтина, детей которого Аверкиев готовил к экзаменам. В материалах следственного дела И. Аверкиев характеризуется как известный «резкими суждениями и заявлением идей, встречаемых в последних воззваниях, и не скрывающий своего революционного направления. Занимаясь преподаванием в разных учебных заведениях и частных домах, он имел возможность поселять в учениках зародыш своих воззрений» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 131, литер А за 1862 г., л. 1). При обыске в бумагах И. Аверкиева была обнаружена его записка о воскресных школах, в которой говорилось: «Возьмемте в руки и упрочимте за собою право развития народа, не отдадимте его в руки злому правительству и потом жертвы наши не пропадут, мы пойдем, сила крепких не на словах. Стыд лицам, холодно смотрящим на дело» (там же, л. 69). Аверкиев был переведен на службу в войска Кавказской армии (там же, л. 141).

149. Д. П. Евреинов, студент Московского университета, отчисленный за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г., был арестован в Петербурге 8 мая 1862 г. Евреинов приехал в Петербург в качестве депутата от студентов для подачи жалобы министру народного просвещения. При обыске у него были найдены портреты Огарева, Михайлова, Чернышевского, Заичневского, Аргиропуло и других лиц, принимавших уча-

стие в революционном движении. Д. П. Евреинов не был привлечен к суду; его отправили в Тулу под надзор полиции. В 1863 г. ему было разрешено поступить в один из провинциальных университетов (Харьковский). ЦГИАМ, ф. III отд. 109. 1 эксп., д. 230, ч. 118 за 1862 г.

150. Текст прокламации «Молодая Россия», написанной П. Г. Заичневским, опубликован в сб. «Прокламации шестидесятых годов», стр. 59—69; см. также «Материалы для истории революционного движения в России 60-х гг.», 2 приложение к сб. «Государственные преступления в России», стр. 56—63.

151. В мае 1862 г. в Петербурге была учреждена Следственная комиссия для рассмотрения дел о распространении революционных воззваний и антиправительственной пропаганды среди населения и в войсках. Председателем ее был кн. А. Ф. Голицын, а с 1864 по 1871 г.— П. П. Ланской. Заседания комиссии происходили в Петропавловской крепости. В мае 1871 г. комиссия была закрыта, а ее функции переданы III отд.— См. ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии 95, оп. 1, д. 1 «Об учреждении в Петербурге по высочайшему повелению Следственной комиссии» (в пяти частях).

152. Ультрамонтанство (ultramontain) — воинствующий католицизм, выступающий за неограниченное влияние папы римского на религиозные и светские дела.

153. Персифлировать — от французского глагола persifler — осмеивать, вышучивать, издеваться, насмехаться.

154. П. А. Валуев в своей записке на имя шефа жандармов Долгорукова 1 июня 1862 г. писал: «Два работника, сперва посещавших Самсониевскую, а ныне посещающих Введенскую школу, позволили себе в артели возмутительные толки, отзываясь о политических переворотах, о пользе пожаров, о надобности сжечь весь Петербург и т. п. Значение подобного факта не требует комментарий. Означенные работники арестованы по распоряжению С.-Петербургского военного генерал-губернатора».— ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., д. 236г за 1862 г., л. 19.— См. также ЦГИАМ, ф. Особого присутствия Сената 112, оп. 1, д. 6.

155. Шахматный клуб, точнее, литературный, был вновь открыт в Петербурге в 1861 г. и состоял из писателей различных направлений. Его посещали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, В. С. Курочкин, Н. Г. Помяловский и др. После майских пожаров петербургский военный генерал-губернатор кн. А. А. Суворов 8 июня 1862 г. приказал закрыть шахматный клуб. См. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 270—271; «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, стр. 511—515; М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, стр. 185—188.

156. Имеется в виду Главный комитет об устройстве сельского состояния.

157. См. комментарий 130.

158. В июне 1862 г. по инициативе П. А. Валуева была создана особая комиссия о воскресных школах. В ее задачу входило ознакомление с деятельностью распорядителей и преподавателей Самсониевской и Введенской воскресных школ в Петербурге, в которых «преподается учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 263 за 1862 г., л. 19). Обе школы были закрыты, за прочими воскресными школами был установлен «действительный и непрерывный» контроль. Комиссия, по мнению П. А. Валуева, также должна была «рассмотреть общий вопрос о могущей встретиться надобности в коренном преобразовании воскресных школ» (то же дело, лл. 19—20). В состав комиссии входили представители Министерств внутренних дел и юстиции, шефа жандармов, петер-

бургского военного генерал-губернатора и депутат от Министерства народного просвещения. Председателем Комиссии о воскресных школах был С. Р. Жданов. См. также об устройстве воскресных школ. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230 за 1859 г.

159. Поручик 16-го стрелкового батальона Я. А. Ушаков был арестован в 1862 г. за участие в революционной деятельности, «под предлогом обучения фабричных работников грамоте,— указывалось в следственных материалах,— старался сближаться с ними и, приглашая некоторых к себе на квартиру, вселял в них преступные против правительства мысли... дерзко выражался о священной особе государя императора и порицал правительство» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 132 за 1862 г., л. 1). Как отмечалось далее в следственном деле, Я. А. Ушаков читал рабочим «Колокол», распространял прокламации «Молодая Россия» и «Подвиг офицера Варшавской телеграфной станции Александрова» (там же, л. 38). Подвиг Александрова заключался в том, что им была сознательно искажена телеграмма Александра II о применении оружия по отношению к демонстрантам. Вместо указания на необходимость применения оружия, в измененном Александровым тексте содержался приказ не применять оружия.— М. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского, стр. 125. Поручик А. Я. Ушаков был осужден военным судом к смертной казни. По конфирмации приговора Александром II 21 февраля 1863 г. казнь была заменена 4 годами каторжных работ на сибирских заводах.— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 132 за 1862 г., лл. 14—17.

160. 29 мая 1862 г. Александр II одобрил предложение кн. В. А. Долгорукова, П. А. Валуева и петербургского военного генерал-губернатора кн. А. А. Суворова об учреждении Особого временного комитета под председательством генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева. Целью создания комитета было «приведение в известность понесенных городом от сих пожаров потерь, и также для немедленного изыскания и определения чрезвычайных мер, наиболее действительных к охранению безопасности столицы» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, д. 260 за 1862 г., л. 6). В состав Комитета были назначены члены от Министерства внутренних дел, от петербургского военного генерал-губернатора, от Министерства народного просвещения, от Главного управления путей сообщения и публичных зданий, от Министерства финансов, от Отдельного гвардейского корпуса, от корпуса жандармов, а также городской голова и четыре гласных по избранию городской думы. Кроме того, с 24 мая 1862 г. существовала комиссия о поджогах при петербургском военном генерал-губернаторе. Председателем ее был генерал-адъютант П. П. Ланской; члены — от Министерств внутренних дел и юстиции.— См. там же.

161. Утверждение П. А. Валуева об обвинении студента Медико-хирургической академии Помпея Яковлевича Мультановского не подтверждается материалами следственного дела (см. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, д. 230, ч. 45 за 1862 г.). В материалах комиссии о пожарах (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, д. 260 за 1862 г.) действительно имеется указание об обвинении Мультановского в организации поджога. Так, в записи за 9 июня 1862 г. говорится, что «в комиссию о пожаре доставленный из полиции 10-летний мальчик, сын отставного рядового Кавалергардского полка Ненастьева, Пимен Павлов при допросе в комиссии показал, что он в сообществе с другим мальчиком Якимкою по уговору студента Медико-хирургической академии Николаева, давшего им 10 коп. на масло и обещавшего после заплатить им за поджог по 20 руб., признанного Пименом в студенте Мультановском, содержащемся в крепости под арестом, кажется, по делу о воскресных школах, зажгли в Духов день Апраксин двор рогожею, облитою маслом, положенною в открытом сарае рынка» (там же,

л. 29). Однако, по-видимому, это обвинение было отвергнуто, так как оно не нашло дальнейшего отражения в следственном деле. Об этом говорит также и тот факт, что Мультановский не подвергся никакому наказанию. 4 июня 1862 г., будучи арестован «по делу печатания и распространения противоправительственных воззваний», он содержался до февраля 1863 г в Петропавловской крепости, а затем был освобожден, находясь лишь под негласным полицейским надзором. См. также М. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х гг., стр. 579, 586—596.

162. Елизавета Константиновна Павлова, служившая гувернанткой в семье чиновника Полторанова, была арестована 29 мая 1862 г. по доносу унтер-офицера лейб-гвардии Уланского полка А. Николаева о принадлежности ее «к злоумышленному тайному обществу». Как сообщал Николаев, Е. Павлова «преимущественно наводила разговор на неудовольствие многих на нынешнее правительство, высказывая при этом, что для уничтожения царствующего дома составилось даже огромное общество, состав которого определяла до 60 000 человек» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 104, л. А за 1862 г., л. 3). В бумагах Е. Павловой, отобранных при аресте, находится следующая запись: «Пожар имеет в себе что-то революционное. Он смеется над собственностью, нивелирует состояние» (л. 13). По решению следственной комиссии Павлова «как весьма вредная личность» была сослана в Холмогорский Успенский женский монастырь Архангельской губ., затем она проживала под надзором полиции в г. Архангельске, а с 1866 г.— в Тамбове. С 1870 г. ей разрешено было постоянное жительство в Петербурге. (См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 8 за 1862 г.). Необходимо отметить, что жена чиновника Полторанова, в семье которого жила Е. Павлова, также привлекалась по обвинению в революционной деятельности (см. то же дело), хотя обвинение в принадлежности ее к «тайному обществу» осталось недоказанным и она была лишь подвергнута «бдительному полицейскому наблюдению».

163. Блюммет и К⁰ — Блюммер. По-видимому, речь идет об Антонине Петровне Блюммер, дочери отставного штабс-капитана.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 6 за 1862 г.

164. В журнале за 11 июня соединенного присутствия Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департамента экономии Государственного совета этот вопрос не нашел отражения. На этом заседании рассматривалось представление П. А. Валуева «О раскладке сбора на содержание губернских и уездных по крестьянским делам учреждений Олонецкой губернии».— См. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. 2, д. 129.

165. 15 июня 1862 г. в Варшаве, в Саксонском саду, на наместника Царства Польского гр. А. Н. Лидерса было совершено покушение, он был тяжело ранен.

166. 18 июня 1862 г. в Общем собрании Государственного совета рассматривалось решение соединенных Департаментов законов и государственной экономии по делу о пересмотре ст. 588 положения о крестьянах Лифляндской губ. о поземельных повинностях в пользу лютеранских церквей. 15 членов Государственного совета, в том числе П. А. Валуев, поддержали мнение Остзейского комитета — признать эти повинности поземельными и, следовательно, подлежащими отбыванию независимо от вероисповедания. 18 же членов полагали необходимым «оставить во всей неприкосновенности и силе правило, высочайшего повеления 1846 г., чтобы каждый отбывал повинности в пользу той церкви, к которой принадлежит» (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета 1149, оп. т. V, д. 42 за 1862 г., лл. 134—135). Александр II не утвердил ни одного из указанных мнений, предложив перед окончательным решением вопроса определить повинности по каждому приходу (там же, л. 136).

167. См. комментарии 123, 174.

168. Имеются в виду два первые пункта раздела третьего «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», касающихся преступлений, направленных «против священной особы государя императора и членов императорского дома». См. «Свод законов Российской империи», т. 15. СПб., 1857.

169. Юнкер Новгородского батальона внутренней стражи Степан Кудрявый был арестован по подозрению в преступлениях «против правительства, государя и престолонаследия». Однако в действительности оказалось, что С. Кудрявый никакого отношения к революционному движению не имел. Как было установлено следственной комиссией на основе ознакомления с дневником С. Кудрявого, противоправительственные высказывания имели под собой совершенно иную почву: «... ропот на правительство за то, что он долго служит и не производится в офицеры и за отнятие от помещиков крестьян, отчего, как он выражает, отец посылает ему менее денег, как прежде. Ропот этот в некоторых местах журнала доходит до такой дерзости, что он выражает желание перемены правительства и даже высказывает намерение посягнуть на жизнь священной особы государя и говорит, что ежели бы была революция, то он стал бы в голове ее».— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 49, л. 7.

170. Летом 1862 г. в Киеве был арестован за революционную пропаганду среди солдат подполковник Александрийского гусарского полка — Андрей Афанасьевич Красовский, прикомандированный к Владимирско-Киевскому кадетскому корпусу. Узнав, что Житомирский резервный батальон направляется на подавление крестьянского движения, А. А. Красовский составил прокламацию с призывом к солдатам не быть «палачами народа». «Приказ сечь своих и стрелять по ним,— указывалось в прокламации,— за то, что они хотят земли и воли, будь он самого царя приказ, все же он приказ окаянный. Исполнять его ни в каком случае не следует... до народа и пальцем не дотрагивайся. Кровь его... падет на вас и на детей ваших».— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 42 за 1862 гг., лл. 3—4.

Когда А. А. Красовский был арестован и находился в крепости, ему в камеру было подброшено ответное письмо солдат, благодаривших его за любовь «к бедному солдату и его брату, бедному мужику». «Нас,— писали они,— изволите видеть... нынче мало таких, что вас настояще разумеют, завтра будет больше половины, а там и все» («Колокол», л. 162). По решению суда А. А. Красовский был сослан в Сибирь на каторжную работу в рудниках на 12 лет. 29 мая 1868 г. А. А. Красовский бежал с Нерчинских заводов с фальшивым паспортом, а 25 июня найден был «в семнадцати верстах от места отлучки мертвым с признаками самоубийства».— ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., д. 230, ч. 42 за 1862 г., л. 56. Помимо указанного дела, см. материалы о А. А. Красовском в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), ф. Аудиториатского департамента 9 (А), оп. 80/21, 3 отд., 2 стол, дело 48 за 1862 г.; Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг.— В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960, стр. 524—525, 588—590.

171. Имеется, вероятно, в виду передовая статья «Северной почты», от 4 июля 1862 г. Статья посвящена оценке внутренней политики правительства и полна общих рассуждений о ходе развития цивилизации. В статье подчеркивается «твердость воли правительства идти по избранному однажды пути». При этом характеризуются позиции «двух крайних партий» (крепостников и революционеров). Одни, указывалось в передовой, «по крайней мере отстаивали свое старое право, свой интерес», другие «стремились к осуществлению несбыточных утопий, придумывали

бессмысленные начала, искажали исторические факты, ставили невозможные требования».

171а. В заседании 5 июля 1862 г. рассматривалась записка Валуева от 1 июля «О принятии некоторых мер для противодействия путем печати нынешнему направлению литературы и общественному настроению умов». В заседании Совета министров Александр II, одобрив представленную записку, предложил следующее:

«1. Подтвердить к исполнению со стороны цензуры, как общей, так и духовной и всех вообще ведомств, цензурные правила о недопущении к печати статей, явно вредных по своему направлению или по неприличию изложения.

2. Поставить в обязанность всем ведомствам и управлениям, имеющим свои журналы, более часто указывать как в этих изданиях, в статьях официальных, так и полуофициальных статьях, печатаемых в частных журналах и газетах, на принятые по разным отраслям администрации законодательные и административные меры, направленные к улучшению этих отраслей государственного управления.

3. Возбуждать частные повременные издания к более справедливому и благонамеренному направлению в отношении к религии, нравственности и действиям правительства с целию водворения в читающей публике более правильных понятий о действиях правительства и о наших современных потребностях».— ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 39, лл. 6—7.

Указанная записка отсутствует как в фонде Совета министров, так и в личном архиве Валуева.

172. Речь идет о провокации Всеволода Костомарова, направленной против Н. Г. Чернышевского.— См. «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939, стр. 104—105.

173. Павел Александрович Ветошников был арестован на границе 25 июня 1862 г., причем у него были обнаружены два письма Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу. В одном из писем А. И. Герцена содержалась следующая фраза: «Мы готовы издать Совр[еменник] здесь с Черныш[евским] или в Женеве — печатать предложение об этом? Как Вы думаете?» См. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 22. См. следственное дело о П. А. Ветошникове.— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 53 за 1862 г. и указанную книгу М. Лемке, раздел о «Процессе 32-х» (дело «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»), стр. 17—230; см. также «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939 г.

174. Мировые посредники Тверской губернии (см. комментарий 123) после пятимесячного заключения в крепости были приговорены к заключению в смирительном доме на сроки от 2 лет до 2 лет и 4 месяцев и к лишению некоторых прав и преимуществ (в том числе права участия в выборах). Благодаря заступничеству петербургского генерал-губернатора кн. А. А. Суворова им не пришлось находиться в смирительном доме, но в правах некоторые из них, например, братья Бакунины, так и не были восстановлены до самой смерти (Николай Александрович Бакунин умер в 1901 г.).— См. А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909, стр. 117—118.

175. Дело П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло в декабре 1861 г. было передано для слушания в 6-й департамент Сената. Решение Сената было относительно мягким, так как ему, как и следственной комиссии, остался неизвестным факт написания П. Г. Заичневским прокламации «Молодая Россия».

П. Г. Заичневский был приговорен к каторжным работам на два года восемь месяцев с последующим поселением в Сибири, П. Э. Аргиропуло — к заключению в смирительном доме на 2 с половиной года, остальные члены кружка или отделались незначительными наказаниями, или даже

были вовсе оправданы. При конфирмации приговора Александром II последний уменьшил срок каторжных работ как П. Г. Заичневскому, так и П. Э. Аргиропуло до одного года.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 212 за 1861 г.; Б. П. Козьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», М., 1932.

176. Речь идет о провокаторе Всеволоде Костомарове, предавшем ряд революционеров, в том числе и Н. Г. Чернышевского. Все обвинение против Н. Г. Чернышевского было построено на провокационных показаниях В. Костомарова, за что последний был щедро вознагражден. В архиве П. Я. Дашкова сохранилась следующая записка министра финансов М. Х. Рейтерна министру внутренних дел П. А. Валуеву 5 августа 1863 г.: «Погубивший дирижера радикального оркестра завтра, от 9 до 11 веч. может получить у Ф. Т. Ф. 1000 руб., если приготовит заранее расписку от имени матери своей Надежды Николаевны, которая, однако, как вам известно, по поставленному им условию, не должна об этом знать. Будьте любезны принять на себя труд послать надежное извещение по известному Вам адресу» («Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939, стр. 105). В. Костомаров был приговорен к шестимесячному заключению в крепости и затем к отправлению рядовым в Кавказскую армию. Однако вместо этого он был зачислен в С.-Петербургский уланский полк. В 1865 г. «по неизлечимой болезни» был вовсе уволен от службы. При этом, как указывалось в его следственном деле, «во внимание к услугам Костомарова, оказанным им правительству при розыскании злоумышленных действий некоторых лиц, а также в уважение беспомощного положения его матери и сестры всемилостивейше пожаловано ему в июне месяце 1863 г. 500 руб. серебром. Кроме сего, на счет сумм III отделения приняты расходы по изданию сочинения Костомарова «История литературы древнего и нового мира». Расход этот составлял 1366 р. 35 к. и сверх этого выдано ему в разное время из секретной (шефской) суммы 125 руб. сер».— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 176 за 1862 г., лл. 102—103.

176а. 18 июля в Общем собрании соединенных Департаментов законов и гражданских и духовных дел Государственного совета по делу об отмене телесных наказаний см. ЦГИАЛ, ф. 1149 д. 47 за 1862 г.; см. также ПСЗ, 2 собр. т. 38 № 39504.

177. Текст записки, как указывает П. А. Валуев, утрачен. В. В. Гармиза, опубликовав «Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики» в журнале «Исторический архив» 1958, № 1, полагает, что один из приводимых им документов и является указанной выше запиской. Эта записка, озаглавленная «О мерах подавления революционного движения», датированная 2 апреля без указания года, на основе анализа ее содержания относится нами к 1879 г. В записке ставится вопрос о необходимости учреждения временных генерал-губернаторств в Петербурге, Харькове, Одессе и Николаеве, что, естественно, не могло относиться к 1862 г., так как никакой необходимости учреждать временные генерал-губернаторства в последних 3-х городах не было. В действительности этот документ написан П. А. Валуевым 2 апреля 1879 г., тотчас же после покушения Соловьева на Александра II. Подтверждением этого является и дневниковая запись П. А. Валуева от 15 апреля 1879 г., в которой он говорит: «Мысль о генерал-губернаторствах моя, еще до апреля высказанная» («Дневник П. А. Валуева 1877—1884», Пг., 1919, стр. 33).

После слова «высказанная» Валуев делает следующее примечание, относящееся к 29 декабря 1881 г.: «В первой части моего дневника, в заметках за 1862 год, заключаются указания на то, как уже в то время я проводил ту же мысль. К сожалению, в Министерстве внутренних дел утрачен, по-видимому, составленный мной тогда проект. По крайней мере,

говорили летом одесскому градоначальнику, что его не могут найти. Быть может, не желают.— Копии у меня не сохранилось (СПб., 29.XII 81)» (там же).

178. Отставной инженер-капитан М. В. Авдеев, служивший с 1861 г. членом от правительства губернского присутствия Оренбургской губ., по постановлению следственной комиссии был арестован 21 июля 1862 г. и обвинен «в выражении сочувствия своего к государственному преступнику Михайлову и в сношениях с подполковником Шелгуновым и его женою, отправившимися из С.-Петербурга в Нерчинск с намерением содействовать облегчению участи Михайлова». Сверх того из собранных об Авдееве сведений оказалось, что он «образом своих мыслей и влиянием положительно вреден в Оренбургской губернии» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 85 за 1862 г.). 31 августа 1862 г. Авдеев административным порядком был выслан на постоянное жительство в Пензу с учреждением полицейского надзора. В 1863 г. ему было разрешено проживать в своем оренбургском имении без права выезда, под надзором полиции (см. указанное выше дело, а также д. 230, ч. 85, литер А «Производство высочайше учрежденной следственной комиссии об инженере-капитане Авдееве»). Авдеев сотрудничал в «Современнике», «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». Наиболее крупные его произведения «Тамарин» и «Подводный камень». М. В. Авдеев был близок с А. И. Герценом и И. С. Тургеневым.

179. В начале сентября 1862 г. П. А. Валуев ездил в Новгород по случаю празднования там 8 сентября 1000-летия России. См. корреспонденцию в «Северной почте» от 11 сентября 1862 г.

180. При обсуждении проекта судебных уставов в соединенных Департаментах законов и гражданских духовных дел Государственного совета гр. В. Н. Панин выступал с особым мнением по трем пунктам. 1. В отличие от мнения большинства, считавшего, что апелляционной инстанцией должен являться окружной суд, он совместно с принцем П. Г. Ольденбургским и кн. П. П. Гагариным полагал, что эту роль должен играть уездный съезд мировых судей; 2. Он возражал против открытого судопроизводства в Сенате. Третий вопрос касался определения круга действия судебных мест по вопросам тяжебного производства. По мнению гр. В. Н. Панина, Н. И. Бахтина, А. Л. Гофмана, тяжебные дела, «предмет коих не свыше 2 тысяч руб.», должны рассматриваться в окружном суде, при этом до 500 руб. окончательно. Дела же свыше 500 руб. могли в апелляционном порядке переноситься на рассмотрение судебной палаты. В судебных палатах — все остальные тяжебные дела, включая и дела «по свойству своему оценке не подлежащие». Последние могли в апелляционном порядке переноситься на рассмотрение в департаменты Сената. По мнению большинства, все тяжебные дела, независимо от их ценности (за исключением дел, подведомственных мировому суду), должны рассматриваться в окружном суде, разрешая при этом перенесение их в порядке апелляции в судебную палату. Решение судебной палаты признавалось окончательным и могло передаваться в Сенат лишь в кассационном порядке.— См. «Судебная реформа» под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, т. I, М., 1915, стр. 324—329.

181. 20 сентября 1862 г. был образован Западный комитет, просуществовавший до декабря 1865 г. Председательство в нем было поручено председателю Комитета министров кн. П. П. Гагарину. Членами его являлись: шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков, министры: иностранных дел кн. А. М. Горчаков, военный Д. А. Милютин, юстиции Д. Н. Замятнин, внутренних дел П. А. Валуев, финансов М. Х. Рейтерн, народного просвещения А. В. Головнин, государственных имуществ А. А. Зеленой и обер-прокурор Синода А. П. Ахматов. Производителем дел был назначен Ф. П. Корнилов.

Деятельность Западного комитета заключалась в разработке мер по подавлению польского национально-освободительного движения в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Предшественником Западного комитета являлся Комитет западных губерний, существовавший с 14 сентября 1831 г. по 20 января 1848 г. Архив Западного комитета хранится в ЦГИАЛ, ф. 1267; см. С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, в. 3, ч. 1. СПб., 1902, стр. 186—202; о Комитете западных губерний см. там же, т. 2, ч. 1, стр. 54—55.

182. Имеется в виду фельдмаршал кн. А. И. Барятинский.

183. 19 сентября 1862 г. в общем собрании дворян в Каменец-Подольске был прочитан адрес на имя Александра II о присоединении Подольской губ. к Царству Польскому. «Положение нашего края безотрадно,— указывалось в адресе,— народ без образования, средние учебные заведения неудовлетворительны как по числу, так и по системе преподавания; промышленность лишена капиталов и подавлена чрезмерными процентами; хлебная торговля по недостатку усовершенствованных путей сообщения оторвана от иностранного сбыта; поземельная собственность без кредита вследствие прекращения ссуд из государственных кредитных установлений и отсутствия ипотечной системы, узаконения противны обычаям, преданиям и прогрессу общественных понятий; исполнение права обессилено чуждой стране бюрократией; администрация сосредоточена вне местных потребностей и интересов; наконец, край без органов, избранных из среды своей для руководства общественными его трудами. Положение такое, возникшее вследствие разобщения нашего с Царством Польским, затрудняет окончательное устройство крестьянского дела и угрожает решительным упадком края, ежели не будет восстановлено административное единство его с краем, имеющим по отношению к нему одинаковые потребности, одни предания, тождественные понятия о гражданской и религиозной свободе и общие пути развития в будущем».— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 33, ч. 10 за 1862 г., лл. 47—48.

Губернатор вызвал к себе предводителей дворянства, взяв с них слово, что «противозаконное заявление останется без движения». Но в тот же день адрес был подписан 255 дворянами Подольской губ. Адрес губернатором был представлен министру внутренних дел. Дворянский съезд в Каменец-Подольске был закрыт.— См. ЦГИАМ, Отчет о действиях III отд. с. е. и. в. к. и корпуса жандармов за 1862 год», лл. 156—157.

184. 4 октября в заседании Совета министров рассматривалось представление П. А. Валуева по поводу «противозаконного» прошения подольского дворянства (см. ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, оп., 1, д. 43, лл. 5—20). За подачу адреса дворянами Подольской губ. по «высочайшему» повелению были отстранены от должностей и преданы суду Сената 13 человек: исполняющий должность подольского губернского предводителя дворянства А. Г. Садовский, предводитель дворянства Балтского у. гр. Э. К. Роникер, предводитель дворянства Литинского у. И. В. Родзеиовский, Брацлавского у.— Ф. Л. Собанский, Летического у.— Л. В. Скибневский, Ушицкого у.— И. М. Хелминский, Винницкого у.— Л. К. Пеньковский, Могилевского у.— Я. К. Сулятицкий, Ольгопольского у.— К. Г. Собанский, Каменецкого у.— С. Червинский, Гайсинского у.— О. Г. Липковский, Ямпольского у.— В. С. Маньковский и исполнявший должность проскуровского предводителя дворянства А. Я. Поплавский. По постановлению 2-го отд. 5-го департамента Сената 18 января 1863 г. были приговорены к заключению в отдельных казематах Никольской куртины А. Садовский на 2 года, остальные на 1 год 2 месяца. По «высочайшему» повелению им было предоставлено право избрать место жительства в великороссийских губерниях, кроме Западного края и Петербурга.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 33, ч. 10 за 1862 г.

185. Речь идет об обмене депешами между А. М. Горчаковым и министром иностранных дел Англии Джоном Росселем по вопросу о Черногории (Монтенегро). В результате войны 1862 г. Черногории с Турцией, окончившейся поражением первой, черногорский князь Николай I Петрович Негош принужден был заключить навязанный Турцией мир, одним из условий которого было проведение через страну военной дороги, охраняемой турецкими блокгаузами. Россия выступила против условий мира, стремясь добиться отмены их. Английская дипломатия заняла противоположную позицию, требуя невмешательства в турецкие дела. В конечном счете благодаря давлению России Турция не настаивала на выполнении условий мирного договора.— См. С. С. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 417—421.

186. Временные правила о рекрутском наборе предусматривали призыв на военную службу лиц не по жребию, «а по приговору старшин и большею частью дурного поведения» (ЦГИАМ, «Всеподданнейший отчет III отд. с. е. и. в. к. за 1863 г.», л. 119). Таким образом, в состав рекрут брались наиболее активные, революционно настроенные элементы. Временные правила значительно отличались от Положения о рекрутской повинности в Царстве Польском, изданного 3/15 марта 1859 г. (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIV, отд. 1, № 34203), предусматривавшего набор рекрут путем жеребьевки. Материалы о ходе набора, осуществленного на основе временных правил, находятся в ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 23, ч. 188 за 1863 г. «О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях», и «О рекрутах Царства Польского».

187. В Центральном государственном историческом архиве Москвы хранится дело «О поездке министра внутренних дел статс-секретаря Валуева в Москву, во Владимир и Нижний Новгород» (ф. III отд. с. е. и. в. к. 109, 1 эксп., д. 467 за 1862 г.).

188. «Очерки» — ежедневная политическая и литературная газета, издавалась с 11 января по 8 апреля 1863 г. в Петербурге А. Н. Очкиным. Редактором ее был Г. З. Елисеев. Газета последовательно выступала за демократическое разрешение буржуазных реформ — судебной и университетской. Всего выпущено было 94 номера. Сотрудниками газеты были М. А. Антонович, П. А. Гайдебуров, С. С. Шашков, А. П. Щапов и др. В ней печатались произведения писателей А. Левитова, Марко Вовчок, Н. Г. Помяловского и др.— См. ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии 95, оп. 1, д. 62 за 1862 г. «Об издаваемой газете „Очерки"».

189. Письма о пребывании П. А. Валуева в Москве в его фонде не обнаружены.

190. Указанной переписки в фонде П. А. Валуева не имеется.

191. При рассмотрении вопроса об устройстве государственных крестьян в Общем собрании Государственного совета наметились две точки зрения. Первая, отражавшая взгляды В. Ф. Адлерберга и Н. И. Бахтина, поддерживалась шестью членами Государственного совета. Остальные 38 членов придерживались другого мнения. Меньшинство предлагало признать земли, находившиеся в пользовании государственных крестьян, «имуществом общественным». При этом, однако, они считали необходимым сохранить ограничения, запретив продажу, залог этих земель и т. д. Большинство членов Государственного совета считало эти земли собственностью казны и источником государственных доходов. Кроме того, указывало в своем мнении большинство: «Если бы закон признал государственных крестьян собственниками находящейся в их пользовании земли, то этим правом должны были бы воспользоваться и все крестьяне... не только удельные, дворцовые и проч. ..., но и те из бывших крепостных, которые поступили в дар частным лицам по пожалованию».— ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. 15, д. 4, ч. 2 за 1861 г., л. 204; см. также П. А. Зай-

о н ч к о в с к и й. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах.— «История СССР», 1958, № 4, стр. 103—113.

192. «Дополнительные соображения к очерку положения дел Западного края, внесенному министром внутренних дел в Западный комитет», датированные 18 декабря 1862 г., находятся в ЦГИАЛ, ф. Западного комитета 1267, оп. 1, д. 12 за 1862 г., лл. 87—101.

Они содержат перечень мер для борьбы против польского влияния в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине и «для окончательного соединения Западного края с Россией». П. А. Валуев, в частности, рекомендовал необходимость поддержания «взаимного нерасположения крестьян и помещиков» (см. там же, л. 90).

193. Речь идет об увольнении П. А. Валуевым либерально настроенного калужского губернатора Виктора Антоновича Арцимовича, вызвавшего недовольство дворянства. См. А. А. К о р н и л о в. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче. СПб., 1904.

194. 28 декабря 1862 г. в заседании Комитета министров рассматривалось дело Н. Анненского в связи с ходатайством его перед Александром II.

Н. Анненский с 1846 г. содержал почтовые станции Петербургской губ., а с 1856 г. почтовый тракт от Москвы до Харькова. Как видно из журнала заседания, Анненский за это время задолжал казне 714 223 руб. $60^1/_2$ коп. Сущность его ходатайства заключалась в просьбе рассрочить причитавшийся с него долг на 24 года.— ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, оп. 1, д. 2983 за 1862 г., лл. 357—359.

На заседании Комитета министр финансов М. Х. Рейтерн выступил против Анненского, заявив, что содержание Анненским почты обходится государству чрезвычайно дорого и что только «в первое 12-летие Анненский получил более против торговых цен 487 839 руб. 45 коп.» (то же дело, л. 376). Резюмируя свои возражения, Рейтерн указывал, что «никакой пользы, исчисляемой Анненским до 700 тыс. руб., земство (имея в виду местное население. — *П. З.*) не получило и во всяком случае содержание им почтовых станций С.-Петербургской губ. обходится народу весьма дорого» (то же дело, л. 377). Вследствие этого все члены Комитета поддержали министра финансов, и ходатайство Анненского было отклонено.

195. 19 февраля 1863 г. истекал двухлетний срок, в течение которого крестьяне обязаны были «пребывать в прежнем повиновении у помещиков и беспрекословно исполнять их обязанности» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, отд. 1, № 36650). В связи с этим среди крестьян были широко распространены слухи о даровании настоящей воли 19 февраля 1863 г., что способствовало активизации крестьянского движения. Так, в отчете III отделения за 1863 г. В. А. Долгоруков писал: «В некоторой части помещичьих имений проявлялось и в этом году стремление крестьян к получению безусловной свободы. Они с нетерпением ожидали наступления 19 февраля, собирались к тому дню в города, наполняли церкви и ожидали объявления указа о безвозмездной отдаче им земли и прекращении обязательных повинностей» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, оп. 85, д. 28, л. 130). По данным еженедельных записок П. А. Валуева, волнения крестьян происходили в Черниговской, Екатеринославской, Нижегородской, Херсонской, Пензенской, Саратовской, Казанской и Киевской губерниях.— См. сб. «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.». М.— Л., 1950.

196. На заседании рассматривались вопросы, касающиеся распространения закона 27 июня 1862 г. на губернии Правобережной Украины, т. е. Киевского генерал-губернаторства. По этому вопросу Комитет принял решение «ограничиться в настоящее время предоставлением мини-

стру внутренних дел по соглашению с министром финансов войти в Главный комитет об устройстве сельского состояния с представлением о распространении на губернии Киевского генерал-губернаторства правил и льгот высочайшего указа 27 июня 1862 г. о содействии правительства крестьянам, состоящим на издельной повинности, к приобретению ими в собственность поземельного их надела» (ЦГИАЛ, ф. Западного комитета 1267, оп. 1, д. 12, «Журнал Западного комитета, заседания 31 декабря 1862 г., 5 и 11 января 1863 г.»). Таким образом, этот вопрос фактически решен не был. На этом же заседании обсуждался вопрос о народном образовании и о сельских школах в Киевском генерал-губернаторстве (там же).

197. Записка Валуева об университетском уставе — «Замечания министра внутренних дел ст.-секр. Валуева» — содержала ряд реакционных соображений о необходимости преградить доступ в университеты «интеллигентному пролетариату». Валуев предлагал значительно повысить плату за обучение в университетах, наметить в уставе специальные меры, которые должно принимать университетское начальство в случае «вредного направления преподавания».— ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения 733, оп. 147, д. 94, лл. 200—219.

198. Речь идет о митрополите Новгородском, Петербургском, Эстляндском и Финляндском Исидоре.

199. Имеется в виду 1-й дивизион лейб-гвардии Казачьего полка, принимавший участие в подавлении польского восстания на территории Виленского военного округа.

200. Лейб-гвардии Егерский пехотный полк.

201. Речь идет об обсуждении проекта закона об обязательном выкупе крестьянских наделов Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской губ. и так называемых Инфляндских уездов Витебской губ. (Люцинский, Режицкий, Дризенский, Динабургский). Рассмотрение этого вопроса было связано с польским национально-освободительным восстанием.

Стремясь привлечь на свою сторону местное крестьянство, правительство по инициативе П. А. Валуева 1 марта 1863 г. издало закон, по которому в этих губерниях и уездах вводился обязательный выкуп, а обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались с 1 мая 1863 г. Установленный в уставных грамотах оброк понижался на 20%, крестьяне же, находившиеся на барщине, переводились с этого времени на оброк. В целях определения правильности составления уставных грамот учреждались особые поверочные комиссии. На них возлагалась также работа по переводу крестьян на обязательный выкуп.— См. ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 1, № 39337; а также П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 365—402.

202. См. комментарий 195.

203. 19 февраля в Петербурге и Москве была распространена прокламация «Земли и Воли» — «Льется польская кровь», в которой содержалось прямое обращение к русским войскам: «Офицеры и солдаты русской армии! — говорилось в прокламации,— не обагряйте рук своих польской кровью, не покрывайте нигде неизгладимым позором чести и правоты русского народа». Полный текст прокламации опубликован в комментариях М. К. Лемке в т. XVI Полн. собр. соч. А. И. Герцена, стр. 151—155.

204. 27 января 1863 г. кн. А. М. Горчаков и прусский генерал Альвенслебен подписали русско-прусскую конвенцию. Россия и Пруссия условились, что при требовании военного командования одной из держав войска другой державы могут переступить границу, а в случае необходимости преследовать повстанцев на территории соседнего государства. Однако вскоре содержание этой конвенции было оглашено Бисмарком и вызвало протест со стороны европейских стран.— См. В. Г. Ревуненков.

«Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия». Л. , 1957, стр. 125—179; «История дипломатии», т. I, М., 1959 г.

205. Датировка П. А. Валуева неточна, речь идет о ноте, врученной английским послом Нэпиром А. М. Горчакову 26 февраля 1863 г., в которой предлагалось русскому правительству даровать амнистию восставшим полякам и возвратить Польше гражданские и политические права.— См. С. С. Татищев. Указ. соч., т. 1, СПб., 1903, стр. 480—481.

205а. Позиция Англии в польском вопросе была далеко не бескорыстна. См. В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, стр. 291—294.

206. По-видимому, речь идет об осуждении правил для народных училищ Литвы и Белоруссии, ставивших своей задачей усиление в них правительственного влияния, а также влияния православного духовенства. С этой целью было поручено министру народного просвещения по соглашению с министрами внутренних дел, государственных имуществ и обер-прокурором Синода составить соответствующие правила. К обсуждению проекта, подготовленного А. В. Головниным, был привлечен гр. С. Г. Строганов. Последний писал в письме к Александру II 1 июля 1864 г.: «...единогласно проект признан неудовлетворяющим современным потребностям края и до основания изменен» (ЦГИАМ, ф. Александра II 678, оп. 1, д. 616, л. 1—а); см. также С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 462—463.

207. См. комментарий 220.

208. См. комментарий 201.

209. Отряд М. Лангевича, созданный в Галиции и насчитывавший 3,5 тыс. человек, был самым крупным из повстанческих соединений. В сражениях под Малогощью 24 февраля 1863 г., под Песковой Скалой 4 марта и под Скалой 5 марта отряд понес значительные потери. Позднее он отошел в пределы Австрии.

210. Имеется в виду Комиссия о губернских и уездных земских учреждениях, образованная 27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел под председательством товарища министра Н. А. Милютина. В состав ее входили: С. И. Зарудный, В. А. Арцимович, В. А. Татаринов, К. К. Грот, Я. А. Соловьев и др. Комиссия на первых порах свое главное внимание обратила на составление проекта полицейской реформы. Что касается земской реформы, то она была разработана лишь в основных чертах. После увольнения С. С. Ланского и Н. А. Милютина Комиссию возглавлял П. А. Валуев. 22 февраля 1862 г. он представил Александру II доклад, в котором излагались основные положения будущей земской реформы. В марте представленный проект рассматривался в Совете министров, а позднее в Особом совещании под председательством вел. кн. Константина Николаевича, где в проект был внесен ряд изменений. 2 июня 1862 г. основные положения проекта были утверждены царем и опубликованы. Окончательный текст проекта был составлен в начале 1863 г.— См. «Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях» (б. м., б. д.); Б. Б. Веселовский. История земства за 40 лет, т. 3, СПб., 1911, стр. 1—33; В. В. Гармиза. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.

211. Речь идет о Петербургском губернском дворянском собрании.

212. В имении Мариенгаузен Люцинского уезда Витебской губ., принадлежащем А. Липпе-Липской, велась подготовка к организации вооруженного восстания. Среди участников «мариенгаузенского дела» были представители как польского, так и русского революционного движения. В имении заготовлялось оружие (отливались пули) и провиант. Из Петербурга в Мариенгаузен была перевезена типография «Земли и Воли». «Мариенгаузенское дело» было раскрыто в конце февраля 1863 г. с по-

мощью доносчиков, в том числе православного священника Муравейского погоста Островского у. Псковской губ. Лебедева, первым сообщившего в Островский земский суд о подозрительном поведении лиц, живущих в имении. В результате арестов и обысков в Мариенгаузене и в Петербурге были привлечены к суду: Антоний Рык (родной брат владелицы имения), Игнатий Ульяновский, Онуфрий Полонский и несколько студентов Петербургской медико-хирургической академии. Кроме поляков, были арестованы три члена «Земли и Воли» — М. Вейде, Д. Степанов и И. Жуков. При аресте у Степанова и Жукова был обнаружен типографский шрифт и 70 экземпляров прокламаций. Всего было привлечено к судебной ответственности 32 человека. Военный суд в Динабурге приговорил обвиняемых к различным срокам наказания. Наиболее тяжелое наказание понесли А. Рык, приговоренный к смертной казни, замененной впоследствии 20 годами каторги, и член «Земли и Воли» М. Вейде, приговоренный к 20 годам каторжных работ.— См. ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., д. 23, ч. 66; д. 97, ч. 8; ф. Следственной комиссии 1862 г. 95, оп. 1, д. 80, 83. Показания Степанова, Вейде и Жукова находятся в фонде особого присутствия Сената 112, оп. 1, д. 75; Ю. К о в а л ь с к и й. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. М., 1953, стр. 234—240.

213. 22 марта 1863 г. из Англии отбыл пароход «Ward Jackson», на котором под командованием полковника Лапинского находилось 180 легионеров разных национальностей и 26 офицеров, желавших принять участие в польском национально-освободительном восстании, и оружие. Сопровождал экспедицию в качестве комиссара Временного правительства И. Демонтович.

Одним из инициаторов экспедиции был М. А. Бакунин. По первоначальному плану легионеры должны были высадиться в Литве где-нибудь в районе Палангена и поднять здесь восстание. 2 апреля пароход прибыл в шведский порт Мальме вместе с М. А. Бакуниным. Вследствие дипломатического вмешательства русского правительства пароход был задержан в Швеции и экспедиция закончилась неудачей.— См. комментарий М. К. Лемке в Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XIV, стр. 661—681.

214. «Всеподданнейший» адрес петербургского дворянства был одним из первых откликов в среде националистически настроенного господствующего класса на восстание 1863 г. в Царстве Польском. Адрес имел ярко выраженный шовинистический характер. Опубликован в «Московских ведомостях» за 27 марта 1863 г. Ответ Александра II см. С. С. Т а т и щ е в. Указ. соч., т. I, стр. 464.

215. 5 апреля 1863 г. послы Англии, Франции и Австрии вручили А. М. Горчакову полученные ими от министров иностранных дел депеши. Английская депеша обосновывала право вмешательства европейских держав в польские дела, ссылаясь на ст. 1 заключительного акта Венского конгресса. В ней указывалось, что Россия не имеет права обращаться с Польшей как с завоеванной страной. Во французской и английской депешах говорилось о необходимости установления мира в Польше из-за опасности польских волнений для Европы. В депеше Австрии указывалось на возбуждение умов в Галиции в результате продолжительного вооруженного восстания в соседней Польше. Содержание депеш и ответы кн. А. М. Горчакова см. С. С. Т а т и щ е в. Указ. соч., т. 1, стр. 482—485.

Позиции западных держав определялись отнюдь не интересами Польши.— См. В. Г. Р е в у н е н к о в. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия; «Historia Polski, t. II, cz. 3. Warszawa, 1959. «История дипломатии», т. I.

216. 31 марта 1863 г. был издан манифест, в котором объявлялось «полное и совершенное прощение тем из вовлеченных в мятеж в Царстве

Польском, которые, не подлежа ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложа оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1/13 мая 1863 г.» В тот же день был обнародован указ Сенату о распространении действия амнистии на весь Западный край.— См. ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 1, 39443, 39444.

217. Казанский заговор был организован группой поляков по указанию Центрального революционного комитета совместно с русскими революционерами, связанными с «Землей и Волей». В подготовке революционного восстания в Поволжье принимали участие штабс-капитан Н. Иваницкий, поручики М. А. Черняк, Мрочек и подпоручик Р. Станкевич, эмигрант И. Кеневич, студент Петербургского университета Сильванд, студенты Казанского университета — С. Жеманов, А. Сергеев, В. Полиновский, К. Лаврский, А. Щербаков, А. Бирюков, вольнослушатели Казанского университета И. Орлов, Р. Миттерман, П. Алеев, М. Карпов и др. Они ставили своей целью организацию крестьянского восстания весной 1863 г. в Поволжье. Организация была раскрыта 2 апреля 1863 г. вследствие доноса вольнослушателя Казанского университета Ивана Глассона.— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., оп. 38, д. 23, ч. 85 за 1863 г. «По доносу о готовящемся восстании в приволжских губерниях под руководством офицера Иваницкого и студента Жеманова», а также комментарий М. К. Лемке в Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XVI, стр. 333—368; Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 года. М., 1929; Ю. Ковальский. Указ. соч., стр. 247—285. В. Р. Лейкина-Свирская. «Казанский заговор» 1863 г.— В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 423—449.

218. На заседании рассматривалось представление Оренбургского генерал-губернатора, одобренное Военным советом Военного министерства о преобразовании комиссии о наделении башкир-вотчинников и их припущенников землями. Постановка этого вопроса была вызвана тем, что образованная в 1848 г. комиссия за 15 лет своего существования рассмотрела лишь 25 дел о наделении башкир землей. Было решено изменить состав комиссии и перевести ее из Уфы в Оренбург (см. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. XV, д. 123 за 1862 г.), 6 мая 1863 г. Общее собрание Государственного совета одобрило это решение, являвшееся лишь частью общей реформы о башкирах, утвержденной Александром II 14 мая 1863 г.

До издания этого закона башкиры-вотчинники и припущенники, т. е. башкиры, жившие на общественной земле, считались военным сословием, составляя так называемое башкирское войско. К началу 60-х годов лишь четвертая часть населения башкирского войска несла военную службу, для остальных военная служба была заменена денежным сбором. В административном отношении «башкирское войско» подразделялось на 28 кантонов, во главе которых стояли начальники в чине хорунжих. Кантоны в свою очередь подразделялись на 258 портовых управлений, возглавляемых войсковыми зауряд-офицерами и урядниками. Во главе «башкирского войска» стоял командующий, подчинявшийся военному министру.

Положение 14 мая 1863 г. уравнивало «башкирское войско» в гражданских правах с прочим населением и образовывало их управление «на сходных для устройства сельских обществ началах». Число кантонов с 28 сокращалось до 11. Функции кантонных начальников ограничивались правами и обязанностями мировых посредников. Лишь 2 кантона считались состоящими на военной службе. В 1865 г. было обнародовано новое Положение о башкирах, не вносившее ничего нового по сравнению с предшествующим и передававшее башкир в ведение гражданских учреждений. Положения 1863 и 1865 гг. содержали разделы, касающиеся

владения башкирами землей. Новое земельное устройство, сохраняя феодальные пережитки, создавало известные условия для развития капиталистических отношений.— ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 1, № 39622, 39623 и т. XL, № 42282.

219. 8 апреля 1863 г. в Государственном совете рассматривался журнал Главного комитета об устройстве сельского состояния «О порядке рассмотрения и решения дел по предъявленным крестьянами искам о правах собственности на имущества, приобретенные ими на имя помещиков». П. А. Валуев предложил изменить порядок разбора дел по вопросам о крестьянских правах на приобретенные ими земли, на имя помещиков, если последние не признавали крестьянских исков. Этот порядок был изложен в приложении к ст. 32 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», заключавшего в себе «Правила об укреплении за крестьянами недвижимых имуществ, приобретенных ими в прежнее время на имя их помещиков». Согласно «Правилам...», разрешение споров должно было последовательно рассматриваться мировым посредником, уездным мировым съездом, губернским по крестьянским делам присутствием с приглашением представителей судебного ведомства. Решение последней инстанции, выступавшей в качестве высшего совестного суда, было окончательным. П. А. Валуев предлагал разбор соответствующих дел возлагать на собрание предводителей дворянства с приглашением четырех членов губернского присутствия из местных дворян, а также представителей судебного ведомства — председателя местной гражданской палаты и совестного судью. Таким образом, проект П. А. Валуева предусматривал усиление влияния представителей дворянства при рассмотрении указанных дел. В Главном комитете об устройстве сельского состояния за предложение П. А. Валуева высказались 3 члена, против, т. е. за сохранение прежнего порядка,— 8. В Государственном совете соответственно 9 и 35.— ЦГИАЛ, ф. Мемории Общего собрания и Департаментов Государственного совета 1159 оп. 1, д. 212 за 1863 г., лл. 89—151.

220. Имеется в виду записка П. А. Валуева, в которой ставился вопрос о необходимости реорганизации Государственного совета путем привлечения к участию в его работе выборных представителей земств и сословий. Подробнее см. выше, стр. 32—35. Записка П. А. Валуева хранится в ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 15, лл. 6—7. Опубл. Берманьским в журн. «Вестник права», 1905, № 11.

221. 17 апреля Александр II принимал в Зимнем дворце депутатов, прибывших в Петербург для поднесения «всеподданнейших» писем, выражавших верноподданнические, шовинистические чувства в связи с польским восстанием. Среди депутаций были представители московского дворянства, городского общества, Университета, старообрядческой общины и губернские предводители новгородского, тверского, эстляндского, лифляндского дворянства и др. Александр II произнес речь, в которой выражал уверенность в возможности избежать европейской войны.

Речь Александра II, письма и описание приема депутаций см. «Северная пчела», 19 апреля 1863 г.

222. Речь идет о выступлении крестьян в так называемых лифляндских уездах Витебской губернии против двух отрядов польских повстанцев, возглавляемых местными помещиками. Это движение крестьян носило по существу антипомещичий характер.

В донесении динабургского жандармского штаб-офицера шефу жандармов В. А. Долгорукову от 15 апреля 1863 г. сообщалось, что «крестьяне, быв озлоблены на помещиков за то, что они в них стреляли и некоторых ранили, стали поджигать и грабить их имущества».— См. ЦГИАЛ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 90, л. 111.

223. Очевидно, имеется в виду французский министр иностранных дел Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys).

224. 23 апреля на заседании Западного комитета рассматривалось сообщение виленского генерал-губернатора и командующего военным округом В. И. Назимова о принятых им мерах в целях подавления польского национально-освободительного движения на территории Литвы. Распоряжение виленского генерал-губернатора содержало следующие меры: 1. Если обыватель отлучится и при объявлении не явится в течение 7 дней в штаб-квартиру, то отнести его к категории мятежников. 2. Если жители не выдадут лиц, близких к мятежникам, то на всю деревню накладывать контрибуцию от 50 коп. до 1 руб. на каждого (ЦГИАЛ, ф. Западного комитета 1267, оп. 1, д. 16, лл. 22—23). Однако министр внутренних дел выступил против предпринятых В. И. Назимовым мер, сочтя их неудобными и неосуществимыми и отметив, что в них «нет разделения между мерами, которые должны быть приняты в отношении сельского населения и в отношении городских обывателей, между тем как в деле польского движения первые вовсе не принимают участия и требуют лишь указаний на самоохранение от мятежников, последние же составляют главную основу революционных шаек» (там же, л. 25). Западный комитет указал на необходимость отмены распоряжений Назимова. П. А. Валуев считал необходимым в целях предотвращения распространения движения на Минскую и Могилевскую губ. принять другие чрезвычайные меры, а именно: применять «правила военного положения», а также издать особое положение, воспрещающее всем местным обывателям мужского пола, кроме крестьян, отлучку с мест жительства на расстояние более 30 верст без особых видов, выданных губернскими и военными уездными начальствами. «За нарушение сего правила можно было бы подвергать мещан и однодворцев отдаче в рабочие роты инженерного ведомства на сроки от 6 месяцев до 1 года, а дворян заключению в тюрьме на те же сроки и штрафу от 50 до 500 руб.» (там же, л. 27).

Наряду с этим П. А. Валуев внес в Комитет составленный им совместно с министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и согласованный с шефом жандармов и военным министром проект правил «для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов». Эти караулы должны были создаваться из местных крестьян по приказу уездного воинского начальника и находиться в его распоряжении. Каждый караул должен состоять из 60—100 человек во главе с унтер-офицером. В обязанности караула должно было входить: а) учреждение застав, б) охрана крестьянских селений от нападений повстанцев, в) осмотр лесов, г) поимка и преследование повстанцев и др. (там же, лл. 40—41). Предложение П. А. Валуева было одобрено Западным комитетом и утверждено Александром II 24 апреля 1863 г. (ЦГИАЛ, ф. Западного комитета 1267, оп. 1, д. 16. «Журнал Западного комитета 23 апреля 1863 г.»).

225. Вероятно, имеются в виду церковные процессии, связанные с религиозным праздником в день св. Марка. Правительство обратилось к варшавскому архиепископу Ф. Фелинскому с предложением совершить церемонию не на улицах, а в церквах, на что Фелинский ответил, что он «предпочитает лучше видеть на земле 10 тысяч трупов, нежели отказаться от самого незначительного права, присвоенного ему каноническими постановлениями».— А. Н. П о п о в. Последняя судьба папской политики в России.— «Вестник Европы», СПб., 1868, т. 2, № 3, стр. 74.

226. Подложный манифест был распространен представителями правого крыла польского Центрального комитета с целью поднять восстание в Поволжье. В манифесте, датированном 31 марта 1863 г., провозглашалось предоставление крестьянам бесплатно земли, отмена подушной

подати, ликвидация армии и т. д. Напечатан он был в г. Фридрихсгаме в Финляндии в количестве 42 тыс. экземпляров. Автор манифеста Юлий Бензенгер. «Если войска,— говорилось в подложном манифесте,— обманываемые их начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмелятся силою воспротивляться сему манифесту, да восстанет всякий для защиты даруемой мною свободы и, не щадя живота, выступит на брань со всеми дерзающими противиться сей воле нашей» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 97, ч. 31 за 1863 г., л. 6-а). Текст манифеста приводится А. И. Герценом в «Колоколе», 20 июня 1863 г., л. 166, в статье «Волжский манифест и Россия в осадном положении» (см. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 333—334; а также Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 г., стр. 31—33.

А. И. Герцен не имел никакого отношения к появлению манифеста. В указанной выше статье он писал: «Велика ответственность, которую берут на себя авторы такого рода воззваний. Путь этот опасен: народ перестанет верить печатному слову. Мы уверены, что общество «Земля и Воля», принимающее за правило устранять отдельные попытки, не имеет никакого участия в составлении этого манифеста. Мы не сомневаемся, что это воззвание сделано людьми благородными, но не сообразившими, между прочим, и того, что они в нем поддерживают старую несчастную мысль: царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешает, в то время, когда ясно, что не только другие мешают царю, но он сам себе мешает, потому что он сам настоящей воли дать не хочет».

Подробнее об отношении А. И. Герцена к Волжскому манифесту см. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVII, комментарии, стр. 333—335.

227. Отряд под руководством Сигизмунда Сераковского двигался в направлении Курляндской губ., стремясь поднять восстание крестьян-латышей. С. Сераковский призывал крестьян захватывать помещичьи земли. В районе местечка Биржай Поневежского у. Ковенской губ. отряд С. Сераковского столкнулся с правительственными войсками. Сражение, длившееся 3 дня, закончилось разгромом повстанцев. Через несколько дней Сераковский был взят в плен и в июне 1863 г. казнен в Вильно.— См. «История Польши», т. 2, М., 1955, стр. 136.

228. «Проект правил о порядке увольнения членов Остзейских крестьянских обществ и о порядке перечисления их к другим обществам» был внесен П. А. Валуевым на рассмотрение Государственного совета 15 января 1863 г. Основное его содержание заключалось в установлении правил для выдачи паспортов при уходе крестьян на заработки. Проект с некоторыми изменениями был одобрен соединенными Департаментами законов и государственной экономии (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета 1149, оп. т. VI, д. 14 за 1863 г., лл. 9—53, 97—99).

229. «Время» — литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1861—1863 гг. Редактором и издателем был М. М. Достоевский, ближайшее участие в редакции принимал Ф. М. Достоевский. Журнал стоял на позиции, близкой к славянофилам. В нем печатались — Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Помяловский и др.

230. Статья «Роковой вопрос» (заметка по поводу польского вопроса), подписанная псевдонимом «Русский», принадлежала перу Н. Н. Страхова. Статья была опубликована в № 4 журнала «Время» за 1863 г. и написана в полонофильском духе. Автор указывал, что борьба польского народа носит «бесконечно-героический характер», что полякам, как наиболее культурной нации, принадлежит главная роль в славянском мире.

За опубликование этой статьи журнал был запрещен.

231. Согласно ст. 12 учреждения Государственного совета, «в департаменты, по усмотрению их, могут быть приглашаемы к совещанию и лица посторонние, от коих, по свойству дела, можно ожидать полезных объяснений».— См. «Свод законов Российской империи 1857 года», т. 1, ч. 2, СПб., 1857, «Учреждения Государственного совета».

В первых восьми заседаниях (с 1 по 29 июля 1863 г.) соединенного присутствия Департаментов законов и государственной экономии Государственного совета при обсуждении проекта земской реформы участвовали в качестве приглашенных лиц, экспертов, губернские предводители петербургского и московского дворянства, а также городские головы Петербурга и Москвы.— См. В. В. Гармиза. Подготовка земской реформы 1864 года, стр. 230—241.

232. См. комментарий 236.

233. Отряд правительственных войск, состоявший из четырех рот, 10 июня 1863 г. в районе местечка Попелян Шавельского у. Ковенской губ. безуспешно атаковал несколько раз повстанческий отряд. Правительственные войска понесли большие потери: убитых 3 офицера и 23 солдата, раненых 4 офицера и 46 солдат.— См. «Северную почту», 18 и 23 июня 1863 г.

234. В середине июня 1863 г. послы трех европейских держав — Великобритании, Франции и Австрии — вручили А. М. Горчакову ноты по вопросу о Польше. Несмотря на различие этих нот по форме, по своему содержанию они были одинаковы. В нотах были сформулированы следующие требования. 1. Объявление всеобщей амнистии. 2. Организация народного представительства в соответствии с трактатами Венского конгресса. 3. Назначение поляков на административные должности. 4. Свобода совести и отмена стеснений, наложенных на католическую церковь. 5. Признание польского языка в качестве официального. 6. Установление правильной системы рекрутского набора. Кроме того, Англия и Франция настаивали на созыве конференции.

Содержание иностранных депеш и ответы на них русского правительства см. С. С. Татищев. Указ. соч., т. 1, стр. 487—494; В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия, стр. 288—294.

235. Слухи о предстоящей казни гр. В. М. Старжинского не имели под собой достаточных оснований. Исполняющий должность гродненского губернского предводителя дворянства гр. В. Старжинский выступил на съезде помещиков губернии с призывом отказываться от государственной службы. В разговоре с вел. кн. Константином Николаевичем он заявил, что «поляк может только служить польскому королю» (л. 5). 24 мая у гр. Старжинского был произведен обыск и обнаружено оружие, вследствие чего он был арестован.

В мае 1863 г. Виленской следственной комиссией гр. Старжинский «подвергся обвинению в циркулярном сообщении уездным предводителям дворянства письма от 16 марта с. г., в коем он, извещая их о предстоящем выходе своем в отставку и описывая причины, побудившие его подать прошение об увольнении от службы, позволил себе порицать установленный в западных губерниях образ правления и оскорблять правительство, осуждая действия его по управлению этими губерниями».

Военный суд приговорил гр. Старжинского к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Так как к этому времени восстание было подавлено (конец 1863 г.), М. Н. Муравьев предложил ограничить наказание заключением в одной из внутренних крепостей империи на один год и далее выслать в отдаленную губернию «под ближайший строгий надзор полиции». Александр II утвердил приговор Муравьева.

Старжинский отбыл годичное заключение в Бобруйской крепости и был отправлен в Пермскую губ., где пробыл до конца 1864 г. С начала 1865 по 1874 г. он находился под надзором полиции в г. Боброве Воронежской губ.— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 23, ч. 81 за 1863 г.

236. В ЦГИАМ в личном фонде Александра II (д. 848, лл. 5—14) хранится письмо Ф. Фелинского на имя императора от 12 июня 1863 г. Письмо представлено писарской копией на французском языке. В нем выражено по собственному признанию варшавского архиепископа, его политическое credo. Ф. Фелинский был сослан в Ярославль. См., кроме указанного выше дела, также ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 24 за 1862 г. «Об архиепископе Фелинском».

236а. Имеется в виду награждение орденом Андрея Первозванного.

236б. Речь идет о зачислении в императорскую свиту. Лица, состоящие в свите, носили на правой стороне мундира золотой аксельбант, на наконечниках которого был изображен вензель царя.

237. При обсуждении в соединенном присутствии Департаментов законов и государственной экономии Государственного совета вопросов о существе и пределах власти земских учреждений, а также порядке действий их и ответственности, в частности, было предложено включить в круг деятельности земских учреждений «участие в делах по исполнению почтовой повинности» («Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях», [б. д.] стр. 293).

П. А. Валуев заявил, что «при обсуждении проекта не может быть и речи об участии земских учреждений в заведовании повинностями государственными» (там же, стр. 307).

238. Вероятно, имеется в виду передовая статья в «Северной почте», 5 июля 1863 г., посвященная общим вопросам внутренней политики в связи с польским восстанием.

239. Очевидно, празднование было связано с возвращением лейб-гвардии Гренадерского полка в Петербург после участия в подавлении польского восстания.

240. Имеются в виду статьи, помещенные в № 138, 140—143 (июнь 1863 г.) «Северной почты», в которых излагалось содержание подготовленной земской реформы.

241. Имеются в виду трактаты, заключенные 21 апреля (3 мая) 1815 г. между Россией и Австрией и Россией и Пруссией.— См. Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 3 (1808—1815 гг.), СПб., 1876, № 80, стр. 317—333; № 81, стр. 333—353.

241а. См. комментарий 242.

242. 11 июля 1863 г. в Совете министров обсуждалось предложение Гопе, сделанное от имени группы лондонских негоциантов и банкиров о сооружении железнодорожной линии от Москвы до Севастополя протяжением 1439 верст. Основные условия предложения заключались в следующем. Концессия должна была быть предоставлена на 99 лет со дня окончания строительства. Срок выполнения работ устанавливался в 6 лет. Акционеры предоставляли в обеспечение своей благонадежности 1 млн. руб. серебром, а позднее, после создания акционерного общества, вместо этой суммы должны были внести 500 тыс. фунтов стерлингов, которые подлежали возврату по мере выполнения работ.

Правительство должно было гарантировать акционерам дивиденд в размере 5% на определенный сметами капитал, «к которому прибавлялась премия в размере до 7 шиллингов на каждый фунт стерлингов для привлечения акционеров для скорейшего сбора капиталов» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 51, л. 7).

Для снабжения железной дороги углем правительство должно было

предоставить акционерному обществу исключительное право добычи угля в Донбассе на пространстве в 12 км. Совет министров решил этот вопрос отрицательно. 16 июля он вновь рассматривался в Комитете министров, где и был решен положительно.

22 июля решение Комитета министров было утверждено Александром II.— См. ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, оп. 1, д. 3034 «Особый журнал Комитета министров 16 и 18 июля 1863 г. относительно концессии для устройства железной дороги от Москвы до Севастополя», лл. 239—280.

243. 27 июля 1863 г. дворянство Виленской губ. представило генерал-губернатору М. Н. Муравьеву адрес на имя Александра II с выражением верноподданнических чувств и просьбой о помиловании лиц, участвовавших в восстании. Муравьев не был удовлетворен содержанием адреса и настаивал на необходимости включения в адрес обещания о том, что дворяне «не будут никогда стремиться к соединению Литвы с Польшею и останутся навсегда верноподданными государю императору». Адрес был подписан 237 дворянами, которые, как указывалось в донесении на имя кн. В. А. Долгорукова, «торжественно заявили разрыв свой с революционной партией».— См. ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 23, ч. 13 1863 г., л. 136. В деле текста адреса не имеется.

244. 18 июля 1863 г. П. А. Валуев обратился с «отношением», сделанным по «высочайшему» повелению, к министру народного просвещения по вопросу об украинской литературе. В «отношении» Валуев указывал, что «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши». В соответствии с этим указывалось, что «министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще, назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться». Отношение опубликовано в кн. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, стр. 302—304.

245. 7 августа 1863 г. во Франкфурте состоялся съезд глав всех германских государств. По настоянию Бисмарка прусский король Вильгельм I не принял участия в собрании. Председательствовал австрийский император Франц-Иосиф.

246. Имеется в виду Александр Карлович Майснер, или Мейснер.

247. Речь Александра II опубликована в «Северной пчеле», 7 сентября 1863 г.

248. Имеется в виду греческий король Георг I.

249. В заседании Главного комитета об устройстве сельского состояния рассматривались два представления М. Н. Муравьева. Первое — об увеличении поверочных комиссий в северо-западном крае. М. Н. Муравьев, ставя этот вопрос, предлагал расходы по содержанию комиссий возложить на помещиков. П. А. Валуев выступил против этого предложения, полагая, что «не все помещики участвовали в беспорядках», в силу чего несправедливо возлагать на них расходы по содержанию комиссии. Кроме того, Валуев считал, что одной поверочной комиссии на уезд вполне достаточно.

Второе представление Муравьева касалось вопроса «о невыдаче помещикам северо-западного края из уездных казначейств следующих им повинностей». По его мнению, предполагаемая «мера послужит в будущем к значительному облегчению крестьян, которые чрез это полу-

чают возможность окончить свои расчеты с казною и вступить в права крестьян-собственников ранее предположенного срока, и что только тогда все сельское население будет совершенно преданно правительству, а мятежные покушения дворянства и католического духовенства будут бессильны и безуспешны» (см. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. 2, д. 132, журнал № 43 «О новых правилах для поверенных комиссий в северо-западных губерниях», лл. 356—357).

П. А. Валуев высказался против, заявив, что «мера эта была бы крайне обременительна для помещиков». Комитет министров поддержал мнение П. А. Валуева; Александр II утвердил мнение Комитета 22 октября.

Третье представление в журнале Главного комитета об устройстве сельского состояния за 7 октября не отражено. По-видимому, оно не было зафиксировано письменно и представляло собой простой обмен мнений по вопросу наделения бобылей и батраков земельными наделами. Эта мера была осуществлена позднее, в 1864 г.

249а. 8 октября в Комитете министров рассматривалось ходатайство раскольников Поморской секты об открытии Охтенского старообрядческого кладбища, закрытого в 1852 г. Это ходатайство было поддержано петербургским генерал-губернатором, Суворовым и Валуевым. Синод выступал решительно против.

В заседании Комитета большинство высказалось за удовлетворение ходатайства. Меньшинство же во главе с председателем Комитета П. П. Гагариным выступило против. Александр II предложил отложить решение этого дела впредь до пересмотра общих дел о раскольниках.— ЦГИАЛ ф. Комитета министров 1263 д. 3042 «Особый журнал 8.X. 1863 г.», лл. 71—99.

250. Еврейский комитет был образован 19 декабря 1840 г. для «рассмотрения мер по устройству евреев в России». Упразднен 9 января 1865 г. Материалы Еврейского комитета хранятся в ЦГИАЛ, ф. 1269.

251. Вероятно, имеется в виду обсуждение Временных правил о печати, изданных 6 апреля 1865 г.— См. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг., стр. 404—417.

252. 5 ноября (24 октября) Наполеон III в своей речи на сессии Законодательного корпуса выдвинул предложение о созыве всеевропейского конгресса в Париже для совместного обсуждения мер, направленных на умиротворение Европы, т. е. пересмотр постановлений Венского конгресса для разрешения польского вопроса. Это предложение должно было смягчить поражение европейской дипломатии, связанное с отклонением Россией нот трех держав по вопросу о Польше.

Александр II в ответе на письмо Наполеона III, посвященное этому же вопросу, соглашался в весьма общей форме с целесообразностью созыва конгресса, указывая на необходимость предварительно определить круг вопросов, которые должны рассматриваться на конгрессе. Обмен письмами между Наполеоном III и Александром II не привел ни к каким результатам.— См. С. С. Татищев. Указ. соч., т. 1, стр. 497—498. В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, стр. 346—347.

253. Речь идет о распространении указа 1 марта 1863 г. об обязательном выкупе крестьянских наделов на Могилевскую губ. и белорусские уезды Витебской губ. При рассмотрении этого вопроса в Главном комитете 30 сентября мнения разделились; три весьма влиятельных министра — гр. В. Ф. Адлерберг, П. А. Валуев и М. Х. Рейтерн — решительно выступили против распространения обязательного выкупа на Могилевскую губ. и белорусские уезды Витебской губ., указывая, что подобное решение «не согласно с теми основаниями, которые имелись в виду при

зведении этой меры в губерниях северо-западных... и в губерниях украинских» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. 2, д. 132, журнал № 42, 30 сентября 1863 г., л. 316).

Далее отмечалось, что как северо-западные, так и украинские, т. е. правобережные, губернии отличаются от всех великороссийских и по хозяйственному быту крестьян и по их отношению к землевладельцам, что и нашло свое отражение в особых местных Положениях, в то время как на белорусские губернии (Могилевскую и Витебскую) распространяется великороссийское Положение. «При таких условиях,— говорили они,— распространить обязательный выкуп на белорусские губернии значило бы вводить начало, допущенное лишь по необходимости и притом только для местностей, находящихся на особом положении, в сферу великороссийского Положения, а это было бы крайне неосторожно, ибо сим могли бы возбудиться хотя и неосновательные, но тем не менее невольные опасения, что обязательный выкуп будет со временем распространен на великороссийские губернии... Соображения эти приобретают особенную важность, если принять во внимание, что предлагаемая мера ни в каком случае не может совершиться без потрясения права собственности и что если можно было бы признать полезным в северо-западном крае и украинских губерниях предоставить льготы крестьянам на счет бунтующих помещиков, то применение сей же системы... в отношении значительного числа невинных помещиков значило бы вступать решительно на путь политических сделок с крестьянами, а это едва ли может считаться согласным с требованием здравой государственной системы» (там же, лл. 316—318).

Кроме того, по их мнению, вводить обязательный выкуп в этих губерниях нет никакой необходимости, так как восстание здесь далеко не достигло тех размеров, как в Литве. К тому же — и это, бесспорно, являлось основной причиной возражений против обязательного выкупа — количество польских помещиков в этих губерниях, по утверждению вышеназванных министров, было значительно меньшим, нежели в Литве, Минской губ. и Правобережной Украине.

В силу всего этого они считали вполне достаточными те меры, которые предлагались первоначально М. Н. Муравьевым. Однако большинство членов Главного комитета (кн. П. П. Гагарин, бар. М. А. Корф, К. В. Чевкин, Д. А. Милютин, А. А. Зеленой, Д. Н. Замятнин и А. Л. Потапов) считали введение обязательного выкупа единственным средством «избавить тамошних крестьян от всяких обязательных отношений к польским помещикам» (там же).

В соответствии с решением большинства членов Главного комитета, утвержденным царем 2 ноября 1863 г., был издан указ о прекращении с 1 января 1864 г. (ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 2, 40172) обязательных отношений временнообязанных крестьян к помещикам в Могилевской губ. и белорусских уездах Витебской губ. Размер выкупных платежей понижался на 20% против оброка, установленного по уставным грамотам, за исключением тех имений, где оброк был определен ниже размеров, установленных Местным положением.

254. Рожки употреблялись в медицине в качестве банок.

255. Указом 14 апреля 1862 г. (ПСЗ, 2 собр. т. XXXVII, отд. 1, № 38207) с 1 мая 1862 г. начал производиться обмен кредитных билетов на серебро по специально установленному курсу (один полуимпериал равнялся 5 руб. 70 коп., один серебряный рубль — 1 руб. 10½ коп.). В 1863 г. в связи с польским восстанием и возможностью войны с Западной Европой размен значительно усилился, что и привело к истощению запаса серебра. 5 ноября 1863 г. размен был приостановлен.— См. И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия, т. 2, СПб., 1882, стр. 94—98.

256. См. выше, стр. 32—35.

257. Сущность датского вопроса заключалась в стремлении Пруссии присоединить герцогства Шлезвиг и Гольштейн, находившиеся с конца XVIII в. в составе Датского королевства. Инициатива этого принадлежала канцлеру Бисмарку, которому удалось привлечь на свою сторону и Австрию. Поводом для возбуждения шлезвиг-гольштейнского вопроса явилась смерть датского короля Фридриха VII, последовавшая 15 ноября 1863 г.— См. «История дипломатии», т. I, стр. 711—716; С. С. Татищев. Указ. соч., т. 2. СПб., 1911, стр. 42—43.

257а. Записка Н. А. Милютина опубликована в кн. «Исследование в Царстве Польском в 1863—1864 гг.», т. I—V, СПб., 1865.

258. Имеется в виду гр. Д. Н. Блудов.

259. Речь идет о заседании соединенного присутствия Департаментов законов и государственной экономии, обсуждавшем представленный Министерством внутренних дел проект положения о земских учреждениях. Протоколов этих заседаний не сохранилось. В журнале соединенного присутствия, в котором излагается весь ход обсуждения проекта на протяжении 16 заседаний (август — декабрь 1863 г.), по указанному вопросу было выдвинуто четыре предложения. Валуев высказался за то, чтобы число гласных от сельских обществ определять по норме — 1 представитель от 4000 ревизских душ, от городов, в зависимости от их размера,— один гласный от 1500 до 7000 жителей обоего пола, от землевладельцев — 1 гласный от 3000 средних душевых наделов с тем ограничением, чтобы число гласных от землевладельцев никак не превосходило более чем вдвое количества гласных от городов и сельских обществ и не было нигде более сорока.

П. П. Гагарин и Д. А. Милютин предложили избирать гласных по одному принципу как от сельских обществ, так и от городов, а именно: от сельского населения одного гласного от 3000 душ мужского пола; от городов по одному гласному от 1000 жителей мужского пола. При этом, по их мнению, нельзя допустить, чтобы число гласных от городов превышало число гласных от сельских обществ. По вопросу о гласных от землевладельцев председатель соединенного присутствия считал, что число их должно равняться числу гласных от остальных двух курий, а военный министр — лишь числу гласных от первой. Четвертое мнение было выражено тремя членами соединенного присутствия (бар. М. А. Корф, Н. И. Бахтин, кн. А. А. Суворов), считавшими ненужным создавать отдельные курии, а определить общее число гласных от уезда «без распределения на гласных от землевладельцев, городов и крестьян».— ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета 1149, оп. т. VI, д. 82, за 1863 г., л. 17).

259а. Речь идет о празднике георгиевских кавалеров. 26 ноября 1769 г. был учрежден военный орден «Святого великомученика победоносца Георгия» — георгиевский крест. Орден имел четыре степени. Им награждались офицеры за те или иные боевые подвиги. До 1855 г. орденом четвертой степени награждались также офицеры за двадцатипятилетнюю «беспорочную службу» в армии при условии личного участия в одном из сражений и офицеры-моряки за 18 морских кампаний. Награжденные орденом пользовались рядом преимуществ и имена их заносились на мраморную доску в Георгиевском зале, в Кремле. Общее число награжденных за 100 лет с 1769 по 1869 г. было невелико. Так, первой степенью было награждено 19 человек, второй — 100, третьей — 512, четвертой — 10 256 человек (из этого числа было награждено за долголетнюю службу около 7500). В 1808 г. был учрежден знак военного ордена Солдатский георгиевский крест, а в 1856 г. было установлено четыре степени этого ордена. Свод Законов Российской империи, т. I, 1857 г.

260. На заседании Комитета финансов 30 ноября обсуждались предположения наместника Царства Польского о необходимых мерах для пополнения казны Царства Польского на покрытие чрезвычайных расходов. В связи с восстанием доходы государственного казначейства в Царстве Польском значительно уменьшились, а расходы, напротив, резко увеличились. Это и вызвало необходимость изыскания дополнительных источников дохода. Комитет финансов принял по этому вопросу следующие решения: во-первых, «не допуская выпуска беспроцентных билетов казначейства Царства, разрешить выпуск четырех новых серий процентных билетов, выпуская их постепенно»; во-вторых, «разрешить управлению Царства увеличить размер подымной подати и шарваркового сбора на 5 коп. (если невозможно более) с рубля, но только с господских дворов, церковных приходов и городов, отложив до более благоприятных обстоятельств предположенное составление нового распределения этих податей». Комитет финансов постановил считать «самой действительной мерой» установление контрибуции, предоставив управлению Царства определить правила ее взимания.— ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 177, лл. 50—76.

261. Речь идет об обязательствах государственного казначейства и банка. Министр финансов М. X. Рейтерн представил Комитету финансов проект соглашения, заключенного бар. А. Л. Штиглицом с домами Ротшильдов в Лондоне и Париже с целью отсрочки уплаты тех обязательств государственного казначейства и банка, которые должны быть покрыты из сумм седьмого 5-процентного займа. Условия договора были следующими. Ротшильды уплачивали проценты по правительственным долгам и гарантированному доходу по акциям Главного общества российских железных дорог на сумму 4500 тыс. руб. серебром, а также брали на себя уплату по векселям банка на сумму 32 500 тыс. руб. За предоставленный кредит Ротшильды получали процент, равный проценту, взимавшемуся Английским и Французским банками (но не менее 6%). Комитет финансов одобрил и утвердил проект соглашения.— См. ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 178, лл. 1—4.

262. 26 мая 1863 г. П. А. Валуев внес проект земской реформы в Государственный совет. Проект обсуждался на заседаниях соединенного присутствия Департаментов законов и государственной экономии в течение июля 1863 г., в декабре же — в общем собрании Государственного совета. 1 января 1864 г. проект был утвержден Александром II (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, отд. 1, № 40457). При обсуждении этого вопроса в Государственном совете Д. А. Милютин, М. А. Корф, Н. И. Бахтин, А. А. Суворов, Е. П. Ковалевский и др. выступили против проекта министра внутренних дел. Они настаивали на ослаблении дворянских привилегий, расширении состава представительства и компетенции земских органов и уменьшении влияния на земство правительственных органов.— См. В. В. Гармиза. Подготовка земской реформы 1864 г., стр. 230—241.

263. По-видимому, речь идет о проекте устава Общества для распространения грамотности и православного образования в губерниях Киевского учебного округа (ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 97, лл. 17—27). На проекте рукою Валуева написано «От Г. П. Галагана 13.XII». Проект подписан группой помещиков и профессоров Киевского университета. Целью общества, согласно проекту, признавалось «обучение грамоте и истинам веры», а также «содействие к распространению в народе технических и ремесленных сведений». Проект предполагал предоставление права Обществу открывать на свои средства народные училища во всех местностях Киевского учебного округа.

263а. 11 января в Совете министров рассматривались две записки главноначальствующего над почтовым департаментом И. Толстого —

«О предположенных улучшениях по почтовой части» и «О плате за пересылку казенной корреспонденции».

В первой ставился вопрос о тяжелом положении почтовых чиновников, работающих без ограничения во времени и получающих мизерное жалованье (так, губернский почтмейстер получал 1 руб. 17½ коп. в день, а соответствующие ему по должности и чину председатели губернских палат — 8 руб. в день; смотритель почтовой станции получал 11 коп. в день, а чиновник того же класса, содержавшийся под стражей, получал кормовых 12 коп. в день).

Толстой считал необходимым в ближайшем времени возобновить ходатайство о скорейшем утверждении вновь проектируемых штатов. Наряду с этим в записке делался ряд предложений, ничего общего с положением почтовых чиновников не имеющих (уменьшение платы за пересылку книг, введение единой формы почтовых повесток и др.).

Все предложения по обеим запискам были утверждены.— ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 53.

264. Имеется в виду начало военных действий Австрии и Пруссии против Дании за Шлезвиг и Гольштейн. Война окончилась 30 октября 1864 г. победой союзников, к которым перешли герцогства Шлезвиг Гольштейн и Лауенбург.

265. Вечером 30 января произошел пожар на Александровском пушечном заводе. Сгорел верхний этаж доменного цеха, часть литейного и пушечного цехов. Причина пожара осталась неизвестной.— См. «Северная почта», 2 февраля 1864.

266. С 1864 по 1866 г. московским военным генерал-губернатором был Михаил Александрович Офросимов.

267. 21 сентября 1863 г. было учреждено Петербургское общество сельских хозяев под наблюдением Министерства государственных имуществ. Как указывалось в проекте, общество учреждалось «для сближения лиц, занимающихся и интересующихся сельским хозяйством, и содействия успехам земледельческой промышленности». Деятельность Общества заключалась в следующем: «1) чтения, рассуждения и беседы о сельскохозяйственных вопросах; 2) содействие хозяйствам в устройстве имений полезными указаниями, посредничеством, рекомендациями и т. д.; 3) собрание и распространение сведений о разных, являющихся в России и за границею изобретениях и усовершенствованиях в сфере сельского хозяйства; 4) открытие выставок земледелия и скотоводства с раздачею похвальных листов и премий; 5) осмотр лучших хозяйств с присуждением лицам, которых хозяйства оказались примерными, похвальных листов и премий; 6) устройство систематических и конкурсных испытаний машин и орудий и раздача за лучшие из них премии; 7) определение и опубликование достоинств и настоящей ценности являющихся в торговле машин, семян, домашних животных, удобрений и кормов, а также производство опытов и анализов над разными сельскохозяйственными предметами, обращающимися в промышленности и т. п.».— См. устав Общества в «Северной почте», 25—26 октября 1863 г.

268. Вероятно, имеется в виду Ставрополь, где находился один из сыновей П. А. Валуева.

269. Речь идет о четырех указах, подписанных 19 февраля 1864 г. 1. «Об устройстве крестьян Царства Польского» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, отд. I, № 40 609). По этому указу земли, находившиеся в пользовании крестьян, признавались их полной собственностью; с апреля 1864 г. крестьяне освобождались от повинностей в пользу владельцев имений (барщины, денежного окупа, чинша и др.). 2. «Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, отд. I, № 40 610). В законе регламентировалось гминное устройство, определялся круг прав и обязанностей гминного схода, гминного войта, солтысов, гминного суда.

3. «О ликвидационной комиссии Царства Польского» (ПСЗ. 2 собр., т. XXXIX, отд. I, № 40 611). Комиссия создавалась для оценки повинностей и определения вознаграждения помещикам. 4. «О порядке введения в действие новых постановлений о крестьянах Царства Польского» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, отд. I, № 40 612). Обнародование указов возлагалось на наместника Царства Польского, проведение их в жизнь поручалось Учредительному комитету Царства Польского, ликвидационной комиссии и комиссиям по крестьянским делам. Крестьянская реформа в Польше значительно отличалась от Положения 19 февраля 1861 г., что обусловливалось стремлением правительства отвлечь крестьянство от участия в национально-освободительном движении. За земли, переходившие в собственность крестьянам, они не уплачивали никаких выкупных платежей, а вознаграждение помещикам производило государство. Организация сельских гмин основывалась на всесословном принципе.

270. Речь идет о записке Д. Н. Блудова «Об учреждении в С.-Петербурге для высшего управления народными училищами особого попечительного совета». Основная мысль этой записки состояла в том, чтобы «допустить участие православного духовенства в высшем управлении народными училищами». Общее собрание Государственного совета постановило передать записку предварительно министру народного просвещения для представления им совместно с обер-прокурором Синода своих соображений по этому поводу (ЦГИАЛ, ф. мемории Общего собрания Государственного совета 1159, оп. т. I, д. 218 «Особая часть мемории Общего собрания Государственного совета 24 февраля 1864», лл. 441—442). Дальнейшую судьбу проекта по фондам Государственного совета Министерства народного просвещения и Синода выяснить не удалось.

271. Имеется в виду просьба Н. Новосельского, заключавшаяся в ходатайстве об учреждении над ним попечительства. Н. Новосельский мотивировал это желанием получить новый заем, который не мог быть ему иначе выдан из-за его банкротства. Комитет министров в просьбе отказал.— ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, оп. 1, д. 3031, лл. 282—283.

272. На соединенных заседаниях Главного об устройстве сельского состояния и Западного комитетов 14 и 25 февраля рассматривалось ходатайство кн. Радзивилла и других, поддержанное министром внутренних дел, об изменении инструкции поверочным комиссиям северо-западного края, составленной виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым. В записке министра внутренних дел отмечалось, что инструкция не удовлетворяет помещиков вследствие низкой оценки земли. Как указывал П. А. Валуев в записке от 28 декабря 1863 г., в соседней с Ковенской Курляндской губернии «народ уже теперь имеет повод к неудовольствию, видя, как низко оцениваются крестьянские земли в Ковенской губ., видя, что жмудский домохозяин (про которого латыш знает, что он содействовал восстанию) платит менее половины оброка за такую же плодородную землю, за которую он (всегда верный престолу и покорный перед законом) платит вдвое более» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. XV, д. 178, л. 5). В соответствии с представлением Валуева было предложено генерал-губернатору М. Н. Муравьеву пересмотреть инструкцию (там же, оп. 2, д. 133, лл. 165—173).

273. По-видимому, речь идет о хранящемся в фонде П. А. Валуева проекте «Об учреждении общества центрального поземельного банка». Проект представлен писарской копией, без подписи и даты. Таким образом, определенно утверждать, что П. А. Валуев имеет в виду именно данный проект, затруднительно. Проект предполагал организацию в Петербурге указанного выше банка с капиталом в 10 млн. руб. В губерниях предполагалось создать отделения банка, именовавшиеся товарищества-

ми. Во главе банка должно было стоять правление из 15 человек — 5 директоров и 10 членов. «Банк,— указывалось в проекте,— производит ссуды исключительно под залог сельских недвижимых имений. Городские недвижимости в залог не принимаются» (ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 36, лл. 65—66). Проект предусматривал выдачу двоякого рода ссуд: краткосрочных (от 6 месяцев до 3 лет) и долгосрочных (от 10 до 20 лет). Этот проект создания банка не был реализован.

274. Имеется в виду Комитет по делам Царства Польского, учрежденный в качестве высшего совещательного органа при императоре 25 февраля 1864 г. Указ о его создании был опубликован лишь 1 декабря 1866 г.— ПСЗ, 2 собр., т. XLI, отд. 2, № 43924. В Комитете обсуждались проекты реформ, касающиеся управления Царством Польским в связи с восстанием 1863 г. Во главе Комитета стоял Александр II, в отсутствие его кн. П. П. Гагарин. Членами Комитета являлись: К. В. Чевкин, А. А. Зеленой, П. А. Валуев и Н. А. Милютин. Комитет просуществовал до 1881 г. Архив Комитета хранится в ЦГИАЛ, ф. 1270.

275. Для расследования причин движения крестьян Лифляндской губ. был послан гр. В. А. Бобринский. В записке, хранящейся в фонде П. А. Валуева, Бобринский указывал, что «крестьяне, кои в Лифляндской губернии перешли в 1845 г. к православию, воспитанные в правилах лютеранской веры, не были увлечены религиозными убеждениями, но лишь надеждою улучшить вообще свой материальный быт». Волнения крестьян выражались в отказах от исповеди и причастия, заключения браков, крещения детей по обрядам православной церкви.— ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 45, ч. 2, л. 102.

276. «Монитёр» («Moniteur Universel») был основан в мае 1789 г. С конца этого года до 1 января 1869 г. являлся, с небольшими перерывами, официальным правительственным органом во Франции.

277. В 1858 г. II отделению было поручено привести в систему и пересмотреть существующее законодательство о раскольниках, определив различие между сектами с точки зрения их враждебности господствующей церкви. В результате этой работы 4 октября 1863 г. П. А. Валуевым была составлена «Всеподданнейшая записка о раскольниках» (копия этой записки хранится в ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел 1282, оп. 2, д. 2087, лл. 3—39). Для рассмотрения этой записки был учрежден Временный комитет под председательством В. Н. Панина в составе: архиепископов Тверского Филофея, Рижского Платона, духовника императорской семьи протопресвитера В. Б. Бажанова, шефа жандармов В. А. Долгорукова, министра юстиции Д. Н. Замятнина, министра внутренних дел П. А. Валуева, обер-прокурора Синода Ахматова, представителя II отделения статс-секретаря Д. М. Сольского и статс-секретаря С. Н. Урусова. Задача Комитета заключалась в пересмотре действовавших постановлений о раскольниках (там же, л. 41).

278. См. комментарий 298.

279. 30 марта 1864 г. за оскорбление часовых Зимнего дворца были арестованы студент Петербургского университета Николай Приходько и сын чиновника Александр Штрейх. Штрейх состоял под надзором полиции за обнаруженные у него при обыске в 1863 г. номера «Колокола». По приговору военного суда Приходько был заключен в Петропавловскую крепость на три месяца, Штрейх осужден на каторжные работы.— ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 99 за 1864 г. Об обвинении Штрейха в хранении «противоправительственных сочинений» (см. там же, д. 97, ч. 84 за 1863 г.).

280. 7 апреля 1864 г. в «Северной почте» был опубликован указ министру финансов, подписанный Александром II 3 апреля 1864 г. Правительство объявляло о заключении внешнего англо-голландского займа на сумму 70 800 тыс. гульденов или 6 млн. фунтов стерлингов «для уси-

ления средств государственного казначейства, в особенности по заграничным расходам, вынужденным чрезвычайными обстоятельствами минувшего года».— См. «Северная почта», 7(19) апреля 1864 г.

281. 6 апреля 1864 г. прусские войска произвели штурм дюппельских укреплений. Были взяты в плен 11 офицеров и 2 тыс. солдат датской армии. Сообщение об этом см. «Северная почта», 7(19) апреля 1864 г.

282. Речь идет о вел. кн. Константине Николаевиче.

283. Имеется в виду доклад, представленный морским генерал-аудиторпатом, с проектами положения о военно-исправительной тюрьме морского ведомства и о сроках заключения в тюрьме.— См. ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, оп. 1, д. 56 за 1864 г., лл. 10—24.

284. См. комментарий 275.

285. Имеется в виду II отделение с. е. и. в. канцелярии, занимавшееся кодификацией законов.

286. 24 апреля 1864 г., в день праздника Фиделия Сигмарингенского, в Коллегии пропаганды папа Пий IX произнес речь, в которой обвинял Александра II в угнетении римско-католической церкви и преследовании католиков. Вслед за этой аллокуцией папа Пий IX разослал 30 июля 1864 г. послание польским епископам, оправдывающее участие духовенства в восстании. В результате русский посланник в Ватикане гр. Н. Д. Киселев был отозван. Вскоре произошел разрыв дипломатических отношений, а также было аннулировано соглашение (конкордат) с Ватиканом, заключенное в 1847 г.— См. А. Н. Попов. Последняя судьба папской политики в России.— «Вестник Европы», 1868, кн. 1—3.

287. По-видимому, речь идет о книге М. П. Позена «Бумаги по крестьянскому делу», изданной в Дрездене в 1864 г.

287а, 14 мая 1864 г. виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев представил Александру II записку «О некоторых вопросах по устройству северо-западного края»,— ЦГИАЛ, ф. Западного Комитета 1267, оп. 1, д. 27, лл. 120—184.

Отмечая, что хотя восстание в северо-западном крае и подавлено, однако «огонь тлеет еще под пеплом и несомненно, что с ослаблением правительственных мер наблюдения он возгорится еще с вящею силою» (л. 120). Муравьев высказывался за продолжение политики репрессий и борьбы против польского влияния в литовских и белорусских губерниях. Он рекомендовал принять ряд мер «для утверждения русского владычества в северо-западном крае» (л. 121).

1. Необходимо упрочить и возвысить «русскую народность и православие», для чего заняться устройством быта крестьян, а также способствовать распространению образования «в духе православия и русской народности».

2. Следует повысить значение православного духовенства, создав для него независимое положение от местных помещиков, и установить строжайшее наблюдение за католическим духовенством.

3. Все высшие административные должности в северо-западном крае замещать чиновниками русского происхождения.

Далее Муравьев подробно конкретизировал эти предложения. Так, по первому вопросу в отношении быта крестьян он рекомендовал следующее: а) возвратить крестьянам все земли, отнятые у них помещиками с 1857 г., т. е. с момента опубликования рескрипта ген. Назимову; б) крестьянам, обезземеленным с 1846 г., возвратить хотя бы часть земли, которой они владели, с тем, чтобы они имели свой двор, огород и небольшой участок пахотной земли; в) мировые учреждения должны руководствоваться точным исполнением закона и данными им инструкциями; г) разверстание угодий производить лишь на основе добровольного соглашения; д) в инфляндских уездах Витебской губ. снизить размер

крестьянских платежей таким образом, чтобы крестьяне не платили более того, что с них взыскивалось до составления уставных грамот; е) разрешить в ближайшем будущем вопрос о наделении «вольных людей» землей, имея в виду их бедственное положение; ж) предоставить генерал-губернатору право устанавливать рассрочку в уплате оброков без пени в случаях, когда размеры этих оброков не пересмотрены еще поверочными комиссиями.

Муравьев рекомендовал открыть народные школы, руководимые православным духовенством, причем обучение в них должно вестись только на русском языке. Для возвышения значения православного духовенства Муравьев предлагал увеличить жалованье священникам, создать новые приходы, открыть в крае высшие духовные училища, а также ликвидировать католические монастыри. Наконец, в области общеадминистративных мер генерал-губернатор рекомендовал повсеместно ввести русский язык, заместить все должности русскими чиновниками, заселять край русскими и т. д.

Ознакомившись с запиской, Александр II предложил обсудить ее в Западном комитете в присутствии Муравьева «не теряя времени». Западный комитет обсуждал записку в заседаниях 17 и 19 мая 1864 г. Как следует из журнала заседания, Комитет, «вполне соглашаясь в основаниях с мнением генерала-от-инфантерии Муравьева, находит не подлежащим никакому сомнению признание Западного края русским, составляющим древнее достояние России» (там же, л. 87). При обсуждении всех указанных мер члены Комитета в основном согласились с представленными предложениями, внеся в них ряд поправок.

Наиболее существенной из них являлось предложение обсудить вопросы, связанные с положением крестьянства, совместно с Главным комитетом об устройстве сельского состояния.

При обсуждении общеадминистративных мер в Комитете возникло разногласие по поводу предложения Муравьева об установлении процентной нормы (10%) для поляков при поступлении в русские учебные заведения. Три члена Комитета — В. А. Долгоруков, А. А. Зеленой, М. Н. Муравьев, а также приглашенный на заседание Н. А. Милютин — высказались за установление 10% нормы. Остальные же члены Комитета — П. П. Гагарин, М. Д. Горчаков, Д. А. Милютин, П. А. Валуев, М. Ф. Рейтерн, А. В. Головнин, А. П. Ахматов — считали неудобным и нецелесообразным устанавливать подобную норму, имея к тому же в виду, что «предположенное ограничение числа воспитанников польского происхождения определенной цифрой имело бы вид явного притеснения и только усугубило бы существующее уже раздражение в польской части народонаселения империи» (л. 107).

Александр II утвердил мнение меньшинства, «как меру временную, впредь до дальнейшего усмотрения».

288. Имеется в виду вся система мер, проводимых генерал-губернатором северо-западных губерний М. Н. Муравьевым по подавлению польского национально-освободительного движения.

288а. Имеются в виду «Mémoire d'un ministre du tresor public 1780—1815». Paris, 1845.

289. «L'ancien régime et la révolution» — одно из известных произведений французского писателя и государственного деятеля Токвиля. Первый том был издан в Париже в 1856 г. Этот труд был посвящен вопросам крушения феодализма, разложения «старого порядка» и французской революции конца XVIII в.

289а. 1 июня 1864 г. общее собрание рассматривало журнал соединенных Департаментов законов и государственной экономии по вопросу об учреждении в Петербурге Главного попечительного совета для начальных народных школ.

В общем собрании, так же как и в соединенных департаментах, произошло разногласие. 19 членов, в том числе и Валуев, считали ненужным создавать этот совет, полагая, что наблюдение за народными училищами будет осуществляться местными губернскими советами под председательством архиерея, а также и уездными советами, которые предполагалось создать в будущем. 14 же членов настаивали на создании Главного попечительного совета. Александр II утвердил мнение большинства.— ЦГИАЛ, ф. 1149, д. 66 за 1863 г.

290. Под «киевскими делами» подразумеваются разногласия, происходившие между генерал-губернатором Н. Н. Анненковым, являвшимся президентом Временной комиссии юго-западного края, и вице-президентом этой комиссии Г. П. Галаганом.

Временная комиссия была создана для проведения в жизнь крестьянской реформы, точнее, для поверки уставных грамот в соответствии с законом 30 июля 1863 г. Разногласия вызывались тем, что Г. П. Галаган вместе с членами комиссии ставили вопрос об общем понижении выкупных платежей и предлагали ряд мер, против которых решительно выступал Н. Н. Анненков (см. письмо Г. П. Галагана к П. А. Валуеву 4 июня 1864 г., а также выписки из письма П. А. Валуева Г. П. Галагану.— ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 1, д. 60, лл. 23—31). Во «всеподданнейшей» записке о положении дел в Киеве от 17 сентября 1864 г. Валуев, характеризуя положение, возникшее при реализации закона 30 июля 1863 г., писал: «Разлад между генерал-губернатором и некоторыми членами Временной комиссии, особенно с ее вице-председателем Г. П. Галаганом, дошел почти до явного разрыва, вызвал взаимное ожесточение, составляет публичный факт и обнаруживает самое неблагоприятное влияние на действия в крестьянском деле инстанций... Причины этих прискорбных явлений многосложны и разнообразны. К крайнему сожалению, нельзя не признать, что одна из первых и главных заключается в способе действий главного начальника края... С другой стороны, далеко нельзя признать правильными и действия членов комиссии, особенно тех, которые в ней составляют большинство, часто не согласное с мнением генерал-губернатора» (ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 1, д. 314, лл. 1—4).

291. 16 июня 1864 г. на Охтенском заводе около 2 час. 30 мин. дня от неизвестной причины произошел взрыв. В результате взрыва 6 рабочих было убито и 30 ранено. См. «Северная пчела», 18 июня 1864 г.

291а. 22 июня Общее собрание Государственного совета рассматривало проект устава гимназий и прогимназий. 5 членов Совета, полагая, что изучение древних языков необходимо лишь незначительному числу лиц, считали целесообразным сохранить древние языки только в половине общего числа гимназий. Большинство же, состоящее из 23 членов, в числе которых был и Валуев, указывали на большое значение преподавания древних языков и считали невозможным заранее определить число классических и реальных гимназий, полагая целесообразным руководствоваться «указаниями потребности нашего общества в тех и других» (ЦГИАЛ, ф. 1149, д. 38 за 1864, л. 147). Александр II утвердил мнение большинства.

Помимо этого вопроса, возникли разногласия еще по двум вопросам: о включении в учебные планы гимназического курса преподавания законоведения (отвергнуто Александром II) и о гимназических пансионах.

292. Киссинген — немецкий курорт, находившийся в Баварии, где обычно проводил летние месяцы Александр II.

293. По-видимому, родственница П. А. Валуева.

294. В заседании Главного комитета об устройстве сельского состояния 18 июля 1864 г. рассматривалась жалоба временнообязанных крестьян села Вакина и деревни Шушпановой Зарайского у. Рязанской

губ. на их помещицу гр. Толстую (жену гр. Д. А. Толстого). Жалоба заключалась в том, что помещица требовала с крестьян завышенный оброк, а также отрезала у них 463 десятины земли, что, по их мнению, противоречило закону. В защиту крестьян выступила группа прогрессивных юристов во главе с А. М. Унковским. Министерство внутренних дел в жалобе крестьян отказало. При рассмотрении дела в Главном комитете произошли разногласия. Два члена (Н. И. Бахтин и К. В. Чевкин) считали жалобу крестьян в отношении оброка правильной и полагали необходимым установить оброк в соответствии с нормами Положений 19 февраля. Шесть членов (кн. П. П. Гагарин, гр. В. Ф. Адлерберг, гр. В. Н. Панин, А. А. Зеленой, П. А. Валуев, Д. Н. Замятнин) считали жалобу крестьян неосновательной. Комитет признал дело недостаточно ясным и поручил Рязанскому губернскому по крестьянским делам присутствию собрать необходимые сведения по делу. 10 августа 1864 г. Александр II утвердил мнение Комитета.— См. ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. XV, д. 29, 81 за 1864 г.; ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 63; «Отечественные записки», 1862, № 9 и 11.

295. Начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением Александр Львович Потапов в 1864 г. был назначен помощником виленского, ковенского, гродненского и минского генерал-губернатора.

295а. Эта записка, датированная 8 августа, находится в фонде Александра II (ЦГИАМ, д. 1133, лл. 2—4). В ней Валуев сообщал царю данные о народонаселении западных губерний, составленные в статистическом комитете Министерства внутренних дел. «Цифры, заключающиеся в справке и печатных таблицах,— писал он,— неопровержимо доказывают, по моему крайнему разумению, несостоятельность крайних взглядов, подобных взгляду генерал-майора Черткова, и того предположения, будто необходимо и возможно замещать русскими все или почти все должности на западной окраине империи. Необходимо усилить в таких местностях русский элемент и продолжать систематически его усиливать. Необходимо, чтобы никакая отрасль государственной службы нигде не находилась исключительно в руках нерусских чиновников. Но далее идти не позволяют данные элементы населения империи. Нельзя выбросить из России 850 тысяч поляков и нельзя заставить всех уроженцев Западного края служить, например, в Приволжском, а уроженцев Приволжского в Западном. Осмеливаюсь всеподданнейше просить ваше величество удостоить внимания вопрос, почему представители тех крайних взглядов, о которых я упоминаю, не основывают их на положительных цифрах, не дают себе труда справок и статистических выводов, и большею частью довольствуются общими оборотами речи? В нашем ультрапатриотизме есть прискорбная черта. Он склонен говорить языком ненависти, а ненависть не правительственное и не государственное чувство...» (там же, лл. 2—3).

В заключение Валуев указывал, что все это относится не только к Западному краю (т. е. к Польше), но также целиком применимо и к Прибалтийскому. «Ныне,— писал он,— я осмеливаюсь говорить в его пользу; но вашему величеству известно, что, находясь в нем, я не пренебрегал интересами и достоинством правительства. Я настоял на введении русского языка в должной мере в дела Курляндского губернского правления. Вашему величеству благоугодно было меня поддержать при столкновении с неуместными притязаниями дворянства. Но я и в то время не говорил языком племенной вражды и ненависти, и не спрашивал тех крайних, неразборчивых и неисполнимых на практике мер, которые ныне многими так легко признаются и необходимыми и удобовозможными» (там же, л. 3).

296. Находившийся в Киеве сын П. А. Валуева Александр Петрович

Валуев был болен и скончался в 1864 г. Второй сын, сопровождавший Александра, Петр Петрович.

297. 19 августа 1864 г. в Симбирске произошел пожар, распространившийся вследствие бури на значительную часть города. В материалах следственного дела никаких оснований для обвинения в поджоге поляков не имеется.— ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии 95, оп. 1, д. 160 «О пожарах, бывших в г. Симбирске в 1864 г.», д. 159, 172.

298. Сущность «пермского дела» заключалась в следующем. Уставные грамоты в Пермской губ. были составлены в отступление от Положений 19 февраля 1861 года не на каждое сельское общество, а на целые волости, состоящие из 50—90 селений, именовавшиеся до реформы земскими. При этом границы наделов не были точно обозначены. Это, естественно, составило большое неудобство и крайне тяжело отразилось на положении крестьян. В связи с переводом крестьян на выкуп в Пермском губернском по крестьянским делам присутствии произошли в связи с этим разногласия. Большинство не видело в подобном составлении грамот каких-либо существенных недостатков и полагало возможным переводить крестьян на выкуп без точного обозначения границ их наделов. Меньшинство же считало подобное положение ненормальным, полагая, что без точного обозначения крестьянских наделов невозможно осуществить перевод крестьян на выкуп. Министерство внутренних дел поддержало точку зрения большинства. В записке П. А. Валуева указывалось на возможность осуществить обязательный выкуп в вотчинных имениях Пермской губ. на основании «облегчительных правил». Согласно этим правилам, предполагалось, что если крестьяне «не предъявят спора, что в их действительном пользовании находилось до обнародования Положений не менее высшего надела, а помещик обяжется при последующей вырезке этого полного надела из состоящих ныне в пользовании крестьян угодий предоставить выбор угодий самим крестьянам» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. XV, д. 102 за 1864 г., л. 8). Выкуп допускался без точного обозначения границ крестьянских усадеб. «Таким образом,— указывалось в заключении министра внутренних дел,— крестьяне на первое время выкупают не определенные участки земли, а собственно только известное количество ее на душу в тех местах, где они сами укажут» (там же).

Министерство финансов заняло другую позицию, считая невозможным перевод крестьян на выкуп без обозначения границ владений. «Выкуп неизвестных наделов,— писал министр финансов,— для коих не указаны не только точные, но по большей части н и к а к и е границы, составляя прямое нарушение Положения 19 февраля, не представит для казны обеспечения в выкупной операции» (там же, л. 60).

4 сентября 1864 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния рассматривал этот вопрос, но не пришел к какому-либо решению, предложив министерствам внутренних дел и финансов «войти вновь в обсуждение сего дела, приняв при этом в соображение прочитанные в означенном заседании комитета вопросы» (там же, л. 210).

Окончательно вопрос был решен только в 1865 г. Главный комитет на заседаниях 3 и 31 мая поддержал соображения министра финансов и принял решение, предусматривавшее в случае настояния крестьян выделить их в сельские общества и составить дополнительный акт к уставной грамоте. При жалобе крестьян предусматривалась поверка размера наделов, а также повинностей (там же, лл. 294—318).

299. Совещание это, по-видимому, носило частный характер, так как ни в фонде Главного комитета об устройстве сельского состояния, ни в фондах Совета министров и Комитета министров не нашло своего отражения.

300. На заседании Кавказского комитета 28 августа 1864 г. слуша-

лось дело о сооружении Закавказской железной дороги. Еще в августе 1861 г. наместник Кавказа кн. А. И. Барятинский поставил вопрос о необходимости соединить Черное и Каспийское моря. Однако тогда этот вопрос был отложен из-за отсутствия необходимых капиталов. На заседании 28 августа 1864 г. было одобрено предложение кн. Барятинского о строительстве железной дороги, при этом подчеркивалось ее большое стратегическое и экономическое значение. «В экономическом и торговом отношениях,— говорилось в решении Комитета,— сооружение предполагаемой железной дороги представит, между прочим, несомненно возможность перенести в Закавказье транзитный путь, которым совершается вся европейская торговля со Средней Азией». Сначала предполагалось построить участок дороги от Поти до Тифлиса. При этом Комитет считал, что льготы и гарантии, предоставляемые иностранным капиталистам, должны быть «менее значительны тех льгот и гарантий, кои дарованы обществу капиталистов, предложившему сооружение железной дороги от Москвы до Севастополя».— См. ЦГИАЛ, ф. Кавказского комитета 1268, оп. 26, д. 27 «Журнал заседания Комитета, № 6 от 28 августа 1864 г.», лл. 268—277.

300а. Имеется в виду отчет министра внутренних дел за 1861—1863 гг. (см. ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел 1284, оп. 66 д. 11 за 1862 г.). Отчет обсуждался комиссией при Государственном совете, журнал которой рассматривался 9 ноября 1865 г. в Комитете министров (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 1263 ст. 1093). Резолюция Александра II по отчету гласила: «Никто более не оценяет неутомимую деятельность Министра внутренних дел, как я, и я рад вновь повторить ему мою искреннюю благодарность» (там же, л. 636).

301. Имеется в виду вел. кн. Константин Николаевич.

302. Реакционный публицист, близкий к кругам III отделения, бар. Фиркс (Шедо-Ферроти) в 1864 г., издал брошюру «Que fera-t-on de la Pologne». В этой брошюре, инспирированной министром народного просвещения А. В. Головниным, находившимся в весьма близких отношениях с вел. кн. Константином Николаевичем, апологетически изображалась деятельность последнего в качестве наместника Царства Польского.

Об этом косвенно говорит в своих записках и сам А. В. Головнин. Так, в своих неизданных «Материалах для будущих историков государственного управления в России» он писал по этому поводу: «События в Польше в 1862 г. и 1863 г. имели следствием большое озлобление части общества в России против вел. кн. и обвинение его в покровительстве полякам во вред России». Головнин желал, чтобы «к вел. князю отнеслись с беспристрастием и справедливостью. Фиркс в это самое время сообщил Головнину, что пишет брошюру об отношениях Польши к России, и просил материалов; Головнин с радостью воспользовался этим обстоятельством и доставил Фирксу сведения о деятельности вел. кн. Константина Николаевича в Польше. Фиркс составил из них особую главу и эта глава была единственною публикациею, единственным голосом... в защиту великого князя» (ЦГИАЛ, ф. А. В. Головнина 851, оп. 1, д. 16, лл. 38—39).

Брошюра Шедо-Ферроти была направлена против М. Н. Каткова, занимавшего в польском вопросе крайне шовинистическую позицию и порицавшего деятельность вел. кн. Константина Николаевича. После выхода брошюры М. Н. Катков выступил со статьей, помещенной в «Московских ведомостях» 6 сентября 1864 г., с резкой отповедью А. В. Головнину, который весьма энергично способствовал распространению брошюры Шедо-Ферроти.— См. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, стр. 353—356; а также ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 1 эксп., д. 199 за 1864 г. «О сочинениях г. Шедо-Ферроти».

303. В 1864 г. С. Р. Жданов был отправлен в Симбирск для выяснения причин пожара. См. комментарий 297.

304. Имеется в виду товарищ министра внутренних дел Александр Григорьевич Тройницкий.

305. 5 ноября 1864 г. в Совете министров рассматривалась записка кн. П. П. Гагарина о введении в действие новых судебных уставов. Комиссия, созданная для этой цели при Государственной канцелярии под его председательством, пришла к заключению, что новые уставы по ряду причин не могут быть введены в действие в полном объеме одновременно во всех губерниях. Комиссия считала целесообразным ввести повсеместно в действие в первую очередь институт мировых судей, которые должны заменить мировых посредников. На заседании была оглашена записка министра юстиции Замятнина, придерживавшегося другого взгляда и полагавшего, что введение судебных уставов будет успешным лишь тогда, когда они будут вводиться в полном объеме на первое время в одной или нескольких местностях. Записка Гагарина по указанию Александра II была одобрена в Комиссии, однако в дальнейшем судебные уставы вводились в порядке, предложенном Замятниным.— ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 58.

305а. 12 ноября 1864 г. в Совете министров обсуждалась записка П. А. Валуева о порядке составления и сроке представления прибалтийским генерал-губернатором соображений относительно преобразования судебных учреждений.

В апреле 1863 г. государственный секретарь обратился к прибалтийскому генерал-губернатору бар. Ливену с просьбой представить свои соображения относительно применения основных положений судебных уставов в трех прибалтийских губерниях. Ливен счел необходимым для рассмотрения этого вопроса создать особую комиссию в г. Дерпте из представителей сословий (дворянства и горожан). Вследствие этого генерал-губернатор не смог представить к намеченному сроку к 1 декабря 1864 г. свои соображения.

Валуев в своем докладе пытался оправдать Ливена, доказывая, что создание комиссии хотя и не было предусмотрено правительством, но полностью соответствовало практике обсуждения различных проектов в Прибалтийском крае. Вследствие этого срок представления Ливеном своих соображений устанавливался к 1 ноября 1865 г. Александр II утвердил это решение.— ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 59.

306. О перипетиях взаимоотношений редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и цензуры см. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг., стр. 345—374.

307. В фонде П. А. Валуева в ЦГИАЛ сохранился «Отчет Рижского архиепископа Платона по случаю произведенного им в 1864 г. обозрения Рижской епархии». В отчете, написанном с ультрашовинистических позиций, отмечалось тяжелое положение православного духовенства и притеснения православных со стороны лютеранской церкви. По мнению Платона, это объяснялось тем, что во главе Прибалтийского генерал-губернаторства стоял лютеранин (бар. В. К. Ливен). Платон выдвинул план широких мероприятий, ставивших целью полную русификацию Латвии. Для улучшения положения православного духовенства предлагалось предоставить в распоряжение рижской епархии несколько казенных имений. Архиепископ рекомендовал учредить Главное попечительство, возглавляемое генерал-губернатором и состоящее из губернского начальства, в том числе и штаб-офицера корпуса жандармов, для рассмотрения жалоб на притеснения православных крестьян. Кроме того, он считал необходимым предоставить православным священникам право выступать посредниками по тяжебным делам между их прихожанами и лютеранами и категорически запретить переход православных латы-

шей (насильственно переведенных в свое время в православие) в лютеранство, тех же, кто будет упорствовать, переселить внутрь империи в немецкие колонии вместе с пасторами — ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева 908, оп. 2, д. 16, лл. 39—40.

308. 15 декабря 1864 г. в Комитете железных дорог рассматривался вопрос о направлении строящейся железной дороги Москва — Одесса. На заседании Комитета произошли разногласия. Пять членов Комитета (П. Е. Коцебу, Э. Н. Тотлебен, Ф. М. Веригин, М. Х. Рейтерн, бар. К. К. Унгерн) считали необходимым строить дорогу через Кременчуг — Харьков. Шесть же других членов (К. В. Чевкин, Н. Н. Анненков, П. П. Мельников, А. А. Зеленой, Э. И. Герстфельд, П. А. Языков) указывали на целесообразность строительства дороги через Киев. 26 декабря этот вопрос рассматривался на заседании Совета министров, где В. А. Бобринский изложил свою записку о развитии железных дорог на юге России. На заседании Совета министров снова не было достигнуто единогласного мнения. 12 членов (В. А. Бобринский, А. М. Горчаков, П. А. Валуев, Н. К. Краббе, П. А. Урусов, В. А. Долгоруков, вел. кн. Константин Николаевич и Николай Николаевич, принц П. Г. Ольденбургский, А. В. Головнин, П. Е. Коцебу, М. Х. Рейтерн) высказались за харьковское направление, восемь (К. В. Чевкин, П. П. Мельников, Н. Н. Анненков, В. Ф. Адлерберг, П. П. Гагарин, И. М. Толстой, В. А. Татаринов, Д. Н. Замятнин) — за киевское. Александр II утвердил мнение 12 членов.— См. ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, оп. 1, д. 61. В деле находится и записка гр. Бобринского (лл. 118—121).

Содержание

Дневник П. А. Валуева
министра внутренних дел
(1861—1864)

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Юхт*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР 54-83В Сдано в набор 13/XII 1960 г.
Подписано к печати 16/III 1961 г. Т-03819 Формат 60×92$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 26,5 +1 вкл. Уч.-изд. л. 28,7+0,1 вкл. Изд. № 5185 Тип. зак. 1298
Тираж 8000 экз.

Цена 1 р. 90 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
89	27 св.	[Leu...?]	Levasseur
222	13—14 св.	как и сам	как я сам
239	22 св.	Доклад государю	Доклад государю>[....]
257	8 св.	св. Георгия	св. Георгия [259а]
259	21 св.	srûment qu'on neme	sûrment qu'on ne me
268	5 сн.	hlind	blind
268	8 сн.	dewn	down
270	16 св.	Платову	Платону
364	22 св.	Тапеев	Танеев
367	28 св.	т. 36 № 366	т. 36 № 36667—36668

Зак. 1298

2007053003